В постели с Елизаветой

АННА УАЙТЛОК

ИНТИМНАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Анна Уайтлок занимает почетное место среди ведущих и самых читаемых историков династии Тюдоров. Личность Елизаветы I Английской и эпоху ее правления автор рассматривает под неожиданным углом, позволяя читателю заглянуть в святая святых королевы – ее личные покои, где действуют не только и не столько ее фавориты, но самые близкие к ней люди – камер-фрейлины. Эти дамы обладали значительной властью и влиянием, способны были что-то подсказать королеве. Они видели Елизавету без прикрас, одевали ее, готовили для нее косметические средства, ухаживали во время болезни и часто спали с ней в одной постели. Перед нами увлекательная, со многими подробностями, основанными на документах, дневниках очевидцев, письмах и памфлетах, биография одной из самых великих правительниц мира.

- Анна Уайтлок
  -
  - От автора
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Эпилог
- Список сокращений в примечаниях и библиографии
- Библиография
    - Unpublished Sources

        - Published Sources
    - Благодарность
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40
    - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129

- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173

- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217

- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261

- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305

- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349

- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393

- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437

- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481

- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525

- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569

- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613

- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657

- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701

- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745

- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789

- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833

- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877

- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921

- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965

- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009

- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040
- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053

- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066
- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070
- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073
- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077
- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084
- ○ 1085
- ○ 1086
- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095
- ○ 1096
- ○ 1097

- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103
- ○ 1104
- ○ 1105
- ○ 1106
- ○ 1107
- ○ 1108
- ○ 1109
- ○ 1110
- ○ 1111
- ○ 1112
- ○ 1113
- ○ 1114
- ○ 1115
- ○ 1116
- ○ 1117
- ○ 1118
- ○ 1119
- ○ 1120
- ○ 1121
- ○ 1122
- ○ 1123
- ○ 1124
- ○ 1125
- ○ 1126
- ○ 1127
- ○ 1128
- ○ 1129
- ○ 1130
- ○ 1131
- ○ 1132
- ○ 1133
- ○ 1134
- ○ 1135
- ○ 1136
- ○ 1137
- ○ 1138
- ○ 1139
- ○ 1140
- ○ 1141

- ○ 1142
- ○ 1143
- ○ 1144
- ○ 1145
- ○ 1146
- ○ 1147
- ○ 1148
- ○ 1149
- ○ 1150
- ○ 1151
- ○ 1152
- ○ 1153
- ○ 1154
- ○ 1155
- ○ 1156
- ○ 1157
- ○ 1158
- ○ 1159
- ○ 1160
- ○ 1161
- ○ 1162
- ○ 1163
- ○ 1164
- ○ 1165
- ○ 1166
- ○ 1167
- ○ 1168
- ○ 1169
- ○ 1170
- ○ 1171
- ○ 1172
- ○ 1173
- ○ 1174
- ○ 1175
- ○ 1176
- ○ 1177
- ○ 1178
- ○ 1179
- ○ 1180
- ○ 1181
- ○ 1182
- ○ 1183
- ○ 1184
- ○ 1185

- ○ 1186
- ○ 1187
- ○ 1188
- ○ 1189
- ○ 1190
- ○ 1191
- ○ 1192
- ○ 1193
- ○ 1194
- ○ 1195
- ○ 1196
- ○ 1197
- ○ 1198
- ○ 1199
- ○ 1200
- ○ 1201
- ○ 1202
- ○ 1203
- ○ 1204
- ○ 1205
- ○ 1206
- ○ 1207
- ○ 1208
- ○ 1209
- ○ 1210
- ○ 1211
- ○ 1212
- ○ 1213
- ○ 1214
- ○ 1215
- ○ 1216
- ○ 1217
- ○ 1218
- ○ 1219
- ○ 1220
- ○ 1221
- ○ 1222
- ○ 1223
- ○ 1224
- ○ 1225
- ○ 1226
- ○ 1227
- ○ 1228
- ○ 1229

- ○ 1230
- ○ 1231
- ○ 1232
- ○ 1233
- ○ 1234
- ○ 1235
- ○ 1236
- ○ 1237
- ○ 1238
- ○ 1239
- ○ 1240
- ○ 1241
- ○ 1242
- ○ 1243
- ○ 1244
- ○ 1245
- ○ 1246
- ○ 1247
- ○ 1248
- ○ 1249
- ○ 1250
- ○ 1251
- ○ 1252
- ○ 1253
- ○ 1254
- ○ 1255
- ○ 1256
- ○ 1257
- ○ 1258
- ○ 1259
- ○ 1260
- ○ 1261
- ○ 1262
- ○ 1263
- ○ 1264
- ○ 1265
- ○ 1266
- ○ 1267
- ○ 1268
- ○ 1269
- ○ 1270
- ○ 1271
- ○ 1272
- ○ 1273

- ○ 1274
- ○ 1275
- ○ 1276
- ○ 1277
- ○ 1278
- ○ 1279
- ○ 1280
- ○ 1281
- ○ 1282
- ○ 1283
- ○ 1284
- ○ 1285
- ○ 1286
- ○ 1287
- ○ 1288
- ○ 1289
- ○ 1290
- ○ 1291
- ○ 1292
- ○ 1293
- ○ 1294
- ○ 1295
- ○ 1296
- ○ 1297
- ○ 1298
- ○ 1299
- ○ 1300
- ○ 1301
- ○ 1302
- ○ 1303
- ○ 1304
- ○ 1305
- ○ 1306
- ○ 1307
- ○ 1308
- ○ 1309
- ○ 1310
- ○ 1311
- ○ 1312
- ○ 1313
- ○ 1314
- ○ 1315
- ○ 1316
- ○ 1317

- ○ 1318
- ○ 1319
- ○ 1320
- ○ 1321
- ○ 1322
- ○ 1323
- ○ 1324
- ○ 1325
- ○ 1326
- ○ 1327
- ○ 1328
- ○ 1329
- ○ 1330
- ○ 1331
- ○ 1332
- ○ 1333
- ○ 1334
- ○ 1335
- ○ 1336
- ○ 1337
- ○ 1338
- ○ 1339
- ○ 1340
- ○ 1341
- ○ 1342
- ○ 1343
- ○ 1344
- ○ 1345
- ○ 1346
- ○ 1347
- ○ 1348
- ○ 1349
- ○ 1350
- ○ 1351
- ○ 1352
- ○ 1353
- ○ 1354
- ○ 1355
- ○ 1356
- ○ 1357
- ○ 1358
- ○ 1359
- ○ 1360
- ○ 1361

- ○ 1362
- ○ 1363
- ○ 1364
- ○ 1365
- ○ 1366
- ○ 1367
- ○ 1368
- ○ 1369
- ○ 1370
- ○ 1371
- ○ 1372
- ○ 1373
- ○ 1374
- ○ 1375
- ○ 1376
- ○ 1377
- ○ 1378
- ○ 1379
- ○ 1380
- ○ 1381
- ○ 1382
- ○ 1383
- ○ 1384
- ○ 1385
- ○ 1386
- ○ 1387
- ○ 1388
- ○ 1389
- ○ 1390
- ○ 1391
- ○ 1392
- ○ 1393
- ○ 1394
- ○ 1395
- ○ 1396
- ○ 1397
- ○ 1398
- ○ 1399
- ○ 1400
- ○ 1401
- ○ 1402
- ○ 1403
- ○ 1404
- ○ 1405

- ○ 1406
- ○ 1407
- ○ 1408
- ○ 1409
- ○ 1410
- ○ 1411
- ○ 1412
- ○ 1413
- ○ 1414
- ○ 1415
- ○ 1416
- ○ 1417
- ○ 1418
- ○ 1419
- ○ 1420
- ○ 1421
- ○ 1422
- ○ 1423
- ○ 1424
- ○ 1425
- ○ 1426
- ○ 1427
- ○ 1428
- ○ 1429
- ○ 1430

Анна Уайтлок
В постели с Елизаветой. Интимная история английского королевского двора

Посвящается Кейт

Уверяю вас, мы, государи, стоим словно на подмостках, и весь мир пристально наблюдает за нами… самые маленькие пятнышки на нашей одежде бросаются в глаза, любой изъян в наших поступках тут же замечают.

Елизавета I [1]

Он добровольно, искренне и с пылкой убежденностью поклялся, что никогда не знал ее в плотском смысле, и таково же было мнение моей матери, которая на протяжении 20 лет служила камер-фрейлиной ее величества и часто делила с королевой постель.

Джон Харингтон, крестник королевы, о ее отношениях с сэром Кристофером Хаттоном [2]

Положение нашей страны зависит от существования только одного человека, нашей повелительницы.

Уильям Сесил, лорд Бёрли [3]

ANNA WHITELOCK
ГНЕ QUEEN'S BED

Copyright © 2013 by Anna Whitelock

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

От автора

Во всех случаях, кроме особо оговоренных, даты приводятся по старому стилю – то есть по юлианскому календарю, введенному в 45 г. до н. э. В феврале 1582 г. папа Григорий XIII ввел новое летоисчисление; согласно папской булле, после 4 октября 1582 г. следовало 15 октября, а новый год должен был начинаться 1 января, а не 25 марта, в день Благовещения, как раньше. Англия, не признававшая папской власти, не приняла новый григорианский календарь, и до 1751 г. английское летоисчисление на 10 дней отставало от летоисчисления католических стран Европы.

Все цитаты приводятся в современном варианте написания.

Пролог
Злонамеренная клевета

Тринадцатилетняя Елизавета отличалась серьезностью и поразительной красотой. Современники восхищались ее белой кожей, золотисто-рыжими волосами, тонким лицом и проницательными угольно-черными глазами. На портрете того времени художник изобразил ее в алом парчовом платье с длинными, широкими рукавами и пышной юбкой, богато украшенной золотым шитьем.[4] Тесный лиф едва заметно подчеркивает грудь расцветающей девушки. На голове у Елизаветы так называемый арселе, или «французский чепец». На шее – жемчужное ожерелье. Головной убор, платье и нижняя рубаха также расшиты жемчугом – символом девственности. Ее длинные тонкие пальцы, унизанные кольцами, сжимают молитвенник с лентой вместо закладки. Она стоит перед кроватью; ее фигура выделяется резким контрастом на фоне задернутых темных штор.

Именно здесь, в спальне Елизаветы, произошло одно из самых важных для формирования ее личности событий. Именно в спальне впервые в жизни девушки ее непорочность подверглась сомнению, ее тело стало предметом слухов и домыслов, а постель – тем местом, где она, как считалось, утратила свое доброе имя.

В январе 1547 г., после смерти Генриха VIII, юная Елизавета поселилась со своей мачехой Катериной Парр в поместье Олд-Манор в Челси, на берегу Темзы. В предшествующие годы Катерина и Елизавета очень подружились; их объединяли общие духовные и религиозные интересы.[5] Однако вскоре дружба мачехи и падчерицы подверглась суровому испытанию. В апреле, всего через четыре месяца после кончины Генриха, Катерина Парр вышла замуж за Томаса Сеймура, дядю юного Эдуарда VI и брата Эдварда Сеймура, герцога Сомерсета, лорда-протектора при молодом короле.[6] Томас Сеймур был моложавым и привлекательным холостяком. Высокий, хорошо сложенный, с золотисто-каштановыми волосами и бородой, Сеймур славился пылкостью натуры и неуемным тщеславием. Первоначально он рассчитывал жениться либо на принцессе Марии, либо на принцессе Елизавете, чтобы с их помощью подняться к вершинам власти, но, поняв, что Тайный совет не даст своего согласия на такой брак, Сеймур решил обратить свой взор на следующее по важности лицо – вдовствующую королеву Катерину Парр. Ходили слухи, что еще до того, как Катерина вышла за Генриха VIII, она

была влюблена в Сеймура. С ее стороны Сеймур сопротивления не встретил. Они тайно обвенчались в середине апреля 1547 г., и Сеймур стал отчимом Елизаветы. Он поселился в Челси вместе с принцессой и Катериной. Весь следующий год по утрам отчим регулярно заходил в спальню Елизаветы. Он отпирал дверь и тихо проникал в комнату падчерицы. Если принцесса не спала, он «желал ей доброго утра», спрашивал, как она себя чувствует, и «фамильярно хлопал ее по заду». Если Елизавета еще лежала в постели, он отдергивал полог и «притворялся, будто вот-вот набросится на нее», а она забивалась в самый дальний угол. Однажды утром, когда он попытался поцеловать лежавшую в постели Елизавету, Кэт Эшли,[7] наставница, растившая принцессу с детства, «пристыдила его и прогнала».[8] Однако встречи продолжались. Однажды, когда все домочадцы находились в его лондонском поместье, Сеймур нанес Елизавете очередной утренний визит в ее спальне. Он пришел «с голыми ногами», облаченный лишь в ночную рубаху и халат. Кэт Эшли сделала ему выговор за «такой неприличный вид в девичьих покоях», и он в гневе выбежал прочь.[9] В мидлсекском поместье Хенуорт, также принадлежавшем Катерине Парр, вдовствующая королева навещала Елизавету по утрам вместе с Сеймуром. Однажды они оба щекотали лежавшую в постели принцессу. В тот же день в саду Сеймур разрезал платье Елизаветы на мелкие кусочки, а Катерина держала ее.[10]

Соучастие Катерины в делах мужа озадачивает больше, чем что-либо другое. Вскоре после свадьбы она забеременела; возможно, в силу своего положения она стала более ревнивой, и ревность толкала ее на отчаянные шаги. Возможно, принимая участие в сомнительных играх Сеймура, она пыталась сохранить его любовь к себе. Может быть, она боялась, что у Елизаветы развилось нечто вроде девичьего влечения к отчиму. Как бы там ни было, забавы мужа вскоре надоели Катерине, и в мае 1548 г. Елизавету послали жить к сэру Энтони Денни и его жене Джоан в замок Чезент в графстве Хартфордшир. Денни был видным членом правительства при Эдуарде, а Джоан приходилась родной сестрой Кэт Эшли. Перед тем как Елизавета покинула дом мачехи, Катерина, которая тогда была на шестом месяце беременности, многозначительно предупредила падчерицу о том, сколь пагубными могут оказаться сплетни для ее доброго имени.[11] В Чезенте Елизавету держали в уединении; поползли слухи о том, что она ждет ребенка от Томаса Сеймура. Кэт Эшли сообщала, что принцессе всего лишь нездоровится, однако сплетни продолжались. По словам местной повитухи, как-то вечером ее увели из дома с завязанными глазами, чтобы помочь

какой-то даме «в богатом доме». Она вошла в комнату, освещенную свечами, и увидела на постели «очень красивую молодую леди», у которой начались роды. Повитуха утверждала, что родившегося ребенка убили, ей же велели хранить все произошедшее в тайне. Она заподозрила, что молодая дама занимала очень высокое положение. Зная, что Елизавета живет совсем недалеко, в Чезенте, повитуха решила, что принимала роды у принцессы.[12]

5 сентября Катерина Парр родила дочь, которую назвали Мэри. Через неделю после родов мать умерла от родильной горячки.[13] Томас Сеймур быстро забыл жену и вспомнил о своих политических амбициях. Он снова вознамерился жениться на принцессе Елизавете. Кэт Эшли, ранее не одобрявшая поведения Сеймура, так как он был женат, стала пылкой сторонницей брака между Сеймуром и своей юной подопечной. Но когда лорд-протектор герцог Сомерсет узнал об изменнических намерениях родного брата, Сеймура арестовали и обвинили в заговоре с целью свержения правительства протектора и женитьбы на наследнице престола.[14] Через несколько дней Кэт Эшли и сэра Томаса Парри, государственного казначея, доставили в Тауэр, где их допросил сэр Роберт Тируит, служивший главным конюшим при дворе Катерины Парр. Тируит желал знать, что им известно о злоумышлениях Сеймура и его желании жениться на Елизавете. Когда принцессе рассказали о том, что близкие ей люди арестованы, она «невероятно смутилась и очень долго рыдала». Допросы продолжались; в то же время усилились слухи о том, что Елизавета беременна от своего отчима. В пылком письме к лорду-протектору Сомерсету от 28 января принцесса отрицала все обвинения и требовала, чтобы Тайный совет немедленно предпринял шаги по предотвращению распространения таких злостных слухов: «Мастер Тируит и другие сообщили мне о слухах, которые ходят за границей… Они подвергают сомнению и мою честь, и мою искренность… будто бы я в Тауэре и жду ребенка от лорд-адмирала». Подобные слухи Елизавета назвала «злонамеренной клеветой», которую Тайный совет должен публично осудить. Елизавета обратилась к лорду-протектору с петицией: она просит дозволения явиться ко двору, где она покончит с ложными обвинениями и докажет, что не ждет ребенка.[15]

Кэт Эшли посадили в одну из самых мрачных и неудобных камер Тауэра в попытке сломить ее дух и вынудить к признанию. Она умоляла, чтобы ее перевели в другую тюрьму: «Сжальтесь надо мной… и позвольте переменить тюрьму, ибо здесь так холодно, что я не могу спать, и так темно, что я ничего не вижу

даже днем, а окно затыкаю соломой, так как в нем нет стекла». Впрочем, Кэт Эшли сохранила верность Елизавете и не рассказала ничего о том, что творилось в доме, и об отношениях принцессы с ее отчимом. «Память меня подводит, – сказала Кэт своим следователям, – что могут подтвердить моя госпожа, родные и муж, а от пережитых страданий она стала еще хуже».[16] Итак, Елизавета и ее гувернантка хранили молчание и верность друг другу. Однако сэр Томас Парри под нажимом сломался и через месяц после ареста поведал Тируиту, что происходило между Сеймуром и Елизаветой: «Помню также, как она (Эшли. – *А. У.*) говорила мне, что адмирал очень любит ее, причем уже давно; а королева ревновала его к ней. Ревность была столь сильной, что однажды королева, заподозрив, что адмирал пользуется благосклонностью леди Елизаветы, внезапно ворвалась в ее комнату и застала их, когда они находились наедине (он сжимал ее в объятиях). После того королева лишила их обоих, и ее, и лорд-адмирала, своей благосклонности».[17]

Похоже, именно после этого происшествия Елизавету услали из дома Катерины Парр.

У Кэт Эшли не оставалось другого выхода; она поведала подробности, которые до того надеялась утаить. Сеймур «набрасывался» на Елизавету в ее спальню, щекотал, целовал ее… да, под конец Кэт «желала и открыто, и в глубине души», чтобы Елизавета и Сеймур «поженились».[18] Она признала, что ее помыслы об их свадьбе были «огромной глупостью», и обещала, что, если вернется к Елизавете, больше такого не повторится.

Посыльного сейчас же отправили в Хатфилд, дворец из красного кирпича, расположенный примерно в 30 милях к северу от Лондона, где тогда жила принцесса. Елизавете показали признание ее воспитательницы.[19] Она пришла в ужас оттого, что стали известны подробности ее отношений с Сеймуром, однако ни в чем не обвиняла ни Кэт Эшли, ни Парри. «Никоим образом не признается она, что мистрис Эшли или Парри принуждали ее к каким-либо занятиям с милордом адмиралом, ни устно, ни письменно», – сообщал Тируит.[20]

Елизавета отказалась как подтвердить, так и опровергнуть слухи о своей якобы физической близости с Сеймуром. Она настаивала, что ни за что не вышла бы замуж без согласия Тайного совета. Тируита ее слова не убедили: «Я вижу по ее лицу, что она виновна».[21]

Совет постановил, что Эшли «не годится» для того, чтобы дать Елизавете «надлежащие образование и воспитание». Вместо нее наставницей Елизаветы назначили леди Тируит, жену того самого человека, который допрашивал Елизавету.[22] Елизавета

очень горевала из-за отставки Кэт Эшли; она «приняла случившееся так близко к сердцу, что проплакала всю ночь и хмурилась весь следующий день». Сэр Роберт Тируит добавил в своем докладе совету: «Любовь, которую она питает к ней [Кэт Эшли], достойна удивления».[23] В начала марта, когда Елизавета узнала, что Сеймура признали виновным в государственной измене и приговорили к смерти, она написала лорду-протектору и умоляла освободить Кэт, боясь, что ее бывшую воспитательницу постигнет та же участь. Она просила лорда-протектора учесть верную службу Кэт: «Она пробыла со мной долгое время, много лет, и предприняла много усилий и мук, чтобы дать мне образование и сделать правдивой». Елизавета напоминала: как бы Кэт ни уговаривала ее выйти замуж за Сеймура, она ничего бы не предприняла без одобрения Тайного совета. В конце письма она добавляла: продолжительное тюремное заключение Эшли «непременно наводит на мысль, что я и сама не без греха, но меня простили в силу моей юности, а особа, которую я так любила, находится в таком месте».[24] Тактика Елизаветы оказалась верной; из Тауэра освободили и Эшли, и Парри, хотя Кэт и ее мужу Джону еще два года не позволяли вернуться на службу к Елизавете.[25]

Отсутствие Кэт ощущалось всегда очень остро. Эшли растила Елизавету, лишившуюся матери в раннем детстве. Анну Болейн казнили, когда Елизавете было всего два года. Кэт Эшли относилась к Елизавете с поистине материнской заботой. И, став старше, Елизавета полагалась на поддержку и утешение своей воспитательницы. Несмотря на временную разлуку, их близость выдержала проверку временем. Кэт Эшли останется постоянной и верной спутницей Елизаветы. Она умрет лишь через восемнадцать лет, когда королева Елизавета окажется на вершине славы.

Повышенная чувствительность Елизаветы по отношению к слухам и скандалам начиная с очень раннего возраста лишь усиливала подозрения о ее интимной близости с отчимом; серьезность обвинений подтверждают продолжительные допросы самой принцессы и ее домочадцев.[26] Главной добродетелью незамужней женщины считалась целомудренность. Хуан Луис Вивес, автор «Руководства христианки», выписанного Екатериной Арагонской для своей дочери Марии в 1523 г., подробно распространяется об опасных подозрениях, возникавших вследствие запятнанной репутации. «Стоит девушке лишиться невинности, – пишет он, – и все начнут злословить о ней, а мужчина, который, возможно, в ином случае захотел бы на ней жениться, будет совершенно ее избегать». Целомудрие считалось

эквивалентом добродетели вообще. Родителям Вивес советует обращать особое внимание на дочерей в начале переходного возраста и оберегать их от всяческого общения с мужчинами, ибо в тот период «они особенно склонны к похоти». Трактат Вивеса касался даже таких вопросов, как постель молодой женщины. Постельное белье должно быть «скорее чистым, чем роскошным, дабы сон девицы был безмятежным, а не чувственным».[27] Целью женского образования, по Вивесу, также следует считать сохранение целомудрия, приучение молодых женщин к добродетельному поведению и отвлечение от искушений плоти.[28] Поэтому в программу образования девиц следует включать изучение «той части философии, которая считает своей задачей складывание и укрепление нравственных принципов». Вивес рекомендует молодым женщинам читать Евангелие, Деяния апостолов, «а также послания апостолов, исторические и нравственные книги Ветхого Завета», произведения Отцов Церкви; также раннехристианских писателей, таких как Платон, Сенека и Цицерон, и христианских поэтов вроде Пруденция. Женщинам следует также выписывать и учить наизусть «мудрые и святые мысли из Священного Писания или… философов».[29]

Хотя Роджер Эшам, который в 1548 г. стал наставником Елизаветы, превозносил целомудрие и женскую добродетель своей ученицы, его радовали и не такие «женственные» ее достижения: эрудиция, тяга к знаниям, «свободным от женской слабости», ее не по годам развитой ум, «с мужской силой применяемый». Елизавета была искусной переводчицей и лингвистом, бегло говорила по-французски и по-итальянски, интересовалась естественными науками, философией и историей. Короче говоря, Елизавета обладала «мужской мудростью» и умом, заключенными в теле, которое считалось низшим с физической точки зрения, слабым с точки зрения нравственности, нуждавшимся в мужском руководстве. Какими бы ни были ее интеллектуальные достижения, ее репутация всегда ставилась в зависимость от того, целомудренна она или нет.[30] Помимо уроков в классе, отношения с отчимом в 1547–1548 гг. научили Елизавету, что ее доброе имя – это политический капитал. И главными хранительницами ее чести становились ее приближенные, фрейлины, которые ей служили.

Глава 1
Королева: едина в двух лицах

Постель королевы находилась в самом сердце двора. Здесь королева могла наконец отдохнуть, сюда она могла уйти после напряженных событий дня. И все же королевская опочивальня была не просто местом для сна и отдыха. Постель королевы была сценой, на которой королева возлежала каждую ночь. То была не обычная, а государственная постель, и ночью, как и днем, королеву окружали все внешние атрибуты королевской власти.

У королевы Елизаветы, конечно, была не одна постель. Все ее кровати пышно украшались, расписывались яркими цветами, для них заказывали роскошные ткани. Все ложа были достойны своей хозяйки. Во дворце Ричмонд Елизавета спала на изысканной кровати в форме лодки с пологом «цвета морской волны» и укрывалась светло-коричневым покрывалом, расшитым блестками. Каркас кровати, стоявшей во дворце Уайтхолл, сделали из нескольких пород разноцветного дерева; полог сшили из индийского шелка, расписанного вручную. Любимая кровать, которую Елизавета брала с собой, когда двор переезжал с места на место, была изготовлена на резном деревянном каркасе, искусно раскрашенном и позолоченном, с подзором из серебра и бархата, занавесями, отделанными пуговицами из драгоценных камней и золотым и серебряным кружевом, и изголовьем из алого атласа, украшенного страусовыми перьями.

В своей опочивальне Елизавета могла разоблачиться, снять макияж и отдохнуть от придворной суеты. Здесь ей прислуживали дамы, знавшие королеву лучше всех. Они находились при королеве, когда та одевалась, ела, принимала ванну, ходила в туалет и спала. Елизавета никогда не оставалась одна; в одной с ней постели или в специальной постели, которую ставили рядом, всегда спал кто-то из особо приближенных женщин. С ними Елизавета беседовала, рассказывала свои сны, хорошие или страшные, просила у них совета. Известно, что Елизавета часто страдала бессонницей и боялась темноты. Все ее тревоги усиливались в темноте, когда она оставалась в опочивальне. Именно здесь она, боясь многочисленных врагов и преследуемая ночными кошмарами, часто брала назад решения, принятые при свете дня. В те дни довольно обычным делом было делить постель с компаньоном одного с тобой пола; совместный сон сулил тепло, утешение и безопасность. Женщины, спавшие в одной постели с Елизаветой, пользовались ее величайшим

доверием, так как с ними она общалась наиболее тесно и близко.[31]

Спальня королевы Елизаветы одновременно являлась местом личным и публичным. Тело королевы считалось не просто плотью; королева была едина в двух лицах, являясь лицом физическим и одновременно юридическим, так как олицетворяла все государство. Здоровье и добродетельность Елизаветы как физического лица знаменовали собой силу и стабильность государства. Болезнь, сексуальная распущенность и бесплодие считались политическими проблемами, и именно камер-фрейлины охраняли правду, тесно связанную с благополучием королевы и, следовательно, государства.

Незамужняя королева внушала опасения. Женщины обязаны были выходить замуж, и решение Елизаветы оставаться незамужней вступало в противоречие с ожиданиями общества. Женщины считались существами низшими по сравнению с мужчинами и потому обязаны были по Божьей воле подчиняться им. Женщины, которые игнорировали религиозные заповеди и не подчинялись мужской власти, потенциально являлись источниками беспорядка и сексуальной распущенности. Медики того времени полагали, что тело женщины постоянно находится в неустойчивом состоянии и потому изначально обладает опасными качествами.[32] На подобную точку зрения влияло богословие: раз нравственная и умственная неустойчивость Евы заложила основу для грехопадения, все женщины обладают теми же изъянами, что и их прародительница. В то время как мужская сила предшественников Елизаветы символизировала политическую власть, «развращенность» или «слабость» Елизаветы как физического лица подрывали общее положение страны. Женщины обязаны были хранить свою честь, не только храня целомудрие, но и поддерживая свою репутацию соответствующим скромным и строгим поведением. Испорченная репутация, даже павшая жертвой клеветы и наветов, ставила под удар общественное положение женщины. Более того, Елизавета была дочерью Анны Болейн, «королевской шлюхи», и потому служила живым символом разрыва с Римом.[33] Для Филиппа II Испанского, семейства Гиз во Франции и папы римского Елизавета была незаконной по рождению и по вере. Более достойной претенденткой для них была Мария Стюарт, королева Шотландии.[34] Мария была внучкой Маргариты, сестры Генриха VIII, которая вышла за короля Шотландии Якова V, и дочерью Марии де Гиз. Гизы считались одной из наиболее влиятельных, тщеславных и ревностных католических семей во Франции. В апреле 1558 г., всего за полгода до вступления Елизаветы на

престол, этот франко-шотландский альянс был скреплен браком шестнадцатилетней Марии Стюарт и Франсуа де Валуа, французского дофина. С того дня, как Елизавета стала королевой, Мария Стюарт не переставала заявлять о своих правах на английский трон.[35] Ставки не могли быть выше; королева как физическое лицо оказалась в эпицентре драмы, охватившей всю Европу. В религиозной войне, разделившей Европу, в центре конфликта очутились Елизавета как физическое лицо и ее постель.[36] За все время ее правления ходило немало слухов о ее любовниках и незаконнорожденных детях. Католики выражали сомнения в добродетельности Елизаветы и обвиняли ее в «грязной похоти», которая «марает и ее саму, и всю страну».[37] Они объявляли, что Елизавета не замужем из-за своих непомерных сексуальных аппетитов – ей трудно ограничиться одним мужчиной. Одни утверждали, что у нее есть внебрачная дочь; другие – что у нее был сын, а третьи – что она физически не способна иметь детей. Подвергая сомнению здоровье, целомудрие и плодовитость королевы как физического лица, противники Елизаветы как в самой Англии, так и в Европе бросали вызов всему протестантскому государству. На протяжении полувека европейские дворы полнились слухами о поведении Елизаветы. Король Франции шутил: один из самых великих вопросов столетия состоял в том, «девица королева Елизавета или нет».[38]

За более чем полвека своего правления Елизавета сильно изменилась. Из молодой, энергичной королевы с красивым бледным лицом, золотистыми волосами и стройной фигурой она постепенно превратилась в морщинистую старую женщину с гнилыми зубами, которая увешивала себя драгоценностями и не жалела белил и румян, стараясь отвлечь внимание от своего изрытого оспой лица; она носила рыжий парик, чтобы скрыть лысеющую голову. После того как королева разменяла четвертый десяток, так и не выйдя замуж и не произведя на свет наследника, после того как она начала стареть и слабеть, в стране усилились страхи. Поскольку порядок престолонаследия не был установлен, для Елизаветы было все важнее скрывать признаки возраста. Королева как физическое лицо «правила себя» с помощью своего образа как лица юридического. Лишь в спальне она могла оставаться собой.

«Доступ к телу» королевы тщательно контролировался, как и его изображения на портретах. Образ королевы должен был сохранять моложавость, что непременно скрывало факт ее физического угасания. На картинах она должна была выглядеть такой же, какой представала перед подданными, выйдя из спальни: в мантии, драгоценностях, парике, накрашенная. В

обязанность камер-фрейлин входило создание сложного произведения – вечно молодой королевы. Елизавета так желала сохранить видимость молодости, что даже субсидировала поиски философского камня, эликсира жизни, который обеспечивает вечное здоровье и бессмертие.

Помимо слухов и клеветы, королева как физическое лицо и ее спальня служили центром притяжения для наемных убийц. Настроенные против Елизаветы религиозные фанатики плели заговоры, продумывая покушения на нее. Сохранение протестантского государства зависело от жизни королевы, и королевская опочивальня превращалась в последний рубеж обороны от будущих наемных убийц, которые мечтали свергнуть режим. Одни заговорщики планировали пронести в королевскую опочивальню порох и взорвать королеву во сне; другие собирались отравить ее во время верховой прогулки, охоты или за ужином. Камер-фрейлины Елизаветы, делившие с ней постель и охранявшие ее сон, оберегали не только ее целомудрие; они также защищали королеву как физическое лицо от покушений. Они дегустировали все блюда, которые подавались к королевскому столу, пробовали духи, которые привозили ее величеству, и ежевечерне обыскивали спальню.[39] Их присутствие было необходимо не только из соображений приличия, но и из соображений безопасности.

Поскольку Елизавета допускала к себе лишь самых верных и преданных дам, родственники некоторых из них пытались воспользоваться их привилегиями и близостью к королеве в собственных корыстных или даже изменнических интересах. Королева как физическое лицо считалась средоточием всей страны, поэтому забота о королеве и «доступ к телу» считались важной политической привилегией. Проводя с Елизаветой дни и ночи, одевая ее и готовя «к выходу», ее приближенные замечали все телесные перемены, заботились о ней в случае нездоровья, разделяли ее ночные страхи, смеялись и плакали с ней вместе и оберегали ее от враждебных сплетен. Иностранные послы заискивали перед камер-фрейлинами, пытаясь через них узнать о жизни королевы. В депешах передавались самые интимные подробности, например сведения о непродолжительных и нерегулярных месячных Елизаветы, а также истории о ее предположительных любовниках, таких, например, как Роберт Дадли, сэр Кристофер Хаттон и герцог Анжуйский, которые «домогались ее в постели».[40]

Глава 2
Королева умерла, да здравствует королева!

Ранним утром 17 ноября 1558 года, в четверг, при слабом пламени свечей в своей спальне в лондонском Сент-Джеймсском дворце умирала королева Мария I. За три месяца до того, приехав из Хэмптон-Корт, она заболела инфлюэнцей и с тех пор не вставала с постели. С каждым днем она все больше слабела.[41] В том же году Мария написала завещание, но, решив, что беременна, она распорядилась, чтобы ей наследовал ребенок, которого она произведет на свет. В конце октября Мария, уже серьезно больная, вынуждена была добавить к завещанию дополнительный пункт, в котором говорилось, что она «больна и слаба телом», не произведет на свет ребенка и ей наследует «ближайшая родственница и преемница по законам и актам данного государства».[42] Однако тогда она еще не могла заставить себя признать наследницей единокровную сестру Елизавету. Две недели спустя, под давлением своих советников, Мария все же вынуждена была подчиниться неизбежному и назвать Елизавету своей наследницей.[43] Джейн Дормер, ярая католичка и одна из самых доверенных фрейлин королевы, которая «много раз спала в опочивальне Марии вместе с ней», поехала к Елизавете в Хатфилд и, в знак верности, передала ей некоторое количество драгоценностей Марии из королевской опочивальни. Мария попросила у Елизаветы заверения в том, что та будет милостива к ее приближенным, выплатит долги Марии и сохранит в Англии католическую веру.[44] Передавая Елизавете ее слова, Джейн Дормер, верная наперсница Марии, выполнила ее последнюю волю. Вся страна затаив дыхание ждала новостей из королевской опочивальни.

16 ноября около полуночи Марию соборовали. Через несколько часов она прослушала мессу; вокруг ее постели собрались самые близкие ей придворные дамы. Во время службы все рыдали. В начале седьмого утра Мария умерла. С ее пальца сняли кольцо, которое сэр Николас Трокмортон отвез в Хатфилд, где сообщил Елизавете, что теперь она – королева Англии. К обеду сделали объявление в парламенте; в середине дня во всех лондонских церквах звонили колокола. На улицах жгли костры, а подданные «проявляли великую радость».[45]

Новая двадцатипятилетняя королева была энергичной,

стройной, зрелой – и чрезвычайно привлекательной. От отца она унаследовала «тюдоровские» золотисто-рыжие волосы, длинное, овальное лицо, тонкие губы и очень белую кожу. От матери ей достались черные проницательные глаза и тонкие пальцы.[46] Ростом она была около 5 футов 4 дюймов (164 сантиметра). После того как ее единокровная сестра Мария умерла, не оставив потомства, вступление на престол Елизаветы внушало надежды на молодость, здоровье и плодовитость.

Через три дня Елизавета произнесла первую публичную речь в большом зале Хатфилда. Речь получилась трогательной; Елизавете удалось сохранить равновесие между самоуничижением и властностью. Она выразила горе в связи со смертью сестры и изумление оттого, какая огромная ноша ей досталась. Но она была «Божьим созданием», и на то была Его воля, чтобы ее теперь призвали на престол. Елизавета отныне «едина в двух лицах»: она будет и «лицом физическим», то есть женщиной, подверженной ошибкам, слабости и старению, но помимо того она признавала, что должна стать и «лицом юридическим, дабы управлять».[47] После миропомазания на церемонии коронации ее «физическое лицо» будет сплавлено с непогрешимым, бессмертным юридическим лицом.[48]

Среди тех, кто слушал речь молодой королевы, был Уильям Сесил, которого Елизавета чуть раньше в тот же день назначила Государственным секретарем. Сесил был хитроумен, верен и трудолюбив, и, хотя он как-то приспособился к правлению католички Марии I, он был стойким протестантом. Сесил станет одним из тех, на кого Елизавета будет полагаться почти весь срок своего правления. Сесил, как и все тайные советники Елизаветы, присягнул «давать такие советы ее величеству… которые будут наилучшим образом способствовать… безопасности ее величества лично и благу государства».[49] Присяге своей Уильям Сесил останется верен до конца дней.

Кроме того, Елизавета благоволила тем, кто противостоял католичеству в эпоху Марии и демонстрировал свою личную преданность ей самой. Она не забывала родственников и бывших союзников ее матери, Анны Болейн. Лорда Уильяма Говарда Эффингема, двоюродного брата ее матери, она назначила лорд-камергером, а сэр Эдвард Роджерс, известный протестант, которого при Марии посадили в тюрьму, стал вице-камергером. Сэр Фрэнсис Ноллис, женившийся на троюродной сестре Елизаветы и также видный протестант, который в годы правления Марии вынужден был уехать в изгнание, был назначен в Тайный совет и позже заменил Роджерса на посту вице-камергера. Николас Бэкон, еще один видный протестант и зять Уильяма

Сесила, стал лордом – хранителем Большой печати. Николас Трокмортон, кузен Катерины Парр, который познакомился с Елизаветой, когда та жила в доме мачехи, стал управляющим казначейством. Вскоре его назначили послом во Франции. Томас Парри, советник Елизаветы в те времена, когда она была принцессой, стал главным казначеем; королева вернула ему свою милость, несмотря на его откровения в «деле Сеймура». Как сообщал граф Фериа, посланник Филиппа II Испанского, «королевство всецело в руках молодых людей, еретиков и предателей; королева не благоволит никому из тех, кто был в фаворе у ее величества, которая теперь на небесах».[50]

Хотя многие в Англии радовались вступлению на престол Елизаветы, ожидая решительного разрыва с католическим прошлым, не все мыслили одинаково. В завещании Генриха VIII Елизавета называлась наследницей Марии, однако католики считали ее незаконнорожденной, а брак Генриха с ее матерью Анной Болейн после того, как он отверг Екатерину Арагонскую, – недействительным. Законной наследницей английского престола католики считали не Елизавету, а Марию Стюарт, внучку Маргариты Тюдор, сестры Генриха VIII. Французы, с которыми Мария Стюарт состояла в кровном родстве через мать, Марию де Гиз, и брак с французским дофином Франсуа, немедленно оспорили право Елизаветы на престолонаследие. Как писал в декабре лорд Кобэм, тогдашний посол Елизаветы во Франции, они «не позволяют… называть ее светлость законной королевой Англии, и они уже послали в Рим, дабы опротестовать ее право». Как только французский король Генрих II узнал о смерти Марии I, он провозгласил свою невестку-католичку Марию Шотландскую «королевой Англии, Шотландии и Ирландии». На королевском гербе Англии, который украшал столовое серебро и мебель Марии Стюарт, появились гербы Шотландии и Франции.[51] Одновременно кардинал Лотарингский, дядя Марии, уговаривал папу отлучить Елизавету от церкви, а Филиппа II Испанского подстрекал к совместному вторжению в Англию.[52] Однако позиция Филиппа оказалась не такой определенной. Франция и Испания в то время по-прежнему находились в состоянии войны. Хотя Филипп инстинктивно поддерживал Марию Шотландскую, так как считал, что английской королевой должна стать католичка, он не предпринимал никаких действий в ее поддержку, потому что Мария Стюарт была невесткой его великого соперника, Генриха II. Однако, когда Елизавета решила положить конец участию Англии в войне с Францией, Филипп испугался, что она в конце концов заключит с Францией союз, который будет угрожать интересам Испании. Поэтому, хотя

король Испании не предпринимал явных действий против Елизаветы, он тайно плел интриги, поддерживая соперницу Елизаветы.

В случае, если Елизавета умрет, не оставив наследников, Генрих VIII, исключивший из завещания всю линию Стюартов, потомков своей старшей сестры Маргариты Тюдор, вышедшей за короля Шотландии Якова IV, распорядился передать корону потомкам своей младшей сестры, Мэри Брэндон, герцогини Суффолк: леди Джейн, Кэтрин и Мэри Грей. В 1553 г., после того как Джейн Грей казнили за попытку узурпировать власть, Кэтрин Грей стала протестантской наследницей Елизаветы; иностранные принцы и представители английской знати наперебой домогались ее руки, надеясь на политически выгодную партию. Именно к ней обратился Филипп, поскольку Испания искала противовес Марии Стюарт и ее французским родственникам.

Неудивительно, что Елизавета терпеть не могла Кэтрин Грей. Она ясно дала понять, что не желает видеть Кэтрин своей наследницей, даже если она умрет, не оставив прямых потомков.[53] После коронации она понизила Кэтрин Грей и ее сестру Мэри из камер-фрейлин, кем они были при Марии I, до «просто фрейлин», чья служба в основном проходила в приемном зале. Кэтрин с горечью жаловалась на это испанскому послу Фериа. Она испытывала «недовольство и обиду», так как ее не удостоили высокой чести, которая соответствовала бы ее положению.[54] Летом 1559 г. и весной 1560 г. стало известно, что Филипп II собирается тайно вывезти Кэтрин Грей из Англии, выдать ее за своего сына и из Испании объявить о ее правах на английский престол.

30 июня король Франции Генрих II, великий соперник Филиппа, был смертельно ранен на турнире. Франциск (Франсуа) и Мария стали королем и королевой Франции; власть при французском дворе перешла к Гизам, дядям королевы. В попытке противостоять угрозе, которую отныне представляла Мария Стюарт, Елизавета решила вернуть свою благосклонность Кэтрин Грей. С 1560 г. она восстановила их с сестрой на прежних местах в королевской опочивальне – святая святых. Там они попадали под надзор верных, испытанных наперсниц королевы вроде Кэт Эшли.[55] По крайней мере, здесь сестры Грей находились у Елизаветы на глазах. Один из осведомителей Уильяма Сесила сообщал, что за сестрами Грей «неуклонно» следят и все их передвижения находятся под пристальным наблюдением.[56]

В дни сразу после восхождения Елизаветы на престол в Лондоне арестовали многих католиков. Шестерых мужчин обвинили в «сговоре» с целью подсчета «лет жизни королевы и

длительности ее правления».[57] То был первый из нескольких заговоров против елизаветинского режима, в котором составлялись гороскопы или советовались с духами, чтобы предсказать неминуемую смерть королевы.[58] Французский предсказатель-католик Мишель Нострадамус также предвидел неминуемую катастрофу протестантской Англии; его пророчества были широко распространены по обе стороны Ла-Манша и усиливали брожение в массах. Как выразился один современник, «все государство было очень обеспокоено и задето откровенно непонятными и дьявольскими пророчествами этого звездочета Нострадамуса».[59]

Чтобы нейтрализовать пророчества Нострадамуса, Елизавета обратилась к услугам математика, астролога и некроманта доктора Джона Ди, который еще до прихода Елизаветы к власти был ее ревностным сторонником.[60] Ди составил гороскоп на день, выбранный для коронации Елизаветы. Он объявил, что расположение светил в воскресенье 15 января, предвещает долгое и успешное царствование.[61] Когда традиционная процессия накануне коронации проходила через лондонский Сити по пути к Вестминстеру, специально нанятые актеры, выстроившиеся на улицах, объявляли о новом царствовании как о решительном разрыве с католическим прошлым; «живые картины» изображали «чистую религию», которая подавляет «суеверие и невежество».[62] У Литл-Кондюит в Чипсайде Елизавета взяла Библию на английском языке, которую протянула ей аллегорическая фигура Правды, поцеловала книгу, подняла ее над головой, а затем прижала к груди.

Сразу после коронации Елизавета решила положить конец неуверенности и подтвердить свои притязания на престол. В первом за годы ее правления парламенте, который созвали через десять дней после коронации, приняли закон, который объявил королеву «по праву родства и по закону прямым потомком королевского рода» и провозгласил «все приговоры и акты парламента, умаляющие данный закон, аннулированными».[63] Елизавета больше не считалась незаконнорожденной, королевским бастардом.

Само появление Елизаветы на свет стало возможным в результате разрыва Англии с Римом; поэтому, как королева, хотя и не признанная таковой во многих частях католической Европы, она склонна была восстановить верховенство королевской власти, от которого отказалась ее сестра Мария. Хотя в юности она для вида перешла в католичество, в своих молитвах Елизавета благодарила Бога за то, что Он с «младых дней» отвращал ее от «глубоких бездн природного невежества и заслуживающих

порицания суеверий».[64] Позже она подтвердила свою давнюю преданность делу Реформации: «Когда я впервые взяла скипетр, мой титул побудил меня не забывать о Том, кто даровал мне его, и потому [я] начала свое правление в той вере, в какой я была рождена, воспитана и, наверное, умру».[65] Кроме того, она отказалась слушать мессу при открытии парламента, а когда в Вестминстерском аббатстве ее встретили настоятель и монахи с зажженными факелами, она воскликнула: «Долой эти факелы, ибо мы очень хорошо видим».[66]

Все религиозные законы предыдущей власти вскоре отменили и приняли Акт о единообразии, вводивший «Книгу общих молитв». В основе ее лежала изданная в 1552 г., в годы правления Эдуарда, книга с несколькими важными изменениями, призванными примирить конфессиональные различия. Из наиболее важных следует отметить слова причастия. Их изменили, признавая католическую интерпретацию истинного присутствия Христа в хлебе и вине. Тем не менее католические мессы объявлялись вне закона. Все подданные обязаны были по воскресеньям и в дни церковных праздников посещать службы в протестантских храмах. Тех, кто не приходил в церковь, штрафовали на шиллинг. По Акту о супрематии 1559 г. Елизавета провозглашалась не верховным главой, но верховной правительницей англиканской церкви, так как считалось, что женщина главой церкви быть не может. Отныне всем должностным лицам – священникам, судьям, мировым судьям, мэрам и королевским чиновникам – необходимо было принести письменную присягу на верность королеве, в которой Елизавета признавалась верховной правительницей церкви. За отказ принести присягу лишали должности. У всех, кто писал, учил или проповедовал, что Елизавету следует подчинить власти иностранной силы (в том числе папы римского), конфисковали движимое и недвижимое имущество. Повторное оскорбление приравнивалось к государственной измене и влекло за собой смертный приговор.

Глава 3
Familia Reginae (семья королевы)

Коронация Елизаветы стала необычайно ярким событием. По словам очевидца, накануне выпал снег и казалось, будто «весь двор так ярко переливается драгоценными камнями и золотыми ожерельями, что они рассеивают мрак».[67] Перед королевой, которую несли в открытом паланкине в окружении статс-дам и камер-фрейлин, следовали придворные, епископы, пэры и иностранные послы. Непосредственно за паланкином Елизаветы ехал верхом Роберт Дадли, которого она недавно назначила главным конюшим. Процессию охраняли тысяча всадников и королевские телохранители в алых камзолах, украшенных инициалами Елизаветы и тюдоровской розой.[68]

В целом королевский двор представлял собой обширное «ведомство», состоявшее из более чем тысячи слуг и помощников, от пивоваров, пекарей, кухарок, портных и конюхов до придворных и послов. Хотя двор был местом, где хранилась государственная казна, где распределялись богатства, должности и власть, в первую очередь двор считался домом Елизаветы, пусть и передвижным. Королева и ее двор регулярно переезжали из одного дворца в другой. Королевские дворцы строились на берегах Темзы – Уайтхолл, Хэмптон-Корт, Ричмонд, Виндзор. Перед прибытием двора в тот или иной дворец его тщательно прибирали, «освежали» и проветривали. Требовалась скрупулезная точность для перевозки около трехсот телег с мебелью, тканями, одеждой и украшениями. Обычно в своих переездах двор следовал установленным традициям. Зимой около шести недель проводили в Уайтхолле, затем переезжали в Ричмонд, Гринвич, Хэмптон-Корт и Нонсач в Суррее, а оттуда к Пасхе перемещались в Виндзор или Уайтхолл. Каждое лето, когда в Лондоне начиналась эпидемия чумы, королева и ее свита покидали столицу и навещали небольшие города и дома аристократии на юге Англии.

В какой бы резиденции ни оказывалась Елизавета, ей требовалась целая анфилада комнат – внутренние покои. Там она по большей части отдыхала от суеты и шума «двора» в широком смысле слова. Внутренние покои состояли из нескольких комнат: приемного зала, королевского кабинета и опочивальни, куда можно было попасть из большого зала. Допуск в каждую следующую комнату знаменовал собой большую близость с королевой как физическим лицом. Кабинет или внутренний зал

служил как бы границей между личным и публичным миром королевы. В то время как внешние покои дворцов кишели придворными, внутренние покои тщательно охранялись; туда допускались лишь особо избранные. В приемный зал, просторное помещение с троном и балдахином, мог попасть любой приехавший ко двору. Там регулярно собиралась толпа просителей, иностранных послов, епископов и придворных; все они надеялись привлечь к себе внимание королевы, когда та проходит мимо. Большую часть дня королева проводила во внутренних покоях, в окружении приближенных дам. Во внутренних покоях она занималась государственными делами, слушала музыку, танцевала, играла в карты, шила и сплетничала. Внутренние покои охранялись 146 йоменами королевской стражи.[69] Елизавете служили два или три камергера-мужчины и от пяти до десяти слуг, которые следили за порядком в приемном зале. Четыре телохранителя отвечали за безопасность приемного зала по ночам. В два помещения можно было попасть из королевского кабинета. Первым из них была часовня, а вторым – королевская опочивальня. Опочивальня объединяла в себе сердце двора и самое уединенное место в елизаветинской империи. Здесь Елизавета как физическое лицо обнажалась, а камер-фрейлины по очереди спали либо в одной постели с королевой, либо на приставной кровати, стоявшей рядом с королевской.

В годы правления отца Елизаветы, Генриха VIII, и ее брата, Эдуарда VI, внутренние покои были исключительно мужским заповедником. Впрочем, даже тогда во внутренние покои допускали небольшое число женщин – приближенных принцесс Елизаветы и Марии.[70] Первые женщины, которые служили Елизавете в ее внутренних покоях, перечислены в конторской коронационной книге. Здесь женщины подразделяются на группы в зависимости от их статуса. Каждой группе шилась особая одежда на коронацию: алые платья с блестками для статс-дам, платья из малинового бархата для остальных.[71] Четыре женщины служили только в опочивальне, три названы «камер-фрейлинами», семь служили «во внутренних покоях без жалованья». Шесть молодых, незамужних девушек служили фрейлинами под руководством «старшей фрейлины», которая отвечала единственно за их попечение и поведение. В разделе «Статс-дамы и камер-фрейлины» названы фамилии восемнадцати женщин.[72] Число фрейлин и камер-фрейлин в отдельные годы правления Елизаветы доходило до двадцати восьми. Избранных было немного, поэтому в придворных кругах велась жесткая борьба за место фрейлины или камер-фрейлины. В конечном счете все определялось личностью той или иной претендентки и

ее отношениями с Елизаветой; самые испытанные и доверенные дамы даже ночевали с королевой в одной постели. Все годы правления Елизаветы отмечены дружбой и близостью королевы и ее дам.

До того как Елизавета стала королевой, ее окружал «старый хатфилдский курятник», сплоченная группка верных прислужниц, которые очутились в сердце нового двора.[73] Одни приближенные доводились королеве кузинами по линии рода Болейн; другие, назначенные Генрихом VIII, доказали Елизавете свою дружбу и преданность; они стали ее верными союзницами. После вступления Елизаветы на престол их верность вознаграждалась привилегированным положением при дворе молодой королевы. Кроме того, места в свите Елизаветы занимали представительницы видных протестантских семей, которые в годы правления Марии вынуждены были уехать за границу.

Кэтрин Кэри доводилась королеве двоюродной сестрой; она была дочерью сестры Анны Болейн, Мэри Болейн Кэри.[74] Она родилась около 1524 г. и служила фрейлиной у Анны Клевской, третьей жены Генриха, но затем, в 1540 г., вышла замуж за сэра Фрэнсиса Ноллиса. Приверженность Кэтрин и Фрэнсиса протестантизму вынудила их, вместе с пятью детьми, во время правления Марии Тюдор покинуть Англию и переехать во Франкфурт.[75] Письмо от Елизаветы к Кэтрин, датированное 1553 г., возможно, стало ответом на известие о том, что Кэтрин покидает родину. Может быть, до своей вынужденной эмиграции Кэтрин уже провела какое-то время в свите принцессы Елизаветы, поскольку из письма ясно, что Елизавету и Кэтрин связывала близкая дружба, а в будущем Елизавета обещает кузине свою благосклонность. Елизавета подписала письмо cor rotto, то есть «разбитое сердце».

«Облегчите же боль дальней дороги радостью скорого возвращения и считайте свое паломничество скорее проверкой ваших друзей, чем отъездом из страны… продолжительность времени и расстояние не лишают вас любви друзей и проявлений их доброй воли… в дни наибольшей нужды вы познаете мою верную дружбу… Моя власть настолько мала, насколько велика моя любовь к тем, кто одарен дружбой…

Ваша любящая кузина и настоящий друг *cor rotto*».[76]

Как только Елизавета взошла на престол, леди Кэтрин Ноллис и ее муж вернулись в Англию. Они вместе с дочерьми Леттис, которой тогда было пятнадцать лет, и Элизабет, которой было всего девять, были назначены в свиту королевы.[77] Леди Кэтрин стала одной из камер-фрейлин; первые десять лет

правления Елизаветы она сочетала придворные обязанности с воспитанием тринадцати детей. Меньше чем через год после коронации Елизаветы Кэтрин ненадолго удалилась от двора, поскольку ей предстояло произвести на свет тринадцатого ребенка, но уже через несколько недель после родов она вернулась к королеве, оставив ребенка на попечение кормилицы. Ее племянницы, Кэтрин и Филадельфия Кэри, также были назначены в свиту королевы вскоре после ее вступления на престол.[78]

Помимо друзей, знакомых и родни по материнской линии, Елизавета приблизила к себе нескольких женщин, которых знала почти всю жизнь – с раннего детства. Бланш Парри, серьезная валлийка из Херефордшира, «качала колыбель» юной принцессы; она была на двадцать пять лет старше Елизаветы. Бланш, что необычно для того времени, так и не вышла замуж и всю свою долгую жизнь хранила преданность и неизменную верность Елизавете.[79]

К числу самых давних и доверенных приближенных принадлежала и Кэт Эшли. Она растила Елизавету, воспитывала ее, защищала ее честь, когда поползли скандальные слухи о связи принцессы с отчимом; один или два раза она даже оказывалась в тюрьме за свою преданность принцессе. Теперь Эшли получила самую престижную должность: она стала первой камер-фрейлиной. Ее мужу Джону, кузену Анны Болейн, достался почетный пост хранителя сокровищницы британской короны, который он сохранял до своей смерти в 1596 г.[80]

В жилах нескольких других придворных дам Елизаветы текла королевская кровь; некоторые из них также могли, при определенных условиях, претендовать на престол. Одной из таких приближенных была Элизабет Файнс де Клинтон, которую в юности называли Белокурой Джеральдиной. Она считалась одной из величайших красавиц своего времени. Ее мать, леди Элизабет Грей, была внучкой Элизабет Вудвилл, супруги короля Эдуарда IV, и двоюродной сестрой Генриха VIII. После того как ее отца, Джералда Фицджералда, 9-го графа Килдэра, посадили в тюрьму по многочисленным обвинениям и в 1534 г. он умер в Тауэре, Генрих пожалел свою кузину леди Элизабет Грей и пригласил ее младшую дочь Элизабет, которой тогда едва исполнилось восемь лет, в свиту принцесс Марии и Елизаветы в Хансдоне (Хартфордшир). Особенно привязалась к старшей кузине Елизавета, которой тогда было всего два или три года; их дружба продолжалась и в отрочестве. Через несколько недель после смерти Марии I Элизабет Фицджералд вышла замуж за Эдварда Файнса де Клинтона, 9-го лорда – первого адмирала, вернулась в

свиту Елизаветы и стала одной из первых статс-дам при дворе молодой королевы.[81]

Вскоре после вступления Елизаветы на престол из ссылки по религиозным мотивам вернулась и Дороти Стаффорд, протестантка, дочь аристократа-католика Генри Стаффорда.[82] Дороти вышла замуж за своего кузена, вдовца Уильяма Стаффорда, который ранее был женат на тетке Елизаветы, Мэри Болейн. В годы правления Марии, когда ширилось преследование протестантов, супруги бежали из Англии в Женеву.[83] Дороти вернулась в Англию вдовой с шестью детьми и поступила на службу к Елизавете в ее опочивальню, где и пробыла сорок с лишним лет, до самой смерти королевы.[84]

Вот кто составлял так называемый «ближний круг» Елизаветы. Камер-фрейлины, разодетые в специально заказанные наряды, горделиво несли шлейф за Елизаветой на коронационной процессии и прислуживали ей на самой церемонии, в ходе которой полагалось несколько раз переменить платье.[85] В обычные дни камер-фрейлины умывали королеву, накладывали на нее макияж, делали прическу, подбирали для нее платья и украшения, одевали и раздевали ее. Кроме того, фрейлины и камер-фрейлины присутствовали при том, как королеве подавали еду и напитки и дегустировали их, проверяя, нет ли в блюдах яда и других вредных веществ. Камеристки и служанки исполняли более «приземленные» обязанности: прибирались в покоях королевы, меняли воду в умывальниках, стелили постели. Молодые незамужние фрейлины составляли королеве компанию и развлекали ее. Фрейлинами могли стать девушки из хороших семей; они, как правило, одевались в белое. Фрейлины прислуживали королеве на публике, несли ее шлейф, сидели и гуляли с ней во внутренних покоях и развлекали ее танцами.

За исполнение своих многочисленных обязанностей приближенные Елизаветы получали довольно скромное жалованье. Некоторым, например молодым фрейлинам, платили вообще редко. Камер-фрейлины и статс-дамы получали ежегодное жалованье, которое равнялось в среднем 33 фунтам 6 шиллингам (около 5600 фунтов в наши дни). Помимо небольшого жалованья, фрейлинам предоставляли стол и кров для них и для их слуг. Кроме того, им шили одежду «на каждый день» и для особых случаев; иногда им доставались даже старые платья королевы. Размеры и качество жилья зависели от дворца. Как правило, места везде не хватало, а о том, чтобы уединиться, нечего было и думать. Чаще всего те, кто служили во внутренних покоях, там же и спали, и, только когда они были не на дежурстве, могли они позволить себе роскошь отдельных апартаментов. Молодые

фрейлины спали все вместе в гардеробной, которая часто была тесной и неудобной. В Виндзоре им выделили такое старое помещение, что пришлось просить, «чтобы их комнаты оштукатурили, а дощатую перегородку сделали выше, чтобы слуги не заглядывали через нее».[86]

Елизавета требовала, чтобы все ее фрейлины постоянно присутствовали при дворе и ставили ее потребности выше личных забот. Достаточными предлогами для отсутствия не считались ни болезни, кроме самых тяжелых, ни свадьбы, ни рождение детей. Елизавета требовала полной преданности и самоотверженности. Если какая-либо из ее замужних фрейлин оказывалась в положении, она должна была исполнять свои обязанности вплоть до последних недель беременности. Лишь перед самыми родами позволялось ей удалиться. После родов фрейлине надлежало как можно скорее вернуться ко двору. Детей принято было оставлять на попечение кормилиц и гувернанток. В эпоху, когда высшим достижением для женщины считалось замужество и материнство, придворные дамы служили незамужней королеве; таким образом они, не теряя своего высокого статуса, бросали вызов традициям.

Самые приближенные к Елизавете женщины круглосуточно находились в самом сердце королевского двора. Хотя они были высокоценимыми компаньонками, которые спали в королевской опочивальне в темноте или при свечах, они исполняли также роль телохранительниц, следя за королевой как за физическим лицом и защищая ее. Поскольку у Елизаветы не было ни мужа, ни наследника, ее жизнь постоянно подвергалась опасности. В годы ее правления покушений боялись больше, чем открытого бунта.

Естественно, камер-фрейлины лучше других были осведомлены о мыслях и настроениях королевы. Поэтому придворные и иностранные послы постоянно подольщались к дамам из этой элитарной группы, надеясь, что те будут отстаивать их интересы и представят королеве их прошения. Более того, Роберт Бил, тогдашний секретарь Тайного совета, подготовил меморандум о должности Государственного секретаря, в котором особенно подчеркивалась роль камер-фрейлин: «До того как входить во внутренние покои, узнайте о настроении ее величества у той или иной камер-фрейлины, на чье суждение вы можете всецело полагаться».[87] Настроение королевы часто оказывалось жизненно важным для ее министров.

Глава 4
Не жаворонок

Когда Елизавета покинула Хатфилд и отправилась в Лондон, она распорядилась, чтобы ее любимую кровать площадью 6 квадратных ярдов с позолоченным остовом и «восемью резными зверями» доставили в Уайтхолл. Несомненно, такая кровать подходила для королевы. Полог из пурпурного бархата, расшитый золотом и «украшенный узкой бахромой из венецианского золота», окружали тридцать четыре шелковые кисти, свисающие с занавесей из пурпурной парчи, с изголовьем из пурпурного бархата в тон.[88] Кровать стала сердцевиной нового двора Елизаветы и сценой, на которой отныне предстояло разыгрываться ее жизни и правлению.

Дворец в Уайтхолле, главная лондонская резиденция королевы, занимал площадь 23 акра. Большой зал и часовня, королевские покои, галереи и закрытый сад находились на восточной стороне, оттуда по отдельной лестнице можно было спуститься к реке. С западной стороны размещались дома для придворных, сгруппированные вокруг площадки для петушиных боев, арены для турниров и теннисного корта. Сам дворец представлял собой настоящий лабиринт из узких, извилистых коридоров; в нем насчитывалось около двух тысяч комнат. Его построил кардинал Уолси; затем Генрих VIII распорядился перестроить и расширить его. В 1533 г. он принял в Уайтхолле Анну Болейн, ставшую королевой.

Находясь в Уайтхолле, Елизавета занимала бывшие апартаменты короля; комнаты, предназначенные для королевского супруга-консорта, оставались свободными.[89] Все комнаты были обставлены с большой пышностью, с обилием статуй и картин. Среди прочего там можно было увидеть бюст Аттилы, предводителя гуннов, генеалогическую таблицу английских королей, солнечные часы в форме обезьяны, астролябию, с помощью которой высчитывали восход и заход солнца, и много сложных инструментов.

Единственное окно в опочивальне Елизаветы выходило на Темзу. Комната была очень темной; при всего одном окне, в ней было мало свежего воздуха. Богатые гобелены на стенах служили не только для красоты и удобства, но и для тепла. Потолок был расписан золотом.[90]

День королевы начинался с того, что камер-фрейлины отдергивали полог кровати. Елизавета признавалась в том, что

она «не жаворонок».[91] Иногда она вставала рано, если назначала кому-то аудиенцию на восемь утра, но чаще всего в ранние часы, когда ее приближенные приступали к делам, когда в ее апартаментах растапливали камины и начинали уборку, она еще лежала в постели. В спальне гуляли сквозняки, поэтому необходимо было поддерживать огонь в камине, чтобы выманить королеву из постели. Елизавета редко одевалась сразу же. Ей, облаченной в «ночное», подавали завтрак в опочивальню – белый хлебец, мясо, похлебку, эль или вино. Затем она отправлялась на прогулку и быстро ходила по аллеям в своем огороженном саду.[92] Королева любила долго гулять в любую погоду. Обычно шла «величаво», если только не хотела «согреться холодным утром» или побродить по парку ради удовольствия и отдыха.[93] Иногда на прогулке ее сопровождали фрейлины, но очень часто она предпочитала одиночество; телохранители держались на почтительном расстоянии. Иногда Елизавета начинала день сидя в ночной рубашке у окна в своей опочивальне и читая.[94] Однажды утром один возчик сообщил, что видел полуодетую королеву у окна и «понял, что королева – женщина». Елизавета послала ему «ангела» (10 шиллингов), чтобы «заткнуть ему рот».[95]

Когда королева была готова вставать, камер-фрейлины помогали ей умыться, подавали платья, причесывали, белили и румянили ее. Даже в молодые годы процесс умывания отнимал у королевы много времени. Чаще всего Елизавета умывалась из таза с водой, а затем вытирала лицо полотенцами. Она предпочитала кастильское мыло из оливкового масла, которое в больших количествах поставляли напрямую из Испании.[96] Много лет на ее лбу цвета слоновой кости не было практически ни одной морщинки, так как она очищала кожу створоженным молоком. Ее длинные золотистые волосы мыли щелоком, смесью древесной золы и воды, а затем, перед расчесыванием, растирали теплой грубой тканью, чтобы удалить жир и перхоть. Зубных щеток в то время не знали, но зубочистки применялись регулярно. Они упоминаются в списках подарков, которые Елизавета получала ежегодно. Кроме того, у нее имелись многочисленные голландские «зубные полотенца», которые применялись для чистки зубов: их пропитывали смесью белого вина и уксуса, прокипяченных с медом.[97] Несмотря на такие усилия, к среднему возрасту зубы у Елизаветы пожелтели, были поражены кариесом, изо рта у нее дурно пахло. Позже ее зубы почернели из-за ее любви к таким сладостям, как марципаны и засахаренные фрукты.[98] Дурной запах изо рта она пыталась нейтрализовать, полоща рот растворами розмарина, мирры,

мастики и корицы.[99]

Умывшись, Елизавета приступала к макияжу. Прославленная кожа цвета слоновой кости, которую можно видеть на всех парадных портретах, была результатом обильного применения косметики. На лицо королеве наносили похожую на меренгу смесь из яичного белка, измельченной яичной скорлупы, квасцов, буры и макового семени, смешанных с очищенной водой и взбитых до тех пор, пока пена не поднималась на три пальца.[100] Судя по всему, такую смесь применяли круглый год по три раза в неделю для отбеливания, гладкости и смягчения кожи. На самом деле получившийся крем лишь обесцвечивал ее. Существовали и другие отбеливатели: иногда, чтобы кожа казалась полупрозрачной, на нее наносили сулему, или «жидкий жемчуг». Кроме того, Елизавета пользовалась помадой и бальзамами для губ, основным ингредиентом которых были свинцовые белила, белая плотная масса из карбоната и гидроксида свинца, которые получали, обрабатывая металлические пластины уксусными испарениями. Мелки, или «карандаши» (словосочетание «губная помада» тогда не употреблялось), изготовляли, смалывая в порошок кальцинированный алебастр или гипс. Затем порошок окрашивали, замешивали в пасту, скатывали, формовали и сушили на солнце. Пудру сходным образом получали из молотого алебастра. В число повседневных обязанностей придворных дам входило дробление и измельчение ингредиентов для косметических средств, притираний для лица, зубных порошков и лекарств. Косметику для Елизаветы готовили лишь самые доверенные лица, ведь яд, скрытый в косметических средствах, мог самым роковым образом впитаться через кожу королевы.

Вскоре после того, как Елизавета стала королевой, она начала лысеть. Джон Хемингуэй, ее аптекарь, готовил для нее особые помады и бальзамы для кожи головы. Однако лекарства не помогли. Елизавете пришлось сменить прическу. Облысевшую макушку прикрывали локоны, каждый из которых приходилось каждый день искусно завивать.

В те дни регулярно принимать ванну было не принято, хотя, по свидетельствам, Елизавета принимала ванну каждый месяц, «нуждается она в ней или нет». Зато в ту эпоху, когда от всех довольно резко пахло, широко применялись духи. Они считались не просто предметом роскоши. Многие женщины носили на поясе резные металлические или самшитовые ароматические шарики, наполненные пастой из ароматических приправ: гвоздики, мускатного ореха, кумина. Ароматические шарики одновременно избавляли от неприятных запахов и защищали от инфекции. Врач Елизаветы, доктор Хьюик, регулярно подносил ей бутыль с

ароматической водой, настоянной на апельсиновом цвете. Говорят, что следующий рецепт использовался для приготовления любимой туалетной воды Елизаветы, которую готовили из майорана, или душицы: «Взять восемь ложек воды, на два пенса сахарной пудры, вскипятить на горячих углях, прибавить полунции сладкой душицы, высушенной на солнце, и на два пенса порошка бензойной смолы». В результате, как говорили, туалетная вода получается «очень сладкой и действует долго». [101]

«Сладкие мешочки», наполненные духами, вшивали в платья или перчатки; чулки и туфли также душили веществами, полученными из животных источников: серой амброй, восковой субстанцией, выделяемой или извергаемой кашалотами, которая со временем приобретала сладкий, землистый аромат; цибетином, пахучим секретом, вырабатываемым железами виверры, и мускусом, секретом таких животных, как кабарга. Кроме того, использовались и цветочные масла, выделенные из апельсина, жасмина, лилии и других цветов, а также такие специи, как корица, мускатный орех и гвоздика. Перчатки душили смесью из серой амбры, мускуса или цибетина с жировой основой. Полученную пасту размазывали по внутренней поверхности перчаток для сохранения мягкости кожи. Такие перчатки были излюбленным подарком для тех, кто не слишком хорошо знал о том, что именно нравится королеве.[102] Елизавета часто носила перчатки для тепла во дворцах в холодные дни, а также в поездках.

Накрасившись, Елизавета одевалась. Процедура одевания была сложной и занимала несколько часов; фрейлины Елизаветы старательно шнуровали и застегивали на ней одежду; каждый день требовались сотни булавок.[103] Королева носила тонкие полотняные сорочки, а также плоеные воротники и манжеты. Воротники и манжеты защищали от пятен пота платья, которые нельзя было стирать. Считалось, что полотняное белье способствует очищению тела, так как впитывает излишки влаги и грязи. Как ни удивительно это может показаться, нет никаких доказательств того, что королева носила панталоны.[104] Во время менструаций она пользовалась льняными тряпками, которые применялись вместо прокладок, а затем стирались; в домашних конторских книгах Елизаветы указаны длинные и короткие «полотенца тонкого голландского полотна», которые закупались дюжинами наряду с другими простыми материями. Скорее всего, имелись в виду гигиенические полотенца. У королевы Елизаветы также было три «нижние рубахи из черного шелка, сделанного вручную и украшенного пряжками, крючками и петлями,

обметанными шелком», которые могли заменять необходимые в «критические дни» панталоны, в которые можно было подкладывать «полотенца».[105]

После того как королева облачалась в сорочку, на ней зашнуровывали корсет, усиленный китовым усом, затем нижнюю юбку, а затем чулки. В 1561 г. Элис Монтэгю, «главная шелковница» королевы, подарила Елизавете первую пару вязаных шелковых чулок. Елизавета обрадовалась и попросила миссис Монтэгю прислать ей еще: «Мне очень нравятся шелковые чулки; они приятные, тонкие и нежные. Поэтому я больше не буду носить полотняных чулок».[106] После чулок на Елизавету надевали тяжелые платья из бархата или атласа, которые закалывались булавками. Каждое платье было покрыто ярдами золотого плетения и мириадами крошечных драгоценных камней; платья расшивали рыбками, цветами, птицами и листьями. Процесс одевания был медленным и кропотливым; во время облачения у Елизаветы хватало времени для неспешной беседы со своими дамами. Цвет, покрой и стиль королевских платьев менялся в разные годы правления Елизаветы и отражал моды Франции, Испании или Италии. Часто Елизавета намеренно следовала тому или иному стилю, когда добивалась политического альянса с той или иной страной. По большим государственным праздникам она носила тяжелые мантии, подбитые горностаем, а зимой выходила в меховых шубах и муфтах на лебяжьем пуху.

Затем королева выбирала драгоценные камни и жемчуг, которые она очень любила. Камни прикалывали к платью булавками или надевали ей на шею. Многие драгоценности королевы доставали из запасов ее отца; раньше их носил сам Генрих VIII, его шесть жен или сводные брат и сестра Елизаветы. Драгоценности хранились в опочивальне, в сундуках, обитых бархатом и расшитых золотом.[107] Наконец, на ноги Елизавете надевали туфли с помощью стального рожка для обуви, специально изготовленного для нее кузнецом.[108] В начале ее правления туфли королевы были главным образом сшиты из бархата, но с возрастом она все больше ценила испанскую кожу.[109] Вначале Елизавета носила туфли на плоской подошве, но в 1595 г., в возрасте шестидесяти двух лет, королева заказала первую пару туфель «на высоком каблуке».[110] Во внутренних покоях Елизавета часто носила комнатные туфли – их можно было надевать и снимать не застегивая. В них ноги королевы отдыхали с удобством. Обычно каждый год Елизавете шили около двенадцати пар туфель из простого бархата.

Облачившись в платье, надев драгоценности, причесавшись,

уложив волосы, набелив и нарумянив лицо, королева готова была появиться перед «двором» в широком смысле слова.

Большую часть дня Елизавета проводила в своем кабинете во внутренних покоях, где занималась государственными делами с министрами двора, встречалась с советниками и принимала иностранных послов. По вечерам, покончив с делами, она отдыхала в обществе фрейлин и фаворитов, слушала музыку в исполнении придворных музыкантов, певцов королевской капеллы, танцевала, читала или играла в карты. И королева, и ее фрейлины любили азартные игры; за игрой подробно записывались долги. Елизавета была одаренной музыкантшей и иногда отдыхала, играя на спинете и клавикордах. Пока королева занималась государственными делами, фрейлины проводили нескончаемые часы за шитьем и вышиванием во внутренних покоях. Они украшали вышивкой рубахи и ночные сорочки ее величества, а также простыни и наволочки. Кроме того, дамы готовили прохладительные напитки, горячее питье с пряностями и сладости, которые Елизавета особенно любила, в отдельной королевской кухне, примыкающей к внутренним покоям. В основном, за исключением пиров и банкетов, устраиваемых по праздникам и по торжественным случаям, Елизавета принимала пищу во внутренних покоях, так как считала неприличным для своего достоинства, если ее видел за едой кто-либо, кроме ее приближенных. Обычно королева обедала около полудня, а ужинала в шесть вечера, хотя предпочитала питаться, «когда того требовал ее аппетит», и потому редко придерживалась установленных часов для трапез.[111] Еду доставляли из отдельной кухни специальные церемониймейстеры; об их приходе предупреждали барабанным боем и звуками труб. Затем одна из дежурных фрейлин протирала позолоченные блюда хлебом и солью и давала церемониймейстерам отведать кусочек каждого блюда – необходимая предосторожность против отравителей. После того как накрывали на стол, фрейлины несли блюда во внутренние покои, где ела королева.[112] Хотя повара готовили к каждой трапезе множество перемен блюд, Елизавета предпочитала курицу или дичь красному мясу, зато всегда ела сладости, особенно жирные кексы с коринкой, которую специально ввозили из Греции. Крепкое, «мартовское» пиво, сваренное на дворцовой пивоварне в марте и хранившееся перед подачей два года в погребах, королева не жаловала. «Мартовскому» пиву она предпочитала легкое вино, «смешанное с водой, которой было на три части больше, чем самого вина».[113] Если королева принимала иностранных послов или других важных гостей, банкетный стол накрывали в большом зале. После

еды со столов убирали, и начинались танцы, игры и другие развлечения.

В конце каждого дня камер-фрейлины, в том числе Кэт Эшли, Бланш Парри, Кэтрин Ноллис и Дороти Стаффорд, разоблачали королеву: снимали с нее платья, вуали, драгоценности и перчатки. Затем зажигали восковые свечи, которые давали ровное пламя и приятно пахли, и королева умывалась и мыла ноги. На ночь Елизавету облачали в «ночное платье» – свободное, удобное одеяние, сшитое из дорогих тканей: атласа, шелкового бархата и тафты. «Ночное платье» украшалось золотой и серебряной тесьмой, подбитое ворсом, плюшем или мехом.[114] Иногда, если королева проводила день во внутренних покоях, в обществе камер-фрейлин, она носила «ночное платье» и днем. Ей часто дарили такие платья на Новый год.[115]

Наконец Елизавета забиралась в постель, под шелковые простыни, расшитые королевскими гербами и тюдоровскими розами. На ее кровати лежало множество тюфяков, набитых соломой, пухом и пером – чем «ближе к телу», тем мягче. Перед тем как королева отходила ко сну, фрейлины грели для нее постель, кладя между простынями грелки с горячими углями. Кроме того, они внимательно осматривали постельное белье и матрасы, набитые соломой и перьями. Они искали не только блох или клопов, но и более опасные предметы. Известно было, что некоторые заговорщики собирались спрятать в королевской постели кинжалы или другие смертоносные орудия, способные причинить вред королеве. Кроме того, фрейлины каждый вечер обыскивали опочивальню на предмет незваных гостей. Ночью усиливались страхи и уязвимость; в то время считалось, что по ночам в помещения проникает вредоносный воздух, а лунный свет вызывает ревматические боли. Уолтер Бейли, врач Елизаветы, считал поэтому важным, чтобы королева избегала спать при лунном свете, и советовал, чтобы окна опочивальни по ночам были закрыты, дабы ее величество не вдыхала тлетворный воздух с Темзы.[116]

В девять часов королева желала всем доброй ночи. В каминах сгребали угли, внутренние покои запирали. Их охрана поручалась королевской гвардии, а особо приближенная фрейлина ложилась в постель Елизаветы или на приставную кровать. Елизавета часто страдала бессонницей; в ряде медицинских трактатов того времени даются советы, как добиться крепкого ночного сна.[117] Врач и писатель Эндрю Борд считал: чтобы спать крепко, нужно смешать немного камфары с женским грудным молоком и натирать этой смесью виски или нюхать розовую воду, смешанную с уксусом, которая поможет уснуть. «Отправляясь

спать, будьте веселы, – советует Борд, – или обзаведитесь веселым спутником, чтобы в постели ни гнев, ни тяжесть, ни горе, ни задумчивость не беспокоили и не тревожили вас».[118] Создание «веселой» и радостной атмосферы, судя по всему, также входило в задачу фрейлин, служивших в опочивальне Елизаветы.

Когда гасили почти все свечи, Елизавета готовилась ко сну: произносила благодарственные молитвы, просила прощения за свои поступки, надеясь, что Всевышний защитит ее от ночного вреда. Задергивали полог, дабы оградить королеву от опасных сквозняков и пагубного ночного воздуха. Опочивальню запирали; снаружи ее охраняли гвардейцы. Елизавета требовала в спальне полной тишины, и в смежных покоях также нельзя было шуметь.[119]

Глава 5
Женское бессилие

Елизавета постоянно находилась в центре пристального внимания. Иностранные послы писали своим государям депеши, посвященные всем сторонам жизни королевы, даже самым интимным. Все, что касалось королевы, вызывало огромный интерес как в стране, так и за ее пределами. После вступления Елизаветы на престол испанский посол граф Фериа утверждал, что Елизавета «едва ли проживет долго». Он докладывал Филиппу Испанскому, что молодая королева «не слишком крепкого сложения».[120] Ему вторил французский посол де Ноай: «Все, кто ее видел, не сулят ей долгих лет жизни».[121]

Начиная с переходного возраста Елизавета часто болела. Она страдала от несварения желудка, падала в обмороки, ее часто мучили сильные головные боли, которые иногда длились по нескольку недель подряд. Кроме того, она жаловалась на бессонницу и резь в глазах.[122] Она была очень близорука, отчего даже самые простые повседневные дела, не говоря уже о государственных, превращались для нее в сложные задачи. Из-за любви к сладостям королева часто страдала от сильной зубной боли.

В те времена считалось, что человеческий организм состоит из «гуморов», или «телесных соков», – крови, слизи, желтой и черной желчи. У здорового человека все четыре гумора находятся в равновесии, любое его нарушение вызывает ту или иную болезнь. Когда Елизавете было двадцать с небольшим лет, в годы правления ее сестры Марии, королевский врач доктор Уэнди писал, что в организме принцессы «много гуморов холодных и водянистых, которые можно убрать лишь очищениями, специально назначенными и удобными для такой цели».[123] Одним из симптомов, характерных для дисбаланса гуморов, считалась «водянка», или, как бы сказали мы, отечность. Другим симптомом были нерегулярные менструации, на что также жаловалась Елизавета. Аменорея, в свою очередь, вызывала иные болезни – «истерические припадки» и «меланхолию». Королевские врачи регулярно «отворяли» Елизавете вену на лодыжке или руке, пускали кровь и таким образом нормализовали ее «телесные жидкости».[124]

Помимо физического здоровья Елизаветы, огромный интерес вызывали ее плодовитость и способность к деторождению. В то время считалось, что женщины более ненасытны в постели, чем

мужчины. Современникам трудно было поверить, что женщина, преодолевшая переходный возраст, может добровольно хранить целомудрие, особенно если у нее не было мужа, который обеспечивал бы выход ее сексуальной энергии.[125] Будущее протестантского государства всецело зависело от способности Елизаветы произвести на свет наследников. Ходили слухи о том, что у королевы «женское бессилие», то есть она не способна иметь детей и потому никогда не выйдет замуж.[126] Когда, в самом начале Елизаветинской эпохи, шотландского посланника сэра Джеймса Мелвилла попросили передать Елизавете предложение руки и сердца от герцога Казимира, сына правителя курфюршества Пфальц, он отказался от поручения со словами: «У меня есть основания полагать, что она вообще не выйдет замуж, из-за того, что рассказала мне одна из ее камер-фрейлин… зная, что она не способна иметь детей, она никогда не подчинится мужчине».[127] Откуда у шотландского посла такие сведения? От Кэт Эшли, Бланш Парри или Кэтрин Ноллис; а может быть, посланник просто передавал ходившие при дворе сплетни? В апреле следующего года граф Фериа также сообщал: «Если мои шпионы не лгут, в чем я почти уверен, по определенной причине, которую мне недавно сообщили, она, насколько я понимаю, не может иметь детей».[128]

Кровопускание в июне 1559 г. также воспринималось окружающими как доказательство того, что с «природными функциями» королевы что-то не в порядке. «Ее величеству пустили кровь из ноги и из руки, но в чем заключается ее нездоровье, неизвестно, – сообщал венецианский посол. – Многие говорят такое, что я не решаюсь написать».[129] Даже у папского нунция во Франции имелась своя точка зрения на менструальный цикл Елизаветы: «Едва ли у нее проходит очищение, обычное для всех женщин».[130]

С политической точки зрения подобные слухи были весьма вредны. Ради равновесия сил в Европе и ради собственной безопасности королеве необходимо было быть и казаться здоровой и плодовитой. Тюдоры и англиканская церковь могли считать себя в безопасности лишь в том случае, если бы Елизавета вышла замуж и произвела на свет наследника престола. Так считали и в Англии, и за рубежом. «Чем больше я думаю об этом деле, – писал Фериа через четыре дня после коронации Елизаветы, – тем больше убеждаюсь, что все зависит от того, какого мужа изберет себе эта женщина».[131] Немецкий дипломат барон Поллвайлер в письме императору Фердинанду, написанному примерно в то же время, провозглашал: «Королева достигла такого возраста, что ей, как и любой здравомыслящей

женщине, следует желать замужества, дабы о ней заботились… Ее желание оставаться девой и не выходить замуж совершенно необъяснимо».[132]

На первой при Елизавете парламентской сессии в январе 1559 г. браку королевы уделялось много внимания. «Ничто не может быть отвратительнее для общего блага, чем видеть, как принцесса, которая своим браком может сохранить державу в мире, ведет холостую жизнь, подобно девственнице-весталке», – провозгласил Томас Гаргрейв, спикер палаты общин.[133] Елизавета ответила на петиции парламента осторожно и весьма уклончиво: «Когда же Богу угодно будет, чтобы я склонила душу свою к иному образу жизни, уверяю вас, я не сделаю и не решу ничего, что шло бы во вред стране».[134]

Елизавета считалась одной из самых завидных невест в Европе, «лучшей партией среди своих единоверцев», и с самого начала правления у нее не было недостатка в поклонниках. Среди них были Филипп II Испанский и Эрик XIV Шведский; эрцгерцоги Фердинанд и Карл Австрийский; герцоги Савойский, Немурский, Феррарский, Голштинский и Саксонский, графы Арран и Арундел. Все они стремились заключить крайне важный союз с Англией, дабы сохранить равновесие сил. Габсбурги стремились поддерживать в Англии происпанские настроения, так как в то время особенно мощную угрозу представляла Франция: о своих правах на английскую корону заявила Мария Стюарт, невестка французского короля. Хотя Филипп Испанский сожалел о возвращении Елизаветы в протестантизм, стратегические соображения диктовали необходимость сохранения союза с Англией. В первые дни правления Елизаветы Филипп, правда с большой неохотой, сделал предложение бывшей свояченице при том условии, что она вернется в лоно католичества и ему не придется жить в Англии.[135] Едва ли Елизавета могла согласиться на такой брак, но в предложении, переданном послом Фериа, Филипп называл себя «приговоренным в ожидании своей участи». Позже Фериа пояснял: «Не будь на то Божьей воли… я бы не принял участия в таком деле… Ничто не могло подвигнуть меня на такой шаг, кроме ясного сознания, что Королевство [Англии] много выиграет от его служения и веры».[136] Все стороны, скорее всего, вздохнули с облегчением после того, как Елизавета отказала Филиппу;[137] впрочем, ей быстро подыскали другого подходящего кандидата в мужья из династии Габсбургов.

В самой Англии многие хотели, чтобы Елизавета вышла замуж за соотечественника. Брак с иностранцем был чреват опасностями; брак покойной Марии с Филиппом Испанским оставил у многих привкус горечи. Как утверждалось в трактате

«Диалог о свадьбе королевы», написанном молодым дипломатом сэром Томасом Смитом, если Елизавета изберет себе мужа-иностранца, она получит «кота в мешке», в то время как англичанин «здесь дома, не его картина или образ, но он сам. Его осанку, цвет кожи, цвет лица и поведение можно увидеть лицом к лицу». Более того, продолжал Смит, можно оценить «его образование и воспитание, ученость, стать и то, в чем находит он удовольствие, чего он лишен, всякий изъян, несовершенство, уродство и тому подобное, что служит ему препятствием, станет очевидно и ясно».[138] Среди подходящих женихов-англичан числились граф Арундел и герцог Норфолк, принадлежавшие к высшей аристократии, и сэр Уильям Пикеринг, красивый неженатый сорокатрехлетний придворный, занимавший незначительную дипломатическую должность.[139] Пикеринг и Елизавета были старыми друзьями; когда в мае 1559 г. он приехал в Лондон и пришел с визитом, королева тепло приветствовала его и поселила в Уайтхолле. Фериа сообщал, что королева виделась с Пикерингом тайно, а «вчера он приходил во дворец публично и пробыл с ней четыре или пять часов. В Лондоне ставят один к четырем, что он будет королем».[140] Однако дело так ничем и не кончилось.

Второй английский жених, Генри Фицалан, 12-й граф Арундел, не жалел сил для того, чтобы добиться руки Елизаветы, но, как сообщал Фериа, королева только шутила о слухах, ходивших при дворе относительно ее брака с графом. В своей депеше Фериа добавлял: «Она с ним не ладит».[141] Арундел был стойким католиком, на двадцать лет старше Елизаветы и, по мнению Фериа, «взбалмошным человеком без особых способностей».[142] Однако Арундел возлагал большие надежды на свое сватовство. В декабре поползли слухи о том, что он занимает деньги и потратил 600 фунтов на украшения для одной из приближенных дам Елизаветы, которая замолвила за него слово.[143] Однако его усилия оказались тщетными. Елизавета давно уже обратила внимание на другого англичанина, Роберта Дадли.

Глава 6
Компрометирующие слухи

Через несколько дней после вступления на престол Елизавета назначила Роберта Дадли главным конюшим. Он занял один из самых важных постов при королевском дворе.[144] В силу своей должности он оставался единственным мужчиной в Англии, которому официально позволялось дотрагиваться до королевы, так как именно он должен был помогать Елизавете садиться в седло и спешиваться, когда она каталась верхом. На охоте, в поездках и на церемониях Дадли всегда сопровождал ее.

Он был высоким и чрезвычайно привлекательным: смуглый, голубоглазый. Позже Дадли рассказывал французскому послу, что «они подружились, когда ей не исполнилось и восьми лет».[145] Его приговорили к смерти после того, как его отец, герцог Нортумберлендский, летом 1553 г. возглавил заговор с целью посадить на престол леди Джейн Грей. После того как Дадли провел полтора года в Тауэре, его освободили и простили. Ему удалось полностью реабилитироваться на службе у мужа Марии I, Филиппа Испанского. Елизавета и Дадли находились в Тауэре в одно и то же время, в годы правления Марии; несомненно, пережитые страдания укрепили их дружбу. Однако Роберт Дадли был женат. 4 июня 1550 г., за четыре года до заключения в Тауэр, он женился на Эми Робсарт, дочери сэра Джона Робсарта, влиятельного норфолкского землевладельца.[146]

Уильям Сесил, Государственный секретарь при Елизавете, еще в начале ее правления предложил отправить Дадли за границу посланником к Филиппу Испанскому, но Елизавета отказалась. Ей нужно было, чтобы Дадли оставался рядом.[147] Как только Дадли узнал, что Елизавета стала королевой, он прискакал в Хатфилд на белоснежной лошади и после того редко покидал королеву. По должности главному конюшему полагалось жалованье в размере 100 марок в год, четыре лошади и собственные апартаменты при дворе, где Дадли почти постоянно жил вдали от жены. С женой Дадли почти не виделся; так как Елизавета очень любила верховую езду и охоту, они с Дадли, которого она называла «милым Робином», редко разлучались. Как однажды заметил его знакомый, Дадли мог утверждать, что «лучше любого мужчины знает королеву и ее характер».[148]

С самых первых месяцев правления Елизаветы придворные обменивались скандальными сплетнями об отношениях Дадли и королевы. Ходили слухи об их ночных свиданиях. Накануне

своего отъезда из Англии в апреле 1559 г. граф Ферия писал королю Филиппу о степени близости Дадли и королевы: «За последние несколько дней лорд Роберт вошел в такую милость, что делает что хочет… говорят даже, что ее величество навещает его в его покоях днем и ночью. Некоторые так вольно это обсуждают, что доходят до утверждений, будто у его жены болезнь груди и что королева только и ждет ее смерти, чтобы выйти за лорда Роберта…»[149]

Через несколько недель венецианский посол Иль Скифанойя сообщал, что Дадли «в большом фаворе и очень близок с ее величеством». Хотя Иль Скифанойя воздержался от каких-либо обвинений в недостойном поведении, которые могли повредить дипломатическим отношениям, он все же сослался на шокирующие слухи, ходившие при дворе: «По этому вопросу у многих имеется свое мнение, но боюсь, что мое письмо окажется не в тех руках, поэтому лучше хранить молчание, чем говорить дурное».[150] Посол понимал, что его письма могут перехватить, и потому не желал открыто утверждать то, о чем все шептались: что Елизавета и Дадли стали любовниками.

Несмотря на подозрения относительно характера отношений Елизаветы и ее главного конюшего, император Священной Римской империи Фердинанд I горел желанием заключить союз с Англией и в мае 1559 г. поручил своему посланнику Каспару Бройнеру, барону фон Рабенштайну, начать переговоры о браке Елизаветы с девятнадцатилетним сыном императора Карлом фон Габсбургом, эрцгерцогом Австрийским.[151] Отказ Елизаветы, которая объяснила, что намеревается в обозримом будущем остаться незамужней, не отпугнул Бройнера: «Среди других принцесс не найдется равных ей в мудрости, добродетели, красоте и пышности фигуры и форм… Более того, я видел несколько принадлежащих ей очень красивых летних резиденций, две из которых внимательно осмотрел, и могу засвидетельствовать, что на свете нет таких богато обставленных дворцов с дорогой мебелью, обтянутой шелком, украшенной золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Кроме того, у нее еще около двадцати домов, и все их по праву можно считать королевскими летними резиденциями. Значит, она вполне стоит усилий».[152]

В интересах Габсбургов было сохранять дружеские отношения с Англией; поэтому император пропускал мимо ушей скандальные слухи о Елизавете и Дадли. В письме к старшему сыну, эрцгерцогу Максимилиану, он признавал опасность и распространенность слухов, но уверял, что они вполне обычное явление и окружают всех непорочных женщин: «Клевета исходит

от многих и наносит большой ущерб, и, хотя следует признать, что очень часто злословят даже о женщинах с безупречной репутацией, я не желаю напрасно тратить слова на такое. Однако, – продолжал император, – поскольку поднялся такой шум и поскольку слухи доносятся с разных сторон… вопрос в самом деле щекотлив и очень опасен… Обо всем необходимо как следует поразмыслить».[153]

Считая, что Елизавету удастся склонить к брачному союзу, Сесил поручил своему доверенному лицу в Германии, Кристоферу Мундту, разузнать все, что можно, о внешности эрцгерцога, его характере, религии и отношении к протестантизму.[154] Переговорив с фрейлинами королевы, новый испанский посол, дон Альваро де Квадра, епископ Аквильский, вскоре сообщил своему королю, что Елизавета поощряет ухаживания эрцгерцога Карла, во всяком случае, «все ее дамы так считают».[155] Однако у императора Священной Римской империи зародились сомнения, учитывая вполне очевидное влечение королевы к Дадли, и вскоре он уже не был так уверен, что «хочет отдать ей… сына, если даже она попросит».[156]

В августе 1559 г. барон Бройнер решил провести собственное расследование и установить, девственница Елизавета или в самом деле вступила в супружеские отношения с Дадли, как подозревали многие. Как он докладывал, «с дня коронации он ни разу не покидал двор; более того, они живут под одной крышей, что лишь усиливает подозрения».[157] Бройнер нанял агента, Франсуа Борта, который находится «в дружеских отношениях со всеми камер-фрейлинами», чтобы тот выяснил, есть ли за слухами правда. Следствие Бройнера почти ничего не выявило. В зашифрованном послании императору он сообщал, что камер-фрейлины «клянутся всем, что им свято, что ее величество никогда не забывала о своей чести», хотя они и согласны, что королева «выказывает ему свою благосклонность более открыто, чем приличествует ее положению и репутации. Но во всем остальном они ничего не заметили».[158]

Только фрейлины Елизаветы знали правду об отношениях королевы и Дадли. Только они могли поручиться за ее непорочность. Но, хотя публично они всегда первыми кидались на ее защиту и королева могла положиться на то, что они сохранят ее доброе имя, они вполне могли осуждать ее частным образом.

В августе Кэт Эшли упала перед королевой на колени в королевской опочивальне в Хэмптон-Корт и умоляла свою хозяйку выйти замуж и положить конец «компрометирующим слухам» о ее отношениях с Робертом Дадли. Наверняка вспомнив

о скандале с Сеймуром десятилетней давности, Эшли считала, что Елизавета ведет себя неподобающим образом, что «марает ее честь и достоинство» и со временем «подорвет в своих подданных» верность, что станет «поводом для кровопролития». Эшли заявила: знай она, чему ей придется быть свидетельницей, она бы скорее «задушила ее величество в колыбели». Такими были слова женщины, которая искренне, по-матерински любила Елизавету. У королевы не было тайн от Кэт Эшли; однажды она заметила: «Я не знаю ничего, чего не знала бы она».[159] Елизавета милостиво отнеслась к откровенным словам своей камер-фрейлины, признав, что они идут «от чистого сердца и искренней преданности». Она заверила Кэт, что подумает о браке, дабы развеять слухи и успокоить подданных, но добавила, что «брак должно хорошо обдумать» и что в настоящее время у нее «нет желания изменять свое положение». Когда Эшли предложила Елизавете разорвать отношения с лордом Робертом, королева сердито парировала, что она «никому не давала повода связывать себя ни с ее конюшим, ни с другим мужчиной, и надеется, что так будет и впредь. Но она знала в жизни очень много горя и печали и очень мало радости. Если она и проявляет снисходительность к своему главному конюшему, то он вполне заслужил ее милость своим благородством и добрыми делами… Ее всегда окружают фрейлины и статс-дамы; в любое время дня и ночи они заботятся о том, чтобы между ней и главным конюшим не происходило ничего постыдного. Если бы она когда-либо и проявляла желание или находила удовольствие в такой постыдной жизни… ей не было бы прощения; но она Богом клянется, что никто из ныне живущих не увидит, как она скомпрометирует себя».[160]

Тем не менее слова Кэт Эшли задели Елизавету; когда через несколько дней ее посетил Бройнер, он нашел ее «несколько удрученной» и «окруженной прошениями выйти замуж». Как королева сказала послу, она «скорее умрет, чем ее страна понесет ущерб или потерю» и потому готова выйти даже «за самого низкорожденного своего подданного, лишь бы не давать повода дурно думать о ней».[161] Камер-фрейлины поведали Бройнеру, что королева пребывает «в меланхолии», спала ночью «не более получаса» и проснулась «бледная и слабая».[162] Вскоре после того у Елизаветы начался сильный жар.[163] Французский посол назвал болезнь fiebre quartre, лихорадкой, которая появлялась раз в четыре дня, и сообщил, что у врачей королевы «большие сомнения в ее выздоровлении».[164] Сразу поползли тревожные слухи. «Я наказал нескольких, – писал в середине августа графу Бедфорду один крупный девонский землевладелец, – за толки о смерти ее королевского величества; так же, насколько мне

известно, поступили и другие в других частях графства».[165]

Де Квадра, испанский посол, вскоре пришел к выводу, что Елизавета неискренна. Она, как писал де Квадра, «только что дала 12 тысяч фунтов лорду Роберту на расходы». Де Квадра считал, что Елизавета «коварно обращает общее мнение к своей выгоде, так как стремится успокоить католиков, которые желают этого союза, и удовлетворить всех, кому не терпится выдать ее замуж и кто смущен ее поступками».[166] Однако через несколько дней, к удивлению посла, ему снова подали надежду. Де Квадре нанесла неожиданный визит сестра Роберта Дадли, леди Мэри Сидни. Мэри, рыжеволосая ровесница королевы, была образованной, хорошенькой и политически подкованной молодой женщиной. Они с Елизаветой были знакомы с детства, а после того, как ее брат стал фаворитом, особенно сблизились.[167] В день коронации Елизавета назначила Мэри камер-фрейлиной «без жалованья»; впоследствии она служила королеве в перерывах между родами (у Мэри было пятеро детей). Помимо того, она управляла Пенсхерст-Плейс, фамильным имением в Кенте, и поддерживала своего мужа, сэра Генри Сидни, в Ирландии и на болотах Уэльса.[168]

Придя к испанскому послу, Мэри сказала, что Елизавета передумала: она все же решила выйти замуж и хочет, чтобы ее брак с эрцгерцогом Карлом «был устроен побыстрее».[169] Говоря по-итальянски – Мэри бегло говорила на нем, – она заверила посла, что действует с ведома королевы; под страхом смерти она не сказала бы ничего подобного, если бы это не было правдой. Она просила де Квадру начать с королевой переговоры о браке и предупредила, чтобы он не сомневался, видя нежелание Елизаветы, потому что «у наших дам в обычае не давать своего согласия в таких делах, пока их не упросят».[170]

Слова Мэри Сидни подтвердил сэр Томас Парри, казначей двора; он сообщил де Квадре, что королева накануне вечером вызвала к себе его и леди Сидни и сказала, «что свадьба стала необходимой».[171] По их мнению, Елизавета решилась вскоре после того, как был раскрыт заговор с целью отравить королеву и лорда Роберта на банкете, который устраивал граф Арундел. По словам де Квадры, «королева была сильно встревожена», и этот заговор «вместе с французскими приготовлениями к войне за Шотландию, похоже, вынудили королеву решиться на брак».[172]

Вновь воспрянув духом, посол поплыл на барке в Хэмптон-Корт, но испытал жестокое разочарование, обнаружив, что Елизавета относится к браку противоречиво. «Единственный ответ, который я получил, – пишет он, – состоял в том, что она еще не решила, выходить ли ей замуж, но, если она все-таки

решится, я могу быть вполне уверенным в том, что выйдет она только за самого высокопоставленного и самого лучшего». Посол отправился к Мэри Сидни и выразил ей свое удивление тем, что «ее величество не говорила яснее» о вновь проснувшемся интересе к эрцгерцогу. Мэри поспешила заверить его в обратном и побуждала не сдаваться.[173]

Судя по всему, Елизавету беспокоили слухи о ее отношениях с Дадли. После «дела Сеймура» она усвоила горький урок. Ей уже пришлось быть свидетельницей тому, как непристойные истории набирают обороты и распространяются внутри страны и за границей. В позднейшем разговоре с де Квадрой Елизавета призналась: она боится, «что он, возможно, разочарован» тем, что узнал о ней, и что «в стране есть люди, которые получают удовольствие, болтая все, что приходит им в голову». Как подчеркнул де Квадра, королева произнесла все это «с некоторыми признаками стыда».[174] Он заверил ее в том, что, «будь что-то, чего эрцгерцогу не следует слышать или знать, мысль о его приезде не занимала бы нас». Елизавета, по ее словам, тревожилась: если переговоры прервутся, эрцгерцог может воспользоваться «праздными толками», которые ходят о ней, в ущерб ее чести. Но, как сухо заметил де Квадра, «с этой точки зрения я ни о чем не сожалел, так как страх мог оказаться не без выгоды для нас».[175]

К середине октября испанский посол вновь преисполнился уверенности: «Она в самом деле так же настроилась на свадьбу, как и ваше величество», – и посоветовал незамедлительно прислать эрцгерцога в Англию.[176] Но было уже поздно. Император Священной Римской империи утратил интерес к переговорам и не позволил своему сыну покидать Австрию, поскольку никто не мог поручиться за успех его миссии.[177] Даже воодушевление Мэри Сидни по поводу брака с Габсбургом как будто остыло. В ноябре де Квадра писал: по его мнению, Дадли «сделал сестре выговор, так как она завела дело дальше, чем он того желал». Когда посол снова встретился с Елизаветой, она объявила, что на свадьбе настаивал некто, «имеющий намерения самые добрые, однако без каких-либо полномочий». Как писал потом де Квадра, «поскольку я вынужден кого-то обвинить… я обвиняю только леди Сидни, хотя, по правде говоря, она виновата не более, чем я, как я и сказал ей в беседе с глазу на глаз». Более того, именно изменения в поведении Мэри Сидни подсказали послу, что переговоры зашли в тупик: «Как только я узнал, что леди Сидни сомневается и жалуется на королеву и своего брата, я решил, что будет лучше положить конец неуверенности».[178]

Никакого заговора с целью убийства королевы и Дадли на

банкете у Арундела не было; все придумали, чтобы убедить де Квадру в желании Елизаветы выйти замуж. После смерти Генриха II в июле 1559 г. и вступления на престол пятнадцатилетнего Франциска, мужа Марии Стюарт, возникли серьезные опасения франко-шотландского альянса. Французы день ото дня увеличивали численность своих войск в Шотландии; Елизавета боялась войны на северной границе. В октябре де Квадра просил своего коллегу в Риме «позаботиться о том, чтобы французы не подкупили нового папу и не вынудили его возбудить процесс против [английской] королевы на основании притязаний королевы Шотландии, что произвело бы большой урон здесь и повсеместно перед свадьбой».[179] Под видом переговоров о браке, которые непреднамеренно поощряла леди Сидни, королева надеялась сохранить доброе расположение Габсбургов на фоне французской угрозы и в то же время отвлечь внимание от своих скандальных отношений с Робертом Дадли.

Елизавета воспользовалась политической «подкованностью» Мэри Сидни, а также ее семейными связями при испанском дворе; сэра Генри Сидни последние годы не раз посылали с поручениями в Испанию, и он завязал такие добрые отношения с королем Филиппом, что в 1554 г. Филипп стал крестным отцом его первенца, Филипа Сидни. Мэри попросту использовали; узнав правду, она потребовала встречи с королевой. Несмотря на то что ее предупреждали о «нерасположении» Елизаветы, леди Сидни была непреклонна. Она, по ее словам, «ничьего мнения не спрашивает и пойдет к королеве всем назло». Она сказала де Квадре: даже если ее отправят в Тауэр, «она не перестанет говорить о том, что происходит, и что ее худший враг – ее брат [лорд Роберт]».[180] Она намерена отстоять свою честь, даже если «это будет стоить ей жизни».[181] По словам Мэри Сидни, Фрэнсис, леди Кобэм, которую де Квадра назвал «обер-гофмейстериной», также «поощряла ухаживания эрцгерцога» и тоже заняла сторону эрцгерцога Карла.[182] Испанский посол понял, что перед ним разыграли фарс. «Она не настроена серьезно, – писал де Квадра, – но хочет лишь потешить чернь надеждой на брак, дабы спасти жизнь лорда Роберта. Он настроен весьма подозрительно, так как его снова предупредили о готовящемся на него покушении, во что я вполне верю, ибо ни один человек в Англии не выносит мысли о том, что он станет королем».[183] На сей раз то были не просто слухи. «Позавчера раскрыт заговор с целью убийства лорда Роберта, и теперь все только об этом и говорят», – сообщал позже де Квадра. Впоследствии стало известно, что Дадли носил под одеждой «защитную куртку», дублет, изготовленный гринвичскими

оружейниками, – что позволяет предположить, что он отнесся к угрозам вполне серьезно.[184]

Де Квадра узнал «некоторые необычайные вещи» и уверял, что враги Дадли в Тайном совете не делают тайны из «своего дурного мнения о его близости с Елизаветой». Ходили слухи, что Дадли намерен отравить свою жену, дабы освободиться и жениться на Елизавете. «Все считают, что королева не выходит замуж по его вине; даже его родная сестра и друзья относятся к нему недоброжелательно». Елизавету неоднократно предупреждали «демонстрировать больше благоразумия и не давать никому повода подозревать ее в связи» с ним.[185] Де Квадра все меньше верил уверениям Елизаветы в ее невинности; она часто говорила ему, что мечтала стать монахиней и проводить время в келье за молитвами. Он узнал «важные вещи того сорта, о котором нельзя писать» и сообщал графу Фериа, что в Елизавете кроется «сотня тысяч демонов».[186]

К концу января 1560 г. переговоры о браке Елизаветы с эрцгерцогом Карлом официально закончились, и по двору поползли зловещие слухи, что Елизавета сама очень старалась расстроить этот союз. Сэр Томас Чалонер писал из Брюсселя о том, какое потрясение он испытал, узнав, «какие вольности позволяют себе некоторые, говоря… о человеке, которому, по их мнению, оказывают слишком большую милость. По-моему, вы догадываетесь, кого они называют… так как я считаю такие разговоры клеветой». Но, как и предупреждал Чалонер, хотя слухи могли оказаться ложью, тем не менее Елизавете следовало вести себя осторожнее, чтобы не давать пищи сплетникам: «Молодой принцессе лучше переусердствовать с осторожностью, следить за выражением своего лица, за изъявлением родственных чувств, не выказывать благосклонности более одному, чем другому… из-за проволочки с браком опасность угрожает не только стране (ибо без потомства ее величества мы лишаемся надежды), но дело теперь у всех на устах и порождает клеветнические измышления».[187]

Глава 7
Гибель государства

Незадолго до первой годовщины пребывания Елизаветы на престоле сэр Николас Трокмортон, английский посол во Франции, неоднократно писал из Парижа об опасностях, которые грозят ее короне. «У нас есть веские основания подозревать, что французы злоумышляют против нас; и подозрения эти с каждым днем скорее возрастают, чем уменьшаются».[188] В ноябре 1559 г. Энтони Браун, виконт Монтэгю, известный франкофоб, сообщал королеве о разговоре, который состоялся у него с послом императора Гаспаром Пренъором об ожидающих ее новых опасностях. Пренъор предупредил, что «королеве и всей Англии грозит немалая опасность» и что французы готовят заговор с целью убийства Елизаветы. Он говорил о «разговорах и замыслах» в «местах весьма высоких», направленных на то, чтобы «убить Елизавету». Пренъор советовал: чтобы спастись от французской угрозы, королеве следует «угодить королю Испании и ни в коем случае не терять его» и потому быть «умеренной» в тех вопросах, которые «могут его обидеть и обижают». Кроме того, он предлагал Елизавете заручиться fidele satellitium – верными спутниками – для личной охраны.[189]

В записке от марта следующего года Уильям Сесил подтвердил угрозы. «Мы все с уверенностью полагаем, что королева Шотландии и с ней ее муж и дом Гизов в глубине души смертельные враги вашего величества».[190] Через несколько недель Трокмортон писал о «смертоносном и ужасном замысле Гизов», которые вознамерились отравить Елизавету посредством «некоего смуглого итальянца с черной бородой» по имени Стефано. Он приехал в Англию под предлогом того, что собирается предложить королеве свои услуги инженера. Трокмортон убедил Елизавету, что, будучи предупрежденной заранее, «ей не нужно бояться, но вместо того отдать приказ арестовать Стефано, к замешательству Гизов и в качестве примера для других наемников».[191] Тогда в первый раз пресекли угрозу жизни Елизаветы; впоследствии подобных заговоров будет очень много.

Так как заговоры множились со стремительной быстротой, Сесил предпринял меры, направленные на то, чтобы укрепить безопасность самой королевы, и издал указ под названием «Меры предосторожности в облачении и диете королевы». Он призывал уделять больше внимания надлежащей охране внутренних покоев

и опочивальни. Слишком часто задние двери покоев, где размещались фрейлины королевы, оставляли открытыми и без охраны; никто не обращал внимания на «прачек, портных, швей и прочих», которые приходили и уходили через эти двери; во внутренние покои мог незаметно проскользнуть любой и напасть на королеву или пронести в ее покои яд, как медленно-, так и быстродействующий, который мог быть принят через рот или проникнуть через кожу. Своим указом Сесил запретил проносить во внутренние покои мясо и прочую пищу, приготовленную за пределами королевской кухни, если «точно не известно» их происхождение. Надушенные перчатки, рукава и другую одежду предписывалось держать подальше от королевы, дабы опасные испарения «нейтрализовались другими запахами». Сесил рекомендовал «тщательно осматривать» даже нижнее белье королевы – то есть «всевозможные вещи, которые касаются различных обнаженных частей тела ее величества». К подобным предметам туалета нельзя подпускать посторонних, за исключением особо доверенных лиц, дабы какая-нибудь вредоносная субстанция, спрятанная в складках белья, не причинила ущерба здоровью королевы.[192] В виде дополнительной предосторожности Сесил настоятельно просил королеву принимать какие-либо медицинские защитные средства «против чумы и яда дважды в неделю»; тогда злоумышленники не застигнут ее врасплох. Елизавета не любила подчиняться не ею установленным правилам, в таких вопросах она упрямилась всю свою жизнь.[193]

Ужесточив меры по защите Елизаветы как физического лица, Сесил также побуждал королеву защитить себя как лицо юридическое, предложив прямую поддержку шотландским протестантским лордам, которые восстали против французского присутствия в Шотландии. Мария де Гиз, мать Марии Стюарт, после смерти мужа, короля Якова V, осталась в Шотландии и была регентом своей тогда маленькой дочери. Марию Стюарт после помолвки с французским дофином отправили на воспитание к французскому двору. Однако Мария де Гиз становилась все более непопулярна среди шотландских лордов из-за своих попыток внедрить католицизм и усилить французское влияние. Когда в Шотландию ей в помощь прислали новые французские войска, советники Елизаветы испугались, что северное королевство станет военной базой для вторжения в Англию от имени Марии, королевы Шотландии и супруги французского короля.[194]

29 марта 1560 г. английские солдаты перешли границу и осадили французский гарнизон в Лите. Кампания окончилась

поражением, наступление 7 мая захлебнулось. Однако и французы почти ничего не выиграли. После того как две французские флотилии, посланные для снятия блокады, были отброшены штормами и после смерти 11 июня Марии де Гиз обе стороны стремились к миру. Уезжая в Эдинбург для обсуждения условий мира, Сесил боялся того, что в его отсутствие может произойти между Елизаветой и Дадли.

Сесил волновался не зря. Королева и Дадли проводили вместе целые дни; они пировали и охотились все лето 1560 г.[195] В том году по стране поползли слухи о том, что Елизавета и Дадли – любовники и что Елизавета беременна. Весной, по признанию некоего Джона Уайта из Девона, «пьяный Барли говорил ему в собственном доме, что лорд Роберт Дадли переспал с королевой».[196] В июне арестовали «матушку Доу», шестидесятивосьмилетнюю вдову из Эссекса, «за утверждения, что королева беременна от Роберта Дадли».[197] Местным мировым судьям велели расследовать дело и написать в Тайный совет подробности высказываний Доу. Дело старались вести камерно, дабы предотвратить распространение скандальных историй «среди простолюдинов», однако было уже поздно. Примерно в то же время граф Оксфорд в письме Сесилу спрашивал, как ему поступить с Томасом Холландом, приходским священником из Литл-Берстеда в Эссексе, которому его предшественник рассказывал, что одного человека посадили в Тауэр «за то, что он говорил, будто ее королевское величество ждет ребенка». Оксфорд интересовался, можно ли в данном случае прибегнуть к обычному наказанию для сплетников и отрезать Холланду уши.[198] В депеше де Квадры к королю Филиппу Испанскому подчеркивалась серьезность положения и упорные клеветнические измышления в адрес королевы: «Если она не выйдет замуж и не остепенится, с каждым днем ей будут грозить новые и более серьезные беды».[199]

Тем летом приближенные к Елизавете дамы рожали одна за другой. Дадли дал банкет в честь королевы в своем имении в Кью; в это время его сестра леди Сидни, которая тогда находилась на поздних сроках беременности, удалилась от службы при дворе и поселилась в Кью, где в октябре родила своего третьего ребенка, дочь, которую назвали Элизабет – скорее всего, в честь королевы.[200]

В конце июля в Келстоне (графство Сомерсет) Изабелла Харингтон, одна из камер-фрейлин Елизаветы, разрешилась от бремени первенцем, Джоном. 4 августа мальчика крестили в лондонской церкви Всех Святых; королева стала крестной матерью.[201] Изабелла была на шесть лет старше Елизаветы и

несколько лет провела у нее на службе. Она служила верно и, вполне возможно, была одной из камер-фрейлин Елизаветы, когда, после восстания Уайатта против Марии I в 1554 г., принцессу посадили в Тауэр. В 1559 г. она вышла за Джона Харингтона, придворного и писателя, который стал фаворитом Генриха VIII. Его первой женой была Этельреда Молт, предположительно незаконнорожденная дочь короля от Джоанны Дингл, однако в обмен на пожалованные земли и доход ее записали незаконной дочерью некоего портного по имени Джон Молт. Весной 1546 г. Харингтон поступил на службу к сэру Томасу Сеймуру. После ареста Сеймура в январе 1549 г. Харингтона тоже посадили в тюрьму и допрашивали об отношениях его хозяина с принцессой. Однако Харингтон сохранил верность Елизавете и не выдал на допросе ничего компрометирующего ее честь. Позже королева приняла его на службу при дворе. В 1559 г., после смерти первой жены, Харингтон женился на Изабелле Маркем, дочери коменданта лондонского Тауэра.[202]

И вот, чуть больше чем через год после их свадьбы, Изабелла и Джон отмечали рождение первого из их пяти детей. Джон, или «малыш Джек», как любовно называла его Елизавета, стал одним из первых крестников Елизаветы. Несомненно, она согласилась стать крестной в награду за верность Харингтонов в годы, предшествовавшие ее вступлению на престол.[203] Позже Джон-младший писал, как «до двадцатого года правления ее величества» его мать Изабелла «спала с королевой в одной постели».[204]

Сесил, который в то время находился в Эдинбурге и вел мирные переговоры с шотландцами, регулярно писал королеве и выражал беспокойство за ее репутацию и неопределенное положение с престолонаследием. Он уверял, что «постоянно молится, дабы Господь направил ваше сердце и обеспечил отца вашим детям, чтобы все дети вашего королевства благословляли ваше семя. Без того ни мир, ни война не принесут нам долговременной выгоды».[205] Вернувшись в Лондон после успешных переговоров с французами, которые согласились уйти из Шотландии, Сесил поделился с де Квадрой своими откровенными взглядами на Роберта Дадли. Он «сделался господином всех дел и личности королевы, к крайней обиде всей страны, намеревается жениться на ней и заставляет ее целые дни проводить на охоте, что подвергает еще большей опасности ее жизнь и здоровье».[206] Он «предвидел гибель государства» из-за близости Елизаветы и Дадли; Сесил дошел до такого отчаяния, что признался послу в своем желании подать в отставку.[207] «Так

велико общее недовольство королевой и ее образом жизни, что просто чудо, если нам даруют отсрочку и с ней не произойдет какой-либо катастрофы, а если таких покушений не будет, в том нет вины французов», – сообщал де Квадра.[208] А положение все ухудшалось. Сесил признался испанскому послу, что «жену Роберта собираются убить и во всеуслышание объявляют, что она больна, хотя она совсем не больна, а, напротив, здорова и старается предохранить себя от яда… и Господь никогда не допустит, чтобы совершилось такое злодеяние и чтобы злоумышленники вышли сухими из воды».

«Я был уверен, что он говорил искренне и не обманывал меня», – писал пораженный де Квадра.[209] На следующий день он сделал яркую приписку: «После того как я это написал, королева обнародовала весть о смерти жены Роберта и сказала по-итальянски: Que si ha rotto il collo, что она сломала шею, должно быть, упала с лестницы».[210] Двадцативосьмилетнюю Эми Робсарт нашли мертвой в воскресенье 8 сентября в деревне Камнор в Беркшире, где у нее был дом. Убийство, самоубийство, несчастный случай? Возможно было все. В день смерти Эми услала из дома всех слуг на ярмарку в Абингдон, а позже ее нашли мертвой у подножия лестницы.[211] Уже давно ходили слухи о том, что Роберт Дадли собирался убить жену, чтобы освободиться и получить возможность жениться на королеве. Все задавались вопросами: замешан ли в смерти жены Дадли? Может ли быть, что он действовал в сговоре с Елизаветой?[212] Написав письмо Дадли, в котором он утешал его из-за «жестокой судьбы, постигшей вашу покойную супругу», посол сэр Николас Трокмортон поделился своими сомнениями с Уильямом Парром, маркизом Нортгемптоном. При французском дворе и по всему Парижу, писал он, ходят клеветнические слухи. «Милорд, хотелось бы мне умереть, чтобы более не слышать позорных и ужасных измышлений о ее величестве, моей милосердной правительнице», от которых «волосы у меня на голове» встают дыбом «и уши горят. Я почти обезумел и не знаю, что отвечать; одни над нами смеются, другие угрожают, третьи поносят ее величество». Он горевал: «…сердце мое истекает кровью при мысли о клеветнических толках, которые я слышу; если их не погасить или если они окажутся правдой, наше доброе имя утрачено навсегда, нас ждут война и ниспровержение нашей королевы и страны».[213]

Узнав о смерти жены, Дадли немедленно удалился от двора в свой дом в Кью; Эми похоронили в алтаре церкви Святой Марии в Оксфорде. Похороны обошлись лорду Роберту в 500 фунтов, хотя сам он на похоронах не был и не воздвиг ей никакого памятника.

Менее чем через месяц он вернулся к королеве и, судя по всему, возобновил свои ухаживания.[214] Как заметил один придворный, «лорд Роб питает надежду, что женится на королеве, ибо она проявляет к нему такую благосклонность».[215] Некоторые считали, что такой исход неизбежен. Даже Томас Радклифф, граф Суссекс, зять леди Сидни, чьи отношения с Дадли все больше портились, пришел к выводу, что важнее всего для королевы произвести на свет наследника и потому союз с Дадли может оказаться необходимым злом: «Не хотелось бы, чтобы ее величество медлила с вопросом такой великой важности, но ей необходимо спешно выбрать; и в этом отношении следовать зову собственного сердца, [глядя] на того, кого она сама изберет, omnes ejus sensus titillarentur (при возбуждении всех чувств), что служит самым доступным средством, с Божьей помощью, подарить нам благословенного принца, который избавит нас от неволи. Если бы я знал, что в Англии есть другие законные наследники, я бы не стал подавать такой совет и посоветовал не спешить с выбором мужа. Но, видя, что она ultimatum refugium и что нашим целям не могут служить ни богатство, ни дружба, ни союз с иноземными странами, ни иные преимущества, даруемые супружеством, в отсутствие ее законного потомства, если королева кого-нибудь полюбит, пусть любит там и того, кого она изберет, так жажду я видеть ее любовь. И кого она полюбит и изберет в мужья, я полюблю тоже, буду почитать его и верно служить ему».[216]

Суссекс ссылался на бытовавшее тогда поверье, что половая жизнь полезна для женского и мужского здоровья.[217] Считалось, что девственники страдают от болезней, связанных с накоплением неоплодотворенного семени, отчего, как считалось, возникает истерия и болезни, известные как «материнские припадки», «удушье утробы» и «бледная немочь».[218] Подобные недомогания излечивались браком, поэтому считалось, что замужние женщины в целом здоровее, чем девственницы и вдовы.[219]

Не все разделяли взгляды Суссекса; многим казалось, что брак Елизаветы и Дадли вызовет катастрофу. Юбер Ланге, дипломат из Бургундии, сообщал, что английские аристократы «ясно дали ей понять, что ее слишком тесная близость с милордом Робертом Дадли вызывает их недовольство и что они ни в коем случае не позволят ему жениться на ней».[220] «Не знаю, что и думать, – писал Трокмортон из Франции, – молва столь обширна и передается здесь столь злобно, затрагивая брак лорда Роберта и смерть его жены, что я не знаю, куда смотреть и как себя держать». Виды на их брак следовало остановить, «ибо, в

случае их союза, стране грозит великая опасность гибели и разрушения. И чем больше я об этом думаю, тем больше желаю умереть, ибо жить в такое время я не хочу». Трокмортон умолял Сесила сделать все возможное, дабы «воспрепятствовать свадьбе», иначе последствия будут немыслимыми. «Королева, наша правительница, обесчещена, приговорена и предана забвению; страна погибла, раздроблена и пала жертвой… Держава… подвергается великой опасности».[221]

Трокмортон предпочел действовать прямо и решительно. Он послал в Англию своего секретаря Роберта Джонса, чтобы тот лично предупредил королеву о скандальных слухах, из-за которых она превратилась в посмешище при французском дворе, и напомнил о том, что грозит ее доброму имени в том случае, если она решит выйти замуж за своего фаворита.

Вечером в понедельник 25 ноября Роберт Джонс приехал во дворец Гринвич, где родилась Елизавета, – он был одной из любимейших ее резиденций.[222] Окна-фонари со средниками украшали фасад, выходящий на Темзу, а внутренние покои размещались в башне. В Гринвиче Елизавета часто принимала послов, так как дворец был удобно расположен вблизи доков, верфей и таможенных складов.

По прибытии Джонс нанес визит Сесилу и передал ему последние новости французского двора. Мария, королева Шотландии, уже слышала сплетни, окружавшие смерть Эми Робсарт, и считала, что Елизавета теперь «выйдет за своего конюшего». Ситуация вышла из-под контроля; Сесил был в ярости.

На следующий вечер Роберт Джонс ужинал с Дадли и членами Тайного совета в резиденции шотландского посла. Посреди ужина Дадли вдруг встал, сказав, что должен вернуться ко двору. Через несколько минут за столом появился некий человек, он попросил Джонса выйти. Когда тот повиновался, ему сообщили, что Дадли чуть позже желает встретиться с ним с глазу на глаз. После ужина Джонс разыскал Дадли в его апартаментах при дворе. Он застал Дадли в приступе ярости; новости французского двора достигли ушей Елизаветы, которая тогда находилась в Элтемском дворце; ей передали злорадное замечание Марии.

В среду вечером королева наконец дала Джонсу аудиенцию в приемном зале Гринвичского дворца. Он описал встречу в депеше, посланной Трокмортону в Париж. Когда Джонс сказал Елизавете, что испанский и венецианский послы распространяют слух о ее предполагаемом браке с Робертом Дадли, Елизавета ответила снисходительно: «Честное слово, я думала, произошло

что-то важное… Ему не следовало присылать вас сюда, ибо было бы разумнее держать вас на месте». Посланник тем не менее не сдавался и объяснил, что Трокмортон счел своим долгом сообщить ей «о таких вещах, которые могут затрагивать ее» лично, а не рисковать тем, что происходящее еще больше станет достоянием гласности. Когда Джонс откровенно пересказал королеве, что говорят о ее отношениях с лордом Робертом и об их возможной причастности к внезапной смерти Эми Робсарт, Елизавета беспокойно заерзала в кресле и закрыла лицо руками, а затем нервно расхохоталась. Она настаивала, что обстоятельства смерти жены Дадли «не затрагивают ни его честности, ни ее чести».[223]

Тем не менее две недели после смерти Эми Робсарт Елизавета держалась скованно и напряженно. Джонс решил, что дело «сильно ее огорчило», и отметил резкую перемену в ее настроении: «Ее величество выглядит не такой бодрой и оживленной, как прежде».[224] Визит Джонса никоим образом не сказался на отношениях Елизаветы и ее фаворита, и уже через несколько недель Трокмортон сообщал: ходят слухи, что Елизавета и Роберт Дадли тайно обвенчались. Испанский посол во Франции сказал ему: Елизавета доказала, «что она немногих почитает в своей стране, ибо ни один человек не посоветовал ей исполнить свою прихоть». В письме к Сесилу Трокмортон встревоженно просит его предпринять более решительные действия и обуздать страсти их своевольной королевы. «Помните, что ваша госпожа молода и подвержена страстям; вы ее советник и обязаны поддержать ее».[225]

Не только подданные Елизаветы просили ее изменить «образ жизни». В декабре Адольф, герцог Голштинский и дядя короля Дании, один из первых поклонников Елизаветы, написал о своей тревоге после продолжающихся сообщений из Англии о ее поведении.[226] Его письмо ужаснуло королеву, она нашла его унизительным доказательством широкого распространения порочащих ее слухов. В ответе герцогу Голштинскому, написанному под Новый год, она благодарила его за заботу о ее чести и уверяла, что она «никогда не забудет, как ей надлежит поступать в данном отношении». Она «сочтет за услугу, если он не станет верить тому, что слышит, так как слухи не имеют ничего общего с ее истинной честью и королевским достоинством». Наконец, она заверила его, что во всех своих поступках она не ищет ничего, «кроме славы Божией и сохранения своего достоинства».[227]

Вскоре враги Елизаветы воспользовались обвинениями против ее матери как отправной точкой для дальнейших нападок.

Она была дочерью Анны Болейн, «великой шлюхи» Европы; чего же от нее ожидать? В августе Трокмортон написал Сесилу, что некий Габриэль де Сакконе сочинил и напечатал клеветнический трактат, в котором мать Елизаветы называется «Иезавелью» и сравнивается с «языческими наложницами Соломона», ибо она убедила Генриха VIII повернуться спиной к истинной церкви. Их «грязное сожительство» стало результатом похоти, и Анну постигло достойное наказание за ее грехи. Сесил пришел в ужас: если Елизавета узнает о публикации, хрупкий мир с Францией, жизненно важный для безопасности Англии, под угрозой. Пока Сесил медлил, сотни экземпляров книги Сакконе были напечатаны и распространялись в Париже и за его пределами. Наконец в середине сентября, больше чем через месяц после получения письма Трокмортона, Сесил решился передать новость Елизавете. Она велела послу «спешно» отправляться к Екатерине Медичи, матери молодого короля Карла IX, и потребовать, чтобы «непристойную» книгу немедленно конфисковали. Но, хотя королева-мать изобразила изумление и отвращение к пасквилю, Екатерина не стала запрещать переиздания. Она лишь обещала просмотреть книгу, чтобы «составить о ней свое впечатление и на его основании отдать соответствующий приказ».

Екатерина и ее сын Карл имели все причины для отсрочки. Всем известно было, что они поддерживают Марию Шотландскую в ее притязаниях на английскую корону, и пасквиль играл им на руку. Очень не скоро появился указ Карла IX, в котором предписывалось вымарать «оскорбительные места» в книге, а до тех пор запрещалось ее продавать. Елизавету такой исход дела совсем не устроил; она слала сэру Николасу Трокмортону письмо за письмом и требовала, чтобы уничтожили весь тираж.

Наконец на второй неделе октября посол сообщил, что французский король приказал конфисковать весь тираж. К тому времени, однако, ущерб уже был причинен. Елизавета кипела гневом по отношению к Екатерине и Карлу.

Трокмортон советовал Елизавете поблагодарить короля Франции и королеву-мать за то, что те воспрепятствовали распространению пасквиля, но она отказалась, хотя, как указал Трокмортон, Екатерина Медичи будет крайне оскорблена таким несоблюдением этикета. Когда в конце ноября королева все же написала благодарственное письмо, то передала его через посла в Испании. Непочтительность была намеренной: Елизавета давала понять, что не простила французов за то, что те порочили ее мать. [228]

Глава 8
Плотская связь

Хотя Елизавету неоднократно просили разорвать отношения со своим фаворитом, Дадли, видимо, всерьез решил жениться на Елизавете и начал предлагать иностранцам политические услуги в обмен на решительную поддержку его сватовства к королеве. После брака с Елизаветой он получал неограниченную власть, а его родственникам гарантировалась безопасность. Дадли окончательно реабилитировались после опалы его отца и брата в годы правления Марии I. Несомненно, Дадли питал к Елизавете сильные чувства, но трудно отделить его любовь и преданность Елизавете-женщине от ожиданий милости и богатства, которые он надеялся получить у Елизаветы-королевы.

Остается лишь гадать, каковы были истинные чувства и желания самой Елизаветы. Представляла ли она себя женой Роберта Дадли? В самом ли деле хотела выйти за него замуж? Была ли влюблена в него? Со всей уверенностью можно сказать, что она ему доверяла и называла его «своим единственным источником радости». В другом случае она писала, что если она захочет выйти замуж, то предпочтет его «всем принцам на свете».[229] Совершенно очевидно, что Елизавета обожала Дадли. Они вместе танцевали, охотились, обменивались шутками, понятными только им двоим, и редко разлучались надолго; именно из-за их легкости и близости друг с другом и из-за частых проявлений нежности поползли слухи о предосудительном характере их отношений. Даже Сесил признавал, что Роберт Дадли, «вследствие выдающихся умственных и телесных талантов… весьма мил королеве».[230] Елизавета же, по мнению Сесила, вместо того, чтобы опровергать подобные слухи, как будто радуется тому вниманию, какое они привлекли к ней. Не слушая тех, кто советует ей изменить поведение, она играет в опасную игру… Впрочем, на самом деле Елизавета, скорее всего, прекрасно понимала, что брак с Робертом Дадли для нее невозможен, особенно после смерти Эми Робсарт.

В январе 1561 г. сэр Генри Сидни обратился к испанскому послу и передал от имени своего зятя предложение для его повелителя: если король Филипп поддержит сватовство Дадли к Елизавете, Дадли готов повиноваться ему и «служить ему как один из его вассалов».[231] Он обещал заручиться согласием королевы на то, чтобы папский нунций, аббат Мартинего, приехал в Англию по приглашению Тридентского собора, XIX Вселенского

собора католической церкви.[232] Сидни был известным и в высшей степени обласканным сторонником испанцев, поэтому Дадли вполне обдуманно рассчитывал на его роль посредника. Однако Сидни, помимо всего прочего, был еще мужем Мэри Сидни, одной из наперсниц королевы. Поэтому он, по мнению многих, был лучше других осведомлен о настроениях и мыслях Елизаветы. Сэр Генри поведал де Квадре, «как сама королева склоняется к этому браку». Он признал, что у Елизаветы и Дадли «роман», но заверил посла, что «целью его является брак» и «в нем нет ничего недозволенного или такого, чего нельзя исправить властью вашего величества». Знал ли Сидни доподлинно об отношениях королевы и Дадли и о ее желании выйти за него замуж? Конечно, женитьба его зятя на королеве была в его личных интересах, поэтому он защищал Дадли от обвинений в причастности к смерти жены. Хотя Сидни говорил, что «едва ли найдется человек, который не верил бы, что там совершено преступление» и даже «проповедники на кафедрах говорили об этом, не щадя чести самой королевы», он «не сомневался в том, что смерть жены Дадли стала результатом несчастного случая».[233]

Когда в апреле Роберту Дадли предоставили апартаменты при дворе, примыкавшие к покоям Елизаветы, естественно, поползли новые слухи.[234] «Лорд Роберт очень надеется жениться на королеве, – заметил один очевидец, – ибо она выказывает ему такую благосклонность. Он дарит ей много дорогих подарков».[235]

В середине апреля 1561 г. таможенники в Грейвсенде арестовали отца Джона Кокса, католического священника, и капеллана сэра Эдварда Уолдегрейва, в прошлом фаворита Марии I. Кокс собирался выехать во Фландрию. При нем нашли четки, требник, немного денег и письма для ссыльных католиков. На допросе у Хью Даррелла, местного мирового судьи, он признался, что вместе еще с пятью священниками он служил мессу в домах сэра Эдварда Уолдегрейва, сэра Томаса Уортона и леди Кэрью. Всех священников впоследствии арестовали и посадили в тюрьму.[236] В конфискованных бумагах обнаружили план заговора, целью которого было посадить на английский трон католика. Заговор основывался на пророчествах колдунов, которые одновременно являлись католическими священниками. По сведениям, полученным из анонимного источника при дворе, прорицатели «вызывали духов, дабы узнать, сколько будет править королева и что будет с верой». Елизавета, по сообщению испанского посла, была убеждена, что они «вызывали духов и вступали в сговор против нее».[237]

Для Сесила все это было эквивалентно очередному

католическому заговору, направленному на свержение Елизаветы, и служило веским доказательством того, что католикам доверять нельзя. Сурово допросили даже леди Уолдегрейв; ее спрашивали, что ей известно о приглашении королевы на Тридентский собор; что ей известно о приезде папского нунция, который должен был передать это приглашение; что ей известно о брачных намерениях королевы и о порядке престолонаследия, «если Господь не пошлет ей потомства». Кроме того, леди Уолдегрейв спрашивали, какую помощь она и ее муж оказывали католическим священникам и где она слушала мессу.[238]

Через несколько недель Сесил получил убедительные доказательства того, что существовал католический заговор с целью убийства Елизаветы и восстановления «истинной веры» в Англии. Письмо о скором приезде папского нунция, найденное дома у сэра Эдварда Уолдегрейва, дало Сесилу, который боялся возвращения Англии под крыло Рима и роста влияния католической церкви, возможность заявить, что заключенные, вступив в сговор с испанским послом, замышляли государственный переворот и реставрацию католицизма в Англии. Как Сесил писал Трокмортону, «епископ Аквила [де Квадра] так ловко научился притворяться, будто совершает здесь благие дела, в первую очередь церковные, но время от времени занимается и другим; он стремился как можно быстрее достичь своей цели, дабы мне не удалось вырвать ее с корнем». Сесил намекнул на то, что время арестов было выбрано не случайно: «Когда около месяца назад я распознал влияние Рима, то счел необходимым притупить надежды папистов, раскрыв нескольких служителей мессы и наказав их, о чем вы, не сомневаюсь, уже слышали. Господь свидетель, никому из них я не желаю зла, а наказываю лишь за злодеяния папистов, которые, благодаря снисходительности ее королевского величества, необычайно разрослись численно. Я нахожу, что мои действия послужили во благо».[239]

Сесил достиг именно той цели, какой он добивался. Тайный совет отказал во въезде в страну папскому нунцию Мартинего; переговоры об участии Англии в Тридентском соборе были немедленно прерваны, а надеждам Дадли жениться на Елизавете при поддержке испанцев не суждено было сбыться. Опубликовали и распространяли по всей стране подробный отчет о предполагаемом заговоре с целью убить королеву и восстановить католицизм.[240] Несмотря на то что действия Сесила расстроили замысел Дадли заручиться поддержкой Испании в своем сватовстве, слухи о предстоящей свадьбе королевы и Дадли продолжали беспрепятственно циркулировать все лето. В конце

июня Дадли дал в честь королевы еще один банкет и прием на реке. Когда Елизавета, Дадли и де Квадра оказались вместе на одной барке, Дадли предложил: поскольку посол также и священнослужитель, он может тут же, на месте, обвенчать их с королевой. По словам посла, «шутка зашла столь далеко, что лорд Роберт предложил ей: если она хочет, я, как лицо духовного звания, могу совершить над ними брачный обряд, а она, вместо того чтобы возмутиться, ответила, что не уверена, достаточно ли хорошо я говорю по-английски». На предложение Дадли де Квадра ответил: если Елизавета избавится от своих советников-протестантов и восстановит в правах католицизм, он с радостью обвенчает их, где и когда они пожелают.[241] В ноябре 1561 г., в попытке заткнуть рты сплетникам, Елизавета дошла до того, что переоделась камеристкой Кэтрин Кэри, племянницы Кэтрин Ноллис, чтобы посмотреть, как Дадли стреляет в Виндзоре.[242] Кэтрин Кэри, старшая дочь Генри Кэри, лорда Хансдона, троюродного брата королевы, была назначена камер-фрейлиной 30 января предыдущего года и вскоре стала одной из ближайших наперсниц Елизаветы. Через два года она вышла замуж за Чарлза Говарда, сына Уильяма Говарда, позже барона Говарда Эффингемского, 1-го графа Ноттингемского. Говард пользовался тем, что его отец поддерживал Елизавету перед ее восхождением на престол и стал ее верным слугой. Его отправили эмиссаром к французскому двору; он стал хранителем королевского поместья Аутлендс в Суррее. Женитьба на Кэтрин Кэри лишь укрепила его и без того прочные связи с королевой. Кэтрин и Чарлз стали настоящим оплотом елизаветинского двора, они пользовались большой любовью и поддержкой Елизаветы.

В том же месяце, когда королева любовалась стрельбой Дадли, леди Файнс де Клинтон, еще одна статс-дама Елизаветы, помогла ей тайно приехать к Дадли домой на ужин. По сведениям, полученным испанским посланником, Дадли «при ехал из Гринвича в дом графа Пемброка тринадцатого; ходили слухи, что он направляется в собственный дом. Переодетая королева оказалась там на следующий день; она ужинала с ними в обществе адмирала [лорда Клинтона] и его жены.[243]

В то время как при дворе продолжали циркулировать слухи о совместных пирах королевы и Дадли, Кэтрин Грей, протестантка и наследница престола, безрассудно начала тайный роман с Эдвардом Сеймуром, графом Гертфордом, еще одним претендентом на английскую корону.[244] Еще в декабре предыдущего года Кэтрин Грей не поехала на королевскую охоту, сославшись на зубную боль. Именно тогда парочка воспользовалась возможностью и тайно поженилась в покоях

графа.[245] По свидетельскому показанию очевидца, Кэтрин и Гертфорд «разоблачились» и «легли в постель в той же комнате, где их обвенчали». Едва оказавшись в постели, они «вступили в тесную плотскую связь».[246]

В последующие недели, по-прежнему без ведома королевы, Гертфорд регулярно приходил в покои Кэтрин при дворе. Вскоре Кэтрин забеременела и следующие несколько месяцев скрывала от Елизаветы свой растущий живот; она продолжала прислуживать королеве во внутренних покоях. Гертфорда же в мае послали во Францию с дипломатической миссией; подразумевалось, что оттуда он отправится в Италию.

В середине августа 1561 г., когда двор совершал регулярную поездку по Восточной Англии, королева узнала о замужестве Кэтрин и ее беременности. В Ипсуиче, присутствуя на службе с королевой и другими камер-фрейлинами, Кэтрин заметила, что все «перешептываются», и поняла, что «ее положение открыто».[247] В воскресенье вечером она поехала к Дадли домой, «у его постели» призналась в своей тайной свадьбе и беременности и умоляла его «замолвить за нее словечко перед королевой».[248] Когда Дадли на следующее утро все рассказал Елизавете, та пришла в ужас. Эдвард Сеймур был потомком Эдуарда III, и сын, появившийся на свет от союза с ним, становился фактически наследником Елизаветы и возможным соперником. Более того, если человек, в чьих жилах текла королевская кровь, женился без позволения королевы, такой поступок приравнивался к государственной измене. Кэтрин Грей заключили под стражу и посадили в Тауэр. Во Францию отправили гонцов с требованием немедленно вернуть Гертфорда на родину.[249] Елизавета боялась, что свадьба Кэтрин Грей и Гертфорда стала частью крупного заговора, в котором участвуют и другие ее камер-фрейлины. Ее тревога ясно заметна в письме с распоряжениями, которое она отправила 17 августа сэру Эдварду Уорнеру, коменданту Тауэра: «Вы… должны прямо спросить леди Кэтрин, кому еще было с самого начала известно о любви между графом Гертфордом и ею; и пусть знает, что снисхождения ей не будет, если она не скажет правду, не только о придворных дамах, но и о мужчинах, коим все было ведомо: ибо похоже, что в деле замешаны многие особы… Ясно, что замыслы их и цели были велики».[250]

Хотя следствие не выявило обширного заговора, королева была явно потрясена беременностью Кэтрин. Как сообщал испанский посол, Елизавета «отекла» и «начала сильно распухать».[251]

В августе 1651 г. восемнадцатилетняя Мария Стюарт, потерявшая незадолго до того своего мужа, Франциска II,

вернулась в Шотландию. Прожив за границей тринадцать лет, она намеревалась обосноваться в Эдинбурге.[252] Через несколько недель Франция, Шотландия и Англия подписали Эдинбургский договор, по которому все иностранные войска, как французские, так и английские, отводились из Шотландии. В августе шотландский парламент принял закон, по которому страна официально признавалась протестантской. Вдали от католического французского двора Мария, лишенная поддержки своей французской родни, должна была укрепить свои позиции на родине. Поэтому она смирилась с устрашающей для себя перспективой.

Прибыв в Шотландию, Мария выразила желание «стать добрым другом и соседом королеве Англии» и всячески подчеркивала свою солидарность с Елизаветой, такой же, как она, государыней: «Женщинам как никому другому важно жить в мире: уверяю вас, я желаю этого всем сердцем».[253] Однако многие по-прежнему сомневались в истинных намерениях Марии. Томас Рандолф, английский посол в Шотландии, выразил эти страхи так: «Что же касается привязанности этой королевы [Марии] к вашему королевскому величеству, либо она действительно так несравненно велика, либо она тщательно притворяется, искуснее, чем кто бы то ни было. Что бы ни двигало Шотландией – хитрость, притворство или обман, – у шотландских женщин еще свежи воспоминания, или она может с легкостью их воскресить».[254]

В начале сентября, пока Елизавета обдумывала, как ей обезвредить Кэтрин Грей, в королевский замок Гертфорд, где тогда остановился двор, прибыл Уильям Мейтленд Летингтон, советник Марии Стюарт. Елизавета показалась Летингтону подавленной и болезненной. Он сообщал, как, «судя по всему, она «чахнет, страшно похудела и бледна, как труп».[255] Засвидетельствовав свое почтение Елизавете и передав ей от кузины заверения в любви и доброй воле, Мейтленд сказал, что Мария просит Елизавету назначить ее своей преемницей на английском престоле. Такого Елизавета не ожидала; она надеялась, что Мейтленд подтвердит признание Марией права Елизаветы на английскую корону. Мейтленду она ответила осторожно, хотя и крайне откровенно. «Я обратила внимание на ваши слова, – сказала Елизавета, – что… в жилах вашей королевы течет кровь английских королей и что я обязана любить ее, так как по крови она мне ближе всех остальных. Не скрою, все это правда… я же со своей стороны не знаю лучшей [наследницы, чем королева Шотландии], и сама никого ей не предпочитаю…»[256]

Елизавета недвусмысленно сообщила, что предпочитает

видеть своей преемницей Марию и признает ее права на престолонаследие. Как, должно быть, обрадовался Мейтленд, услышав ее слова, и как ему не терпелось доложить об успехе своей миссии Марии! Но Елизавета еще не закончила.

Во время последней аудиенции с Мейтлендом перед его отъездом Елизавета ясно дала понять, что она тем не менее ни за что не назовет Марию Стюарт своей преемницей, так как боится, что это вызовет беспорядки.

«Желание ваше беспримерно… Вы словно требуете, чтобы я добровольно рассталась с жизнью, и машете перед моим лицом саваном… Как по-вашему, нравится ли мне собственный саван? Государи не могут любить родных детей, ибо те наследуют им… Как же тогда, скажите на милость, могу я полюбить кузину, назвав ее своей преемницей?.. И какая ждет нас опасность в таком случае, посудите сами! Ведь она могущественная государыня и близкая соседка; так что, назвав ее преемницей, мы тем самым ставим под сомнение наше теперешнее положение».[257]

Елизавета прекрасно знала о «непостоянстве англичан, о том, как все они не любят нынешнее правительство и с надеждой смотрят на следующего в очереди, и, естественно, мужчины более к таким расположены: plures adorant solem orientem quam occidentem [больше мужчин поклоняются восходящему, нежели закатному солнцу]». Как подданные смотрели на нее в годы правления ее сестры, так, возможно, смотрят сейчас на Марию, средоточие их надежд.[258] Мейтленд не выполнил поручение так успешно, как он надеялся.

В виде утешения Елизавета сообщила послу, что исполнит просьбу королевы Шотландии и встретится с ней лицом к лицу.[259] Ее обещание также осталось невыполненным; события во Франции через несколько недель вынудили Елизавету сменить курс. 1 марта 1562 г. войска Франсуа, герцога Гиза, истребили несколько сотен гугенотов во время так называемой «резни в Васси» на северо-востоке Франции. Теперь Елизавета не могла и думать о встрече с Марией Стюарт, племянницей Гиза. С тех пор в их отношениях нарастали взаимные враждебность и подозрительность.

В Англии боялись, что Гизы затеяли католический крестовый поход, который вскоре обрушится на их протестантскую страну. В то же время Елизавета узнала новость, которой она давно боялась. 24 сентября Кэтрин Грей разрешилась в Тауэре от бремени. У нее родился сын Эдвард Сеймур, виконт Бошам. По условиям завещания Генриха VIII и по английским законам теперь он стоял за матерью в линии наследования.[260] Англия одновременно получала наследника-мужчину и протестанта.

Елизавета тут же потребовала, чтобы парламент «признал Эдварда Сеймура бастардом».[261]

В конце сентября сэр Николас Трокмортон из Парижа предупредил Елизавету еще об одном заговоре с целью покушения на ее жизнь. На квартиру к послу пришел некий итальянец, назвавшийся Жаном Батистом Белтраном Лионским, и сообщил, что некая «важная особа» поручила греку по имени Маниола де Корфу «совершить путешествие в Англию, дабы отравить королеву». Белтран недавно побывал в Англии, где рассказал о заговоре Дадли и Сесилу, описал внешность будущего убийцы и добавил, что де Квадре, испанскому послу, также известно о заговоре. Вернувшись во Францию, Белтран сообщил Трокмортону, что Маниола уже прибыл в Париж и готов отплыть в Англию, дабы свершить свое черное дело. Если ему назначат «хорошее вознаграждение за труды» и опасность, которой он подвергался, «раскрыв дело», Белтран обещал сопровождать Маниолу в Англию «и там задержать его и все его шкатулки со всевозможными ядами». Трокмортон заверил Белтрана, что он получит щедрую награду, если разрушит планы заговорщиков и задержит Маниолу, хотя никакой конкретной суммы он не обещал.[262]

Через две недели Трокмортон снова написал королеве и предупредил, что 6 октября Маниола де Корфу тайно отплыл в Англию через Дьеп. Трокмортон описал приметы убийцы: около сорока лет, с черной бородой, невысокий, но полный, со шрамом на левой стороне носа.[263] Сесил приказал открыть следствие, однако с удовлетворением узнал, что тревога ложная.[264] Тем не менее, как впоследствии сообщал де Квадра, Сесил провел «много часов», выслеживая двоих людей, описанных Белтраном; «не были бы затрачены такие усилия, по крайней мере, самим Сесилом, если бы они не восприняли происходящее всерьез».[265]

Глава 9
Arcana Imperii (государственные тайны)

18 января 1562 г. в Уайтхолле королеве показали пьесу «Горбодук, или Феррекс и Поррекс», написанную Томасом Нортоном и Томасом Секвиллем, двумя юристами из «Внутреннего темпла». Название пьесы связано с именем легендарного британского короля, который недальновидно разделил страну между сыновьями. Авторы пьесы, написавшие о том, к какой катастрофе ведет нерешенный вопрос с престолонаследием, надеялись побудить королеву скорее выйти замуж и произвести на свет наследника.[266] В «Горбодуке» не только доказывали необходимость и важность брака, но и советовали королеве выйти за Роберта Дадли, а не за Эрика XIV, короля Швеции.[267]

Англо-шведский брак, за который рьяно ратовал Эрик и его послы с первых дней правления Елизаветы, все больше нравился противникам Дадли. После внезапной смерти Эми Робсарт и сомнительных попыток Дадли заручиться поддержкой Испании и папы в сватовстве к королеве число сторонников «шведской партии» неуклонно росло. В июле 1561 г. в Лондон начали прибывать свадебные подарки, а когда в Англию прибыл посол Эрика, шведский канцлер Нильс Гёранссон Гюлленстирна, чтобы обговорить условия, его ждал великолепный официальный прием.[268]

Вначале Елизавета отвечала шведам отказом, но, когда до Англии дошли слухи о том, что Эрик XIV намеревается сделать предложение Марии Стюарт, Елизавета отнеслась к сватовству Эрика более благосклонно.[269] По прибытии в Англию Гюлленстирне было поручено первым делом навести справки о нравственности и целомудрии Елизаветы. «Я не увидел никаких признаков нескромной жизни, – сообщал посол, – зато заметил много признаков целомудрия, девственности, истинной скромности, поэтому готов поручиться жизнью, что она непорочна».[270] Посол уверял, что короля Швеции ждут в Англии «со дня на день» и при дворе идут приготовления к его встрече.[271] Эрик отплыл из Швеции в ноябре, но вскоре вынужден был повернуть назад из-за плохой погоды.[272] Приезд пришлось отложить до следующей весны.

Хотя в последующие несколько месяцев шведский посол

продолжал отстаивать интересы своего государя, Дадли и его сторонники объединили усилия против соперника. Представление «Горбадука» призвано было подчеркнуть их правоту.[273] Как объяснил один из зрителей, бывший на премьере, пьеса, и особенно входившая в нее пантомима, в которой королю предлагали обычный бокал вина, от которого он отказывался, а затем золотой кубок, который он принимал, показывала, как «мужчины отвергают уверенность и принимают неуверенность», что означало: «Для королевы лучше выйти за л[орда] Р[оберта]… чем за к[ороля] Швеции».[274]

В марте 1562 г. Эрик так и не приехал, и, считая, что брак между ними все менее вероятен из-за того, что «королева такое значение придает л[орду] [Роберту]», Гюлленстирна приготовился к отъезду на родину. Хотя Елизавета пыталась задержать посла, боясь, что от нее он отправится прямиком к Марии Стюарт, в начале апреля 1562 г. Гюлленстирна наконец покинул Англию.[275]

Успешно устранив шведского соперника, Дадли вновь преисполнился надеждой в конце концов получить руку королевы.[276] Елизавета сказала де Квадре, что она свободна от каких-либо брачных обязательств, «несмотря на то что, возможно, думают и говорят во всем мире», но «она считает, что не сумеет найти человека достойнее лорда Роберта», если ее обяжут выйти замуж за англичанина. Де Квадра в шутку посоветовал ей «не мешкать более, а скорее удовлетворить лорда Роберта».[277]

Но 28 апреля Боргезе Вентурини, секретарь де Квадры, сделал заявление, которое изменило все. Он рассказал о тайных сношениях де Квадры с Дадли, о связях посла с английскими католиками и о сделанных им нелестных замечаниях по поводу вольностей, которые Елизавета позволяет себе со своим фаворитом.[278] Сесил наконец получил то, за чем давно охотился. Он уже некоторое время подкупал Вентурини, чтобы тот шпионил за послом, в надежде узнать что-нибудь, способное дискредитировать де Квадру в глазах королевы и положить конец его переговорам с Дадли о браке и реставрации католицизма.[279] По словам Вентурини, де Квадра даже предполагал, что «королева тайно повенчана с лордом Робертом», и написал сонет, «полный бесчестья по отношению к королеве и лорду Роберту».[280]

Сесил немедленно вызвал к себе испанского посла и обвинил его, среди прочего, в том, что он превратил Дарем-Хаус, свою резиденцию, в очаг католического заговора против короны. Де Квадра писал о «катастрофе», которая случилась в его доме, и о том, как Вентурини, «подкупленный министрами королевы», «взвалил на меня более, чем имел на то право».[281] В ответ на

обвинения, что он написал Филиппу Испанскому о якобы имевшей место тайной свадьбе королевы и лорда Роберта в доме графа Пемброка, де Квадра напомнил слова самой Елизаветы: «В тот день, когда она вернулась из дома графа вместе с лордом Робертом, ее камер-фрейлины спрашивали, надо ли им целовать ему руку так же, как и ей; на что она ответила, что не надо и чтобы они не верили всему, что говорят». Через два или три дня, по словам посла, Дадли признавался, что королева обещала ему выйти за него замуж.

До тех пор Елизавета и Дадли считали, что де Квадра сочувствует их связи, но теперь узнали, что он передавал сплетни, порочившие их обоих, и советовал Филиппу II воздержаться от поддержки их брака из страха оттолкнуть от себя английских католиков.

Посол отрицал свою двуличность, но ему никто уже больше не верил.[282]

Отчаянно желая спасти свою государыню от скандального брака с Дадли, две ее статс-дамы, Кэт Эшли и Дороти Брэдбелт, взяли дело в свои руки. Они надеялись, что им все же удастся устроить брак Елизаветы с королем Швеции. Для этого нужно было все же уговорить Эрика наконец приехать в Англию.[283] Хотя о Дороти Брэдбелт известно, что она служила во внутренних покоях, а в дипломатической переписке венецианского посла в 60-х гг. XVI в. утверждалось, что она «часто» «делила постель с королевой», сведений о ней крайне мало.[284] Она не была аристократкой; нет никаких доказательств, что она служила при дворе до воцарения Елизаветы. И все же, как показывает ее участие в «шведской партии», Дороти была решительной женщиной, готовой на все ради того, чтобы защитить честь своей королевы.

22 июля Дороти вместе с Кэт Эшли написала канцлеру шведского короля, Гюлленстирне, и намекнули, что сватовство короля может окончиться успешно, если он лично приедет в Англию.[285] Некие Джон Кайл и Джеймс Голдборн, бывший слуга Эшли, также написали своим друзьям в Швецию, они подчеркивали все преимущества брака шведского короля и Елизаветы. Они надеялись выгадать от союза с богатым шведским королем.[286] Не впервые Эшли действовала на свой страх и риск, беря сторону «шведской партии». Так, она заранее вела переговоры с Джоном Даймоком, лондонским торговцем драгоценностями, который собирался отплыть ко двору шведского короля и торговать там драгоценными камнями.

В июле 1565 г., перед самым отъездом, Даймок пришел в Уайтхолл к Кэт Эшли и спросил, верно ли, что Елизавета выходит

за Роберта Дадли. Кэт «торжественно объявила, что королева свободна от каких-либо обязательств и что она не выйдет за лорда Роберта». Дабы придать своим словам дополнительный вес, Кэт и ее муж Джон, хранитель драгоценностей короны, задумали еще один план, чтобы убедить шведского короля в благосклонности к нему королевы, на сей раз при участии Даймока. Елизавета заинтересовалась большим рубином, который показывал ей ювелир, однако заявила, что такой камень ей не по карману. По наущению Джона Эшли Даймок предложил королеве показать тот же камень Эрику и проверить, купит ли он его для нее в знак своей привязанности. Елизавета только рассмеялась и сказала: «Если даже они понравятся друг другу, все будут говорить: смотрите, щедрый король женился на скаредной принцессе…»

Даймок предложил Елизавете, чтобы она, в знак своей благосклонности, послала Эрику кольцо со своего пальца. Елизавета не отдала кольцо, но согласилась послать другие, не такие интимные подарки, в том числе пару черных бархатных перчаток, «красивого английского мастифа» и французский перевод книги Кастильоне Il Cortegliano («Придворный»). Эрик в ответ прислал Елизавете два драгоценных камня и свой портрет. Казалось, замысел камер-фрейлин увенчается успехом: обе стороны проявили интерес к «шведской партии». В благодарность за поддержку и в знак признательности Эрик подарил Кэт Эшли две соболиные шкурки, «на серебряной подкладке и надушенные».[287] Воодушевившись, Кэт написала шведскому канцлеру, призывая того уговорить короля приехать в Англию.

4 августа Сесил перехватил эти письма и распорядился немедленно учинить следствие. Узнав о тайной переписке, Елизавета пришла в ярость и поспешила сообщить Гюлленстирне, что его осведомительницы – «жалкие обманщицы», которым не стоит верить. Елизавета приказала Кэт Эшли «оставаться под домашним арестом», а Дороти Брэдбелт передала Сесилу.[288] Елизавета отличалась повышенной чувствительностью к любому вмешательству в то, что она называла arcana imperii – государственные тайны, – особенно со стороны ближайших к ней женщин.

Новость о скандале при дворе и аресте двух наперсниц Елизаветы быстро распространилась за границей. В бюллетене, изданном в Лувене, где находили пристанище беглые английские священники, сообщалось, что «недавно были скомпрометированы при лондонском дворе мужчины и женщины, которые в прошлом пользовались благосклонностью королевы, среди них миссис Эшли, которая обладала таким влиянием на королеву, что

казалось, будто она покровительница всей Англии».[289] Однако меньше чем через месяц, к изумлению многих как в Англии, так и за ее пределами, обе женщины вернулись на свои прежние места. Возможно, Елизавета не хотела терять своих наперсниц и потому простила их. А может быть, она просто использовала камер-фрейлин в своих политических целях? Елизавета явно не собиралась выходить замуж в Швецию, но ей не хотелось, чтобы в Европе злословили о ее связи с Дадли. Поэтому поощрение «шведской партии» шло ей на пользу. В пользу последней версии говорит то, что Эшли и Брэдбелт так быстро вернулись к королеве. Переписка была средством, с помощью которого Елизавета проверяла, как ее подданные и иностранные государи относятся к ее возможному браку. Впоследствии она со спокойной душой могла обвинить во всем своих приближенных в том случае, если бы мысль о браке не нашла повсеместного одобрения. Елизавета в очередной раз воспользовалась своими камер-фрейлинами, которые вели дело от ее имени, сама же королева оставалась в стороне, оберегая свое положение и свою репутацию.

Глава 10
Оспа

В начале правления Елизавета регулярно посещала дворец Хэмптон-Корт, построенный на берегу Темзы. Дворец являл собой поистине величественный вид: кирпичи, покрашенные в красный цвет, три яруса решетчатых окон, ухоженный парк, преобразованный по приказу Генриха VIII в тот год, когда родилась Елизавета, и позолоченные флюгеры, которые держали золотые звери, высоко над башенками и куполами на уровне крыши.[290] Внутри дворец на восемьсот комнат был столь же величественным. Все стены украшали великолепно раскрашенные гобелены; потолки и полы во всех помещениях внутренних покоев были вызолочены и расписаны по-своему.[291]

Привилегированные гости поражались при виде роскоши самого внушительного помещения дворца – приемного зала королевы, знаменитого Райского зала, где Елизавета, сидя на троне, обитом коричневым бархатом, вышитым золотыми нитями и украшенным бриллиантами, давала аудиенции, принимала иностранных послов и проводила публичные церемонии. Над троном висел балдахин, изготовленный для Генриха VIII, расшитый королевскими гербами, окруженными эмблемой ордена Подвязки; герб украшали крупные жемчужины и бриллиант. Рядом стоял стол, накрытый скатертью, «расшитой сплошь жемчугом», а на нем – отделанные драгоценными камнями водяные часы, зеркало, украшенное жемчугом, и шахматы из алебастра. Рядом помещалась библиотека, в которой, помимо многочисленных книг, хранились всевозможные диковинки, в том числе перламутровая шкатулка, трость, «сделанная из рога единорога» и кубок из лосиного рога; считалось, что он разобьется, если в кубок подсыплют яд. Еще в одной комнате стояла кровать, которую Генрих VIII брал с собой на осаду Булони в последние годы своего правления, и кровать, в которой Джейн Сеймур родила Эдуарда VI.

Как заметил один гость-итальянец, дворец также «изобиловал всевозможными удобствами». По свинцовым трубам общей протяженностью 3 мили во дворец доставлялась свежая вода для купания и приготовления пищи. В ванной Елизаветы имелась изразцовая печь, которую топили так называемым «морским углем» (его привозили с каменноугольных месторождений, расположенных у морского побережья). Скорее всего, с помощью печи создавали пар наподобие турецкой бани.[292]

В начале октября 1562 г., находясь в Хэмптон-Корте, королева почувствовала недомогание и решила принять ванну перед тем, как отправиться на укрепляющую прогулку в парк. Через день или два у нее поднялась температура и закружилась голова, начался озноб. 15 октября она вынуждена была поспешно прервать письмо к Марии Стюарт словами: «Жар, от которого я страдаю, не дает мне далее писать».[293] Немедленно послали за доктором Беркотом, в высшей степени уважаемым врачом, выходцем из Германии. Он диагностировал оспу.[294]

Ужасные симптомы оспы описал юрист, переводчик и врач Томас Фэр, чей «Распорядок жизни» (1544) стал одним из самых популярных читаемых медицинских трактатов того времени: «Признаками служат зуд и раздражение кожи, как будто ужаленной крапивой, головная боль и боль в спине и т. д.; иногда все члены покрываются струпьями или язвами, которые проходят стадии пятна, папулы, пузырька, пустулы, уродующих тело, а также сильные боли в области лица и глотки, сухость языка, охриплость голоса и, у некоторых, дрожание сердца от высыпаний».[295]

Так как у королевы большинства симптомов не наблюдалось, сначала она отказалась верить диагнозу Беркота и потребовала, чтобы «этого мошенника» убрали с глаз ее долой. Несомненно, Елизавета очень испугалась оспы, болезни, после которой выживали немногие. У выживших же часто оказывалось изуродованным лицо. Какая ужасная перспектива для ее тщеславия! Несколько фрейлин переболели оспой за несколько недель до королевы, а Маргарет Сент-Джон, графиню Бедфорд, двадцати девяти лет, ровесницу королевы и мать семерых детей, оспа свела в могилу.

На следующий день состояние Елизаветы ухудшилось. В письме герцогине де Парма де Квадра писал, что «королева заболела лихорадкой в Кингстоне и теперь болезнь перешла в оспу. Сыпь не может прорваться, поэтому ее жизнь в большой опасности. В полночь спешно отправили в Лондон за Сесилом. Если королева умрет, это произойдет очень скоро, самое большее через несколько дней, и теперь здесь только и разговоров о том, кто станет ее преемником».[296]

Прошло четыре дня; высыпаний по-прежнему не было, но жар усилился, и королева впала в кому. Елизавета была на грани жизни и смерти; судьба Англии целиком зависела от исхода ее болезни. Когда распространилась весть о том, что у королевы оспа, вся страна затаила дыхание. Впервые с начала правления Елизаветы ее советники испугались. Она бредила, не приходила в сознание. Члены Тайного совета собрались на срочное совещание,

чтобы избрать преемника.[297] «В тот день во дворце царило великое волнение, – сообщал де Квадра, – и, если бы ей вскоре не стало лучше, многие тайные мысли стали бы явными». Тайный совет дважды обсуждал вопрос о престолонаследии, однако им не удалось прийти к согласию. Одни «желали следовать завещанию короля Генриха и провозгласить наследницей леди Кэтрин Грей»; другие поддерживали притязания Стюартов, в частности Марии Стюарт. Роберт Дадли, среди прочих, как говорили, был «резко против» Кэтрин Грей и встал на сторону Генри Гастингса, 3-го графа Хантингдона, видного протестанта и потомка Эдуарда III, к тому же мужа Кэтрин Дадли, младшей сестры Роберта Дадли.[298] Обсуждение затянулось далеко за полночь, но ни к какому решению так и не пришли.

Полагая, что конец близок, советники Елизаветы встревоженно толпились вокруг ее постели. Через несколько часов она пришла в сознание и на случай своей смерти просила их назначить лорда Роберта Дадли протектором с доходом 20 тысяч фунтов в год. По словам одного очевидца, при виде их замешательства «королева объявила, что, хотя она любит и всегда любила лорда Роберта, Господь свидетель в том, что между ними никогда не было ничего недостойного». Кроме того, она повелела назначить Тэмуорту, конюху, подчиненному Дадли, пенсию в размере 500 фунтов в год.[299] Может быть, Елизавета наградила Тэмуорта за осмотрительность, за то, что он держал язык за зубами и никому не рассказывал об отношениях его хозяина и королевы?

Двух конных гонцов срочно послали за врачом; доктор Беркот вернулся ко двору. Еще досадуя на королеву, он в сердцах бросил посыльным: «Что за бедствие! Если она больна, дайте ей умереть! Назвать меня мошенником за мою доброту!» Один из посыльных пригрозил убить доктора, если тот не поедет с ними и не сделает все возможное для спасения королевы. Вынужденный подчиниться, Беркот сел на лошадь и галопом поскакал назад, в Хэмптон-Корт, где его привели к постели Елизаветы. Он чуть не опоздал. В ночь на 16 октября «придворные горевали по ней, как если бы она уже умерла». Затем, вскоре после полуночи, на руках королевы выступили первые красноватые пятнышки. Заметив их, Елизавета испуганно спросила у Беркота, что это такое. «Это оспа», – ответил он, на что Елизавета простонала: «Божье наказание! Что лучше – рубцы на руках и лице или смерть?»[300]

Елизавету лечили по старинному японскому способу, который проник в Европу в начале XII в. Он назывался «лечение красным». Больного заворачивали в красную материю, так как считалось, что красный цвет предотвращает образование рубцов.

Елизавету закутали в ткань алого цвета, оставив свободными лишь лицо и одну руку, и уложили на тюфяк у камина в спальне.[301] Затем Беркот поднес к ее губам флакон и велел ей выпить, сколько она сможет. Она ответила, что ей «очень неудобно». Шли часы; первые пятнышки сменились папулами, пузырьками, а затем пустулами, которые высыхали и превращались в струпья или корочки.

Послы срочно передавали новости из королевской опочивальни. Мартин Кьернберк, шведский посланник, сообщал Нильсу Гюлленстирне: «Наша королева заболела оспой, и перед тем, как у нее появились высыпания, ее жизнь была в большой опасности, так что Тайный совет постоянно совещался в течение трех дней; на третий день ей стало немного лучше, но у нее еще сильный жар, так еще не весь яд вышел из организма и находится под кожей».[302]

У постели Елизаветы дежурила верная Мэри Сидни. Родив 27 октября 1561 г. своего четвертого ребенка, дочь, леди Сидни вернулась на службу во внутренние покои королевы. После того как Елизавета опасно заболела, она самоотверженно служила ей. Ухаживая за королевой в разгар болезни, Мэри Сидни сильно рисковала заразиться сама. Больные оспой оставались заразными примерно три недели, с первых проявлений болезни до тех пор, когда засыхал последний струп. Вирус передавался через одеяла и постельное белье или одежду, но чаще по воздуху. Побывав в тесном контакте с королевой, Мэри Сидни действительно заразилась оспой, и, хотя она выжила, ее лицо осталось обезображенным. Как позже писал ее муж, сэр Генри Сидни, «уезжая в Ньюхейвен [Гавр], я оставил ее прекрасной дамой – во всяком случае, мне она казалась самой красивой. Вернувшись, я застал ее уродливой. Ее обезобразила оспа, которой она заразилась, постоянно ухаживая за драгоценнейшей особой ее величества, страдавшей той же болезнью, шрамы от которой, к ее крайнему недовольству, с тех пор остаются у нее на лице».[303]

Леди Сидни заразилась особенно опасной разновидностью вируса и вынуждена была удалиться от двора и поправлять здоровье в Пенсхерст-Плейс. Филип, ее старший сын, которому тогда было почти восемь лет, также заразился оспой и всю оставшуюся жизнь ходил с оспинами на лице, на что иногда горько сетовал. Леди Сидни почти не утешило то, что ее маленькие дочери, Елизавета и Мария, которым тогда было один и два года, избежали болезни.[304]

Постепенно состояние королевы улучшалось, хотя, пока она выздоравливала, в опочивальню допускались только камер-фрейлины и Роберт Дадли. В письме шотландскому

Государственному секретарю Уильяму Мейтленду Дадли упоминает спор о престолонаследии, возникший вследствие болезни королевы: «Господь всемогущий сохранил для нас настоящее, ибо ее величество благополучно избавились от опасности; я еще не видел, чтобы болезнь так быстро от кого-либо отступала. Однако отчаяние из-за болезни ее величества было велико, и, поскольку болезнь поразила ее столь внезапно, тем в большее замешательство пришла вся страна, учитывая положение, ибо эта маленькая буря потрясла все дерево, с сильными и слабыми ветвями. Отдельные сгнившие ветви так тряслись, что вскоре отпали. Пусть эта тяжелая болезнь да послужит хорошим уроком, и, поскольку ей не нанесен телесный ущерб, не сомневаюсь, во всех иных отношениях все будет хорошо. Как вам известно, редко принцы бывают затронуты таким образом, и такие воспоминания необходимы в Его взгляде, который управляет всем…»[305]

Елизавете необычайно повезло: в ноябре, когда в Европе вспыхнула эпидемия, от оспы умерла Сибилла Пенн, бывшая няня Эдуарда VI, а вместе с ней погибли еще несколько тысяч англичан. Доктор Беркот, который выходил королеву в трудный час, канул в безвестность, но в знак благодарности королева приказала выделить ему участок земли и подарила пару золотых шпор, принадлежавших ее отцу, Генриху VIII. Затем Елизавета «пожелала, чтобы ей более не напоминали о ее болезни».[306]

Когда Елизавета узнала, что во время экстренных заседаний протестанты из Тайного совета обращали свои взоры к Генри Гастингсу, графу Хантингдону, предлагая назначить его наследником престола, она сделала Кэтрин Гастингс, графине Хантингдон (в девичестве Дадли), «едкое замечание».[307] Хотя графиня в конце правления Елизаветы станет близкой наперсницей королевы, в первые годы королевская кровь графа, несомненно, порождала «ревнивое зазнайство» в нем и его жене. Хотя леди Мэри Сидни доказала свою верность, ухаживая за Елизаветой, пока та болела оспой, ее сестре, графине, удалось вызвать недовольство королевы. Елизавете показалось, что у графа Хантингдона и его жены имеются некие претензии на престол. Елизавета публично высмеивала графиню при дворе и не спешила назначать графа на сколько-нибудь важную должность. Их отношения не улучшались вплоть до начала 70-х гг. XVI в., когда Елизавета все же оценила непоколебимую преданность Хантингдонов.

В одной из многих написанных Елизаветой молитв она упоминает время своей болезни и страха: «Желая предупредить меня или справедливо наказывая, Ты в милости Своей поразил

меня опаснейшим недугом, едва не стоившим мне жизни. И душу мою Ты поразил многими муками; и помимо меня испытал Ты всех англичан, чьи мир и покой зависят от моего здоровья как Твоей служанки, которая ближе всех к Тебе, не придавая значения грозившей мне опасности, Ты оставил подданных моих в изумлении».[308]

Считалось, что жизнь Елизавете спасли Божественное вмешательство и ее характер. По случаю выздоровления королевы отчеканили памятные золотые медали. На аверсе лицо королевы изображено без каких-либо следов болезни; на реверсе – бросающая змею в огонь. Это отсылка к библейскому святому Павлу, укушенному змеей, после чего он также остался невредим (Деян., 28: 1–6): «Если Бог с нами, кто может быть против нас».[309]

Выздоровление королевы от оспы было воспринято как знак Божьей милости, как и ее якобы не обезображенное оспой лицо. Но похоже, что невредимое лицо Елизаветы было необходимым вымыслом. 27 октября де Квадра написал герцогине Пармской, что «королева встала из постели и лечит только отметины на лице, дабы избежать обезображивания», а в письме к Филиппу II в феврале следующего года он упомянул о том, как Елизавета уверяла своих советников, что у нее нет морщин, зато есть следы от оспы.[310] Однако в последующие годы был принят официальный рассказ о безупречной красоте Елизаветы и ее несравненном цвете лица; ее белую кожу воспевали в стихах, пьесах и изображали на всех парадных портретах. Елизавета понимала, насколько красота увеличивает ее власть. Королева должна была оставаться красивой и моложавой, невзирая на шрамы от оспы и влияние времени. Легенда ограждала королеву и от обвинений в прелюбодеянии, ведь следы от оспы часто путали со следами от сифилиса, в котором видели результат половой распущенности.

Возможно, именно из-за нежелания признать, что и ее лицо отмечено шрамами, Елизавета испытывала неприязнь к тем, чьи лица были обезображены оспой. Вместо того чтобы выказать сочувствие Мэри Сидни, которая ухаживала за ней, пока она болела, и в результате заразилась сама, Елизавета относилась к леди Сидни с презрением. Позже королева не скрывала своего отвращения к перспективе брака с герцогом Алансонским, также переболевшим оспой и, как и Мэри Сидни, обезображенным болезнью.

После того как королева выздоровела, Рождество и Новый год праздновали особенно весело и пышно. Каждый год в Уайтхолле двенадцать дней Рождества проводили в пирах и праздниках.

Помимо банкетов и особых развлечений, в день Нового года по традиции королеве дарили подарки.

В том же 1563 году Кэт Эшли, попавшая в опалу из-за поддержки «шведской партии», подарила королеве дюжину носовых платков, расшитых золотой и серебряной тесьмой. Елизавета в ответ послала ей две позолоченные чашки, а также позолоченные солонку, ложку и перечницу. Подарки свидетельствовали о том, что королева по-прежнему привязана к своей воспитательнице. Дороти Брэдбелт, также впавшая в немилость, подарила Елизавете пару батистовых рукавов.[311] Кэтрин Ноллис не было в Уайтхолле на праздниках; судя по портрету, в то время она находилась на поздних сроках беременности.[312] Ее сын Дадли, последний из четырнадцати детей Кэтрин, родился 9 мая 1562 г., но через несколько недель умер. Кэтрин предстояло еще вернуться ко двору. Несмотря на траур, она послала королеве в качестве новогоднего подарка красивый ковер с золотой бахромой.[313] Обмен подарками происходил публично; относительно подарков для королевы существовали четкие указания в зависимости от ранга, статуса и пола дарителя. Герцог, маркиз, епископ или граф могли дарить цветной шелковый кошелек, в котором лежало 20–30 фунтов в золотых монетах, в то время как от архиепископа ждали 40 фунтов. Взамен королева дарила им серебряную позолоченную пластинку соответствующего веса. Фрейлины и придворные низшего ранга также дарили подарки.[314] Все полученные и подаренные подарки и пластинки заносились в особые списки, которые скреплялись королевской подписью; многие списки сохранились. Деньги передавались кому-либо из придворных высшего ранга; после того как королева осматривала другие подарки и одобряла их, их забирали камер-фрейлины. Особой популярностью пользовались роскошные рукава, которые привязывались к запястьям, красиво переплетенные книги, носовые платки, плоеные воротники и сумочки, наполненные ароматическими травами. Кроме того, дарили и сладости. Среди подарков, перечисленных в списках, значатся имбирные конфеты, марципановые фигурки, «пирог из айвы» и два «горшочка с вареньями». Дамы Елизаветы проявляли изобретательность в выборе подарка, ведь они лучше других знали, что королева любит и что ей нужно. Одни дарили дорогие ткани или белье, другие – пуговицы, пряжки, драгоценные камни или золотые кисти, которые потом пришивались к одежде. Елизавета славилась тем, что без конца теряла вещи или клала их не на место; фрейлин то и дело посылали искать пропавшие перчатки, кошелек, перо, украшенное драгоценными камнями, веер или

другие украшения с одежды. Все потери должным образом отмечались Бланш Парри, хранительницей королевских драгоценностей; в одной сделанной ею записи значится: «Потеряно, со спины ее величества, 17 января [1568 г.] в Вестминстере: один золотой наконечник шнурка, покрытый эмалью, с темно-красного платья… из наконечников двух видов потерян тот, что больше».[315]

В начале января 1563 г. королева и двор переехали в Виндзор, так как в Лондоне вспыхнула эпидемия бубонной чумы, унесшая много сотен жизней.[316] Прибегли к строгим мерам предосторожности. Запрещалось перевозить по Темзе в Лондон или из Лондона дрова и другие товары; уличенных в этом вешали без суда и следствия. Жителей Виндзора, получивших товары из Лондона, выселяли из домов, а их дома запирали.[317] Дополнительные меры предпринимались для безопасности королевы. При дворе объявили карантин; к королеве почти никого не допускали. Иностранных послов она принимала лишь через сорок дней после их прибытия в Англию. Анонимный хроникер Тюдоров писал о «великих стенаниях» во время болезни королевы и язвительно добавлял: «Ни один человек с уверенностью не знает, кто преемник; все спрашивают, кто чью сторону займет».[318]

Глава 11
«Львы рыкающие»

В то время как Елизавета болела оспой, схватили трех заговорщиков – Артура Поула,[319] его брата Эдмунда и зятя Энтони Фортескью. Их арестовали, когда они пытались бежать во Францию,[320] и посадили в Тауэр. Их обвинили в заговоре «с целью низложить королеву, изменить состояние страны, добиться смерти королевы, поднять в стране мятеж и сделать королевой Англии Марию Стюарт».[321] На допросе они открыли участие в заговоре и Франции, и Испании.[322] Елизавета написала Филиппу и попросила, чтобы он либо приказал своему послу прекратить вмешиваться в дела Англии, либо отозвал его.[323] Тем временем де Квадру поместили под домашний арест.

Оспа, едва не стоившая Елизавете жизни, подтолкнула заговорщиков к действию. Хотя Поул и его сообщники раскрыли подробности заговора, они не признали себя виновными в государственной измене, утверждая, что не намеревались вторгаться в Англию с армией до тех пор, пока Елизавета не умрет. За несколько месяцев до того они совещались с Джоном Престоллом, известным католиком-некромантом, оккультистом и алхимиком, который обитал неподалеку от двора; он заверил их, что к тому времени, как их замысел осуществится, Елизавета уже умрет.[324] В феврале следующего года их судили, признали виновными в государственной измене и приговорили к казни.[325] Елизавета отменила смертный приговор, и они оставались в Тауэре до самой смерти в 1570 г.

После резни в Васси, случившейся в том же году, во Франции началась гражданская война. Гугеноты под предводительством принца Конде и адмирала Колиньи просили Англию поддержать их против Гизов, родственников Марии Стюарт.[326] Вначале Елизавета не хотела вмешиваться, но ее убедил Дадли, стремящийся вернуть доверие протестантов после своей неудачной попытки заручиться поддержкой испанцев и католиков, чтобы жениться на Елизавете.[327] Заговор «львов рыкающих», как назвал его Сесил, поддержал герцог Гиз; он стал последней каплей, побудившей Англию поддержать французских протестантов против Гизов.[328] В октябре 1562 г. англичане послали во Францию армию в 6 тысяч человек под командованием брата Роберта Дадли, Эмброуза Дадли, графа Уорика. Письмо к Марии Стюарт, которое писала Елизавета, когда заболела оспой, было попыткой оправдать английскую

интервенцию против французской родни ее кузины. После того как Елизавета выздоровела, созвали парламент, чтобы собрать средства на содержание армии во Франции и оборону Ньюхейвена. В повестку дня также включили вопрос о престолонаследии и особенно о браке королевы.[329]

В одиннадцать часов во вторник 12 января величественная процессия проследовала из Уайтхолла в Вестминстерское аббатство.[330] Улицы были чисто выметены и посыпаны свежим песком. Елизавета в своей парламентской мантии из красного бархата, подбитой белым горностаем в черных пятнах, прибыла в карете; по бокам ее охраняли джентльмены-пенсионеры в красных мундирах. За каретой следовал Роберт Дадли, главный конюший; он вел в поводу запасную лошадь королевы. За ним попарно верхом ехали фрейлины.[331]

В аббатстве Елизавета прослушала проповедь, которую прочел доктор Александер Ноуэлл, настоятель собора Святого Павла. Проповедь как бы задавала тон для последовавших парламентских слушаний. Он призывал королеву «ради блага страны» выйти замуж и произвести на свет наследника: «Когда болезнь поразила ваше величество, я слышал многочисленные голоса и стенания: «Увы! В какой беде окажемся мы?.. Ведь наследника до сих пор нет, и в вере нет согласия… Увы! Что будет с нами?»[332]

После службы королева, а также члены обеих палат покинули аббатство и перешли в здание парламента, где лорд-канцлер Николас Бэкон произнес вступительную речь. Он подчеркнул опасность «иноземного врага за границей», особенно Гизов во Франции, но напомнил и о врагах, «родившихся и выросших здесь, среди нас», которые обратились за помощью к иностранцам и подстрекают к мятежам.[333] Только если Елизавета выйдет замуж и обеспечит престолонаследие, можно гарантировать безопасность страны. Сесил писал другу: «Главы обеих палат просят предоставить им какие-либо гарантии на тот случай, если Господь, в наказание нам, призовет ее величество к себе до того, как она оставит потомство. Вопрос столь глубок, что я не могу достичь дна… По-моему, следует что-то предпринять, дабы обеспечить стране наследника престола, но боюсь, что нежелание ее величества назвать своего наследника замедляет дело».[334]

Недавняя болезнь королевы живо напомнила всем о том, что Елизавета смертна. Все понимали, какой хаос разразится в период междуцарствия, если она умрет, не оставив наследника. Обе палаты были настроены решительно; всем хотелось, чтобы их голоса были услышаны. Автор одного законопроекта даже предложил в случае смерти королевы передать всю власть

Тайному совету до тех пор, пока не найдут подходящего наследника-протестанта.[335] Хотя этот закон так и не был принят, радикальность предложения, которое позже еще вспомнят, показывает, до какой степени дошло тогда беспокойство парламентариев.

28 января спикер палаты общин представил королеве петицию, в которой парламентарии напрямую призывали ее выйти замуж. Ссылаясь на «великий ужас и зловещее предупреждение» в виде ее болезни, а также на козни «вздорных и злобных папистов», парламентарии не скрывали своих опасений: «Мы не видим ничего, что способно противостоять их желанию, кроме вашей жизни… мы понимаем, как важно для вашего сохранения, чтобы между жизнью вашего величества и их желанием была воздвигнута преграда».[336] Королеву призывали позаботиться о том, чтобы преемниками были назначены «самые несомненные и лучшие наследники вашей короны». С этой целью королеву настоятельно просили выйти замуж «за того, кого она пожелает видеть своим избранником». Пока у королевы нет своих детей, ей следует назвать имя своего преемника. Взамен парламентарии заверяли Елизавету, что «приложат все силы, разум и власть», чтобы разработать более сильные законы для сохранения и гарантий ей и ее потомству «и самые карательные, резкие и ужасные законы для всех, кто посмеет злоумышлять… против вашей безопасности».[337]

Елизавета отнеслась к петиции благосклонно и, как записал секретарь, «с благодарностью приняла» их слова. Она заверила парламентариев, что, оставшись в живых после эпидемии оспы, когда «смерть завладела почти каждым моим уголком… я теперь понимаю, как понимала и прежде, что я смертна. Я также понимаю, что должна сама снять с плеч своих величайшее бремя, возложенное на меня Господом… Не думайте, что я, которая в других делах всегда пекусь обо всех вас, в этом вопросе, затрагивающем нашу общую безопасность, поведу себя беспечно… Я решительно настроена в таком крупном и важном вопросе отложить ответ на другой раз».[338]

Через четыре дня свою петицию представила палата лордов.[339] Верхняя палата полностью поддерживала позицию палаты общин и напоминала о практических трудностях, которые возникнут после смерти монарха, не оставившего после себя наследника. Лорды выражали опасение, что в таком случае страна окажется в руках ее врагов. Они просили, «чтобы ваше величество снизошло до брака с тем, кто придется вам по душе, и как только это придется вам по душе». Тем временем Елизавету еще раз просили назвать преемника, поскольку без него палата

лордов не понимала, «как можно со всей определенностью и уверенностью позаботиться о безопасности вашего величества и сохранения вашей короны».[340]

Хотя представителей палаты общин двадцатидевятилетняя Елизавета за несколько дней до того выслушала вполне благосклонно, лордам она сердито заявила, «что отметины, которые они видят у нее на лице, не морщины, а оспины и, хотя она, возможно, уже стара, Господь еще может даровать ей детей, как даровал святой Елизавете». Она объявила, что в ее возрасте еще можно рожать детей и что, если она прежде того назначит своего преемника, это «будет стоить Англии много крови».[341]

В ожидании более подробного ответа на свои петиции парламентарии приняли ряд законов, направленных на охрану королевы и защиту веры. По Акту о супрематии 1559 г. более суровыми стали наказания для тех, кто продолжает отстаивать верховенство папы римского. Обязанность приносить письменную присягу на верность королеве распространилась на всех должностных лиц в королевстве. Первый отказ подписать такую присягу влек за собой конфискацию имущества и тюремное заключение, второй приравнивался к государственной измене.[342] Хотя Елизавета одобрила закон, она не очень стремилась применять его на практике. По ее распоряжению Мэтью Паркер, архиепископ Кентерберийский, приказал епископам не заставлять людей подписывать присягу во второй раз и тем самым не подвергать многих смертельной опасности без письменного на то приказа.[343]

Заговор «львов рыкающих», разоблаченный во время тяжелой болезни Елизаветы, продемонстрировал, какую угрозу для королевы представляют чародейство и волшебство. Подобные преступления не входили в сферу общего права, так как закон о колдунах был отменен в 1547 г., поэтому был принят новый закон.[344] По Закону о колдовстве, чародействе и ведовстве любая магия, повлекшая за собой чью-либо смерть, каралась смертным приговором.[345] Был принят и закон «против суетных и лживых пророчеств», который можно было применять для наказания тех, кто предсказывает смерть королевы, «составляя гороскопы», как в случае Поула. В преамбуле к закону описывались беспорядки предшествующих нескольких лет и предписывалось: буде какая-либо персона или персоны «намеренно и прямо опубликуют и объяснят на письме, в печати, в песне или других открытых речах или деяниях… измысленное или ложное пророчество… с намерением поднять бунт, восстание, учинить раскол, потерю жизни или иной беспорядок в королевстве», виновных подвергнут тюремному заключению и

штрафу. Для тех, кто впервые уличен в подобном преступлении, наказание составляло год тюрьмы и 10 фунтов штрафа, повторные преступления карались пожизненным заключением и конфискацией имущества.[346]

Утром 10 февраля, когда парламент еще заседал, на повестке дня вновь встал вопрос о престолонаследии: Кэтрин Грей родила еще одного ребенка, мальчика, которого назвали Томасом. Елизавета пришла в ярость; теперь у ее двадцатидвухлетней преемницы-протестантки было уже двое сыновей! Королева приказала немедленно учинить следствие о незаконных свиданиях Кэтрин и графа Гертфорда, которым, очевидно, попустительствовал сэр Эдвард Уорнер, комендант Тауэра.[347] Гертфорда вызвали в Суд Звездной палаты, где признали повторно виновным в преступлении: «совращении девственницы королевской крови в доме королевы», так как он «изнасиловал ее во второй раз». Графа приговорили к огромному штрафу в 5 тысяч фунтов за каждое преступление и вернули в Тауэр.[348]

Тем временем Кэтрин Грей оставалась в тюрьме вместе с полуторагодовалым первым сыном и новорожденным младенцем. В августе, когда в Лондоне вспыхнула чума, Кэтрин перевезли в Эссекс, в поместье Пирго, принадлежавшее ее дяде, лорду Джону Грею. Она содержалась под строгим домашним арестом. В последующие годы ее несколько раз переводили из одного замка в другой, она оставалась в заключении до конца жизни. Мужа она больше не видела. Поскольку не было доказательств того, что они действительно обвенчались, ее детей объявили незаконнорожденными. Однако, пока шли дебаты о престолонаследии, Кэтрин Грей и два ее сына представляли для Елизаветы серьезную угрозу.[349]

Католичка Мария Стюарт, также претендовавшая на престол, очутилась в центре скандала после того, как в ее спальне под кроватью нашли молодого влюбленного в нее французского придворного и поэта Пьера де Бокоселя, сеньора де Кастеляра с мечом и кинжалом.[350] После того как его обнаружили, он заявил, что ему негде больше спать. На ночь его поручили заботам начальника королевской стражи, а Марии, не ведавшей о том, что происходит в ее опочивальне, обо всем сообщили только наутро. Когда Кастеляра допросили, он заявил, что его послали «персоны, занимающие выдающееся положение» во Франции, предположительно гугеноты, дабы он попробовал «сблизиться» с Марией и ее фрейлинами, чтобы «воспользоваться случаем и представить достаточные доказательства, способные скомпрометировать честь королевы».[351] Мария приказала ему удалиться от двора, но через несколько дней, когда она переехала

в замок Данфермлин, француз последовал за ней и его снова застали в опочивальне королевы, где он объявил, что намерен доказать свою невиновность. Вести о нем скоро дошли до английского двора, вызвав непристойные сплетни. Говорили, что молодой Кастеляр «спрятался за занавесями в опочивальне королевы, а ночью лег бы к ней в постель», если бы Мария его не обнаружила.[352] Француза судили и обезглавили на площади Святого Андрея. После этого происшествия Мария испугалась и очень своевременно предупредила Елизавету о том, как важно надежно охранять королевскую опочивальню.

В субботу 10 апреля 1563 г. в три часа пополудни Елизавета отправилась на королевской барке из Уайтхолла в Вестминстер на последнее заседание парламента; она заняла свое место в зале заседаний.

Сэр Николас Бэкон, лорд – хранитель Большой печати, зачитал от ее имени речь, которую она написала. В ней королева благодарила палату лордов и палату общин за их труды и одобряла законы и акты, представленные на ее рассмотрение. Затем она прямо ответила на петиции обеих палат с просьбами о браке. Ее, писала королева, очень удручает, что от нее требуют назвать преемника, когда есть еще надежда, что она выйдет замуж и сама произведет на свет наследника. Хотя она не испытывает склонности выйти замуж, она понимает, что к этому ее призывает долг королевы. Она уверяла: «И если я сумею подчинить свои желания вашим потребностям, я не стану противиться».[353]

Помимо составления петиций, призывающих королеву срочно найти себе мужа, парламент проголосовал за сбор средств, в которых нуждалась Елизавета для поддержки английского корпуса во Франции. В письме к Эмброузу Дадли, графу Уорику, командующему английской армией, она заверила его, что пришлет подкрепления и сделает все, что в ее силах, чтобы войска были всем обеспечены. Однако ее усилия оказались тщетными. Гугеноты все больше сомневались в искренности намерений Елизаветы, и, когда воюющие французские стороны заключили мир, они объединились и выгнали английские войска из Гавра. Кроме того, во время осады, когда англичане с трудом оборонялись, в городе вспыхнула эпидемия чумы, унесшая жизни многих солдат. 28 июля англичане вынуждены были сдаться, и остатки армии отплыли в Англию.[354] Через несколько недель эпидемия чумы перекинулась на Лондон: болезнь привезли с собой вернувшиеся солдаты. Всем лондонским домовладельцам приказали начиная с семи часов вечера жечь на улицах костры, «дабы истребить болезнетворный воздух».[355]

В августе чума уносила в Лондоне по тысяче жизней в неделю. Жертвой эпидемии стал и испанский посол дон Альваро де Квадра, который так способствовал подрыву англо-испанских отношений.[356] Боясь за свое здоровье, королева вынуждена была в сентябре покинуть Лондон и переехать в Виндзор, где она и оставалась до конца года. В Виндзорском замке было холодно, гуляли сквозняки, и Елизавета, Сесил и другие придворные скоро стали жертвами болезни, известной под названием pooss, или «недержание». Сесил так тяжело болел, что едва не ослеп; Елизавета жаловалась на боль в носу и глазах. В ту зиму умерли многие люди, страдавшие от тех же проявлений болезни.

На окраине города поставили виселицы; на них вешали всех подозреваемых в том, что они привезли с собой чуму из столицы. Повесить без суда могли даже тех, кто проплывал по Темзе мимо Виндзора.[357]

Глава 12
Любовный треугольник

«От всего сердца благодарю Господа, особенно после того, как узнала, что вы счастливо избегли опасности… и ваше красивое лицо не пострадало». В письме, отправленном Елизавете после ее выздоровления, Мария Стюарт ссылалась на собственный опыт болезни – она перенесла оспу в детстве – и выражала радость по поводу выздоровления кузины. Томас Рандолф, английский посол в Шотландии, от имени Елизаветы просил у Марии рецепт зелья, препятствующего возвращению болезни, которое Мария принимала несколько лет назад. К сожалению, ответила королева Шотландии, Фернел, главный врач короля Франции, который готовил снадобье, уже умер, к тому же он «ни за что не открыл бы рецепт лосьона, которым он покрывал мое лицо после того, как протыкал пустулы ланцетом».[358]

Теплые слова Марии не отменяли угрозы для Елизаветы. В январе до Шотландии дошли слухи о том, что Елизавета собирается исключить Марию из числа наследников престола. Сообщалось, что из-за этого Мария пришла «в большое возбуждение».[359] Английская интервенция в поддержку гугенотов против Гизов еще больше отвратила Марию Стюарт от Англии. Понимая, что Елизавета едва ли назовет ее своей преемницей, Мария решила перехватить инициативу и найти себе мужа, тем самым закрепив свои права на английскую корону.

Мария думала о союзе с Испанией посредством брака с Карлосом, старшим сыном Филиппа Испанского. Хотя союз с наследным принцем главной католической державы Европы стал бы чрезвычайно важным политическим событием, сам Дон Карлос почти не обладал никакими достоинствами; он был болезненным юношей, горбатым, узкогрудым, склонным к вспышкам дикого безумия. Ходили слухи о его импотенции.

Тем не менее Дон Карлос оставался самым выгодным кандидатом в мужья для Марии. Елизавета не скрывала, что такой брак она сочтет враждебным поступком, после которого шансы Марии стать наследницей английского престола будут равны нулю.[360] Елизавете необходимо было, чтобы Шотландия оставалась протестантской страной; поэтому она призывала Марию взять в мужья «человека уравновешенного, который по натуре склонен будет продолжать и укреплять любовь и согласие между нашими народами и странами». Она советовала Марии выйти за знатного «уроженца нашего острова».[361] В конце

концов «испанская партия» зашла в тупик. Положение Марии еще больше ослабилось в феврале 1563 г. после убийства ее дяди, герцога Гиза. При его жизни можно было надеяться, что он поддержит племянницу военной силой и поможет ей завоевать английскую корону. Теперь самый верный защитник Марии умер.

В марте Уильям Мейтленд Летингтон, Государственный секретарь Шотландии, снова приехал в Англию в надежде убедить Елизавету официально признать Марию своей преемницей.[362]

Когда речь зашла о замужестве Марии, Елизавета сделала необычайное предложение. Если Мария хочет выйти замуж «благополучно и счастливо», она поступит благоразумно, взяв в мужья лорда Роберта Дадли. Совершенно огорошенный Мейтленд осторожно ответил: хотя это «огромное доказательство той любви, какую Елизавета питает к его королеве, ведь она намерена отдать ей нечто высоко ценимое ею самой», он уверен, что Мария не захочет лишать свою кузину радости и утешения, какие получает Елизавета в его обществе». Видя, что Елизавета упорствует, Мейтленд отвечал, что «королева, его госпожа, еще очень молода, и королеве [Елизавете] лучше всего выйти за лорда Роберта самой и родить от него детей, что так важно для процветания страны, а затем, когда Богу будет угодно призвать ее к Себе, она сделает королеву Шотландии своей преемницей как на престоле, так и у своего мужа».[363]

Весной следующего года Томас Рандолф сделал официальное предложение Марии Стюарт от имени Роберта Дадли, заверив ее, что, если она согласится «доставить радость своим замужеством и нам, и нашей стране», Елизавета приступит к «подробному рассмотрению ее прав как нашей ближайшей кузины и наследницы и сделает все к наибольшей выгоде для нее».[364] Мария не стала уклоняться и тянуть с ответом: «Является ли это подтверждением ее обещания считать меня своей сестрой? – резко спросила она. – Как по-вашему, надлежит ли мне считать за честь, что мне предлагают выйти за предмет обожания моей сестры?» Ужасно сконфузившийся Рандолф лишь пробормотал, что «невозможно найти более достойного человека», чем Роберт Дадли.[365]

Шотландцы, как написал Рандолф в Лондон, пребывают в недоумении. Зная о сильной привязанности Елизаветы к Дадли и привыкнув к тому, что королева Англии и ее главный конюший практически неразлучны, они могут лишь предполагать, что ее предложение служит жестом доброй воли, а не искренним выражением ее намерений.[366] Одновременно Екатерина Медичи и дядя Марии, кардинал де Гиз, поспешили напомнить ей, что небезопасно доверяться «совету Елизаветы в браке, которая тем

самым хочет лишь [обмануть] ее».[367]

Притворившись, что мысль о браке с Дадли ее занимает, Мария в глубине души надеялась выйти за другого англичанина, поразительно красивого высокого (6 футов 2 дюйма) семнадцатилетнего Генри Стюарта, лорда Дарнли.[368] Как и Мария Стюарт, Дарнли был внуком Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха VIII. Его мать Маргарет, графиня Леннокс, стойкая католичка, доводилась внучкой Генриху VII и двоюродной сестрой Елизавете. После смерти Франциска II она строила планы женить сына на Марии Стюарт. Графиня неоднократно объявляла Елизавету незаконнорожденной узурпаторшей и заявляла, что по праву английский престол должны занимать она и ее наследники. Когда Мария после смерти мужа вернулась в Шотландию, графа и графиню Леннокс поместили под надзор в их йоркширских владениях. Вскоре после этого их арестовали и посадили в тюрьму по обвинению в том, что они готовили брак Марии Стюарт и Дарнли. На допросе их слуги показали, что граф и графиня слушали мессу и поощряли своего шута высмеивать королеву Елизавету, в том числе в сценке, где описывалась ее любовь к Роберту Дадли, которого изображали рябым от оспы предателем.[369] Графиню Леннокс препроводили в Тауэр, а Дарнли уехал во Францию. Летом 1563 г. Дарнли и его родители, очевидно, снова были в фаворе.[370] 19 июля сообщалось, что граф и графиня Леннокс были при дворе в Гринвиче и «милорд Дарнли, их сын и наследник, ежедневно прислуживает и очень часто играет королеве на флейте, что, похоже, доставляет ей удовольствие, ибо играет он очень хорошо».[371]

Хотя Елизавета не собиралась назначать преемника, она злилась на парламентариев за то, что те поддерживали Кэтрин Грей, особенно после рождения у той второго сына. Она твердо решила выдвинуть другую кандидатуру. «Многие думают, что, если королева Шотландии выйдет за человека, который не нравится королеве Англии, последняя сделает своим преемником сына леди Маргарет, которого она сейчас держит во дворце и которому оказывает такую милость, что все это вполне правдоподобно».[372]

В июне Елизавета попросила Марию вернуть Ленноксам шотландские владения, конфискованные Генрихом VIII. Несомненно, то был хитроумный ход, призванный отвлечь Марию от мыслей о браке. В конце апреля 1564 г. Мария передала паспорт графу Ленноксу и разрешила ему вернуться в дом его предков.

Осенью отношения между Марией и Елизаветой испортились

из-за «ревности и подозрений». Мария послала к английскому двору сэра Джеймса Мелвилла, изысканного молодого шотландца и одного из ее самых доверенных агентов и дипломатов, в попытке сгладить отношения с королевой Англии и доказать права Марии на престолонаследие в парламенте, если он будет созван. Мелвиллу также поручили тайно передать послание матери Дарнли, графине Леннокс, «добиться для [Дарнли] разрешения ехать в Шотландию».[373]

Глава 13
Гость опочивальни

В восемь часов погожим сентябрьским утром двадцатидевятилетний сэр Джеймс Мелвилл прибыл верхом во дворец Уайтхолл. Его провели в отдельный сад, где королева уже ждала гостя. От высоких грядок, на которых высаживали ароматические травы и цветы, шел изысканный аромат. Садик был окружен низкими перилами, выкрашенными в цвета Тюдоров. На фоне травянистых аллей контрастно выделялись скульптуры мужчин, женщин, детей и мифологических существ. Кроме того, в саду воздвигли 34 высокие колонны, украшенные резьбой и позолоченными животными и флагами с гербом королевы. В центре сада стояли солнечные часы, «которые показывали время тридцатью различными способами», и фонтан, который разбрызгивал воду через потайные трубы, обрызгивая всех, кто оказывался поблизости.

Сам дворец славился великолепной мебелью, гобеленами и картинами, а также многочисленными длинными галереями. Центральное место в личном кабинете королевы занимала фреска с изображением Генриха VIII работы Ганса Гольбейна. «Король изображен стоящим, – писал один гость, – величественный в своем блеске; он кажется живым, он застает зрителей врасплох, зрители как бы уничтожаются в его присутствии».[374] Мелвилл провел при дворе девять дней и очаровал Елизавету умом и утонченными манерами. Королеве, со своей стороны, не терпелось блеснуть перед шотландским посланником своими многочисленными талантами; она знала, что Мелвилл подробно расскажет обо всем Марии. Во время его пребывания в Англии Мелвиллу позволено было ежедневно видеться с Елизаветой. Каждый день она давала ему аудиенции, часто «до полудня, после полудня и после ужина». Он проходил во внутренние покои и в королевскую опочивальню.[375]

Однажды поздно вечером, после ужина, Елизавета пригласила Мелвилла в свою опочивальню. Комната показалась шотландцу темной и душной; свечи тускло освещали позолоченный потолок и богатые золототканые гобелены, висевшие на стенах. Рядом с роскошной королевской постелью, устланной расшитыми покрывалами, стоял стол, весь покрытый серебром, и кресло, в котором вместо обычного сиденья лежали подушки от уровня пола. Кроме того, гость увидел «два серебряных ларца изысканной работы, в которых королева

хранила бумагу и которыми пользовалась вместо бюваров, серебряную чернильницу и молитвенник на латыни, написанный королевой собственноручно и посвященный, судя по великолепному предисловию, ее отцу».[376] К королевской опочивальне примыкала ванная комната. В ней стояла диковинная ванна: вода в нее наливалась из «устричных раковин и всевозможных камней». С восточной стороны к опочивальне примыкала комната, в которой стояли музыкальные инструменты королевы, в том числе спинет и орган, а также часы «с колокольчиками, исполнявшие разные мелодии». Расположенная поблизости библиотека была наполнена книгами на греческом, латыни, итальянском и французском языках, переплетенными в красный бархат «с золотыми и серебряными застежками»; некоторые переплеты были отделаны жемчугом и драгоценными камнями. Потайным ходом можно было выйти из опочивальни в сад, а оттуда пологая дорожка вела к пристани, где Елизавета садилась на королевскую барку. Когда барка плыла по Темзе, на палубе жгли благовония, дабы закамуфлировать неприятные запахи, идущие от реки.

В мерцающем свете свечей Елизавета подвела Мелвилла к «столику», на котором стояли несколько миниатюрных портретов, завернутых в бумагу. На каждом из них она написала имена натурщиков. Она намеревалась показать ему портрет Марии, которым, по ее словам, она «часто любовалась», но первым портретом, который она развернула, оказался портрет Роберта Дадли, на котором она написала: «Портрет моего господина». Когда Мелвилл спросил, может ли он увезти этот портрет с собой в Шотландию, чтобы передать Марии, Елизавета отказала, объяснив, что «его портрет у нее единственный». Мелвилл остроумно возразил, что «у нее есть оригинал» – Дадли стоял «в противоположном углу комнаты и беседовал с Государственным секретарем Сесилом». Затем Елизавета взяла миниатюру Марии Стюарт и поцеловала ее. Мелвилл в ответ поцеловал Елизавете руку «за великую любовь к моей госпоже, которую я увидел». Он предложил, чтобы Елизавета послала Марии либо портрет Дадли, либо рубин – «большой, как теннисный мяч», – который королева также ему показала. Если Мария «последует ее совету, тогда она, со временем, получит и то, и другое, и все, что у нее есть». Пока же она согласилась послать своей кузине бриллиант в залог ее намерений.[377]

Во время пребывания в Уайтхолле Мелвилл часто сидел рядом с Дороти Стаффорд, чтобы «я всегда мог находиться рядом с ее величеством и она беседовала бы со мной». С леди Стаффорд и ее дочерью он познакомился еще в годы правления Марии I,

когда они вынуждены были жить в ссылке в Европе. Они вспоминали, как «встретились, когда они проезжали через Францию».[378] Дороти и ее муж, сэр Уильям Стаффорд, вместе с двумя детьми, Элизабет и Эдвардом, обосновались в Женеве и там же вскоре, в октябре 1556 г., вступили в лоно англиканской церкви. Еще один их сын, Джон, родился и был крещен в Женеве и стал крестником Жана Кальвина. Сэр Уильям через несколько месяцев умер.[379] Переехав затем во Францию в начале правления Елизаветы, леди Дороти вернулась в Англию и вступила в свиту королевы.

Елизавете хотелось поразить Мелвилла своим пышным гардеробом. Каждый день она надевала что-нибудь новое, щеголяя французскими, итальянскими и английскими модами. «Она спросила, какое платье идет ей больше», – отметил Мелвилл. На ее вопрос он ответил: «Итальянское». Его ответ «ее порадовал, ибо ей приятно было продемонстрировать свои золотистые волосы в сетке и шляпке, как то принято в Италии. Ее волосы были скорее рыжеватыми, чем желтыми, и казалось, что они вьются естественным образом». Когда Елизавета спросила: «Какой цвет волос считается наилучшим и которая из двух королев красивее?» – Мелвилл дипломатично ответил: «Я сказал, что она – красивейшая королева в Англии, а наша – красивейшая королева в Шотландии». Но Елизавета упорствовала, и Мелвилл вынужден был ответить, «что они обе красивейшие дамы своих дворов и ее величество светлее, но и наша королева очень привлекательна». Затем Елизавета спросила шотландского посланника, кто из них выше ростом. Мелвилл ответил, что Мария, но прибавил, что Елизавета не слишком высока и не слишком низка.

«Затем Елизавета спросила, какого рода упражнениями занимается Мария. Я ответил, что [когда] я уезжал из Шотландии, королева только что вернулась с высокогорья, где она охотилась; когда у нее появляется время для отдыха от государственных дел, она читает хорошие книги, интересуется историей разных стран, а иногда играет на лютне и на спинете».

Елизавета спросила, хорошо ли играет Мария, на что Мелвилл ответил: «Прилично для королевы».

Однажды вечером Мелвилла отвели «в тихую галерею», где он стоял за одной из комнат королевы и слушал, как она играет на спинете. Елизавета была искусной музыкантшей; она хорошо пела и, кроме того, играла на лире и на лютне.[380] Через какое-то время Мелвилл отдернул гобелен, закрывающий дверь, и, увидев, что Елизавета стоит к нему спиной, вошел. Через несколько секунд королева заметила его, встала и, вместо того чтобы

побранить его, объяснила: она не привыкла играть при мужчинах. Как правило, она играет в одиночестве, дабы «избежать меланхолии». Мелвилл поспешил извиниться и объяснил, как они с лордом Хенсдоном, братом Кэтрин Ноллис, проходили мимо двери в ее комнаты. Услышав «мелодию, которая привела его в восторг», он остановился за стеной. Слушая его, Елизавета села на низкую подушку, и Мелвилл опустился перед ней на колени, но она жестом велела ему подложить другую подушку под колено. Сначала он отказывался от такой чести, но королева настояла, чтобы гость взял подушку. Она позвала из соседней комнаты Дороти Стаффорд, чтобы та присоединилась к ним, а затем спросила, кто играет лучше – она или королева Шотландии. «Я воздал ей хвалу», – записал Мелвилл.

Через несколько дней молодой посланник приготовился возвращаться в Шотландию, но Елизавете не хотелось отпускать его. «Она сказала, что мне скорее наскучило ее общество, чем ей – мое», и просила гостя задержаться еще на два дня, чтобы он мог посмотреть, как она танцует; танцы были ее любимым времяпрепровождением. Каждое утро, дабы поддержать форму, Елизавета исполняла гальярду – придворный танец, включавший энергичные подскоки и прыжки; она всегда любила танцевать со своими придворными и иностранными послами. После танцев Мелвиллу задали неизбежный вопрос: «Кто танцует лучше, она или моя королева?» Шотландец ответил, что Мария «танцует не так живо и не с таким удовольствием, как она». Елизавета неоднократно выражала желание встретиться с Марией лично, и Мелвилл в шутку просил ее не ждать официальной королевской встречи, но поехать с ним в Шотландию в костюме пажа. Он предложил, чтобы в опочивальне королевы «в ее отсутствие все устроили так, будто она больна» и что посвятить во все нужно лишь леди Стаффорд и одного из камергеров. По словам Мелвилла, Елизавета ответила: «Увы! Если бы я могла так поступить». Посланник не сдавался: придворным скажут, что королева больна и она не велит себя беспокоить. Хотя Елизавета и отклонила его предложение, Мелвилл заметил, что «она воспользовалась всеми средствами, имевшимися в ее распоряжении, дабы я убедил свою государыню в великой любви, какой она к ней воспылала; она просила передать, что намерена забыть о всякой ревности и подозрениях и в будущем завязать более тесную дружбу между ними, чем та, что была прежде».

Мелвилл вернулся в Шотландию; условлено было, что уполномоченные из Англии и Шотландии встретятся в Бервике и обсудят возможность брака Марии и Роберта Дадли. Стремясь сделать Дадли более привлекательным в глазах королевы

Шотландии, Елизавета пожаловала ему титул пэра, а 29 сентября Мелвилл стал свидетелем того, как Дадли получил титул графа Лестера. То была огромная честь; как отмечал испанский посол Диего Гусман де Сильва, этот титул «обычно жаловался вторым сыновьям английских королей».[381] Кроме того, Елизавета подарила Лестеру поместье Кенилуорт, а также другие земли и титулы. Теперь он по статусу вполне подходил для брака с королевой.

Приглашенные на официальную церемонию в Вестминстер могли видеть, что королеву и Дадли объединяют особые отношения. Когда Дадли опустился перед Елизаветой на одно колено, чтобы она препоясала его мечом, королева, «не удержавшись, с улыбкой потрепала его по шее». Они, как заметил Мелвилл, были «неразлучны». Елизавета спросила шотландца, нравится ли ему Дадли, и тот ответил, что Лестер – достойный человек и он рад, что королева умеет отличить и наградить его за хорошую службу. «И все же, – заметила Елизавета, – вам больше нравится вон тот долговязый юнец», – и она показала на лорда Дарнли, который присутствовал на церемонии как ближайший к Дадли принц крови. Посланник Марии снова ответил осторожно: «Я ответил в том смысле, что ни одна разумная женщина не выбрала бы юношу, больше похожего на женщину, чем на мужчину, – томного, безбородого, с гладким лицом. Мне не хотелось, чтобы она подумала, будто он мне нравится или я намерен иметь с ним какие-то дела… Хотя у меня имелось тайное поручение к его матери, миледи Леннокс, чтобы она позволила ему поехать в Шотландию, дабы он посмотрел страну и сопроводил графа, своего отца, назад в Англию».[382]

Елизавета говорила о Дадли как о «своем брате и лучшем друге», человеке, «за которого она бы сама вышла замуж, если бы решилась когда-либо выбрать себе мужа»; однако она как будто твердо решила женить его на Марии Стюарт. Сама она, по ее словам, «намерена прожить жизнь в девстве» и потому желала, чтобы королева, «ее сестра», была счастлива с Дадли. Она выражала надежду, что Мария, «будучи замужем за ним [за Дадли]… счастливо избавится от всех страхов и подозрений, что ее обвинят в узурпации перед смертью; убедится, что он поистине достоин любви и доверия, что никогда не предаст и не обманет ее».[383] Однако, как Сесил писал одному другу, «ее величество как будто всерьез настроилась возвеличить милорда Лестера и сделать его мужем королевы Шотландии, но, едва доходит до дела… серьезность ее намерений тает».[384] Елизавета вскоре начала менять условия, на которых она представляла себе этот союз; она заговорила о том, как Мария и Дадли могли бы жить

при ее дворе. Подобный «тройственный союз» позволил бы ей ежедневно видеться с Дадли. Она «с радостью возьмет на себя семейные расходы» супружеской пары, «как и положено поступать одной сестре по отношению к другой».[385]

Дадли пришел в ужас от планов Елизаветы.[386] Когда они с Мелвиллом плыли на барке по Темзе, новоиспеченный граф Лестер уверял шотландца, что он недостоин Марии, недостоин даже того, чтобы «вытирать пыль с ее туфель». Он считал, что поженить их решил «мистер Сесил, его тайный враг». Если, продолжал Дадли, он выкажет согласие на брак, он лишится благосклонности и Марии, и Елизаветы. Он умолял Мелвилла передать Марии, что «ее величество порадует, если не придется вменять ему в вину этот неуклюжий поступок, но она припишет его злобе его врагов».[387]

По возвращении в Эдинбург Мария расспросила своего посла, как он проводил время с ее кузиной. «По моему разумению, – ответил Мелвилл, – не было ни откровенности, ни откровенной хитрости, но большое притворство, соперничество и страх, что из-за ее [Марии] королевских качеств ее саму скоро низложат и лишат короны».[388] Тем временем Елизавета обратилась за советом к Сесилу, болевшему у себя дома. В поспешной записке на латыни она признавалась: «Я в таком лабиринте, что не знаю, как сумею ответить королеве Шотландии после такой долгой отсрочки. Я в растерянности и не знаю, как удовлетворить ее, и понятия не имею, что я теперь должна сказать».[389]

Глава 14
«Кислый и нездоровый»

В начале декабря 1564 г. после короткого пребывания в Сент-Джеймсском дворце двор вернулся в Уайтхолл на Рождество и Новый год. Хотя расстояние между двумя дворцами составляло всего милю, тяжело нагруженные лошади и кареты, к тому же в суровую зимнюю погоду, продвигались медленно и с трудом. Темза в том году замерзла, и люди ходили по ней, «как по улице».[390] Придворные играли на льду в футбол, шары и кегли. Всякая деловая жизнь в Лондоне практически замерла.

9 декабря, вскоре после переезда, Елизавета «опасно заболела». Приближенные называли ее болезнь «истечением» (желудочным гриппом) или «диареей». Заболевание оказалось столь серьезно, что следующие пять дней все боялись, что королева умрет.[391] Однако к следующей пятнице ей полегчало. Сесил в письме к сэру Томасу Смиту называл ее «ослабленной, но в добром здравии» и добавлял: «Ее болезнь нас сильно напугала». Он благодарил Бога за то, что тот послал им «серьезное предостережение посредством ее болезни» и они «получили утешение благодаря ее выздоровлению».[392] Мария Стюарт также желала Елизавете скорейшего выздоровления и писала, что «она с каждым днем мне ближе, чем раньше, и я уверена, что ее жизнь и общение с ней, на которое я надеюсь, будут более достойны меня, чем все ее королевство по ее смерти, если она расположена будет оставить его мне».[393] Но недоверие все больше расширяло брешь между ними; Елизавета разглядела в словах Марии нечто зловещее и считала, что королева Шотландии «ждет ее смерти и вся ее доброта притворна… все ради того, чтобы получить королевство!».[394] Сесил уже получил из Шотландии сообщения, что Мария намерена вступить в брак с Генри Стюартом, лордом Дарнли.[395]

Рождество прошло безрадостно. Хотя Елизавета находилась вне опасности, она в течение всех праздников страдала от «тяжелого катара» и лихорадки. По словам Гусмана де Сильвы, видевшего королеву накануне Рождества, Елизавета «жаловалась на боль в желудке и во всем теле». Она по многу часов отдыхала в своей темной и душной опочивальне, за ней ухаживали камер-фрейлины, в том числе Кэт Эшли, Бланш, Дороти Стаффорд и Кэтрин Ноллис, вернувшаяся ко двору после смерти новорожденного сына Дадли. Мэри Сидни в то время еще не оправилась после рождения пятого ребенка и оставалась в

Пенсхерст-Плейс.[396] В дни болезней королевы и, помимо того, регулярно раз в месяц аптекарь королевы Джон Хемингуэй снабжал ее и ее фрейлин разными пилюлями, лосьонами и благовониями. Хемингуэй всегда записывал, что и в каком количестве он посылает во внутренние покои. Судя по всему, роль «семейного врача» в опочивальне исполняла Кэт Эшли; ее регулярно снабжали цветками ромашки, розовыми листьями, розовым маслом и уксусом. Кроме того, она регулярно заказывала в дополнение к «обычным пилюлям» лосьоны, пластырь с оксикроцином, порошки от болей в груди и венецианскую живицу.

В первом полугодии 1564 г., судя по сохранившимся записям, Джон Хемингуэй поставил камер-фрейлинам 2 фунта порошка фиалкового корня (его получали из корня ирисов). Его жгли в виде благовония, окуривали им комнату.[397]

Кроме того, Елизавета и ее дамы часто пользовались ароматическими шариками и жгли во внутренних покоях можжевельник и пряные травы. Бензойной смолой, розовой водой и стираксом душили богато расшитые платья королевы. Все знали, что королева весьма щепетильна в вопросах чистоты, а неприятные запахи представляли постоянную проблему, особенно учитывая, что в покоях королевы также содержались многочисленные животные, в том числе карликовый спаниель, любимец королевы, обезьянка, кот, который ловил мышей, бывших во дворцах настоящим бедствием, и попугай.[398] Обезьянку держали «в ошейнике и на цепи», которая то и дело истиралась и рвалась, так что приходилось заказывать новую. Ошейник был «железным с петлями, которые застегивались на крючки». К нему привязывали более длинную цепь на трех шарнирах.[399] Судя по всему, обезьянка постоянно находилась рядом с королевой, так как за следующие два года придворный кузнец, Уильям Худ, выковал еще три стальных цепи.[400]

О зверьке, который в одном предписании назывался «мускусным котом», скорее всего о хорьке или африканской циветте, которая славится своим мускусным запахом, заботилась Бланш Парри. Заботу о королевском попугае, которого держали в специально построенной для него клетке, поручили Дороти Брэдбелт. В 1563 г. Джон Грин, королевский плотник, «доставил Дороти Брэдбелт одну большую клетку из медной проволоки и укрепленную пластину для попугая»,[401] а с ними «два оловянных горшка для воды – один для обезьяны, второй для попугая». Кузнец Уильям Худ изготовил также задвижки для клетки;[402] кроме того, в королевские покои доставили «6 ярдов двойного зеленого шелка», из которого предстояло «сшить

занавеси для птичьей клетки».[403]

Поскольку канализации во дворцах не было, королева пользовалась «ночным стулом», переносным деревянным туалетом, который необходимо было регулярно опорожнять. Даже в королевской опочивальне, где «ночные стулья» были замаскированы «ящиками из атласа и бархата», воздух часто был «кислым и нездоровым».[404] Имелись в опочивальне и ночные горшки, которыми пользовались лишь для мочеиспускания; они были сделаны из фарфора, серебра или керамики, глазурованной оловом. Ночной горшок королевы с крышкой, на которой были выгравированы ее инициалы, стоял в подбитом ящике. Таких «ночных стульев» у нее было несколько, и все были одинаково роскошными: четыре из них, «отделанные черным бархатом, сплошь покрытым вышивкой, тесьмой и подбитым позолоченными гвоздиками, с сиденьем и спинкой, покрытыми алой тканью с золотой и серебряной бахромой», доставили в опочивальню в 1565 г., вместе с «тремя оловянными горшками в кожаных мешках на полотняной подкладке». «Ночными стульями» заведовала Кэт Эшли, а после ее смерти в 1565 г. ее обязанности, а также обязанность облачать королеву в ее сложные и пышные наряды, скорее всего, исполняли все дежурные камер-фрейлины по очереди.[405] Обитые материей и пышно украшенные ящики, в которых держали ночные горшки, позволяли незаметно опорожнять их вдали от внутренних покоев. В поездках и процессиях Елизаветы ночной горшок везли в особой карете.

Почти все рождественские праздники Елизавета пролежала в постели, и лишь в январе она вышла из опочивальни в кабинет, где ее могли видеть придворные. Королева «очень похудела»; врачи описывали ее состояние как «слабое и нездоровое». Де Сильва злорадно добавлял в депеше: «Хотя говорят, что молодой организм весьма вынослив, вашему величеству следует заметить, что ее не считают склонной к долголетию».[406]

К Новому году потеплело, и лед на Темзе растаял. Неожиданная оттепель вызвала «великие наводнения и паводки» во всей Англии и «смерть многих, и гибель многих домов». В начале февраля Елизавета дала лорду Дарнли позволение поехать в Шотландию, и вскоре он поскакал на север.[407] Королева надеялась, что Дарнли смутит покой Марии; кроме того, ей, видимо, казалось, что Дарнли станет лучшей партией для королевы Шотландии, чем Дадли, которого ей так не хотелось терять. Она надеялась, что Дарнли, «будучи красивым и сильным юношей, скорее одержит верх, ибо он находится рядом, чем Лестер, который отсутствует».[408] Мария впервые увиделась с Дарнли 17 февраля в Эдинбурге и немедленно влюбилась в него.

Как она писала, «она еще не встречала такого красивого и хорошо сложенного мужчину».[409] Вскоре в посольских депешах описывали, как Дарнли «чудесным образом расшевелил» шотландский двор. Многие считали, что «королева Шотландии выйдет за него замуж».[410] В письме к своему другу сэру Генри Сидни, мужу Мэри Сидни и зятю Дадли, Томас Рандолф порицал Дадли за то, что тот не проявил больше интереса к Марии Стюарт. «Сколько стран, королевств, городов больших и малых погибло» из-за страсти мужчин к подобным ей женщинам; однако Дадли, которому предложили королевство и возможность держать Марию «обнаженную в своих объятиях», с презрением отверг и то и другое, что и окончилось приездом Дарнли.[411] После приезда в Шотландию Дарнли одному из первых написал Роберту Дадли; в письме он выражал ему благодарность и называл «своим родным братом». «Хотя я далеко от вас… я не забуду вашей доброты и снисходительности, которые вы бесчисленное множество раз мне выказывали». Стало ясно, кто стоит за его поездкой.[412]

Вскоре после того, как Дарнли уехал в Шотландию, Елизавета поняла, чем чреват его союз с Марией; их совместные притязания на английскую корону вполне способны были объединить вокруг них католическую Европу. Как выразился Филипп в письме к послу де Сильве, брак Дарнли и Марии Стюарт вполне отвечает интересам Испании; «его следует ускорять и поддерживать в полном объеме нашей власти. Пожалуйста, дайте понять леди Маргарет [Леннокс], что я не только рад тому, что ее сын станет королем Шотландии, и не только помогу ему в этом, но помогу стать и королем Англии, если их брак состоится».[413]

Елизавете перспектива такого союза «откровенно не нравилась»; она прервала все дальнейшие переговоры, считая, что это «опасно для той дружбы, которая сейчас связывает две наши державы». Сэр Николас Трокмортон, которого заменили на посту посла во Франции, был послан в Шотландию с поручением сделать все, что в его силах, чтобы «разрушить или отложить» брак и передать Марии, что, «за исключением лорда Дарнли», Елизавета «будет вполне довольна любым ее выбором».[414]

Трокмортон не преуспел в своей миссии и через месяц написал из Эдинбурга, что брак «нерасторжим».[415]

Глава 15
«Непревзойденная и незапятнанная»

5 марта 1565 г. Дадли дал ужин в честь королевы и ее фрейлин. Устроили рыцарский турнир, конные состязания, а позже приглашенным показали комедию на английском языке, посвященную вопросу брака. Спор вели Юнона, сторонница брака, и Диана, сторонница целомудрия. После того как обе стороны представили свои доводы, Юпитер вынес вердикт в пользу брака, на что королева, повернувшись к Гусману де Сильве, воскликнула: «Все против меня!»[416] Твердое решение Марии Стюарт связать себя брачными узами очень нервировало Елизавету. Ее снова стали упрашивать поскорее выйти замуж и произвести на свет наследника. Во вполне откровенной беседе с де Сильвой она объяснила, что брак – «то, к чему я никогда не испытывала никакой склонности. Однако мои подданные так давят на меня, что я ничего не могу поделать; я должна выйти замуж или следовать другим курсом, который очень труден. В мире бытует мнение, что незамужней женщине незачем жить… во всяком случае, если она воздерживается от брака, то из-за какой-то дурной причины, как обо мне говорят, что я не выхожу замуж, потому что люблю графа Лестера, а за него не пойду, потому что у него уже была жена. Хотя теперь у него нет живой жены, я все же не выйду за него… Как говорится, на каждый роток не накинешь платок, и мы должны довольствоваться тем, что исполняем свой долг и верим в Бога, ибо истина в конце концов восторжествует. Он знает мое сердце, которое очень отличается от того, что обо мне думают, как и вы когда-нибудь поймете».[417]

Судя по всему, королеве была противна сама мысль о браке. Тем не менее все знали о ее давнем влечении к Дадли. Она по-прежнему принимала знаки его внимания и для собственного удовольствия, и для того, чтобы отвратить нежеланных иноземных принцев, держать их на расстоянии вытянутой руки. Как признавал сам Дадли, «она столь гибка и уклончива и то соглашается, то отказывается… самые близкие к ней люди не в состоянии ее понять, и ее намерения истолковываются по-разному».[418]

Весной и летом 1565 г. Сесил предпринимал меры для того, чтобы оживить вялотекущие переговоры о браке Елизаветы с эрцгерцогом Карлом Австрийским. Государственный секретарь считал, что католицизм эрцгерцога, от которого, как надеялся Сесил, тот отречется, не так опасен для Англии, как незамужнее

состояние Елизаветы.[419] Однако император Фердинанд, помня о том, как Елизавета однажды уже отвергла предложение его сына, отнесся к инициативе Сесила с подозрением. В июне, когда Фердинанд умер и ему наследовал старший сын Максимилиан, появились новые надежды. Новый император поручил своему советнику и камергеру Адаму фон Цветковичу, барону фон Миттербургу, поехать в Лондон с особым заданием. Нужно было согласовать условия свадьбы.[420]

Первым делом Цветкович должен был выяснить, расположена Елизавета выйти замуж или нет, а затем, что самое главное, необходимо было, «применив все средства и усилия, узнать, что говорят о нравственности, добродетелях, чувствах и репутации ее величества». Далее советнику предписывалось, «буде он наверняка и по ясным знакам и высказываниям узнает, что ее величество отмечена непревзойденной и незапятнанной добродетельностью», если его спросят, он может намекнуть, что император с радостью начал бы переговоры о браке, но лишь в том случае, если они не окажутся «напрасными и тщетными». Эрцгерцог не потерпит, как в прошлый раз, чтобы его «водили за нос». Однако, если он «узнает, не по слухам, но из ясных суждений и общего мнения, что нравственность и взгляды ее величества не таковы, как подобает государыне, ему следует уделить особое внимание, чтобы не проронить ни единого слова по данному вопросу».[421]

Опасаясь угрозы для Франции, какую представлял бы англо-габсбургский альянс, Екатерина Медичи также поспешила предложить претендента на руку Елизаветы. Соперником австрийца выступил ее сын Карл IX, король Франции.[422] Союз тридцатилетней протестантки, королевы Англии, и четырнадцатилетнего католика, короля Франции, стал неожиданным и заманчивым предложением. Карл объявил, что влюблен в Елизавету; сэр Томас Смит, английский посол во Франции, считал, что из французского короля выйдет хороший муж. Он заверил королеву: хотя юный король «бледен и не слишком хорошо сложен», он кажется «податливым и мудрым для своих лет» и давал «более остроумные ответы, чем можно от него ожидать». В письме к Елизавете Смит добавлял: «Ручаюсь… что он придется по нраву вашему величеству».[423]

Елизавету его слова не убедили; она сказала Полю де Фуа, французскому послу, что его король «и слишком велик, и слишком мал; иными словами, Франция была слишком влиятельной державой для союза с Англией, а Карл, на шестнадцать лет моложе Елизаветы, был слишком молод. Подобный союз подвергнет опасности независимость ее страны,

поставит ее под власть католика и сделает ее пожилой женой четырнадцатилетнего мальчика. Она объясняла затем де Сильве, что «не хочет стать посмешищем всего мира, явив картину старой женщины и мальчика у алтаря».[424] Цветкович, посланник императора, прибыв в Англию, сообщал, что «шут королевы сказал правду, уверяя, по-английски… что ей не следует выходить за короля Франции, ибо он всего лишь мальчик и неженка; зато ей следует выйти за эрцгерцога Карла, и тогда он не сомневается в том, что скоро она родит своего малыша. Я сказал королеве, что дети и шуты говорят правду, и потому надеюсь, что она услышала слова истины, но она только посмеялась».[425]

Многие советники Елизаветы разделяли ее сдержанность. Граф Суссекс боялся, что король станет пренебрегать своей старой женой, уедет на родину «и, в соответствии с французскими обычаями, будет жить там с красивыми девушками и, таким образом, всякая надежда на наследника окажется напрасной».[426] Но де Фуа возразил, что весь мир «изумляется тому, какой ущерб она наносит редким дарам Господним: ее наделили красотой, мудростью, добродетелью и высоким положением, а она отказывается оставить после себя законное потомство», и добавил, что, «если их брак состоится… плодом его станет самый прославленный наследник, какого не знали последнюю тысячу лет».[427] Какое-то время Елизавета притворялась, будто думает над этим предложением, отчасти для того, чтобы добиться возобновления дружественных отношений с Францией, а отчасти для того, чтобы умиротворить собственный парламент, который неустанно обращался к ней с петициями выйти замуж. Однако к весне переговоры заглохли сами собой. Сватовство Карла IX не снискало поддержки членов Тайного совета; путь для эрцгерцога Карла оказался свободен.

Когда в мае в Англию приехал Цветкович, двор взбудоражила новость о скором браке Марии Стюарт и лорда Генри Дарнли. Тайный совет постановил, что «единственным важным и действенным средством справиться с этими бедствиями и многими другими… добиться того, чтобы ее королевское величество вышла замуж и в том не допускала долгой отсрочки».[428] На аудиенции 20 мая Елизавета сказала Цветковичу, что хочет начать переговоры о браке:[429] хотя она «в прошлом всеми средствами стремилась остаться незамужней… в соответствии с постоянным давлением, какое накладывает на нее положение страны, теперь она решила выйти замуж».[430] Однако она не согласится идти под венец, не увидев вначале своего жениха. Может ли эрцгерцог приехать инкогнито, чтобы проверить, понравятся ли они друг другу?

«Я опросил нескольких достойных доверия особ относительно девичьей чести и непорочности королевы, – сообщал Цветкович, – и выяснил, что ее поистине и по правде восхваляют и превозносят за ее королевскую честь, а против нее ничего нельзя сказать, и вся клевета на нее суть порождение зависти, злобы и ненависти». Дадли он называл «добродетельным, набожным, учтивым и в высшей степени нравственным человеком», которого королева любит, «как сестра, со всей девической честью, целомудренно и искренно… о том, что она хочет выйти за него замуж или испытывает к нему что-либо, кроме чистейшей привязанности, не может быть и речи».[431] Елизавета заверила Цветковича, что она «заботится о своей королевской и девичьей чести» и что она «сама оправдается» перед императором «по поводу той клеветы, какая ее окружает». Она выражала надежду, что император поймет: «Она во все времена действовала во всех делах, соблюдая должные приличия и внимание».[432] Она сказала, что «слышала о великой любви, какую питал покойный император Фердинанд к своей жене, и потому надеется, что то же самое можно ожидать от его сына». Цветкович заверил ее, что эрцгерцог Карл унаследовал отцовские добродетели и «будет всю жизнь любить и почитать свою супругу». В заключение Цветкович написал: «Королева была рада услышать мои слова и сказала мне, что у нее есть камер-фрейлина, к словам которой она прислушивается и которая считает: даже если ее муж некрасив, она, королева, должна быть довольна, если он будет любить ее и будет добр к ней».[433] Можно с уверенностью утверждать, что дамой, на которую ссылалась Елизавета, была Кэт Эшли. Кэт много лет прожила в браке со своим мужем Джоном и делилась с Елизаветой своим опытом. Она растила Елизавету с раннего детства, воспитывала ее и давала ей советы.

Несмотря на очевидное воодушевление королевы, Цветкович не слишком верил в склонность Елизаветы выйти замуж и боялся «уловок». Он считал, «что она решила не выходить замуж и потому не находит никого, кто понравился бы ей; а если она и выйдет замуж, то только за графа Лестера». В самом деле, несмотря на то что переговоры продолжались, при дворе вновь поползли слухи о близости Елизаветы и Лестера. Незадолго до приезда императорского посланника достоянием гласности стала междоусобица между Дадли и его главным врагом, Томасом Говардом, 4-м герцогом Норфолком, первым аристократом Англии и двоюродным братом королевы. Когда Норфолк и Дадли в присутствии королевы играли в теннис, Дадли «стало жарко и он вспотел»; он взял из рук королевы платок и вытер им лицо. Такой поступок намекал на большую близость и считался в

высшей степени неучтивым. Норфолк рассвирепел и собирался ударить Дадли, которого назвал «слишком наглым», ракеткой по лицу. Елизавета, естественно, заступилась за Дадли и, по словам одного очевидца, «обиделась на герцога».[434]

Позже к Дадли пришла делегация знати, возглавляемая Норфолком; ему приказали перестать прикасаться к королеве и заходить к ней в опочивальню рано утром, до того как она встала. Норфолк заявил, что Дадли часто «принимал на себя обязанности ее камеристки, передавая ей одежду, которой не подобает находиться в руках главного конюшего». Кроме того, он обвинил Дадли в том, что тот «целует ее величество, когда его о том не просят».[435] Герцог Норфолк требовал, чтобы Дадли уговорил королеву выйти за эрцгерцога, добавив: «Горе не замедлит обрушиться на него, ведь все те, кто желает видеть королеву замужем, то есть все подданные, в задержке винят его одного».[436]

Глава 16
«Глубоко опечаленная»

В мае 1565 г. Елизавета не выдержала напряжения, царившего при дворе. Все давили на нее, требуя выйти замуж и произвести на свет наследника; кроме того, она тревожилась из-за брака Марии Стюарт. У нее случился истерический срыв. Выкрикивая дикие обвинения в адрес Дадли, Сесила и Трокмортона, она заявила: все, кто давит на нее и требует выйти замуж, на самом деле хотят ее смерти. Она понимала, что после замужества Марии на нее еще сильнее будут давить, призывая поскорее выбрать мужа и родить наследника, и такое будущее наполняет ее ужасом. Сесил уверял королеву, что никто не принудит ее делать что-либо против воли; к чему бы она ни склонилась, ее подданные всегда сохранят ей верность. Однако оба понимали: такие уверения никак не покончат с призывами выйти замуж.[437]

Наряду с общей тревогой из-за неопределенности с престолонаследием продолжались и злобные сплетни. В разговоре с де Сильвой Елизавета призналась, как огорчают ее упорные слухи о ее поведении и манерах: «И в собственной стране, и во всем мире меня обвиняют во многом, и среди прочего в том, что я выказываю больше благосклонности Роберту, чем следует; порицают мою нескромность. Нет ничего удивительного, что повод к таким разговорам подают молодая женщина и молодой мужчина высоких качеств, к чьим заслугам и доброте я выказываю милость, хотя и не такую, как он заслуживает, но одному Богу известно, что все это клевета. Придет время, и мир обо всем узнает. Моя жизнь проходит у всех на виду; во всякое время вокруг меня столько свидетелей, что я не понимаю, как могло сформироваться такое дурное мнение обо мне».[438]

Для Елизаветы настали трудные месяцы. Чем сильнее утомляли ее государственные дела и оказываемое на нее давление, тем больше она полагалась на поддержку и суждения своих камер-фрейлин.

Когда в начале лета заболела Кэтрин Ноллис, Елизавета немедленно послала к ней своего врача, доктора Роберта Хьюика. Елизавета не только регулярно справлялась о состоянии Кэтрин, но и знала, что Кэтрин необходимо быстро восстановить здоровье. В самом деле, заболела она крайне некстати. Всего через несколько недель старший сын Кэтрин, Генри, должен был

жениться на Маргарет Кейв, одной из фрейлин королевы, во дворце Дарем-Хаус на Стрэнде. Королеву пригласили на свадьбу почетной гостьей; так как требовались еще срочные приготовления, важно было, чтобы Кэтрин скорее выздоровела.

К счастью, визит Хьюика, похоже, помог достичь цели, и состояние Кэтрин быстро улучшалось. Поэтому она присутствовала на свадьбе сына 16 июля.[439] После роскошного пира гостей развлекали танцами, которые затянулись глубоко за полночь. После болезни Кэтрин и припадков Елизаветы свадьба стала прекрасным поводом для поднятия духа.

В то время королева жила в Ричмонде, дворце, который славился своими башенками, куполами, увенчанными золотыми и серебряными флюгерами, «певшими» в ветреные дни, и красивейшим парком. Елизавета называла Ричмонд своей «теплой шкатулкой»; его крытые галереи – мощеные, покрытые плиткой, украшенные золочеными гербами, розами и опускающимися решетками – соединяли между собой все дворцовые помещения, поэтому не было необходимости выходить на улицу, чтобы попасть в любое из сооружений. Большой зал был поистине огромным – 100 на 40 футов. Его украшали фрески с изображением героических английских королей. Внутренние покои королевы размещались в большом трехэтажном каменном здании, состоящем из двенадцати комнат; в дополнительных комнатах Елизавета селила самых близких для себя людей. Дворцовый парк занимал площадь 10 акров. В большом саду для нужд двора выращивали великолепные персики, яблоки и тернослив. Кроме того, в огороде росли различные виды салатов и зелени для восемнадцати дворцовых кухонь, а розовую воду и срезанные цветы посылали из Ричмонда в другие дворцы.

Прошло всего два дня после свадьбы сына Ноллис, и Елизавету постигло большое горе. 18 июля умерла ее любимая Кэт Эшли, которая во многом заменяла Елизавете мать. Кэт заболела за несколько месяцев до того, но потом выздоровела. Ее последняя болезнь протекала быстро, а состояние стремительно ухудшалось. Королева провела предыдущий день у ее постели, а на следующее утро ей сказали, что ее обер-гофмейстерина скончалась. Внутренние покои погрузились в глубокий траур; никто не говорил громко, все лишь перешептывались. Придворные дамы разделяли горе королевы. Последующие недели и месяцы их объединяло чувство общей потери. Все привыкали жить без той, на кого привыкли полагаться.

Как Цветкович написал императору Максимилиану, смерть Кэт Эшли «так опечалила королеву, что она не призывала меня к себе до 22 июля». Однако даже в трауре Елизавета понимала, что

должна по-прежнему вершить государственные дела; не забывала она и о предложении эрцгерцога Карла. «В этот день, – писал Цветкович, – я известил ее о решении вашего императорского величества, чтобы она забыла о горе. Она, однако, сообщила мне, что в таком важном вопросе она должна подумать, и я оставил ее в чуть более радостном настроении».[440]

Известие о кончине Кэт Эшли быстро распространилось за пределы двора и даже за пределы Англии. Ее смерть «сильно опечалила» королеву, писал испанский посол в своей депеше в Мадрид. Получив письмо де Сильвы, Филипп приписал на полях: «Какой же она была еретичкой».[441] Хью Фицуильям, английский дипломат, служивший при французском дворе, сокрушался, что теперь, «когда мистрис Эшли нет, у него не стало друга, к кому можно было бы обратиться с жалобой».[442] Ее смерть стала большой потерей для тех послов и дипломатов, которые узнавали от нее последние новости и сплетни.[443]

Теперь обер-гофмейстериной стала Бланш Парри, которая находилась на службе у Елизаветы дольше остальных. Она стала главной наперсницей королевы. Как писал ее племянник Роуленд Вон, двор теперь находился «под командованием мистрис Бланш Парри».[444] С ранних дней жизни, когда Бланш качала колыбель принцессы, Елизавета и ее преданная валлийка были тесно связаны; по мере того, как Елизавета взрослела, крепли и их узы. Они обе любили книги и лошадей, и, пока Бланш не состарилась и не ослепла, они часто совершали совместные верховые прогулки. Одной лишь Бланш в дополнение к обычному жалованью платили «конину» в знак признательности к ней королевы. После смерти Кэт Эшли Елизавете пришлось рассчитывать на тесный кружок преданных ей фрейлин; они осуществляли повседневный уход. Кроме того, она искала у них дружбу и утешение, которые издавна находила у Кэт. Фрэнсис Ньютон, дочь сэра Джона Ньютона из Глостершира, служила камер-фрейлиной с начала правления Елизаветы, до того как в феврале 1560 г. во дворце Уайтхолл вышла за Уильяма Брука, барона Кобэма.[445] «Без отрыва от службы» леди Фрэнсис Кобэм родила шестерых детей, очень похожих на леди Фрэнсис, ее мужа и сестру. Всех их изобразили на семейном портрете, датированном 1567 г. Несмотря на частые беременности и периоды, когда она отсутствовала, королева очень ценила леди Фрэнсис. В 1565 г., после того как она родила второго ребенка, Елизавета сделала ее хранительницей королевской гардеробной. Она отвечала за наряды королевы – пост, который до тех пор занимала Дороти Стаффорд.

В период после смерти Кэт Эшли Елизавета все больше

полагалась на леди Фрэнсис; она не отпускала ее от двора почти до самых родов.[446] И даже в фамильном особняке в Кенте леди Фрэнсис, искусная портниха, провела последние недели беременности за шитьем. Она готовила новогодний подарок для королевы.[447] Шить ей помогала ее ближайшая подруга Бесс Сент-Лу (которую позже стали называть Бесс из Хардвика). Бесс назначили камер-фрейлиной в первые годы правления Елизаветы; потом она попала в опалу из-за своего якобы пособничества незаконному браку Кэтрин Грей, который случился за пять лет до того, и ее уволили с королевской службы. Хотя в последующие годы ее отношения с Елизаветой восстановились, во внутренние покои она уже не вернулась. В письме Бесс в ее имение в Четсуорте (Дербишир) леди Кобэм подробно рассказала, как шьет рукава «такой ширины, которая лучше всего подойдет королеве… они тонкие и необычные. Посылаю вам тесьму и сетку [кружево] для королевы той же работы, чтобы сочетались с рукавами… Мода сильно переменилась с тех пор, как вы служили при дворе. Десяти ярдов хватит на воротник и манжеты».[448] 22 ноября 1566 г. у леди Фрэнсис родился сын, которого назвали Генри, а через несколько недель Фрэнсис вернулась на службу, поручив ребенка заботам кормилицы.

В месяцы траура после смерти Кэт Эшли произошло еще одно волнующее событие. В ноябре 1565 г. Анна Рассел, шестнадцатилетняя дочь графа Бедфорда, ставшая фрейлиной вскоре после вступления Елизаветы на престол, вышла замуж за Эмброуза Дадли, графа Уорика, брата королевского фаворита. Жених был на двадцать лет старше невесты. Венчание состоялось в королевской часовне в Уайтхолле. Свадьбу отмечали при дворе очень пышно: она символизировала объединение двух ведущих протестантских придворных семей. Анна, теперь графиня Уорик, была повышена до камер-фрейлины и впоследствии оставалась в «ближнем кругу» королевы; вскоре Елизавета стала относиться к ней как к близкой подруге и поверенной. Ее племянница, Анна Клиффорд, позже заявит, что ее тетка «была более любима и пользовалась большей милостью королевы, чем любая другая женщина в стране, и не меньшей милостью при дворе и во всех владениях королевы».[449]

29 июля 1565 г. двор переехал в Виндзор. Елизавета обычно проводила в Виндзорском замке лишь в летние месяцы: в старом замке было особенно холодно и сыро, и казалось, что его невозможно прогреть. Под окнами королевских покоев пристроили каменную террасу, где она могла «дышать воздухом» перед ужином или быстро прогуливаться по утрам, «чтобы разогнать кровь».[450] В большом парке Виндзора Елизавета

отдавалась своей страсти: верховой езде и охоте. Она щеголяла своим умением обращаться с лошадьми во время погони. Как писал Гусман де Сильва, «она скакала так быстро, что обгоняла всех, и фрейлины и придворные, которые были с ней, оказывались посрамлены. Для них то была скорее работа, а не удовольствие».[451] Иногда Елизавета и ее дамы стреляли дичь со специально сооруженных трибун к северо-востоку от замка.

В конце августа Цветкович и де Сильва приехали в Виндзор, дабы испросить у королевы официального согласия на свой отъезд. Елизавета оговорила условия свадьбы, и Цветкович должен был доложить обо всем в Вене.[452] Учитывая, что послы приехали во дворец поздно вечером, а уехать должны были на следующий день, им отвели одну комнату на двоих. Узнав об этом, Елизавета испытала потрясение. Она считала, что, не дав каждому из них отдельной комнаты, придворные проявили неуважение. «Мои придворные будут знать, как с вами следует обращаться, – объявила королева и, повернувшись к послам, добавила: – Вы поселитесь в моих покоях; я дам вам свой ключ».[453] Заверив ее, что они не обиделись, послы отправились к себе.

На следующее утро Дадли повел послов на прогулку по Виндзорскому парку. Возвращаясь во дворец по берегу реки, они проходили мимо здания, в котором размещались внутренние покои королевы. Под окнами королевской опочивальни шут Роберта Дадли, который шел с ними, закричал так громко, что королева подошла к окну в одной ночной рубашке. Полтора часа спустя, одевшись и накрасившись, она спустилась приветствовать послов и, несомненно, отчитать Дадли и его шута.[454] В другой раз, позже, Гилберт Талбот, сын графа Шрусбери, бродил по арене для турниров в Гринвиче в восемь утра и заметил, как Елизавета выглядывает из окна: «Я устремил на нее взгляд; мне показалось, что она очень стыдится, ибо она была не одета, стояла в одной ночной сорочке. Поэтому, заметив меня после обеда, когда она пошла на прогулку, она больно щелкнула меня по лбу и рассказала лорд-камергеру… как я смотрел на нее утром и как ей стало стыдно».[455]

Вскоре после переезда в Виндзор Елизавета узнала, что 29 июля Мария Стюарт тайно обвенчалась с Генри Дарнли. Свадьба состоялась в Холирудском дворце в Эдинбурге.[456] После того как два католика – претендента на английский престол стали мужем и женой, Елизавете показалось, что трон под ней зашатался.[457] Как сухо заметил Томас Рандолф, посланник Елизаветы, они «отправились в постель не для того, чтобы сообщить миру, что [не похоть] заставила их пожениться, но только необходимость для страны, дабы не оставить ее без

наследника».[458]

Отношения Марии и Елизаветы испортились вконец. «Вся их сестринская близость прошла; ее сменили ревность, подозрения и ненависть».[459] Английское правительство сочло брак Марии Стюарт и Дарнли угрозой для монархии. Елизавета отказалась признавать в Дарнли мужа Марии и короля Шотландии. Мария, в свою очередь, начала открыто демонстрировать свой католицизм в Эдинбурге, придавая надежды католикам и в Шотландии, и в Англии.[460] За два года до того папа издал резолюцию, в которой верным католикам разрешалось убить королеву Елизавету. Прощение и «вечная рента» на небесах будут дарованы «любому, кто совершит нападение на королеву, или любому повару, пивовару, пекарю, виноторговцу, врачу, зеленщику, хирургу или человеку другого рода занятий, который уберет ее».[461] Брак Марии увеличил страх таких покушений.[462]

Глава 17
«Злая мнительность души»

Находясь в Виндзоре, Елизавета узнала еще об одном неприятном для нее браке. Одна из сестер Грей, девятнадцатилетняя Мэри – самая низкорослая женщина при дворе, которую де Сильва называл «уродливой горбуньей», – тайно вышла замуж за Томаса Киза, старшего королевского привратника ростом 6 футов. Киз охранял дворец; от него ожидалась безукоризненная верность. Он был вдовцом вдвое старше своей невесты.[463] Они поженились в девять вечера 16 июля 1565 г., когда Елизавета покинула двор, чтобы присутствовать на свадьбе Генри Ноллиса в Дарем-Хаус. В покоях Киза в Уайтхолле при свечах собрались одиннадцать друзей и родственников. Жених и невеста произнесли брачные обеты; Киз подарил своей крошечной невесте крошечное обручальное кольцо. Свадьбу отметили вином «и свадебным пиром», после чего Томаса и Мэри оставили одних и они легли в постель. Когда на следующее утро Елизавета вернулась во дворец, новобрачные разошлись каждый по своим покоям. Королева так ничего и не узнала.

Месяц спустя, когда Елизавета еще не оправилась от известия о том, что Мария Стюарт вышла за Дарнли, просочилась весть о свадьбе Мэри Грей. «Что за неудачное и чудовищное совпадение! – писал другу Сесил. – Старший привратник, самый высокий джентльмен при дворе, тайно женился на леди Мэри Грей, последней из придворных… оскорбление очень велико».[464] Елизавета пришла в ярость.[465] Леди Мэри посадили под арест в Виндзоре, а Киза держали в одиночном заключении в печально известной лондонской тюрьме Флит. Его огромная фигура с трудом умещалась в тесной каморке.[466]

* * *

Атмосфера при дворе, накалившаяся из-за браков Мэри Грей и Марии Стюарт, не говоря уже о горе Елизаветы после смерти Кэт Эшли, повлияла и на отношения королевы и Дадли. Как писал Сесил сэру Томасу Смиту, «ее королевское величество испытывает некую неприязнь к милорду Лестеру, из-за чего он очень недоволен. Она жалеет о напрасно потерянном времени, как и все ее верные подданные».[467] В августе Елизавета начала

флиртовать с сэром Томасом Хениджем, симпатичным придворным. Как сообщал де Сильва, королева «начала улыбаться одному камергеру по фамилии Хенидж, что привлекло много внимания».[468] Несмотря на то что Хенидж был женат, Дадли считал его серьезным соперником и ревниво следил за его возвышением. Когда Дадли напрямую упрекнул королеву, «она, очевидно, была весьма раздражена разговором». Сесил считал, что флирт Елизаветы с Хениджем был «необоснованным вздором», и королева «играла намеренно, преследуя собственные цели».[469] Дадли ушел к себе «в глубокой меланхолии» и пробыл в своих покоях четыре дня, «демонстрируя своим отчаянием, что он больше не может жить».[470]

Дадли отомстил, расточая внимание Леттис Ноллис, двадцатичетырехлетней дочери Кэтрин Ноллис, давней спутницы и кузины Елизаветы. Хотя Леттис назначили камер-фрейлиной после вступления Елизаветы на престол, в декабре 1560 г. Леттис вышла замуж за Уолтера Деверо и удалилась от двора. В течение следующих нескольких лет она родила пятерых детей, однако время от времени появлялась при дворе. Именно во время ее приезда в Виндзор летом 1565 г., когда она была на поздних сроках беременности своим сыном Робертом, Дадли начал ухаживать за ней. Когда Елизавета узнала о флирте Дадли, она «сильно вспылила» и, по словам испанского посла, «упрекала» Дадли «в том, что произошло… в весьма язвительных выражениях». Сесил записал в дневнике, что «ее королевское величество, похоже, очень обижена на графа Лестера и потому сделала неясную приписку в книге в Виндзоре».[471] Книга сохранилась. Надпись, сделанная Елизаветой, гласит:

> Бельмо, и горб, и хромоту
> Назвать уродством не спеши.
> Уродливей всего сочту
> Я злую мнительность души.[472]

Ваша любящая Елизавета.[473]

Елизавета, несомненно, ревновала бы, прояви Дадли интерес к любой другой женщине, но то, что Леттис была ее троюродной племянницей, которую испанский посол описывал как «одну из самых красивых женщин при дворе», делало измену Дадли еще ощутимее.

Филипп Испанский с огромным интересом читал донесения своих послов из Лондона. «Все дело и его последствия, – писал он, – явно показывают, что королева влюблена в Роберта и по

этой причине – и на тот случай, если она наконец решится взять его в мужья, – очень выгодно держать его в руках».[474]

Елизавета, предположительно, сообщила Брюнеру, посланнику императора: «До настоящего времени я еще никому не говорила, что не выйду за графа Лестера, но в прошлом лорд Роберт был женат и брак с ним был невозможен».[475] На Рождество французский посол де Фуа сообщил, что Дадли просил руки Елизаветы, на что она ответила, что ему нужно подождать до Сретения в феврале и тогда она «удовлетворит его».[476] Позже, в новогоднюю ночь, де Фуа сказал своему испанскому коллеге, что Елизавета спала с Дадли в своей опочивальне в Уайтхолле. Но, как написал в депеше де Сильва, «источником слуха является француз, решительно настроенный против эрцгерцога». К тому времени о свадьбе с молодым французским королем Карлом IX уже забыли, и французы поддерживали «партию Дадли».

И Дадли, и Хенидж прислуживали королеве во время Рождества и новогодних праздников, и за драмой, которая разыгрывалась при английском дворе, пристально следили дипломаты. Джакомо Суриан, венецианский посол во Франции, писал дожу и сенату со слов сэра Томаса Смита, английского посланника в Париже, что на Двенадцатую ночь Хениджа выбрали «королем веселья»; в течение вечера он управлял всем двором и руководил празднествами. В одной из игр Хенидж велел Дадли спросить у королевы, «что труднее всего выбросить из головы: дурное мнение, порожденное злым осведомителем, или ревность». Елизавета ответила, что трудно все, но ревность тяжелее. Дадли пригрозил отлупить Хениджа палкой (а не мечом, так как считал его ниже себя). Королева сказала Дадли, что, «если он, по ее милости, стал дерзок, он скоро исправится и она будет любить его, как прежде, вначале возвысив его». Дадли снова удалился к себе «в глубокой меланхолии», но затем королева, «движимая жалостью», вернула ему свое расположение.[477]

* * *

Примирению не суждено было длиться долго. В начале следующего года после нескольких ссор с Елизаветой Дадли попросил ее разрешения оставить двор под предлогом того, что он собирался навестить свою заболевшую сестру, леди Хантингдон. «Он думает, что его отсутствие приведет королеву в чувство, – сообщал де Сильва, – и даже, возможно, подвигнет ее к свадьбе с ним; хотя Лестер считает, что, если она забудет позвать его назад и будет обращаться с ним как со всеми, он ненадолго

вернется к себе домой и таким образом не потеряет места».[478] Впервые за долгие годы Дадли оказался вдали от королевы. Вначале Елизавета как будто даже радовалась, что отпустила его, и признавалась своему кузену Генри Кэри, лорду Хенсдону, что ее «часто спрашивали, почему она не сделает его главным конюшим, но теперь, скорее всего, так и будет».[479] В отсутствие Дадли при дворе поползли слухи. «Об отсутствии милорда Лестера и о возвращении ему милостей, – писал Сесил Томасу Смиту в Париж, – если ваш осведомитель расскажет вам сказки о дворе или о городе, их сочтут [глупыми] и во многом неверными. Вкратце, я подтверждаю, что о ее королевском величестве, возможно, судили несправедливо; но, по правде говоря, ее саму не в чем упрекнуть, и ее намерения самые добрые».[480]

В середине марта Елизавета заболела. Де Сильва писал испанскому королю: «Она так исхудала, что врач, который ухаживает за ней, уверяет, что у нее можно пересчитать все кости и что у нее образуется камень в почках. Он думает, что у нее чахотка, хотя врачи иногда ошибаются, особенно когда речь заходит о молодых людях».[481] Несколько дней Елизавета пролежала в опочивальне окнами на Темзу, слабая и безжизненная. Королева снова оказалась в центре внимания двора; ходили слухи о ее неминуемой смерти; из уст в уста передавались зловещие пророчества. На сей раз рядом с Елизаветой не было Мэри Сидни. Она уехала в Ирландию со своим мужем сэром Генри, которого назначили лордом-наместником Ирландии. Поскольку его сестра отсутствовала, а королева по-прежнему благоволила к Дадли, один знакомый посоветовал ему поспешить ко двору: «Касательно вашего возвращения я слышу разные мнения; одни велят подождать, другие – поспешить. По-моему, если вы приедете не слишком поспешно, ничего хорошего не будет, поскольку ее величеству, по-моему, так не нравится ваше отсутствие, что она не расположена слышать ничего в вашу пользу».[482] Дадли вернулся, но через несколько недель, поссорившись с королевой, снова вынужден был уехать.

Елизавету все больше возмущало беспорядочное поведение Дадли; она хотела, чтобы он постоянно находился при ней. Бланш Парри велела ему «скорее помириться», ибо «ее величество сердятся на ваше долгое отсутствие».[483] Попытавшись убедить Елизавету, что он скоро вернется, Бланш предупредила Дадли, что королева «очень удивлена, что она ничего не слышала о вас с прошлого понедельника». Один доверенный придворный заверил Дадли, что, в отсутствие Дороти Брэдбелт, другая их союзница среди фрейлин Елизаветы, «наш лучший друг во внутренних

покоях – миссис Бланш».[484] Находясь вдали от двора, Дадли надеялся, что Бланш замолвит за него словечко перед Елизаветой и будет держать его в курсе желаний королевы; никто не знал королеву лучше, чем она. В конце мая Дадли снова вернулся к королеве.

Глава 18
Эликсир жизни

7 февраля 1565 г. Елизавете написал алхимик из Нидерландов Корнелиус де Ланной. Он предлагал ей невообразимый подарок. Он утверждал, что ему удалось превратить обычные металлы, такие как свинец, в золото и извлечь эликсир жизни, легендарное зелье, которое лечит все болезни и дарует вечную жизнь.[485] В чем-то подобном нуждалась Елизавета, чтобы защитить свое королевство. Философский камень, с помощью которого, как считалось, можно не только изготовить золото, но и исцелять болезни и достичь бессмертия, на протяжении многих веков оставался для алхимиков недостижимой мечтой. Состав, который де Ланной называл «пантаура» и обещал изготовить, сочетал в себе ценности «души мира», которая немедленно исцеляет болезни, поддерживает «живость конечностей, ясность памяти» и служит «самым лучшим и вернейшим средством против всякого рода ядов».[486] С помощью этого состава можно было достичь той красоты, какую придворные дамы Елизаветы каждый день создавали искусственным путем, сохранить ее здоровье и воплотить в жизнь девиз Елизаветы Semper Eadem – «Все та же».[487]

Королева отнеслась к предложению де Ланноя с живым интересом и воодушевлением. Во всей Европе знали о ее изучении «всех частей философии» и «любви к наукам», в том числе к алхимии.[488] Алхимики посвящали ей книги; их трактаты она не раз она получала в качестве подарка на Новый год.[489] По предложению Елизаветы в Хэмптон-Корт устроили перегонный завод, а некий Миллисент Франкуэлл, которому платили 40 фунтов в год, изготавливал в ее внутренних покоях некое «лекарство королевы» и «лосьон королевы Елизаветы». Принято полагать, что он смешивал слабительное средство, которое королева принимала дважды в год.[490] В подтверждение того, что она покровительствовала алхимии, позже в одном из окон дворца Уайтхолл появился герб, на котором королева называется «истинным эликсиром», образцом совершенства и бессмертия.[491] Хотя алхимия считалась преступлением, за которое карали смертью и конфискацией имущества, сама королева и ее придворные очень ценили такой вид деятельности; желавшие заняться алхимией должны были получить от королевы особое разрешение на такой род занятий.[492] Де Ланной обещал

ежегодно добывать золота на 33 тысячи фунтов и драгоценные камни.[493] Елизавета и Сесил, помнившие о том, что казна пуста и стране грозит война, очень хотели верить в обещания де Ланноя. Ему пожаловали щедрую пенсию в размере 120 фунтов в год, выделили средства на содержание его семьи и слуг. Для него в лондонском Сомерсет-Хаус соорудили алхимическую лабораторию, заведовал которой поверенный Сесила Армаджил Ваад.[494] В том же году Томас Чарнок, алхимик из Сомерсета, написал «Книгу, посвященную ее королевскому величеству», в которой также вкратце описал процесс превращения металлов в золото и открытие философского камня.[495] Он обещал создать чудодейственное средство, «эликсир», который «продлит жизнь ее величества… исцелит больше болезней, чем любое другое медицинское лекарство, порадует душу, утешит юность, омолодит кровь и не даст ей застаиваться, выведет слизь, не даст желчи перейти в раздражительность и гневливость».[496] Несмотря на то что у Чарнока были жена и дети, он просил королеву посадить его в [Белый] Тауэр, где он будет заниматься своей работой в уединении. В подтверждение своего замысла он даже предлагал обезглавить его на Тауэрском холме.[497] Чарнок очень огорчился, узнав, что он опоздал: в Сомерсет-Хаус уже воцарился де Ланной и приступил к работе, чтобы, как обещал, даровать королеве вечную молодость и несметные богатства.[498]

Де Ланной пообещал, что результаты появятся быстро. Через несколько месяцев, когда оказалось, что ему нечего предъявить, он пожаловался на низкое качество английского лабораторного оборудования и ингредиентов, которые, по его словам, «не обладали достаточной силой, дабы поддерживать высокую температуру огня» и таким образом замедляли процесс. Он сообщил королеве, что уже послал в Антверпен и Кассель за необходимыми веществами, которые гарантируют успех предприятия. Елизавета и Сесил благосклонно приняли его объяснения. Им не приходило в голову, что за отговорками де Ланноя кроется мошенничество.[499] Они по-прежнему верили обещаниям де Ланноя и с нетерпением ждали плодов его труда. Де Ланноя поместили под пристальное наблюдение, но вовсе не из-за того, что англичане усомнились в его правдивости. Просто в соседнем с ним доме обосновалась молодая шведская принцесса.

* * *

Принцесса Сесилия, младшая сестра короля Швеции Эрика IV, прибыла в Англию в сентябре 1565 г. Она приехала с визитом

к королеве, о которой столько слышала, и собиралась убедить Елизавету принять предложение своего брата.[500] Принцесса оказалась привлекательной образованной женщиной авантюрного склада, со склонностью к экстравагантным выходкам.

За несколько лет до приезда в Англию Сесилия была замешана в нескольких скандалах в шведских высших кругах. В 1559 г., во время торжеств, посвященных свадьбе ее старшей сестры принцессы Катарины и Эдуарда II, князя Восточной Фризии, заметили какого-то мужчину, который несколько ночей подряд залезал к принцессе в окно. В результате в комнате Сесилии нашли полуобнаженного брата жениха. Его посадили в тюрьму и, по некоторым источникам, кастрировали. В 1564 г. принцесса вышла за Кристофера II, маркграфа Баден-Родемахенского. Сразу после свадьбы новобрачные отправились в Англию. Они приехали в сентябре 1565 г., после путешествия со многими остановками, занявшего больше года. Их тепло приветствовали лорд и леди Кобэм, которые сопроводили гостей в Лондон. Принцессу Сесилию, которая вот-вот должна была родить, встретили очень радушно. Как писал испанский посол де Сильва, «в 11 день [сентября] в 2 часа пополудни в Лондон прибыла сестра короля Швеции. Она находится в положении; на ней было черное бархатное платье и мантия из черненого серебра, а на голове золотая корона… с ней приехали шесть фрейлин, одетых в платья из малиновой тафты и такие же плащи».[501]

Гостей поселили в поместье Бедфорд-Хаус, туда привезли кровати и шторы, принадлежавшие королеве. Через четыре дня после приезда в Лондон Сесилия родила первенца, которого назвали Эдуардом. Младенца крестили в Вестминстерском аббатстве; крестными родителями стали королева Елизавета, архиепископ Кентерберийский и герцог Норфолк. Позже Сесилия и ее свита часто приходили в Уайтхолл, их приглашали на придворные банкеты и развлечения.

Сесилия собиралась пробыть в Англии больше года, но через несколько месяцев привычка к роскошной жизни дала себя знать, и принцесса наделала много долгов. Когда она объявила о своем намерении вернуться в Швецию, Елизавета потребовала, чтобы принцесса вначале полностью расплатилась с кредиторами и продала все, что можно, чтобы достать денег. Тем временем ее мужа, который пытался бежать из страны, арестовали в Рочестере.

Именно тогда принцесса, жившая рядом с Сомерсет-Хаус, обратилась к Корнелиусу де Ланною. В прошлом он служил королю Швеции; Сесилию привлекли его хвастливые обещания. Принцессе необходимо было расплатиться с долгами, и она

призвала алхимика на помощь. В середине января 1566 г. де Ланной согласился ссудить ей 10 тысяч фунтов, а в середине марта – еще 13 тысяч. Когда Сесил узнал о дружбе Сесилии и алхимика, он испугался, что из-за принцессы де Ланной забросит производство эликсира для королевы. Государственный секретарь приказал перехватывать письма де Ланноя и Сесилии.[502] Когда Елизавете сообщили, что де Ланной дал Сесилии крупные суммы в долг, она тут же запретила алхимику общаться с принцессой. Де Ланной, боявшийся королевской опалы, написал Елизавете покаянное письмо. Он поклялся «на святом Евангелии», что «успешно выполнит» свое обещание произвести эликсир и «не станет поддерживать отношений» с Сесилией. Но к концу марта Ваад заподозрил, что де Ланной и Сесилия сговариваются бежать в Нидерланды.[503] После того как планы заговорщиков раскрыли, де Ланноя посадили в Тауэр. Туда же перевели и его лабораторию. Однако Елизавета по-прежнему не сомневалась в том, что алхимик выполнит свои обещания.[504] Более того, по сообщениям Ваада, де Ланной уже создал алхимический эликсир и собирался увезти его с собой. Однако, если де Ланноя схватят, «у ее величества окажутся и Искусство [способ], и сама вещь».[505]

Наконец в апреле 1566 г. принцесса Сесилия уехала в Швецию, заявив, что она «рада убраться из этой страны».[506] Де Ланноя выпустили из тюрьмы, однако приставили к нему соглядатаев; Елизавета и ее советники с нетерпением ждали обещанного эликсира. В июле алхимик написал королеве: «Понимаю, сколь прискорбна для вас такая отсрочка. В вашей державе мне нечего предложить вам, кроме моей жизни, которая станет тяжкой потерей для моей невинной жены. Что же касается превращения простых металлов и камней в драгоценные, либо моей работе мешают, либо присутствует какой-то злой человек, либо я ошибся в сопряжении. Пожалуйста, позвольте мне попросить о помощи друзей – я не сомневаюсь в том, что способен выполнить свои обещания».[507]

Попытки де Ланноя доказать свою невиновность не удались, и в июле 1566 г. его посадили в Тауэр, обвинив в «великом оскорблении ее величества».[508] Допросить алхимика поручили Вааду; он сообщил, что де Ланной признал свои ошибки, но ошибся он якобы только из-за того, что королева, Сесил и Дадли торопили его.[509] В отчаянных посланиях де Ланной заверял их: если ему позволят прибегнуть к помощи друзей, он сумеет выполнить свои обещания и в течение месяца изготовит «магическое средство», способное произвести золота в 30 миллионов раз больше его собственного веса.[510]

Протомив несчастного алхимика несколько недель в

заточении, Сесил написал Вааду и сэру Фрэнсису Джобсону, коменданту Тауэра. Он приказывал немедленно возобновить алхимические опыты де Ланноя в Тауэре и перенести туда его печи.[511] Но оказалось, что де Ланной продолжал водить за нос Сесила и королеву. К началу 1567 г. терпение Сесила лопнуло. Де Ланной снова уверял всех в своей невиновности и обещал Государственному секретарю, что «превратит свинец в золото, если дать ему еще всего лишь два дня».[512] Однако было уже поздно. В феврале Сесил записал в своем дневнике, что Корнелиуса де Ланноя подвергли тюремному заключению за «оскорбление ее к[оролевского] величества в Сомерсет-Хаус, поскольку он обещал произвести эликсир» и «превратить любой металл в золото».[513]

Хотя Сесил продолжал оказывать покровительство другим алхимикам, Елизавете расхотелось обольщаться. Как объяснил Сесил, она «ни в коем случае не станет выслушивать подобные предложения, так как считает их обременительными и бесплодными».[514]

Глава 19
Бесплодная смоковница

В канун Нового 1566 года из Шотландии пришла весть о том, что Мария Стюарт в положении.[515] Она находилась на третьем месяце беременности. В то время как Елизавета ждала, когда де Ланной получит эликсир, суливший неограниченные богатства и вечную жизнь и способный закрепить ее пребывание на английском троне, беременность ее шотландской соперницы обещала более верный исход. Двадцатитрехлетняя королева Мария во второй раз вышла замуж и ждала ребенка. Елизавете исполнился тридцать один; брака в ближайшей перспективе не намечалось, а шансы родить ребенка стремительно таяли. Узнав о беременности Марии, Елизавета срочно возобновила переговоры о браке с эрцгерцогом Карлом и послала в Австрию своего представителя, который должен был уговорить эрцгерцога посетить Англию.[516] Примерно в то же время де Сильва сообщил, что получил сведения, правда «недостоверные и ненадежные», что королева вновь проявила интерес к браку с французским королем Карлом IX.[517]

По мере того как рос живот Марии, ухудшались ее отношения с мужем, лордом Дарнли. В письме от 13 февраля Рандолф утверждал: «…теперь я знаю наверняка, что королева разочаровалась в своем браке, жалеет о том, что получила такого короля и всю его родню».[518] Дарнли оказался горьким пьяницей; к тому же ему внушали, что отец будущего ребенка не он, а Давид Риччио, итальянец-секретарь Марии, с которым сам Дарнли «иногда ложился в одну постель».[519] В субботу 9 марта Дарнли, чьи жестокие намерения подпитывались спиртным, ворвался в опочивальню Марии во главе отряда своих приспешников. Застав у Марии Риччио, они зарезали его на глазах у королевы. Убийство совершилось в самом сердце королевского дворца.

Елизавета была потрясена драмой, разыгравшейся в личных покоях Марии. Де Сильва описывал «большое горе» Елизаветы и ее «желание помочь королеве Шотландии».[520] Она сказала испанскому послу: будь она на месте Марии, если бы в ее покоях напали на Риччио и нанесли ей оскорбления, она «вырвала бы у мужа кинжал и сама заколола его». Однако, добавила она, ей бы не хотелось, чтобы Филипп II думал, будто она собирается убить своего теперешнего поклонника, эрцгерцога Карла, если тот станет ее мужем.[521]

Убийство в покоях Марии Стюарт усилило атмосферу страха

при дворе Елизаветы. На дверях ее личного кабинета и опочивальни поменяли замки. «Королева приказала убрать все ключи от дверей, ведущих в ее внутренние покои; теперь попасть туда можно через единственный вход, – записал де Сильва. – Не знаю, стали ли причиной этого события в Шотландии или меры безопасности вызваны слухами о беспорядках в Лондоне».[522]

* * *

В мае 1566 г. Елизавета снова заболела, на сей раз лихорадкой. По словам Джеймса Мелвилла, «никто не верил в иной исход, кроме смертельного, вся Англия была охвачена огромной тревогой».[523] Елизавета написала Дадли ожесточенное письмо, в котором просила его вернуться ко двору. В ответ Дадли признавался в том, что суровость королевы по отношению к нему довела его до отчаяния: «Если многодневная и многолетняя верная служба не является доказательством непоколебимой верности без каких-либо крупных оскорблений, не знаю, что и думать о прошлых милостях, которые, несмотря ни на что, остались со мной». Дадли признавался: «В прошлом я испытывал огромное утешение, получив письмо от королевы», но положение «так изменилось, что я боюсь даже думать о том, что мне сказали, до того, как ответить или написать».

Вместо того чтобы писать лично, Дадли попросил Трокмортона «выразить скромную благодарность» Елизавете «за усилия, предпринятые ею собственноручно, хотя я бы желал, чтобы все было сделано посредством сообщения или письма другого лица; тогда у меня еще оставалась бы надежда на то, что я ошибаюсь». Содержание письма королевы так расстроило его, что, по его словам, «оно сделало меня другим человеком, но я остаюсь вашим верным слугой и желаю вам всего наилучшего до конца своих дней». Далее он приписал: «Понимаю, мне не следует спешить туда, где обо мне сложилось не лучшее мнение; сейчас мне лучше удалиться либо в пещеру, либо во мрак забвения, либо в могилу для вечного успокоения».[524] Типичный для Дадли способ выражения: театральность и стремление быть в центре внимания. Он знал: королева захочет, чтобы он вернулся. Несмотря на первоначальный отказ, он все же написал Елизавете напрямую и подписался новым шифром – черным сердцем, символизирующим его горе. Перечитав письмо трижды, Елизавета, как сообщалось, выказала «смешанные чувства, и веселилась, и горевала». Через несколько дней ее фаворит снова очутился при дворе.[525]

Сесил пытался примириться с мыслью о том, что королева еще может выйти за Роберта Дадли, хотя он по-прежнему считал, что такой брак не обладает никакими преимуществами для Англии. Он хотел, чтобы королева вышла за эрцгерцога Карла. Свои мысли он изложил в памятной записке, озаглавленной De Matrimonia Reginae Anglia cum extern Principe и поделенной на две колонки: «Причины подвигнуть королеву принять предложение эрцгерцога Карла» и «Доводы против графа Лестера». Почти во всех отношениях Дадли проигрывал своему сопернику: в его жилах не текла королевская кровь, он ничего не привносил в брак, его первый брак оказался бездетным – возможно, он бесплоден. В разделе «Любовь к супруге» Сесил записал: союз будет «плотским», а такие союзы начинаются с удовольствия и заканчиваются горем. Если Елизавета и Дадли все же сочетаются браком, «все решат, что клеветнические речи о королеве и графе были правдивыми».[526]

* * *

19 июня из Эдинбурга в Лондон отправился сэр Джеймс Мелвилл с вестью, что Мария Стюарт родила здорового мальчика.[527] По прибытии в Лондон Мелвилл направился прямиком в дом Сесила, чтобы сообщить ему важную новость. Сесил немедленно отправился в Гринвич, где тогда находился двор. Он прибыл во дворец после ужина, когда Елизавета смотрела, как танцуют ее фрейлины. Неожиданно «все веселье прекратилось… все присутствующие гадали, что могло стать причиной такой перемены, а королева села, прижав руку к щеке, и призналась одной из своих фрейлин, что королева Шотландии родила здорового сына, в то время как она – бесплодная смоковница».[528]

Когда на следующее утро Мелвилл явился на аудиенцию к королеве, Елизавета постаралась скрыть свои истинные чувства. Она приветствовала Мелвилла французским танцем под названием «веселый поворот». Видимо, с помощью танца она хотела продемонстрировать свои радость, здоровье и пыл. Затем Елизавета сообщила: известие о том, что «королева, ее сестра, родила здорового сына», «чрезвычайно порадовало ее» и даже «излечило от тяжелой болезни, которой она страдала пятнадцать дней». Мелвилл во всех подробностях поведал Елизавете о долгих и тяжелых родах Марии. То было «счастье, купленное ценой жизни, ибо я сказал, что с ней так неумело обращались, что она жалела о том, что вообще вышла замуж».[529] Отчет о родах, как позже признал Мелвилл, был уловкой, направленной на то, чтобы

отвлечь Елизавету от мысли о браке и деторождении.

Рождение принца Джеймса (Якова), сына и наследника, безмерно укрепило позиции Марии. Елизавету, которой исполнилось уже тридцать три года, осаждали требованиями вступить в брак и обеспечить наконец престолонаследие.[530] В одной петиции, озаглавленной «Общее воззвание англичан к благороднейшей королеве Елизавете и высокому суду парламента», недвусмысленно заявлялось: «Если ваше величество умрет… не оставив потомства, не выбрав преемника и не определив линии престолонаследия, как обстоит дело сейчас, что хорошего может из этого воспоследовать? Какие беды не обрушатся на нашу голову?.. Отсутствие наследника – пытка, которая мучает Англию, толкает ее ежедневно и ежечасно к погибели». Далее в петиции утверждалось: «Неизвестно, пожелаете ли вы выйти замуж. Неизвестно, будут ли в браке дети. Неизвестно, выживут ли ваши потомки и смогут ли наследовать вам, даже если они появятся на свет».[531] Доктора Уильяма Хьюика, личного врача Елизаветы, обвиняли в том, что он запугивал Елизавету, убеждая ее в том, что при ее хрупком сложении ей трудно будет рожать. Отдельные члены палаты общин проклинали доктора за то, что он «отговаривает ее от брака».[532]

12 октября, в субботу, Тайный совет напрямую обратился с вопросом о браке к самой королеве. Томас Говард, герцог Норфолк, на правах первого английского аристократа напомнил Елизавете о петициях, поданных ей обеими палатами парламента: они по-прежнему оставались без ответа. Парламентарии нижайше просили ее соизволения обсудить вопросы о ее браке и о престолонаследии на предстоящей сессии. Елизавета реагировала бурно: престолонаследие – ее дело, и она не испытывает желания прислушиваться к их советам. Ей не хочется, чтобы ее «хоронили заживо», как ее сестру Марию I в последние дни ее правления, когда толпы людей хлынули к Елизавете в Хатфилд. Что же касается замужества, «они прекрасно понимают, что оно не за горами». С этими словами королева покинула помещение.[533]

На первом заседании члены палаты общин предложили поставить в прямую зависимость вопрос о сборе средств, в которых отчаянно нуждалась казна, от согласия Елизаветы выйти замуж и выбрать наследника. Елизавета пришла в бешенство. Палата общин, заявила она, никогда не посмела бы «предлагать такое при жизни ее отца». Палата же лордов «не имеет права вмешиваться в ее дела». «Они все равно что просят ее выкопать себе могилу до того, как она умрет».[534]

Когда затем представители обеих палат составили

совместную петицию, Елизавета набросилась на Норфолка, который подал ей документ, и назвала его предателем. А увидев, что в состав делегации входит и Дадли, она совершенно вышла из себя и объявила: если даже «весь мир ее покинет, он так не поступит». Она запретила Дадли показываться ей на глаза.[535] Позже Елизавета жаловалась де Сильве на неблагодарность Дадли, особенно «после того, как она излила на него столько доброты и милостей, после того, как осыпала его дарами даже в ущерб своей чести». Теперь, признавала она, она рада, что «у нее появился удобный повод отослать его прочь».[536] Ее гнев на Дадли был, как всегда, кратковременным; когда граф, грамотно рассчитав время, сказался больным, Елизавета оттаяла. В начале декабря она признавалась де Сильве: она пришла к выводу, что Дадли «действовал из лучших побуждений и что его обманули». Как впоследствии объяснил посол, «она вполне уверена, что он пожертвует жизнью ради нее и что, если одному из них суждено умереть, он охотно сделает это».[537]

Наконец Елизавета ответила на петицию парламента и в присутствии делегации из тридцати членов палат лордов и общин произнесла речь, которая станет одной из самых прославленных: «Что же до меня, смерти я не боюсь, ибо все люди смертны. И хотя я всего лишь женщина, я обладаю такой же храбростью, приличествующей моему положению, как в свое время мой отец. Я ваша миропомазанная королева. И меня ни за что не принудят что-либо сделать насильно. Благодарю Господа за то, что Он наделил меня такими качествами, что, если бы меня выгнали из моей страны в одной рубахе, я сумела бы прожить в любом месте христианского мира».

Елизавета дала понять, что только она сама решит, выйдет ли она замуж, а если выйдет, то за кого и назначит ли она наследника. Брак и престолонаследие – ее прерогатива, и она никому не позволит запугать себя. Впрочем, она не лишала парламентариев надежды: «Ради чести моей я не нарушу слово монарха, данное прилюдно. И потому я повторяю: я выйду замуж, как только сочту это удобным, если Господь не заберет того, кого я намерена избрать себе в мужья, или меня или не произойдет чего-нибудь еще столь же великого».[538]

Тем самым она как будто давала понять: она охотно поведет брачные переговоры с эрцгерцогом Карлом. В июне следующего года, после нескольких месяцев отсрочки, посольство, возглавляемое графом Суссексом, отбыло в Вену для начала переговоров. Камнем преткновения снова оказалась религия, хотя стороны договорились, что эрцгерцог может слушать мессу в своих личных покоях и сопровождать Елизавету на

протестантские службы. Однако компромисс никого не обрадовал; когда возможный брак королевы обсуждался в Тайном совете, оппозиция, возглавляемая Дадли и сэром Фрэнсисом Ноллисом, ясно дала понять Елизавете, что они всегда будут выступать против ее брака с эрцгерцогом.

К концу 1567 г. переговоры зашли в тупик, и в канун Нового года Суссекс вернулся домой, злясь на Дадли и других противников брака; под предлогом разницы в вере они преследовали своекорыстные интересы, шедшие вразрез с интересами страны: «Когда подданные в своих личных интересах отвергают принцев крови, это, по-моему, хороший повод к тому, чтобы ее королевское величество заглянула в свою душу и укрепила себя против столь холодного отношения к браку».[539]

* * *

В декабре 1566 г. в Шотландии отмечали крещение принца Якова. В замке Стерлинг устроили пышные празднества. Его рождение сулило надежное будущее Шотландии и укрепляло претензии на английскую корону. Однако суровая действительность вступала в противоречие с радужными надеждами.

После убийства Риццио Мария Стюарт приблизила к себе Джеймса Хэпберна, графа Босуэлла. Ее отношения с супругом, лордом Дарнли, стремительно ухудшались. В ночь на 9 февраля 1567 г. Эдинбург потряс мощный взрыв. Усадьбу Керк-о-Филд, где спал Дарнли, разнесло на куски огромным количеством пороха; дом сровняло с землей. Тела Дарнли и его слуги нашли неподалеку, в саду – они, как оказалось, погибли не при взрыве, а были задушены. Новость быстро просочилась за границу и стала известна на всех европейских дворах. Многие считали Марию Стюарт соучастницей в убийстве собственного мужа.

Елизавета пришла в ужас и немедленно написала Марии, заверяя кузину в своей поддержке: «Мадам, слух мой притупился, разум опечален, а сердце так наполнилось страхом, когда я услышала ужасную весть о зверском убийстве вашего мужа и моего кузена, что мне едва хватает сил писать об этом… Не скрою, мне более жаль вас, чем его». Помня, сколько слухов ходило после гибели Эми Робсарт, Елизавета продолжала: «Заклинаю вас, увещеваю вас и молю отнестись к произошедшему со всей серьезностью. Не бойтесь сомневаться даже в том, кто находится ближе всех к вам [Босуэлл], если дело касается его. Пусть никакие убеждения не помешают вам на основе

произошедшего показать миру, что вы одновременно благородная правительница и верная жена».[540]

В тяжелую минуту Елизавета предложила своей кузине Марии Стюарт поддержку и солидарность. Де Сильва писал Филиппу II: «С каждым днем становится яснее: если королева Шотландии желает доказать свои права на престолонаследие здесь, она должна предпринять определенные шаги, дабы доказать, что она непричастна к гибели мужа».[541]

Однако королева Шотландии не прислушалась к добрым советам. Вместо того чтобы осудить Босуэлла, одного из главных подозреваемых в убийстве Дарнли, всего через четыре месяца после убийства Мария вышла за него замуж. Церемония прошла рано утром 15 мая во дворце Холирудхаус. Присутствовала лишь горстка свидетелей.[542] Третье замужество Марии Стюарт повлекло за собой катастрофу. Подозрения о ее причастности к убийству Дарнли объединили католических и протестантских представителей шотландской знати; в июле Марию вынудили отречься от престола. Королем стал Яков; при нем назначили регентский совет во главе с графом Мореем, единокровным братом Марии. Совет должен был править страной до совершеннолетия короля.

Тем временем Марию посадили в островную крепость Лохлевен. Елизавету возмутило то, как шотландские лорды обошлись со своей законной королевой, «создав самый опасный прецедент для любого монарха», и потребовала, чтобы ее кузину восстановили на престоле.[543]

Глава 20
Злой умысел

В январе 1568 г. Кэтрин Грей серьезно заболела. После освобождения из Тауэра в 1563 г. ее несколько раз перевозили из одного замка в другой. В конце концов она очутилась в поместье Кокфилд-Холл в Йоксфорде (Суффолк), которым владел сэр Оуэн Хоптон. Насильно разлученная с мужем, Кэтрин Грей погрузилась в глубокую меланхолию, почти ничего не ела, и оттого ее здоровье стремительно ухудшалось. Наконец Елизавету убедили послать к ней своего врача, доктора Саймондса. Приехав в Кокфилд-Холл, врач понял, что Кэтрин на пороге смерти. На смертном одре она умоляла Хоптона передать королеве, что она глубоко сожалеет о своем замужестве и умоляет «проявить доброту к моим детям и не распространять на них мою вину».[544] Кэтрин Грей умерла 27 января 1568 г.[545] Как сообщал де Сильва, «королева при мне выразила соболезнования по случаю ее смерти, однако никто не верит, что она на самом деле печалится, ибо она ее боялась».[546]

Через четыре месяца после смерти Кэтрин Грей Мария Стюарт, теперь первая после Елизаветы претендентка на английский престол, дерзко бежала из замка Лохлевен, пересекла шотландскую границу и очутилась в Англии. Она переправилась через залив Солуэй-Ферт в рыбацкой лодке и высадилась в Уоркингтоне (Камберленд). Мария устремилась в Англию, уверенная в том, что Елизавета возьмет ее под свое покровительство и с помощью армии восстановит ее на шотландском троне.[547] Ее решение оказалось роковым. Елизавета немедленно приказала заключить Марию под стражу в замке Карлайл; тем временем королева обсуждала с членами Тайного совета, как поступить с незваной гостьей. Вот как де Сильва вкратце описал дилемму, с которой столкнулась Елизавета: «Если королеве удастся настоять на своем, они обязаны будут обращаться с королевой Шотландии как с монархом… Если они станут содержать ее как заключенную, возможно, это возмутит всех соседних правителей, а если она останется на свободе и сможет сообщаться со своими друзьями, все это возбудит серьезные подозрения».[548]

* * *

Бегство Марии в Англию стало поворотным пунктом правления Елизаветы.[549] В ее присутствии вновь всплыл вопрос о престолонаследии. Она вдохновляла целую вереницу заговорщиков. Мария Стюарт привлекала к себе недовольных католиков как в самой Англии, так и за границей. Через несколько недель после ее приезда сэр Генри Норрис, посланник Елизаветы во Франции, написал о планах, которые вынашивают дядя Марии, кардинал Лотарингский, и другие ее родственники Гизы. Гизы намеревались освободить Марию. В июле Норрис предупредил Елизавету, что ей следует уделить особое внимание своей безопасности, «ибо кардинал Лотарингский уже отправил в Англию нескольких итальянцев с напутствием предпринять шаги против нее». Как Норрис напоминал Сесилу, кардинал – «самый жестокий враг королевы и ее страны»; он «не остановится ни перед чем, лишь бы причинить ей вред».[550]

Норрис советовал Сесилу для дальнейшего расследования нанять итальянского военного по имени капитан Франкиотто. Франкиотто много лет был шпионом на службе у французского короля, но теперь его протестантская вера вынудила его перейти в лагерь противника. Вскоре он представил список подозреваемых и подробно описал план Гизов. Убить королеву собирались с помощью яда, который хотели разбрызгать в ее опочивальне. Получив ценные сведения от Франкиотто, Фрэнсис Уолсингем отправил срочную депешу Сесилу, в которой просил, чтобы Елизавета и ее камер-фрейлины «выказали большую бдительность в вопросах ее еды, посуды, постельного белья и другой утвари, куда тайные враги могут подсыпать яд». Он подчеркивал, что «в настоящее время в стране есть множество недовольных, чье величайшее желание заключается в том, чтобы свергнуть и изменить существующий режим и которые ни перед чем не остановятся, дабы довести до конца свой злой умысел».[551]

* * *

Елизавета долго не знала, как поступить с бежавшей в Англию Марией Стюарт. Ей, как законной правительнице, не хотелось предпринимать ничего против Марии; она считала, что Марию следует восстановить на престоле. С другой стороны, она понимала, что таким образом наживет себе врага в лице Джеймса Стюарта, графа Морея, регента Шотландии, до совершеннолетия своего малолетнего племянника короля Якова VI, чего она не могла себе позволить. Наконец Елизавета решила начать судебное разбирательство и установить, верны ли обвинения,

выдвинутые против Марии в Шотландии, относительно ее соучастия в убийстве мужа. Судебный процесс начался в Йорке в октябре 1568 г.

Решающей уликой в деле против Марии стал серебряный позолоченный ларец с письмами, предположительно написанными рукой Марии. Говорили, что письма представляют неопровержимое доказательство ее соучастия в заговоре с целью убийства мужа и предосудительной связи с графом Босуэллом, главным подозреваемым в гибели Дарнли. Хотя позже письма сочли поддельными, на процессе в Йорке их официально признали подлинными. Тем самым английский суд косвенно подтвердил предположения в виновности низложенной королевы. После того как Мария отказалась отвечать на предъявленные обвинения в присутствии делегации, посланной Елизаветой, вынесение вердикта отложили, а в процессе объявили перерыв. Хотя Мария продолжала настаивать, что ее задержание незаконно, Елизавете не оставалось иного выхода, кроме как содержать ее под стражей. Сесил недвусмысленно предупреждал ее: «Королева Шотландии представляет и всегда будет представлять угрозу для вашего положения».[552]

После того как в процессе над Марией Стюарт объявили перерыв, ее участь осталась нерешенной. Близился сезон праздников, и двор переехал в Хэмптон-Корт. В то время как там находилась королева, и особенно перед Рождеством, дворец превращался в оживленный улей. Слуги в красных ливреях носили подносы, нагруженные яствами, и охапки поленьев со двора. Их складывали перед дворцовыми каминами, в которых поддерживали жаркий огонь все время праздников. На булыжниках постоянно слышался цокот копыт – в Хэмптон-Корт съезжались гости; из дворца в разные концы страны и за границу скакали королевские посыльные.

Во время приготовлений к праздникам тяжело заболела Кэтрин Ноллис, кузина и обер-гофмейстерина королевы. Ее муж, сэр Фрэнсис, который тогда караулил Марию Стюарт в замке Болтон на севере Йоркшира, просил позволения вернуться в Лондон и навестить больную жену: «Хотелось бы мне поскорее выполнить все, что от меня требуется, чтобы я мог сидеть с тобой и ждать твоего скорейшего выздоровления», – писал он Кэтрин. Однако Елизавета не дала ему отпуска. После того как Кэтрин полегчало, она попросила королеву отпустить ее к мужу на север, но Елизавета и ей отказала под тем предлогом, что «путешествие может ухудшить ее состояние и причинить ей неудобства». Сэр Фрэнсис написал Сесилу: так как Елизавета не позволяет ему самому ухаживать за женой, он надеется, что «ее величество

утешит ее снисходительной мягкостью и благожелательной учтивостью». Сесил заверил его, что Кэтрин «пошла на поправку», но сэр Фрэнсис по-прежнему рвался в Лондон и горько жаловался на «неприятный отказ» Елизаветы позволить ему вернуться ко двору.[553]

В канун Нового года сэр Фрэнсис писал жене из замка Болтон, изливая свои чувства и досаду. Королева ни разу не пошла им навстречу и не наградила как следует за верную службу. «Несмотря на внешнюю любовь, которую ее величество питает к тебе, она часто заставляет тебя плакать из-за невнимания, подвергающего большой опасности твое здоровье». Он жалел, что им нельзя сейчас же удалиться от двора «и вести скромную загородную жизнь», добавив: «Благодарение Богу, я со своей стороны готов на это, если ты не будешь против».[554] Решение он оставлял за Кэтрин.

Леди Кэтрин так и не ответила мужу. Вскоре после Рождества, когда она по-прежнему находилась с королевой в Хэмптон-Корт, ее состояние ухудшилось. Елизавета приказала, чтобы обер-гофмейстерину перевели в помещение рядом с ее покоями, и регулярно навещала ее, однако в субботу 15 января 1569 г. Кэтрин умерла в возрасте сорока шести лет. Елизавету мучило раскаяние. Всего за день до смерти своей наперсницы она написала сэру Фрэнсису, но нарочно не упомянула о состоянии его жены. Теперь она поспешно отправила гонца на север с вестью о кончине леди Кэтрин. Одновременно решено было перевести Марию Стюарт на юг, в Стаффордшир, в старинный полузаброшенный замок Татбери. Она попадала под опеку Джорджа Талбота, графа Шрусбери, одного из ведущих представителей елизаветинской знати.

Сэр Фрэнсис Ноллис вернулся в Лондон 8 февраля, «охваченный горем из-за своей огромной потери». После почти тридцатилетнего брака он находился в полном замешательстве, не зная, как позаботиться о детях и управлять их огромными имениями. Кэтрин «избавляла» его от многих забот и вела подсчет как «общественных», так и «личных» расходов. Без нее, писал сэр Фрэнсис, «мои дети, мои слуги и все остальное осталось без всякого порядка».[555] Тем временем Елизавета удалилась в свою опочивальню в глубоком трауре. Кэтрин Ноллис была ее ближайшей подругой. Она служила королеве с тех пор, как Елизавета вступила на престол, и не покидала королеву, несмотря на мужа и многочисленных детей.[556] Горе Елизаветы было таково, что, «забыв о собственном здоровье, она простудилась, после чего была сильно опечалена».[557] Бертран де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон, французский посол, приехавший в

Хэмптон-Корт через пять дней после смерти Кэтрин, нашел королеву в глубоком горе по случаю смерти подруги, которую «она любила больше, чем всех женщин на свете».[558] Навестивший двор примерно в то же время Николас Уайт, один из доверенных лиц Сесила, также вспоминал о том, что королева была охвачена горем. Она не могла говорить ни о чем другом, кроме своей любимой обер-гофмейстерины и родственницы: «Потом она снова завела речь о миледи Ноллис. И после многих речей об этой благородной даме я понял, почему она столько говорит о ее кончине. Она сказала, что долгая жизнь вдали от мужа… усугубила ее болезнь и значительно ускорила ее конец. Она ничего так не желала, как того, чтобы врачебное искусство помогло ей исцелиться; она лежала во внутренних покоях неподалеку от ее величества, где каждый час ее величество заботливо выслушивала вести о ее состоянии и очень часто навещала ее и утешала».

За этим довольно бестактным замечанием последовало другое: «Хотя ее величество не была виновна в том происшествии, – говорил Фенелон, – однако она послужила причиной, по которой супруги долго жили порознь». Елизавета с безутешным видом ответила, что она «очень сожалеет о ее смерти».[559]

Кэтрин неустанно и самоотверженно ухаживала за королевой и вынуждена была терпеть долгие разлуки с мужем и детьми. Сама Елизавета признавала, что многолетняя безупречная служба подкосила здоровье леди Кэтрин.

На пышную похоронную церемонию и погребение в Вестминстерском аббатстве Елизавета потратила 640 фунтов 2 шиллинга 11 пенсов.[560] Катафалк Кэтрин Ноллис был таким роскошным, что его захотели получить и настоятель собора, и глашатаи. На саркофаге, воздвигнутом мужем, выгравировали надпись: «Достопочтенная леди Кэтрин Ноллис, обер-гофмейстерина опочивальни ее королевского величества и жена сэра Фрэнсиса Ноллиса, государственного казначея». В эпитафии перечислялись многочисленные достоинства усопшей; она называлась «зерцалом чистой женственности», «обладательницей государственного ума, разумом чистым и лишенным вины». Она пользовалась «высочайшей благосклонностью нашей благородной королевы».[561]

После смерти Кэтрин Ноллис Елизавета не забыла о ее детях. 14 марта брат Кэтрин написал Сесилу, что он «рад слышать о добром расположении ее величества к детям его покойной сестры».[562] Ее дочь Анну приняли на службу в покои королевы и положили ей жалованье; кроме того, королева неоднократно

присылала ей подарки.[563] На следующий год Генри Ноллиса приняли в отряд телохранителей королевы, а его брата Уильяма – в отряд джентльменов-пенсионеров.[564] В письме от января 1570 г. лорд-камергеру графу Суссексу и сэру Ральфу Садлеру королева писала: «Просим вас позаботиться о Генри Ноллису по известной вам причине, в связи с его родством с нами по линии его покойной матери».[565]

Глава 21
Тайные враги

Мария Стюарт попала в Англию в крайне неудачное время. Европу раздирали противоречия, протестантизм находился в большой опасности. Во Франции продолжалась гражданская война – гугеноты сражались с католиками; в Нидерландах протестанты под руководством Вильгельма Оранского столкнулись с мощной испанской армией, возглавляемой герцогом Альбой. В Англии боялись, что католики вскоре переправятся на другой берег Ла-Манша. Сэр Генри Норрис, посол в Париже, не сомневался: «Добившись желаемой цели, герцог Альба немедленно вторгнется в Англию».[566]

По мере того как отношения с Испанией и Францией делались все более напряженными, Англия все больше оказывалась в изоляции. Французский король Карл IX и его мать Екатерина Медичи были убеждены, что Елизавета тайно оказывает помощь гугенотам и нидерландским мятежникам, что вместе с растущим негодованием из-за действий английских пиратов, которые нападали на французские корабли, подпитывало враждебность Франции по отношению к Англии. И дипломатические отношения с Испанией совершенно расстроились после того, как Елизавета конфисковала испанские корабли, везшие сокровища из колоний войскам в Нидерланды. Из-за шторма испанские корабли вынуждены были укрыться в английских портах. Содержание Марии Стюарт под стражей лишь подливало масла в огонь. Все боялись католического вторжения. В декабре 1568 г. английский агент в Париже сообщал, что власти Франции и Испании сговариваются подорвать безопасность Англии «с целью смены религии и передачи короны королеве Шотландии».[567]

В начале 1569 г. Сесил сделал откровенный доклад, посвященный безопасности страны. «Беды многочисленны, велики и неминуемы; они грозят и личностям, и делам». Главной бедой он считал «заговор папы римского, короля Филиппа, французского короля и многочисленных итальянских монархов, которые положили применить все силы и средства для подавления сторонников протестантской веры».[568] Папа Пий V, по мнению Сесила, решил восстановить «тиранию» своей власти, вернуть Англию в лоно католицизма и поддержать «изгнание» Елизаветы с престола и замену ее на Марию Стюарт. Елизавете угрожала опасность и внутри страны. Дон Гуро де Спес,

новоназначенный испанский посол, в депеше Филиппу называл Марию Стюарт «отважной дамой», которая обзавелась столькими друзьями в том месте, где находилась, что «с небольшой поддержкой она сумеет забрать власть в стране в свои руки».[569] В собственном письме Филиппу, преисполненном необоснованных надежд, Мария объявляла: если Филипп ей поможет, она «через три месяца станет королевой Англии, и по всей стране будут служить мессу».[570] В июле де Спес сообщал: «Эта королева понимает, что все жители страны обращают взоры на королеву Шотландии, чего никто не скрывает. Все считают ее преемницей».[571]

* * *

В конце 1568 г. при дворе поползли слухи, что герцог Норфолк вот-вот предложит руку и сердце Марии Стюарт. Первым такой план выдвинул Уильям Мейтленд де Летингтон, советник Марии. Он считал, что союз между низложенной королевой Шотландии и ведущим представителем английской знати укрепит ее притязания. Такой брак станет выходом из тупика, в который зашли англо-шотландские отношения. Четыре года назад и сама Елизавета считала Норфолка подходящим супругом для Марии, их брак способен был закрепить верность королевы Шотландии. Но теперь обстоятельства переменились, и Елизавета отказалась от прежних планов.

Королева призвала к себе Норфолка и допросила его. Есть ли в слухах доля истины? Герцог упорно отрицал все обвинения.

«Неужели я просил бы ее руки, руки столь злонамеренной женщины, печально знаменитой изменницы и убийцы? Мне дороже моя безопасность».[572] На самом деле в начале 1569 г. Норфолк все же собрался жениться на Марии и начал вербовать сторонников среди высокопоставленных придворных. К весне Дадли, граф Арундел и сэр Николас Трокмортон заявили ему о своей поддержке и тайно повели переговоры о заключении брака. Заручившись согласием Марии, Норфолк связался с ведущими представителями католической знати на севере – графами Нортумберлендом и Уэстморлендом. После того как Норфолк заручился их поддержкой, ему предстояла сложная задача: добиться одобрения Елизаветы. Поймет ли она преимущества такого брака как средства возвращения Марии на шотландский престол? Провозгласит ли Елизавета Марию своей наследницей или испугается тщеславия Норфолка?

Никто не хотел первым заговаривать о деле с королевой.

Наконец 6 сентября Дадли притворился больным и, удалившись в свои покои, вызвал Елизавету к себе, где и рассказал ей о заговоре Норфолка. Несмотря на заверения Дадли, что, поддерживая Норфолка, он действовал в ее интересах, королева расценила поступок фаворита как предательство. Елизавета считала: если Норфолк женится на Марии, сама она через четыре месяца после свадьбы окажется в Тауэре. Как мог он, Дадли, которому она доверяла больше остальных, поддержать союз между ее соперницей и первым представителем английской знати?

Боясь гнева королевы, Норфолк бежал в свои имения на востоке Англии. Когда Елизавета вызвала его ко двору, он явился в Виндзор не сразу, но покаялся во всем и уверял, что хранит ей верность. Через три дня сэр Фрэнсис Ноллис арестовал Норфолка. 10 октября его посадили в Тауэр, где он пробыл до лета следующего года. Его сестра, графиня Уэстморленд, презрительно отзывалась о нерешительности брата: «Что он за дурак – начал дело, но не довел его до конца!»[573] Впервые с начала правления Елизавета столкнулась с откровенным мятежом. Среди заговорщиков были члены Тайного совета и ведущие представители католической знати. Они собирались поддержать Марию Стюарт. Спасли ее лишь нерешительность Норфолка и запоздалое признание Дадли. Однако Елизавета понимала, что это еще не конец. Зная, что Норфолк в Тауэре, два ведущих северных лорда понимали, что они скомпрометированы. Несколько месяцев они строили планы, не делая из них особой тайны. Граф Нортумберленд послал письмо де Спесу, испанскому послу: теперь ему придется поднять восстание «или сложить голову на плахе, иначе ему придется бежать из страны, ибо мне известно, что ее королевское величество так недовольна мною и другими, что мы не сумеем ни вынести ее недовольства, ни ответить на него».[574] Елизавета вызвала Нортумберленда и Уэстморленда ко двору, но они вместо того собрали под своими знаменами свыше 5 тысяч сторонников и начали восстание. 14 ноября графы захватили Даремский собор, где разорвали протестантский молитвенник и перевернули стол для причастия. По их приказу в соборе отслужили католическую мессу.[575] Через два дня мятежники опубликовали прокламацию, в которой говорилось: «Ввиду того что разные злонамеренные личности, близкие к ее королевскому величеству, своими ловкими и коварными интригами одержали власть в стране и изгнали истинную католическую веру, оскорбив тем самым королеву, они нарушили порядок в стране, а теперь хотят и уничтожить дворянство. Поэтому мы собрались, чтобы дать им отпор и с

Божьей помощью и с помощью всех добрых людей восстановить порядок, все древние обычаи и свободы, дарованные Божьей церкви и нашему благородному королевству».[576]

Елизавета приготовилась к худшему и объявила мобилизацию. На север отправили армию из 14 тысяч человек. В то же время для защиты королевы была собрана специальная дополнительная гвардия.[577] Лондонские олдермены призвали горожан к оружию. Приказано было запереть городские ворота. Графу Шрусбери приказали перевести Марию на юг, в надежно охраняемый город Ковентри.

20 декабря конфликт завершился без единого выстрела. Когда войска королевы выступили на север, Нортумберленд и Уэстморленд бежали за границу, а мятежники рассеялись. Несмотря на быстрый крах, мятеж представлял для Елизаветы и ее правительства серьезную угрозу. Ходили слухи о том, что Испания обещала помощь, английские дворяне-католики находились в оппозиции к королеве, а север Англии начал вооружаться. Более того, первый английский аристократ герцог Норфолк держался враждебно и отчужденно. Даже из тюрьмы он по-прежнему переписывался с Марией Стюарт. В последующие месяцы около 800 мятежников казнили на поспешно сооруженных виселицах. Так Елизавета жестоко, но вполне своевременно напомнила, что будет с теми, кто изменит ей и ее короне.

25 февраля 1570 г. папа Пий V издал буллу об отлучении от церкви, Regnans in Excelsis, в которой официально признал Елизавету узурпаторшей и освободил ее подданных от необходимости хранить ей верность.

«Поскольку эта английская преступница правит двумя благородными христианскими странами и стала причиной стольких обид, нанесенных католической вере, и потери стольких миллионов душ, нет сомнения: тот, кто избавит от нее мир из благочестивых побуждений, тот сделает благое дело. Он не только не грешен, но и достоин награды… Поэтому, если англичане в самом деле решатся на столь славное дело, ваша светлость может заверить их, что они не совершают никакого греха. Мы выражаем надежду, что они с Божьей помощью избегнут опасности».[578]

Рано утром 15 мая Джон Фелтон, богатый католик, живший в Саутуарке, прибил тайно ввезенный экземпляр буллы к воротам дворца лондонского епископа. Фелтона немедленно арестовали, обвинили в государственной измене и через несколько месяцев приговорили к казни через повешение, потрошение, обезглавливание и четвертование. Выпуск папской буллы знаменовал начало долгожданного крестового похода католиков

против Англии. В самой Англии живших там католиков провозгласили предателями. Папа действенно санкционировал убийство Елизаветы, она превратилась в законную мишень для всех непреклонных католиков.

Глава 22
Желание потомства

Во время аудиенции, данной французскому послу Фенелону в Хэмптон-Корт 23 января 1571 г., Елизавета призналась, что «она решилась выйти замуж, не по собственной воле, но ради удовлетворения ее подданных». В примечательно откровенной беседе она объяснила, что ее брак, «благодаря власти мужа или рождению потомства, если Господь благословит ее детьми», положит конец «покушениям», которые, как ей кажется, «будут постоянно предприниматься против ее личности и короны, если она останется старой девой и оставит надежду выйти замуж или родить детей». Хотя «она сама в прошлом уверяла его, что не собирается замуж», королева объявила: она «сожалеет, что вовремя не подумала о своем желании обзавестись потомством».[579] То было яркое и очень личное признание, которое как будто демонстрировало наконец желание обзавестись наследниками.

Брак стал необходимостью. После «дела Норфолка» и восстания на севере и сама королева, и ее правительство усвоили горький урок. До тех пор пока ее смерть знаменует собой вступление на престол королевы-католички, ее жизнь всегда будет подвергаться опасности. Папская булла об отлучении и козни испанцев в Ирландии, которые последовали за соучастием де Спеса в заговоре северных графов, доказывали, что против протестантской Англии зреет международный заговор, возглавляемый Испанией. Сесил выразил надежду, что королева наконец проявила искреннее желание выйти замуж: «Если я не заблуждаюсь, ее величество настроена весьма серьезно»; если брак состоится, «любопытный и опасный вопрос о престолонаследии будет навсегда забыт и похоронен – счастливые похороны для всей Англии».[580] Воспользовавшись случаем, Фенелон предложил королеве выйти за младшего брата Карла IX, Анри, герцога Анжуйского, кандидатуру которого он уже предлагал ей два года назад. Французский король по-прежнему хотел с помощью династического союза с Елизаветой умиротворить французских гугенотов, вывести Анжу из-под влияния кардинала Лотарингского, старшего представителя семьи Гиз, и заложить первый камень оборонительного союза против Испании. Анжу, как с энтузиазмом утверждал Фенелон, «единственный принц на свете, достойный ее».[581] Однако едва ли он мог считаться идеальным женихом для английской королевы. Анжу был на восемнадцать лет моложе Елизаветы.

Кроме того, английский посол во Франции называл его «стойким папистом» и откровенным трансвеститом, который регулярно появлялся на придворных балах в роскошных женских платьях. Ходили слухи о его бисексуальности. Как писал венецианский посланник, «он полностью отдается сладострастию, поливает себя духами и эссенциями. Он носит в ушах два ряда колец и подвесок».[582] Брак с Анжу угрожал также дальнейшим ухудшением отношений с Испанией, которые и без того были «холодны до враждебности» из-за войны, которую Испания вела в Нидерландах.

Елизавета тут же выразила сомнения относительно брака с Анжу. Сам герцог также не горел желанием жениться на ней. Он, поощряемый сторонниками Гизов при французском дворе, считал Елизавету «еретичкой и незаконнорожденной».[583] Как признавалась Екатерина Медичи в своих письмах к Фенелону, «он столько слышал о ее чести и читал донесения всех послов, служивших при английском дворе, что убежден: если его вынудят жениться на Елизавете, его ждут бесчестье и потеря доброго имени».[584] Екатерина Медичи склоняла сына к браку, объясняя, что «величайший вред, какой злые люди могут нанести благородным женщинам королевской крови, заключается в том, чтобы распространять за границей ложь и позорные слухи о нас» и что «мы, правители-женщины, более других подвержены клевете со стороны наших врагов: иным способом они не в состоянии нам повредить».[585] Тем не менее королева-мать вынуждена была признать, что Анжу «ни за что на ней не женится, и в этом я не могу его убедить, хотя он – послушный сын».[586]

Помимо того что Елизавета не хотела выходить за юношу намного моложе себя, она получала предупреждения от своих дипломатов из Франции. Там многие считали, что герцог хорошо поступит, «если женится на старухе, которая последний год еле ходит, так как ее нога еще не излечилась и вряд ли излечится полностью» – намек на язву на ноге – «и что под предлогом лекарства ему могут прислать из Франции бальзам такого рода, что через пять-шесть месяцев он окажется вдовцом; и потом он может порадовать себя, женившись на королеве Шотландии, и остаться бесспорным монархом объединенного государства».[587] Елизавета, естественно, встревожилась, узнав о заговоре против нее во Франции, но ее обидели и упоминание ее возраста, болезней, а также постоянные сравнения не в ее пользу с шотландской кузиной. Будучи тщеславной, Елизавета намеренно сообщила Фенелону, что, «невзирая на неблагоприятные слухи о ее ноге, она не отказывалась от танцев в прошлое воскресенье на

свадьбе маркизы Нортгемптонской; поэтому она выражает надежду, что герцог будет приятно удивлен, когда женится на здоровой женщине, а не на калеке».[588]

Переговоры с французской стороной возобновились, и к марту Екатерина Медичи написала Фенелону, что ее сын передумал и теперь «всей душой жаждет этого союза». Король Карл отправил в Англию своего посланника де Фуа; переговоры продолжались весной и летом 1571 г. Хотя Елизавета, по словам ближайших ее советников, «была более склонна к браку, чем до тех пор», религия по-прежнему оставалась камнем преткновения. Хотя королева дала понять, что Анжу придется приспосабливаться к законам ее страны, французы неуклонно требовали, чтобы Анжу и его слуги могли «свободно» исповедовать свою веру.[589] Как писал Уолсингем, потребность в таком союзе оказалась так велика, что все оговорки можно было оспорить: «Когда я задумываюсь о положении ее величества, и дома, и за границей… о том, как она подвержена иноземной угрозе, которая отпадет лишь в случае этого брака, я не представляю, что будет с ней, если дело расстроится».[590]

9 июля французский посол с радостью передавал Екатерине Медичи слова, сказанные королевой одной из ее фрейлин, когда они были наедине. Елизавета «по собственной воле говорила о герцоге» и дала понять, что, несмотря на ее сомнения из-за разницы в возрасте и религии, она «решилась на брак». Естественно, Елизавета обращалась к своим камер-фрейлинам за советом и поддержкой; особенно она боялась, что Анжу будет презирать ее, если окажется, что она не способна к деторождению.

Королева попросила Элизабет Файнс де Клинтон, графиню Линкольн, и леди Фрэнсис Кобэм – «двух самых верных своих приближенных», которым «она доверяла» больше, чем остальным, «свободно высказать ей» их мнение о браке. Леди Кобэм сказала, что «счастливейшими всегда являются браки, когда супруги ровесники или приблизительно одного возраста, в ее же случае положение неравное»; однако она выражала надежду: «раз Богу было угодно, чтобы она была старше», то и герцог «удовольствуется другими ее достоинствами». Леди Клинтон, которая знала Елизавету с детства и понимала, как важно ее успокоить, благоприятно отзывалась об Анжу, «чья юность, – по ее словам, – не должна наполнять вас страхом, ибо он добродетелен, и вашему величеству легче будет угодить ему, чем любой другой правительнице на свете».[591] Елизавета обещала «излить на принца всю свою любовь… любить и почитать его как своего господина и мужа» и выразила надежду, что этого ему будет

довольно.

И все же ее не покидали сомнения. Получив портрет Анжу, Елизавета снова забеспокоилась из-за «разницы в возрасте между ней и герцогом». Учитывая «время жизни», ей «должно быть стыдно» выходить замуж за столь молодого человека.[592] Фенелон снова убеждал ее в том, что она будет подходящей женой для Анжу. Герцогу же он писал: «Господь так хорошо сохранил ее величество, что время не уменьшило ее красоты и совершенства, а вы выглядите старше своих лет; и герцог выказал неизменное желание их союза». Он уверял Елизавету, что она найдет в герцоге «все, что можно пожелать для своей чести, величия, безопасности и мира в государстве и личное счастье для себя».[593]

Елизавета предложила, чтобы Анжу инкогнито приехал в Англию и встретился с ней. Он отказался; Елизавета оставалась непреклонной: она не выйдет за принца, которого не видела. Несмотря на все уверения Фенелона в горячем желании герцога жениться на ней, в октябре Анжу заявил, что не женится на Елизавете ни при каких обстоятельствах. Он стал настолько «набожен», что слушал мессу по два или три раза на дню.[594] После нескольких месяцев переговоров и ложных обещаний надежды на брак с ярким молодым французом испарились.

Глава 23
Добиться ее смерти

В письме к Генри Буллинджеру летом 1571 г. Роберт Хорн, епископ Винчестерский, писал об «опасном и ужасном состоянии возбуждения», которое владело английским правительством «в течение почти трех последних лет». Елизавету и ее советников не только «потрясают вероломные нападки наших иноземных врагов», но они угрожают и дома «внутренними беспорядками», которые Хорн назвал «измышлениями и порождением папства». Папа Пий V призывал «отчаянных людей», которые то и дело «осаждали хрупкую фигуру благороднейшей девственницы Елизаветы почти бесконечными нападками и упорно добивались ее смерти либо от яда, либо от насильственных действий, при помощи колдовства, измены и любыми другими способами… какие только можно себе представить и на которые страшно даже намекать».[595]

Необходимо было предпринять решительные действия, способные противостоять растущим угрозам жизни королевы. В апреле, после созыва парламента, лорд – хранитель Большой печати Томас Нортон выступил с решительной речью. Он напомнил парламентариям, что «ее величество была и остается единственным столпом и опорой всей нашей безопасности». Поэтому, продолжал он, «забота, молитвы и все усилия парламента должны быть направлены на сохранение ее жизни и положения».[596] Были предприняты дальнейшие меры по «приведению католиков к порядку». По одному акту запрещалось приобретать, распространять и читать папские буллы. Всем подданным ее величества запрещалось вступать в какие-либо отношения с Римом – как лично, так и через посредство других людей.[597] Согласно другому акту, государственной изменой, караемой смертью, объявлялись действия, направленные на то, чтобы «умышлять, воображать или принимать меры, ведущие к смерти или телесным повреждениям королевы, предпринимать действия против короны, писать или предсказывать, что Елизавета – не законная королева, или в публикации, в речи, на письме и т. д. объявлять ее еретичкой, сектанткой, тираном, неверной, узурпатором или призывать какое-либо иноземное государство к вторжению.[598] Более того, тех, кто назовет в печати любое лицо наследником престола, кроме «прямых потомков» ее величества, ждет тюремное заключение сроком в один год. Тяжким преступлением объявлялись и домыслы о

продолжительности жизни королевы, «с помощью воздвижения или изготовления статуи или фигурок, или составления гороскопа, или подсчетов, или любого пророчества, колдовства или заклинаний».[599] Страну разделила незримая граница, линия фронта; отныне католиков считали предателями на основании одной их веры.

* * *

12 апреля 1471 г. схватили Чарлза Бейли, молодого шотландца, служившего курьером у Джона Лесли, епископа Росса, доверенного лица Марии Стюарт в Лондоне. Бейли арестовали, когда он прибыл в Дувр на корабле, шедшем из Нидерландов. При обыске у него нашли несколько бунтарских книг и обличительных писем, адресованных епископу. Был сделан вывод о наличии заговора с целью убийства королевы и вторжения в Англию.[600] Сесил немедленно приказал отправить Бейли в лондонскую тюрьму Маршалси, где его содержали под строгой охраной.[601]

На допросе под угрозой пытки Бейли раскрыл подробности заговора, за которым стоял Роберто ди Ридольфи, флорентийский купец и банкир, проживавший в Лондоне. За Ридольфи еще два года назад установили слежку – тогда оказалось, что он во время восстания северных лордов ввозил в страну иностранные векселя для епископа Росса и герцога Норфолка, Томаса Говарда. После того как Ридольфи провел чуть больше месяца под домашним арестом в лондонской резиденции сэра Фрэнсиса Уолсингема в Олдгейте, его освободили, приказав больше не вмешиваться в государственные дела.[602] Однако Ридольфи вскоре стал тайным посланником папы и главным связным между испанским правительством и английскими католиками, сочувствовавшими Марии Стюарт.[603]

Летом 1571 г., когда стало известно об участии Норфолка в заговоре Ридольфи, Елизавета, которая тогда путешествовала по ближайшим к Лондону графствам, нанесла герцогу визит в его эссекском поместье Одли-Энд вблизи Саффрон-Уолдена. Члены Тайного совета не советовали ей ехать; опасно было уезжать из Лондона в такое время, «когда возможны крупные неприятности как внутри страны, так и за границей». Но королева «не желала воздерживаться от своих действий».[604] Елизавета гостила у Норфолка пять дней. Герцог заверял Елизавету в своей невиновности и клялся в верности. Учитывая родственные связи – они были кузенами по линии Анны Болейн – и его

главенствующее положение среди знати, Елизавета «как будто благосклонно выслушала» его доводы.

Однако через четыре дня после отъезда Елизаветы Норфолка арестовали и отправили в Тауэр. Уолсингем нашел доказательства того, что герцог посылал деньги сторонникам Марии Стюарт и начиная с 1568 г. действовал в преступном сговоре с ней.[605] В последующие недели слуги герцога на допросах подтвердили, что Норфолк принимал участие в заговоре Ридольфи.

16 января 1572 г. Норфолка судили в Вестминстер-Холле. Ему зачитали три обвинения в измене, главное из которых заключалось в его стремлении жениться на Марии Стюарт. После этого он собирался лишить Елизавету короны и жизни и тем самым «изменить все состояние правления в королевстве».[606] Норфолка признали виновным, приговорили к смерти и вернули в Тауэр ждать казни.

Через несколько недель раскрыли еще один заговор, в котором оказались замешаны двое подручных Норфолка, Эдмунд Матер и Кенелм Берни, при активной поддержке испанского посла. Матер и Берни хотели освободить герцога Норфолка при помощи веревочной лестницы, убить королеву и Сесила и посадить на английский престол Марию Стюарт. Матер признался в своих замыслах Уильяму Херлу, одному из агентов Сесила. Берни и Матера быстро арестовали; на допросе они в конце концов сознались в заговоре и в том, что их подстрекал испанский посол.[607] Де Спесу приказали покинуть Англию за действия, «которые подрывают государственный строй, за подкуп наших подданных и призыв к мятежу». Матера и Берни казнили 13 февраля.[608]

Наконец в субботу, 9 февраля, Елизавета подписала смертный приговор Томасу Говарду, герцогу Норфолку. Казнь была назначена на утро понедельника; но позже, в ночь на воскресенье, королева послала за Сесилом и приказала отозвать приговор. По словам Сесила, королева «испытывала большую неприязнь к тому, что герцога казнят на следующий день». Она написала Сесилу, что «задняя часть» ее мозга не доверяет «передним частям»; по ее словам, чувства одержали над ней верх. Поэтому герцог остался в Тауэре.[609]

* * *

Остается неясным, кем был Ридольфи на самом деле – заговорщиком, который стремился свергнуть Елизавету, или

двойным агентом, которого Сесил использовал, чтобы доказать, как опасна Мария Стюарт. Кроме того, «заговор Ридольфи» напоминал об угрозе со стороны зарубежных католиков. Судя по тому, как мягко обошлись с Ридольфи в 1569 г., после того как стало известно, что он поддерживал Марию Стюарт, герцога Норфолка и северных лордов, возможно, за время домашнего ареста Уолсингем перевербовал Ридольфи и он стал шпионом елизаветинского правительства. Кем и чем бы ни был Ридольфи, в заговоре, получившем известность по его фамилии, была задействована широкая сеть агентов, враждебных королеве и ее власти. За «заговором Ридольфи» стояли папа римский и король Испании, в нем оказался замешан герцог Норфолк. Он продемонстрировал растущую угрозу, представляемую Марией Стюарт. Как подчеркивал Сесил в длинном меморандуме, поскольку «большая часть подданных королевства» сокрушается из-за отсутствия у Елизаветы мужа и наследника, их «без труда можно подвигнуть» на поддержку королевы Шотландии, у которой есть сын и которая, если она воссядет на английском престоле, может объединить Англию с Шотландией, «о чем мечтают уже не одну сотню лет».[610]

Опасность таилась повсюду, как внутри страны, так и за границей. Усилили охрану портов, удвоили охрану королевы, привели в состояние боевой готовности народное ополчение. После того как Сесил снова получил предупреждения о том, что королеве «следует с осторожностью принимать пищу и напитки, ибо некоторые говорят, что ей не суждено править долго», во внутренних покоях королевы ввели дополнительные меры безопасности.[611] От подозрений не был свободен никто. Страх был так велик, что репрессии коснулись даже одной из самых близких к Елизавете дам.

* * *

В 1572 г. леди Фрэнсис Кобэм, заведовавшая королевской гардеробной, женщина, к которой Елизавета все чаще обращалась за советом, потеряла место на службе королевы после того, как ее муж временно впал в немилость из-за заговора Ридольфи. Будучи лордом-губернатором Пяти портов и комендантом замка Дувр, Уильям Кобэм отвечал за сбор разведданных, слежку и досмотр подозрительного дипломатического багажа, прибывающего с континента. Однако в апреле 1571 г., когда в его руки попали письма от Ридольфи, Кобэм ничего не предпринял. По его словам, «его неблагодарный брат Томас» умолял его не показывать

письма Тайному совету, «сказав, что в противном случае падет герцог Норфолк и он сам».[612] Кобэма поместили под домашний арест за халатность, а его жена лишилась места во внутренних покоях королевы.

Судя по тому, что лорд Кобэм провел под арестом всего семь месяцев, а затем королева его простила, он, возможно, действовал с одобрения своего друга Сесила, который желал, чтобы корреспонденция из Европы достигла адресата и заговор Ридольфи был разоблачен. Как бы там ни было, леди Кобэм недолго пробыла в опале. Летом 1574 г. она вернулась во внутренние покои, и ей даже вернули жалованье за пропущенные месяцы. Как 9 июня сообщал Дадли, «миле[ди] Кобэм, слава богу, снова пользуется очень большой милостью и любовью, и я думаю, вскоре окажется на прежнем месте, как недавно пообещала ее величество».[613]

Глава 24
У ее постели

В конце марта 1572 г. Елизавета, которая тогда находилась в Ричмонде, жаловалась на недолгие, но сильные боли в желудке. Некоторые считали, что королева заболела после того, как ей пришлось подписать смертный приговор герцогу Норфолку, однако, скорее всего, боли возникли из-за пищевого отравления или неудачной попытки отравить ее. Фенелон в своей депеше в Париж описал «сильные крутящие боли (torcion)» в желудке королевы, «как говорят, из-за того, что она поела рыбы», и «тяжелую, мучительную боль (douleur), от которой она страдает». Три тревожных дня и ночи Дадли, Сесил и фрейлины Елизаветы дежурили у ее постели.[614]

Как только королеве стало легче, она встала с постели. На аудиенции с французским послом она говорила о «сильной боли», которая пять дней так «мешала ей дышать и так сжимала сердце», что она решила, что ее смерть близка. Елизавета отвергла мысль о том, что причиной болей стала съеденная ею рыба, сказав, что она часто ест рыбу, но никогда с ней не было ничего подобного. Елизавета считала, что ее болезнь стала следствием беспечности; последние три или четыре года ей «так хорошо», что она «забыла о строгом режиме, предписанном ей врачами. Ей рекомендовали регулярно проводить очищение и время от времени делать небольшое кровопускание».[615]

Советники Елизаветы считали, что нелады со здоровьем вызваны происками заговорщиков-отравителей. В очередной раз заговорили о нерешенном вопросе с престолонаследием и о хрупкости королевы. Сэр Томас Смит, посланник Елизаветы во Франции, который регулярно получал сводки о состоянии ее здоровья, поблагодарил Сесила за «напоминание и изложение причин трудностей, неопределенности, беспорядка и опасности, которые воспоследовали бы, если бы в то время Господь лишил нас порядка в стране и надежды на покой».[616] 2 апреля английский агент Джон Ли писал Сесилу из Антверпена: «Итальянцы распускают слухи, будто королева очень больна и подвержена большой опасности, отчего паписты в Нидерландах весьма торжествуют и дружно желают посадить на ее место королеву Шотландии».[617]

* * *

8 мая 1572 г., меньше чем через год после предыдущих сессий, вновь созвали парламент. Обычно летние сессии устраивали раньше, до начала жары и эпидемий, однако, как объяснил в открытом обращении Бэкон, лорд – хранитель Большой печати, «дело столь срочное и столь важное, что не терпит отлагательств».[618] Далее он говорил о «великих изменах и крупных заговорах, весьма опасных для персоны ее величества и для всего состояния страны». Парламентарии должны были рассмотреть два основных вопроса: судьба Томаса Говарда, герцога Норфолка, и судьба Марии Стюарт.

Через несколько недель обе палаты приняли решение принять меры против королевы Шотландии, «ради спокойствия и сохранения ее королевского величества». В проекте постановления Марию объявляли изменницей и потому лишали ее «претензий» на престол.[619] Как и следовало ожидать, Елизавета не пожелала сразу ставить свою подпись. Она благодарила парламент за «заботу» о ее безопасности и сохранении, но вычеркнула слова «косвенно или голословно» из параграфа, в котором Марию Стюарт обвиняли в притязаниях «на корону по законам данной страны и любому другому праву».[620] В письме, которое позже отправил Сесил, явственно проступают его усталость и отчаяние: «Я не могу писать терпеливо: все, чего мы с таким трудом достигли… Я имею в виду закон, по которому королева Шотландии признается неспособной и недостойной считаться наследницей престола… Ее величество не одобрила наш проект и не согласилась с ним, но отложила его подписание до Дня Всех Святых; нетрудно догадаться, что подумают о таком исходе все остальные мудрые и добрые люди».[621]

Елизавета согласилась лишь перевести Марию в другое место с более суровыми условиями; однако жизнь одной родственницы покупалась ценой жизни другого. Елизавета наконец согласилась подписать смертный приговор герцогу Норфолку. 2 июня, в понедельник, в начале восьмого утра, Томасу Говарду отрубили голову на Тауэрском холме.[622]

* * *

Отношение Елизаветы к вопросу престолонаследия встречало все больше досады и недоверия. «Боже мой! – говорила Екатерина Медичи Томасу Смиту. – Неужели ваша государыня, королева Елизавета, не понимает, что ее жизни всегда будет угрожать опасность до тех пор, пока она не выйдет замуж? Если она выберет себе достойного мужа из хорошей семьи, кто посмеет

злоумышлять против нее?» – «Мадам, – ответил Смит, – по-моему, выйдя замуж, она выбьет почву из-под ног всех, кто злоумышляет против нее. Одно дерево срубить нетрудно. Когда деревьев несколько, дело занимает больше времени. Если у нее родится ребенок, все эти дерзкие и смутьянские претензии королевы Шотландии или других, которые домогаются ее смерти, быстро замолчат». – «По-моему, ваша королева вполне может родить пятерых или шестерых детей», – заметила Екатерина. «Молю Бога хотя бы об одном!» – ответил Смит.[623]

Тем не менее Екатерина Медичи, которая боялась растущего испанского присутствия в Нидерландах и Гизов в самой Франции, по-прежнему стремилась к союзу с Англией. После того как Анри, герцог Анжуйский, отказался жениться на Елизавете, она тут же предложила английской королеве в мужья своего младшего сына Франсуа, герцога Алансонского, считая, что он «без всяких угрызений совести» согласится слушать мессу в своих покоях.[624]

Новый жених снова оказался значительно моложе невесты. Тридцативосьмилетнюю Елизавету вовсе не прельщала перспектива выйти замуж за шестнадцатилетнего французского принца. Она говорила о «нелепости» такого брака, учитывая разницу, и дала понять, что ей не понравилось описание внешности Алансона: низкорослый, с необычайно большим носом и уродливыми отметинами от оспы на лице.[625] Вначале Елизавета и слышать не хотела об Алансоне, так как помнила «противоречивость» его старшего брата. Зато Сесил считал, что брак совершенно необходим и от него зависит выживание Англии. Заговор Ридольфи живо напомнил об угрозе, которую представляли Испания и папство. Положение в Нидерландах ухудшалось; у Елизаветы и Сесила имелись все основания бояться, что французы воспользуются удобным случаем и вторгнутся в Нидерланды на правах союзников Вильгельма Оранского, лидера протестантского движения.

«Как вы понимаете, угроза для нашей страны неминуема, – писал Сесил Уолсингему. – На протяжении всей жизни и правления ее величества вопрос о престолонаследии, до сих пор не решенный и явно пагубный для нашей веры, требует от меня настоятельного поиска супруга для ее величества».[626] Союз с католической Францией казался достойной платой за сохранение протестантской Англии.

* * *

К концу апреля, когда должен был собраться парламент,

Елизавета передумала. Сесил передал Фенелону, что королева готова выслушать официальное брачное предложение.[627] Хотя Сесил несколько смягчил и приукрасил позицию Елизаветы, сама королева также проявляла желание умиротворить французов. Карл IX приказал де Фуа и Франсуа, герцогу Монморанси, которых послали в Англию, ратифицировать подписанный в Блуа договор, по которому страны заключали оборонительный союз против Испании, и начать переговоры о браке. В июне, после приезда французов, Елизавета снова дала понять, что считает нелепым союз с человеком моложе себя на двадцать два года. И все же переговоры продолжались. Елизавета вынуждена была признать: учитывая изоляцию Англии в Европе и давление со стороны подданных, призывающих ее обеспечить престолонаследие, замужество в ее интересах. Переговоры омрачал вопрос о религиозных взглядах герцога. Хотя Алансон в вопросах веры проявлял большую гибкость, чем его брат, он все же требовал сохранить за собой право слушать мессу. Впрочем, он согласился не демонстрировать свою веру публично. Решено было, что на время мессы все подданные королевы должны выходить из его покоев. Кроме того, Алансон согласился вместе с королевой присутствовать на службах в англиканской церкви.

Пока Тайный совет взвешивал все за и против, Уолсингему поручили исследовать «отношение Алансона к религии», а также подробнее описать его внешность и характер. Кроме того, Елизавете хотелось, чтобы французы, в виде компенсации за юный возраст Алансона и его внешние недостатки, уступили ей или ребенку, рожденному в браке с Алансоном, порт Кале.[628] В ответном сообщении Уолсингему не удалось развеять сомнения Елизаветы. Хотя, по его мнению, имелись все основания полагать, что герцога можно без труда «обратить в истинную веру» и он, возможно, перестанет ходить к мессе после брака, французский король и его мать по-прежнему настаивали на том, чтобы у герцога была возможность слушать мессу.

23 июля Елизавета заявила: из-за юного возраста Алансона и его обезображенного оспой лица «мы в самом деле не можем согласиться на его предложение».[629] Через четыре дня под давлением со стороны Сесила и французского посла она согласилась, что герцог должен «приехать сюда лично», прежде чем она примет решение.[630] Вначале французы не хотели соглашаться на личную встречу и требовали, чтобы королева заранее дала свое согласие выйти за герцога, но в письме от 21 августа Екатерина Медичи предложила, чтобы жених и невеста встретились инкогнито на борту корабля посреди Ла-Манша.[631]

* * *

Переговоры прервались в очередной раз после страшной вести из Франции. 24 августа, в День святого Варфоломея, в Париже началась резня. По приказу короля убили вождей гугенотов, приехавших в Париж на свадьбу Генриха Наваррского и Маргариты Валуа.[632] Массовые убийства в Париже продолжались три дня, а затем перекинулись на всю Францию. К октябрю было убито около 10 тысяч гугенотов. Сообщения о событиях во Франции взбудоражили всю Европу. Новый папа, Григорий XIII, отметил истребление гугенотов благодарственным молебном в соборе Святого Петра, а Филипп Испанский поздравил своих исторических врагов с решительным отрицанием протестантизма.

Королеве рассказали о произошедшем, когда она охотилась в Вудстоке, в Оксфордшире.[633] Она прервала охоту, и двор погрузился в траур. Тайный совет собрался на срочное заседание. Было решено усилить охрану Марии Стюарт. Через несколько недель жителей пограничных графств – Девона, Суссекса, Дорсета, Норфолка и Кента – призвали к оружию. Все боялись иноземной интервенции.[634] По мнению Сесила, Варфоломеевская ночь доказала, что король Франции действует в сговоре с герцогом Гизом и «фракцией папистов»; они вместе намерены искоренить «ересь» в Англии и Шотландии.[635]

Вначале Елизавета отказывалась дать аудиенцию французскому послу, но через три дня все же согласилась на беседу с ним. Она приняла Фенелона в своем кабинете в присутствии членов Тайного совета и фрейлин. Все они, как и сама королева, были в трауре. Фенелона встретило многозначительное торжественное молчание, после чего королева шагнула к послу и отвела его в сторону. Она спросила, «возможно ли, чтобы правдой оказались странные вести, которые она слышала о принце, коего она так любила, почитала и коему доверяла?». Посол ответил, что пришел «вместе с ней скорбеть о недавнем печальном событии», что король Карл вынужден был действовать из-за «угрозы своей жизни» и что «теперь ему так же больно, как если бы он отрезал себе руку, дабы сохранить весь организм».[636]

В конце августа Елизавета покинула Вудсток. Двор путешествовал по Бедфордширу и Бакингемширу, вопреки предупреждениям членов Тайного совета и священнослужителей. Эдвин Сандис, епископ Лондонский, 5 сентября писал Сесилу из своего дома в Фулеме, как «в наши злые времена тревожатся все добрые люди, у которых сердца болят от страха, буде варварская

измена не прекратится во Франции, но перекинется и на нас». Он заклинал Сесила «поторопить ее величество домой, ибо ее благополучное возвращение в Лондон утешит многих подавленных страхом». К письму епископ приложил бумагу с предлагаемыми мерами безопасности для королевы. В качестве первостепенной задачи он предлагал «немедленно обезглавить шотландскую королеву».[637]

Взгляды Сандиса разделяли многие. Сесил призывал Елизавету последовать совету епископа, уверяя, «что это единственное средство, способное помешать ее собственному свержению и убийству».[638] Как писал из Парижа Уолсингем, ставший свидетелем Варфоломеевской ночи, «можем ли мы подумать, что пожар, вспыхнувший здесь, во Франции, никуда более не распространится?.. Не стоит обманываться… можно с уверенностью утверждать, что два ведущих европейских монарха вместе с остальными папистами намерены вскоре исполнить… решения Тридентского совета».[639] Все боялись, что следующей целью католиков станет Англия.

Роберт Бил, секретарь Тайного совета и шурин Уолсингема, составил документ, озаглавленный «Доклад о великом убийстве в Париже и других местах во Франции». В нем Бил написал об «отвратительном заговоре» католических властей Европы и о стремлении врагов Елизаветы лишить ее жизни.[640] Власть в Париже захватила семья Гиз, родня Марии Стюарт; Испания угрожает всей своей мощью обрушиться на Нидерланды. Настало время, писал Бил, «и не только время», «чтобы ее величество, по здравом размышлении, приняла верный курс [как] для своей безопасности, так и для благополучия страны… Король Франции превратился… в воплощение зла. Принц Конде и адмирал убиты. В Нидерланды назначили испанского наместника. Подобные шаги подрывают силы принца Оранского; скорее всего, он уже никогда больше не сможет поднять голову. Нас лишили друзей за границей, внутри страны раскол и замешательство; невозможно не думать о том, что в столь напряженной обстановке нам не грозит иноземное вторжение (направленное против нас) и мы долго против него продержимся… Главнейшая мера, – продолжал он, – заключается в том, чтобы навести порядок внутри страны, прежде всего разобраться со сторонниками королевы Шотландии и папистами». Бил подчеркивал, что выход у них только один: «смерть Иезавели». Он писал о том, как «…здравомыслящие люди по всей Европе не могут не изумляться тому, как мягко обходится с нею ее величество. Она пригрела на своей груди ядовитую змею».[641]

И все же Елизавета отказывалась даже думать о казни Марии

Стюарт.

* * *

Здоровье королевы по-прежнему внушало опасения ее приближенным. В начале августа она много охотилась, гуляла и простудилась. Вначале она чувствовала легкое недомогание. Через неделю у нее снова начались желудочные боли, на два дня приковавшие ее к постели. Как сообщал Антонио де Гуарас, «говорят, что она опасно болела одну или две ночи, но теперь поправилась».[642] В конце сентября, переехав в Виндзор, Елизавета снова заболела. Ее болезнь началась в атмосфере страха, когда все боялись иностранной интервенции и католических заговоров в Англии. 15 октября сэр Томас Смит говорил Сесилу: «Ее величеству было так плохо последнюю ночь, что милорд Лестер всю ночь просидел у ее постели. Сегодня утром – хвала Всевышнему! – она чувствует себя прекрасно. Колика прошла. Молю Господа, чтобы Он хранил ее. Мы тревожились ужасно».[643] Сесил тоже сообщал Уолсингему о «сильной тревоге», охватившей всех накануне, когда у королевы «внезапно заболел желудок, а затем ей так же внезапно стало легче после рвоты».[644]

Подозревали, что королева снова заболела оспой; в наши дни стало известно, что повторно оспой не заболевают. Поэтому остается неясным, что было с Елизаветой. В неподписанном письме от 26 октября, адресованном герцогу Альбе, подробно рассказывалось, как «королева тяжело заболела, и считают, что у нее оспа». Пока Елизавета лежала в постели и выздоравливала, ее советники снова решали вопрос о престолонаследии и обсуждали, можно ли, в случае смерти королевы, провозгласить королем одного из сыновей Кэтрин Грей.[645]

Выздоровев, Елизавета написала графу Шрусбери, охранявшему Марию Стюарт. Она поспешила сообщить, что чувствует себя хорошо и, даже если болела оспой, следов у нее на лице не осталось: «На нашем лице начали проступать красные пятна, как будто от оспы, но, слава Всевышнему, вопреки ожиданиям врачей и других, пятна вскоре исчезли, и сегодня, благодарение Богу, у нас не осталось и следа от болезни, так что никто не заподозрит ничего подобного… Мой верный Шрусбери, пусть состояние моего здоровья не печалит вас, ибо, уверяю вас, не будь мое здоровье крепче, чем кажется извне, ни один подданный не поверил бы, что меня коснулась такая болезнь».[646]

Королева сделала собственноручную приписку, в которой

повторила главную мысль: «Уверяю вас, не будь мое здоровье крепче, чем кажется извне, ни один подданный не поверил бы, что меня коснулась такая болезнь».[647] Для Елизаветы важно было подчеркнуть, что болезнь не обезобразила ее. В церквах по всей стране читали особые благодарственные молитвы о спасении королевы и страны от врагов: «Боже всеблагой Отец, который в милости Своей даровал нам кроткую и милосердную королеву и являл чудо, спасая ее от многочисленных великих бедствий и напастей, и под ее руководством сохранил нас и всю страну от рукотворных бедствий и ужасных болезней, коими народы вокруг нас были прискорбнейшим образом поражены, смилуйся над ними…»[648]

В случае смерти Елизаветы страну ждали бы неизбежные гражданская война и иностранное вторжение. Многие считали, что от ужасных напастей их спасают благодарственные молебны, изъявления преданности и верности.

Глава 25
Непристойная фантазия

Во время следствия по делу Ридольфи поползли слухи о развращенности Елизаветы и ее отношениях с мужчинами-фаворитами; настроенные против нее католики называли в числе ее любовников и Роберта Дадли, и Кристофера Хаттона, капитана ее гвардии. 29 января 1571 г., когда за соучастие в заговоре с целью убийства Сесила и свержения Елизаветы схватили Кенелма Берни, он на допросе показал, что его сообщник, Эдмунд Матер, сказал ему, что «королева не заслуживает ничего, кроме того, чтобы питать ее непристойную фантазию; она отдаляет тех приближенных, кто не любит наряжаться и душиться, дабы усладить ее изысканный взгляд, и уделяет внимание тем, кто ей по душе, а именно танцорам, то есть лорду Лестеру и мистеру Хаттону, кои, как он слышал, заходят к ее величеству в ее внутренние покои чаще, чем допускают приличия, – если бы она была столь добродетельна и с такими хорошими наклонностями, как о ней говорят!».[649]

Слухи передавались по всей стране; похоже, многие в них верили. Мэтью Паркер, архиепископ Кентерберийский, так озаботился репутацией Елизаветы и ореолом безнравственности, окружавшим ее, что написал Сесилу и предупредил: в Дувре схватили человека, который допускал «самые постыдные замечания о ней». Речь шла о «столь ужасном деле», затрагивавшем королеву, а также Дадли и Хаттона, писал архиепископ, что он не в состоянии изложить его на письме, но все расскажет Сесилу только при личной встрече.[650] Клеветник не только распространял слухи о поведении Елизаветы; он предсказал, что подобные сплетни породят гражданскую войну, когда «здесь, в Англии, будет перерезано столько же глоток, как было, говорят, во Франции». Католики восстанут против протестантов, страна вернется в лоно католической церкви, Елизавета погибнет от рук наемного убийцы, или же ее казнят, а ее кости затем «открыто сожгут» в Смитфилде вместе с костями ее отца.

После Варфоломеевской ночи такая мрачная картина казалась вполне реальной. Архиепископ Паркер дал понять, что страна и церковь во главе с безнравственной правительницей в такой угрожающей обстановке подвержены большой опасности. Таким было «ужасное мнение» архиепископа о влиянии ухудшающейся репутации Елизаветы в глазах христианского

мира. Архиепископ предупреждал Сесила: он слышал, что дуврского клеветника не посадили в тюрьму, но освободили, дабы он и дальше сеял зло. «…Если это правда, – писал под конец Паркер, – Господь храни ее величество и всех ее верных друзей». [651]

* * *

Сэр Кристофер Хаттон, видный холостяк лет на семь моложе королевы, впервые привлек ее внимание как искусный танцор на придворном балу. Он был темноволос и красив, «подходящего роста и телосложения». Хаттон, как и Дадли, возвысился благодаря влечению к нему Елизаветы. В 1562 или 1564 г. его зачислили в ряды джентльменов-пенсионеров; войдя в милость к королеве, он сделал головокружительную карьеру. Пять лет спустя он стал камергером, а в мае 1572 г. его назначили капитаном королевской гвардии, что давало ему очень близкий доступ к королеве. Он должен был обеспечивать ее безопасность. [652] Роберта Дадли Елизавета называла своими «глазами»; Хаттон был ее «веками».

В письме от 9 октября 1572 г. поэт Эдвард Дайер предупреждал своего друга Хаттона: ходят слухи о его близости с королевой, «ибо, хотя в самом начале, когда ее величество заметила тебя (и проявила благосклонность), она терпела твою грубость, пока не получила что хотела; но сейчас, когда ее желание исполнено и она пресытилась, это скорее повредит, чем поможет тебе». Дайер советовал Хаттону: какими бы тесными ни были его отношения с Елизаветой, ему всегда следует помнить о том, кто она такая. «Подумай, с кем тебе приходится иметь дело и кто мы по сравнению с ней… хотя она, будучи женщиной, обладает многими недостатками своего пола, мы не имеем права забывать о ее положении и состоянии как нашей правительницы». [653]

В мае 1573 г., когда Хаттон серьезно заболел почками, королева навещала его почти каждый день.[654] Через несколько недель, получив двухдневный отпуск по болезни, Хаттон написал ей страстное письмо, в котором выражал свою преданность и огорчение оттого, что вынужден находиться вдали от нее: «Ни смерть, нет, ни ад, ни страх смерти более не вырвут у меня согласия и не заставят меня быть вдали от вас [ни] на один день… Боже, только бы мне оказаться с вами всего на час! Моя голова раскалывается от мыслей. Я пребываю в изумлении. Отнеситесь ко мне терпеливо, моя самая любимая милая госпожа! Страсть охватывает меня. Более не могу писать. Любите меня, ибо

я люблю вас… Произнести ли это знакомое слово (прощай)? Да, десять тысяч раз прощай…»[655]

Считается, что из-за влияния, какое оказывал на Елизавету Хаттон, в октябре 1573 г. было совершено покушение на его жизнь. Его совершил фанатик-пуританин по имени Питер Берчет. Он объявил Хаттона «несговорчивым папистом», который «препятствует славе Божией тем, что лжет». Однако Берчет ошибся и вместо Хаттона напал у Темпл-Бара на другого, сэра Джона Хокинса, и тяжело ранил его. Убийцу посадили в Тауэр и впоследствии казнили. Гнев Елизаветы из-за покушения, а также тревога за безопасность Хаттона, конечно, дали пищу слухам.[656] Хаттон все подобные обвинения отрицал. Крестник королевы, сэр Джон Харингтон, позже утверждал, что начальник королевской стражи «добровольно, искренне и с пылкой убежденностью поклялся, что никогда не знал ее в плотском смысле».[657]

* * *

В мае 1573 г. Гилберт Талбот, молодой сын графа Шрусбери, недавно прибывший ко двору, в письме отцу делился своими наблюдениями. Дадли «часто бывает с ее величеством, и она выказывает к нему ту же великую привязанность, что и раньше; последнее время ему удается угождать ей больше, чем до того». Однако молодой Талбот уже заметил, что Дадли пользуется расположением придворных дам, что не нравилось Елизавете. Он продолжал: «Теперь при дворе есть две сестры, которые сильно влюблены в него [Дадли]… они (соревнуясь, кто любит его больше) без конца ссорятся, а королева думает о них дурно, и не лучше думает о нем; поэтому к нему приставлены шпионы».[658]

«Двумя сестрами» были леди Дуглас и леди Фрэнсис, дочери барона Уильяма Говарда Эффингемского, которого Елизавета, вступив на престол, назначила лордом-гофмейстером. Обеих сестер назначили фрейлинами в самом начале ее правления, но Дуглас Говард – возможно, названная в честь своей крестной матери Маргарет Дуглас, графини Леннокс, – вскоре, в октябре 1560 г., покинула двор, так как вышла за Джона Шеффилда, аристократа из Линкольншира. Супруги произвели на свет нескольких детей, из которых выжили двое. Затем, 10 декабря 1568 г., лорд Шеффилд умер, и леди Дуглас вернулась ко двору, где стала камер-фрейлиной.[659] Через несколько лет у леди Дуглас начался тайный роман с Дадли, который продолжался много лет.[660]

Скорее всего, инициатором отношений стал Дадли. Он

испытывал большую досаду, видя растущее влияние Хаттона, и сильно ревновал. Однако, когда леди Дуглас заикнулась о свадьбе, Дадли ясно дал понять, что брак не в его интересах. «Тщательно взвесив и обдумав ваше и мое положение», он уверил ее, что не способен «зайти далее, чем это возможно для меня, без того, чтобы не погубить себя».[661] Дадли знал, что Елизавета ни за что не позволит ему жениться, она скорее уничтожит его. Как он однажды признался герцогу Норфолку, больше всего он боялся, что однажды влечение королевы перейдет «в гнев и враждебность по отношению к нему, что заставит ее, чисто по-женски, погубить его». Желание леди Дуглас узаконить отношения вполне объяснимо: 7 августа 1574 г. она родила сына. Не имея другого выхода, Дадли признал отцовство и поместил ребенка под опеку своего кузена Джона Дадли, в Стоук-Ньюингтон. Через много лет, когда их сын Роберт захотел получить долю отцовского наследства, леди Дуглас объявила, что они с Дадли официально обвенчались. Тайная церемония якобы состоялась в 1573 г.[662] Но, поскольку доказать, что венчание имело место, не получилось, дело развалилось.

Глава 26
Удары и злые слова

Холодным январским днем в 1574 г. Мэри Шелтон, двадцатичетырехлетняя троюродная сестра Елизаветы, тайно вышла замуж за Джона Скадамора, наследника одной из ведущих хартфордширских семей, служившего в отряде джентльменов-пенсионеров.[663] 18 ноября 1568 г. восемнадцатилетнюю Мэри назначили фрейлиной; 1 января 1571 г. ее повысили и она стала камер-фрейлиной.[664] Мэри была тесно связана с Елизаветой по линии обоих родителей. Ее дед по отцу, сэр Джон Шелтон, в свое время женился на тетке Анны Болейн. Он управлял поместьем Хатфилд, в котором Елизавета жила во младенчестве. Ее дядя, Генри Паркер, позже стал камергером Елизаветы.[665] Королева не забывала о семейных узах, она часто назначала родственников на посты при королевском дворе. После смерти Кэт Эшли и Кэтрин Ноллис Елизавета, несомненно, испытала утешение, приблизив к себе Мэри Шелтон.

Записей о том, где проходила церемония бракосочетания Мэри Шелтон и Джона Скадамора, не сохранилось. Скорее всего, они обвенчались не при дворе, так как прекрасно понимали, что королева не одобрит их брак. Когда Елизавета все узнала, Мэри Шелтон в полной мере испытала на себе гнев королевы. По свидетельству фрейлины Элинор Бриджес, «королева очень бранила Мэри Шелтон за ее замужество: она не жалела ни ударов, ни злых слов и так и не даровала ей своего согласия». Бриджес добавляла: «Никто еще не покупал себе мужа такой дорогой ценой».[666] Несколько лет спустя Бесс из Хардвика (графиня Шрусбери) поведала эту историю Марии Стюарт: дочь графини, леди Мэри Талбот, была близкой подругой Мэри Шелтон. Очевидцы утверждали, что Елизавета сломала Мэри палец, ударив ее щеткой для головы, а потом пыталась переложить вину на упавший подсвечник. Мэри Шелтон, в замужестве Скадамор, услали от двора, хотя вскоре вернули и в октябре 1574 г. повысили до гофмейстерины.[667]

После свадьбы Мэри Шелтон переехала из тесных и неудобных комнат при дворе, где спали незамужние фрейлины. Так как придворными были и она, и ее муж, им предоставили отдельные апартаменты. Мэри Скадамор стала мачехой пятерых детей от первого брака мужа и хозяйкой в Холм-Лейси, фамильном имении Скадаморов в Хартфордшире, однако там бывала редко, так как королева редко отпускала ее.

9 октября 1576 г., когда Мэри уехала с мужем, ее спешно вызвали назад ко двору, так как леди Дороти Стаффорд, которая обычно спала в одной постели с королевой, сломала ногу, упав с лошади. Граф Суссекс писал Мэри в Холм-Лейси: «Боюсь, пока вы не приедете, ее величество не сможет хорошо высыпаться по ночам, что возможно только после вашего приезда».[668] Мэри стала одной из самых доверенных по друг Елизаветы и любимой спутницей в опочивальне. Через несколько недель, когда королева заболела, Мэри не отходила от нее. Она давала Елизавете теплое питье и ухаживала за ней днем и ночью.

* * *

В то время как Мэри Скадамор укрепляла свое положение в фаворе у королевы, леди Мэри Сидни, сестра Роберта Дадли, все больше впадала в немилость. Она с горечью писала о недостатке внимания со стороны королевы. Несмотря на то что леди Сидни самоотверженно ухаживала за Елизаветой, когда та болела оспой, она пострадала из-за напряженных и переменчивых отношений королевы с ее братом; несмотря на ее преданность, Елизавету она, похоже, раздражала. В июле 1573 г., когда Мэри Сидни появилась при дворе в платье, сшитом из бархата, который прислал ей муж из Ирландии, королева тут же потребовала, чтобы он прислал бархата и для нее. Мэри написала отчаянное письмо своему управляющему Джону Кокрейму, в котором требовала раздобыть материю любой ценой: «Ее величеству так нравится бархат, который милорд прислал мне на платье, что она настоятельно просила меня прислать ей такой же отрез на свободное платье. Насколько я помню, милорд купил мне бархат у Купера или Кука; надеюсь, вам удастся выяснить, где именно он его приобрел и сколько еще у них осталось. 12 ярдов будет довольно. Отнеситесь к моей просьбе со всем вниманием, ибо к отказу она отнесется плохо, а милорду ничего не говорите, ибо он, по разным причинам, может расценить ее слова как незначительную прихоть. Повторяю, отнеситесь к моей просьбе со всей серьезностью».[669]

Остается неясным, увенчалась ли успехом просьба Мэри и удалось ли Кокрейму купить последние 12 ярдов материи. Нет записей о том, какой кусок бархата на платье поступил в королевскую гардеробную в то время; возможно, попытка леди Сидни умаслить Елизавету не увенчалась успехом.

Сидни все больше беднели. Поскольку Мэри служила без жалованья, их благополучие зависело от ежегодного

вознаграждения мужа, сэра Генри Сидни, но он тоже все больше погрязал в долгах, из-за огромных сумм, которые вынужден был платить в Ирландии из собственного кармана. Недешево обходилось и содержание валлийских поместий. Мэри регулярно просила королеву возместить ее мужу хотя бы часть денег, которые он тратил на королевской службе. Когда в 1572 г. сэру Генри пожаловали титул барона, низший из аристократических титулов, он едва мог себе позволить расходы, сопровождавшие назначение, и потому его жена умоляла Сесила избавить мужа от такой чести, если только титул не будет сопровождаться повышением жалованья.[670] Как объяснила Мэри, сэр Генри «весьма напуган» предстоящим ему «нелегким выбором»: либо взвалить на себя финансовое бремя, «либо отказаться от него и впасть в немилость ее величества».[671] Многолетняя верная служба стоила семейству Сидни большей части их состояния. В августе 1573 г. Мэри вынуждена была просить управляющего Кокрейма прислать ей 10 фунтов, так как ей нечем платить по счетам после того, как сэр Генри в очередной раз уехал. Речь шла в основном о расходах на шляпки, перчатки, лекарства и перешивание платьев, поскольку, как леди Мэри писала из Гринвича, «я осталась почти без денег», и добавляла: «Сумма менее десяти фунтов в настоящее время не покроет моих расходов… пришлите деньги сегодня же, хотя бы пришлось залезть в долги».[672]

Из-за болезни леди Сидни вынуждена была некоторое время провести вдали от двора. Вернувшись, она узнала, что просторные и удобные апартаменты, расположенные недалеко от покоев королевы, которые всегда выделялись ей благодаря вмешательству брата, отдали другой. Ее же поместили в комнате, где раньше селили прислугу. Там гуляли сквозняки; кроме того, оттуда она не могла пройти непосредственно к Елизавете. Как в сердцах написала Мэри, «по-моему, ее величеству неугодно, чтобы я находилась при дворе. Да и я сама по доброй воле ни за что не поселилась бы в таких покоях… С недавних пор меня поселили так, что у меня возобновились боли, от которых я почти избавилась за год».[673] Мэри все больше и больше обижалась и в 1574 г. отказалась прислуживать Елизавете до тех пор, пока ей не вернут комнаты, которые она привыкла считать своими. Она решила написать лорд-камергеру, своему шурину герцогу Суссексу, ставшему одним из ярых противников ее брата Дадли. Он отвечал за распределение комнат во дворце. «Ее величество призвала меня ко двору, но в моей комнате очень холодно, а штор у меня мало и нет ничего теплого», – жаловалась она. Здоровье ее было безвозвратно подорвано оспой, а жилищные

условия во дворце лишь усугубляли ее недомогания. По ее словам, «по слабости здоровья» она не может «спать в такой холодной комнате и вынуждена просить о помощи». Она просила выделить ей «3 или 4 теплые шторы», которые избавят ее от сквозняков. Леди Мэри уверяла Суссекса, что, как только погода наладится, «шторы благополучно доставят назад. И я буду считать себя в высшей степени обязанной вам, если вы окажете мне такую услугу».[674]

Суссекс остался глух к мольбам леди Сидни. Ему очень не хотелось, чтобы леди Мэри возвращалась ко двору, – он считал, что она оказывает влияние на королеву и склоняет ее в пользу своего брата. Более того, лорд-камергер обвинил леди Сидни в том, что она присвоила «некоторые вещи» из королевского гардероба, которые дали ей на время пять лет назад, после рождения ее сына Томаса. Мэри Сидни ответила: она приказала своей горничной вернуть все одолженные вещи, но та, видимо, сжульничала. Она обещала возместить стоимость вещей по возвращении мужа.[675]

Впрочем, королева выказала Мэри полное сочувствие после того, как у той в феврале следующего года умерла девятилетняя дочь Амброзия. Сидни получили трогательное письмо с соболезнованиями от королевы; Елизавета предложила принять их последнюю выжившую дочь Мэри в свою свиту: «Добрый Сидни, верный и любимый… Как ни разделяем мы испытываемое вами горе (что естественно для родителей в вашем положении), мы, желая по мере сил облегчить ваши страдания, не можем не сказать о том, как мы сочувствуем вашему горю… Он [Господь] оставил вам в утешение одну дочь [Мэри]… и, если вы согласитесь перевезти ее из краев с нездоровым климатом (если это так) в наши края, где климат благоприятнее, и пришлете ее к нам к Пасхе или когда сочтете нужным, не сомневайтесь в том, что мы позаботимся о ней, помня о нашей милости к вам, которую мы желаем изъявить ей, буде вы пришлете ее ко двору».[676]

Сидни были окончательно восстановлены в правах и в июле 1575 г. получили приглашение присоединиться к королеве в Кенилуорте, уорикширском имении Роберта Дадли.

Глава 27
Кенилуорт

В субботу 9 июля, в восемь часов вечера Елизавета и ее свита приблизились к замку Кенилуорт, расположенному примерно в 12 милях к северо-востоку от Стратфорда-на-Эйвоне. Когда в виду замка показалась кавалькада с королевой во главе, освещенная 200 факелами, которые держали охранявшие двор всадники, грянул артиллерийский залп.

Кенилуорт окружало большое искусственное озеро, Дадли приказал перекинуть через него мост длиной 600 футов. Колонны были украшены рогами изобилия, из которых сыпались фрукты и виноград. Они символизировали богатство и необыкновенную щедрость. На самом озере соорудили особый плавучий остров, «ярко освещенный факелами», откуда «Озерная дева» обратилась к Елизавете с речью. «Озерная дева» уверяла, что хранит озеро со времен короля Артура, но теперь хочет передать его Елизавете: «Вперед, мадам, вам нет нужды стоять: и озеро, и замок, и их владелец – ваши навсегда».[677]

Как только королева вступила во двор, послышались звуки фанфар. Фейерверк, устроенный по приказу Дадли, было видно и слышно за 20 миль вокруг, он освещал ночное небо.

Позолоченные часы на башне остановились в тот миг, когда королева въехала в замок, символизируя, что во время визита королевы время останавливается. Затем королеву проводили в трехэтажную башню, где выделили комнаты для нее, ее фрейлин и самых приближенных придворных; Дадли возвел башню специально для нее. Окна королевской опочивальни выходили на восток, чтобы можно было из них любоваться рассветом. В покоях Елизаветы наверху были самые большие окна, откуда открывался самый красивый вид. Дадли поселился этажом ниже, под покоями королевы. Украшенные яркой лепниной, увешанные богатыми гобеленами и пышно обставленные, покои представляли собой верх елизаветинской роскоши. Кроме того, Дадли распорядился, чтобы для Елизаветы при замке разбили особый сад, закрытый для всех, кроме самой королевы и ее ближайших спутников.

Следующие девятнадцать дней Роберт Дадли, граф Лестер, принимал Елизавету и развлекал ее самыми пышными празднествами за время ее правления. Хотя Дадли уже доводилось принимать Елизавету в Кенилуорте в 1565 и 1572 гг., празднества и развлечения, которыми радушный хозяин развлекал ее в 1575 г., были не сравнимы ни с чем: различные

театральные действа и «живые картины» призваны были подчеркнуть его матримониальные намерения.[678] То была последняя и, как оказалось, действительно последняя попытка Дадли доказать свою пригодность в роли супруга королевы; постановку «живых картин» и спектаклей поручили поэту и военному Джорджу Гаскойну. Дадли надеялся, что под влиянием спектаклей и приема Елизавета согласится выйти за него замуж.

В жаркую летнюю погоду, когда лишь несколько дней шли легкие дожди, Елизавета наслаждалась охотой в обширном парке; помимо оленей там обитало немало другой дичи. Кроме того, гостей развлекали травлей медведей во дворе замка. Рычащие мастифы затравили тринадцать медведей; королева наблюдала за происходящим с безопасного расстояния.

По словам испанского посла де Гуараса, когда королева охотилась в Кенилуорте, «предатель выстрелил в нее из арбалета. Его немедленно арестовали, хотя многие полагали, что несчастный стрелял лишь в оленя и не хотел причинить вред».[679] Может быть, посол намеренно преувеличил, тем не менее слухи о покушении и последующий быстрый арест подтверждают ту атмосферу страха, в которой жили приближенные Елизаветы последние несколько лет.

Желая отдохнуть от жары или укрыться от дождя, Елизавета и ее дамы удалялись в свои покои, где играли в карты, читали или сплетничали вдали от толп гостей, заполнивших замок и парк. Кроме того, королева каждый день гуляла в обширном парке и садах с пышной травой, отдыхала в беседках, любовалась плодовыми деревьями и душистыми цветами и травами. Посреди сада стоял огромный фонтан, украшенный каменными статуями Нептуна, Фетиды и сцен из «Метаморфоз» Овидия, он «обрызгивал водой проходящих мимо в то время, когда они меньше всего этого ожидали». Имелся в парке и огромный птичник, наполненный экзотическими птицами из Европы и Африки, «издававшими восхитительные, приятные для слуха рулады».

Во второе воскресенье после приезда, посетив местную приходскую церковь, Елизавета отправилась на арену для турниров, где в ее честь устроили народную свадьбу, «свадебный пир», на который пригласили жителей окрестных деревень. По свидетельствам очевидцев, зрелище было странное. Невесте было за тридцать, она была «уродлива, грязна и неприятна»; жених был молод, но хромал после игры в футбол. После народного танца моррис и «живых картин», представленных под открытым небом труппой артистов из Ковентри, королева, которая наблюдала «за большим стечением народа и буйством» из окна, попросила,

чтобы представление повторили через два дня.

В конце каждого дня гостей ждал обильный пир. Хотя обычно Елизавета ела «мало или совсем ничего», ей предлагались многочисленные блюда из мяса, птицы и рыбы. В числе прочего на стол лишь во время первой перемены блюд подавали жареную оленину, ягнятину, дикого кабана, оленя, куропаток, каплунов, говядину, филейную часть, баранину и курицу, пироги и пирожки с окороком и олениной. После мяса Елизавете подносили блюда из рыбы и птицы: лосось, тюрбо, раки, треска, щука, окунь, копченая сельдь, омары, креветки, устрицы. Особенно поражало разнообразие блюд из дикой и домашней птицы: утки, утята, индейка, перепела, чайки, гуси, журавли, цапли, павлины, фазаны, лебеди и т. д. Позже подавали сладости, так как все знали, что Елизавета любит сладкое – например, конфеты с анисовым семенем, тмином или кориандром, а также имбирные пряники, открытые пироги с фруктами, засахаренные цветы и миндальные пирожные. Сладкий стол накрывали в отдельном павильоне в саду. Готовили и особые блюда, например медведей из сахара, которые держали зазубренные посохи (герб Дадли), или позолоченную марципановую модель замка Кенилуорт. Все сладости и напитки подавали на сахарных блюдах и в сахарных бокалах, которые можно было в конце трапезы разбить или съесть.

Затем в освещенном замковом парке королева любовалась «живыми картинами» и прочими представлениями: в плававших по озеру лодках играли музыканты, ночное небо освещали фейерверки, акробаты делали сальто на дорожках парка. Однажды вечером перед гостями выступал итальянский «человек-змея», «который бесконечно изгибался, вращался и крутился».[680] Такие развлечения были доступны для всех желающих; каждый день в Кенилуорт стекались многотысячные толпы.[681]

На второй понедельник, после утренней охоты и перед вечерними «живыми картинами» на воде устроили поистине торжественную церемонию посвящения в рыцари. Королева посвятила в рыцари пятерых молодых людей, в том числе сына Уильяма Сесила Томаса. После этого Елизавета исцелила девять человек, страдавших «королевской хворью» – золотухой, воспалением шейных лимфоузлов. Считалось, что помазанные на царство монархи обладают властью исцелять такую болезнь наложением рук на пораженные места.[682] Елизавета часто практиковала такие церемонии. Сначала она преклонила колени в молитве, затем, вымыв руки в чаше, стоящей перед ней, она исцеляла страдальцев «храбро и без отвращения» и осеняла их крестным знамением. В своем трактате Charisma sive Donum

Sanationis, где описывались чудодейственные способности английских монархов при лечении золотухи, Уильям Тукер, капеллан Елизаветы, писал, что он часто видел, как Елизавета «своими очень красивыми руками, белоснежными, лишенными каких-либо изъянов, прикасалась к язвам и нарывам не кончиками пальцев, но прикладывала руку не один раз с целительными результатами, и как же часто видел я, что она прикасается к язвам, как будто они были ее собственными».[683]

Елизавета относилась к церемонии очень серьезно. Иногда она объявляла, что не чувствует в себе вдохновения исцелять наложением рук. В Глостере, когда толпы заболевших пришли к Елизавете за помощью, она вынуждена была им отказать. Она произнесла: «Жаль, что мне не удалось оказать вам помощь и поддержку. Господь лучший и величайший врачеватель из всех – вы должны помолиться Ему». Возможно, что Елизавета отказывалась исцелять больных во время месячных, когда женщины считались «нечистыми». В Средние века и начале Нового времени в Англии было широко распространено поверье, что прикосновение женщины во время месячных может губительно сказаться на мужской силе, на плодовитости домашнего скота и пчел. Считалось, что в «критические дни» женщины способны испортить молоко и вино, хотя медицинские светила того времени это отрицали.[684]

Исцеление «королевской хвори» стало еще популярнее в ходе правления Елизаветы. И ее капеллан, Уильям Тукер,[685] и ее хирург, Уильям Клоуз,[686] написали трактаты, посвященные золотухе и замечательной способности Елизаветы исцелять больных наложением рук. Более того, английские протестанты не принимали в расчет папскую буллу об отлучении от церкви на том основании, что Елизавета по-прежнему обладала даром исцелять наложением рук, который Бог посылает лишь истинным, законным монархам.[687] Обычно Елизавета проводила церемонии исцеления каждое воскресенье, а также в дни церковных и обычных праздников в церкви Святого Стефана в старинном Вестминстерском дворце, но, как в Кенилуорте, она также исцеляла больных во время переездов, демонстрируя свои королевское величие и власть.[688]

* * *

Кульминацией приема в Кенилуорте стало представление «Маски Забеты» Гаскойна, истории об одной из «любимейших нимф» Дианы, которая «почти семнадцать лет» отказывалась

вступить в брак. Гаскойн провел прямые параллели между фигурами Забеты и Елизаветы, именно поэтому Забета хранила целомудрие именно семнадцать лет; именно столько времени Елизавета провела на престоле. В спектакле, поставленном по приказу Дадли, Диана, целомудренная богиня охоты, спорила с Юноной, женой верховного бога, каков лучший жребий для Забеты: брак или целомудрие. В споре победила Юнона, а ее посланница Ирида объясняла: «И королевам достойным надобно выходить замуж, / Которые жизнь наукам посвятили».

Однако спектакль пришлось отменить. В напечатанном отчете о визите королевы, «Монаршие развлечения в замке Кенилуорт», Гаскойн впоследствии обвинил во всем «несчастный случай и [неподходящую] погоду». Однако, скорее всего, отменить спектакль распорядилась сама королева, которой не понравилась его прямолинейность.[689] Известно, что Елизавета говорила о том, как ей не нравится спектакль о Юноне и Диане, виденный ею в марте 1565 г., в котором «Юпитер вынес вердикт в пользу брака».[690]

* * *

На следующий день Елизавета объявила о своем намерении покинуть Кенилуорт. Отъезд получился внезапным и неожиданным. Радость и покой нарушил кто-то из придворных. Елизавете сообщили то, о чем давно шептался весь двор: Роберт Дадли затеял интрижку с Леттис Ноллис, бывшей камер-фрейлиной Елизаветы. Слухи о флирте между Леттис и Дадли начались за десять лет до того, когда Леттис явилась ко двору на поздних сроках беременности – она ждала сына Роберта. Тогда всем казалось, что Дадли решил отомстить королеве, которую ревновал к Томасу Хениджу. Он перестал ухаживать за Леттис, как только увидел, что Елизавета обиделась и разгневалась на него за измену. Позже роман, как выяснилось, возобновился. Осенью 1573 г., после того как муж Леттис, Уолтер Деверо, граф Эссекс, уехал в Ирландию, поползли слухи о том, что Леттис и Дадли, которому надоела леди Дуглас Говард, снова сблизились.

Елизавета очень тяжело отнеслась к вести о том, что Дадли возобновил роман с Леттис. Она не явилась на ужин. После того как отменили специально приготовленные на вечер развлечения, она объявила о своем скором отъезде. Из-за скандала Дадли лишился последней возможности сделать предложение Елизавете. Он приказал Гаскойну за ночь сочинить какие-нибудь прощальные стихи, которые он собирался вручить королеве до

отъезда.

На следующий день, когда Елизавета покидала замок, Гаскойн, одетый Сильваном, богом лесов, пропел прощальную песню.

Королеве напомнили о «глубокой верности желания»: «Никакая отсрочка не устрашит его, никакой позор не ослабит его страсть, время не утомит его, вода не пригасит его пыл, и даже сама смерть его не устрашит». Страсть к королеве превратила его в куст падуба, «ощетинившийся во все стороны колючими листьями, чтобы доказать остроту его сокровенных мыслей». Затем из куста падуба послышался знакомый голос, который говорил о вечной любви к девственнице Забете. Он призывал Елизавету: «Останься, замедли поспешные шаги, о несравненная королева… Живи здесь, добрая королева, живи здесь».[691]

Однако было уже поздно. О предательстве Дадли Елизавете сообщила ее камер-фрейлина, более того, ее кузина. Как могла она простить его?

Глава 28
Греховная вера

Начиная с середины 70-х гг. XVI в. католические священники, получавшие образование в семинариях Рима, Реймса и Дуэ, начали возвращаться в Англию и пополнять редеющие ряды английских католиков, еще остававшихся в стране с начала правления Елизаветы. В 1574 г. в Англию прибыли первые миссионеры, окончившие семинарию в Дуэ (Нидерланды), основанную в 1569 г. кардиналом Уильямом Алленом. Попытки вновь воодушевить английских католиков заставили правительство обратить на них более пристальное внимание. Возобновились преследования тех, кого подозревали в инакомыслии. Миссионеры часто вынуждены были называться фальшивыми именами, чтобы скрыться от правительственных шпионов.[692] К 1580 г. в Англии действовало свыше ста священников-миссионеров. Их влияние несравнимо с их количеством; они организовывали католическое сопротивление, осуществляли общее руководство и призывали крепить боевой дух.[693] В 1571 г. в Англии уже приняли более суровые законы, направленные против католицизма, однако лишь через несколько лет эти законы начали применять более решительно и в полную силу.

30 ноября 1577 г. казнили Катберта Мейна. Он стал первым из 200 священников и мирян, казненных за веру во время правления Елизаветы. Мейн приехал в Англию за два года до того с экземпляром буллы об отлучении папы Пия V. Ему удалось ускользнуть от внимания агентов правительства, следивших за портами. Впоследствии Мейн служил священником в имении одного дворянина из Корнуолла по имени Фрэнсис Треджен. 8 июня при обыске дома Мейна арестовали, провезли по местным деревням и, заковав в цепи, посадили в тюрьму Лонстонского замка.

На допросе Мейн признал: если бы какой-нибудь иностранный правитель вторгся в Англию, дабы вернуть ее под власть Рима, католики должны были бы помогать ему «не жалея сил». Слова Мейна чрезвычайно встревожили Уолсингема. Он понял, что в Англии много внутренних врагов. Мейн и другие миссионеры вроде него угрожали начать Крестовый поход, призванный вернуть Англию под папский престол.[694] Мейна приговорили к казни через повешение, волочение и четвертование. 30 ноября его провезли по улицам Лонстона,

привязанного к плетеным саням, а затем повесили на рыночной площади. Когда он был еще жив, веревку обрезали, у него вырезали внутренности, а затем его четвертовали. Голову казненного прибили к воротам Лонстонского замка.

На католиков обрушилась вся мощь государственной власти; казнь Мейна знаменовала собой начало фанатичных преследований миссионеров и тех, кто их укрывал.

В пятницу 11 июля 1578 г. королева покинула Гринвичский дворец, дабы переехать на лето в Норфолк и Суффолк. Ее сопровождала огромная свита, состоявшая из придворных, слуг, членов Тайного совета и их слуг, фрейлин и охраны. В число охраны входили 130 йоменов-гвардейцев под командованием сэра Кристофера Хаттона. Из Гринвича Елизавета вначале поехала в свой дворец Хейверинг в Эссексе, где пробыла десять дней. Там она занималась государственными делами и принимала иностранных послов. Утром 21 июля, в понедельник, она покинула Хейверинг и продолжала путь, делая, как всегда, остановки в привычных местах, в том числе замке Одли-Энд, который она покинула 30 июля.[695]

После этого Елизавета посетила те части Восточной Англии, где она раньше не бывала. Ее принимали представители местной знати. Спустя какое-то время она прибыла в замок Мелфорд-Холл, где жил сэр Уильям Корделл, генеральный солиситор Англии и Уэльса. Там на протяжении трех дней для королевы и придворных устраивали пышные развлечения. Вечером 5 августа Елизавета побывала в Бери-Сент-Эдмундс, где посвятила в рыцари нескольких молодых представителей местной знати и посетила недавно отстроенное поместье сэра Уильяма Друри в Хостеде. Сэр Уильям был хорошо знаком королеве. Он женился на камер-фрейлине Элизабет Стаффорд. Хотя в начале года Элизабет Стаффорд родила ребенка, в августе она, скорее всего, путешествовала вместе с двором. Покинув Бери после обеда 9 августа, в субботу, Елизавета через несколько часов прибыла в замок Юстон-Холл в окрестностях Ньюмаркета, владельцем которого являлся молодой католик Эдвард Руквуд. Судя по тому, какой публичный позор ждал впоследствии Руквуда, все было подстроено заранее. Визит должен был стать первой демонстрацией власти королевы на востоке Англии.

Живой отчет о событиях, произошедших во время приезда королевы, сохранился благодаря письму, написанному три недели спустя Ричардом Топклиффом, почетным телохранителем и печально известным преследователем католиков. Письмо адресовано графу Шрусбери, на чьем попечении тогда находилась Мария Стюарт.[696]

Визит начался довольно тепло. Когда Руквуда подвели к Елизавете, она протянула ему руку для поцелуя и поблагодарила за то, что он предоставил ей свой дом. Затем Руквуда вызвал к себе лорд-камергер, граф Суссекс, который знал, что Руквуда отлучили от церкви за приверженность католицизму. Камергер выбранил Руквуда за то, что тот посмел приблизиться к королеве. Суссекс приказал ему покинуть двор – то есть уехать из собственного дома. Но вмешался случай, и Руквуда публично обвинили в том, что он исповедует католицизм. В стоге сена нашли спрятанную статую Девы Марии; ее принесли к королеве, когда та смотрела контрданс.[697] По приказу Елизаветы статую сожгли на глазах у большой толпы, «к ее удовлетворенности», как описал Топклифф, и «невыразимой радости всех, кроме одного или двух, тех, кто пил отравленное молоко идола».[698]

Через несколько дней Эдварда Руквуда, а с ним еще семь представителей местной католической знати арестовали за «греховную веру»; их судил совет, заседавший в Норидже.[699] Руквуда и некоего Роберта Даунса из Мелтон-Холла отправили в городскую тюрьму; остальных посадили под домашний арест и потребовали выплатить залог в размере 200 фунтов в знак того, что они будут ежедневно беседовать с епископом или другим священником до тех пор, пока не изъявят желания перейти в лоно англиканской церкви. Возможно, статую подбросили в сено нарочно, чтобы обличить и наказать «папистов». Топклифф намекает на то, что во всей истории принимала участие Елизавета: «Ее величество с большим рвением послужила Богу и стала утешительным примером, ибо по ее совету двух известных папистов, молодого Руквуда… и некоего Даунса, джентльмена, приговорили [к тюрьме]… за упорный папизм».[700]

Произошедшее укрепило желание королевы усилить антикатолические меры, особенно на востоке Англии, где многие еще хранили верность Говардам. Томаса Говарда арестовали и казнили всего шесть лет назад. Хотя сам герцог хранил верность елизаветинской церкви, все знали о том, что у него много друзей и сторонников католиков. Действия Елизаветы по отношению к Руквуду продемонстрировали ее преданность делу реформаторства, а также яркое стремление утвердить свою королевскую власть.

* * *

Из Юстон-Холла королева переехала во дворец Кеннинг-холл, а затем отправилась дальше, в Норидж, второй по величине город

страны. Королева прибыла к городским воротам 16 августа; встречать ее вышла большая толпа сановников, официальных лиц и простолюдинов. В преддверии королевского визита делались большие приготовления. Почистили и расширили дороги; жителям приказали отремонтировать и покрасить дома «со стороны улиц», а также опорожнить туалеты и вычистить трубы. По приказу городского совета в августе в город запретили пригонять крупный рогатый скот, мясники должны были увезти и зарыть отходы. Освежили ярмарочный крест, покрасив его «в цвет дерева» и белый, а позорный столб и клетку, которые держали на перекрестке для злодеев, за несколько дней до приезда королевы убрали. К визиту подготовили также пышные живые картины и развлечения.[701]

Елизавета приехала в Норидж в субботу 16 августа, и ее встречал мэр, чиновники и другие богатые представители местной знати. Затем она поехала к собору. Следующие несколько дней королева наслаждалась приемами и развлечениями, но затем пришло неприятное известие из Лондона. В столице обнаружили доказательства заговора и колдовства. Под навозной кучей в Ислингтоне нашли три восковые фигуры размером около 12 дюймов каждая. На лбу одной из них было нацарапано «Елизавета», а две другие были одеты священниками. Все фигурки были проткнуты свиной щетиной.[702] Фигурки намеренно положили в теплую кучу преющего навоза, чтобы воск таял и «медленно убивал королеву». По приказу Тайного совета олдермены должны были «выведать тайными средствами, где найти людей, склонных к такому колдовству».[703] По словам дона Бернардино де Мендосы, нового испанского посла, «когда весть дошла до ушей королевы, она расстроилась, так как сочла это колдовством». Решено было, что существует католический заговор с целью покушения на ее жизнь.[704]

Тайный совет немедленно призвал Джона Ди, королевского «философа», дабы тот «предотвратил беду», которая, как они подозревали, «угрожает жизни ее величества».[705] Через несколько часов после приезда Елизаветы в Норидж Джон Ди произнес некие «контрзаклятия», призванные свести на нет колдовство с помощью восковых фигур.[706] Остается неясным, что именно сделал Ди, дабы нейтрализовать угрозу. Только секретарю Томасу Уилсону хватило храбрости, чтобы наблюдать его «добрую» магию и сообщить обо всем Елизавете.[707] Затем Ди вернулся в Лондон, чтобы помочь следствию и найти возможных подозреваемых.[708]

* * *

30 августа арестовали молодого католика по имени Генри Блауэр. Его посадили в Пултри-Комптер, маленькую, грязную лондонскую тюрьму в районе Чипсайда. Через десять дней его перевели в Тауэр для пытки. В то же время арестовали его отца, которого также звали Генри Блауэр.[709] На дыбе младший Блауэр обвинил Томаса Хардинга, приходского священника Ислингтона, в том, что восковые фигурки изготовил он.[710] В апреле предыдущего года Хардинга уже обвиняли в колдовстве, но тогда у Тайного совета не набралось достаточно доказательств. Теперь Хардинга арестовали и подвергли жестоким пыткам.[711]

То, что Елизавета в то время страдала от мучительных болей в области лица, бросает на заговор с восковыми фигурками особенно мрачный отблеск. Ее советники-протестанты не сомневались в том, что восковые фигурки изготовили католики. Кроме того, все еще помнили смерть французского короля Карла IX девять лет назад; считалось, что его погубили таким же колдовством. Некоего Космо Руджери, уроженца Флоренции, обвинили в колдовстве, направленном на гибель короля. Утверждалось, что Руджери изготовил восковую фигурку монарха, которую затем проткнул булавками.[712] Его немедленно арестовали и посадили в тюрьму, но смерть Карла от непонятной болезни, которая случилась чуть больше месяца спустя, породила подозрения в том, что король Франции пал жертвой колдунов-протестантов, которые плавили восковые фигурки, изображавшие его.[713]

И все же следствие по делу о восковых фигурах вскоре зашло в тупик, и Тайный совет пытался доказать причастность к делу других католиков, которых раньше обвиняли в измене. В начале октября арестовали Джона Престолла, через четыре года после того, как его освободили условно за примерное поведение. В 1571 г. его судили и приговорили к тюремному заключению за изменнический сговор с целью убить Елизавету с помощью черной магии. В обстановке страха Престоллу припомнили его прошлое «колдовство». Заподозрив в соучастии, его снова арестовали. И Престолла, и Хардинга признали виновными в государственной измене и приговорили к смерти.[714]

* * *

Заговоры мерещились членам Тайного совета повсюду. Дадли заказывал памфлеты и баллады, чтобы вызвать всенародное

осуждение католиков и их «колдовских фигур».[715] В январе 1579 г. внимание Тайного совета привлекли некие виндзорские ведьмы, жившие в опасной близости ко двору; они изготавливали восковые фигурки, очень похожие на те, что применили «против ее величества».[716] 3 февраля совету доложили о неких жителях Лондона, которые «держали у себя некие фигурки, предназначенные для греховного колдовства и идолопоклонничества». В то же время совет направил письмо епископу Нориджа о том, что в Тетфорде и других городах его епархии «недавно видели в домах жителей определенные фигуры» такого же сомнительного свойства.[717]

В то время как правительство стремилось примерно наказать подозреваемых в изготовлении восковых фигур, печально известный «колдун» Томас Элкс признался, что фигурки изготовил он, но «не для того, чтобы погубить королеву». Один богатый молодой клиент просил его помочь добиться любви какой-то женщины.[718] Члены Тайного совета вынуждены были признать, что пытали невинных людей. В апреле младшего Блауэра без шума перевели из Тауэра и вскоре после этого освободили,[719] а смертные приговоры Хардингу и Престоллу были заменены на бессрочное заключение в Тауэре. Как позже с радостью вспоминали католики, дело, «в котором обвинители попали в глупое положение с самого начала, в конце концов окончилось их позором, и его спустили на тормозах». Французский юрист Жан Боден дал делу всеевропейскую огласку в своем сочинении De la Demonomanie des Sorciers («О демономании колдунов»), раскрыв имя настоящего изготовителя восковых фигур.[720]

Тем не менее Дадли не сдавался. Ему хотелось раскрыть заговор и оправдать преследование соперников-католиков при дворе. Кроме того, он горел желанием продемонстрировать личную преданность королеве. Вместе с тем 21 сентября, когда следствие по делу восковых фигур продолжалось, он тайно женился на Леттис Ноллис, графине Эссекской. Ее муж, Уолтер Деверо, умер в Дублине в сентябре 1576 г. при подозрительных обстоятельствах; ходили слухи, что его отравили. Тайную церемонию провел священник Дадли в Уонстед-Хаус в Эссексе. Леттис подвел к алтарю ее отец, сэр Фрэнсис Ноллис.[721]

Всего через два дня, в ознаменование конца летнего сезона переездов, Дадли устроил для королевы роскошный пир в Уонстеде. Красавица Леттис, которая оставалась камер-фрейлиной, несомненно прислуживала королеве. Свадьба оставалась тщательно скрываемой тайной, еще много месяцев о ней вообще не упоминалось.

На Новый год «графиня Эссекс» подарила королеве «большую цепь из янтаря, украшенную золотом и небольшими жемчужинами». Тогда имя Леттис появилось в списках новогодних подарков в последний раз.[722]

Глава 29
Зубная боль

Накануне сорок пятого дня рождения Елизавета все больше страдала во время переездов от разных недомоганий. В середине сентября, когда она прибыла в Ричмонд, она чувствовала себя особенно плохо.[723] К постели Елизаветы призвали Джона Ди; по его словам, недомогание, которое он назвал «припадком», продолжалось с девяти вечера до часу ночи. За несколько дней до того доктор Бейли, ее личный врач, также упоминал о «прискорбных болях и недомоганиях ее величества».[724]

В начале октября королеву постоянно мучили боли в области лица. В послании к Кристоферу Хаттону Уолсингем писал: Елизавета согласилась, чтобы ее личные врачи созвали консилиум с опытными лондонскими специалистами. Впрочем, Уолсингем, ставший Государственным секретарем, отмечал, что врачи так и не пришли к согласию «относительно природы болезни и способов ее лечения».[725] Фрейлины и члены Тайного совета снова вспомнили о восковых фигурках, убивших короля Франции Карла IX.[726] Как всегда бывало во время испытаний, Елизавета послала за Дадли. Он всю ночь просидел у ее постели, утешая ее во время неослабевающих болей. Королева ничего не знала о его предательстве – тайной свадьбе, которая состоялась за несколько месяцев до того.[727]

В начале ноября, после того как ни один диагноз не подтвердился, Дадли и Уолсингем приказали Джону Ди ехать за границу и поискать совета у иностранных специалистов.[728] Ди живо описывал «весьма трудное и опасное» зимнее путешествие длиной 1500 миль, которое он предпринял, «дабы посоветоваться с учеными заграничными врачами и философами касательно выздоровления и сохранения здоровья ее величества».[729] Ему дали с собой флягу с мочой Елизаветы, которую он должен был показать ее врачу и алхимику Леонгарду Турнейссеру во Франкфурте-на-Одере. Тот изобрел знаменитый способ диагностировать болезни при помощи дистилляции мочи. Его устройство состояло из квадратной стеклянной бутыли, разделенной горизонтальными полосами на двадцать четыре части. Каждая соответствовала определенной части тела. Бутыль наполняли мочой и помещали в теплую ванну; пар оседал на полосе, соответствующей пораженной части тела.[730] Боли мучили Елизавету весь ноябрь. В то же время серьезно заболела семидесятиоднолетняя Бланш Парри, одна из самых старых и

преданных спутниц Елизаветы. Никто не ожидал, что она выживет; Сесил пришел к Бланш, чтобы помочь ей составить завещание.[731] Судя по всему, Бланш, несмотря на болезнь, сохранила рассудок и скрупулезное внимание к мелочам; так, она просила, чтобы выплатили лишь доказанные ее долги и чтобы ее наследникам выдали грамоту, освобождающую их от уплаты долгов. Она распорядилась, чтобы ее похоронили в фамильном склепе в Бактон-Черч в графстве Хартфордшир. И все же упрямая Бланш сделала над собой усилие и выздоровела. Вскоре она возобновила службу во внутренних покоях королевы.

Перед Рождеством Елизавета оставалась в своей опочивальне в Гринвиче, ей не давала покоя мучительная боль в области лица. Послали за Джоном Энтони Фенотусом, «иноземным врачевателем, известности не лишенным». Приближенные опасались доверять священную персону монарха иностранному врачу, который вполне мог оказаться папистом. Поэтому Фенотусу не позволили осмотреть Елизавету лично. Зато он выписал рецепт.[732] Только тогда врачам Елизаветы пришло в голову, что боль, возможно, вызвана ее гнилыми зубами и пораженными деснами. В длинном и скрупулезном письме Фенотус предписывал разные средства: «Если в зубах дупла, несмотря на все средства, лучше всего их удалить, хотя бы и ценой кратковременной боли». Впрочем, иностранный врач был наслышан о характере Елизаветы и потому добавил: если ее величество «не может заставить себя подчиниться действию хирургических инструментов», можно прикладывать к больному зубу сок chelidonius major (пажитника) и закреплять его воском. Лекарство, объяснял Фенотус, так ослабит зуб, что спустя короткое время его можно будет вытащить пальцами.[733]

Так как Елизавета не могла спать и страшно мучилась от боли, ее врач решил, что необходимо удаление, хотя и понимал, что она боится боли и, кроме того, из тщеславия не хочет остаться беззубой. Елизавета сопротивлялась; Кристофер Хаттон и члены Тайного совета убеждали королеву, что больной зуб необходимо удалить. Наконец пожилой Джон Эйлмер, епископ Лондонский, предложил удалить себе один из оставшихся зубов, дабы убедить королеву и поощрить ее подвергнуться такой же процедуре.[734] Посмотрев, как удаляют зуб Эйлмеру, Елизавета наконец согласилась и через девять месяцев мучений позволила врачам удалить ей зуб. То был первый и единственный раз, когда она согласилась на операцию. Позже, хотя зубы и десны продолжали доставлять ей немало неприятных ощущений, Елизавета стойко терпела боль.

На празднование Нового, 1579 года, всего через несколько

недель после удаления зуба, Елизавета получила ее любимые сладости. Джон Смитсон, он же Тейлор, главный повар, изготовил разноцветный марципан, а Джон Дадли, повар-кондитер, испек пирог с айвой. Среди других обычных приношений королеве значатся засахаренные фрукты (лимоны, апельсины и другие) и коробки с имбирем и мускатным орехом.[735] Став старше, Елизавета почти ничего не ела, кроме кексов, сладостей, заварного крема, пудингов, засахаренных фруктов, имбирных пряников и открытых пирогов с кремом.

В списках подарков за 1579 г. отмечено также приношение леди Мэри Сидни. Она подарила Елизавете «сорочку и две наволочки из батиста, с черной вышивкой и украшенные широкой черной шелковой лентой», несомненно изготовленные ею собственноручно.[736] В том году леди Мэри присутствовала при дворе в последний раз. На следующее лето она удалилась в свои валлийские поместья.[737] Необходимость вести хозяйство и содержать замок в Пенсхерсте во время долгих отлучек мужа в Уэльс или Ирландию, а также служба при дворе усугубили ее и без того подорванное здоровье. На ней сказались оспа, которой она переболела пятнадцать лет назад, а также преждевременная смерть трех дочерей и непрерывные финансовые трудности. Мэри приходилось вести постоянную борьбу, чтобы сохранить свое положение при дворе и дом, подходящий по положению ей и ее мужу. Она покинула двор обиженная, считая, что, несмотря на многолетнюю верную службу, о ней «дурно думали». Сэр Генри пытался ее утешить. «Когда известно худшее, – писал он, – старый лорд Гарри и его старушка Молл постараются прожить вдали, помня о горстке верных друзей, которые остались у нас за годы верной службы при дворе; как бы мало нам ни досталось, иногда кажется, что и этого слишком много».[738] Королеве не сообщили об отъезде Мэри Сидни, и только Мендоса, испанский посол, который явно не знал об ухудшении отношений Мэри и ее величества, писал, что «сестра графа Лестера, к которой королева очень привязана и которой она выделила комнаты при дворе, уехала к себе».[739]

За несколько недель до того королева и ее фрейлины оплакивали смерть Изабеллы Харингтон. Изабелла была одной из самых любимых и старых наперсниц Елизаветы. Она находилась с принцессой в Тауэре до того, как Елизавета взошла на престол. Изабелла Харингтон стала одной из ближайших подруг королевы; она часто несла службу в опочивальне и спала с королевой в одной постели. Она скончалась в своем лондонском доме 20 мая 1579 г. Через пять дней ее похоронили в приделе Святого Григория собора Святого Павла.[740]

А Бланш Парри, несмотря на тяжелую болезнь, не покидала королевской службы и оставалась в центре двора. Возможно, в ознаменование выздоровления королева 9 апреля 1579 г. подарила Бланш «двух старых соболей, взятых из мантии, и двух таких же соболей, взятых из ночного платья из клетчатого бархата».[741] Драгоценные шкурки привезли в Англию из России представители Московской компании. Подарок был довольно необычным; в законе о предметах роскоши особо оговаривалось, что соболя предназначаются только для высшей знати. Таким образом, Елизавета сделала Бланш поистине королевский подарок.

Примерно в то же время Джон Ди, вернувшийся из своей поездки в Европу, попросил Бланш стать крестной матерью его сына Артура, а когда у него родилась дочь, он попросил о том же Мэри Скадамор. Ди явно понимал всю выгоду дружбы с самыми доверенными приближенными Елизаветы и надеялся с их помощью построить карьеру.[742]

Глава 30
Приворотные зелья

1578 г., особенно переезды двора по востоку Англии и пребывание в Норидже, знаменуется возобновлением брачных переговоров. Снова забрезжила надежда, что Елизавета выйдет за Франсуа, бывшего герцога Алансонского. После того как на трон взошел его брат, он стал герцогом Анжуйским. С помощью брака хотели отвратить его от захвата власти в Нидерландах, так как герцог собирался начать переговоры с Генеральными штатами.[743] Двор перемещался из Норфолка в Суффолк, а советники Елизаветы обсуждали достоинства и недостатки партии. Удастся ли уговорить Анжу не вводить войска в Нидерланды? Искренен ли он в своем намерении возобновить сватовство или просто ищет помощи Англии, чтобы собрать новую армию и закрепиться в Нидерландах для продолжения борьбы с Испанией? Нужно ли королеве выходить за него? Сэр Фрэнсис Уолсингем оставался ярым противником этого брака, он считал, что Анжу обманывает королеву.[744]

Граф Суссекс писал о выгодах, которые могут «умножиться благодаря этому браку», и о бедах, которые воспоследуют, «если она вовсе не выйдет замуж».[745] Хотя Анжу уже исполнилось двадцать три года, а Елизавете – сорок пять, они по-прежнему считались странной парой. Елизавета всегда испытывала неловкость из-за разницы в возрасте, она считала себя старухой по сравнению с «безбородым юнцом». Ее сдержанность передалась матери и брату Анжу, Екатерине Медичи и Генриху III. После того как Анжу стал наследником престола, они считали, что герцогу не следует думать о браке с женщиной за сорок, которая вряд ли родит ему сына. Вопросы возраста и плодовитости Елизаветы занимали центральное место на переговорах: французам требовалось продолжение рода. Елизавета пыталась умерить их страхи, пообещав аннулировать брак в том случае, если она окажется бесплодной.

Хотя советники много лет упрашивали Елизавету выйти замуж, многие из них начали сомневаться, не слишком ли она стара, чтобы думать о семье и детях. Уолсингем считал «слишком большой опасность, которой подвергаются женщины в возрасте ее величества при вынашивании детей». Если Елизавета забеременеет, она рискует умереть при родах, а если ей не удастся зачать ребенка, муж, возможно, «попробует избавиться от нее, изменив ей» в надежде родить детей от другой жены.[746]

Стремление произвести на свет наследника теперь следовало соизмерять с риском того, что Елизавета может умереть в процессе.[747]

Сесил, как всегда методичный и рассудительный, взвешивал за и против брака. В попытке узнать правду о здоровье и плодовитости Елизаветы он допрашивал ее врачей, ее прачку, а также камер-фрейлин о состоянии здоровья королевы, ее менструальном цикле и возможности зачатия. Результаты опросов он занес в памятную записку, в заключительной части которой писал: «Учитывая ее телосложение и стать, нормальной ширины таз, отсутствие болезней и природную расположенность к зачатию, более того, согласно мнению врачей, наблюдающих ее, а также женщин, близких к ее величеству, можно прийти к выводу, что она способна иметь детей даже в таком возрасте. Так что, если принять во внимание все стороны, за исключением возраста, мы заключаем, что ее величество весьма способна к деторождению… по дальнейшем размышлении следует подчеркнуть, что, воздерживаясь от брака, организм ее величества будет все более подвержен таким недомоганиям и болезням, которые все врачи обычно связывают с женским безбрачием, что особенно выражено у женщин, которые естественно расположены к зачатию и рождению детей».[748]

Хотя Сесил признавал, что было бы лучше, если бы сорокачетырехлетняя королева вышла замуж в более молодом возрасте, он считал, что у нее осталось в запасе еще пять или шесть лет, в течение которых она вполне способна произвести на свет наследника. Он приводил в пример герцогиню Савойскую, «женщину болезненного и меланхоличного склада, во всех отношениях далеко уступающую ее величеству», которая родила сына, будучи старше Елизаветы. Согласно медицинским воззрениям тех лет, Сесил считал, что все недомогания Елизаветы вызваны «безбрачием», иными словами, отсутствием половой жизни. Тем же Сесил объяснял даже ее боли в области лица. Брак, считал он, улучшит общее состояние здоровья королевы. Однако Сесил считал, что более серьезная проблема заключается в «несклонности народа к тому, чтобы им управлял иноземный принц, и особенно французской крови».[749]

Роберт Дадли настойчиво выступал против брака, он тоже полагал, что попытки произвести на свет наследника слишком рискованны для здоровья Елизаветы. В красноречивом послании к Уолсингему он признавался: «…чем больше я люблю ее, тем больше боюсь грозящих ей опасностей. Всемилостивый Боже, помоги всем».[750] В то же время он скрывал от королевы, что женился на Леттис Ноллис, и боялся, что его обман раскроется

после приезда иностранного жениха.

В августе Анжу прислал в Англию двух посланников, «м[сье] де Баквиля и м[сье] де Кисси», чтобы возобновить переговоры о браке. Посланники должны были убедить Елизавету в том, что герцог «всей душой предан ее величеству» и в Нидерландах будет следовать ее указаниям. Анжу уверял, что не собирается захватывать Фландрию, он лишь хочет помочь народу Нидерландов обрести «свободу от испанской тирании силой оружия».[751] Кроме того, герцог пылко сообщал Елизавете, что его чувства к ней «не имеют ничего общего с жадностью или тщеславием», но порождены ее красотой и добродетелью. Впрочем, в одном более позднем письме Екатерина Медичи утверждала, что ее сын «был несколько смущен, когда, будучи молодым человеком, преданным удовольствиям, он вспоминал преклонный возраст и вызывающую отвращение внешность королевы, ведь она, вдобавок к другим недугам, чахоточного склада [намек на резкую потерю веса]… но желание править придет в согласие с желанием плоти, и мы посмотрим, которая из этих двух страстей возымеет большую силу».[752]

Принимая французских посланников, Елизавета выказывала им большую милость, говорила о своем желании выйти замуж и сама заговаривала о разнице в возрасте; Анжу, по ее словам, годился ей скорее в сыновья, чем в мужья.[753] Она считала, что религиозные противоречия можно преодолеть, однако сомневалась в искренности намерений герцога. В прошлом герцог и его брат уже разочаровывали ее, и теперь Елизавета настаивала, чтобы герцог доказал свою любовь, прибыв к ней лично.[754] Казалось, Елизавета наконец позволила себе задуматься о том, что выйдет замуж; возможно, она поняла, что другого случая у нее уже не будет.

Многие выступали резко против такого брака. Когда летом двор находился в Норидже, лорд-мэр Лондона, стойкий протестант, поручил драматургу Томасу Черчъярду поставить пьесы, в которых критиковалось возобновление брачных переговоров с Анжу, Елизавету призывали остаться незамужней. Именно тогда ее впервые публично назвали Королевой-девственницей.[755] В живой картине «Падение Купидона с небес» Венера и ее сын Купидон, «изгнанные с небес», падают на землю, где встречают философа и Непорочную деву, которая говорит об их греховности. Затем Непорочность передает лук и стрелы Купидона королеве со словами, что она может делать с ними «что хочет» и «учится стрелять, в кого ей пожелается», так как «никто не может ранить сердца ее величества», и она избрала «лучшую жизнь» в безбрачии.

В связи с переговорами о браке с Анжу смысл был предельно ясен.

* * *

Намерения герцога Анжуйского проявились во всей серьезности на следующий год. Он написал Елизавете несколько страстных писем, обещая бессмертную любовь. В январе 1579 г. его лучший друг и доверенный слуга, Жан де Симье, барон де Сен-Марк, прибыл в Англию, чтобы задобрить королеву подарками и драгоценностями и обсудить брачный договор.[756] Елизавета быстро увлеклась Симье, и следующие два месяца они часто проводили время с глазу на глаз – иногда по три раза на дню. На публике она откровенно флиртовала с французом, называя его своей «обезьяной» – латинский каламбур, основанный на его фамилии, – и развлекала гостя бесчисленными пирами, рыцарскими турнирами, представлениями и танцами. Она подарила ему перчатки, платки и свой миниатюрный портрет, чтобы Симье передал его герцогу.[757] Когда советники Елизаветы узнали, что Симье, с разрешения королевы, входил к ней в опочивальню, чтобы похитить носовой платок и ночной чепец как «сувениры» для своего хозяина, они пришли в ужас и назвали поведение Симье «недостойным мужчины, принца, французским сватовством». Судя по всему, однажды утром Елизавета также вошла в спальню Симье, когда он одевался, и настаивала, чтобы он беседовал с ней «в одном камзоле».[758] Позже Мария Стюарт будет повторять сплетню о том, что Елизавета вступала с Симье в половые отношения.

Французский посол Мишель де Кастельно, сеньор де Мовиссьер, писал, что от ухаживаний Елизавета помолодела. «Такие речи омолаживают королеву, она расцвела и стала более хорошенькой, чем была пятнадцать лет назад. Ни одна женщина и ни один врач, знающий ее, не сомневаются в том, что во всей стране есть женщина, более подходящая для деторождения, чем она».[759] Симье придерживался осторожного оптимизма относительно брака с Анжу. Он писал: «Надо подождать, пока не опустится занавес, не задуют свечу и муж не окажется в постели».[760] Екатерина Медичи в переписке с королевой Англии выражала те же чувства: она не будет довольна, пока не увидит своего сына и Елизавету вместе в постели.[761]

В первое воскресенье поста Елизавета прослушала проповедь, в которой пророчествовалось, что брак приведет к уничтожению королевства. Проповедник утверждал, «что браки с иностранцами

могут закончиться только одним – гибелью страны», а затем напомнил о том, как королева Мария «вышла за иностранца и многих… мучеников сжигали по всей стране». Не дослушав проповедь до конца, Елизавета выбежала вон.[762] Столько проповедников «пылко предостерегали против брака», что, по словам Джорджа Талбота, сына графа Шрусбери, Елизавета запретила священникам хоть как-то упоминать в проповедях о браке.[763]

Весной 1579 г. в Тайном совете разгорелся спор. Там все больше росли подозрения, что Филипп Испанский намерен притязать на португальский престол. Недавно коронованный король Португалии, пожилой кардинал-католик, мог скоро умереть, не оставив потомства. Возникала угроза того, что Филипп унаследует государство на берегах Атлантики и заморские владения Португалии, что даст ему необходимые средства для захвата Нидерландов и вторжения в Англию.[764] Сесил считал, что брак с Анжу – единственный надежный способ противостоять новой угрозе. В противном случае, заявил он, «ее величество останется одна, без помощи кого-либо из могущественных правителей… и ослабленная дома». По его мнению, более всего следовало опасаться «объединения королей Испании и Франции вместе с папой римским, императором Священной Римской империи и другими». Вместе они являли собой мощную католическую угрозу; он считал, что они способны развязать восстание в Англии и Ирландии, помочь католикам в Шотландии и начать «общую войну их объединенными силами» против Англии. Выйдя за Анжу, Елизавета заключит союз с Францией, который расколет католическую коалицию, укрепит гугенотов и «вынудит короля Испании пойти на разумное перемирие со своими подданными [в Нидерландах]».[765]

Однако Уолсингем считал, что опасность со стороны Франции сильно преувеличена, что Анжу терпит в Нидерландах поражение за поражением, так что его едва ли можно считать опасным врагом, а власть короля и Гизов во Франции сдерживается гугенотами, которые набирают силу под руководством Генриха Наваррского. Также и угрозу, исходящую от Филиппа II, можно сдерживать, пока войска Генеральных штатов в Нидерландах продолжают сражаться с испанскими войсками. Более того, заявил Уолсингем, объединенные силы католиков уже не так страшны, как раньше. Он считал, что Елизавете следует дать гугенотам денег и оказать военную помощь восставшей Фландрии. По его мнению, брак с Анжу лишь ухудшит положение Англии и отдалит от Елизаветы Якова VI, короля Шотландии, так как положит конец его надеждам

унаследовать английскую корону.[766]

* * *

17 июля, когда королева в сопровождении Симье плыла на барке по Темзе из Гринвича в Дептфорд, проплывавший мимо лодочник по имени Томас Эпплтри выстрелил в них. Один выстрел пришелся в 6 футах от королевы; он задел ее рулевого, отчего тот «закричал и жалобно застонал, думая, что умирает». После заговора Ридольфи многие боялись новых покушений. Эпплтри схватили, приговорили к смерти и через четыре дня повели на виселицу; но поскольку королева считала, что это был несчастный случай, а не неудачное покушение, «когда палач надел веревку ему на шею, он, по всемилостивейшему прощению королевы, был избавлен от казни».[767] Несмотря на это, Елизавета в виде предосторожности публично объявила, что французские посланники и их слуги находятся отныне под королевской защитой, и запрещала кому-либо досаждать им под страхом сурового наказания.

Дадли пытался подорвать попытки Жана де Симье умаслить королеву, он распространял при дворе слухи о том, что француз применял «приворотные зелья и противозаконные методы», что он «втерся в доверие королевы и убедил ее в любви [своего господина]».[768] Кроме того, ходили слухи, что за покушением на посланника стоит Дадли, что он пытался отравить Симье, а когда это не удалось, нанял человека по имени Робин Тайдер, чтобы тот спрятался в засаде и застрелил Симье, когда тот будет выходить из парка в Гринвиче. Однако, увидев, как хорошо охраняют Симье, Тайдер испугался.[769]

Позже Симье начал в виде предосторожности носить под рубашкой подбитый дублет.[770]

Симье понимал, что Дадли служит главным препятствием к браку; как только французский посланник узнал о тайном венчании Дадли и Леттис Ноллис, он рассказал об этом королеве. Елизавета пришла в ярость; она была потрясена до глубины души. Дадли находился рядом с ней с самого начала ее правления. Она полностью доверяла ему… Однако после двадцати лет близости их дружба дала трещину. Почти год, с осени 1578 г., Дадли обманывал ее и, скрывая, что женился сам, всеми силами старался помешать Елизавете выйти замуж. Сначала она угрожала посадить его в Тауэр, но ее убедили изменить меру пресечения. Дадли посадили в тюрьму в Гринвиче, а затем отправили под домашний арест в Уонстед. Леттис изгнали с королевской

службы. Враждебность по отношению к ней королева сохранит до самой смерти.[771]

Елизавета согласилась предоставить герцогу Анжуйскому охранную грамоту для приезда в Англию.[772] Правда, она оговорила важное условие: визит герцога должен оставаться в тайне, он должен приехать в Англию инкогнито и с совсем небольшой свитой.

Глава 31
Лягушонок поехал свататься

Франсуа, герцог Анжуйский, прибыл в Гринвич рано утром 17 августа 1579 г. Его провели в парковый домик при дворце, в котором остановился Симье. Герцог разбудил своего посланника и потребовал, чтобы его немедленно отвели к Елизавете. Симье предупредил своего господина, что лучше подождать: королева не любит рано вставать и лучше не заставать ее врасплох.

Хотя Елизавета хотела сохранить приезд герцога в тайне, еще до его прибытия весть о нем просочилась наружу, отчего она запретила придворным любые разговоры о нем и велела принять решительные меры для обеспечения безопасности Анжу. 26 июля выпустили прокламацию о запрете «ношения кинжалов, огнестрельного оружия, аркебуз, мушкетов и доспехов»: вблизи двора никому не дозволялось появляться с оружием.[773] До того на жизнь Симье покушались дважды; по крайней мере за одним покушением стоял Роберт Дадли, который не собирался останавливаться ни перед чем.[774]

Следующие десять дней Анжу непрерывно развлекали балами, приемами, банкетами и аудиенциями, во время которых он вел куртуазные беседы с королевой. Ей всегда хотелось, чтобы за ней лично поухаживал один из ее знаменитых поклонников; в виде исключения казалось, что она искренна в своей привязанности и интересе к браку. Королева как будто поддалась обаянию Анжу и отбросила страхи о его уродстве и рябом после оспы лице. В сумерках Елизавета почти каждый день незаметно выходила из дворца с одной из своих фрейлин, чаще всего с мудрой и тактичной Дороти Стаффорд, и обедала в домике, где остановились герцог и Симье. Елизавета прозвала герцога Лягушонком – возможно, из-за цвета его лица, низкого, скрипучего голоса или кривых ног.[775] Среди придворных вошло в моду дарить королеве украшения с изображением или в виде лягушки.[776] Народная песенка «Лягушонок поехал свататься», которая дожила до наших дней, впервые появилась в 1580 г. как насмешка над сватовством Франсуа Анжуйского к Елизавете.

По всей Англии в типографиях печатались листовки и песенки, в которых выражался решительный протест против их брака. В августе в Лондоне тайно напечатали длинный подрывной трактат, написанный Джоном Стаббсом, адвокатом из Линкольнс-Инн. Трактат под названием «Открытие зияющей пропасти, которая поглотит Англию через еще один французский брак, если

Господь не воспрепятствует ему, позволив ее величеству узреть его греховность и наказание» передавали из рук в руки. Для текста характерно сочетание религиозного пыла и патриотизма.[777] Стаббс называл себя «любящим истинным слугой ее величества», которого страшила мысль о том, что Елизавету «поведут с повязкой на глазах, как бедную овечку, на заклание» позорного брака с французским принцем-католиком. Используя яркие сравнения и часто упоминая «проникновение» и «вторжение», Стаббс описывал, как «старый змей в человеческом облике» соблазнит «нашу Еву» и она, возможно, «лишится нашего английского рая».[778] Тело королевы поразит сифилис («французская болезнь»), а деторождение ее погубит. Стаббс утверждал, что Елизавета ставит удовлетворение своих личных желаний выше долга защищать «благополучие своей страны и общества, которые составляют ее величие».[779] Кроме того, он считал, что Анжу ни за что не сможет полюбить женщину на двадцать лет старше себя. «Ни один из тысячи молодых людей, которые ищут брака с супругой старше себя… не пойдет вопреки своим молодым аппетитам, которые и составляют предмет их желания».[780]

Сочинение Стаббса привело Елизавету в ужас, 27 сентября она выпустила воззвание, в котором запрещала «непристойную, нечестивую книгу» и приказывала лорд-мэру Лондона собрать все экземпляры книги и сжечь. Священникам велели осуждать «распутного клеветника».[781] Стаббса быстро арестовали и приговорили к варварскому наказанию: отсечению правой руки.[782] Однако протесты против брака с французом не умолкали; по словам испанского посла, воззвание, которое выпустила Елизавета, «вместо того чтобы смягчить возмущение в обществе против француза, лишь вызвало раздражение и раздуло пламя». В письме из Англии венецианскому послу во Франции, отправленном 29 ноября, утверждалось, что каждый день по-прежнему появляется злонамеренная клевета против Анжу, а священник Дадли представил королеве петицию против брака с ним.[783] Филип Сидни, сын недавно вышедшей в отставку Мэри Сидни, также выступал против брака. При дворе передавали из рук в руки «Письмо к королеве Елизавете», автор которого, мешая лесть с наставительным тоном, описывал все опасности, какими грозит такой брак стране, и умолял Елизавету отказаться от свадьбы, уверяя, будто «нет большей опасности для вашего королевского положения».[784]

28 августа герцог Анжуйский уехал во Францию. Впоследствии Симье предоставил королеве отчет о последнем вечере, проведенном герцогом в Англии. Не в силах спать, Анжу

провел ночь вздыхая, сетуя, снова и снова будя Симье. Он говорил о «божественной красоте королевы и его крайнем сожалении оттого, что приходится уезжать от вашего величества, [Елизаветы], которая пленила его сердце и поработила его свободу».[785]

Елизавета не знала, на что решиться. В начале октября она приказала Тайному совету обсудить вопрос о браке с Анжу и представить ей свои соображения. Советники собирались на одно заседание за другим, но «так и не пришли ни к какому определенному мнению». Наконец решили, что королеве следует «поступать так, как она считает нужным». Елизавета не хотела, чтобы Тайный совет предоставил решение ей; она надеялась, что приближенные преодолеют ее сомнения и убедят в необходимости выйти за Анжу. Теперь же она «произнесла много речей, пролив при этом немало слез», как записал Сесил, о своем разочаровании: советникам следовало «высказаться яснее, лучше ли будет для страны и для нее самой, если она выйдет замуж и произведет на свет ребенка, который унаследует престол и продолжит линию Генриха VIII». По сообщению испанского посла, Елизавета «оставалась крайне грустной» и «была так раздосадована и мрачна, что это замечали все, кто подходил к ней». Она велела Уолсингему, главному противнику брака, убираться с глаз долой, заявив, «что он годится лишь для одного – для защиты еретиков».[786]

Наконец, несмотря на хор возражений, 20 ноября Елизавета велела небольшой группе членов Тайного совета составить черновик брачного договора. Через несколько недель Симье покинул Англию, чтобы отвезти черновик во Францию.[787] Однако существовало еще одно серьезное препятствие. Елизавета обещала подписать брачный контракт при том условии, что она добьется согласия подданных за следующие два месяца.[788] Если согласия не будет, Симье пришлось согласиться, что брачный договор утратит законную силу.

После отъезда посланника головокружительный роман с Анжу начал забываться. Чувствуя растущую неуверенность королевы, Симье в январе написал: он чувствует перемену в ее настроении, которую вызвали те, кто желает помешать браку. Нарочито ссылаясь на Дадли, на чьем гербе был изображен медведь с зазубренным посохом, Симье умолял Елизавету «оградить свою обезьяну [то есть его самого] от медвежьих лап». Взывая к ее гордости, он рассуждал: «…кто бы мог подумать, что королева неба и земли, самая добродетельная правительница на свете, может ошибаться в своих суждениях о некоторых людях, которые не испытывают ни любви, ни влечения, а только

тщеславное стремление к власти». Однако в отсутствие Симье и Анжу королева снова обратила свои взоры и свою привязанность к Дадли.[789]

В конце января Елизавета с прискорбием сообщила Анжу, что, хотя из всех принцев она согласилась бы выйти только за него, она не в силах противиться возражениям подданных против их брака; англичане не потерпят короля-консорта, который открыто исповедует католичество. Хотя Анжу и не согласился сменить веру, он все же не отказался от мыслей о женитьбе и просил Елизавету подумать еще.[790] До конца года позиция Елизаветы по отношению к браку с герцогом оставалась в намеренно неопределенном состоянии, поскольку ей хотелось сохранить союз с Францией.

* * *

С каждым месяцем казалось, что католики во всей Европе представляют все более серьезную угрозу. В январе 1580 г. новый папа Григорий XIII переиздал буллу своего предшественника об отлучении Елизаветы от церкви; стало известно, что он намерен поднять восстание в Ирландии. Испанцы также сплачивали ряды. Испания не собиралась отказываться от нидерландских владений; после смерти короля Португалии Филипп II начал готовиться к военной операции, призванной утвердить его притязания на португальский престол. В августе испанские войска перешли границу с Португалией и захватили Лиссабон, а в сентябре испанские войска высадились на западе Ирландии и оккупировали Смервик. Несмотря на то что Мария Стюарт находилась в заточении, она, при посредничестве испанского посла Мендосы, затевала все новые заговоры против Елизаветы. В то же время юный король Яков VI Шотландский подпал под влияние «ярого католика» Эсме Стюарта д'Обиньи, которому Яков присвоил титул графа Леннокса, а также общался с Гизами, своими родственниками по материнской линии. В Англии возникли опасения, что его могут «настроить на Францию и потому руководить и управлять им будут сторонники Гизов».[791]

В апреле 1580 г. Кристофер Хаттон писал Уолсингему, что Англия совершенно изолирована и живет в страхе католического вторжения, «осажденная со всех сторон огромными и очевидными опасностями».[792] Чтобы ослабить угрозу, Елизавета заключила союз с французами, но Франция в то время была сильно ослаблена. После очередной вспышки Религиозных войн страну раздирали внутренние противоречия, у нее не было сильных

союзников, с которыми она могла бы противостоять мощи Испании. Дадли и Уолсингем призывали Елизавету начать прямое военное вторжение в Нидерланды, но королеве не хотелось посылать войска. Зато она поддерживала в Анжу надежду на будущий союз и сохраняла хорошие отношения с королем Франции Генрихом III. Когда в конце июня Генеральные штаты собрались предложить Анжу стать правителем Нидерландов, Елизавета поспешно послала во Францию сэра Эдварда Стаффорда, чтобы вновь выразить согласие на брак с Анжу. Герцог тут же согласился послать французских эмиссаров в Англию для подписания брачного договора.[793]

В апреле 1581 г. в Англию прибыло огромное французское посольство, чтобы обговорить условия. Королева так боялась беспорядков в Лондоне, что перед приездом французов опубликовала воззвание, в котором под страхом смерти требовала оказывать должное почтение французским послам.[794] Посольство пробыло в Англии шесть недель; гостей все время развлекали пышными пирами и турнирами. В юго-западном крыле дворца Уайтхолл к их приезду специально пристроили огромный банкетный зал, украшенный зеленью, с потолком расписанным звездами и солнечными лучами. То была живописная сцена, на которой можно было принимать большое число французских дворян, которые прибыли к английскому двору на свадьбу, хотя вскоре стало ясно, что свадьбы не будет.

15 мая для гостей на примыкающей к дворцу арене для турниров дали спектакль под названием «Четверо приемных детей Желания». «Желание» и четверо «приемных детей» решали захватить «Крепость идеальной Красоты», воспользовавшись «красивыми стремянками», «цветами и прочими изобретениями». Они взывали к королеве, умоляя ее передать свою красоту силам Желания, но их отбрасывала Добродетель, оставляя девичью крепость неприступной. Нападавших бранил ангел, который объявлял: «Если, осаждая Солнце, вы понимаете, что делаете, вы уничтожите общее благословение ради личной выгоды».[795] Анжу напрасно надеялся на брак с королевой Англии. Елизавета пришла к выводу, что ей нужен не муж, но стратегический союз с Францией. Учитывая «растущую мощь Испании», решено было «заключить более прямой союз между двумя странами, независимо от исхода брака». 28 апреля на аудиенции с французскими послан никами Елизавета предупредила: возможно, она не будет в состоянии выйти за Анжу, потому что некоторые важные препятствия для их брака сохраняются, а прочие лишь усиливаются со временем: так, деторождение, несомненно, стало опаснее для Елизаветы, которой исполнилось

сорок восемь лет. В Англию прибывает все больше католических священников-миссионеров, что подчеркивает разногласия в вере, а действия герцога в Нидерландах угрожали войной против Испании.[796]

Французский посол в ответ сказал Елизавете: самой важной причиной выйти за Анжу является спасение ее чести, причина «большей важности, чем все прочие, так как ходят слухи, что он [Анжу] спал с ней». Елизавета ответила, что способна развеять подобные слухи. Едва ли, возразил посол; она еще может развеять слухи в своей стране, но не в других странах, где это утверждалось во всеуслышание. Елизавета сердито возразила, что чистая и невинная совесть ничего не боится.[797] Тем не менее она подтвердила свое нежелание вступать в брак в связи с разницей в возрасте и в мае 1581 г. написала французскому посланнику: «… боюсь, что мой преклонный возраст не позволит мне доставить радость герцогу, по каковой причине я написала ему длинное письмо».[798]

Однако Анжу не терпелось жениться – ему нужны были деньги для военной кампании в Нидерландах. Он продолжал писать Елизавете любовные письма, которые становились все более недвусмысленными; в них он выражал свое желание «целовать снова и снова все, о чем ваше величество только может подумать», а также находиться «в постели, в ваших прелестных объятиях».[799] Он не сомневался, что их страсть вскоре породит на свет сына, «зачатого и закаленного маленьким французом, который есть и будет вечно вашим скромным и очень любящим рабом». В октябре 1581 г. Анжу вернулся в Англию, где собирался прогостить три месяца. «Главная цель его приезда – просить денег», – откровенно предупредил королеву испанский посол Мендоса. Однако Елизавета снова как будто поддалась обаянию Анжу.

На сей раз визит проходил официально; когда 1 ноября Анжу прибыл в Лондон, его поместили в доме рядом с дворцом Ричмонд, где тогда находился двор. Мендоса отметил, что «королева не уделяет внимания ничему, так ей хочется находиться вместе с герцогом в покоях с утра до полудня и после, два или три часа после заката. Не могу сказать, чем они там занимаются».[800] Говорили, что каждое утро, когда Анжу еще лежал в постели, Елизавета приходила к нему с чашкой бульона и что, «когда королева и Анжу оставались одни, она дарит ему себя до полного его удовольствия и дает столько, сколько любая женщина способна дать мужчине, однако не хочет, чтобы их близость предавали огласке».[801] Тем не менее французская делегация испытывала все меньше надежд на скорую свадьбу; их

недовольство угрожало любому союзу между двумя странами. Елизавета немедленно приняла меры, дабы доказать своему жениху, что настроена серьезно.

В одиннадцать часов 22 ноября Елизавета гуляла с Анжу в своей галерее в Уайтхолле, где собрался двор, чтобы посмотреть турнир по случаю очередной годовщины ее вступления на престол. Когда к королеве подошел французский посол и сказал, что Генрих III велел ему «узнать лично от королевы ее намерения относительно замужества с его братом», Елизавета решительно ответила: «Можете написать королю, что герцог Анжуйский будет моим мужем». Она повернулась к ошеломленному герцогу, поцеловала его в губы и, сняв с пальца кольцо, отдала ему «в залог».[802] Настал великий миг. Когда королева призвала своих придворных и повторила то, что она только что сказала, многие дамы разразились слезами. Посол немедленно удалился, чтобы передать новость во Францию. Король Генрих III объявил, что его брат будет королем Англии и вскоре станет «неприятным шипом» в ноге испанского короля.[803]

И все же, хотя Мендоса утверждал, что «жители Лондона считали, будто брак уже совершен, а французы придерживались того же мнения», Елизавета, по мнению испанского посла, «притворялась и тянула время». Притворство заключалось в ее способности убедить Анжу, что она настроена серьезно; при этом она ставила условием, чтобы подданные одобрили ее выбор. Елизавета не теряла хладнокровия и уверенности, она знала, что парламент и Тайный совет настроены непримиримо против ее брака. Как выразился Мендоса, «с помощью личной связи она привязывает его к себе», и добавил: «Она предпочитает, чтобы казалось, будто свадьба сорвалась из-за ее подданных, а не из-за нее самой, так как ей важно и дальше сохранять его привязанность, чтобы сдерживать его брата [Генриха III] и не допустить с их стороны никаких враждебных действий».[804]

Тайный совет, как и следовало ожидать, отнесся к решению королевы враждебно. Сэр Кристофер Хаттон сетовал: если она выйдет замуж против воли народа, ее могут свергнуть. Дадли, раздосадованный изъявлениями чувств Ели заветы к Анжу, дошел до того, что напрямую спросил ее, «девица она или женщина».[805] То был невероятно дерзкий вопрос. Однако Елизавета спокойно отвечала, что она еще девица; может быть, ей польстило, что ей в ее возрасте задают подобный вопрос, а может быть, она радовалась возможности продемонстрировать, что она по-прежнему королева-девственница.

Вечером того дня, когда Елизавета заявила, что выйдет за Анжу, ее опочивальня бурлила. Елизавета лежала с Дороти

Стаффорд, Мэри Скадамор и Бланш Парри, которые «рыдали и говорили о ждущих ее ужасах, и так ослабили ее разум своими доводами», что королева не могла уснуть. Они умоляли ее «не делить власть и славу с супругом-иностранцем и не марать свою славу протестантской королевы, обещав повиноваться мужу-католику».[806] Елизавета не спала почти всю ночь и утром послала за Анжу. Он застал ее бледной и в слезах. Королева пожаловалась, что «еще две такие ночи, как эта, доведут ее до могилы». Она объяснила: «Хотя ее привязанность к нему не ослабела, она, после мучительной борьбы, решилась пожертвовать своим счастьем ради блага ее подданных».[807] По словам одного очевидца, она сказала герцогу: с ее стороны нечестно выходить за него, так как ему нужна жена, которая сумеет выносить детей и продолжить род Валуа. Однако она обещала «любить его как друг, даже больше, чем если бы он стал ее мужем».[808]

В начале февраля 1582 г., когда Анжу уехал из Англии в Нидерланды, он считался протеже королевы. Елизавета бурно оплакивала потерю возлюбленного, говоря, что больше не сможет оставаться в Уайтхолле, «потому что это место навевает на нее воспоминания о том, с кем она рассталась так неохотно». После того как он уехал, она изображала горе по поводу своей утраты. Она кричала, что отдала бы миллион, чтобы ее лягушонок снова плавал в Темзе, а не в застойных водах Нидерландов, хотя Мендоса утверждал, что на самом деле Елизавета плясала от радости, потому что избавилась от француза.[809] Отъезд Анжу из Англии знаменовал конец брачным планам Елизаветы, что она прекрасно понимала. Отказав ему, она теряла возможность вступить в брак и родить детей. В стихотворении «На его отъезд», написанном после отъезда Анжу во Францию, Елизавета раскрывала свои смешанные чувства: нежелание вступать в брак и вместе с тем одиночество и жажду любви: «Не смею боль свою открыть, и я грущу. / Люблю, но маску ненависти снова надеваю. / Я бессловесною кажусь, но я внутри ропщу, / А вслух роптать себе не позволяю. / И стыну я, и гибну от огня, / И никогда не стану прежней я. / Моя печаль, как тень, за мной летит, / На солнце так быстра и невесома, / Но лишь я к ней – и прочь она спешит…»[810][811]

Королева и герцог продолжали обмениваться страстными письмами, они даже обсуждали свадьбу спустя много времени после того, как она стала невозможной. Кампания Анжу во Фландрии окончилась неудачей, и летом 1584 г. он умер от лихорадки. Елизавета надела траур и писала Екатерине Медичи: «…даже ваше горе не может быть больше моего. Хотя вы его мать,

у вас еще остаются другие дети. Но я не нахожу утешения, кроме смерти, которая, как я надеюсь, скоро объединит нас. Мадам, если бы вы могли видеть мое сердце, вы бы увидели портрет тела без души. Но я больше не стану обременять вас своими жалобами, ведь у вас много своих горестей».[812]

* * *

Хотя переговоры о браке с французом наконец завершились, еще долго ходили слухи относительно того, что случилось между Елизаветой и Анжу во время его пребывания в Англии. 17 ноября 1583 г. сэр Эдвард Стаффорд, ставший английским послом в Париже, встревоженно сообщал, что в городе выставлены на всеобщее обозрение непристойные картинки, изображающие Елизавету и Анжу. В письме Уолсингему, Государственному секретарю, Стаффорд описывал «грязные картинки» с изображением ее королевского величества, где она «изображена верхом, левой рукой держится за гриву лошади, а правой задирает одежду, обнажая свой тыл («при всем почтении»)… под нею изображение герцога, очень хорошо одетого, в лучшем наряде; он держит на кулаке сокола, который постоянно клюет и не дает ей усидеть на месте». Стаффорд предполагал: «Боюсь, к делу причастны и наши добрые английские подданные, проживающие здесь, ибо, по-моему, немного найдется на свете таких мерзких людей, как они».[813] Картинки были выставлены на Гревской площади, одном из главных общественных мест на правом берегу Сены, прямо перед городской ратушей, и на левом берегу Сены, на углу у церкви Святого Августина и рядом с коллежем Монтэгю. Время и место размещения картинок были выбраны намеренно: в этих местах часто бывали иностранные изгнанники и местные жители.

Хотя главным намерением авторов картинок было возбудить в Париже антиелизаветинские настроения, Стаффорд писал, что, «по моему мнению, они более затрагивают честь герцога, чем к[оролевы], если все будут истолковывать их так же, как я». Видимо, над Анжу тоже потешались и издевались из-за его безуспешных попыток ухаживать за престарелой и безнравственной Елизаветой. Центром нападок снова стала фигура королевы, чья королевская власть подрывалась изображением некоторых частей ее тела в процессе, который Стаффорд стыдливо называет «при всем почтении» дефекацией.[814] Меньше месяца спустя Стаффорд узнал, что картинки послужили началом крупной разнузданной кампании. В

непристойных картинках и памфлетах «еретичество» Елизаветы напрямую связывалось с ее «половой распущенностью»; писали о жестокости Елизаветы по отношению к своим подданным-католикам[815] и об их притеснениях. В конце 1583 г. Стаффорд приобрел черновики плакатов Ричарда Верстегана, в которых Елизавету называли Волчицей (с древних времен волчица считалась символом распущенности). Стаффорд требовал провести обыск в типографии и добился того, чтобы Верстегана, издателя, изгнанного из Англии, арестовали.[816] Однако передышка оказалась временной; в последующие годы Католическая лига то и дело использовала образы безнравственной королевы, дабы подвергнуть сомнению законность ее правления.

Глава 32
Semper Eadem (Все та же)

Елизавета приближалась к своему пятидесятилетию; когда надежда на то, что она произведет на свет наследника, угасла, стало ясно, что она станет последней в линии Тюдоров. С первых лет правления всех интересовала ее способность к деторождению; на нее оказывали давление, призывая поскорее выйти замуж и родить детей. Теперь она начала называть себя королевой-девственницей, которая самоотверженно пожертвовала своими желаниями как лицо физическое в пользу неприкосновенности суверенного юридического лица. На всех семи портретах, написанных во время сватовства Анжу, Елизавета изображена с ситом в руках. Сито считалось символом девственности, оно отсылало к образу весталки Туччии. Обвиненная в нарушении обета девственности, Туччия доказала свое целомудрие, наполнив сито водой из Тибра и пронеся его к храму Весты, не пролив ни капли.[817] Образ явно доказывал, что целомудрие Елизаветы – ее сила, которая дает ей способность сохранить неприступность сита, символизирующего государство. Хотя теперь целомудрие Елизаветы объявляли величайшим политическим достоянием, важно было, чтобы ее не воспринимали стареющей женщиной в постклимактерическом возрасте, какой она была на самом деле. Шли годы, а Елизавета по-прежнему упорно отказывалась назначить наследника. Тем необходимее было, чтобы королева всегда излучала сияние молодости. Подданные должны были удостовериться, что королева отличается великолепным здоровьем и долголетием. В 1586 г. Елизавета приоткрыла завесу тайны. Обращаясь к делегации парламентариев в приемном зале Ричмонда, она повела речь о необходимости поддерживать подходящий образ на публике: «Уверяю вас, мы, государи, стоим словно на подмостках, и весь мир пристально наблюдает за нами… самые маленькие пятнышки на нашей одежде бросаются в глаза, любой изъян в наших поступках тут же замечают».[818]

Поскольку лицо Елизаветы с возрастом менялось, камер-фрейлины усердно трудились над совершенствованием «маски юности». Следы от оспы, морщины, кариес, тусклая кожа требовали все больше внимания и усилий. Приближенные к Елизавете дамы терпеливо трудились над увядающим лицом королевы. Отметины, оставшиеся, несмотря на ее уверения, после оспы, а также морщины и складки вокруг глаз и рта ловко замазывали толстым слоем косметики. Помимо едких свинцовых

белил и уксуса, которые и создавали впечатление знаменитой белой кожи Елизаветы, в больших количествах применяли яичный белок: он скрывал морщины и разглаживал лицо, хотя королеве становилось все труднее улыбаться. Белила со временем разъедали кожу, она серела, на ней появлялось все больше морщин. В результате основу из белил приходилось накладывать все более густым слоем. Чем больше старела Елизавета, тем ярче румянили ее щеки и губы. Помимо кошенили, румянец создавали с помощью ярко-красной киновари.[819] Однако киноварь – это сульфид ртути; всякий раз, как Елизавета облизывала губы, она глотала ядовитую субстанцию; возможно, со временем у нее проявились симптомы отравления ртутью, в том числе нарушение координации, ухудшение зрения и слуха, потеря памяти, раздражительность, невнятность речи, мучительные боли и депрессия. Нанося на лицо Елизаветы эти пагубные вещества, фрейлины постепенно, сами того не желая, травили ее и ускоряли процесс старения.

Имелись у косметики и другие неблагоприятные последствия: некоторые считали макияж синонимом нравственной нечистоты и распущенности; печально известными любительницами макияжа были куртизанки и проститутки. Памфлетист Филип Стаббс замечал, что «английские женщины раскрашивают лица определенными маслами, жидкостями, мазями и водами и доходят до того… что уродуют свою душу, чем вызывают еще больше неудовольствия и гнева Всевышнего».[820] На проповеди, которую за десять лет до того королеве и придворным дамам в Виндзоре читал епископ Томас Дрант, он порицал женское тщеславие и особо подчеркивал, что краска для лица, браслеты, драгоценные камни и серьги не имеют никакого значения в состязании со смертью.

«Господь создал одежду, и Господь создал спину; Он же уничтожит и то и другое; да, те головы, которые теперь украшают высокие и густые гривы, – и у противоположного пола, что носят золотые сетки для волос, такие яркие и блестящие, – дайте мне сто лет, нет, полсотни лет, и земля покроет все эти головы передо мной, в том числе и мою».[821]

В довершение Дрант добавлял: «Богатые люди – богатый прах, мудрецы – мудрый прах, почтенные люди – почтенный прах, уважаемые люди – уважаемый прах, величественный прах, превосходное величество – превосходный прах…»[822]

Хотя известно, что Елизавета неумеренно пользовалась косметикой, о ее любви к косметике современники красноречиво умалчивали. Тема эта была в некотором роде табу при дворе и являлась предметом цензуры. В списках новогодних подарков

косметика не упоминается; скорее всего, кремы, румяна и белила для лица королевы не считались достойными подарками. Сохранилось лишь одно упоминание о румянах для Елизаветы; один иезуитский священник пишет, что местами ее макияж «достигал толщины около полудюйма». Тот же источник, едва ли беспристрастный, сообщает: «…ее лицо выказывает признаки увядания; дабы скрыть это, когда она появляется на публике, она закрывает рот многими слоями тонкой материи, чтобы оттенить щеки».[823] Помимо того что Елизавета всегда должна была носить «маску юности», на портретах также нужно было изображать идеализированное лицо, свидетельствующее о ее неувядающей власти. Николас Хиллиард, который стал ведущим портретистом Елизаветы, быстро понял: от художников требовалась не столько точность в изображении королевы, сколько идеальный образ нежных и молодых черт. Хиллиард начал рисовать миниатюры Елизаветы в 1572 г., но преображение королевского образа началось с двух полноразмерных портретов маслом, так называемых «Пеликана» и «Феникса».

Лицо Елизаветы на обоих портретах кажется гладким и невозмутимым, как маска; за исключением узкой, тонкой руки, в которой она сжимает перчатку на уровне живота, ее фигура скована тяжелым парадным платьем, обильно украшенным вышивкой.[824] В то время, когда Елизавета, перешагнувшая сорокалетний рубеж, вышла из детородного возраста, внимание привлекается не к ее физическому телу, не к ней как физическому лицу, но к королеве как лицу юридическому. С помощью определенных символических предметов Елизавете придают вид воплощенного целомудрия. Драгоценные камни, из которых состоят ее ожерелья, олицетворяют набожность, безбрачие, самоотречение и вечную юность; феникс – символ возрождения и торжества бессмертия над смертью, образ особенно яркий после папского отлучения от церкви и заговора Ридольфи.

Хотя Хиллиард прославился благодаря миниатюрам и полноразмерным портретам Елизаветы, скорее всего, он творил «по следам» итальянца Фредерико Дзуккеро, который приехал в Англию по просьбе Елизаветы в 1576 г. Именно его портрет был принят в качестве официально освященного образа. На портрете кисти Дзуккеро, так называемом «Дарнли», лицо Елизаветы искусственное, как у манекена, и она изображена в простом платье из белой и голубой парчи с тонкими кружевными рукавами и жемчужным ожерельем на шее; переплетаясь, ожерелье образует овал на ее правой груди. В правой руке королева держит разноцветный веер из страусовых перьев, прижимая его к себе, а в левой – наполовину спрятанную

шкатулку. На столе слева от нее стоят скипетр и корона, подчеркивающие ее статус королевы и отождествление ее с лицом юридическим. Размещение ожерелья и веера на левой груди и внизу живота привлекают внимание к привлекательной фигуре королевы, хотя в то же время жемчуг символизирует ее целомудрие и торжество над желаниями плоти и сексуальным аппетитом. Таким образом, королева предстает на портрете в двух ипостасях: естественном, физическом воплощении, в теле женщины, и в виде юридического лица, как королева, – вторая ипостась представлена королевскими регалиями, расположенными рядом с ней.

Выбеленное, похожее на маску лицо с портрета кисти Дзуккеро повторяется на портретах всех размеров в 80-х и начале 90-х гг. XVI в. На первом из так называемых «портретов с ситом» «лицо Дзуккеро» повторяется полностью. Ни одно изображение королевы не пользовалось такой популярностью; это свидетельство того, как правительство в тот период сумело управлять образом королевы. Для камер-фрейлин, которые ежедневно накладывали маску юности на лицо королевы, и для художников, которые запечатлели ту же маску на холсте, главным был девиз Елизаветы – Semper Eadem, то есть «Все та же».

Глава 33
Жребий брошен

На Пасхальной неделе 1580 г. юг Англии сотрясло мощное землетрясение. Земля «ужасно содрогалась»; в Лондоне на прохожих сверху падали камни. Боялись, что землетрясение предвещает грядущие ужасы. В церквах читали новые молитвы, в которых просили Бога о защите.[825] В следующие месяцы в Англию из Рима прибыли первые иезуиты. Боялись, что они – авангард католического крестового похода.

В июне из Франции прибыли Эдмунд Кампион и Роберт Персонс. Они сошли на берег в Дувре. Два бывших выпускника Оксфорда в свое время бежали в Рим, где вступили в орден иезуитов. На родину они вернулись инкогнито, чтобы их не схватили портовые власти. Сразу по приезде Кампион и Персонс растворились среди лондонских католиков. Затем они начали переезжать из города в город, из деревни в деревню. Они проповедовали, служили мессу, принимали исповеди.[826] Вскоре после прибытия Кампион написал о миссии иезуитов и своем личном призвании в трактате, который стал известен под названием «Похвальба Кампиона».

«Моя задача, – писал он, – проповедовать Евангелие, совершать таинства, просвещать паству, исправлять грешников, опровергать ошибки и, короче говоря, взывать к духовному против развращенности, гордыни и невежества, кои завладели моими соотечественниками». Он намекал, что его начальники-иезуиты строго запретили ему «вмешиваться в государственные дела и политику этой страны, поскольку такие вопросы не входят в мою компетенцию. Мы начали Божье дело, которому невозможно противиться».[827] Хотя «Похвальба» была составлена в форме письма, адресованного Тайному совету, на тот случай, если его арестуют, сочинение Кампиона переписывали от руки и распространяли среди английских католиков. В октябре Персонс и печатник по имени Стивен Бринкли основали тайную типографию в Лондоне и начали снабжать своих единоверцев другими зажигательными трактатами, книгами и проповедями.

Деятельность Персонса и Кампиона вдохновляла надежды английских католиков; поползли слухи о том, что папа одобрил вторжение в Англию. Поэтому к иезуитам отнеслись со всей серьезностью. Опасность представляло не только иностранное вторжение, за которым стояли Испания и Рим, но также и священники, прибывающие в Англию из Рима и Реймса.

Иностранные власти посылали их для того, чтобы подстрекать к мятежу и сбросить Елизавету с престола. 10 января 1581 г. королева выпустила прокламацию, в которой приказывала всем студентам-англичанам вернуться из иностранных семинарий; кроме того, надлежало арестовать всех приехавших в Англию иезуитов. В иностранных семинариях, говорилось в прокламации, стремятся отвратить подданных королевы от истинной веры и «от признания их естественного долга по отношению к ее величеству». Молодых английских католиков сделали «орудиями в злых делах, направленных на смятение в стране… вплоть до мятежа».[828]

В обстановке такой тревоги собрался парламент. Во вступительной речи сэр Уолтер Майлдмей, государственный казначей, говорил о беспокойстве, связанном с проникновением в страну иезуитов, что, как он утверждал, ведет не только к «загрязнению страны ложными воззрениями», но и, под таким предлогом, к «подстрекательствам к беспорядкам».[829] Папа уже поощрил «многих подданных, непослушных своему долгу, не повиноваться ее величеству и ее законам», но теперь, продолжал Майлдмей, он «послал сюда лицемеров, ханжей, называющих себя иезуитами, свору бродячих монахов, которые в очередной раз расплодились и разошлись по миру, дабы чинить козни церкви Христовой». Все больше распаляясь, Майлдмей заявил, что «главной задачей» иезуитов является «проникать в дома и заводить знакомство с людьми почтенными и уважаемыми, не только для того, чтобы развратить страну ложным учением, но также, под этим предлогом, подстрекать к беспорядкам, в ущерб ее величеству и ее добрым подданным». Перед лицом такой угрозы, дабы сохранить жизнь и безопасность королевы, необходимо принять более строгие законы.[830]

В 1581 г. приняли Акт об удержании подданных ее королевского величества в должном послушании. С него началось беспощадное преследование католиков. Отныне священники, которые освобождали подданных Елизаветы от «должного послушания» или «обращали их с такой целью в римско-католическую веру», объявлялись государственными изменниками.[831] Закон был напрямую направлен против иезуитов, выпускников католических семинарий и новообращенных.[832] Влияния Рима боялись так, что обращение в католичество также приравнивалось к измене. Кроме того, ужесточалось наказание за служение мессы или непосещение англиканской церкви. Священнику, служившему мессу, грозил год тюремного заключения и штраф в 200 марок, а наказание за непосещение церкви повысили до разорительной суммы – 20

фунтов в месяц.

Законодательный акт «против подстрекательских слов и слухов, направленных против ее королевского величества» в первую очередь был нацелен на тех, кто «не только желал ее величеству смерти», но и «с помощью пророчеств, подсчетов и других законных деяний» пытался установить, долго ли проживет королева или кто станет ее преемником.[833] Пророчества о смерти королевы также приравнивались к государственной измене.

* * *

Несмотря на то что католических священников ревностно искали, Кампиону и Персонсу долго удавалось избежать ареста, так как они регулярно меняли платье и постоянно перемещались с места на место. Но 16 июля, в воскресенье, Кампиона нашли в Беркшире, в Лайфорд-Грейндже, в доме Фрэнсиса Йейтса, сидевшего тогда в Редингской тюрьме; ранее он просил Кампиона навестить его родных. Заподозрив, что в доме творится что-то неладное, королевские чиновники явились с ордером, по которому получали право «найти и арестовать не всех вообще, но католических священников, иезуитов и им подобных подстрекателей». Когда они вломились в дом через полую стену, иезуитов обнаружили и тут же арестовали. Кампиона, еще трех священников и восемь мирян затем под вооруженной охраной доставили в лондонский Тауэр для тюремного заключения и допроса.[834]

Кампиона прямо спросили, хранит ли он верность королеве Елизавете, считает ли он ее «истинной и законной королевой или ложной, ненастоящей королевой, которая носит корону только де-факто». Кампион отказался отвечать, сказав лишь, что «он не ответит ни да ни нет и далее не будет отвечать, но просит, чтобы ответили за него». На допросе он раскрыл подробности своего пребывания в Англии, в том числе назвал фамилии католиков, у которых он останавливался, где служил мессы и оставлял книги, подробно описал типографский пресс, который тайно перевезли из Лондона в Стонор-Парк вблизи Хенли-на-Темзе в Оксфордшире. Пресс срочно уничтожили. После мучительной пытки на дыбе и формального диспута с богословами англиканской церкви в храме Святого Петра в Цепях, приходской церкви лондонского Тауэра, в ноябре в Вестминстер-Холле состоялся суд над Кампионом и другими священниками. Эдмунда Кампиона с двенадцатью другими священниками и мирянами, в

том числе заочно Уильяма Аллена и Роберта Персонса, обвинили в заговоре с целью убийства королевы, смены власти и «подстрекательства, обеспечения и побуждения различных иноземцев и врагов… к вторжению в страну и мятежу, восстанию и войне против королевы».[835] Всех обвиняемых признали виновными в измене.

В пятницу 1 декабря Кампиона привязали к плетеным салазкам и проволокли за лошадью по улицам Лондона к месту казни в Тайберне; на шее у него висела табличка с надписью: «Эдмунд Кампион, иезуит-подстрекатель». Как и остальных священников, его повесили, вынули из петли еще живого, вспороли живот и сожгли перед ним его внутренности и гениталии.[836]

Казнь Кампиона почти не повлияла на состояние общей тревоги и страха перед иезуитами. По-прежнему боялись угрозы «безопасности личности королевы». Священников регулярно арестовывали и допрашивали, за всеми католическими семьями установили надзор, перехватывали письма, сжигали подстрекательские книги, портовые власти отмечали католиков, которые ехали за границу или приезжали в Англию. Сэр Фрэнсис Уолсингем, член Тайного совета, начальник разведки и контрразведки, задействовал мощную сеть шпионов по всей Европе; ему докладывали о многочисленных заговорах, целью которых было посадить на трон Марию Стюарт. Стремясь спасти королеву, Уолсингем внедрял своих агентов во всех европейских гаванях, перехватывал переписку подозрительных лиц и жестоко допрашивал тех, кто, как считалось, злоумышлял против жизни Елизаветы и безопасности страны.

* * *

31 октября 1581 г., в то время как Эдмунда Кампиона допрашивали в Тауэре, Джона Пейна, католического священника, который четыре года назад вернулся из семинарии Дуэ вместе с Катбертом Мейном, пытали на дыбе – его обвинили в соучастии в заговоре с целью убийства Елизаветы и ее главных советников.[837]

О заговоре Роберту Дадли донес Джордж Элиот, назвавшийся «обычным йоменом из покоев ее величества». Он был одним из тех, кто арестовал Кампиона в Лайфорд-Грейндже.

Элиот, который незадолго до того публично отрекся от католической веры, утверждал, что Пейн, с которым он в прошлом был знаком и неоднократно встречался в католических домах в Эссексе и Кенте, организовал заговор, участие в котором

принимали также мятежник граф Уэстморленд и знатный изгнанник кардинал Уильям Аллен. По словам Элиота, «они вскоре должны были привести в действие свой ужасный замысел». Суть заговора, поддержанного папой, заключалась в том, чтобы напасть на Елизавету большим отрядом в пятьдесят человек в то время, когда она будет переезжать из одного дворца в другой, и убить ее. Еще три отряда должны были напасть на Дадли, Сесила и Уолсингема «и многих других, чьи имена он не слишком хорошо помнит». Элиот утверждал, что, когда он спросил Пейна о том, «как они осмелятся на такое жестокое деяние», священник ответил, «что ни убийство [ее] величества, ни крайняя жестокость, какую они могут применить к ней, а также и ко всем, кто станет на ее сторону, не может считаться оскорблением перед Богом; но приравнивается к тому, что допустимо совершить с диким зверем». Выслушав Элиота, Дадли передал его слова Сесилу, который приказал арестовать и «допросить» священника. [838]

20 марта 1582 г. Джона Пейна вывезли из Тауэра и доставили к шерифу Эссекса, чтобы далее препроводить на место суда в Челмсфорде.[839] Несмотря на уверения в своей невиновности и клятву, что «его ноги не касались, руки не писали и голова не изобретала никакой измены против ее величества», его признали виновным в государственной измене и приговорили к смерти. В понедельник 2 апреля его повесили, выпотрошили и четвертовали. К концу правления Елизаветы схожая участь постигла около 200 священников и мирян.

Когда над Лондоном тем летом пронеслась комета, в народе снова заговорили о том, что странное явление предвещает смерть «какого-то великого человека».[840] Елизавету, которая тогда находилась во дворце Ричмонд, фрейлины упросили не смотреть в окно, но она, «с храбростью, достойной ее великого положения», презрела их мольбы и, взглянув на свет, объявила: «Jacta est alea – жребий брошен».[841]

Глава 34
Враг не дремлет

Осенью 1583 г. Джон Сомервиль, богатый и знатный католик из Эдстона, начал вести регулярные и проникновенные беседы с человеком, который выдавал себя за садовника в имении тестя Сомервиля, Эдварда Ардена, шерифа графства Уорикшир. На самом деле «садовником» был Хью Холл, католический священник, которого тайно укрывал Арден. Как становится ясно из последующих судебных отчетов, Холл беседовал с Сомервилем о положении католиков в Англии, говорил, что законная наследница престола – Мария Стюарт, и ужасался безнравственности отлученной от церкви Елизаветы, незаконнорожденной дочери Генриха VIII.

24 октября, оставив дома жену и двух малолетних дочерей, Сомервиль отправился в Лондон. Через примерно 4 мили он остановился на ночлег в таверне в Эйно-он-зе-Хилл, где провозгласил, что намерен застрелить королеву из пистолета и «насадить ее голову на кол, потому что она змея и гадюка».[842] Сомервиль, католик и известный сторонник Марии Стюарт, давно находился под надзором. Его немедленно арестовали и через несколько дней допросили в лондонском Тауэре. После допроса стало ясно, что он – человек «слабого рассудка»; он несколько раз «впадал в безумие». Однако атмосфера в те дни была такова, что, помимо Сомервиля, арестовали его тестя Эдварда Ардена, его жену, сестру и тещу, а также священника Хью Холла. Сомервиля обвинили в государственной измене, его и его тестя приговорили к смерти. Ночью накануне приведения приговора в исполнение Сомервиль повесился в тюремной камере, что не помешало палачу отрубить ему голову и насадить ее на пику на Лондонском мосту – туда помещали головы всех, признанных изменниками, в назидание остальным.[843]

Через две недели в своем доме у верфи Святого Павла на Темзе арестовали Фрэнсиса Трокмортона, молодого католика. За ним давно следили, так как подозревали «посредством секретных сведений, предоставленных ее королевскому величеству, что он тайно передает письма королеве Шотландии». Теперь, в смятении, овладевшем всеми после ареста Джона Сомервиля, правительство решило действовать. Самого Трокмортона заключили в тюрьму, его дом обыскали и нашли немало компрометирующих бумаг, переписанных его рукой. В их число входил список безопасных гаваней «для высадки иностранных

войск», имена видных католиков, на которых можно было положиться в случае иностранной интервенции, родословные, доказывающие права Марии на английскую корону, и ряд «пакостных памфлетов против ее величества, напечатанных за границей». Более того, «во время ареста его захватили врасплох» за составлением зашифрованного письма Марии Стюарт.[844]

Трокмортон служил тайным курьером; он передавал письма Марии французскому послу в Лондоне, Мишелю де Кастельно. Уолсингем знал, что Трокмортон регулярно наведывается в резиденцию Кастельно в Сейлсбери-Корт, рядом с Флит-стрит, так как посольство находилось под его бдительным надзором. У французского посла Трокмортон познакомился с тремя влиятельными участниками английского католического движения: лордом Генри Говардом, братом Томаса, 4-го герцога Норфолка, которого в 1572 г. казнили как предателя; Генри Перси, 8-м графом Нортумберлендом, чьего брата Томаса, 7-го графа, также казнили за измену в 1572 г.; и лордом Томасом Пейджетом, братом Чарлза Пейджета, изгнанника и известного сторонника Гизов.

В пятницу 15 ноября, когда Трокмортона увезли в Тауэр, Уильям Эрл, давний лондонский осведомитель Сесила, написал своему хозяину о том, что ему удалось раскрыть крупный международный заговор; в нем замешаны герцог Гиз, кузен Марии Стюарт, Фрэнсис Трокмортон и лорд Генри Говард. Как писал Эрл, «главной их мишенью служит ее королевское величество, которую Господь хранит ныне и будет хранить впредь, благодаря непоколебимой вере в Него. Герцог Гиз управляет всеми действиями, а папа должен пожаловать королевскую корону тому, кто станет мужем королевы Шотландии».

Трокмортона Эрл называл «весьма деятельным заговорщиком и врагом нынешнего государства». В письме, отправленном на следующий день, он добавлял: «…мир полон козней, ибо враг не дремлет».[845]

На допросе Трокмортон отрицал свое участие в заговоре и объявил, что ничего не знает об измене. Он утверждал, что бумаги, найденные в его доме, не его, а принадлежат одному из слуг. Так как Трокмортон упорствовал, его «вздернули» на дыбу в Тауэре по меньшей мере два раза, а затем он во всем признался. Его наняли передавать письма для испанского посла в Лондоне и от него; нанял его сэр Фрэнсис Энглфилд, видный католический изгнанник из Англии, служивший при испанском дворе; его давно считали «врагом номер один».

Затем Трокмортон раскрыл подробности заговора: народное

восстание на севере Англии должно было совпасть с вторжением под руководством герцога Гиза, при финансовой поддержке Филиппа Испанского.[846] 21 мая 1584 г. Фрэнсиса Трокмортона судили в ратуше лондонского Сити и признали виновным в измене.[847] Он написал королеве, прося ее простить «необдуманную опрометчивость необузданной юности», но 10 июля его казнили в Тайберне. Он стал еще одним изменником, которого постигла смерть; такая же участь ждала еще многих. Как написала Елизавета французскому послу, «…более двухсот человек всех возрастов, которые, по наущению иезуитов, сговариваются убить меня».[848]

Трокмортон стал не единственным знатным католиком, за которым давно установили слежку. В ноябре Уильям Эрл сообщил Сесилу, что видел Чарлза Арундела, еще одного знатного католика, в новой парфюмерной лавке на Эбчерч-стрит. Он покупал там перчатки и духи. Арундел, как решил Эрл, намеревался «с их помощью отравить королеву, ведь у нее замечательно развито обоняние и она любит изысканные ароматы».[849] После «признания» Трокмортона и допроса других дворян Уолсингем и другие члены Тайного совета решили, что раскрыли крупный международный заговор, нацеленный на вторжение в Англию. Заговор возглавлял герцог Гиз, в нем принимали участие французский и испанский послы, Мишель де Кастельно и дон Бернардино Мендоса, а также знатные английские католики и католики-эмигранты. Хотя «дирижером» заговора был герцог Гиз, следствие привело к серьезному ухудшению в англо-испанских отношениях. Трокмортон особо подчеркивал, что Мендоса поощрял герцога в его желании интервенции. Мендосу, который давно был на подозрении у елизаветинского правительства, изгнали.[850] Ему не прислали замены, и впоследствии он стал важным союзником герцога Гиза.[851]

Через несколько недель, когда Мендоса готовился покинуть Англию, он написал о «некоем солдате», который «вернулся с Терсейры (принадлежавший Португалии остров в составе Азорских. – *А. У.*) и прибыл ко двору, чтобы передать письмо графу Бедфорду и увидеть королеву». По словам Мендосы, солдат «вел себя так дерзко», что вошел во дворец и проник «в то место, где находилась королева с двумя своими дамами». Елизавета «сердито закричала, чтобы его схватили», и его отвели в покои Дадли, где спросили, не подослал ли его Мендоса, «чтобы убить королеву». Позже солдат уверял, что проник во дворец нарочно, чтобы восстановить людей против испанского посла и убедить их в том, что он хотел убить королеву по наущению Мендосы».[852]

Дадли считал, что любой католик представляет угрозу для безопасности королевы. «Нет ни одного истинного паписта, который желал бы королеве Елизавете долголетия, – писал он, – и терпеть их при ее дворе – дело опасное».[853]

Глава 35
Телохранители

10 июля 1584 г. испанский католик-фанатик застрелил Вильгельма Оранского, лидера нидерландских протестантов. Многие считали, что за убийством стоял Филипп II Испанский. Перед Елизаветой как будто замаячил призрак собственной гибели. По словам Эдварда Стаффорда, сына леди Дороти Стаффорд, враги королевы замышляли зверское нападение на нее: «Нет сомнения, что она – главная цель, к которой они стремятся, а зная, как много было желающих убить Вильгельма Оранского, возможно все».[854]

С начала правления Елизавета еще не знала такого опасного периода. Весь год дипломаты обменивались подробностями разоблаченных заговоров и списками членов тайных организаций. В одном разведывательном отчете подробно сообщалось, как «жизнь нашей славной государыни королевы Елизаветы подвергалась предательской и дьявольской опасности» и, возможно, ее бы даже убили, «если бы всемогущий Господь, ее постоянный защитник, из милости Своей не разоблачил мятежников и не противостоял им».[855] В марте Джордано Бруно написал Елизавете из Парижа; он рассказал, что его навестил некий испанец по имени Зубяур, агент Мендосы, и признался «в самых постыдных вещах». Зубяур утверждал, что испанский посол поручил ему устроить смерть Елизаветы «в самом ближайшем времени от оружия, яда, отравленных букетов, нижнего белья, духов, воды или любыми другими способами; что это будет величайший День святого Варфоломея в истории; и что ни Бог, ни дьявол не помешают им сделать свое дело».[856]

Позже в том же году Уолсингему передали недатированный и неподписанный лист бумаги, озаглавленный «Речи монаха в Дюнкерке». В документе раскрывался еще один заговор против Елизаветы. Монах уверял: весь христианский мир испытает «мир и покой», если «эту злодейку казнят и с ней будет покончено». Монах показал осведомителю Уолсингема рисунок с изображением сцены убийства Вильгельма Оранского. «Вот, рассмотри эту картинку хорошенько, – сказал монах. – Смотри, как бургундец убил принца. Точно так же не будет недостатка в других бургундцах, которые пожелают покончить со злодейкой, и произойдет это скоро, ради блага всего христианского мира».[857]

Тайный совет считал, что Елизавете и всей протестантской Англии грозит серьезная и неминуемая опасность. Для личной

защиты королевы предприняли решительные и беспрецедентные меры. Сесил и Уолсингем разработали «Средство спасения ее королевского величества» (его также называли «Обязательством содействия»). Вскоре документу был придан статус закона. Подписавшие его обязывались защищать жизнь королевы и мстить всем покусившимся на нее. Закон обязывал всех вступивших «не щадя сил, во все времена противостоять, преследовать и подавлять всех, кто любыми средствами намеревается и покушается причинить вред чести, имуществу или личности их государыни». Кроме того, подписавшие обязывались «никогда не принимать, не признавать и не оказывать услуг ложным наследникам, именем которых будут совершаться подобные злодеяния». Они должны были «преследовать таких личностей до смерти… и мстить им всеми средствами… до их низложения и устранения».[858] Цель закона была вполне ясна. В случае покушения на Елизавету Марию Стюарт убьют, независимо от того, участвовала она в заговоре или нет. Подписавшие документ приносили торжественную присягу.[859]

С октября по ноябрь 1584 г., пока проходили выборы в новый парламент, документ распространяли по всей стране. Его подписали и скрепили своими печатями несколько тысяч человек.[860] Хотя правительство утверждало, что документ стал изъявлением общенародной преданности Елизавете, потребовались определенные усилия для того, чтобы некоторые люди принесли присягу и поставили свои подписи под документом. К письму, составленному Сесилом для распространения среди наместников графств, Уолсингем приписал: «Лучше вашей светлости не упоминать о том, что вы получили данное письмо от меня; говорите, что вам принес его друг, живущий в ваших краях; ее величество желает, чтобы забота о ее [безопасности] исходила от любящих ее подданных, а не шла от официальных лиц».[861]

Переписка Тайного совета за следующие месяцы включала сообщения из всех частей Англии о росте числа подписавших «Обязательство». Местные власти устраивали торжественные церемонии подписания, дабы подчеркнуть торжественность и важность мероприятия.[862]

Когда 23 ноября собрался вновь избранный парламент, Елизавета выразила благодарность за выражение народной преданности: «Мне известно о присяге, с помощью которой наши подданные изъявляют свою добрую волю и привязанность… торжественно заявляю, что кампания началась задолго до того, как я о ней услышала или даже подумала о подобном; лишь в Хэмптон-Корт мне показали тысячи подписей и печатей

виднейших представителей нашей страны. Считаю их волеизъявление прекрасным доводом вашей искренности и стремления к моей безопасности… так же и я буду сильнее печься о вашем благе».[863]

В длинной и прочувствованной вступительной речи сэр Уолтер Майлдмей назвал папу римского «самым смертельным и главным врагом», который подстрекал подданных ее величества к мятежу.[864] Он описал «тайные злодеяния», получившие помощь и поддержку папы, и подчеркнул, что Эдмунд Кампион и другие иезуиты были казнены не просто за «римские суеверия, но за самые тяжкие и серьезные преступления и заговоры», в том числе «стремление к убийству нашей всемилостивой королевы и желание посадить на ее место другую», а также за «изменение существующего строя во всей стране и в правительстве». Майлдмей призвал парламентариев представить, что было бы, если бы эти «священники, бунтовщики, беглецы и паписты» оказались «во главе церкви и всего государства», и нарисовал устрашающую картину «упадка, подчинения и захвата этой благородной страны». Необходимы суровые законы, направленные на защиту безопасности королевы «против всех таких злонамеренных врагов», и, как подчеркнул Майлдмей, «также нужны недвусмысленные законы против смутьянов, живущих в стране и прикрывающихся титулами, законы, способные сейчас и впредь лишить их всякой надежды на тот случай, если они вместе или по отдельности осмелятся поднять руку на ее королевское величество или помышлять об угрозе для ее жизни и здоровья».[865] В конце своей длинной и страстной речи Майлдмей дал парламентариям конкретное задание. Он призывал предусмотреть высшую меру наказания для трех типов опасности: вторжения, бунта и насильственных действий против королевы. Велась подготовка к принятию решающего документа, Акта о безопасности королевы.

Новый закон «для обеспечения безопасности ее королевского величества и мирного существования государства» стал прямым ответом на «многочисленные злонамеренные заговоры последнего времени, замышляемые как в иноземных странах, так и в пределах этой страны».[866] Появившийся после «Обязательства содействия», Акт о безопасности королевы предоставлял верноподданным ее величества право преследовать всех подозреваемых во вторжении, мятеже, покушении на жизнь Елизаветы или любом деянии, которое «совершал или умышлял, намереваясь повредить персоне ее величества». По закону, снова явно направленному против Марии Стюарт, претенденты на английский престол также карались смертью за заговоры,

организованные от их имени.

В жарких дебатах члены парламента спрашивали: если королеву убьют и королевская власть падет, как предпринять действенные меры против виновных в ее гибели? Многие опасались чрезмерной бдительности и оргии «взаимной резни» соперничающих претендентов. Чтобы противостоять такой опасности, потребовали разработать и принять особые законы на период междуцарствия. Королевская власть переходит к Великому совету, образованному из «высших государственных чинов»; члены Тайного совета будут осуществлять королевское правосудие и преследовать виновных в гибели королевы; они же выберут преемника, который нагляднее других докажет «свои права… по крови и королевским законам», после чего междуцарствие завершится.[867] В переходный период единство физического лица монарха с юридическим лицом государства прервется до нового воссоединения, когда на престол вступит наследник.[868] В конечном счете это предложение отклонили и не представили на рассмотрение королеве: советники понимали, что Елизавета будет против.

18 декабря Кристофер Хаттон сообщил парламентариям, что королева с благодарностью отнеслась к проявленной ими заботе, хотя она, «по словам ее величества, которые он не осмеливается повторить, недостойна такой любви». Елизавета одобрила законопроект, но добавила, что в вопросах личной безопасности «полагается лишь на Бога». Кроме того, она сказала, что «не согласна с тем, чтобы кого-то наказывали за чужую вину». Иными словами, если Мария Стюарт окажется соучастницей предательского заговора, Елизавета не желала, чтобы наказание распространялось «на потомство обидчика», то есть на Якова VI, если не докажут, что «потомство также будет признано виновным».

Принятие закона отложили до конца рождественских каникул.

Второй законопроект, который рассматривался на той сессии, также касался безопасности королевы; в нем предлагалось «запретить приезд иезуитов и выпускников семинарий, единственных возмутителей спокойствия в стране, которые служат орудиями к погибели ее величества».[869] Всех иезуитов и священников, которые останутся в Англии через сорок дней после принятия закона, следует считать государственными изменниками.[870] Предлагалось также считать изменой «добровольное принятие под свой кров, содержание и утешение» иезуитов и католических священников. Для того времени закон был очень суровым, он послужил доказательством того, что

растущее число миссионеров в Англии воспринималось угрозой, а они сами считались подстрекателями к мятежу.

12 декабря законопроект был представлен в палате общин в первом чтении, три дня спустя он был принят во втором чтении вместе с Актом о безопасности королевы. Законы готовы были принять единогласно. После последнего чтения парламентарии собирались передать законопроекты в палату лордов, а затем получить одобрение королевы.

Хотя почти все члены парламента выступили за принятие законов, неожиданно возник один голос против. Со своего места встал доктор Уильям Парри, избранный впервые от крошечного округа Квинборо в Кенте, и торжественно заявил, что он «не одобряет ни иезуитов, ни семинаристов, но вынужден заступиться за английских подданных». Он высказался «напрямую против законопроекта», который имел своей целью запретить иезуитов и выпускников семинарий. Он осудил законопроект, который отдавал изменой, «полный крови, опасности, отчаяния и ужаса для всех подданных этой страны»; кроме того, в нем предусматривалась конфискация имущества – «но в чью пользу?». Не в пользу ее величества, продолжал Парри, как ему бы хотелось, но в пользу других. Хотя он не сомневался, что законопроект будет принят обеими палатами, «он надеялся, что, когда проект попадет в милостивые руки ее величества, там он и останется, он же до тех пор придержит свои негативные соображения и изложит их только ее величеству».

Парламентарии выслушали Парри в ошеломленном молчании, явно озадаченные сомнениями Парри в мотивах палаты, и его предположением, будто они действуют «не столько в интересах безопасности королевы… сколько для того, чтобы удовлетворить собственную жадность». Кроме того, всех возмутило, что Парри не собирался пояснять свои слова, «вопреки порядкам, существовавшим в палате». Смутьяна немедленно вывели из зала заседаний и под вооруженной охраной доставили в Тайный совет, куда отправился и спикер палаты общин. Парри вернулся в парламент лишь на следующий день и извинился за свою опрометчивость. По его словам, он не хотел оскорбить ни королеву, ни членов палаты, но повторил, что свои доводы прибережет для самой королевы.[871] Многие задались вопросом: что побудило члена палаты общин вести себя так странно?

Глава 36
Провокатор?

За семь лет до того доктор Парри, наделавший долгов, уехал из Англии на континент. Он был недоволен опалой и отсутствием покровительства со стороны Елизаветы. В 1582 г. в Париже он перешел в католичество и стал принимать активное участие в деятельности живших во Франции ссыльных английских католиков. В мае следующего года Парри написал Сесилу, у которого искал защиты и покровительства: «Если меня наделят соответствующими полномочиями и гарантиями, я сумею либо предотвратить и раскрыть все римско-католические и испанские козни против нашей страны, либо лишусь жизни, доказав свою верность ее королевскому величеству». Впрочем, в то же время он просил у других «применить все мои силы и всю изобретательность на службе католической церкви».[872] Трудно определить, был ли он предателем или, как утверждал позже, английским шпионом, действовавшим на свой страх и риск.

В 1583 г. Парри впервые ступил на путь предательства: он написал кардиналу Кампеджио, папскому нунцию в Париже, предлагая католикам свою помощь. В том же году Парри встретился в Париже с Томасом Морганом, главным осведомителем Марии Стюарт. Морган поощрял его к действию, и Парри вызвался убить «главнейшего человека в Англии», королеву Елизавету, при условии, что убийство будет санкционировано папой, который отпустит ему грехи.

По возвращении в Англию Парри, получивший в Париже степень доктора права, сыграл роль провокатора и «с глазу на глаз раскрыл ее величеству» заговор с целью покушения на нее, который сам же и организовал. То была опасная игра; к несчастью для Парри, ему не удалось убедить Елизавету в достоверности заговора (она «отнеслась к нему с сомнением»). Вскоре Парри испугался, что роковым образом очернил себя. В письме к Томасу Моргану в Париж он отказался от задания и вместо того решил затаиться при дворе и продолжать службу королеве. Впоследствии Парри, по-прежнему в долгах и не уверенный в завтрашнем дне, снова предложил свои услуги католикам. Он получил письмо от кардинала ди Комо, в котором тот сообщал, что папа одобряет его действия и дарует ему неограниченное отпущение грехов. Парри решил все же совершить убийство.[873] Он нанял сообщника, Эдмунда Невилла, недовольного землевладельца с севера Англии; тот должен был помочь Парри

устроить покушение. Они долго обсуждали, как лучше убить Елизавету. Сначала заговорщики планировали напасть на нее, когда она будет переезжать в карете из одного замка в другой; они приблизятся к ней с обеих сторон и вонзят в нее кинжалы. Затем они разработали еще более дерзкий план. Парри предложил напасть на королеву в Уайтхолле, когда она «выйдет подышать воздухом» в свой отдельный огороженный сад. Убив королеву, он перелезет через дворцовую стену, спустится к одной из расположенных поблизости пристаней и бежит на лодке по Темзе. Все продумав, Парри спрятался в засаде возле сада, но, когда появилась Елизавета, он, по его словам, «был так обескуражен ее величием и сходством с ее отцом, королем Генрихом VIII, что сердце его отказалось отдать руке приказ исполнить задуманное».[874] Больше заговорщики ничего не предпринимали, хотя Парри по-прежнему страдал от, как ему казалось, несправедливого к себе отношения и всеобщего презрения.

* * *

Судя по всему, после неожиданного выступления в парламенте и последующего выговора доктор Парри возобновил свои изменнические замыслы. Вечером в субботу 6 февраля 1585 г. он пришел к Эдмунду Невиллу, жившему в районе Уайтфрайерз, и призвал его к действию. Однако Невилл усомнился в искренности своего сообщника и сказал Парри, что он намерен «рассказать о его предательских и чудовищных намерениях против ее величества».

Два дня спустя Невилл сдался властям и признался в соучастии в заговоре Парри.[875] По словам одного придворного очевидца, «королева, узнав об этом докторе [Парри], вышла в сад, громко зарыдала и говорила: ей хочется знать, почему столько людей хотят лишить ее жизни. Она рвала на себе одежду, обнажила грудь, восклицая, что у нее нет оружия и нечем защититься и она всего лишь слабая женщина».[876]

Парри арестовали и посадили в Тауэр. Уолсингем велел ему подробно рассказать обо всех известных заговорах против Елизаветы, и особенно требовал признаться, «не произносил ли он сам речей в присутствии любого лица, хотя бы только ради того, чтобы выведать его намерения, которые могли бы поставить его под подозрение, что он сам питает столь недобрые намерения».[877] Если Парри в самом деле был самозваным провокатором, настало время раскрыться. Однако Парри проявил

нерешительность; к тому времени, когда он признался, было уже поздно. Под пыткой Парри назвал имена Томаса Моргана и кардинала ди Комо, которые убеждали его убить Елизавету, так как собирались посадить на трон Марию Стюарт.

25 февраля Парри судили в Вестминстер-Холле. Он взывал к Сесилу и Дадли, утверждая, что случай его уникален: «Мое дело редкое и необычное, и, судя по всему, что я помню, простое: обычный подданный торжественно замышляет гибель своей королевы… ради облегчения участи угнетенных католиков и восстановления этой религии».[878] Кроме того, он написал Елизавете, что надеется «противу всех ожиданий на милосердное прощение».[879] Тем не менее на следующей неделе его казнили во дворе Вестминстерского дворца. Взойдя на эшафот, он уверял всех в своей невиновности, отрицал, что когда-либо имел намерение убить королеву, и утверждал, что целью его заговора было заманить в ловушку других: «Я был верным слугой королевы Елизаветы; ни разу не приходили мне в голову дурные помыслы, нацеленные ей во вред; она знает это, ее совесть способна сказать ей… Я умираю безвинно и свободный от всяких дурных помыслов о ее величестве».[880]

На судебном процессе Парри держался уверенно и говорил убедительно. Сесил понимал: правительству придется приложить определенные усилия для того, чтобы составить отчет о произошедшем в нужных тонах и сообщить о том, что они называли «правдой» об измене доктора Парри. В официальном отчете Парри не пощадили: его называли «злым и жалким негодяем», приводили доказательства глубины и ужаса его предполагаемой измены.[881] Какой бы ни была истинная цель Парри, его козни питали и так растущее недовольство протестантов. После его казни в стране распространяли текст особой проповеди, «Порядок благодарственной молитвы за сохранение жизни и благополучия ее величества»: «Божественное провидение многажды являло свое могущество и чудесным образом берегло и хранило ее от жестоких и предательских козней ее кровожадных врагов и смертельных врагов Евангелия, которые с варварской жестокостью пытались погасить свет истины, пролив невинную кровь ее величества. Никогда еще милосердие Твое не проявлялось так явственно, как в те несколько дней, когда изменник… давно вынашивавший злую и дьявольскую цель… часто имел случай и возможность учинить насилие над ее королевским величеством и убить ее. Однако бдительное око Твоего благословенного Провидения либо препятствовало ему внезапным расстройством его предприятия или, величием ее особы и царственного поведения, застигало его

врасплох, не дав ему исполнить его кровожадный замысел…»[882]

Священникам также велели зачитывать с кафедр признание Парри, в котором утверждалось, что папа римский наделил его полномочиями убить королеву и заранее даровал отпущение грехов за убийство. Заговор Парри, по версии официальной пропаганды, доказывал, что католические власти охотно поддерживают убийство Елизаветы как средство обеспечить возвращение Англии к католицизму.[883]

Учитывая обстановку и боясь за свою жизнь, Елизавета решила тем летом не уезжать далеко от Лондона; она избегала долгих переездов и дольше жила в своих королевских резиденциях или совершала краткие визиты в соседние графства. В июне 1585 г. сэр Томас Паллисон, лорд-мэр Лондона, был так обеспокоен многочисленными угрозами жизни королевы, что в письме Уолсингему он предложил охранять королеву лично, когда та будет переезжать в Гринвич. Как он заметил, «учитывая нынешние опасные времена, неутихающую злобу и вредные намерения папистов», он логичен и благоразумен в своих заботах о благополучии королевы.[884]

Следующие несколько лет Елизавета старалась избегать дворца Уайтхолл, понимая, что ее личную безопасность легче обеспечить в менее просторном и менее доступном дворце. Однако Елизавета раздраженно отказалась от предложения Дадли, чтобы придворным с католическими склонностями был запрещен доступ ко двору, а также от предложения о вооруженной охране. Она по-прежнему любила показываться народу и заявила, что скорее умрет, чем будет жить «в заточении».

Глава 37
Недопустимые вольности

«Мой добрый друг, – писал Фрэнсис Уолсингем Роберту Дадли 29 сентября 1584 г. – Вчера я получил от лорд-мэра вместе с письмом печатную книжку, в которой содержится клевета на вашу светлость, и более злобных сочинений не было с тех пор, как стоит мир».[885]

Книга была напечатана в тайной типографии в Париже или Антверпене; первоначально озаглавленная «Копия письма, сочиненного магистром искусств из Кембриджа», она почти сразу же получила другое название: «Благоденствие Лестера». Сразу же по выходе в свет книга, написанная на английском языке в Париже в 1584 г., стала сенсацией; после того как ее контрабандой ввезли в Англию, ее живо читали английские придворные.[886] Книга была составлена в форме диалога между джентльменом из Лондона, юристом-католиком и ученым из Кембриджа. Граф Лестер подвергался нападкам за то, что забрал в свои руки неограниченную власть при дворе, за оказываемое им влияние на королеву, за «настойчивые домогательства к высокопоставленной особе» и за то, что он отнимал у нее «время и средства». Кроме того, Дадли обвиняли в том, что он не дал королеве выйти замуж, поскольку «прежде других домогался ее величества». Его осуждали и за дерзкое поведение, выражавшееся в том, что он «повсюду распускал слухи, что он (поистине!) предан ее величеству и потому остальные претенденты на ее руку должны уступить ему».[887]

В трактате содержались зловещие утверждения, его авторы сосредоточились на отношениях Дадли с разными женщинами и его ненасытности в постели. Так, говорилось, что среди приближенных королевы не найдется и двух незамужних благородных дам, «коих он бы он не соблазнил»;[888] его обвиняли даже в том, что за возможность переспать с одной из них он заплатил 300 фунтов. В «Благоденствии Лестера» описывались крайности, до каких дошел Дадли, чтобы скрыть свои отношения с Леттис Ноллис: он прятал ее от королевы, велел «пробираться по дому тайными путями, чтобы ее величество не проведала о ней». Леттис, как утверждалось, забеременела от Дадли до того, как умер ее муж, Уолтер Деверо, и они с Дадли в ответе за «убийство». Смерть в июле их сына, лорда Денби, виделась местью свыше: «Дети прелюбодеев будут уничтожены, и дурное семя будет выкорчевано».[889] Кроме того,

Дадли называли виновным в убийстве жены, Эми Робсарт, и в покушении на жизнь французского посланника Симье.[890]

Трактат сочинили иезуиты и широко распространяли по всей Европе, подчеркивая, насколько опасны протестанты, графы Лестер и Хантингдон, для притязаний на престол Марии Стюарт. Некоторые усмотрели в «Благоденствии Лестера» подготовку почвы для замышляемого католиками убийства королевы, которое затем можно было бы свалить на Дадли.[891]

В заключение авторы трактата предполагали, что Дадли попытается сделать наследником Елизаветы одного из многих своих незаконнорожденных детей под тем предлогом, что ребенка якобы родила королева. Граф Лестер «договорился с ее величеством», что «он может назначить любого из своих отпрысков, которых, как известно, у него много во многих местах, законным наследником престола… притворившись, будто бы он произведен на свет ее величеством» и что именно он велел включить в закон о престолонаследии «слова о естественных потомках»; «вопреки всем общепринятым обычаям и законам нашей страны… посредством чего он после смерти ее величества может суметь назначить наследником любого своего бастарда от стольких распутных женщин, которых он содержит, выдав его за потомка, произведенного на свет ее величеством от себя самого».[892]

Елизавета всеми силами старалась защитить Дадли и даже издала прокламацию, в которой призывала конфисковать все экземпляры книжки: «[В] позорной, бесславной и отвратительной клевете они укоряют, обесчещивают и клевещут… на многих самых надежных и верных советников… тем самым бросая тень на ее величество, которая выбирает себе приближенных… коим недостает ни справедливости, ни чуткости, ни иных качеств на службе ее величеству и стране. Более того, авторы указанных пасквилей пользуются всеми средствами, уловками и ухищрениями, какие только способны придумать или измыслить, чтобы представить такие якобы сведения, которые впоследствии должны быть самыми опасными и пагубными как для личной безопасности ее величества, так и для безопасности государства».[893]

Любому, кто немедленно отдаст экземпляр крамольной книги властям, обещали амнистию; после истечения определенного срока за хранение книги полагалось тюремное заключение.[894] «Благоденствие Лестера» продолжали распространять, и в июне Елизавета вынуждена была выпустить еще одну прокламацию, в которой еще раз запрещала книгу. Она винила власти Лондона, города, «в котором главным образом и распространяются ввезенные из-за границы книги», в «великой невнимательности и

небрежности» за то, что они не приложили достаточно стараний, дабы претворить в жизнь ее первое воззвание: «Тот же пасквиль и подобные ему клеветнические, позорные и дьявольские книги и клевета постоянно распространяются за границей; их держат у себя дерзнувшие ослушаться, в высшей мере оскорбляя высшую власть ее величества… а именно, среди прочих, бесславное творение, содержащее клеветнические и злобные измышления, направленные против доброго графа Лестера, одного из первых сановников и главного государственного советника, на каковые самые злобные и клеветнические измышления ее величество, по здравом размышлении, объявляет и свидетельствует о его невиновности перед всем миром».

Елизавета сочла нужным подчеркнуть: в глубине души она «совершенно уверена, что клевета и книги, направленные против указанного графа, являются самыми злонамеренными, ложными и клеветническими и называть их истинными способен лишь сам дьявол».[895]

Дадли поспешил намекнуть Елизавете на то, что за клеветой стоит Мария Стюарт, а Уолсингем предположил, что автором пасквиля является Томас Морган, доверенное лицо Марии во Франции.[896] Однако выяснилось, что автор «Благоденствия Лестера» – Чарлз Арундел, видный английский католик, принимавший участие в заговоре Трокмортона, который всегда враждебно относился к Дадли, а в декабре 1583 г. бежал в Париж. Арундел приходился кузеном леди Дуглас Говард, в прошлом любовницы и, как она уверяла, жены Роберта Дадли. Впоследствии она вышла замуж за сэра Эдварда Стаффорда, английского посла во Франции. После бегства Арундела Уолсингем предупредил Стаффордов, чтобы те не общались с родственником, но пара игнорировала просьбу и несколько раз принимала у себя Арундела.

«Благоденствие Лестера» раскрывало сенсационные подробности романа Дадли с леди Дуглас. Разоблачения настолько ошеломили жену Стаффорда, что она, по его словам, тяжело заболела; ее «нездоровье», как он вспоминал впоследствии, «было очень долгим и едва не стоило ей жизни, чего я, по правде говоря, очень боялся».[897] Стаффорд беспокоился о появлении издания на французском языке. Похоже, леди Дуглас какое-то время даже собиралась вернуться в Англию, но Стаффорд убедил ее «набраться храбрости» и остаться с ним.[898] Видимо, составители, с которыми Стаффорд тесно общался, заверили его, что если в англоязычном издании леди Стаффорд названа открыто, то во втором издании ее имя вычеркнут. Когда весной 1585 г. вышло французское издание «Благоденствия

Лестера» (Discours de la vie abominable… le my Lorde of Leicestre, «Рассуждение о чудовищной жизни, заговорах, изменах, убийствах, лжи, отравлениях, похоти, подстрекательствах и дьявольских кознях лорда Лестера), там действительно не упоминалось имя леди Дуглас. Однако к книге вышло непристойное приложение, в котором утверждалось, что граф Лестер соблазнил одну придворную даму Елизаветы при помощи афродизиака, содержавшего его собственное семя. Хотя имени соблазненной не называлось, утверждение, что она еще жива, прямо указывало на леди Дуглас.

30 марта Стаффорд написал Уолсингему и просил его не пытаться конфисковать издание, поскольку «к нему причастны люди из его окружения» и потому его могут заподозрить в личных мотивах. Больше всего он боялся, что его обвинят или будут считать, что он также причастен к преследованиям, чем возбудит против себя гнев Дадли. «Если вы распорядитесь, я пришлю вам [один] экземпляр, но в противном случае не стану, ибо не могу сказать, как к нему отнесутся». Стаффорд объяснил, что он не писал графу Лестеру, дабы сообщить ему о книге, ибо «ему противно так поступать из-за того, что его действия могут истолковать превратно».[899]

До сих пор остается неясным, были ли сэр Эдвард и его жена леди Дуглас знакомы с авторами «Благоденствия Лестера». Нет оснований полагать, что леди Дуглас хотелось обнародовать подробности своего романа с Дадли, да еще в таком сенсационном виде. Однако Стаффорды доводились близкими родственниками Чарлзу Аруделу; непонятно, от кого еще, если не от них, Арундел мог узнать столько подробностей, содержавшихся в трактате. Уолсингем, конечно, считал, что источником порочащих сведений о Дадли послужила леди Дуглас и что она с сэром Эдвардом наверняка стремились повредить репутации графа или погубить его. В конце 1585 г. Уолсингем задержал и допросил Уильяма Лилли, слугу Стаффорда. В письме к Эдварду Стаффорду Уолсингем сообщил, что считает Лилли причастным к делу. Он бранил посла за недостаточные усилия, направленные против распространения пасквиля. В своем ответе от 20 января 1586 г. Стаффорд пробовал оправдаться, написав, что он не думал, что государственному служащему пристало вмешиваться в дела частного лица, хотя он и получил приказ действовать наоборот. Кроме того, он утверждал, что сжигал экземпляры, которые ему удалось найти (всего 35), но потом потерял счет вышедшим экземплярам.[900] Несмотря на уверения Эдварда Стаффорда в своей невиновности, королеву его слова явно не убедили. В письме к Сесилу от 11 августа сэр Эдвард

писал, что «узнал… от матери [леди Дороти Стаффорд], к моему крайнему горю, как ее величество до сих пор обижена на меня (Бог знает почему, ибо мне это неизвестно). Вняв в то же время совету обо всем написать ее величеству, я так и поступил и переслал письмо матери, чтобы она лично передала его, когда сочтет нужным. Но я просил ее вначале показать письмо вам и, если оно вам не понравится, не передавать его вовсе».[901]

Ясно, какую важную роль играла леди Дороти: она была не только посредницей, которая отстаивала интересы сына, но и считалась одной из наперсниц королевы.

В 1585 г. вышел и еще один трактат, «Письмо о состоянии», в котором снова поносили Дадли и повторяли обвинения из «Благоденствия Лестера».[902] Высокомерие Дадли и его стремление управлять Англией целиком поддерживается его алчной женой Леттис Ноллис. Супруги едины в своем желании свергнуть королеву. «Кто же теперь превыше его светлости при дворе, с его гордыней и тщеславием? Потому и женился он на себе подобной графине, которая подходит мужу по складу характера, ибо она больше похожа на правительницу, чем на верноподданную…»[903] По словам авторов трактата, Леттис «заботится о том, чтобы ее муж верховенствовал над всей знатью. Прекрасно понимая, что остальные не посмеют перечить и что в настоящее время они всецело в его распоряжении, полагала она, что и ей подобает распоряжаться всеми придворными дамами, и потому все ее поступки и помыслы были направлены на то, чтобы, если ее величество, желая потешить какого-нибудь иноземного принца или посла, велела сшить себе новое платье, то и… у нее, две недели спустя или по крайней мере перед отъездом посла, появлялось платье того же покроя и фасона, во всех отношениях подходящее ее величеству и во всех отношениях такое же дорогое, как платье ее величества, если не дороже и не пышнее, чем у нее».[904]

Авторы «Письма» утверждали, что Леттис умышленно соперничала с Елизаветой на важных государственных приемах: «[Ее] невыносимую гордыню ее величество заметила и, после ряда предостережений, увещеваний… что, как одно солнце освещает землю, так и в Англии всего одна королева, за ее самонадеянность ее величество дала ей пощечину и недвусмысленно прогнала ее от двора».[905]

Однако, как написано в трактате, хотя Леттис отказали от двора, ее муж продолжает «исподволь внушать ее величеству, что лишь на него может она рассчитывать [как на] главнейшую опору в стране».[906] В конечном счете Дадли способен удовлетворить свою жажду власти, став фаворитом королевы; монополизировав

Елизавету как физическое лицо, он монополизирует всю Англию как лицо юридическое.

Пока при дворе сплетничали, Дадли затаился. В письме к другу он спрашивал: «В эти опасные дни кто может избежать клеветы и лжи? Я со своей стороны полагаюсь на Бога, надеюсь, что Он даст мне благословение жить в Его страхе и вести себя верно к моей государыне и честно по отношению к миру. Вот так я избавлюсь от злых наветов».[907]

* * *

В 1584 г. Мария Стюарт отправила Елизавете письмо, в котором содержались скандальные сведения, скорее всего полученные ею от Бесс из Хардвика, то есть графини Шрусбери.[908] Вполне возможно, что письмо перехватил Сесил и Елизавета его не читала. Ранее Бесс из Хардвика служила камер-фрейлиной Елизаветы вместе с Кэт Эшли, Бланш Парри и Дороти Стаффорд, но попала в опалу из-за своего участия в тайном браке Кэтрин Грей. В 1568 г. она в четвертый раз вышла замуж за Джорджа Талбота, графа Шрусбери; на следующий год графу поручили охранять Марию Стюарт. Когда Марию перевезли в замок Татбери, Бесс было сорок один год, а Марии – двадцать шесть. Они проводили вместе большую часть дня, вышивали, сплетничали, но поссорились после того, как Бесс заподозрила, что у Марии роман с ее мужем, Джорджем Талботом. В письме к Елизавете Мария сообщала, что Бесс не хранит верность королеве; она якобы подробно рассказывала, как служила при дворе королевы Англии. Мария предваряла письмо кузине следующими словами: «С прискорбием объявляю о том, что такие вопросы должны подвергаться сомнению, но очень искренне и без гнева, и призываю Бога в свидетели, что графиня Шрусбери говорила мне о вас… и почти на все ее речи я отвечала возражениями и выговаривала указанной даме за то, что она так вольно думает и говорит о вас вещи, в которые я совершенно не верю».

Бесс из Хардвика якобы сообщила Марии, что Елизавета, в присутствии одной из своих фрейлин, дала Дадли слово выйти за него замуж «и что она спала с ним бесконечное число раз, позволяя ему такие вольности, словно они были мужем и женой». В письме утверждалось, что Елизавета соблазняла и других мужчин, в том числе Кристофера Хаттона, начальника ее стражи, которого она затем взяла к себе в любовники. Королева целовала французского посланника Симье, позволяла себе «недопустимые

вольности с ним» и выдавала ему государственные тайны. Кроме того, она «столь же безнравственно» «забавлялась» с герцогом Анжуйским, «который однажды застал вас у двери вашей опочивальни, и вы встретили его в одной ночной сорочке и халате, и потом вы позволили ему войти, и он пробыл у вас почти три часа». В этом примечательном письме Мария намекает на ходившие тогда слухи о том, что у Елизаветы имеется какой-то физический недостаток, из-за которого она не может жить нормальной половой жизнью и, таким образом, она не способна зачать ребенка: «Вы не такая, как остальные женщины… и вы никогда не потеряете свободы заниматься любовью и всегда будете развлекаться с новыми любовниками».[909]

Бесс из Хардвика отрицала, что распространяла такие клеветнические обвинения; в конце концов Тайный совет признал ее невиновной. Однако письмо Марии Стюарт подтверждало, как опасны слухи, исходившие из внутренних покоев королевы. Интимные подробности о жизни Елизаветы не потеряли своего значения даже после того, как Елизавета вышла из детородного возраста. В то время как заговорщики мечтали лишить Елизавету жизни, Мария Стюарт, подобно прочим полемистам-католикам, стремилась задеть честь королевы, усомнившись в ее притязаниях на звание «королевы-девственницы», понятия, получившего для нее такое большое значение.[910]

Глава 38
Особая милость

В 1584–1585 гг. немецкий дворянин по имени Лупольд фон Ведель путешествовал по Англии и Шотландии. Он наблюдал местные обычаи и посетил несколько королевских дворцов. 27 декабря 1584 г. он проплыл по Темзе в Гринвич, где на Рождество и Новый год собирался двор.[911] Официально Елизавета еще носила траур после смерти своего последнего поклонника, герцога Анжуйского, и своего ведущего протестантского союзника в Европе, принца Оранского; она была в черном бархатном платье, расшитом серебром и жемчугом. Поверх платья она надела прозрачное серебристое кружево. Хотя во внутренних покоях она, как говорили, стремится к простоте, почти к аскезе, ее публичный образ был продуманно роскошным.

Пока Елизавета была в часовне, фон Ведель наблюдал за приготовлениями к королевскому обеду. В приемном зале под балдахином накрыли длинный стол. Обычно, замечает фон Ведель, королева трапезничала одна, в своих внутренних покоях, и только по праздникам ее трапезу «дозволялось видеть посторонним». После того как Елизавета в сопровождении фрейлин вышла из часовни, на стол поставили сорок серебряных позолоченных блюд, больших и маленьких, и она села «совершенно одна». Под игру музыкантов ей прислуживал молодой дворянин в черном, который резал для нее мясо, а другой молодой человек, в зеленом, опустившись на колени, подавал ей кубок с вином, разбавленным водой. Справа от ее стола стояла небольшая группа старших придворных, в том числе граф Гертфорд; по словам фон Веделя, он вернул благорасположение королевы после того, как «лишил невинности одну из фрейлин» (намек на его брак с Кэтрин Грей); лорд-казначей Уильям Сесил; главный конюший Роберт Дадли и сэр Кристофер Хаттон. Каждый из них держал в руках белый жезл, символизировавший их высокий пост. Пробыв в Англии несколько месяцев, фон Ведель слышал сплетни об отношениях Елизаветы с ее фаворитами. В своих заметках он также упомянул о том, что «королева уже давно поддерживает недозволенные отношения» с Лестером и Хаттоном, которого, «как говорят, королева полюбила после Лестера». Время от времени, обедая, Елизавета подзывала к себе то одного, то другого; подошедшие придворные опускались на колени и не вставали, пока королева не приказывала им встать. Фон Веделя, очевидно, поразила

церемониальная почтительность всего происходящего; он писал о том, как придворные, выходя, «низко кланялись, а когда они доходили до середины зала, они должны были поклониться во второй раз». Когда вносили еду, государственные сановники предваряли слуг, несших блюда. Наконец, когда вносили все блюда и королева выбирала себе из стоящего перед ней, она вставала из-за стола, и ей подавали большой серебряный позолоченный таз, в котором она мыла руки.

После обеда Елизавета брала подушку и садилась на пол. Начинались танцы. Сначала танцевали только старшие придворные, но затем «молодые люди снимали мечи и мантии и, оставшись в панталонах и камзолах, приглашали дам станцевать гальярду». Сидя на подушке и наблюдая за танцами, Елизавета призывала к себе тех придворных, с кем ей хотелось поговорить; она шутила и смеялась с ними. Фон Ведель заметил, что с одним из них, которого он называла Рэл, королева была особенно нежна и фамильярна. Так, заметив у него на рукаве грязное пятно, Елизавета собралась вытереть его своим платком, но Рэл бережно отвел руку королевы и вытер пятно сам.[912]

Рэлом Елизавета называла Уолтера Рэли, которому тогда было около тридцати лет. Он был сыном девонского землевладельца и племянником любимой воспитательницы Елизаветы, покойной Кэт Эшли. Возможно, именно Кэт устроила его ко двору, а потом Елизавета перенесла на него ту любовь, какую раньше испытывала к Кэт Эшли: «…за особую заботу мы приблизили его к себе в память тех его родных, которые служили нам, а некоторые из них (как вам известно) находились весьма близко к нашей особе».[913] Рэли отличался поразительной красотой: 6 футов ростом, с холеной бородкой, проницательными голубыми глазами, он любил экстравагантность в одежде, ценил драгоценные камни и жемчуг. Его отвага, нескрываемые честолюбие, тщеславие и самоуверенность очень нравились королеве. Впервые он явился ко двору в 1581 г.; впоследствии его богатство и положение резко возросли в результате милости, которую оказывала ему королева. В 1583 г. Елизавета подарила ему один из своих любимых дворцов, красивый Дарем-Плейс на Стрэнде. Елизавета ласково называла Рэли Уотер, то есть «Вода», учитывая его связи с морем; вместе с тем слово «Уотер» было созвучно тому, как его имя произносили в западных графствах. Рэли ублажал ее слух стихами. После отъезда Анжу Елизавета проводила с новым фаворитом все больше времени. Они беседовали, играли в карты, катались верхом. Рэли появлялся во внутренних покоях днем и ночью; его часто видели у двери опочивальни: по утрам он ждал, когда оттуда выйдет Елизавета.

Придворный Морис Браун пишет: «Мистер Уолтер Рэли пользуется очень большим расположением ее величества; ни милорд Лестер, ни мистер вице-канцлер (Хаттон) не получали такого расположения за столь короткое время, и особое расположение ему оказывают последние полгода. Но превыше всего милость оказывается ему в эти два месяца».[914]

Увидев Елизавету и Рэли вместе, фон Ведель пришел к выводу: «Теперь она любит этого джентльмена, предпочитая его всем остальным; и этому нетрудно поверить, ведь два года назад он едва мог себе позволить держать одного слугу, а теперь она сделала ему столько подарков, что он способен содержать пятьсот слуг».[915]

6 января 1585 г. Рэли посвятили в рыцари. В мае один из шпионов Мендосы сообщил, что Рэли и Дадли, что неудивительно, в плохих отношениях, ведь они оба стремятся завоевать расположение королевы.

* * *

После убийства Вильгельма Оранского и побед, одержанных герцогом Пармой, победа Испании во Фландрии казалась по чти неминуемой. Французская Католическая лига заключила союз с Филиппом II, и Елизавета опасалась испанского влияния и на Францию, и на Нидерланды. Англии угрожало вторжение, которому, как казалось, ничто не может помешать. По результатам договора, подписанного в Нонсаче в августе 1585 г., Елизавета согласилась послать деньги и войска в поддержку восставшим Нидерландам, Дадли она назначила командующим войсками. Он должен был возглавить экспедиционный корпус. Но чем ближе был день его отъезда, тем больше сомневалась Елизавета. Проведя ночь на 27 сентября с королевой, Дадли послал Уолсингему, пожалуй, самое откровенное письмо, в котором раскрывается характер: «Г-н секретарь, я нахожу, что ее величество очень желает, чтобы я остался; она выражает свои сомнения из-за недавно постигшего ее нездоровья – прошлой ночью ее состояние было хуже всего. Она обращалась ко мне с весьма жалостными словами, уверяла в своей боязни не выжить и не желала отпускать меня от нее. Прошу вас подумать, как можно убедить ее отпустить меня от нее».[916]

Но к концу года Дадли все же отправился в Нидерланды во главе английской армии. Его приветствовали как преемника принца Оранского. Вскоре он, не посоветовавшись с Елизаветой, принял судьбоносное решение занять пост губернатора

Нидерландов. В письме к нему Елизавета почти не скрывала гнева: «Сколь бессовестно вы воспользовались нашим доверием!.. Мы и представить себе не могли (хотя нам следовало помнить по опыту), что человек возвышенный и чрезмерно обласканный нами, превыше всех остальных наших подданных, столь неподобающим образом нарушит наш приказ в деле, чувствительно затрагивающем нашу честь… Посему приказываем, чтобы вы, без всяких отговорок и отлагательств, исполняли то, что велит вам податель сего письма от нашего имени. Не противьтесь, ибо сопротивление послужит к вашей погибели».

Хотя многие советники королевы поддерживали позицию Дадли, считая, что необходимо продемонстрировать силу в Нидерландах, Елизавета и слушать ничего не желала. Сесил неоднократно повторял, что ее отношение «и опасно и нелепо». [917]

В Нидерланды послали Томаса Хениджа, когда-то соперничавшего с Дадли за внимание королевы. Хениджу поручили передать графу, чтобы он немедленно отказался от назначения. Хенидж согласился не сразу, и Елизавета укорила его: «Боже! Что ждет того, кому разум отказывает в величайшей нужде? Делайте, что вам приказано, а свои соображения оставьте для собственных дел… Убеждена в вашей верности долгу, но я резко против такого детского поступка». Хениджу велели передать Дадли, чтобы тот подал в отставку. После того как Генеральные штаты выразили протест, Елизавету убедили оставить графа на его посту. Позже она нехотя согласилась, что «у него не было иных намерений, кроме службы нам… и не было иного выхода; он обязан был принять титул и сохранить тем самым власть».[918]

Несомненно, гнев Елизаветы, узнавшей о поступке Дадли, подпитывали сплетни о его жене. Якобы Леттис намерена присоединиться к мужу «с такой свитой из статс-дам и фрейлин и такими богатыми каретами, носилками и седлами, каких нет и у ее величества, и что там она устроит двор, значительно превосходящий двор ее величества здесь». Елизавета пришла в ярость: она «не потерпит других дворов в своем подчинении, кроме собственного».[919] На самом деле Леттис, скорее всего, не питала подобных намерений и «была сильно огорчена, узнав… о бурном негодовании при дворе».[920]

Глава 39
«Дело будет сделано»

Летом 1585 г. Джон Сэвидж, английский католик, вынужденный бежать в Реймс и ставший там наемником, задумал убить Елизавету. За его планами снова стоял Томас Морган, доверенное лицо Марии Стюарт в Париже. Еще в Англии Сэвидж познакомился с Гилбертом Гиффордом, молодым человеком из семьи стаффордширских католиков, который служил курьером – он передавал письма Марии Гийому де л'Обепину, барону де Шатонефу, новому французскому послу в Лондоне. Ни Морган, ни Мария, ни остальные католики не знали, что Гиффорд был двойным агентом, работавшим на Уолсингема. Он отступился от католицизма, но, будучи хорошо известен ссыльным католикам, внедрился в круг заговорщиков. Они ему доверяли.

В августе 1585 г. Сэвидж поехал в Англию, чтобы, как замышлялось, убить королеву, но, судя по всему, испугался и покушаться на жизнь Елизаветы не стал. На следующий год Джон Баллард, ссыльный католический священник, познакомил его с несколькими другими недовольными молодыми католиками. Среди них был и Энтони Бабингтон, двадцатипятилетний дворянин из Дербишира, который планировал освободить Марию Стюарт и убить «узурпаторшу» Елизавету, не дожидаясь скорой, как они надеялось, франко-испанской интервенции.[921] 11 августа Мендоса, сотрудник испанского посольства в Париже, сообщал Филиппу, что ему «рекомендовали четырех знатных англичан, имеющих доступ к королевскому двору; они более трех месяцев разрабатывают заговор с целью убийства».

В другой депеше Мендоса продолжал: «Наконец-то все четверо единодушно согласились с планом и поклялись довести его до конца. [Они] также [говорят], что сообщат мне, как только смогут, будет ли дело сделано с помощью яда или меча и в какое время, чтобы я мог написать об этом его величеству и умолять его поддержать их, когда дело будет сделано. Они не скажут об этом никому, кроме меня, кому они весьма обязаны и в чьей скромности они не сомневаются».[922]

Бабингтон был настолько уверен в их плане и оказался настолько хвастлив и тщеславен, что заказал групповой портрет заговорщиков, чтобы отметить будущий успех.

Бабингтон и его сообщники понятия не имели, что Уолсингем в курсе их планов и успешно внедрил двух своих агентов в самое сердце заговора. Его агенты перехватывали письма Марии

Стюарт, которые провозили в пивных бочках, запечатанные в кожаные фляги. Все письма аккуратно вскрывали, расшифровывали, а затем возвращали на место. Елизавете сообщали о ходе расследования, ей даже показали портреты заговорщиков. Однажды в парке Ричмонда она заметила одного из них, ирландца по имени Роберт Барнуэлл; тот следил за ней. Елизавета спросила начальника стражи Хаттона: «Разве меня плохо охраняют, что ко мне допустили мужчину с мечом?» Однако она ни словом не обмолвилась о том, что узнала Барнуэлла, предпочитая не спешить и позволить заговорщикам загнать себя в ловушку.[923] Казалось, что опасность грозила Елизавете повсюду, даже во внутренних покоях. В конце июня испанский посол описал, как, «когда королева позавчера шла в церковь, как обычно, в полном величии, ее вдруг охватил приступ страха, который до такой степени овладел ею, что она тут же вернулась к себе, к огромному изумлению всех присутствующих».[924]

В начале июля Бабингтон написал Марии Стюарт, он во всех подробностях извещал ее о планах заговорщиков. К нему обратился Джон Баллард, сообщивший о великих приготовлениях правителей католических европейских стран «с целью выведения нашей страны из того крайнего и жалкого положения, в котором она так долго пребывала». Англию ждет вторжение, Марию освободят, а королеву Елизавету, «соперницу-узурпаторшу», убьют. Бабингтон подробно распространялся о том, как именно его сообщники убьют Елизавету: «Для того чтобы избавиться от узурпаторши, от повиновения которой нас освободила булла о ее отлучении от церкви, шесть благородных джентльменов, моих близких друзей, согласны ради любви к католическому делу и службы вашему величеству совершить трагическую казнь».[925]

Мария ответила Бабингтону через десять дней. Она старалась не оставлять собственноручных улик и потому продиктовала ответ одному из своих секретарей, который записал письмо шифром. Она высоко оценила пыл Бабингтона и «преданность католицизму» и ей лично и одобряла его усилия, направленные на предотвращение «замыслов наших врагов, стремящихся истребить в этой стране истинную веру и погубить нас всех». Мария советовала Бабингтону хорошо обдумать то, что он предложил, и во всем советоваться с Мендосой, послом Филиппа в Париже. Лишь однажды в письме она напрямую отозвалась о заговоре: «Какими средствами намерены действовать ваши шесть джентльменов?» Она велела Бабингтону «немедленно сжечь ее письмо» по прочтении.[926]

Ее ответ тоже перехватили, и через сутки Томас Фелиппес,

агент Уолсингема, расшифровал его и известил своего хозяина: «Ваша честь, вы будете довольны. Наконец-то в ваших руках ответ известной вам королевы Бабингтону, я получил его вчера». Он не сомневался в том, что письма достаточно для признания Марии виновной, и выражал надежду, что Бог вдохнет в Елизавету «героическую отвагу, с какой должно отстаивать Божье дело, ее личную безопасность и безопасность всей страны».[927]

В четверг 28 июля Фелиппес лично встретился с Уолсингемом в Гринвиче и показал ему оригинал письма. Они не знали, убедит ли письмо Марии Елизавету, и решили: чтобы королева не сомневалась, письмо следует подделать. К тексту Марии добавили постскриптум, написанный тем же шифром, каким пользовалась она. В приписке Мария якобы спрашивала имена сообщников: «[Буду] рада узнать имена и звания шести джентльменов, которые вызвались исполнить поручение, ибо, возможно, я сумею, взвесив все за и против, дать вам дальнейшие советы, которым вы последуете; а также время от времени справляться о том, как продвигаются ваши дела, и чтобы вы с тою же целью сообщали обо всем мне лично».[928]

Поддельная приписка должна была неопровержимо доказать связь Марии с заговорщиком и изменником Бабингтоном. Уолсингем и Фелиппес сильно рисковали: если бы подделка обнаружилась, на надеждах уличить Марию можно было ставить крест. Получив поддельное письмо, Бабингтон что-то заподозрил и сразу сжег его.

Тем временем Уолсингем наблюдал и выжидал. Джон Скадамор, пасынок Мэри Скадамор, камер-фрейлины королевы, стал личным секретарем Уолсингема. Его приставили следить за Бабингтоном. Решив, что Скадамор сочувствует заговорщикам, Бабингтон пригласил его на обед в местной таверне. За едой Скадамору принесли записку, которую Бабингтону удалось украдкой прочесть. В записке Скадамору приказывали арестовать его. Бабингтон встал, подошел к стойке, словно желая «расплатиться по счету», и, едва оказавшись вне поля зрения Джона Скадамора, бежал, оставив шапку и меч на спинке стула.[929]

Уолсингем приступил к решительным действиям. 2 августа издали воззвание, в котором призывали схватить участников заговора Бабингтона, в том числе Чидиока Тичборна, Джона Балларда и самого Бабингтона, чьи портреты развесили по всему Лондону и в других частях страны. Никому не позволялось покидать страну до тех пор, пока они не будут схвачены: «Недавно открылось, что указанные личности, уроженцы нашей страны, а именно Э. Б. [Энтони Бабингтон], Ч. Т. [Чидиок

Тичборн] и другие главные зачинщики, на чьей совести злоумышление как против ее величества лично, так и призывы к возмущению порядка и изменению существующего строя насильственным путем, покинули собственные дома и перебегают с места на место, прячась и рыща, иногда в Лондоне и на его окраинах, а иногда в других местах в окрестностях столицы…»[930]

Допросили родственников и слуг заговорщиков, отряды патрулировали деревни и городки вблизи Лондона, в домах по всей столице проходили обыски.

Участника заговора священника Джона Сэвиджа арестовали в четверг 4 августа; Бабингтону и его сообщникам удавалось избежать поимки. Сэвиджа привели на допрос к Уолсингему и сэру Кристоферу Хаттону.[931] Как они докладывали, Сэвидж признался, «что королева Шотландии узнала о замыслах как вторжения, так и покушения на ее величество из писем Бабингтона и что от нее пришел ответ, в котором она выражала свое согласие и давала советы, но его точное содержимое ему неизвестно». Кроме того, Сэвидж признал, что заговорщики сообщались с французским послом «при помощи Гилберта Гиффорда».[932]

Бабингтон и два его сообщника скрывались еще десять дней, но 14 августа их арестовали. Они прятались в Сент-Джонс-Вуде, к северу от Лондона, и изменили свою внешность: постригли волосы и затемнили кожу отваром грецкого ореха. Когда заговорщиков провели по улицам столицы и доставили в Тауэр для допроса, по всему Лондону жгли костры и звонили в колокола.[933]

«Радостная песнь, исполненная от имени всех верных и любящих подданных ее величества по случаю великой радости в Лондоне после поимки изменников-заговорщиков», опубликованная в 1586 г., была снабжена рисунком с изображением голов «изменников-заговорщиков». В сочинении описывалась многотысячная толпа, которая пришла посмотреть на захваченных преступников. Вслед им кричали: «Вон, предатели истинной веры» и «Вот ведут врагов Англии».[934] В послании лорд-мэру Лондона Елизавета попросила, чтобы ее письмо 22 августа прочли вслух в ратуше лондонского Сити. Она сообщала народу, что не так радуется избавлению от смерти, как счастлива ликованием, выраженным ее подданными при поимке заговорщиков.[935]

Бабингтона и его сообщников судили двумя группами 13–15 сентября. Джона Сэвиджа привлекли к суду первым, поскольку он, как утверждалось, замышлял покушение на жизнь королевы

еще до того, как стал сообщником Бабингтона. Всех заговорщиков обвиняли в сговоре с целью убить Елизавету, в попытке поднять мятеж в английских войсках с помощью иностранных властей и в попытке освободить Марию Стюарт и посадить ее на английский трон.[936] Их измена привела Елизавету в такую ярость, что она сочла, что обычного в таких случаях приговора недостаточно. Накануне суда она написала Сесилу и приказала передать судье, чтобы тот вынес ожидаемый приговор, но добавил: «Учитывая особые злодеяния преступников, неслыханные в нашей стране, есть основания полагать, что способ их казни, в виде примера, будет определяться ее величеством и Тайным советом».[937] Сесил ответил, что обычное наказание – повешение, потрошение и четвертование – «достаточно жестоко», хотя жертвы чаще всего умирают до того, как из них вынимают внутренности и их кастрируют. «Я обещал ее величеству, – сообщил он Хаттону, – что все будет проделано как обычно и что продолжительность» мучений предателей в присутствии толпы зрителей «наведет такой же ужас, как и любой невиданный способ казни». Тем не менее Елизавета настаивала на том, чтобы судья и члены Тайного совета прислушались к ее королевской воле. Она хотела, чтобы тела заговорщиков были разорваны на куски.[938]

У храма Святого Эгидия в Полях соорудили виселицы; приговоренных на телеге провезли из Тауэра по лондонским улицам. Джона Балларда и Бабингтона казнили первыми 20 сентября; их мучения потрясли даже зевак, забрызганных кровью жертв. Баллард умер первым. Его ненадолго повесили, а потом, пока он был еще жив и в сознании, вынули из петли, отсекли ему гениталии, выпустили кишки и, наконец, у него вырезали сердце. Затем его внутренности бросили в костер, а тело разрубили на куски. Глядя на мучительную смерть Балларда, Энтони Бабингтон не встал на колени, чтобы помолиться, а остался стоять в шляпе, «как будто он был очевидцем казни». Он готовился встретить свою участь. Когда его вынули из петли и передали палачу, он снова и снова кричал: «Parce mihi Domine Iesu!» – «Пощади меня, Господь Иисус!» Невзирая на его мольбы, его разрубили на куски.[939] Когда Елизавета узнала о том, что жестокость казни потрясла даже лондонскую чернь, она распорядилась, чтобы остальных заговорщиков просто повесили.

Летом 1586 г. королева не совершала длительных переездов, а осталась в своей королевской резиденции в долине Темзы, а суровую осень провела в Виндзоре. Именно оттуда 6 октября Елизавета написала Марии Стюарт. Ей «дали понять», что Мария злоумышляла против нее «в самом ужасном и противоестественном заговоре с целью ее убийства».[940] Теперь, в

соответствии с Актом о безопасности королевы, Марию надлежало судить.

Через пять дней после письма Елизаветы в замок Фотерингей в Нортгемптоншир послали специальную комиссию, которая должна была «всесторонне изучить дело и установить размер ущерба, причиненного нашей королевской особе», а затем вынести свой вердикт.[941] Мария тут же заявила о незаконности подобных действий, так как она – королева другого государства. Она требовала предоставить ей право выступить в парламенте или перед королевой и Тайным советом. Она отрицала, что ей известно что-либо о Бабингтоне, что она получала от него письма; она отклонила обвинение в том, что писала ему. Когда Елизавета распорядилась, чтобы Сесил не выносил приговора относительно вины самой Марии, комиссия вернулась в Лондон. Слушания возобновились через десять дней в Звездной палате Вестминстерского дворца, где все доказательства были рассмотрены в отсутствие Марии. Наконец следователи вынесли вердикт: «По общему согласию и одобрению, они объявляют и утверждают свой приговор и суждение… разнообразные злодеяния были измыслены в Англии Энтони Бабингтоном и другими… с ведома вышеупомянутой Марии, притязающей на корону означенного государства, с целью причинения вреда, смерти и уничтожения ее королевского величества».[942]

29 октября, когда вновь созвали парламент, королеве тут же подали петицию. Ее просили осудить Марию и подписать смертный приговор.[943] Елизавету предупредили: если королева Шотландии избежит наказания, ее величество «ждут другие заговоры» и другие «тайные и опасные измышления, более тайные и более опасные, чем прежде».[944] Королева потребовала взамен, чтобы ее кузину судили на основании «Обязательства содействия» и убили «частным порядком». Сесил же настаивал, что Елизавета должна подписать приказ о публичной казни. С этой целью он распространил слух, что испанские войска якобы высадились в Уэльсе. Кроме того, раскрыли еще один заговор с целью убийства Елизаветы. Составили черновик приказа о смерти Марии, он ждал лишь подписи королевы.[945]

Глава 40
Взорвать кровать

Зимой 1586 г., когда Елизавета наконец решила действовать против Марии, Уильям Стаффорд, второй сын камер-фрейлины Дороти Стаффорд, «распутный недовольный молодой человек», оказался замешанным в заговоре с целью убийства Елизаветы.[946] Замысел принадлежал Майклу Муди, бывшему слуге сэра Эдварда Стаффорда, которого держали в Ньюгейтской тюрьме как инакомыслящего должника и должны были вскоре освободить. Муди собирался поступить на службу при дворе, проникнуть во внутренние покои королевы и заложить порох под кроватью в королевской опочивальне.[947]

Судя по всему, Уильям Стаффорд, которого заговорщики посвятили в свои планы, раскрыл их французскому послу Шатонефу и его секретарю Леонарду де Траппу. Он рассказал послу о своем «намерении убить королеву на религиозной почве с той целью, чтобы на престол взошла королева Шотландии». Когда французский посол заметил, что, если королеву взорвут в ее опочивальне, вместе с ней погибнет и мать Стаффорда, «поскольку они с королевой спят в одной комнате». После этого Стаффорд согласился, что лучше будет заколоть королеву кинжалом.[948]

В самом начале нового года, после того как замысел изменили, Уильям Стаффорд во всем признался Уолсингему. Он сообщил, что некий «безнравственный» человек собрался убить королеву, и добавил, что «ее величеству следует остерегаться тех, кто находится рядом с нею».[949] Уильяма Стаффорда, Муди и де Траппа вскоре арестовали и посадили в Тауэр, а Шатонефа – под домашний арест. Охрану королевы удвоили. На допросе, проводимом комитетом Тайного совета, французский посол подтвердил, что Уильям Стаффорд приходил к нему со своим безрассудным замыслом. Впрочем, Шатонеф, по его словам, всячески отговаривал молодого человека. И все же французского посла обвинили в том, что он скрыл важные сведения о заговоре. Возможно, Стаффорд действовал как провокатор по поручению Уолсингема. За два года до того, в июне 1585 г., он признавался в том, что испытывает глубокую признательность к Уолсингему. Он писал: «Всегда в Вашем распоряжении; на земле нет человека, коему я был бы столь же признателен. Если я доживу до того, что кровь моя прольется ради Вашего дела, я сочту, что это лишь малая толика в возмещение за огромные блага, полученные мною

из ваших рук».[950] Муди также был известен Уолсингему; глава шпионской сети платил ему за то, что он в 1580–1584 гг. возил письма из Лондона в Париж и обратно.

7 февраля 1587 г. Мендоса писал Филиппу Испанскому из Парижа о том, как Елизавета послала Уильяма Ваада сообщить французскому королю о причине арестов.

«Брат [Уильям Стаффорд] здешнего английского посла [Эдварда Стаффорда] и сын заведующей гардеробной королевы [Дороти Стаффорд] (впрочем, все они много лет не разговаривают с ним вследствие его дурного поведения) притворился католиком и часто посещал дом французского посла, с которым завязал тесную дружбу».

Он признался в том, что намеревается убить Елизавету, поместив «бочки с порохом в покоях его матери, которые находятся под королевской опочивальней, чтобы она таким образом взлетела на воздух».[951] В ходе следствия Муди снова посадили в тюрьму, где он просидел еще три года. За Шатонефом установили слежку, ему запретили сообщаться с французским двором. Он понимал, что ему расставили ловушку. Те, кто задумал заговор, собирались оказать давление на Елизавету, а также в критический период успешно нейтрализовать французского посла. Секретаря де Траппа позже без шума освободили из Тауэра, а через два месяца, когда опасность миновала, правительство объявило, что произошло ужасное недоразумение, и постаралось сгладить отношения с Францией. Как Уолсингем позже признавался послу, весь эпизод был задуман Стаффордом в попытке выманить деньги.[952]

В январе Елизавета через Ваада отправила письмо сэру Эдварду Стаффорду. Она писала, что, «хотя она не сомневается в его верности и невиновности, однако, поскольку преступник его брат, она сочла, чтобы переписку по его поводу вел другой посланник, который будет держать его в курсе дела». Королева упоминала и о том, как поступок Уильяма Стаффорда повлиял на его мать Дороти: «Ваша матушка, чье горе близко нам как наше собственное, прибавляет к нашим свои слова любви и наилучшие пожелания вам, который занимает такой пост».[953] «Душевное горе» леди Стаффорд и огорчение по случаю «скандального участия» сына в заговоре против ее любимой королевы было так велико, что она перестала просить королеву вернуть земли и имения, отошедшие короне вследствие лишения гражданских прав за государственную измену.[954]

Хотя сама леди Дороти оставалась самоотверженно преданной Елизавете, ее сыновья злились на нее, считая плохой матерью. Их раздражение вызывала ее верность королеве. Скорее

всего, «заговор Стаффорда» задумал Уолсингем; с помощью такой уловки он рассчитывал убедить королеву в том, что Мария Стюарт крайне опасна. Однако, если вспомнить, как огорчилась леди Стаффорд, которая могла бы повлиять на королеву, открыть ей глаза, скорее всего, Елизавете вначале не рассказали о сути заговора. После «дела Стаффорда» власти также получили возможность поместить Шатонефа под домашний арест и разорвать его связи с Францией в то время, когда предпринимались действия против низложенной королевы Шотландии. В мае, когда Елизавета вернула французскому послу свое расположение, она шутила с ним о произошедшем, ведя себя так, словно заговор не имел никакого значения.[955] Если все это правда, Уильям Стаффорд предстает не заговорщиком, чего вначале боялась Елизавета, но ключевой фигурой в шпионской сети Уолсингема. В конце концов Уильяму Стаффорду не предъявили никаких обвинений, но, по неизвестным причинам, он оставался в Тауэре еще не менее полутора лет.[956]

Брата Уильяма, Эдварда Стаффорда, также обвинили в пособничестве Марии Стюарт. В 1583 г. его назначили послом во Франции; во многом его назначение стало следствием влияния, какое оказывала на королеву его мать. Едва прибыв на место, в первой же депеше Эдвард попросил, чтобы Сесил «запечатал это в другую бумагу и доставил моей матери, не вскрывая, как и все копии, которые я отныне буду вам посылать».[957] Следовательно, леди Стаффорд получала доступ к дипломатической переписке. Хотя Сесил, возможно, не всегда выполнял просьбу Эдварда Стаффорда, Дороти, несомненно, была самой информированной и влиятельной защитницей сына перед лицом королевы. Такое положение сильно раздражало Уолсингема, который требовал, чтобы его держали в курсе дипломатических и разведывательных дел. Он приказал своим «дознавателям» в порту Рай перехватывать и вскрывать все письма Стаффорда.[958] Эдвард Стаффорд жаловался Сесилу: «С тех пор как я сюда приехал, мне служат очень дурно… Мне известно, что его [Уолсингема] стараниями королеве… внушили, что важные новости должны поступать из других источников; но некоторые вести приходят от меня, а он задерживает их и первыми доставляет свои».[959]

Отчаянно желая доказать свою значимость и продемонстрировать независимость, сэр Эдвард шел на все более безрассудные шаги. Так, в ноябре 1583 г. он предложил включать в свои депеши заведомо ложные сведения – на тот случай, если диппочту перехватывают. Он предупредил королеву, что куски, содержащие ложные сведения, будут выделяться специальной пометкой и она поймет, «что они приписаны нарочно и не на

самом деле».[960] Как писал Стаффорд в свою защиту, «я ни разу не слышал, что какого-либо посла обвиняли в том, что он идет на все ради того, чтобы добыть важные сведения».[961] Он все больше и больше рисковал ради того, чтобы узнать нечто ценное. Весной 1584 г. сэр Эдвард оказался причастен к делам католика-заговорщика Чарлза Арундела, а в октябре задержали Майкла Муди, бывшего слугу Стаффорда, который поступил на придворную службу. Муди арестовали по приказу Уолсингема на том основании, что он передавал письма католикам. Осенью следующего года Уолсингем задержал Уильяма Лилли, еще одного слугу Стаффорда, на том основании, что он читал «Благоденствие Лестера».[962]

Уолсингем упорствовал в своем желании отозвать посла, он собирал доказательства того, что сэр Эдвард – неисправимый азартный игрок. Узнав, что Стаффорд наделал много долгов, его скомпрометировали; он принял авансом 6 тысяч крон от герцога Гиза в обмен на то, что обещал делиться содержимым дипломатической почты, тем самым выдавая своих английских осведомителей и продавая государственные тайны врагу в те дни, когда международная обстановка была напряженной.[963] Стаффорда обвинили и в том, что он действовал в интересах Испании; он неоднократно отрицал наличие у Филиппа II враждебных намерений и передавал письма из Англии, содержавшие важные сведения, в Мадрид. В письме из Парижа в июле 1587 г. Мендоса, бывший испанский посол в Англии, причастный не к одному заговору с целью убийства королевы, сообщал своему королю, что сэр Эдвард прислал к нему Чарлза Арундела, «дабы выяснить у вашего величества, каким образом он может быть вам полезен». Как писал Мендоса, известно было, что Стаффорд «сильно нуждается в деньгах»: «Даже если бы он [Стаффорд] не сделал такого предложения, его бедность уже служит достаточным основанием для того, чтобы ждать от него любых услуг, если есть надежда получить за них вознаграждение». Вскоре Арундел привез и первую важную новость от сэра Эварда: английский флот собирается отплыть в Португалию.

«Посол велел Аруделу немедленно передать это вашему величеству, что, по его словам, послужит примером и первым взносом [залогом] его доброй воли; через две или три недели он даст знать, продолжается ли подготовка к отплытию, а также сообщит точное количество кораблей, людей, запасов и остальные подробности предприятия».[964]

В письме от 28 февраля Мендоса докладывал, что санкционировал уплату своему ценному «новому

корреспонденту» 2 тысяч крон.[965] Следующие полтора года в депешах Мендосы содержалась масса подробной информации, касающейся английской политики. Сведения он получал от «нового друга». Судя по всему, им стал английский посол, хотя сэр Эдвард позже уверял, что действовал как двойной агент, намеренно предоставляя испанцам ложные сведения с ведома елизаветинского правительства. В декабре 1586 г. Стаффорд предупредил испанцев о том, что сэр Фрэнсис Дрейк готовится к походу на Кадис («чтобы подпалить бороду королю Испании»), и заранее предупредил испанцев о нападении англичан.[966]

Если Уолсингем сам снабжал Стаффорда ложными сведениями о планах Дрейка, скорее всего, он подозревал посла в измене. Качество данных, которые Стаффорд пересылал на родину, было низким; он преувеличивал враждебность французских католиков, давая понять, что главные враги Елизаветы – они, а не испанцы. По мере того как росла угроза со стороны Испании, деятельность сэра Эдварда угрожала роковым образом подорвать национальную безопасность.

Глава 41
Кошмары

Марию, королеву Шотландии, признали виновной 4 декабря 1586 г., но Елизавета долго отказывалась подписывать смертный приговор.[967] Она по-прежнему со смешанными чувствами относилась к тому, что казнят королеву, помазанную на царство. Елизавета еще надеялась, что Марию можно будет убить келейно, подослав наемного убийцу в замок Фотерингей, а не казнить ее публично, но сэр Эмиас Паулет, тюремщик Марии, притворился, будто подобное предположение его потрясло. Елизавета упорствовала: разве подписавшие «Обязательство содействия» не должны карать смертью всех, кто собирался причинить ей вред? Наконец в конце декабря королева уполномочила Сесила составить приказ о казни Марии. Добыть подпись Елизаветы под документом поручили Уильяму Дэвисону, недавно назначенному секретарю Тайного совета.

То время было очень напряженным, боялись беспорядков, заговоров с целью спасти Марию и новых покушений на жизнь королевы. В конце января 1587 г. Уолсингем писал о том, как всю страну охватила огромная тревога: «За границей пошли ложные слухи о том, что королева Шотландии бежала из тюрьмы, что Лондон в огне, что несколько тысяч испанцев высадились в Уэльсе, что некоторые представители знати бежали и тому подобное… Слухи порождают брожение умов и замешательство; подобного, на мой взгляд, не случалось в Англии уже сотню лет, ибо ложные слухи, шум и крики разносятся по всей стране, с севера в наши края, а на западе достигают самого Корнуолла».[968]

Уильям Дэвисон держал у себя документ пять или шесть недель, надеясь, что Елизавета наконец подпишет его. 1 февраля королева послала за ним. Встревоженная слухами, ходившими по стране, она объявила, что решилась казнить Марию, и подписала документ. Позже в тот же день, как велела Елизавета, Дэвисон передал документ лорд-канцлеру сэру Томасу Бромли, дабы тот приложил к нему Большую государственную печать.

Однако на следующее утро, беседуя с сэром Уолтером Рэли в приемном зале Гринвичского дворца, Елизавета вызвала к себе секретаря Дэвисона и призналась, что накануне ночью ей приснился страшный сон. Во сне ее шотландскую кузину казнили без согласия Елизаветы. Королева велела Дэвисону пока ничего не предпринимать. Секретарь ответил, что документ уже

скреплен печатью. По словам Дэвисона, больше Елизавета ничего не говорила.[969]

Не зная, действовать ли согласно подписанному Елизаветой приказу, Дэвисон пошел к Хаттону и Сесилу, которые назначили на следующий день заседание Тайного совета. Было решено, что они приступят к действиям без дальнейших консультаций, «так как неуместно и неудобно более беспокоить по этому поводу ее величество».[970] В замок Фотерингей немедленно послали Роберта Била, секретаря совета, в сопровождении двух палачей. Сопроводительное письмо графам Шрусбери и Кенту, которых назначили председательствовать во время казни, подписали все члены Тайного совета, в том числе Уолсингем, сказавшийся больным. В письме такое положение дел назвали «особой услугой [королеве], направленной на личную безопасность ее величества и общий покой во всей стране».[971]

В восемь утра в среду 8 февраля Марию, одетую в черное, с распятием слоновой кости в руках, повели на эшафот, сооруженный в большом зале замка Фотерингей. Она положила голову на плаху в ожидании удара палача. Первый удар пришелся мимо и отсек часть ее черепа. Голову от шеи отделили лишь со второй попытки. После этого Ричард Флетчер, декан Питерборо, воскликнул: «Так погибнут враги королевы Елизаветы!»[972]

На следующий вечер Сесилу выпало передать Елизавете, что ее кузина, королева Шотландии, мертва.[973] Елизавета немедленно «слегла в постель из-за великого горя, какое она испытала из-за этого несчастья».[974]

К утру горе и замешательство сменились пылким гневом. Королева призвала к себе сэра Кристофера Хаттона и выбранила его за сыгранную им роль в деле, которое она, по ее словам, «никогда не приказывала и не имела в виду».[975] Она угрожала бросить всех членов Тайного совета в Тауэр за такое откровенное неповиновение ее приказам, а пока «велела им не показываться ей на глаза».[976] Основная сила ее гнева обрушилась на Дэвисона; Елизавета считала, что он злоупотребил ее доверием, дав ход подписанному ею смертному приговору. Дэвисона лишили должности, допросили в Звездной палате и посадили в Тауэр. Елизавета грозила ему казнью; его оштрафовали на 10 тысяч фунтов, сумму, значительно превышающую его средства. Дэвисон должен был оставаться за решеткой до тех пор, «пока так распорядилась ее величество».

Хотя штраф ему простили, Дэвисон провел в Тауэре год и восемь месяцев; его так и не допустили назад, на королевскую службу.[977] Сесилу, после многолетней верной службы, запретили показываться королеве на глаза; он несколько месяцев

пробыл в опале. Некоторое время Елизавета называла его «предателем, обманщиком и злым негодяем». Обычно гордый и прагматичный, шестидесятишестилетний Сесил вынужден был писать отчаянные письма, в которых умолял разрешить ему хотя бы лежать у ног Елизаветы в надежде, «что крупицы Вашего милосердия… утолят боль моего сердца».[978] Его приятельница леди Кобэм, одна из старейших наперсниц Елизаветы, уверяла его: «Если вы напишете письмо, я его передам. С радостью окажу вам такую услугу».[979] Ей удалось не только замолвить за Сесила слово перед королевой, но и регулярно держать его в курсе всего, что происходило за время его отсутствия. Наконец в марте Сесила снова допустили к королеве. В дни, последовавшие после казни Марии, Елизавета не ела и не спала. В совместном письме от 12 февраля ее советники умоляли ее «вернуться к естественной пище и сну, дабы поддержать Ваше здоровье».[980] В первое воскресенье после смерти Марии Ричард Флетчер, один из любимейших священников Елизаветы, столкнулся со сложной задачей. Ему предстояло вести службу в небольшой королевской часовне в Гринвиче.[981] Будучи деканом Питерборо, Флетчер присутствовал на процессе и казни Марии; он осуждал шотландскую королеву за ее предательский католицизм. Елизавета сидела на возвышении, придворные стояли внизу. Флетчер назвал казнь Марии «судом Божиим» и просил Елизавету возвыситься над своим горем и преследовать врагов и тех, кто покушался на ее жизнь.[982]

Вскоре после того, как Елизавета узнала новости из Фотерингея, она написала Якову VI. В письме она отрицала свою причастность к казни его матери: «Мой дорогой брат, хотелось бы мне, чтобы вы узнали (но не почувствовали) ту крайнюю скорбь, какая владеет моей душой, ибо вопреки моим намерениям произошел страшный несчастный случай… В произошедшем нет моей вины, в чем свидетелями служат Бог и многие люди… Я не настолько труслива, чтобы отступать от правого дела или отрицать его из страха перед каким-либо живым существом или государем. Я не настолько низкого происхождения и не питаю злых намерений… Уверяю вас… если бы я в самом деле намеревалась так поступить, я бы ни за что не переложила свою вину на других; и не проклинала бы себя тем больше… со своей стороны, считайте, что нет у вас на свете более любящей родственницы и более близкого друга, чем я; никто так, как я, не будет больше заботиться о сохранении вас и вашего имущества… ваша любящая сестра и кузина *королева Елизавета*».[983]

Роберту Кэри, младшему сыну лорда Хенсдона, ставшему курьером по особо важным поручениям, приказали доставить

письмо Якову. Король Шотландии «очень тяжело» воспринял весть о смерти матери. На улицах Эдинбурга собирались толпы, угрожавшие английской королеве. Агент Уолсингема в столице Шотландии прислал в Лондон едкую эпиграмму, в которой Елизавету называли «Иезавелью, английской шлюхой».[984]

Беспорядки начались и в католической Европе.[985] Сэр Эдвард Стаффорд сообщал из Парижа: «Откровенно говоря, все здешние жители в ярости и выражают нелюбовь свою к ее величеству и желают ей всяческих несчастий». Он добавлял, что Генрих III, король Франции и бывший деверь Марии, «очень тяжело воспринял» новость и немедленно разорвал дипломатические отношения с Англией.[986] Несколько месяцев король отказывался принять Уолсингема, которого Елизавета назначила посланником; Уолсингем добивался аудиенции, желая объяснить причины казни. Французы тут же воззвали к мести. Такова была сила их ненависти, что французский король счел себя обязанным послать письмо Стаффорду, в котором требовал, ради его же личной безопасности, не покидать здания посольства в Париже.

Парижские священники и полемисты резко осуждали казнь Марии Стюарт. Началась настоящая пропагандистская война: католики выставили неприглядные портреты Елизаветы, а гугеноты отвечали рисунками, на которых английская королева представала во всем величии. Рисунки сопровождались панегириками.[987] В апреле 1587 г. Уолсингем предупредил Стаффорда, что будет редактировать его депеши, чтобы Елизавета не знала, как французы возмущены казнью; он боялся, что новости лишь распалят ее гнев по отношению к членам Тайного совета.[988]

Английские и шотландские ссыльные католики, жившие во Франции, осуждали Елизавету в печати и широко обсуждали ее ночные кошмары и бессонницу, преследовавшие ее, по слухам, с того дня, как она подписала Марии смертный приговор.[989] В сочинении «Мучения королевы Шотландии» (Martyre de la royne d'Escosse), написанном Адамом Блэквудом вскоре после гибели Марии, утверждалось, что сэр Уолтер Майлдмей пошел к Дадли, когда тот еще лежал в постели, и предупредил его об «очевидной опасности и гибели для его положения», поскольку Марию казнили с «непростительной жестокостью», «вопреки положениям закона, права или доводов разума и без каких-либо следов правосудия». По словам Блэквуда, Дадли немедленно выскочил из постели и в одной ночной сорочке отправился прямиком в опочивальню Елизаветы – «куда он часто заходил не по таким срочным делам», – чтобы предупредить ее о возможных

последствиях казни». Дороти Стаффорд, «которая находилась в постели королевы», закричала «ужасным голосом», разбудив королеву, а затем разрыдалась. Она сказала Елизавете, что видела страшный сон, в котором королеву Шотландии обезглавили, а сразу после этого и голова самой Елизаветы покатилась с плеч. Елизавета объявила, «что то же видение было во сне и ей, отчего она пребывает в глубоком ужасе», и в результате она передумала и отменяет казнь Марии.[990] В другом издании Блэквуд пишет о том, как, подписав смертный приговор, Елизавета, «гарпия», не спала всю ночь, так как в ее душе «поселилась другая дьяволица, которая мучила ее из-за казни кузины до такой степени, что она раскаялась в своем злодеянии».[991]

Пропагандистское сочинение Блэквуда, в котором Елизавету в очередной раз осуждали за «распутство», напечатали во Франции и распространяли во всех католических странах Европы.[992] Нападки на Елизавету всегда начинались с ужасных подробностей ее зачатия – лакомого куска для всех противников елизаветинского режима. Блэквуд ссылался на ее незаконнорожденность и на то, что она появилась на свет в результате инцеста, намекая на то, что королева «не только бастард», но также рождена «от тройного инцеста и не имеет права занимать английский трон».[993] Свою развращенность она унаследовала от матери, Анны Болейн, которую Блэквуд называл «hacquenee d'Angleterre» (английской кобылой).[994]

В других сочинениях использовались сходные представления. В 1587 г. напечатали «Английскую Иезавель» (De Jezebelis Anglae), сборник стихов на французском и на латыни, поносящих Елизавету. Стихотворение «об Иезавели» было прибито к двери собора Парижской Богоматери; в нем описывалось, как Анна Болейн спала и с родным братом, и с Генрихом VIII, поэтому неясно, кто из них стал отцом Елизаветы.[995] В Vers Funebres, приписываемом кардиналу дю Перрону, развивалась тема Елизаветы – «чудовища, зачатого в прелюбодействе и инцесте; клыки ее обнажены для убийства, она марает и оскверняет священное право верховной власти и изрыгает свою желчь к небесам».[996] В других стихах утверждалось, что у Елизаветы имеются внебрачные дети, родившиеся от беззаконных связей с членами Тайного совета, особенно с графом Лестером, и что Елизавета намеренно избегает брака, потому что хочет без помех продолжать свои безнравственные удовольствия.[997]

После казни Марии английские католики потеряли лидера, особу, стоявшую за большинством заговоров; тем резче обозначалась испанская угроза. Мария дала Филиппу II

Испанскому письменное обещание: если он ей поможет, она завещает ему свои права на английский престол. Сама она так и не стала королевой Англии, но после ее смерти Филипп, таким образом, становился первым католиком в ряду потенциальных наследников. Так как Филипп был потомком Джона Гонта, 1-го герцога Ланкастера, и Эдуарда III, в его жилах текла английская королевская кровь; обладал он и достаточной военной мощью для того, чтобы закрепить свои притязания. Английские иезуиты, Уильям Аллен и Роберт Персонс, вернувшиеся на континент, уговаривали Филиппа начать войну с Елизаветой, и духовник просил Филиппа напасть на Англию, «дабы отомстить за зло, причиненное Богу и миру этой женщиной, превыше всего выразившееся в казни королевы Шотландии».[998]

Глава 42
Внебрачный сын?

В июне 1587 г. на северном побережье Испании нашли потерпевшего кораблекрушение молодого англичанина. Заподозрив в нем шпиона, его арестовали и допросили. Затем его отправили в Мадрид, в дом сэра Фрэнсиса Энглфилда, католика и бывшего советника сводной сестры Елизаветы, Марии I. Позже Энглфилд стал английским секретарем Филиппа II. Подробности допроса изложены Энглфилдом в четырех письмах, которые он позже отправил Филиппу.[999]

Англичанин, чей возраст, по мнению Энглфилда, составлял около двадцати пяти лет, рассказал невероятную историю. По его словам, его звали Артур Дадли. Его вырастил Роберт Сазерн, чья жена служила верной наперснице Елизаветы, «еретичке» Кэт Эшли. Джон Эшли, муж Кэт и хранитель сокровищ королевской опочивальни, назначил Сазерна управляющим одним из домов королевы в Энфилде; именно туда начиная с восьмилетнего возраста увозили Артура каждое лето, а также в то время, когда в Лондоне вспыхивала чума или другая эпидемия. Его учили латыни, итальянскому, французскому, музыке, фехтованию и танцам.

Когда Артуру исполнилось пятнадцать лет, он сказал Эшли и Сазерну, что хочет поискать приключений и уехать за границу. После того как они отказались отпустить его, он украл кошелек с монетами и бежал в порт Милфорд-Хейвен в Уэльсе, где собирался сесть на борт корабля, идущего в Испанию. Однако уплыть он не успел: его арестовали по приказу Тайного совета, вернули в Лондон и препроводили в Пикеринг-Плейс, где жил сэр Эдвард Уоттон. Там, в присутствии сэра Томаса Хениджа, он помирился с Джоном Эшли.

Наконец, четыре года спустя, Артуру дали разрешение поехать за границу солдатом на службе французского полковника де ла Нуя в Нидерланды. Его сопровождал слуга Роберта Дадли. Когда де ла Нуй впоследствии попал в плен, Артур бежал во Францию, но позже вернулся в Англию, узнав о тяжелой болезни Роберта Сазерна. Сазерна он нашел в Ившеме, где тот содержал трактир. На смертном одре Сазерн открыл Артуру подлинные обстоятельства его рождения. Однажды ночью в 1561 г. Сазерна вызвала к себе Кэт Эшли. Она велела ему ехать в Хэмптон-Корт. Там он встретил «леди Харингтон», возможно Изабеллу Харингтон, одну из статс-дам Елизаветы и мать королевского

крестника Джона. Изабелла Харингтон передала Сазерну новорожденного мальчика. Ему сказали, что мальчик родился у одной придворной дамы, «которая беспечно обошлась со своей честью», и что, если о произошедшем станет известно, это навлечет «великий позор на всех и в высшей степени не понравится королеве, если она о том узнает». Мальчика назвали Артуром; Сазерну и его жене приказали взять его к себе и воспитать со своими детьми. Они решили, что мальчик послан им вместо сына, умершего во младенчестве. Хотя умирающий Сазерн отказывался сообщить что-либо еще, после настойчивых расспросов, сказав, что хочет очистить совесть перед смертью, он все же признался, что родители мальчика – королева Елизавета и граф Лестер. Затем Артур поехал в Лондон, чтобы расспросить обо всем Джона Эшли. Эшли велел ему никому не повторять то, что рассказал Сазерн, и оставаться вблизи двора, но Артур, боясь, что ему грозит опасность, покинул Лондон и отправился во Францию. Там, как он объяснил Энглфилду, он узнал о замысле герцога Гиза создать Католическую лигу, угрожавшую Англии; он предупредил обо всем Эшли и сэра Эдварда Стаффорда. Вскоре после этого в Гринвичском дворце он впервые увидел Роберта Дадли. Тот отвел Артура к себе и подтвердил, что он – его отец. Дадли «слезами, словами и другими проявлениями» выказал столько любви к нему, что Артур понял: признание Сазерна на смертном одре было правдой.

Уолсингем, которого известили о прибытии Артура, с подозрением отнесся к загадочному юноше и начал расспрашивать его. Артур бежал от двора и сел на корабль, везущий английских солдат в Нидерланды.

В своем письме Филиппу Энглфилд сообщал, что англичанин, по его словам, католик; он участвовал в нескольких заговорах в поддержку католической веры. Он переписывался с курфюрстом Кельнским и папой римским, совершил паломничество в базилику Девы Марии Монтсерратской в Каталонии. В начале 1587 г., узнав о казни Марии Стюарт, Артур решил отправиться в Испанию. Его корабль потерпел крушение в Бискайском заливе, затем его отвезли в Мадрид к Энглфилду для допроса. Он сказал Энглфилду: он считает, что Роберт Дадли злоумышлял против Марии Стюарт и именно поэтому ее приговорили к смерти. Теперь, по его словам, он беспокоился, что агенты королевы Елизаветы разыщут его и убьют, чтобы обстоятельства его появления на свет оставались в тайне. Он обещал королевскому секретарю: если Филипп защитит его, он напишет свою биографию, в которой раскроет подробности своего рождения, и испанцы смогут использовать документ по своему усмотрению.

[1000] Рассказ Артура, записанный по-английски, уместился на трех листах бумаги; Энглфилд перевел его для Филиппа на испанский язык. Затем Артура препроводили в замок Аламеда, где допрашивали весь следующий год. Иеронимо Липпомано, венецианский посол в Испании, сообщал дожу и сенату, что молодой человек «выдает себя за сына королевы Англии, однако он у нее в немилости, потому что он католик, и его арестовали». [1001] В другой депеше он назвал Артура «одухотворенным», с «благородной внешностью»; он говорит по-итальянски и по-испански, «хотя его считают шпионом».[1002] Притязания Артура заинтересовали испанское правительство, его разоблачения пришлись на то время, когда Филипп II готовился заявить о правах на английскую корону для себя и своей дочери, инфанты Изабеллы. «Безопаснее всего, – написал Филипп на полях сообщения Энглфилда, – удостоверить его личность и подождать до тех пор, пока нам не будет известно больше». Ни ему, ни Энглфилду не хотелось ничего отдавать на волю случая.

В письме к Сесилу от 28 мая 1588 г. английский агент, скрывшийся за инициалами «БК», сообщал о словах Артура Дадли, что он «якобы является отпрыском нашей королевы и графа Лестера». Считается, что за буквами «БК» скрывается Энтони Станден, он же Помпейо Пеллегрини, один из руководителей шпионской сети Уолсингема в Испании.[1003] В письме сообщалось, что Артур, которому, как установили, «двадцать семь лет», по-прежнему находится в руках испанцев «и его серьезно охраняют и обслуживают» за счет короля. Расходы на его содержание равняются 6 кронам в день, и он «держит [ведет] себя как человек, каким он притворяется». В другом письме, написанном в сентябре, упоминалось, что «бродяга, называющий себя сыном ее величества, находится в Мадриде; ему отпускают 2 кроны в день на стол, однако он никуда не может пойти без своих охранников и живет под домашним арестом». Шпион объяснял, что Артур обладает заметным сходством с человеком, который, по его словам, является его отцом, хотя сэр Фрэнсис Энглфилд, секретарь Филиппа, старый и практически слепой, не в состоянии это подтвердить.[1004] Два года спустя в сообщении, посланном в Англию о «государстве Испания», говорится об Алькантаре, «где содержится англичанин благородного происхождения и приятной наружности, выдающий себя за сына Лестера, на которого он очень похож».[1005] Впоследствии имя Артура Дадли исчезает из хроник.

Может быть, он пробыл в Алькантаре до смерти, а может, бежал и просто отказался от своих притязаний.

* * *

Сэр Фрэнсис Энглфилд явно не знал, как отнестись к тому, что рассказал ему молодой англичанин. Он подозревал, что Елизавета и ее советники «могут воспользоваться им в своих чудовищных целях». Может быть, речь шла о заговоре, имевшем своей целью ввести испанцев в заблуждение и признать в Артуре сына королевы, а затем и предложить его в качестве возможного наследника престола, тем самым отрезав от престолонаследия Якова VI Шотландского. А может, «Артур Дадли» был шпионом, с помощью которого английское правительство надеялось узнать о подготовке Испании к вторжению в Англию. Весной 1587 г. Уолсингем писал подробные инструкции о том, как следует собирать сведения об иноземных врагах королевы, и решил засылать в Испанию агентов под видом недовольных англичан. В одной из его памятных записок особо оговаривается необходимость внедрить шпиона в самое сердце испанского двора.[1006]

В конце концов Энглфилд пришел к заключению: существует большая вероятность того, что Артур говорил правду и не ведал о том, как его используют: «По-моему, весьма вероятно, что его откровения… исходят от королевы Англии и ее совета, чьих замыслов и целей сам Артур, скорее всего, не понимает. Может быть, если они решили покончить с шотландским троном, они нарочно заставили парня принять католичество и выдавать себя за сына королевы, чтобы выведать мнение других государей и заявить о своих правах. Впоследствии королева, возможно, признает его или назначит на такой пост, который покажется желанным соседним монархам. А может быть, они используют его как-то иначе в своих чудовищных целях».

Далее Энглфилд писал: «Обнаружено также, что он [Артур] обладает известным сходством с графом Лестером, с которым во многом связывает осуществление своих надежд. Эта и другие подробности убеждают меня в том, что королева Англии не пребывает в неведении о его претензиях, хотя, может быть, ей и неприятно, что ее грехи таким образом становятся известны всему миру, по каковой причине она, возможно, хочет и дальше держать его [Артура] в низком и неопределенном положении, так как это вопрос политический, а также для того, чтобы не обнародовать доказательства своей безнравственности (коронованные особы обычно при жизни не признают своих бастардов). Кроме того, она всегда считала, что для нее опасно назначать наследника при жизни, хотя он и утверждает, что она якобы распорядилась, чтобы граф Лестер и его сторонники

сумели посадить его (Артура Дадли) на престол после того, как она умрет. Возможно также, она собирается женить его на Арабелле (Стюарт)… По этой и другим причинам я придерживаюсь того мнения, что его следует не отпустить, но держать под пристальным наблюдением, предотвращая его побег… не приходится сомневаться в том, что французские и английские еретики или какие-либо другие стороны могут обратить его к своей выгоде или, по крайней мере, воспользоваться им как предлогом и не дать вернуть Англию к истинной вере (ибо мне он кажется фальшивым католиком) и передать корону ее законному владельцу; особенно же после того, как в Англии приняли закон, по которому из линии престолонаследия исключаются все, кроме прямых родственников королевы».

Если Энглфилд был прав и Артур Дадли был английским агентом или марионеткой, тогда понятно, почему испанцы держали его под домашним арестом и не спешили заявить о его правах, несмотря даже на то, что с его помощью могли доказать безнравственность Елизаветы. Скорее всего, Елизавета и ее приближенные искусно сыграли на слухах, которые много лет клубились вокруг ее опочивальни, и воспользовались ими в собственных целях как средством приблизиться к испанскому двору.

Глава 43
Орудия Сатаны

Астрологи и пророки предсказывали на 1588 г. катастрофу. Рафаэль Холиншед, хроникер того времени, описал одно древнее пророчество, которое «сейчас у всех на устах». Согласно ему, в 1588 г. должна произойти большая перемена или окончательный распад государства. Хроника Холиншеда оканчивается молитвой, в которой Бога просят «сжалиться над королевством Англия, а равно и над ее драгоценностью – доброй королевой Елизаветой – спасти ее, зеницу Его ока» от всех «пагубных деяний орудий Сатаны… Мы молим Бога… чтобы Евангелие… прославилось в Содружестве Англии: уголке мира, о Господи, которое Ты выбрал для возвеличения Твоего».[1007]

После казни Марии Стюарт в феврале 1587 г. средоточием католических ссыльных за границей, возглавляемых кардиналом Уильямом Алленом и иезуитским священником Робертом Персонсом, стало так называемое «Предприятие Англия», вторжение во владения Елизаветы соединенными силами Испании и папского Рима. Аллен и Персонс подали петицию Филиппу Испанскому, в которой просили его принять меры, и заверяли его, что они поддержат его притязания на английский престол, так как он является потомком королевского дома Ланкастеров.[1008] Филипп уже принял стратегическое решение поддержать «Предприятие»; полным ходом шли приготовления к вторжению. Обсуждались подробности захвата, флот привели в полную боевую готовность, добывалось оружие и боеприпасы, вербовались люди. В июле 1587 г. папа Сикст V обещал денег в поддержку «Предприятия» и даровал Филиппу право называться достойным католическим наследником английского престола.

В 1588 г. Уильям Аллен написал «Наставление дворянству и народу Англии и Ирландии касательно предстоящих войн».[1009] В своем сочинении он призывал английских католиков свергнуть Елизавету, которую Аллен поносил в дерзкой форме, называя «бастардом, плодом инцеста, зачатой и рожденной во грехе» от Генриха VIII и его «протестантской шлюхи» Анны Болейн, а также кощунницей-еретичкой, ведущей страну к гибели.[1010] Главной темой трактата стала половая распущенность Елизаветы. Аллен писал, что с Робертом Дадли «и многими другими она оскорбляла свое тело, вопреки законам Божиим, к позору королевского величества и укорам всего народа, немыслимыми и невероятными измышлениями похоти».[1011] Аллен обвинял

Елизавету в том, что, «сделав свой двор ловушкой, с помощью этого отвратительного и омерзительного искусства, она улавливает в греховные сети и губит молодых представителей знати и благородных уроженцев страны».[1012] По мнению Аллена, Елизавета непригодна к управлению не только из-за своей неспособности править, но и из-за своей незаконнорожденности и невоздержанности.

Памфлет Аллена напечатали; его готовили к отправке в Англию после того, как Армада завершит вторжение. Сесил немедленно приказал конфисковать «Предупреждение» как изменнический памфлет. 1 июля 1588 г. выпустили королевскую прокламацию, в которой призывали судить по законам военного времени «перевозку и перевод» «Предупреждения», а также «распространение и обладание» «ложными, клеветническими и изменническими трактатами, книгами и памфлетами… скрытым и тайным образом провозимыми в нашу страну, где они не только занимаются самыми ложными и чудовищными измышлениями, клевещущими на ее величество и порочащими ее… но также действуют исподволь, заражая подданных ее величества, уводя их от должного повиновения, волнуя и возбуждая народ, призывая его вооружиться против Бога и их законной правительницы и примкнуть к иноземным врагам…»[1013]

Всю весну и начало лета, по мере того как рос страх перед неминуемым испанским вторжением, Англия крепила оборону. В июне королева написала письмо маркизу Винчестерскому и графу Суссексу, комендантам округа Саутгемптон, в котором сообщала о «великих приготовлениях иностранных сил, совершаемых с намерением вторгнуться в нашу страну и другие наши владения». Елизавета приказывала им позаботиться о том, чтобы ее подданные, находящиеся на вверенной им территории, были «готовы защищаться при любой попытке напасть на нас и нашу державу». Во всех городах надлежало выставлять ночную стражу, всех подозрительных немедленно задерживали. Усилились гонения на католических священников и всех, кто их укрывал. Чтобы заблокировать проход вражеских кораблей в Темзу, соорудили передвижной барьер из огромных тяжелых цепей и корабельных канатов, которые связали вместе и протянули через реку от Грейвсенда до Тилбери. Их удерживал кордон из небольших судов, стоявших на якоре, и мачты свыше сотни больших кораблей, стоящих непрерывной цепью.[1014]

В то время как командование армией поручили лорду Хансдону, лорда Томаса Говарда назначили командующим флотом, а Роберта Дадли, которому перевалило за пятьдесят, – командующим гарнизоном в Тилбери, где ожидали высадки

испанцев.[1015] Граф Лестер снова был в фаворе после своего позорного возвращения из Нидерландов, когда он столкнулся с отчуждением Елизаветы.[1016] Хотя в Англии активно велись приготовления к обороне, посол во Франции сэр Эдвард Стаффорд продолжал обманывать свое правительство, неоднократно посылая заверения в том, что испанская Армада расформирована и угроза Англии ослаблена. Копию одного письма, написанного в январе 1588 г., передали командующему английским флотом адмиралу Томасу Говарду. К словам Стаффорда он отнесся недоверчиво: «Не знаю, что и думать о заявлении моего брата [шурина] Стаффорда; будь правдой то, что силы короля Испании рассеяны, я бы не желал ее королевскому величеству нести такие издержки, какие она несет сейчас; но, если это уловка, направленная на то, чтобы ослабить нашу бдительность, я даже не знаю, что из этого может получиться».[1017]

Если Стаффорд и сделал пометку на полях, демонстрируя, что намеренно шлет ложные сведения, значит, правительство забыло о ее значении; в противном случае сообщения о том, что Испания больше не намеревается осуществить вторжение в то время, когда Армаду всеми силами готовились спустить на воду, явно указывали на измену.

3 мая 1588 г. Стаффорд высказал предположение, что Армада отправится в Алжир. Когда на следующий день он наконец сообщил, что видел в кабинете Мендосы, испанского посла в Париже, письмо, в котором содержались намеки на кампанию против Англии, Стаффорд высказал предположение, что письмо оставили намеренно, чтобы обмануть его, как и дальнейшие доказательства того, что Армада вооружается с другой целью и направляется в другое место. В своих последующих депешах Стаффорд также дезинформировал правительство. 16 июня он сообщил Уолсингему, что, по его мнению, Армада отправится в Индию; 8 июля утверждал, что вспышка чумы вернулась в Испанию, а 13 июля уверял, что в Париже ставят шесть к одному против того, что Армада доберется до Ла-Манша.[1018] Елизаветинское правительство явно не полагалось только на сведения, полученные от сэра Эдварда. У Уолсингема и Сесила имелись другие, более надежные источники. И все же удивительно, что против посла не предпринимали никаких действий. Может быть, Елизавета обходилась со Стаффордом мягко благодаря заступничеству его матери, леди Дороти Стаффорд.

* * *

В пятницу 19 июля, через несколько месяцев слухов и ложных тревог испанская Армада вошла в Ла-Манш вблизи архипелага Силли. По всему побережью Англии зажигали маяки, чтобы распространить весть о вторжении. На следующий день английские и испанские корабли сходились в стычках по всему Ла-Маншу. В ночь на 28 июля, когда испанский флот стал на якорь в виду Кале, англичане, воспользовавшись попутным ветром, послали брандеры, вынудив испанский флот рассредоточиться.[1019] Однако Англия была еще не готова к открытому противостоянию, полную мобилизацию можно было провести лишь через несколько недель.

8 августа, презрев личную безопасность, Елизавета с приливом отплыла от Сент-Джеймсского дворца, дабы провести смотр войскам Дадли. Королевскую барку окружала целая флотилия, на которой плыли джентльмены-пенсионеры и йомены, охранявшие Елизавету. В Тилбери королеву встретили фанфарами. Верхом на огромной белой лошади она провела смотр пехоты. Ее сопровождали Дадли и командующий лагерем лорд Грей. Королеву окружали восемь джентльменов-пенсионеров, за ними следовали королевские статс-дамы. В арьергарде скакал отряд гвардейцев. Все падали на колени, когда королева проезжала мимо, и молили Бога сохранить ее.[1020]

В речи, которая стала для нее определяющей, Елизавета снова противопоставила свой женский пол и мужскую отвагу: «Хотя у меня тело слабой и хрупкой женщины, у меня сердце и выдержка короля, к тому же короля Англии, – и я выражаю решительное презрение к тому, что Парма [герцог Пармский, который должен был вторгнуться из Нидерландов] или любой другой европейский правитель посмеет вторгнуться в пределы моих владений».[1021]

Елизавета отождествляла свое девственное, целомудренное тело со своим неприкосновенным островным государством. Подобно тому, что она как лицо физическое хранила чистоту и непорочность, такие же качества характеризовали ее и как лицо юридическое, способное противостоять любой агрессии. Елизавета пробыла в Тилбери до 10 августа, после чего вернулась в Сент-Джеймсский дворец.

В конце концов Непобедимую армаду Филиппа II победили сочетание английской погоды – шторма и неблагоприятные ветра – и искусства моряков под командованием лорд-адмирала барона Говарда. Испанский флот вынужден был рассредоточиться после атаки брандеров, а на рассвете следующего дня у Гравлина состоялось решающее сражение. Остатки Армады вынуждены были отступить на север, к Шотландии, откуда, побитые

штормами и в отсутствие припасов, с трудом отплыли назад, в Испанию.

* * *

В конце августа декан собора Святого Павла официально объявил о поражении Армады, хотя за этим последовали несколько недель неопределенности и опасений того, что испанский флот вернется. Как писал Марко Антонио Мицеа, генуэзец, живший в Лондоне, «мы пребываем в такой тревоге и в таком ужасе, что нет признаков радости среди советников по поводу одержанных ими побед. Они больше похожи на людей, которые несут тяжкое бремя».[1022] Даже Елизавету совет убедил не появляться на благодарственном молебне в соборе Святого Павла «из опасений, что в нее могут выстрелить из аркебузы».[1023]

До конца года главному придворному художнику Джорджу Гауэру было поручено нарисовать огромный портрет, прославляющий победу Англии над испанской Армадой.[1024] Елизавета изображена между двумя сценами: на одной английские брандеры сеют хаос среди кораблей испанского флота, на другой последние испанские суда с трудом уплывают домой. Фигура королевы, которая олицетворяет скорее не ее саму, но суверенитет страны, занимает почти весь холст: она изображена в тяжелом, величественном платье, с широкими рукавами, расшитыми жемчугом, и бархатной юбкой. Большой плоеный воротник и отделанный драгоценностями головной убор обрамляют гладкое, лишенное признаков возраста лицо Елизаветы. В левой руке она держит перо, правая лежит на глобусе, и ее заостренные на концах белые пальцы указывают на Америку. К 1588 г. уже была основана колония Виргиния, положившая начало империи в Новом Свете. У правого локтя Елизаветы покоится имперская корона. Елизавета олицетворяет солнце, которое побеждает силы тьмы. Кружевная лента с большим кольцом помещена на том месте, где у мужчины-монарха находился бы гульфик, и с него свисает большая жемчужная подвеска в форме капли. Жемчуг символизирует непорочность королевы; он как бы охраняет ее нерушимые границы как лица физического и юридического. Хрупкая, женственная фигура Елизаветы заключена в броню и мощь, символизирующие государство. Проводится прямая связь между добродетельностью и целомудрием Елизаветы и растущей мощью Английского государства, силы и целостности Англии как юридического лица, зависящих от силы и нерушимости королевы

как лица физического.[1025]

Глава 44
Забаррикадирована изнутри

26 августа 1588 года Роберт Деверо, молодой 2-й граф Эссекс, поставил в Уайтхолле военное обозрение в честь победы над испанской Армадой. Королева смотрела представление из окна дворца, сидя рядом с Робертом Дадли, отчимом Эссекса. Дадли, вернувший расположение королевы, регулярно обедал с Елизаветой в ее внутренних покоях.[1026] Через несколько дней Дадли покинул двор и уехал в Кенилуорт, а оттуда – на целебные источники в Бакстон, в надежде, что воды восстановят его угасающее здоровье. Утром в четверг 29 августа он написал Елизавете из Райкота в Оксфордшире: «Нижайше прошу ваше величество простить бедного старого слугу за дерзость – я осведомляюсь о том, как поживает моя милостивая госпожа и наступило ли облегчение ее недавним болям, ибо превыше всего на свете я молюсь за ее здоровье и долголетие. Что же касается моего слабого здоровья, я продолжаю принимать ваше лекарство, и оно лечит меня лучше, чем все, что мне дают. В надежде обрести идеальное здоровье в купальне, продолжая, как всегда, молиться за счастливое сохранение вашего величества, смиренно припадаю к вашим ногам».[1027]

Проехав еще несколько миль, Дадли почувствовал себя хуже и вынужден был искать убежища в охотничьем домике Корнбери-Хаус в лесу Уичвуд в Оксфордшире. Он страдал от «продолжительной лихорадки» и «болей в желудке». В четыре часа утра 4 сентября он умер, возможно от приступа малярии, в возрасте пятидесяти шести лет. Его жена, Леттис, была с ним, когда он умер, хотя смерть Дадли никак не смягчила враждебность Елизаветы по отношению к ней.

Хотя при дворе продолжали праздновать победу над испанской Армадой, Елизавета удалилась в свою опочивальню в Сент-Джеймсском дворце, заперлась и прогнала камер-фрейлин, чтобы горевать одной. Она потеряла свою самую большую любовь, мужчину, с которым она вместе выросла, который внушил ей сильную страсть, которого она обожала. По сообщению испанского агента, королева оставалась в своей опочивальне и отказывалась говорить с кем бы то ни было «в течение нескольких дней», а встревоженные фрейлины и советники толпились снаружи.[1028] Уолсингем сокрушался, что не может заниматься государственными делами, поскольку королева, «заявив, что она никого к себе не допустит, очень

горевала из-за смерти главного камергера».[1029] Наконец, по мере того как росло беспокойство за состояние королевы, Сесил приказал взломать двери в ее опочивальню. Елизавета поняла, что пора вернуться к своим обязанностям; она встала с постели, впустила фрейлин и велела им подготовить себя к выходу.

В ответ на письмо от графа Шрусбери, в котором тот поздравлял ее с победой над Армадой и выражал свои соболезнования в связи с кончиной графа Лестера, Елизавета дала понять, что очень расстроена и не намерена обсуждать утрату своего фаворита: «Мы желаем скорее хранить воспоминания как то, в чем мы не в силах утешиться, иначе как подчинив свою волю неизбежной встрече с Господом. Кто тем не менее выражает нам Свою доброту прежним процветающим новостям, намерен все же подвергнуть нас испытаниям потерей столь дорогой нам особы».[1030]

Марко Антонио Мицеа сообщал Филиппу Испанскому, что «королева сильно состарилась и подурнела и пребывает в меланхолии. Ее приближенные говорят, что это объясняется смертью графа Лестера», но Марко Антонио считал, что скорее состояние королевы вызвано «страхом [повторного нападения испанцев], который она пережила, и тяжким бременем, которое она влачит».[1031]

Елизавета всегда отвергала мысль о том, что она когда-либо была влюблена или по крайней мере позволяла себе любить.

«Я слишком обременена заботами, дабы обратить свое внимание к браку, ибо Любовь – обычно отпрыск досуга, а я столь занята обязанностями, что не могла думать о Любви. И поскольку ничто не способно было подвигнуть меня к браку, я не была способна и думать ни об одном мужчине».

Однако после смерти самой Елизаветы рядом с ее постелью нашли небольшую посеребренную шкатулку. Внутри лежало последнее письмо Дадли из Райкота, сложенное и перевязанное шелковой лентой; королева написала на нем: «Его последнее письмо».[1032]

Слухи о Елизавете и Дадли продолжали циркулировать спустя много лет после его смерти. В одной анонимной порнографической сатире, «Новости из рая и ада», которая появилась через несколько недель и ходила по рукам, рассказывалось о «тщетных попытках» Дадли «войти в рай и его последующем схождении в ад». В сатире Дадли изображен обладателем неукротимой сексуальной мощи и политических амбиций. В рукописи Дадли называется уменьшительным именем Робин, которым наградила его Елизавета; автор предполагает, что в аду будет «целую вечность» смотреть во влагалище «голой

демонессы» в платье одной из его любовниц. А член Дадли, «которым он так гордился», превратится в орудие его вечного наказания.

«Нет сомнения, такое приятное зрелище… настолько распалит его, что он не сумеет этого вынести, особенно после того, что всю жизнь он провел в полной боевой готовности и пользовался своим похотливым копьем, разя им в центр ее мишени и вонзая свой кинжал по самую рукоятку в ее бездонную зияющую пропасть. А если он не пожелает попасть туда по собственной воле, назначено, что при малейшем прикосновении орган его мужественности будет погружаться в бездонную бочку ее непорочности, через которую проходит поле негасимого огня… при каждом совокуплении огонь… так опаляет его, что он пребывает в постоянной опасности лишиться верхушки своего стального древка…»[1033]

Поскольку автор сатиры довольно пренебрежительно отзывается о папе, скорее всего, он не был католиком. Судя по тому, что в произведении упоминается, как Дадли оскорблял тех, кто в свое время оказывал ему покровительство, ее написал кто-то из придворных.

Продолжались слухи о внебрачных детях, якобы рожденных королевой от своего фаворита. Через два года после смерти Дадли некая вдова по имени Дионисия Дерик заявила, что у Елизаветы «столько же детей, сколько и у меня, двое из них еще живы, один мужского пола, а второй женского, а остальных сожгли». Дерик заявила, что отцом детей королевы был граф Лестер и что он «бросил их в огонь в той комнате, где они были рождены». В том же 1590 г. Роберт Гарнер рассказывал похожую историю: у Дадли «было четверо детей от ее королевского величества, из которых три дочери живы, четвертый же был сыном, которого сожгли». И Дерик, и Гарнера поставили к позорному столбу за клевету.[1034]

Елизавета, которой исполнилось пятьдесят пять лет, проводила Рождество и Новый год в Ричмонде. Шли дожди, дороги размыло. В дворцовых каминах поддерживали огонь, и придворные развлекались пьесами, пирами, танцами и, как обычно, обменивались подарками. То было первое Рождество Елизаветы без Дадли. Она начала выказывать особую милость к его двадцатиоднолетнему пасынку, Роберту Деверо, с которым особенно сблизилась за прошлый год.[1035] Высокий, очень привлекательный, черноглазый и рыжеволосый, 2-й граф Эссекс был умен, остроумен и кокетлив. Дадли представил его ко двору четыре года назад; прослужив под командованием отчима в Нидерландах, Эссекс вернулся в Англию, где прочно утвердился

при дворе. Елизавету все больше привлекал рыжеволосый юноша. Его молодость оживляла ее и придавала ей новых сил.

Эссекс был очарователен и уверен в себе, однако в то же время отличался упрямством, эгоизмом, крайней амбициозностью и, как и сама королева, вспыльчивостью. Елизавета и Эссекс проводили вместе много времени; несмотря на тридцатиоднолетнюю разницу в возрасте, многие начали задаваться вопросами о природе их взаимоотношений. Во время придворных развлечений Эссекс сидел либо рядом с Елизаветой, либо поблизости от нее; часто видели, как она перешептывается с ним или нежно прикасается к нему. Все лето 1587 г. Эссекс катался верхом или гулял с королевой, они играли в карты и засиживались далеко за полночь. Энтони Баго, один из слуг Эссекса, хвастал, что «даже ночью милорд играет с ней в карты или другие игры и не возвращается в свои покои до утра, когда просыпаются птицы». Баго взволнованно писал своему отцу в Шропшир о том внимании, какое королева уделяет их хозяину: «Он [Эссекс] сам признавался, что через десять дней его назначат королевским конюшим».[1036] В самом деле, 18 июня 1587 г. Елизавета назначила молодого графа на место, которое ранее занимал его отчим, Роберт Дадли, перед тем как стать лорд-камергером.

Отношения Елизаветы с графом отличались страстностью и непостоянством. В июле 1587 г., за год до смерти Роберта Дадли, когда двор переезжал на летние квартиры и приближался к Норс-Холлу (Хартфордшир), где жил граф Уорик, Эссекс поссорился с Елизаветой из-за того, что та пренебрежительно относилась к его сестре Дороти. Та навлекла на себя гнев Елизаветы, выйдя замуж без ее соизволения. Когда Эссекс сказал Елизавете, что его сестра уже находится в Норс-Холле, королева приказала, чтобы Дороти не покидала своих покоев. Эссекс пришел в ярость, обвинял Елизавету в том, что та позорит его самого и его фамильную честь «только для того, чтобы угодить негодному Рэли». Далее он излил свою ревность на сэра Уолтера Рэли, который, как он считал, посмел состязаться с ним за милость королевы. Елизавета тоже вышла из себя и начала бранить Эссекса за поведение его матери Леттис. Граф понял, что зашел слишком далеко, и среди ночи приказал слугам приготовить свои вещи и вещи Дороти к отъезду из Норс-Холла. Эссекс затем сообщал о встрече в письме другу: «Казалось, она не выносит ни слова против него [Рэли]; уцепившись за одно слово «презрение», она сказала, что у меня нет ни одного повода презирать его. Ее речи так огорчили меня, что я постарался как можно доходчивее объяснить ей, кто он и что он, а затем предоставил ей решать, есть ли у меня повод

презирать его за соперничество и могу ли я утешиться, служа госпоже, которая благоговеет перед таким человеком. Я старался с горечью и пылом высказать все, что у меня накипело против него; по-моему, если он стоял у двери, он вполне мог подслушать все плохое, что я говорил о нем. В конце я сказал, что, поскольку она решительно настроена его защищать, я не испытываю никакой радости оттого, что нахожусь где бы то ни было, но мне противно находиться рядом с ней, когда я знаю, что моя привязанность к ней растоптана, а такой негодяй, как Рэли, пользуется ее высоким почтением…»[1037]

Эссекс решил уехать из Англии в Нидерланды: «Если я вернусь, меня встретят дома с радостью; если нет, una bella morire лучше, чем беспокойная жизнь».[1038] Однако, когда он направлялся в Сандвич, где должен был сесть на корабль, его перехватил посланный королевой Роберт Кэри: Елизавета приказывала ему вернуться ко двору. Все было прощено – по крайней мере, на время. На следующий год, когда Дадли удалился от двора, Елизавета попросила Эссекса поселиться в апартаментах, которые ранее занимал его отчим.

* * *

После смерти Дадли Елизавета все больше полагалась на Эссекса, но, проведя Рождество и Новый год с королевой, когда она оплакивала потерю его отчима, молодой граф сделался неспокоен. Весной 1589 г. он не послушал приказа Елизаветы оставаться при дворе и бежал, чтобы примкнуть к Фрэнсису Дрейку и Джону Норрису, которые отплывали в Португалию. Их экспедиция должна была уничтожить остатки Армады и освободить Португалию от испанского владычества, утвердив на троне Дома Антонио, а затем идти к Азорским островам, где захватить испанский флот, везущий сокровища. Когда Елизавета узнала о его скором отплытии, она немедленно распорядилась, чтобы граф вернулся.

«Эссекс, вы и сами понимаете, насколько оскорбителен для нас ваш внезапный и непочтительный отъезд от нас и вашего места пребывания [как конюшего]. Большая милость, которую мы вам незаслуженно оказываем, привела к тому, что вы презрели и забыли свой долг; иными причинами мы не можем объяснить ваши странные поступки… Поэтому мы приказываем вам немедленно, по получении наших писем, оставить все предлоги и отговорки, явиться сюда и немедленно объясниться с нами, чем вы доставите нам радость. Если же вы не выполните приказа, вы

навлечете на себя наш гнев и будете отвечать ценой большой опасности для себя».[1039]

Однако он не послушался. Экспедиция оказалась во всех отношениях неудачной, и Эссекс вернулся в Англию к концу июня, где ему пришлось в полной мере вынести гнев Елизаветы.

По мере того как Елизавета делалась все более требовательной и раздражительной, Эссекс все чаще обращал свое внимание на окружавших ее дам, особенно на Фрэнсис Сидни, вдову сэра Филипа Сидни, который умер во время похода в Нидерланды, и дочь министра внутренних дел сэра Фрэнсиса Уолсингема. Когда сэр Филип умирал, Эссекс, по слухам, обещал позаботиться о его жене. Весной 1590 г., верный своему слову, он тайно женился на Фрэнсис, и вскоре она забеременела.[1040] Точная дата их свадьбы неизвестна, но она вполне могла состояться вскоре после смерти Уолсингема 6 апреля. Возможно, Уолсингем дал им свое благословение, когда умирал в своем доме на Сизинг-Лейн в Лондоне. На следующий день его похоронили в соборе Святого Павла, в склепе, куда за несколько дней до того поместили его зятя, сэра Филипа Сидни.

Эссекс прекрасно помнил о взрывном характере Елизаветы: десять лет назад она так же разгневалась, узнав о браке его матери и Роберта Дадли.

Молодой граф боялся такой же участи. Летом живот Фрэнсис заметно округлился, и Эссекс придумывал все новые предлоги для того, чтобы держать ее вдали от двора. Когда позже королева все же узнала об их браке, она пришла в ярость, но всего две недели спустя Эссекс вернулся к ней. Его отношения с королевой очень отличались от отношений Елизаветы и Дадли. Дадли неподдельно любил королеву и, возможно, хотел жениться на ней. Эссекс же откровенно флиртовал со стареющей королевой, отчего она снова чувствовала себя молодой и привлекательной.[1041] Тем не менее Елизавета запретила Фрэнсис являться ко двору, и Эссекс был обречен на долгие периоды разлуки с женой.

Через несколько месяцев Эссекс убедил Елизавету поставить его командующим армией, которую посылали во Францию на помощь протестантскому королю Генриху IV против его врагов – французов и испанцев. В августе 1591 г. он высадился в Дьепе и оттуда писал королеве, убеждая ее в своей любви и преданности: «Два окна в вашем личном кабинете станут полюсами моего глобуса, к которым, пока вашему величеству угодно терпеть меня, я неподвижно прикован. Если же ваше величество решит, что рай слишком хорош для меня, я не упаду, как звезда, с неба, но испарюсь, словно жидкость, на солнце, которое притягивает меня на такую высоту. Если ваше величество позволит мне смелость

признаться в своей любви, моя удача, подобно моему влечению, несравненна! Если же вы откажете мне в такой вольности, можете убить меня, но вы не поколеблете моего постоянства, ибо, хотя иногда ваша природная доброта превращается в величайшую на свете горечь и хотя вы самая могущественная государыня на свете, не в вашей власти заставить меня меньше любить вас».[1042]

Эссекс вернулся из Франции в начале 1592 г., в возрасте двадцати четырех лет, а в январе Фрэнсис родила ему второго сына. Всего за несколько недель до того мистрис Элизабет Саутуэлл, фрейлина Елизаветы, с которой у Эссекса была тайная интрижка, также родила сына, которого назвали Уолтером Деверо. Незаконнорожденного ребенка тщательно скрывали; младенца передали под опеку матери Эссекса, Леттис, графини Лестер. Его воспитывали в Дрейтон-Бассете. Саутуэлл объясняла свое отсутствие при дворе на поздних сроках беременности «хромотой». Когда выяснилось, что она была беременна и родила ребенка, все решили, что ее любовником был «мистер Вавайзер»[1043] – Томас Вавасор, джентльмен-пенсионер, которого тут же уволили со службы за безнравственность и посадили в тюрьму. Водить королеву за нос удавалось целых четыре года; только потом королева узнала, что отец Уолтера Деверо – не Томас Вавасор, а Роберт Деверо, граф Эссекс. Элизабет Саутуэлл к тому времени с позором покинула двор и оставалась в опале до своей смерти в 1602 г.[1044]

Через несколько месяцев разразился очередной скандал; стало известно, что еще одна фрейлина тайно вступила в брак и родила ребенка.

Сэр Уолтер Рэли, как и Эссекс, не хранил верность королеве, хотя и ценил ее милость. В апреле 1592 г. стало известно, что он, после рождения первенца, тайно женился на Элизабет Трокмортон. Бесс Трокмортон поступила на службу в должности камер-фрейлины в 1584 г. Для девятнадцатилетней девушки то было чрезвычайно престижное место. В 1590 г. красивая, страстная, энергичная и решительная Бесс привлекла к себе внимание сэра Уолтера Рэли, придворного франта и искателя приключений, в чью задачу входило охранять королеву и ее дам. Вскоре они начали тайно встречаться. В июле 1591 г. Бесс поняла, что беременна, и умолила Рэли, которому тогда было под сорок, жениться на ней. Он согласился, хотя и боялся гнева Елизаветы.

Они тайно поженились 19 ноября.[1045] Пока Бесс оставалась на королевской службе, она старалась как можно лучше скрывать растущий живот, а сэр Уолтер готовился к очередной военной экспедиции в Панаму. В конце февраля, на последнем месяце беременности, Бесс покинула двор и уехала в дом своего брата в

Майл-Энде, где собиралась готовиться к родам. Она пробыла при дворе до последней минуты, понимая: если придется уехать менее чем за две недели, ей не придется объяснять свое отсутствие.

После ее неожиданного отъезда поползли слухи об отношениях Бесс и Рэли. Роберт Сесил, двадцатисемилетний сын Уильяма Сесила, ставший членом Тайного совета, заподозрил неладное и приступил к Рэли с расспросами. Сэр Уолтер недвусмысленно отрицал какие-либо отношения с Бесс и клялся, что никакого брака не было, не будет и что он всецело предан королеве Елизавете.

«Я уезжаю, вопреки сплетникам, вовсе не боясь никакой женитьбы и не знаю чего еще. Если бы такое случилось, я сообщил бы вам об этом прежде остальных. И потому умоляю не верить и прошу всячески подавлять такие злобные слухи. Ибо перед Богом свидетельствую: не найдется на всей земле такой, к кому меня удалось бы привязать».[1046]

Рэли не знал, что Роберт Сесил тайно узнал о его женитьбе и, следовательно, знал, что он лжет. Тем временем Бесс вынуждена была рожать в одиночестве. 29 марта она благополучно разрешилась от бремени сыном, которого окрестили Дамереем. К Рэли немедленно отправили посыльного; счастливый отец послал жене 50 фунтов, а затем продолжил готовиться к экспедиции. Он очень хотел оказаться как можно дальше от двора до того, как Елизавета узнает о Бесс и ребенке.

Через месяц Бесс вернулась на службу, как будто ничего не случилось; Дамерея она оставила на попечение кормилицы в Энфилде. Сэр Уолтер тем временем завершал первую часть своего плавания. К середине мая, когда он вернулся в Плимут, разразился скандал. Королева, которая тогда была в Нонсаче и готовилась к летним переездам, немедленно приказала арестовать и посадить под стражу в Дарем-Хаус свою камер-фрейлину и начальника стражи. Рэли посадили в Дарем-Хаус, Бесс же поступала в распоряжение вице-казначея, сэра Томаса Хениджа. 7 августа мужа и жену перевели в Тауэр.[1047] Рэли посылал королеве срочные послания и стихи, заверяя ее в своей любви, умоляя простить его и пытаясь вернуть ее милость. Однако Бесс не раскаялась, она подписывала письма из Тауэра «Элизабет Рэли».

В середине сентября Рэли освободили. Он должен был ехать в Дартмут, чтобы встретить португальскую каракку Madre de Dios, груженную сокровищами, которую его флот захватил на Азорских островах. Бесс же оставалась в Тауэре. Конец лета выдался душным; в столице бушевала чума. Ее освободили лишь перед

Рождеством, но она узнала, что их маленький сын Дамерей умер, скорее всего от чумы. Бесс вернулась в поместье мужа в Шерборне (Дорсет) и к следующей весне снова ждала ребенка. В ноябре она родила сына, которого назвали Уолтером. Пока супруги Рэли были в опале, Бесс неустанно просила друзей помочь ей вернуть милость королевы. Елизавета оставалась неумолимой. Элизабет она так и не вернет ко двору. В конце ее правления лорд Генри Говард, враг всех Рэли, злорадно писал: хотя «со всех сторон предпринималось много усилий, чтобы вернуть ее [Бесс] на прежнее место, во внутренние покои», Елизавета отказывалась ее принять. Позже, в 1597 г., сэр Уолтер Рэли наконец вернулся ко двору и был восстановлен на своем посту начальника королевской стражи.

Скандалы с участием фрейлин и камер-фрейлин Елизаветы быстро обрастали домыслами и злобными слухами. Даже Анна Клиффорд, юная племянница графини Уорик, сообщала, что «много говорили о маскарадном представлении, которое было у королевы в Винчестере, на котором всех придворных дам так клеймили, что представление вышло скандальным, и сама королева весьма потеряла от былого величия и репутации, какую она имела в мире».[1048]

Глава 45
Подозрительные и недовольные

После поражения испанской Армады Елизавета возобновила летние переезды между Лондоном и ближайшими к нему графствами. Так продолжалось почти все 80-е гг. XVI в. Несмотря на сообщения о том, что испанцы снова готовят большой флот, Елизавета презрела соображения личной безопасности и отважилась на дальние поездки. Желая подчеркнуть, что лояльность выше религиозных различий, а также заранее увидеть признаки неверности и недовольства, она часто останавливалась в домах, принадлежавших открытым или тайным католикам.

Маршрут передвижений Елизаветы в 1591 г. был тщательно спланирован. Она перемещалась по Суррею, Суссексу и Гемпширу и нанесла визиты пяти аристократам-католикам. Многие советники Елизаветы предупреждали ее об опрометчивости такого шага, они неподдельно тревожились за благополучие королевы. Один придворный, Ричард Кавендиш, пытался отговорить ее от поездки в графство, которое он считал «опасным», в места, «населенные подозрительными и недовольными».[1049]

В августе Елизавета провела шесть дней в поместье Каудрей в Суссексе, где жил Энтони Браун, 1-й виконт Монтэгю, ведущий представитель католической знати.[1050] Прослуживший в нескольких посольствах в начале правления Елизаветы и назначенный лордом-губернатором Суссекса, Монтэгю в 1585 г. лишился своего поста. По мере того как преследования католиков набирали обороты, его все больше вытесняли из политической жизни. Среди его домашних были активные сторонники иезуитов и испанского вторжения; ему принадлежал ряд домов, где, как считалось, получали помощь и поддержку католические священники-миссионеры. Кроме того, Монтэгю стал участником заговора, имевшего своей целью брак Марии Стюарт и Томаса Говарда, герцога Норфолка. Хотя Монтэгю и выступил на стороне Елизаветы, когда над Англией нависла угроза испанской Армады, у него были все основания опасаться, что его накажут в назидание остальным, как случилось в 1578 г. с Эдвардом Руквудом из Юстон-Холла, когда королева путешествовала по востоку Англии. Однако на сей раз правительству хотелось избежать обвинений в жестоких гонениях на католиков. Целям Тайного совета куда больше отвечала демонстрация одним из католиков-аристократов верности королеве.

Монтэгю не терпелось доказать свою преданность ее величеству; в августе он устраивал в Каудрей-парке пышные развлечения, подчеркивая свое положение ведущего представителя местной знати. Местные жители танцевали для королевы, к ним примкнули Монтэгю и его жена, демонстрируя «прекрасные отношения» между всеми сословиями; актеры, одетые Пилигримом и Дикарем, произнесли речи, в которых подчеркивали порядок, царящий в графстве, и верность королеве. В то же время они намекали на то, что внешний мир полон предателей и сомневающихся. Монтэгю старался отмести обвинения в том, что католицизм ведет к измене и угрожает спокойствию страны и жизни королевы. Он, как и многие другие католики, напротив, указывал на протестантизм как главный источник «мятежей и гражданского неповиновения», ведь протестанты – «люди, которые подвержены влечениям и страстям и стремятся к могуществу и власти, конфискуя, уничтожая и портя дома, в которых обитают благородные старинные семьи».[1051]

За две недели до того в Лондоне вспыхнул мятеж, за которым стоял Уильям Хэккет, фанатик-протестант. Мятеж как будто доказывал справедливость доводов Монтэгю. В июле Хэккет объявил себя Мессией; на лондонских улицах он и два его последователя молились за свержение правительства и утверждали, что королева – узурпаторша.[1052] Провозгласив, что Судный день близок, Хэккет взял «металлический инструмент» и «злодейски и предательски» изуродовал висевший в его квартире портрет королевы, особенно ту его часть, которая соответствовала сердцу Елизаветы, и «особенно предательски бранил личность ее величества».[1053] В час дня 26 июля 1591 г. всех троих арестовали.[1054] Хэккета признали виновным в государственной измене, через два дня его казнили у Чипсайдского креста.[1055]

Хотя другим протестантам не терпелось отмежеваться от Хэккета и они называли его сумасшедшим, на процессе Хэккета прокурор отвергал доводы о «безумии» обвиняемого и утверждал, что он, наоборот, возглавил тщательно продуманный заговор с целью свержения существующего строя. Хотя Хэккет был пуританином-фанатиком, правительство Елизаветы поспешило объявить его католиком. Как писал в письме в Рим иезуит Роберт Саутуэлл, «пуританина Хэккета выставили папистом, причем самого вульгарного толка».[1056]

Перед лицом таких беспорядков Монтэгю утверждал, что его имение Каудрей – оплот стабильности и верности. Однако его демонстрация верноподданнических чувств оказалась напрасной. 18 октября Елизавета издала новую антикатолическую

прокламацию, в которой грозила дальнейшими карами всем, кто укрывал у себя католических священников.[1057] В прокламации, которую, скорее всего, составили члены Тайного совета, пока королева гостила у Монтэгю, деятельность католиков называлась «изменой в сердце нашего государства».[1058] Сэр Джон Харингтон заметил, что, по мере того как антикатолические законы становятся все более суровыми, «их методы делаются все грязнее», однако он не понимает, что было вначале: «Зловещие ли деяния католиков вызвали к жизни такие суровые законы, или суровость законов подвигла их к столь чудовищным злодеяниям?»[1059]

На следующий год стало известно еще об одном заговоре, руководители которого находились за границей.

Томас Фелиппес, который в прошлом работал на Уолсингема, а позже перешел в подчинение графа Эссекса, получил сведения из Фландрии. Заговорщики под руководством некоего офицера сэра Уильяма Стэнли собирались убить Елизавету и ускорить иноземное вторжение при поддержке папы римского и герцога Пармы.

Стэнли, сражавшийся в Нилерландах под началом Роберта Дадли, перешел на сторону испанцев, сдав им город Девентер, который он тогда занимал. В течение года он пробыл губернатором Девентера, в это время он познакомился с сообществом ссыльных англокатоликов, живших во Фландрии, и вошел в контакт с кардиналом Алленом. Стэнли стал одним из самых непримиримых врагов елизаветинского режима из числа ссыльных; он и служившие под его началом солдаты, как считалось, неустанно плели заговоры против королевы и Англии.

В общем замешательстве, которое последует за убийством Елизаветы, когда «все перессорятся из-за престолонаследия», Стэнли, как ожидалось, поддержит Якова VI. Фелиппес объяснил, что заговор готовился «после неудачи испанского «Предприятия». Папа, по слухам, «отозвал наемного убийцу из лагеря французского короля [Генриха IV], которого тот должен был убить, чтобы тот совершил покушение на королеву».[1060]

Стэнли и его сообщники собирались напасть на Елизавету во время ее летнего переезда в Уилтшир, когда у них появятся «случай и возможность для такого поступка».[1061] В 1592 г. Фелиппес сообщал, что «у сэра Уильяма Стэнли все давно готово и ожидается, что дело сделает отчаявшийся итальянец, который должен вскоре прибыть [для убийства королевы]». Заговор провалился благодаря бдительности Фелиппеса. То же самое случилось через год, когда Стэнли и другие англичане-изгнанники разработали новый план. При подготовке покушения

Персонс и Гилберт Лейтон спорили о том, как лучше убить королеву, и «пришли к выводу, что все можно проделать, когда ее величество ездит по стране, – и исполнить при помощи удавки… или кинжала».[1062] В течение следующих месяцев и в начале нового года деятельность иезуитов в сочетании с разногласиями между придворными, обилие недовольных солдат и впечатлительных молодых людей, соблазненных обещанием целого состояния, породили целый ряд заговоров, за большинством из которых, похоже, стоял сэр Уильям Стэнли.

В 1594 г. в Англию тайно устремились солдаты из полка Стэнли, все они собирались убить Елизавету. В феврале схватили ирландца по имени Патрик О'Коллан, его бросили в Тауэр. Предполагалось, что в Англию его послали Стэнли и иезуит Николас Оуэн, чтобы он убил королеву.[1063] Два свидетеля показали, что им известно, с каким заданием прибыл О'Коллан. Одним из свидетелей был Уильям Полуэл. Полуэл также служил в полку Стэнли; после ареста он признался, что Стэнли поручил ему убить Елизавету. Он описал, как тем летом капитан «Жак», заместитель Стэнли в полку, побуждал его ехать в Англию и убить королеву, заявив, что «нет более славного поступка, чем уничтожение столь злой особы, которая, скорее всего, погубит весь христианский мир». Полуэлу велели ехать в Англию, втереться в доверие к Уильяму Сесилу и поступить на придворную службу. Задание надлежало выполнить, «когда королева выйдет на прогулку или пойдет в часовню: ее нужно застрелить или заколоть», ибо, как уверяли будущего убийцу, «она не принимает никаких мер предосторожности».[1064]

Примерно в то же время в кабинете Уильяма Сесила в Вестминстере допрашивали Хью Кахилла, еще одного солдата-ирландца из полка Стэнли. Кахилл признался, что к нему, как к О'Коллану и Полуэлу, также обратились иезуиты Холт, Арчер и Уолпол и, ссылаясь на приказ Стэнли, велели ему убить королеву.[1065] Кахилл должен был поехать в Англию, поступить на службу к какому-нибудь придворному, «а затем неожиданно напасть на нее (королеву), когда она будет совершать поездку по стране, и убить ее мечом или кинжалом в воротах или в узком проходе, или когда она будет прогуливаться в какой-нибудь галерее». Кахилл согласился; договорились о цене. Однако, прибыв в Англию, Кахилл отправился к Уильяму Сесилу и во всем признался.[1066] Он утверждал, что в заговоре замешан и Джон Скадамор, пасынок давней камер-фрейлины Елизаветы, Мэри Скадамор. Скадамора арестовали и допросили, но вскоре отпустили. Видимо, ему удалось доказать свою невиновность – а может быть, вовремя вмешалась мачеха. Затем он уехал в Рим, где

стал священником.[1067] Все заключенные отрицали сколько-нибудь серьезные намерения убить королеву. Помимо их признаний не сохранилось никаких доказательств заговора, хотя, похоже, некоторые действительно планировали покушение на Елизавету. Хью Оуэн заявил, что «и у него, Оуэна, и у сэра Уильяма Стэнли намерений убить королеву не больше, чем у обитателей Луны». Джона Анне, еще одного обвиняемого, Оуэн назвал «жалким малым, который умеет делать белый порошок, но не убьет и кошки, если она посмотрит ему в лицо». Оуэн отрицал, что встречался с Калленом, и заявил, что едва знаком с Кахиллом и Полуэлом.[1068]

В феврале 1594 г. по обвинению Кахилла арестовали Генри Уолпола, иезуита, когда тот высадился у Фламборо-Хеда в Йоркшире. Для допроса туда послали Ричарда Топклиффа, известного «охотника на иезуитов». Уолпола подвергли долгим, мучительным пыткам. Снова и снова Уолпол повторял, что прибыл исключительно с религиозными целями: отправлять обряды и призывать английских католиков хранить верность своей королеве. Он с ужасом отверг обвинения в том, что поощрял убийство Елизаветы. Однако ему не поверили и приговорили к казни через повешение, потрошение и четвертование. 7 апреля его казнили. Против него не было никаких улик, кроме заявлений Кахилла, но то, что он был иезуитом, оказалось достаточным основанием для обвинительного приговора.

* * *

Уильям Сесил предложил новые меры, направленные на охрану королевы, и более строгий доступ ко двору. Он посоветовал изгонять ненужных людей и сократить число слуг. Просителей, стремившихся получить аудиенцию у королевы, обыскивали секретари и церемониймейстеры. В прокламации объявлялось, что «ее величество запрещает всем, кто не служит совету или другим придворным, служащим ее величеству, являться ко двору или находиться вблизи двора».[1069] Никто не мог входить во дворцы черным ходом, кроме слуг, получавших особое разрешение; двери черного хода должны быть постоянно заперты. Что еще важнее, страже и церемониймейстерам вменялось в обязанность разгонять толпы, если они скапливались в пределах 2 миль от двора, когда двор переезжает с места на место: «Тех, кого обнаружат в недозволенном месте, следует допросить, а если они не назовут достаточной причины, по

которой там находятся, их отправят в тюрьму».[1070]

17 февраля по приказу Тайного совета во все порты разослали чиновников по особым поручениям. Они должны были обыскивать, допрашивать и, если понадобится, задерживать всех въезжающих в страну.[1071] Особые меры предосторожности следовало принять против ирландцев, живущих в Лондоне и вблизи елизаветинского двора, и особенно против тех, кто служил в мятежном полку сэра Уильяма Стэнли. Выпустили еще одну прокламацию, в которой объявлялось, что отдельные личности тайно проникли в страну «с полным намерением, по наущению дьявола и его приспешников, врагов ее величества, и мятежников на том берегу, подвергнуть опасности жизнь ее величества». В прокламации предписывалось арестовывать бродяг и депортировать ирландцев: «Ни один человек, рожденный в Ирландии, не имеющий точной цели или места проживания, не должен оставаться в нашей стране».[1072] Хотя авторы прокламации имели своей целью ограничить число подозреваемых, которые могли приблизиться к королеве, особенно когда она совершала летние переезды, вероятность покушений возрастала.[1073] Хотя и сама Елизавета, и ее советники понимали, что во время переездов она особенно уязвима, но она отказывалась ограничить общение с подданными и заявила, что скорее умрет, чем будет жить «в заточении».[1074] Пока же подозрения о втором вторжении в 1593 г. вынуждали ее не удаляться от Лондона. Почти весь конец лета и начало осени она провела в Виндзоре.

На следующий год Тайному совету сдался Эдмунд Йорк, в прошлом капитан в полку Стэнли. После сурового допроса Йорк признался, что вместе с сэром Уильямом Стэнли, отцом Уильямом Холтом и Чарлзом Пейджетом, безжалостным англичанином-эмигрантом, замышлял убить Елизавету. Они разработали подробные планы, в том числе и то, каким оружием воспользуются Йорк и его сообщник Ричард Уильямс. Хотя одни заговорщики склонялись к маленькому стальному арбалету с отравленными стрелами, Йорк в конце концов решил застрелить королеву из пистолета, а Уильямс должен был вооружиться рапирой, кончик которой был отравлен «ядом», изготовленным из бекона, чесночного сока и можжевельника.[1075] В феврале 1595 г. капитана Йорка и Ричарда Уильямса отправили на виселицу.

В те годы приближенные Елизаветы постоянно испытывали страх. Королева несколько раз находилась на грани смерти, и лишь безжалостные методы ведения следствия, которое возглавляли Сесил и Эссекс, помогали разоблачать злоумышленников. Одновременно Сесил и Эссекс доказывали

свою личную преданность королеве, благодаря которой удавалось спасти ее от гибели. Разногласия при дворе, неопределенность с престолонаследием и недовольство английских изгнанников порождали общую атмосферу страха и паники.

Глава 46
Возраст и увядание

«В Лондоне ходят слухи, что королева умерла и ее увезли в Гринвич, но при дворе хранят все в тайне».[1076] Источником слухов считается Уильям Хэнкок, портной и слуга придворного музыканта, который пылко отрицал распространение сплетен. По его словам, он узнал от Джона Роджерса, лавочника из Уайтчепела, что королева больна и из-за болезни ее перевезли из Хэмптон-Корт в Гринвич.[1077] Он уверял, что не говорил о ее смерти; он выражал заботу о ее скорейшем выздоровлении.

Вскоре все разговоры о состоянии здоровья королевы и о потенциальных наследниках престола были запрещены. Нарушителям грозили обвинения в подстрекательстве к бунту и клевете. Когда в феврале 1593 г. пуританин, член парламента Питер Уэнтуорт обратился к Елизавете с петицией, в которой просил назначить наследника престола, его тут же арестовали и посадили в Тауэр. Джон Харингтон, крестник Елизаветы, позже вспоминал, как Уэнтуорт писал из камеры, «чтобы сказать [королеве], что, если она не назовет наследника при жизни, ее тело останется непогребенным после смерти».[1078] Уэнтуорт пробыл в Тауэре четыре года до самой смерти, и все это время не желал хранить молчание на тему престолонаследия.[1079]

В начале 1596 г. доктор Мэтью Хаттон, архиепископ Йоркский, изложил примерно такие же соображения в смелой проповеди, прочитанной при королеве и членах палаты лордов в королевской часовне в Уайтхолле. Сделав краткий обзор английской истории и отдав дань благословенным годам нынешнего правления, Хаттон заговорил о долге Елизаветы перед Богом и народом – недвусмысленно назвать своего наследника. Неопределенность с престолонаследием придавала надежду иностранцам, готовившим вторжение, и порождала страхи перед интервенцией среди подданных; «единственный способ успокоить эти страхи – назначить наследника». Сэр Джон Харингтон впоследствии вспоминал: после того как Хаттон закончил проповедь, все решили, что королева оскорбится и «заявит, что такая проповедь – все равно что соль, брошенная ей в глаза», или, выражаясь словами самой Елизаветы, он все равно что «помахал перед ее лицом саваном, чтобы она выбрала наследника и назвала его имя». Но королева ответила великодушно. Она «предположила, что многие придерживаются такого же мнения, а некоторые, возможно, и подвигли его на такой шаг; она многое

приписала его возрасту, положению и образованию; когда же она наконец высказалась открыто, мы все почувствовали себя обманутыми, ибо она очень добродушно и спокойно, не выказывая обиды, как будто она только что очнулась ото сна, поблагодарила его за ученую проповедь».

Но королева еще не сказала своего последнего слова. «Как следует обдумав вопрос и побыв наедине», она отправила Хаттону «язвительное послание», после которого архиепископ долго не знал, «арестован он или еще свободный человек».[1080]

Сильное давление, усугубляемое войной, отсутствием денег в казне, эпидемиями и многочисленными заговорами, осложнялось постепенно проявлявшимися признаками физического увядания Елизаветы. Ее организм стал живым символом уставшей, измученной власти. Когда Елизавета приблизилась к шестому десятку, понадобились срочные и решительные меры, с помощью которых надеялись воссоздать ее прежде моложавую внешность и заверить подданных в ее здоровье и энергии. Джон Клэпэм, слуга Уильяма Сесила, служил при дворе в начале 1590-х гг. и в своих «Наблюдениях» описал то, что видел: «В последнее время, появляясь на публике, она всегда выходила в величественных нарядах, видимо полагая, что украшения ослепят подданных и они не сразу заметят признаки возраста и увядания природной красоты. Но она начала показываться все реже, чтобы ее выходы встречались толпами, для которых редкое зрелище всегда представляет новизну, с большей благосклонностью».[1081]

С возрастом росла и потребность больше следить за образами королевы. Необходимо было преодолеть расхождение между ее слабеющим телом, которое видели лишь ее приближенные дамы, и публичным образом – олицетворением силы и стойкости.[1082] В 1592 г. художник Айзек Оливер создал один из немногих прижизненных портретов Елизаветы – стареющей женщины. Оливеру была дарована редкая привилегия: ему позировала сама королева. Несмотря на ее пылкие возражения, художник поставил ее у окна, чтобы ей на лицо падал естественный свет. Подразумевалось, что портрет станет образцом, который будет храниться в его студии для будущего воспроизведения, поэтому портрет остался незавершенным; художник не прорисовал до конца платье и украшения королевы. Центральным на портрете является лицо, бледное и довольно впалое, с поджатыми губами и живыми глазами. Несомненно, Оливер создал самый яркий, реалистичный портрет стареющей Елизаветы; сама королева сочла его неудачным. Елизавета дала понять Тайному совету, что портреты, нарисованные по этому образцу, неприемлемы, и советники поспешно издали указы, что «всякое сходство с

портретом, на котором королева изображена старой и смертной» является для нее «оскорбительным». Подобные изображения следует конфисковывать и уничтожать.[1083] Оливер, должно быть, понял свою ошибку. Королева лишила его своего покровительства и стала искать других художников, способных запечатлеть ее более лестно.

Примерно в то же время, когда Елизавета позировала Оливеру, при дворе приняли Маркуса Гирертса, молодого художника и будущего зятя Оливера. Сэр Генри Ли поручил ему нарисовать портрет королевы в полный рост, дабы увековечить ее визит в его имение Дитчли-Парк в Оксфордшире. Портрет огромен, его высота равна почти 8 футам. Это самый большой парадный портрет Елизаветы. Он как будто предназначен для того, чтобы королева выглядела воплощением нации. Королева стоит на географической карте, словно на земном шаре; каблуки ее туфель упираются в Оксфордшир, где находилось поместье Дитчли. На ней белое платье, обильно украшенное вышивкой и драгоценностями. Она похожа на богиню, ее лицо обрамляет кружевной воротник и вуаль, отделанная драгоценными камнями. Тело ее словно парит между небом и землей; на небе с двух сторон от нее изображены две сцены: слева небо темное и грозовое, справа – безмятежное и спокойное. Елизавета словно успокаивает бурные небеса и символизирует солнце после бури. Как позже сказал о своей крестной Джон Харингтон, «когда она улыбалась, от нее словно исходил чистый солнечный свет, в котором хотелось искупаться… но вскоре внезапно собирались облака, разражалась гроза… и гремел гром».[1084]

Так называемый «портрет Дитчли» положил начало шаблону, по которому королеву изображали в поздние годы. Впоследствии лицо на портретах омолаживали, а его черты смягчали, придавая ему сходство с непременной «маской юности». Начиная с середины 90-х гг. XVI в. художники перестали изображать лицо Елизаветы с натуры.[1085] Поскольку наследников престола не было, все признаки старения и бесплодия убирались, чтобы создать впечатление долголетия и преемственности.

* * *

В то время скончались многие самые преданные спутницы Елизаветы, служившие у нее с молодости. В марте 1589 г. Елизавета потеряла свою кузину, леди Элизабет Файнс де Клинтон, которая провела на королевском дворе более тридцати лет. Леди Элизабет Фитцджералд, как ее тогда звали, служила в

свите своих юных кузин, Марии и Елизаветы, в 30-х гг., а затем, в июне 1539 г., ее назначили фрейлиной принцессы Елизаветы. Один современник описывал ее как женщину, которой Елизавета «доверяла больше, чем всем остальным». Они проводили вместе много времени. Расположение королевы к леди Клинтон было всем известно, и ее осаждали просители, которые искали ее покровительства.[1086] Когда умерла Белокурая Джеральдина, как называл леди Клинтон поэт Генри Говард, граф Суррей, Елизавета была безутешна. Порвалась еще одна ниточка, связывавшая ее с детством. Королева распорядилась о том, чтобы пышные похороны устроили в Виндзоре. Леди Клинтон похоронили рядом с ее вторым мужем, Эдвардом Файнсом де Клинтоном, первым адмиралом.[1087]

После смерти леди Клинтон прошло меньше года, и Елизавета снова облачилась в глубокий траур. 12 февраля 1590 г. умерла Бланш Парри, верно служившая королеве в течение пятидесяти семи лет. Ей исполнилось восемьдесят два года; вплоть до последних недель жизни она по-прежнему служила королеве. За три года до того, из-за ухудшения зрения, Бланш вынуждена была передать обязанности надзора за королевскими драгоценностями Мэри Радклифф, бывшей фрейлине, которую тогда повысили до камер-фрейлины. В июле 1587 г. ей передали «книгу со списком украшений и других пакетов, доставленных на попечение миссис Радклифф, одной из камер-фрейлин ее величества, а также партию драгоценностей, которые находились на попечении миссис Бланш Парри».[1088] Радклифф, как и Бланш, так и не вышла замуж, она будет служить Елизавете до конца ее правления.

Несмотря на то что Бланш прожила долгую жизнь, ее смерть потрясла королеву. В письме один придворный описал «великую печаль» королевы и ее придворных дам.[1089] Впервые в жизни рядом с Елизаветой не осталось никого, кто знал бы ее с детства; после смерти Кэт Эшли Бланш стала для Елизаветы ближайшей наперсницей. Вскоре весть о смерти Бланш Парри распространилась по двору. 17 февраля граф Шрусбери получил письмо от Томаса Маркема из Вестминстера, в нем сообщалось, что «в прошлый четверг скончалась миссис [так!] Бланш Парри; хотя она совсем ослепла, надеюсь, она увидит счастье на небесах».[1090]

Похороны Бланш состоялись поздним вечером в пятницу 27 февраля в церкви Святой Маргариты, напротив Вестминстерского аббатства. Бланш отложила на свои похороны 300 фунтов, но Елизавета сама оплатила пышную церемонию, достойную баронессы.[1091] Поскольку правители обычно не появлялись на

похоронах, главной плакальщицей стала внучатая племянница Бланш Фрэнсис, леди Берг. Бланш похоронили в церкви Святой Маргариты, рядом с ее племянником Джоном Воном, как она и просила в своем завещании. Через пять лет воздвигли красивый, пышно украшенный мраморный и алебастровый памятник с рисованным изображением Парри, стоящей на коленях на подушке. Памятник поставили в арочной нише. На рисунке, сохранившемся в церкви, она изображена в строгом черном платье со скромным воротом и в черном «французском чепце». Лицо ее дышит силой, в отличие от обычно безликих изображений на надгробных камнях елизаветинских времен; возможно, рисунок создан человеком, лично знавшим Бланш. У нее высокие скулы, поджатые губы, слегка приподнятые брови и проницательные глаза. Под коленопреклоненной фигурой Парри имеется табличка со следующей надписью: «Здесь покоится Бланш Парри, дочь Генри Парри, эсквайра из Нью-Корт в графстве Херефорд, камер-фрейлина королевы Елизаветы, хранительница драгоценностей ее величества, которой она верно служила с рождения ее величества. Благосклонная к своей родне и землякам, милосердная к бедным, до такой степени, что она дарила беднякам Бактона и Ньютона, что в Херефордшире, семь раз по двадцать бушелей пшеницы и ржи ежегодно, а также жертвовала различные суммы в Вестминстер и другие места на добрые дела. Скончалась девицей в возрасте восьмидесяти двух лет двенадцатого февраля 1585 г.»[1092]

В 1589 г. Сесил помог Бланш составить завещание, которое она подписала дрожащей рукой.[1093] В конце жизни она явно была богатой женщиной; она завещала разным людям более чем шесть бриллиантов, восемь предметов столового серебра, причем некоторые из них весили целых 60 унций, набор гобеленов, три ковра, около 2 тысяч фунтов, девять украшений, не содержавших бриллианты, в том числе «одну цепь из золота и кушак, который подарила мне королева», двенадцать платков, одно полотенце, распределила свыше шести ежегодных пенсий, получаемых на доходы с ренты от разных людей, и предметы одежды.[1094] Первым пунктом Бланш завещала «свой лучший бриллиант» Елизавете. Кроме того, она оставила королеве «пару соболей, расшитых 8 нитями золота», возможно те самые, которые Елизавета подарила Бланш после того, как та много лет назад выздоровела после тяжелой болезни. Кроме того, Бланш оставила солидные дары родственникам и друзьям при дворе, в том числе Уильяму Сесилу, сэру Кристоферу Хаттону, леди Дороти Стаффорд и «своей близкой подруге леди Кобэм – одно золотое кольцо».[1095]

Бланш распорядилась, чтобы соорудили величественный саркофаг в ее домашней церкви в Бактоне (Херефордшир). Вначале она рассчитывала, что ее похоронят там же, в фамильном склепе семьи Парри, но в 1589 г. она передумала и распорядилась похоронить себя в церкви Святой Маргариты. Эпитафия на надгробии в Бактоне, где она тоже изображена коленопреклоненной перед фигурой королевы, сочинена самой Бланш; в ней подчеркивается самопожертвование, которое требовало ее служение Елизавете, и гордость, которую она от этого испытывала: «…Я жила всегда как служанка королевы, / В ее покоях проводила время… / …Не сомневаясь, исполняла волю госпожи моей, чью колыбель я качала. / Служила и потом, когда ее короновали, служанкой остаюсь, когда смерть стучится в мои двери… / Когда пришло мое время, я ушла, служанка при дворе, ни разу не бывшая замужем, / я всегда хранила верность королеве Елизавете; с королевой-девственницей в девстве окончилась моя жизнь».[1096]

* * *

По мере того как редели ряды ее приближенных дам, все больше проступала уязвимость и хрупкость самой Елизаветы. Она часто щурила близорукие глаза, ее донимали головные боли. Хотя она по-прежнему оставалась неравнодушна к сладостям и засахаренным фруктам, питалась она умеренно и теперь ела даже меньше, чем раньше, и подмешивала себе в вино больше воды, чтобы «ее способности оставались незамутненными».[1097] Фрейлины ухаживали за ней во время болезней, лечили ее недомогания, однако все всё больше понимали, что скоро никому не удастся скрыть разрушительное действие возраста. В одном счете от аптекаря, переданном Мэри Скадамор казначею двора в 1588 г., есть следующая запись: «Thragea regal cum rhabarbaro incisso, ex man date Regina pro Domina Scudamore, xvid». В то время ревень часто выписывали как общеукрепляющее и слабительное средство. Слабительные назначали как своего рода профилактику, чтобы очистить организм от «зловредных гуморов», которые вызывают болезни. В одном рецепте есть пометка: «Применялось королевой Елизаветой дважды в год». В состав отвара входили кедровые орехи, сенна, ревень, сухофрукты и семечки, их надлежало сварить в воде и принимать дозами по четверти пинты. Судя по рецепту, отвар «очищает от желчи и меланхолии, помогает при истощении, исцеляет печень и укрепляет спину. Кроме того, очищает почки и помогает при

кишечных коликах, выводит зловредные гуморы».[1098] По крайней мере, считалось, что лекарство оказывает такое действие. Судя по всему, Елизавета делала все, что можно, чтобы поддержать здоровье и жизненные силы, невзирая на возраст.

После смерти Бланш и – за год до того – леди Элизабет Клинтон королева все больше полагалась на своих самых старых приближенных. Анна Дадли, графиня Уорик, старшая дочь графа Бедфорда, верно служила королеве в 70-х и 80-х гг. XVI в.; они с мужем, первым адмиралом, жили либо при дворе, либо в Норс-Холле, его поместье в Хартфордшире.[1099] Когда Анна, графиня Уорик, узнала, что королева не пригласила ее на важный прием, ее муж написал Уолсингему сердитое письмо, в котором требовал, чтобы с его женой обращались уважительно, «учитывая, что большую часть своей жизни она верно, усердно и преданно служила ее величеству, не причиняя никакого позора, не требуя платы и сохранив безукоризненную репутацию».[1100]

Чуть больше недели после смерти Бланш умер граф Уорик, и Анна была вне себя от горя. Судя по всему, их союз был гармоничным и дружным; когда сэр Эдвард Стаффорд навестил умирающего графа, он застал Анну «у камина такую заплаканную, что она не могла говорить».[1101] Графиня оставалась почетной камер-фрейлиной до смерти Елизаветы и, по словам ее тринадцатилетней племянницы Анны Клиффорд, «королева любила ее и благоволила к ней больше, чем к любой другой женщине в стране».[1102] Оставшись без мужа, о котором она заботилась, графиня всецело посвятила себя служению королеве. Леди Уорик получала больше просьб о помощи, чем любая другая фрейлина.[1103] Благодаря своему браку и позже взаимоотношениям с королевой у нее появилось много союзников в Англии и за границей, она поддерживала постоянную связь с английскими послами и была в курсе международных дел. Когда в 1596 г. Джорджа, лорда Хансдона, назначили послом в Гессен, он посылал Анне тайные сообщения о ландграфе Гессенском.[1104] Когда Анна заболела после смерти мужа, о ее болезни сообщали даже в Венецию.[1105]

У других особо приближенных дам, например у Мэри Скадамор, редко появлялось свободное время, не посвященное королеве; Елизавета соглашалась отпускать их лишь ненадолго. Когда в июне 1590 г. двор находился во дворце Аутлендс, Мария и ее муж ненадолго уехали навестить Джона Ди в его поместье Мортлейк в Суррее. Они были старыми друзьями; в июне 1581 г. Мэри стала одной из крестных Кэтрин, дочери Ди. В своем дневнике Ди отметил приезд мистера и миссис Скадамор. С ними, по его словам, прибыла и королевская шутиха, карлица по

имени мистрис Томазин, которую звали также Томазиной, итальянка, которая находилась при дворе с 70-х гг. и к которой Елизавета очень благоволила. Карлица носила платья, перешитые из королевских, и регулярно получала от Елизаветы подарки, в том числе позолоченные кольца, замшевые перчатки, передники из тафты, столовые салфетки и скатерти и несколько гребней слоновой кости, «карандашницу» и «чернильный рог» (чернильницу).[1106]

Скадаморы переночевали в Мортлейке, а на следующий день вернулись ко двору и королеве. Хотя в 1589 г. Мэри Скадамор, по сохранившимся отчетам, официально стала гофмейстериной, она по-прежнему была наперсницей королевы и, как становится ясно из более раннего письма, регулярно делила с Елизаветой постель.

Глава 47
Оскорбление тела

В сентябре 1591 г. Ричард Топклифф арестовал и допросил Томаса Порманта, католического священника, который вернулся в Англию, окончив католическую семинарию в Риме. Топклифф применял для пытки дыбу собственного изобретения; ему позволили держать ее в своем доме в Вестминстере для «допроса» священников.[1107] Дыба состояла из открытого металлического каркаса с деревянными валиками по обе стороны. Жертву раздевали донага и укладывали на спину в центр каркаса, а руки и ноги привязывали веревками к валикам. Затем валики поворачивали; когда веревки натягивались, начинался допрос. Узник испытывал мучительную боль: рвались сухожилия, суставы выходили из суставных сумок, ломались кости. За отказом отвечать или ответом, который не устраивал допросчика, следовал еще один поворот валика. Доходило до того, что все «кости выходили из суставов». Кроме того, Топклифф уверял, что именно он первым применил «наручники» как орудие пытки. Запястья узника заковывались в металлические перчатки, а затем его на несколько часов подвешивали на железную перекладину. Вес тела приходился на запястья, что вызывало мучительную боль жертвы.

Топклифф быстро прославился жестокостью допросов, многие приходили в ужас от его «методов». В течение двадцати пяти лет Топклифф ревностно охотился за инакомыслящими и допрашивал их – иезуитов и католических священников, выпускников семинарий.

Томас Пормант был одним из таких выпускников, которого Топклифф арестовал и привез к себе домой для допроса. Ему требовались сведения о деятельности католиков в Англии.

Позже в том же году Ричард Верстеган, ссыльный английский католик-полемист, печатник и гравер, живший во Фландрии, прислал письмо Роберту Персонсу, иезуиту, который тогда проживал в Мадриде. К письму Верстеган приложил документ, озаглавленный «Копия записок, составленных мистером Пормантом, священником и мучеником, о речах, обращенных к нему Топ[клиффом], пока он был узником и заключенным в доме указанного Топклиффа…». В документе Пормант утверждал, что в ходе допроса Ричард Топклифф, почетный телохранитель ее величества, рассказывал ему о благосклонности, которую проявляет к нему Елизавета. По словам Порманта, Топклифф

утверждал, что «он сам так близок с ее величеством, что ведет с ней самые секретные дела», он не только видел ее лодыжки и колени, но и «трогал рукою ноги выше коленей, а также живот, сказав ей, что живота мягче он не видел ни у одной женщины». Елизавета спросила: «Разве это не руки, ноги и тело короля Генриха?» – на что он ответил: «Да».

Топклифф настолько возвеличился и так «сблизился» с королевой, что «много раз возлагал [руки] между ее грудями… и ей на шею».

Близость, которая их объединяла, по словам Топклиффа, проявлялась и в том, что королева дарила ему не обычные перчатки или носовые платки, но «белые льняные панталоны, вышитые белым шелком».[1108] По словам Порманта, Топклифф хвастал: когда Елизавета была ему нужна, он мог увести ее из любого общества, хотя и добавлял, что она не дарит свою благосклонность ему одному и «равно мила со всеми, кого она любит».

Если верить независимому отчету еще одного католического священника по имени Джеймс Янг, Пормант повторил свои обвинения открыто на суде. По его словам, Топклифф убеждал его отречься от своей веры, намекая, что затем он получит выгодное место через него, Топклиффа, благодаря той «большой благосклонности», которой он пользуется у королевы. Говорят, заданный якобы Елизаветой риторический вопрос «Разве это не ноги, руки и тело короля Генриха?» вызвал дополнительный резонанс, поскольку в личном кабинете королевы в Уайтхолле висел большой портрет Генриха VIII кисти Гольбейна. Поэтому в разоблачениях Порманта содержится намек и на то, что предполагаемая «близость» имела место во внутренних покоях.

И на процессе Порманта, и позже, во время его казни, Топклифф решительно отрицал обвинения священника, но к тому времени ущерб уже был причинен. Даже если предположительно сладострастные речи не имели места, о них заговорили на суде, и записи, которые прочли члены Тайного совета, считались необычайно важными и ставили всех причастных к процессу в неудобное положение. Тело королевы обсуждалось в интимном, эротическом смысле; кроме того, на судебном процессе зашла речь о предполагаемой близости. Когда 21 февраля 1592 г. Порманта казнили за измену, Топклифф почти два часа продержал его на эшафоте в одной рубашке, призывая отречься от своих слов, но Пормант отказался и в конце концов пошел на смерть.[1109]

Отчет Порманта был напечатан и распространен Верстеганом как одно из многих письменных поношений и попыток католиков

за границей подорвать авторитет Елизаветы, сосредоточив всеобщее внимание на ней как на физическом лице и на ее поведении. Впрочем, католики не склонны были обвинять Порманта в непочтительном обсуждении королевы; они утверждали, что Пормант оставался верен королеве и просто повторял непристойности, которые произносил Топклифф.

* * *

В 90-х гг. XVI в. тревога из-за престолонаследия и гнев по отношению к елизаветинскому правительству вновь поместили в центр внимания пол королевы. Многие английские стихи того времени пестрят непристойными намеками и ссылками на королеву.

В 1589 г. в «Искусстве английской поэзии», произведении, опубликованном анонимно, но приписываемом Джорджу Паттенхэму, описываются обе ипостаси королевы и их непристойная доступность. Доступность к ней как к правительнице проявляется в виде сексуальной доступности, особое внимание уделяется губам и груди, тем частям тела, которые предполагают интимный контакт. Груди, символизирующие источник власти Елизаветы, из которого исходят лучи «ее правосудия, изобилия и мощи», описываются вульгарно: «Ее груди податливы, как гипс. Они похожи на два мячика из алебастра. Каждую венчает небольшая вишенка или, скорее, клубничка».[1110]

Грудь королевы, эмблема королевской благожелательности, превращается здесь в эротический образ, который пробуют на вкус или кусают сочные соски. Интимность предполагала ссылки на отчеты того времени о привычке Елизаветы обнажать грудь с возрастом как средство намекнуть на свою молодость и девственность.[1111]

В неоконченной рыцарской поэме «Королева фей» Эдмунда Спенсера (1590) королева также изображается в двух ипостасях: «первая – ее королевское величество, или императрица» Глориана; второе – «самая добродетельная и красивая дама», которую Спенсер называет целомудренной охотницей, Бельфебеей.[1112] В то время как Паттенхэм считает губы и грудь королевы символами королевской власти, Спенсер сосредоточивается на гениталиях Бельфебеи, причем ее наружные половые органы названы средоточием королевской власти. В конечном счете Бельфебея намекает на неверное сексуальное истолкование. Так, рыцарь Браггадочио, неверно поняв природу

их отношений, воспринимает ее тело как приглашение не к политической, а к интимной близости, что выливается в попытку изнасилования.[1113] Несмотря на политическую риторику, Спенсер привлекает внимание к прославлению целомудренной власти.

Начиная с 90-х гг. и до конца елизаветинского правления сатирики часто упоминают наружные половые органы королевы, сравнивая их с космосом, описывая их в чувственных подробностях, называя «гладкими», «мягкими», «влажными» и наделяя изысканным, опьяняющим вкусом. Столь подробные интимные описания королевских гениталий в стихах конца Елизаветинской эпохи противоречат созданному самой королевой культу девственности. Возможно, течение возникло в ответ на то, в чем многие видели ханжество ее двора и внутренних покоев. В «Метаморфозе Сциллы» Томаса Лоджа (1589), посвященной «джентльменам из судебных и канцлерских иннов», Глаукус, влюбленный морской бог, описывает тело своей любовницы исключительно в сексуальном смысле: «Но почему, увы, лишен я мраморного грота / Что окаймляет два берега, / Откуда сверкает гора ожившего снега; / Или долину, что молочно-белым брегом граничит, / Где Венера и ее сестры спрятали источник, / Чей милый нектар по сладости все превосходит».

С помощью намека намеков на куннилингус и детальных описаний женского тела в стихотворении указывается средство, благодаря которому жаждущие мужчины могут до биться благосклонности.[1114] В «Венере и Адонисе» Шекспира (1599), произведении, которое сразу же ждал коммерческий успех, Венера – сексуальный агрессор и именно она доминирует над любовником, Адонисом, и поглощена возбуждением. Шекспир описывает не традиционного жаждущего юношу, который ухаживает за своей королевой. В его фантазии более опытная, ненасытная королева / императрица вынуждена умолять более молодого любовника ухаживать за ней.[1115]

Глава 48
Врач-вредитель

Двенадцатую ночь в начале 1594 года Елизавета встречала в Уайтхолле. Во время представлений она сидела рядом с Эссексом; многие видели, как она ласкала его «в милой и благожелательной манере».[1116] Граф флиртовал и смеялся с королевой, они танцевали на глазах у всего двора. Придворный и бывший шпион Энтони Станден писал: «На мой стариковский взгляд, сейчас она красивее, чем когда бы то ни было».[1117] Елизавета находилась в своей стихии: она танцевала, демонстрируя здоровье и энергию, с красивым молодым рыцарем, несмотря на то что уже разменяла седьмой десяток. Однако беззаботная сцена противоречила ужасной правде. Эссекс только что раскрыл заговор против Елизаветы; оказалось, что злоумышленник находился очень близко к королеве.

Доктор Родериго Лопес, португальский еврей, приехал в Лондон зимой 1558 г., в возрасте около тридцати пяти лет. В 1581 г. он стал личным врачом королевы, а до нее лечил высокопоставленных придворных, в том числе Роберта Дадли, Уолсингема и, до недавних пор, самого графа Эссекса. У Лопеса, как у врача королевы, задача была двойная: охрана королевы как лица физического и вместе с тем охрана государства. Он был одним из немногих, имевших позволение входить в королевскую опочивальню. Елизавета любила его, доверяла ему и даровала ему ценную привилегию: монополию на ввоз анисового семени и других лекарственных трав, необходимых для лондонских аптекарей. Однако оказалось, что Лопес воспользовался своим положением для измены, он жил двойной жизнью, был и врачом, и шпионом, служил королеве Англии и был агентом короля Испании. 28 января 1594 г. Эссекс изложил свое открытие в простом письменном заявлении: «Я узнал о самой опасной и крайней измене. Целью заговора была смерть ее величества. Доктор Лопес должен был исполнить злодеяние посредством яда. Я раскрыл его замысел, и теперь все ясно как божий день».

Незадолго до того Лопес навлек на себя гнев Эссекса, рассказав, что лечил графа от сифилиса.[1118] Эссекс не только хотел отомстить за неуклюжее разоблачение, ему хотелось и продемонстрировать свою верность королеве и перебить влияние Сесилов.[1119] После смерти Уолсингема Эссекс занимался сбором разведывательных и контрразведывательных данных. Он нанял двух бывших агентов контрразведки Уолсингема в качестве

провокаторов и внедрил их в общину португальских евреев, живших в Лондоне. Сначала его агенты намеревались «подбросить» доказательство заговора, чтобы Эссекс мог побежать к Елизавете и рассказать о своем открытии. Однако его агенты обнаружили сеть настоящих португальско-еврейских шпионов, которые, как оказалось, работали на Филиппа Испанского.

Без ведома Эссекса в общину уже внедрились агенты Уильяма Сесила. Он привлек двойного агента, португальского еврея по имени Мануэль де Андрада. Роль посредника между ними исполнял врач королевы, доктор Лопес.[1120] Более того, последние три года Сесил поощрял и Лопеса стать двойным агентом и с его помощью разоблачил испанскую шпионскую сеть в Англии. Однако Уильям Сесил не знал, что Андрада посоветовал королю Испании использовать доктора Лопеса как шпиона.

Агенты Эссекса обнаружили ряд компрометирующих писем, в том числе и то, которое Андрада отправил Уильяму Сесилу в 1591 г., утверждая, что «король Испании нанял трех португальцев, чтобы они убили ее величество, и еще трех – для убийства короля Франции».[1121] После того как обнаружили тайную переписку с Испанией, Эссекс решил установить личности трех не названных Андрадой португальских убийц. Оказалось, что это Мануэль Луис Тиноко, Эстебан Феррейра да Гама и доктор Родериго Лопес. Тиноко на допросе признался Эссексу, что в Англию его прислали испанские иезуиты, чтобы он вместе с да Гамой убедил Лопеса работать на Филиппа. Когда его спросили, выразил ли Лопес желание отравить королеву, он ответил утвердительно.

21 января по наущению Эссекса Родериго Лопеса арестовали по подозрению в заговоре с целью убийства.[1122] Пока вели обыск в его доме, его посадили под стражу в Эссекс-Хаусе, доме графа на Стрэнде. Дома у Лопеса не обнаружили ничего противозаконного. Затем его допросили Уильям Сесил, Роберт Сесил и Эссекс, он отвечал вполне уверенно и убедительно. После первого дня допросов оба Сесила поехали в Хэмптон-Корт, чтобы сказать королеве: они уверены в том, что Лопес невиновен и вся история непомерно раздута Эссексом в попытке заручиться поддержкой народа для новой наступательной операции против Испании. Королева встала на сторону Сесилов, она обвинила Эссекса в «опрометчивости и юношеской горячности» и сказала, что и сама «вполне убеждена» в невиновности Лопеса. Досадуя на Эссекса за дерзость, Елизавета услала его от двора, запретив доступ к себе всем, «кроме четырех человек, помимо членов Тайного совета и дам из ее ближайшего окружения».[1123] Эссекс покинул двор, полный решимости доказать вину Лопеса. Его

попытки почти сразу принесли плоды. Чуть более недели спустя Лопеса посадили в Тауэр. На следующий день доктора допросили в присутствии Эссекса и Уильяма Сесила; его признаний, как пишет Энтони Станден, оказалось «более чем достаточно». Под пыткой или под угрозой пытки допросили и других подозреваемых; они настаивали, что Лопес находился в центре заговора и что он согласился отравить королеву за 50 тысяч крон, выплаченных Филиппом II.

Именно такого доказательства ждал Эссекс. Измученный жестоким допросом, Лопес согласился со всеми самыми невероятными предположениями о заговорах, подписал признание и тем самым решил свою участь.

К концу февраля Эссекс собрал достаточно доказательств, позволявших судить Лопеса за государственную измену. На процесс была назначена специальная комиссия, и через два дня доктору предъявили обвинения в ратуше. Тиноко и да Гаму также судили за измену. Сэр Эдвард Коук, генеральный прокурор, во вступительной речи заявил, что Лопеса, подобно многим другим заговорщикам, соблазнили иезуиты, посулив большую награду за то, что он убьет королеву, «убедив его в том, что это славный и добродетельный поступок и что если в процессе они умрут, то попадут в рай и их канонизируют как святых». Далее Коук сказал: «Этот Лопес, клятвопреступник, изменник, убийца и еврейский врач, подобный Иуде, согласился стать отравителем, то есть совершить самое злонамеренное, опасное и отвратительное деяние, более отвратительное, чем все предыдущие».[1124] Грех Лопеса был тем серьезнее, что он «давал присягу, поступая на службу к ее величеству, пользовался многими привилегиями, имел неограниченный доступ к ее величеству и его никто не подозревал, особенно она, которая никогда не боялась своих врагов и не подозревала своих слуг».[1125]

Лопес отрицал намерение отравить королеву и утверждал, что дал признательные показания только для того, чтобы спастись от пытки. Теперь защита Лопеса была основана на той самой близости к Елизавете, которую, как утверждали обвинители, он оскорбил своим предательством. Он пообещал да Гаме, своему соучастнику, что даст королеве «яд в сиропе», что, как объяснил Лопес на допросе, он сказал намеренно, «потому что я знал, что ее величество никогда не принимает никаких сиропов». Лопес, как и фрейлины Елизаветы, прекрасно знал, что королева знает о попытках отравить ее и потому никогда не принимает лекарств в жидком виде, потому что густой сладкий сироп может скрыть горький вкус яда. Защищаясь из последних сил, Лопес утверждал: обещав дать королеве отравленный сироп,

он тем самым давал понять, что не собирается ее убивать.

Лопеса все же признали виновным в передаче секретных сведений королю Испании и его министрам, в попытке развязать мятеж в стране и в заговоре с целью отравить королеву. Его приговорили к повешению, потрошению и четвертованию в Тайберне, как и двух португальских агентов, его предположительных сообщников. Однако королева по-прежнему сомневалась в вине своего врача и не ставила подписи под смертным приговором. Проволочки вызвали то, что правительственные чиновники называли «общим недовольством народа, очень ждавшего этой казни».[1126] Пока Лопес находился в Тауэре, он считался арестантом королевы; его не могли ни казнить, ни освободить без ее согласия. Несомненно, Елизавета тянула время нарочно. Возможно, она надеялась, что о деле вскоре забудут. Тогда Лопеса можно было бы освободить и выслать за границу, как он просил.

Королева тянула время так долго, что полномочия комиссии, назначенной вести дело Лопеса, закончились, и ее распустили. Елизавета не освобождала Лопеса и не подписывала ему смертный приговор. Однако через шесть недель, без ведома Елизаветы, суд королевской скамьи, главный уголовный суд Англии, издал новые указы. Сэру Майклу Блаунту, коменданту Тауэра, приказали в следующую пятницу привести Лопеса, да Гаму и Тиноко в суд королевской скамьи в Вестминстер-Холле. Там заключенным снова вынесли приговор, а затем передали под охрану начальника тюрьмы суда королевской скамьи в Саутуарке. Отныне Лопес и остальные находились вне юрисдикции королевы: ее подписи под приказом о казни уже не требовалось. Лопеса и его сообщников казнили, не ставя в известность Елизавету. Уильям Сесил спешил казнить Лопеса, чтобы защитить себя от возможного расследования. Он боялся, что Эссекс внедрит в его сеть своих агентов. С точки зрения Сесила, Лопес слишком много знал и потому ему нужно было заткнуть рот.

7 июня Лопеса и его сообщников повесили, выпотрошили и четвертовали на Тайбернском холме; когда Лопес перед казнью объявил, что любит королеву, как самого Христа, собравшаяся толпа презрительно заулюлюкала.[1127] Елизавета позволила его вдове Саре сохранить все имущество покойного мужа и жить вместе с детьми на прежнем месте, в Маунтджой-Инн в Холборне. В этом проявилась ее прежняя благожелательность и, возможно, вера в ее врача-португальца.

Вскоре власти издали официальный отчет о заговоре, «Истинный отчет о различных ужасных заговорах последнего времени, участники которых (убийцы-варвары) собирались

лишить жизни ее королевское величество». В отчете подчеркивалось, что король Испании стремится лишить Елизавету жизни не только силой оружия или путем других военных действий, но и подсылая к ней тайных убийц. Снова «Всемогущий Господь, справедливый мститель за такую ужасную злобу», который «вознаграждает набожность и невинность», сохранил жизнь королевы.[1128]

Глава 49
Любовь и себялюбие

В начале ноября 1595 г. Роуленд Уайт, служивший при дворе, написал своему хозяину сэру Роберту Сидни, сыну покойной Мэри Сидни: «Милорд Эссекс, как я уже имел честь писать вам, бесконечно огорчен напечатанной книгой, которую показала ему королева… и не покидает своих покоев». Книга, которую контрабандой ввезли в Англию из Антверпена, называлась «О престолонаследии в Англии» и посвящалась Эссексу. Предисловие было подписано псевдонимом «Р. Доулмен… из собственного дома в Амстердаме», но вскоре стало известно, что ее автором является Роберт Персонс, глава английских иезуитов.[1129]

В сочинении рассматривались права четырнадцати потенциальных наследников английского престола. Доулмен хитроумно прикинулся беспристрастным комментатором и провозгласил, что при выборе наследника Елизаветы «важнее всего должны быть Бог и религия».[1130] Поэтому он отказывал Тюдорам в правах на английскую корону; на том же основании отвергались все их родственники, в том числе король Яков Шотландский и его кузина Арабелла Стюарт. Идеальной наследницей Елизаветы провозглашалась дочь Филиппа II, инфанта Изабелла Клара Евгения,[1131] которая могла доказать свою связь с Англией по отцовской линии, восходящей к Эдуарду III. Автор книги утверждал: Изабелла, сочетающая в себе редкие качества «красоты, мудрости и набожности», к тому же родом из богатой страны, едва ли будет «грабить и душить налогами» своих английских подданных больше, чем король Шотландии.[1132] Кроме того, Доулмен рассматривал преимущества, которые получит страна, если позже на инфанте женится Томас Сеймур, младший сын леди Кэтрин Грей. В таком случае оба супруга подходят друг другу с точки зрения религии, они представляют прекрасную партию «для создания мира и союза с противной стороной».

То была не первая опубликованная за границей книга на тему английского престолонаследия, но правительство Елизаветы и Яков VI отнеслись к ней серьезнее, чем к остальным. Английские власти подробно допрашивали арестованных священников о сочинении Доулмена; всех, у кого его находили, подозревали в государственной измене.[1133] После выхода книги «О престолонаследии в Англии» Елизавета в очередной раз

вспомнила о своей враждебности по отношению к Сеймурам. В июле 1595 г. она приказала, чтобы книгу, в которой излагались подробности судебного процесса по делу о «ложном браке» Кэтрин Грей и графа Гертфорда, зарегистрировали в Тауэре, и запретила забирать ее оттуда без своего разрешения. Еще через несколько месяцев она приказала посадить Гертфорда за решетку. Его преступление заключалось в том, что он пытался доказать, что его сын родился в законном браке.[1134]

Книга «О престолонаследии в Англии» затрагивала тему, которую Елизавета запретила обсуждать. Акт 1571 г. о государственной измене предусматривал суровое наказание за публикацию любых притязаний на престолонаследие, кроме тех, что «установлены и одобрены» парламентом.[1135] Любого, кто публично подвергал это сомнению, сажали в Тауэр. Однако крамольное сочинение было посвящено Роберту Деверо, графу Эссексу, потому что, как утверждалось в посвящении, «в нашей стране нет ныне более высокорожденного и выдающегося человека, чем вы». Посвящение графу носило намеренно хулиганский характер, ибо при английском дворе он считался врагом Испании номер один. В то же время автор поступил очень расчетливо: у Эссекса было много приверженцев среди католиков, и, как утверждалось в книге, «никто, кроме него, не играет более важную роль и не имеет большего веса при рассмотрении столь важного дела».

Когда Елизавете показали книгу, она вызвала к себе Эссекса. После, как говорили, он выглядел «бледным и усталым, так как его сильно огорчила подлая выходка, направленная против него».[1136] В мае он уже навлек на себя неудовольствие королевы, когда стало известно, что мистрис Саутуэлл родила от него сына.[1137] Но, сделав Эссексу выговор за то, что крамольное сочинение посвящено ему, королева вскоре поверила ему на слово, что он ничего не знал.

* * *

Ежегодная годовщина восшествия Елизаветы на престол, которую праздновали во дворце Уайтхолл, считалась одним из главных событий придворного календаря и знаменовала возвращение двора в Лондон после летних переездов. Незадолго до 17 ноября по всему Лондону звонили в колокола и из городских ворот выехали верховые. Королева торжественно прибыла в столицу перед началом турнира. Если в начале 70-х гг. такие турниры были неофициальными рыцарскими поединками,

на которых придворные состязались в честь королевы, позже устроили особое ристалище, где молодые дворяне и аристократы получали возможность засвидетельствовать Елизавете свое почтение. В 1595 г., после того как вышел в отставку сэр Генри Ли, организатор и главный устроитель турнира, заботу о подготовке взял на себя Эссекс, надеясь вернуть благосклонность Елизаветы.

Участники начинали готовиться за несколько месяцев до турнира: тщательно продумывали образ, шили ливреи для слуг и оруженосцев соответствующих цветов, готовили девизы для щитов, декорации и костюмы. Появление на турнире было дорогим удовольствием. Почести зарабатывались не только силой и ловкостью, но и с помощью живописных, изобретательных зрелищ. Молодые рыцари заказывали дорогие доспехи и роскошные костюмы; готовились расписные щиты, украшенные лаконичными девизами, как правило прославлявшими королеву-девственницу. Ожидалось, что перед поединками участники будут произносить остроумные, романтические речи во славу королевы.

Придворные и простолюдины обычно с равным нетерпением ждали турнира, лондонцы толпами стекались к месту его проведения, сжимая в кулаках плату за вход. Все радовались зрелищу и возможности отдохнуть.

Арена, располагавшаяся рядом с тем местом, где в наши дни проводятся парады королевской конной гвардии, вмещала свыше 10 тысяч зрителей. На одном конце ее соорудили крытую галерею, или «длинную комнату», где сидела Елизавета со своими дамами. Рядом с ристалищем сооружали подмостки и трибуны, откуда заплатившие за вход зрители наблюдали за поединками.

После того как закончились дневные поединки и подали ужин, Эссекс объявил, что приготовил для Елизаветы представление под названием «Эрофилус» («Любовь»). Оруженосец графа, представляющий Эссекса, обратился к королеве и призвал ее обратить внимание на то, как его хозяина «донимают три назойливых помощника» Филаутии (Себялюбия): Отшельник, Солдат и Сановник. Каждый побуждает Эрофилуса (Эссекса) забыть о любви к своей госпоже и вместо того следовать по пути либо учености (как Отшельник), либо воинской славы (Солдат), либо политической власти (Сановник). Однако оруженосец Эссекса прогнал подручных Себялюбия, развеяв их чары, и заговорил о вечной преданности королеве, которую испытывает его хозяин.

Как Эссекс ни старался, Елизавете представление совсем не понравилось; не такого выражения верности и прославления она ожидала в годовщину своего восшествия на престол. Хотя внешне

речь шла как будто о любви и преданности ей, Елизавета решила, что в представлении слишком превозносится сам Эссекс, и жаловалась: «Знай она, что здесь будет столько пустых речей, то не пришла бы сюда вечером, а легла бы спать».[1138]

Попытка графа восстановить свое положение при дворе и вернуть благосклонность королевы не увенчалась успехом; вместо того чтобы позволить ему праздновать Рождество рядом с собой, Елизавета отправила Эссекса на север. Заболел Генри Гастингс, граф Хантингдон и представитель Тайного совета на севере с 1572 г., и требовалось поддерживать порядок, «пока не найдется достойный доверия наместник, если Господь призовет теперешнего к Себе». Отправив на север Эссекса, Елизавета надеялась, что королевская власть там сохранится, хотя это означало, что на праздниках графа при дворе не будет. Хотя королева не радовалась такому решению, в нем имелось рациональное зерно.

Поскольку здоровье графа Хантингдона продолжало ухудшаться, Елизавета приказала, чтобы его жене, Кэтрин, графине Хантингдон, ничего не сообщали. Королева не хотела, чтобы та волновалась без нужды. Кэтрин подолгу жила в имении в Эшби-де-ла-Зуч в Лестершире, однако регулярно наведывалась и ко двору. В начале 90-х гг. леди Кэтрин почти без перерыва служила Елизавете и достаточно реабилитировалась для того, чтобы ее муж благодарил королеву за «милосердие к его жене, которое я никоим образом не заслужил».[1139] Леди Кэтрин так приблизилась к королеве, что в сентябре Роуленд Уайт, доверенный Роберта Сидни при дворе, писал своему хозяину: «Прошу вас писать миледи Хантингдон при каждой возможности, ибо ваших писем ждут; ищите ее благосклонности, чтобы получить разрешение вернуться и увидеться с ней, что значительно ускорит дело, ибо королева желает утешить ее любыми способами».[1140]

Когда 14 декабря 1595 г. прибыл посыльный с известием, что граф Хантингдон умер, двор уехал из Лондона. Елизавета тут же отправилась в столицу, она решила сама обо всем рассказать графине. «Королева вернулась в Уайтхолл столь неожиданно, что все недоумевают… однако она хочет сообщить новость сама», – написал Роуленд Уайт.[1141] Узнав о смерти мужа, Кэтрин обезумела от горя. «Не могу передать вам, с какой страстью она горевала и горюет до сих пор», – сообщал хозяину Уайт. Елизавета так беспокоилась за Кэтрин, что снова вернулась на следующий день, чтобы утешить ее. «Королева всю субботу уединялась с миледи Хантингдон, – писал Уайт, – что ее очень утешило».[1142]

Подавленная потерей, Кэтрин тяжело заболела; все боялись, что смерть ее неминуема. 3 января сообщали, что «миледи Хантингдон по-прежнему вне себя от горя и многие сомневаются в том, выживет ли она. Она так слаба, что никто не смеет подойти к ней и узнать, как она намерена распорядится состоянием и даже что делать с телом покойного милорда».[1143] Не имея собственных детей, графиня очень хотела видеть племянника, сэра Роберта Сидни, который служил в Нидерландах. Королева так беспокоилась за состояние леди Хантингдон, что вызвала сэра Роберта ко двору, чтобы тот утешил ее милую наперсницу. Состояние леди Кэтрин улучшилось, следующие несколько лет она жила в Челси, наносила регулярные визиты ко двору и оставалась близка с Елизаветой до смерти королевы. Кроме того, графиня следила за карьерой племянника, сэра Роберта Сидни; она с радостью заботилась о его детях, пока тот находился за границей, где служил в посольствах. Роберт Сидни был обязан своим взлетом любви обеих теток, графини Хантингдон и леди Анны, графини Уорик, которая также способствовала его продвижению при дворе.

Эссекс вернулся с севера в начале 1596 г. Хотя он по-прежнему считался фаворитом королевы, их медовый месяц явно миновал. Увидев, что Елизавета не сажает его рядом с собой, Эссекс удалился в свои покои и притворился больным, чтобы вернуть расположение королевы. 19 февраля Роуленд Уайт сообщал: «Милорд Эссекс по-прежнему не выходит из своих покоев». Через три дня: «Милорд Эссекс почти весь вчерашний день провел в постели, однако один из его приближенных сообщил мне, что он не беспокоится, так как знает, что его хозяин не болен». Елизавета поверила его игре. «Не проходит ни дня, – писал Уайт сэру Роберту Сидни, – чтобы королева не посылала справиться о нем; и он каждый день видится с ней с глазу на глаз». 25 февраля Уайт писал: «Милорд Эссекс выходит из своей спальни в ночной рубахе и ночном колпаке… Его светлость провел в постели полных 14 дней; ее величество… решила сломить его волю и разбить его сердце… но теперь у них все снова хорошо; несомненно, он станет очень влиятельным человеком в нашей стране».[1144]

На время Эссекс вернул себе благосклонность Елизаветы, а королеву продолжало забавлять его раздражение.

* * *

Отважное нападение на испанский порт Кадис летом 1596 г.

стало звездным часом графа Эссекса. Весь предыдущий год он все больше досадовал на королеву: она не принимала в расчет полученные им сведения о том, что Испания готовится к новому вторжению. Однако, после того как испанская военная эскадра напала на западное побережье Корнуолла, а вылазки ирландских мятежников, возглавляемых графом Тайроном, делались все более воинственными, Елизавета приказала привести войска в боевую готовность. В начале апреля, когда флот ожидал приказа к отплытию, испанская армия из Нидерландов вошла в Кале, захватила город и осадила гарнизон. Испания получила точку опоры на другом берегу Ла-Манша. Наконец в июне английский флот отплыл к Кадису, главному порту на побережье Андалусии в 40 милях от Севильи, на который десять лет назад бесстрашно нападал сэр Фрэнсис Дрейк. Через три недели флот обошел мыс, вошел в Бискайский залив и начал уничтожать испанский флот. Эссекс возглавил сухопутную операцию и ворвался в Кадис после эффектного штурма, захватив обширные богатства города. В августе Эссекс вернулся в Англию; когда его корабль бросил якорь в Плимуте, его встречали как героя. Однако, явившись ко двору, он не получил того приема, на который рассчитывал: Елизавета была в ярости. Ей донесли о большой добыче, захваченной в Кадисе; судя по всему, на операции нажились все, кроме нее. После следствия о действиях Эссекса в ходе военной кампании, которое возглавили отец и сын Сесилы, установили, что графа нельзя обвинить в некомпетентности. Тем не менее отношения королевы и Эссекса явно испортились.

Не только Елизавета устроила Эссексу холодный прием после его возвращения из Кадиса. В декабре он получил негодующее письмо от леди Энн Бэкон, матери его близких друзей, Энтони и Фрэнсиса Бэконов. Она упрекала Эссекса в «грехе вожделения» и обвиняла в «совращении жены знатного человека, которая так близка ее величеству». Леди Энн предупреждала графа, что тем самым он навлекает на себя «гнев Господень» и сильно рискует, так как муж соблазненной им женщины может отомстить; «дойдя до отчаяния и разгневавшись, как то бывает часто, он, дабы утолить свою ревность, отомстит за нанесенное ему невыносимое оскорбление».[1145] В ответном письме леди Бэкон Эссекс отвергал все обвинения; он отрицал, что вступал в неподобающие отношения «с дамой, которую вы имеете в виду». Тем не менее его ответ оказался недостаточно убедительным. Он утверждал, что «с самого моего отъезда из Англии в Испанию я не вступал в недозволенные отношения ни с одной живой женщиной», что подразумевало, что он, возможно, волочился за женщинами до своего отплытия в Кадис.[1146]

Женщина, на которую намекала леди Энн Бэкон, была Элизабет Стэнли, внучка Уильяма Сесила, которая, с одобрения королевы, в январе 1595 г. вышла замуж за графа Дерби. Всего через пять месяцев после свадьбы поползли слухи о графе Эссексе и «новоиспеченной графине», хотя слухи эти энергично отрицались самим графом. Враги Эссекса, однако, настаивали, что «он возлежал с миледи Дерби до того, как отплыл [на Азорские острова»].[1147] Граф Дерби готов был простить Эссексу флирт с женой, потому что хотел заручиться помощью Эссекса во время семейной тяжбы из-за денег. Но когда позже Эссекс вернулся из своей экспедиции, слухи о нем и графине возобновились. Вести, как писал Сесил о своем сопернике, «не улучшили отношения к нему» королевы;[1148] интрижка доказывала, что граф «весьма склонен… к откровенному распутству».[1149]

Глава 50
Дела интимные

У покойной наперсницы Елизаветы, Кэтрин Ноллис, смерть которой королева долго оплакивала, было девять детей. Один из них, Уильям, кузен королевы, в особенности выиграл оттого, что его мать дружила с королевой, и сделал карьеру при дворе. Елизавета обещала Кэтрин позаботиться о ее детях и слово свое сдержала. В 1560 г. Уильяма зачислили в отряд джентльменов-пенсионеров. Он служил под началом своего отца, сэра Фрэнсиса, и охранял Марию Стюарт в йоркширском замке Болтон. Позже Уильям служил капитаном под командованием своего шурина Роберта Дадли, а впоследствии, в 1596 г., стал контролером двора, то есть получил должность, которую прежде занимал его отец.

Когда Мэри Фиттон, пятнадцатилетняя дочь сэра Эдварда Фиттона, чеширского рыцаря, в 1595 г. явилась ко двору, где стала фрейлиной, сэр Уильям Ноллис, которому тогда было за пятьдесят, искренне обещал отцу Мэри, что сыграет «роль доброго пастыря и сделает все, что в его силах, чтобы защитить невинную овечку от волчьей жестокости и лисьей хитрости ручных зверей в этом месте, которые, притворившись, будто едят хлеб с руки человека, кусают его перед тем, как залаять». Он заверил Фиттона, что «будет заботиться о ней, как родной отец». [1150] Однако вскоре он начал относиться к Мэри совершенно по-другому.

Фрейлины спали вместе в общей комнате, называемой «гардеробной палатой», которая находилась рядом с покоями сэра Уильяма. Он заявил, что из-за их «возни и криков» он не может заснуть. Однажды ночью, особенно разозлившись, он вошел к фрейлинам в одних очках и ночной сорочке с книгой Аретино. [1151] Расхаживая по комнате, он принялся читать им вслух непристойные сонеты итальянского автора, которые служили подписями к порнографическим гравюрам работы Маркантонио Раймонди в книге I Modi, или «Шестнадцать удовольствий», опубликованной в 1524 г. После выхода книги папа приказал посадить художника в тюрьму.

Чуть позже Ноллис воспылал страстью к юной Мэри Фиттон. После того как она отвергла его ухаживания, он стал писать ее сестре, Анне Ньюдигейт, и в письмах признавался в своей неразделенной любви. Сэр Уильям в то время был женат на вдовствующей леди Чандос; с помощью цветистых иносказаний

он сообщал сестре Мэри о том, как «напрасно буду я искать плоды в моем саду, если не срежу старое дерево и не привью новое, хорошего сорта». Если бы его жена умерла, он мог бы беспрепятственно просить руки Мэри Фиттон; «надежда – моя единственная пища, а терпение – единственная подушка».[1152] В другом письме он назвал себя «пресыщенным и все же умирающим от голода» и выразил досаду из-за того, что вынужден проводить ночи по соседству со спальней Мэри: «Мои глаза видят то, до чего я не могу добраться, уши слышат то, чему я с трудом верю, голова полнится тщетными надеждами. Надежда смешивается с отчаянием, а желаниям недостает ожидания; но, будь я уверен в грядущей радости, я охотно вынес бы чистилище ради того, чтобы наконец обрести рай». В завершение Ноллис объяснял, что больше не может писать, ибо его измучила зубная боль, а также то, что «ваша сестра легла спать, не пожелав мне спокойной ночи».[1153]

Джон, сын еще одной спутницы Елизаветы, покойной Изабеллы Харингтон и сэра Джона Харингтона, также оказывал сомнительное влияние на молодых фрейлин, рекомендуя им сомнительные сочинения. Так как Джон был первым крестником Елизаветы, королева относилась к нему необычайно тепло. Она ценила его ум и пытливость. В пятнадцатилетнем возрасте, когда Джон учился в Кембридже, королева прислала ему письмо с копией недавней речи, произнесенной ею в парламенте, в которой она отстаивала свое право не выходить замуж. «Малыш Джек, – ласково обратилась она к нему, – я велела секретарю красиво переписать для тебя мои бедные слова, поскольку таких подростков, как ты, пока еще не допускают на заседания парламента. Обдумай их в часы досуга и поиграй с ними до тех пор, пока они не дойдут до тебя, чтобы потом, быть может, ты извлек из них добрые плоды, когда о твоей крестной забудут; я поступаю так потому, что твой отец охотно служил нам в беде и неволе».[1154]

После смерти отца в июле 1582 г. Джон Харингтон вернулся в фамильное поместье Келстон в Сомерсете и там начал переводить на английский язык поэму итальянца Ариосто «Неистовый Роланд». То была непосильная задача и, по признанию самого Харингтона, заняла «немало лет, месяцев, недель и дней».[1155]

В двадцать восьмой песне повествуется об Иоконде – история довольно пикантная.[1156] Узнав, что жены им изменяют, Иоконд и Астольф отправляются путешествовать по Европе, чтобы понять, существуют ли на свете верные жены. Испытав много дам и даже будучи «обмануты» в собственных постелях служанкой, они приходят к выводу, что «верность не входит в женскую натуру» и

на свете нет ни одной женщины, чьей благосклонности невозможно было бы завоевать ласками или деньгами.

В феврале 1591 г., завершив перевод отрывка, Харингтон пустил рукопись по рукам среди фрейлин королевы, которым, как он считал, нужно отдыхать от ежедневного обязательного рукоделия. Когда Елизавета узнала, что читают ее фрейлины, она выбранила их, считая, что «непристойная» рукопись не подходит молодым дамам, которые находятся у нее на службе. Когда она узнала, что рукописью их снабдил ее крестник, она призвала Харингтона к себе и «сделала ему суровый выговор за то, что он подвергает опасности поведение ее фрейлин такой грубой историей».[1157] В виде наказания она велела Харингтону не возвращаться ко двору до тех пор, пока он не переведет всю поэму Ариосто – около трех тысяч стихотворных строк. Харингтон поймал крестную на слове и к концу 1592 г. завершил перевод. Когда Елизавета навестила Харингтона в его доме в окрестностях Бата, он подарил ей красиво переплетенный экземпляр перевода с фронтисписом, на котором был изображен его портрет и его любимая собака Банги.[1158]

Следующим подарком Харингтона стал трактат «Новое рассуждение на старую тему» с подзаголовком «Метаморфоза Аякса», который он прислал королеве в 1596 г.[1159] (в названии использован каламбур, основанный на сходстве имени Аякс и «джейкс», слова, которым в Елизаветинскую эпоху обозначали уборную). В сочинении Харингтон описал свое новое изобретение, «смывной стульчак». Он уверял, что мысль об изобретении пришла ему в голову во время беседы с группой мужчин, в том числе Генри Райзли, графом Саутгемптоном, в Уордор-Касле, уилтширском имении сэра Мэтью Арундела. Хотя Харингтон написал «Новое рассуждение» под псевдонимом Мисакмос, в тексте рассыпано немало намеков на то, кто такой автор на самом деле; вскоре его прозвали сэром Аяксом Харингтоном.

Хотя главной целью «Нового рассуждения» Харингтона была популяризация его изобретения, он воспользовался «туалетной темой» как метафорой, с помощью которой критиковал продажность придворных и призывал к нравственному и духовному очищению. «Позвольте мне, худшему сочинителю из всех, в веселой и безвредной форме описать подвалы и уборные… подвигнуть читателя с ветерком погрузиться в глубокое и необходимое раздумье на тему о том, как исправить некоторые огрехи туалетов».[1160] Книга разделена на три части. Первая состоит из двух писем Мисакмоса и его кузена Филостилпноса (любителя чистоты), в котором Филостилпнос требует, чтобы Мисакмос обнародовал свое изобретение. Филостилпнос, чьим

прототипом можно считать кузена Джона, сэра Эдварда Шелдона, призывает Мисакмоса употреблять в своих сочинениях «домашние, простые» слова. Так, он просит его называть новое приспособление «попросту, по-английски, нужником или гальюном».

Далее автор переходит к описанию «Анатомии преображенного Аякса» или «Простому замыслу совершенной уборной». По сути, вторая часть – это практическое руководство по устройству и эксплуатации туалета, проиллюстрированное слугой Харингтона Томасом Кумом. В руководстве упоминается даже, где можно приобрести те или иные части устройства и по какой цене. После того как пользователь нажимает на рычаг сбоку от сиденья, открывается клапан, и вода устремляется из цистерны (изображенной в книге с плавающими в ней рыбами) в нижнюю часть чаши, а затем стекает в расположенную внизу выгребную яму.

На протяжении всей книги Харингтон уделяет особое внимание дурным запахам, идущим от «ночных горшков». Именно «дуновение» Аякса заставляет тех, кто пользуется туалетом, «зажимать носы». В то время различные болезни объяснялись «загрязнением воздуха». Если учесть, какая во дворцах царила антисанитария, нетрудно догадаться, почему королева не могла жить на одном и том же месте очень долго. Харингтон упоминает о том, какой трудной задачей был во все времена вывоз экскрементов, и цитирует Второзаконие (23: 12–14):

«Место должно быть у тебя вне стана, куда бы тебе выходить.

Кроме оружия твоего, должна быть у тебя лопатка; и, когда будешь садиться вне стана, выкопай ею яму, и опять зарой ею испражнение твое».

Харингтон отмечает, что задача эта распространяется на всех, «даже в самых красивых и величественных дворцах нашего королевства, как бы ни заботились о выгребных ямах, о каналах, о решетках, как бы ни старались несчастные, которые выметают и вычищают, все же остается та же ужасная едкая вонь». Он хвалит тех, кто регулярно вычищает домашние уборные, и исправляет недостатки прислуги: «Чтобы дом содержать в чистоте, очищай выгребные ямы. / Чтобы чистой стала душа, исправляй личные ошибки».

Харингтон справедливо видел в «смывном стульчаке» радикальное средство борьбы с антисанитарией.

«Стоит упомянуть и об их пышности. Видел я ночные горшки в красивых футлярах из атласа и бархата – что, правда, не сочетается с законом о потреблении предметов роскоши, – но их нельзя назвать ни особо чистыми, ни приятно пахнущими. Стоит

им простоять в спальне дамы день или ночь, и мужчина, в следующий раз войдя, воскликнет: «С облегчением вас!»[1161]

Одна из эпиграмм, которую он адресовал «Дамам внутренних покоев королевы после чистки их душистой уборной в Ричмонде», служит доказательством того, что один ватерклозет изобретения Харингтона был установлен в Ричмондском дворце и исправно работал.

«Благородные дамы, если кто-либо из вас отнесется свысока и с презрением к тому, / что я, муза Мисакмоса, с радостью написала, / пусть и против правил погрешив, / смотрите, здесь в цепях / изнывает мой хозяин. / Не судите его строго, / но найдите его устройству новое применение: / сидя на нем, вы видите, чувствуете, обоняете, что его изобретение / избавило сей шумный дворец от всяких хлопот. / Судите сами, работа веселая, нетрудная, непыльная / у тех, кто сие место восхваляет: / если мы восславим место, куда всяк идет пешком, / кто окажется внакладе – / вы, что морщите носик, или мы, что сделали его приятным?»[1162]

«Новое рассуждение» оканчивается длинной «Апологией», в которой, во время сна, где его судят за клевету, автор отвечает на обвинения, выдвинутые против его книги, и извиняется за ее тему. Конечно, Елизавета не могла открыто хвалить сочинение крестника, так как считала, что в ней содержится оскорбительный намек на покойного Роберта Дадли – «великого Медведя, что нес на себе восьмерых собак, когда монсеньор [герцог Алансон] был здесь».[1163] Когда Елизавета отказалась дать Харингтону лицензию на публикацию, он не стал горевать и наслаждался широкой, хотя и недолгой популярностью. В 1596 г. «Новое рассуждение» переиздавали четыре раза; хотя Харингтон избежал допроса в Звездной палате, на время ему запретили появляться при дворе. Однако, как вскоре сообщал его кузен Роберт Маркем, «твоя книга почти прощена и, смею надеяться, забыта; но не из-за ее неостроумности или отсутствия сатиры. Те, кого ты больше всех боялся, сейчас купаются в милости королевы; и хотя ее величество внешне выразила неудовольствие, суть твоей книги пришлась ей по душе… Королева настроена вернуть тебе свою благосклонность, но выражает опасения, что ты начнешь сочинять эпиграммы и писать свои «миазмы» о ней и обо всем дворе; кое-кто слышал, как она говорит: «Этот весельчак поэт, ее крестник, не должен приезжать в Гринвич, пока не посерьезнеет, не перестанет волочиться за юбками и забавляться». Она испытала сильное беспокойство, когда ей сообщили, что ты подпустил шпильку Лестеру. Жаль, что тебе неизвестно, кто так дурно с тобою поступил: не хотел бы я оказаться в его шкуре и за тысячу

марок».

Маркем заверил Харингтона, что он «по-прежнему пользуется любовью ее величества».[1164] Харингтон утверждал, что написал свой памфлет, чтобы «поразмыслить о деле и поговорить о нем», в чем он, несомненно, преуспел.[1165]

Глава 51
Старая дура

Во время поста 1596 г. доктор Энтони Радд, епископ церкви Святого Давида, произнес в Ричмонде, в присутствии королевы и придворных, бестактную проповедь. Взяв за основу Псалом 89 («Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобресть сердце мудрое»),[1166] Радд говорил о старческой дряхлости и необходимости для Елизаветы подготовить душу к смерти: «Позвольте перейти к почтенному возрасту моей любимой и почитаемой государыни, которая, не сомневаюсь, научилась счислять свои дни и приобрела сердце мудрое».

Радд не только напомнил, что Елизавете исполнилось шестьдесят три года, он приводит ее воображаемую молитву, в которой вкладывает ей в уста страшные слова: «Я представляю себе, что в ее soliloquia, или уединенных размышлениях, она так составляет свои речи: «О Господи, я вошла в критический возраст своей жизни, и многие враги мои желают и надеются, что он станет для меня роковым… Я вступила в тот возраст, в котором цветет миндальное дерево: в таком возрасте людям следует подумать о времени в костях своих… Я пережила почти всех благородных людей своей страны, которые по моем вступлении на престол были герцогами, маркизами, графами и баронами; и также всех судей моего государства и всех епископов, назначенных мною по вступлении на престол».[1167]

Епископ Радд посмел публично обсуждать то, о чем давно никто не заговаривал: приготовления королевы к ее неминуемой смерти. Учитывая все старания, которые прилагали сама Елизавета и ее дамы к тому, чтобы она всегда излучала «сияние юности», неудивительно, что королева пришла в ужас. Можно представить, как ошеломили ее слова о том, что время «избороздило морщинами ее лицо и посеребрило ее волосы».[1168] В молитве, которую Радд приписывает королеве, Елизавета просит Господа не дать ей умереть, пока она не «преодолела нынешние и будущие опасности и не укрепила государство на будущие времена».[1169] Чем больше королева слушала епископа, тем больше гневалась. Наконец, не выдержав, она громко воскликнула, что он может «оставить свои арифметические подсчеты при себе», а она «еще способна управлять, не нуждается в советах и вполне справляется со своими делами сама». В конце проповеди она не скрыла своих чувств, заметив, «что высокопоставленные церковники не всегда бывают самыми

мудрыми».[1170] Радда поместили под домашний арест; все напечатанные экземпляры его проповеди конфисковали. Впрочем, опала была недолгой, вскоре епископа освободили и простили. В покаянном письме он уверял, что был «обманут, предположив, что ее конечности… подвержены тому же увяданию, что и его собственные… и благодарил Бога, что у нее не пострадали ни желудок, ни сила… ни зрение, ни ум».[1171]

Однако невозможно было не заметить растущие признаки немощности королевы. Для того чтобы ее внешний вид поддерживался на прежнем уровне, требовалось предпринимать все более напряженные усилия. Как заметил Фрэнсис Бэкон, с возрастом Елизавета начала думать, «что людей наиболее влиятельных можно хотя бы наружно отвлечь блеском ее драгоценностей и не дать им заметить, что она теряет личную привлекательность».[1172] Несмотря на ухудшение здоровья и все более частое желание уединиться во внутренних покоях, Джон Клэпэм писал, что незадолго до смерти королева «часто показывалась на публичных зрелищах, иногда вопреки собственному желанию, лишь для того, чтобы подданным казалось, будто она крепче и выносливее, чем на самом деле, в чем, в силу ее возраста, они бы в противном случае усомнились; столь ревниво относилась она к попыткам обнаружить в ней природные недостатки, что приравнивала такие попытки к ущербу для своего доброго имени».[1173] Сокрытие «природных недостатков», например оспин на лице, морщин, впалого лица и гнилых зубов, с целью защитить «доброе имя», все больше превращалось в своего рода вид искусства, в котором совершенствовались камер-фрейлины Елизаветы.

Королева была тщеславна и не уверена в собственных силах. Ей трудно было примириться с тем, что она стареет. По сведениям из одного источника, если она случайно видела в зеркале свое отражение, она «приходила в состояние ужаса и замешательства», потому что зеркало показывало ей не то, что она видела когда-то. Поэтому камер-фрейлины часто прятали от Елизаветы свои зеркала, а «иногда в спешке разбивали их».[1174]

* * *

В 1597 г. холодным декабрьским днем ко дворцу Уайтхолл приплыл Андре Юро де Месс, посол короля Франции Генриха IV. Сойдя на пристань, он по закрытой лестнице поднялся во дворец. Посол приехал побеседовать с Елизаветой о войне с Испанией. Благодаря его подробным описаниям последующих аудиенций у

нас есть яркий литературный портрет шестидесятичетырехлетней королевы Елизаветы. Посол описывает не только ее внешний вид и обилие драгоценностей. Он упоминает ее неувядающий ум, любовь к музыке и танцам, однако в его зарисовках перед нами предстает довольно ранимая женщина, вынужденная помнить о своем возрасте.

Поднявшегося по лестнице де Месса вели по длинным коридорам, мимо огромных каменных каминов с гербами. Пройдя караульную, он очутился в приемном, или присутственном, зале, где сел на подушку в ожидании королевы. На стене висели огромные гобелены в ярко-синих, красных и золотых тонах; все столы закрывали толстые персидские и индийские ковры, на полу лежали мягкие коврики.[1175] Комнату украшали разные диковинки, в том числе страусовые яйца, посуда из кокосовых орехов и фигурки из керамики – подарки от иностранных гостей и сановников.

Через какое-то время вышел лорд-камергер и повел француза по темному коридору во внутренние покои, где он увидел многих знатных лордов и леди. Сама королева сидела на низком кресле. Когда де Месс вошел, Елизавета встала и, подойдя к нему, обняла его. Она извинилась за то, что не давала ему аудиенции ранее, объяснив, что «позавчера она была очень больна из-за нарыва на правой стороне лица» и что «она не помнит, чтобы раньше ей было так же плохо». По словам де Месса, королева была одета пышно, но странно: она приняла его в «ночном платье», сшитом из дорогой ткани, «серебряной, белой и алой». Возможно, заметив удивление посла, Елизавета обернулась к своим советникам и, жестом указав на Месса и сопровождавших его лиц, заметила: «Что подумают эти господа, увидев меня в таком наряде? Я очень обеспокоена, что они видят меня в таком состоянии».

Когда Елизавета снова села и жестом велела подать послу табурет, де Месс передал ей добрые пожелания короля Франции и желание «узнать о ее благополучии и здравии». Сидевший напротив Елизаветы посол видел «целиком открытый лиф ее платья» и грудь, которая показалась ему «несколько морщинистой», хотя, как он добавил, «можно видеть, что ниже ее кожа необычайно бела и нежна». Она была обильно увешана драгоценностями; на шее у нее посол увидел жемчужное ожерелье, а на голове был рыжий парик «с большим числом блесток из золота и серебра», также подчеркивавших ее целомудрие.[1176] Лицо же «кажется и выглядит очень старым», заметил посол. «Оно длинное и худое, а зубы у нее желтые и неровные… те, кто видел ее раньше, уверяют, что слева их меньше, чем справа. Многих зубов недостает, и потому ее нелегко

понять, если она говорит быстро».

Когда де Месс завел речь о мирном договоре с Францией, его поразила нервозность королевы: казалось, она ни минуты не может посидеть спокойно. Сначала она сидела в кресле и то и дело перебирала пальцами оборку на платье. Затем встала и принялась расхаживать туда-сюда, дрожа от переполнявшей ее энергии, и то распахивала вырез на платье, то закрывала его. Она жаловалась, что в камине развели слишком жаркий огонь, что дым щиплет ей глаза. Позвали слуг, чтобы огонь уменьшили; де Мессу пришлось ждать, пока на шипящие поленья выливали ведра воды. Когда де Месс собрался уходить, Елизавета снова выразила огорчение, что французские гости видят ее в таком состоянии. Она подозвала их к себе и «обняла всех с большим обаянием и с улыбкой».

Неделю спустя, когда де Месс должен был увидеться с королевой во второй раз, она снова была недовольна своим внешним видом. По словам де Месса, Елизавета должна была прислать карету, чтобы его привезли во дворец, но в последнюю минуту все отменила, посмотревшись в зеркало и заявив, что она «слишком больна» и «не хочет, чтобы ее видели в таком состоянии».

На следующий день аудиенция все же состоялась, и де Месс заметил, что Елизавета выглядела «лучше, чем прежде». Она приняла его в красивом платье из черной тафты, с юбкой из белой парчи. Лиф платья и нижняя рубашка были расшнурованы. Посла снова поразило то, как часто королева распахивала лиф; по его словам, «можно было видеть ее живот до самого пупа».[1177] Таким странным поведением, провокационным и присущим более молодым женщинам, Елизавета, возможно, стремилась доказать и де Мессу, и себе самой, что она по-прежнему привлекательна и еще может нравиться. Многие иностранные сановники, побывавшие при дворе, утверждали, что Елизавета постоянно обнажала грудь.

Де Месс пишет, что королева приветствовала его «весело и бодро»; она села на трон и велела, чтобы гостю подали табурет. Она называла себя «старой дурой» и сетовала на то, что посол, «повидавший стольких мудрецов и великих правителей», вынужден беседовать «с бедной глупой женщиной».[1178] Де Месс, как и подобает, ответил комплиментом, «сказав, что слышал о ее добродетели, красоте и совершенстве от иностранных правителей, но это ничто по сравнению с тем, что я увидел собственными глазами», что явно порадовало королеву. Де Месс заметил, что Елизавета очень радуется, если ее хвалят за «рассудительность и благоразумие, и она очень любит

пренебрежительно отзываться о своем уме и рассудке, чтобы у собеседника появилась возможность сделать ей комплимент». Что касается внешности, «она говорит, что никогда не была красавицей, хотя тридцать лет назад и пользовалась такой репутацией»; однако де Месс заметил, «что она старается очень часто упоминать о своей красоте». Елизавета всю жизнь гордилась своими длинными тонкими пальцами, она даже сняла перчатку, чтобы показать де Мессу руку. Как он позже записал в дневнике, «в прошлом она была очень красива, но сейчас слишком исхудала, хотя ее кожа до сих пор очень бела».

Иными словами, встретившись с Елизаветой, де Месс увидел не величественную, вечно молодую красавицу с парадных портретов, а стареющую живую женщину, разменявшую седьмой десяток. Однако Елизавета по-прежнему оставалась привлекательной, даже красивой. Она была «высока и грациозна», и, «насколько возможно, она сохраняет достоинство, держится скромно и вместе с тем изящно». Что же касается ее «природных форм и пропорций», посол счел их «совершенными». Он добавил, «если не считать лица, которое выглядит старым, и зубов, невозможно увидеть женщину в таком бодром и живом состоянии ума и тела».[1179]

Неотъемлемой частью образа королевы был ее гардероб. Со временем наряды Елизаветы становились все более сложными и искусными, они служили средством для отвлечения внимания от ее стареющей плоти. Де Месс с изумлением узнал, что у Елизаветы более 3 тысяч платьев, которые хранятся в Большом гардеробе в Вестминстерском дворце. Сюда входило около 102 «французских платьев», 100 «свободных платьев» и 67 «круглых платьев», 99 мантий, 127 плащей, 85 дублетов, 125 юбок и 126 нижних юбок.[1180] Наряды для королевы шились из дорогих тканей и были богато расшиты розами, солнцами, лунами и планетами, гранатами (еще один символ девственности), змеями (олицетворяющими мудрость) и шиповником (символом чистоты и благоразумия). Таким образом, наряды королевы служили важным способом передачи определенных данных или прославления ее добродетелей. Ее платья, такие же парадные, как и портреты, служили средством, с помощью которого сглаживалось растущее несоответствие двух лиц королевы.

В 1593 г., когда Джон Эйлмер, епископ Лондонский, прочел проповедь о «тщете слишком вычурного украшения тела», он навлек на себя «великое недовольство» Елизаветы. Она сказала своим дамам, что, «если епископ будет и дальше распространяться о подобных вещах, она решит, что он достоин рая, но в таком случае ему следует ходить без посоха и снять

мантию; наверное, епископ никогда не видел ее королевского гардероба, иначе он выбрал бы другую тему».[1181] В самом деле, как заметил Джон Харингтон, если бы епископ вначале поинтересовался размерами гардероба ее величества, он написал бы проповедь о чем-нибудь другом.[1182] Последняя аудиенция де Месса с королевой состоялась в канун Рождества 1597 г. Его провели во внутренние покои; войдя, он увидел, что Елизавета сидит за спинетом. Услышав шаги, королева оглянулась, посол изобразил изумление и извинился за то, что помешал ей. Королева ответила, «что очень любит музыку и что играла павану», на что де Месс ответил, что она «превосходный знаток и у нее репутация настоящей музыкантши». По его словам, занятия музыкой доставляли Елизавете большое удовольствие; она с радостью наблюдала за тем, как танцуют ее фрейлины, и, «даже если она сильно уставала», она «улыбалась дамам», которые часто подходили к ней и «демонстрировали свое почтение», а затем возвращались к танцам.[1183] Перед уходом де Месс спросил Елизавету, что рассказать о ней королю Генриху. Подойдя к нему вплотную, королева велела ему передать, что «нет на земле создания… которое относилось бы к нему с такой привязанностью и так желало ему добра и процветания, как она, но она просит его учесть положение, в какое она поставлена; она женщина, старая и ни на что сама не способная; ей приходится иметь дело и с представителями знати в самом разном настроении, и с простолюдинами, которые хотя и демонстрируют всячески свою любовь к ней, тем не менее переменчивы и ненадежны, отчего она вынуждена всего бояться». Хотя простые подданные по-прежнему демонстрируют любовь к своей королеве, многие представители знати ропщут и уверяют, что «англичане больше не подчинятся правлению женщины».[1184] Затем она завела речь «о покушениях на ее жизнь и на ее государство» и объяснила, что находит «непостижимо странным» обращение с ней короля Испании; «она бы ни за что не поверила, что все совершается по его воле»; тем не менее он «отправил в Англию с такой целью пятнадцать человек, которые во всем признались».

Елизавета начинала бояться будущего. Она говорила о том, что стоит «на краю могилы». Она высказалась неподдельно искренне; впрочем, осознав, что именно она только что сказала иностранному послу, она быстро одумалась и добавила: «Надеюсь, что я не умру так скоро, господин посол, и я не так стара, какой меня считают».[1185]

Глава 52
Маска юности

После многих неудачных попыток покушения на Елизавету и поражения испанской Армады при дворе возникло модное течение. Представители знати считали своим долгом носить какой-нибудь знак верности и любви к королеве, а она взамен дарила им миниатюры со своим изображением в знак своей любви. Однако, с ростом спроса, росла и необходимость следить за качеством воспроизводимых образов, дабы на них не проступали истинные черты Елизаветы. На портретах необходимо было изображать не истинное лицо королевы, но лицо гораздо более молодой женщины. Елизаветинские министры следили за созданием и распространением королевского образа с ранних лет ее правления. В 1563 г. Уильям Сесил составил черновик воззвания, в котором упоминались серьезные и неприятные «ошибки и искажения» в популярных портретах, имевших хождение в народе: «Ввиду того что все слои подданных ее величества, как благородного происхождения, так и простолюдины, желают приобрести портрет и изображение благороднейшей и любимейшей особы ее королевского величества, всевозможные художники уже изобразили или ежедневно пытаются наскоро изобразить портретное сходство с ее величеством в живописи, гравюре и рисунке, однако до настоящего времени ни одному из них не удалось отразить природного сходства с особой ее величества, которое льстило бы оригиналу; напротив, большинство из них допускают досадные ошибки, чем верноподданные ее величества недовольны».

Сесил выдвинул предложение: до тех пор пока не найдут подходящего живописца, которому королева согласится позировать, запрещается «рисовать красками, карандашом, делать гравюры или изображать портрет и фигуру ее величества».[1186] Хотя воззвание 1563 г. сохранилось лишь в черновике, оно доказывает, что «природное сходство» стало главнейшей целью портретной живописи с первых лет правления Елизаветы.

Теперь, более тридцати лет спустя после ее восшествия на престол, правительство снова озаботилось изображением королевы; прокламация, изданная в 1596 г., была составлена в недвусмысленных выражениях. Все «неподобающие и неточные» портреты королевы подлежали уничтожению.[1187] Художники, неспособные запечатлеть «природное сходство», назывались не просто заблуждающимися, как подразумевалось из прокламации

1563 г. Их деятельность приравнивалась к оскорблению величества. Теперь такие портреты оскорбляли уже не «верноподданных ее величества», а саму королеву.

Изменилось и назначение королевского портрета, а вместе с ним и определение того, что считалось приемлемым и допустимым. От художников больше не требовалось «достичь природного сходства». Изображая «особу ее величества», они были обязаны всецело передавать «прекрасную и благородную величавость, дарованную ей Богом». Все портреты проверялись главным художником, Джорджем Гауэром, который должен был удостовериться в том, что они соответствуют официально одобренному шаблону.[1188]

На многочисленных портретах воспроизводили лицо, впервые изображенное Николасом Хиллиардом. Формализованная, лишенная признаков возраста маска смотрит на нас с произведений различных художников. Всякий раз, как создавался новый портрет Елизаветы, живописцы изображали различные платья, прически и украшения, но лицо всегда оставалось неизменным.[1189] Едва ли Елизавета соглашалась позировать; шаблон, созданный Хиллиардом, стал официально одобренным публичным изображением королевского лица в последние годы ее правления. Лицо Елизаветы кажется сияющим, лунообразным, являя собой резкий контраст с отзывами современников о ее длинном, худом, морщинистом лице в последнее десятилетие ее жизни.

В частности, портрет, получивший название «Радуга» и созданный около 1600–1603 гг., который приписывают Маркусу Гирертсу-младшему, соответствует шаблону, созданному Хиллиардом. На нем изображена невероятно ослепительная и моложавая королева. На ней золотистая мантия, расшитая изображениями глаз и ушей и отороченная жемчугом. На радуге выписан девиз Non Sine Sole Iris – «Нет радуги без солнца». Темный фон, на котором изображена королева, низкий вырез платья, гладкая, здоровая кожа и распущенные волосы подчеркивают ее здоровье и молодость.[1190] Портрет в высшей степени богат символикой. Рубиновое сердце в пасти змеи, вышитой на левом рукаве Елизаветы, обозначает мудрый совет, который также представлен посредством глаз, ушей и губ, которыми расшита золотистая мантия. Из королевских описей известно, что у Елизаветы в самом деле имелась такая мантия, которая изображена на портрете «Радуга».[1191] Хотя лицо королевы представляет собой лишенную возраста маску, ее одежду, скорее всего, рисовали с натуры. Можно предположить, что мантию шили фрейлины Елизаветы.

Глава 53
Отравленная лука

В 1598 г. перед Тайным советом предстал Эдвард Сквайрс, женатый житель Гринвича среднего возраста, называвший себя «писцом». Его обвиняли в заговоре с целью убийства королевы. Убить ее он собирался, натерев ядом луку седла Елизаветы. Кроме королевы, он планировал убить Роберта Деверо, графа Эссекса, натерев ядом ручки его кресла.

Эдвард Сквайрс служил в королевской конюшне в Гринвичском дворце, но, «считая себя выше, не любил такое положение». Желая возвыситься, он в августе 1595 г. принял участие в походе Фрэнсиса Дрейка в Вест-Индию. Однако корабль «Фрэнсис», на борту которого он находился, возле Гваделупы отделился от остального флота. Сквайрса вместе с его спутником Ричардом Роллсом взяли в плен и увезли в Севилью. Пока он сидел в тюрьме, его навещали ведущие английские иезуиты, в том числе отец Ричард Уолпол, с которым, как утверждалось позже, Сквайрс и сговорился убить Елизавету и Эссекса.[1192] Сквайрс собирался воспользоваться своими связями на конюшне, чтобы проникнуть туда, а затем натереть ядом луку королевского седла. Когда она сядет на лошадь и поедет на прогулку, она будет часто хвататься за луку, яд проникнет ей под кожу и через кровь попадет «к лицу, рту и носу», после чего она получит смертельную дозу.

Сквайрс вернулся в Англию в июне 1597 г.; в конце того же месяца, как утверждалось, он проник в конюшню, когда там седлали лошадь для королевы, проделал дыры в пузыре с ядом, которым снабдил его отец Уолпол, и натер им бархатное седло королевы.[1193] Королева поехала на верховую прогулку и благополучно вернулась, яд на нее не подействовал. Согласно официальному отчету, жизнь королевы спасли «Божья воля и Божий промысел», особенно же потому, что в жаркий июльский день ее «поры и вены» были открыты для любых смертельно опасных составов.

Около недели спустя, частично для того, чтобы избежать поимки, а частично – чтобы покуситься на жизнь графа Эссекса, Сквайрс снова приступил к действиям. Он принял участие в злополучном походе графа на Азорские острова. Между Фаялом и Сан-Мигелем он, как утверждается, втер яд в кресло Эссекса, которое находилось на корабле. Эссекс вернулся в Англию, чувствуя себя нехорошо, однако живой.

Сквайрс тем временем спокойно вернулся к работе в конюшне королевы, он снова стал жить с женой и детьми. Однако более года спустя, 7 сентября 1598 г., его арестовали в Гринвиче и отвезли на допрос после признания Джона Стэнли, плененного солдата и искателя приключений, который перешел в католичество и вернулся в Англию. В попытке втереться в доверие к английскому правительству Стэнли рассказал о нескольких предполагаемых иезуитских заговорах, назвал фамилии наиболее активных ссыльных католиков. Среди прочих он упомянул и Сквайрса. Если учесть напряженную, параноидальную обстановку, царившую в правящих кругах, неудивительно, что Сквайрса тут же арестовали.[1194]

Боязнь покушений усиливалась слухами о новых испанских и шотландских заговорах с целью убийства королевы, которые циркулировали с весны. 4 мая Джон Чемберлен, плодовитый лондонский сплетник и распространитель слухов, упомянул, что определенные люди «задержаны за покушение на жизнь королевы и милорда Эссекса, причем один из них шотландец; об этом много говорили, но либо дело еще не до конца раскрыто, либо в нем таится что-то еще, ибо его держат в тайне».[1195] Заговорщиком был Валентайн Томас; он уверял, что Яков VI поручил ему убить Елизавету. Яков пришел в ярость, он боялся, что из-за обвинений Томаса Елизавета не признает его своим наследником. Наконец Томаса признали мошенником, каким он и являлся, и Елизавета заверила короля Шотландии, что она «не так злопамятна по натуре, чтобы предполагать или думать подобное». Тем не менее, учитывая тогдашнюю атмосферу, любые разговоры или слухи о заговорах с целью убить королеву, естественно, возбуждали опасения за ее безопасность.[1196]

После ареста Сквайрса держали в тюрьме Каунтер на Вуд-стрит, а затем, примерно 18 октября, перевели в Тауэр.[1197] Сначала он отрицал все обвинения, предъявленные ему следователями. Однако после пытки он сломался и признал, что в Испании его сделали «убежденным папистом»; сидя в тюрьме, он сговорился с отцом Уолполом убить королеву посредством отравленной луки седла, а графа – посредством отравленного кресла.[1198] В последующие дни Сквайрс сделал еще немало признаний, в которых давал разные объяснения случившемуся. Так, он уверял, что Уолпол выписал рецепт на «отравленный сироп», который сохранял свое действие некоторое время после его распыления; в его состав входили опиум, белая ртуть и два порошка, «один желтоватый, а другой коричневатый, и назывались они по-латыни или по-гречески». Сквайрсу велели нанять помощника для покупки ингредиентов, все их надлежало

покупать в разных местах, «дабы не возбудить подозрений». Затем он должен был смешать порошки и опиум, пропитать их ртутной водой и, поместив в глиняный горшок, выдержать месяц на солнце. По словам Сквайрса, он приобрел все необходимые ингредиенты, а затем испытывал сироп «на щенке некоего Эдвардса из Гринвича».

Когда Сквайрса допросили на следующий день, он полностью изменил показания и утверждал, что Уолпол снабдил его уже приготовленным составом, который содержался «в двойном пузыре, завернутом во много слоев парчи». Затем он рассказал о попытке покушения на графа Эссекса 9 октября 1597 г. Перед отплытием он «пронес яд на борт графского корабля в небольшом глиняном сосуде, плотно закупоренном пробкой, и втер его в кресло графа Эссекса». «Я сделал это вечером незадолго до ужина, когда корабль находился в море, между островами Фаял и Сан-Мигель. Сироп был таким липким, что прилип к подлокотникам кресла, и я растирал его тканью; вскоре граф сел в кресло и просидел в нем в продолжение всего ужина».

На суде, который проходил 7 ноября в Большом зале Вестминстера, Сквайрса обвинили в том, что он, находясь в Севилье, вступил в сговор с целью отравления королевы и графа Эссекса. Сквайрс отрицал все, в чем признавался ранее, но затем, очевидно, передумал, и его заставили написать и подписать признание вины: «Признаю грех и сознаюсь в своей злонамеренности».[1199] Его приговорили к казни через повешение, потрошение и четвертование. 13 ноября Эдварда Сквайрса казнили в Тайберне за государственную измену. Вскоре опубликовали официальный отчет о заговоре. Он вышел в форме письма, адресованного некоему англичанину, живущему в Падуе. В письмо вошел Приказ о молитве и благодарности, составленный, скорее всего, Фрэнсисом Бэконом.[1200] Бэкон присутствовал на допросе Сквайрса и считал, что отец Уолпол обратил Сквайрса в католицизм, а затем надеялся его руками осуществить покушение на королеву.

Хотя Сквайрс, скорее всего, не был виновен во всем, что ему вменяли, судебный процесс призван был оживить верноподданнические чувства и подхлестнуть народное возмущение против Испании. Для протестантов Эдвард Сквайрс был презренным предателем, чьи поступки разоблачили вероломство живших за границей англичан-иезуитов. Для католиков он стал несчастной жертвой; под пыткой он позволил сделать из себя орудие бессовестного правительства, дискредитировав и очернив католичество. В письме к собрату-иезуиту Генри Гарнету от 30 января 1599 г. Роберт Персонс

назвал всю «историю с ядом» вымыслом, направленным на то, чтобы дискредитировать Испанию и иезуитов: «Похоже, это стало одной из самых печальных басен и трагических комедий, какие представлялись во все наше время».[1201]

Глава 54
Искривленная фигура

После неудачной экспедиции на Азорские острова в 1597 г. и холодного приема у королевы граф Эссекс удалился в свое имение Уонстед. Он считал, что Елизавета несправедливо приблизила к себе и обласкала его соперников, раздавая им важные посты. В декабре 1597 г., после того как королева назначила его граф-маршалом,[1202] Эссекс вернулся ко двору и снова попытался оказывать влияние на международную политику. Хотя Эссекс по-прежнему настаивал на необходимости развязать наступательную войну с Испанией и уговаривал королеву обратить внимание на растущую угрозу со стороны Испании, Елизавета стремилась к миру. В 1598 г. королева дала понять, что Эссекс «достаточно долго играл на ее чувствах, и теперь она тоже намерена поиграть на его чувствах».[1203]

Недовольство графа прорвалось в конце июня на заседании Тайного совета, когда назначали нового наместника в Ирландию. Елизавета предложила на эту должность дядю Эссекса, сэра Уильяма Ноллиса, но Эссекс хотел оставить такого союзника при дворе и потому предложил кандидатуру сэра Джорджа Кэрью, друга Роберта Сесила. Елизавета пришла в ярость от дерзости графа и наградила его оплеухой.[1204] Увидев, что Эссекс порывисто схватился за меч, лорд-адмирал Ноттингем встал между графом и королевой. Эссекс поспешно отступил, но, выходя, в сердцах прокричал, что «он не стерпел бы такое публичное оскорбление и унижение даже от самого короля Генриха Восьмого».[1205] По сведениям из другого источника, он сказал королеве, что «характер у нее такой же искривленный, как и фигура».[1206]

Когда граф вернулся в свое имение Уонстед, друзья просили его помириться с Елизаветой. Лорд – хранитель печати, сэр Томас Эгертон, просил его отбросить ложную гордость и продемонстрировать покорность, как подобает хорошему верноподданному. Однако Эссекс по-прежнему держался вызывающе и в ответе Эгертону написал: «Королева упряма, и у меня тоже есть чувства. Моему счастью настал конец, поэтому я больше ничего не желаю… Правители могут ошибаться, а подданные – неверно реагировать, как я, но я выкажу постоянство в страдании».[1207] Такое положение продолжалось несколько недель. В августе один очевидец написал, что Эссекс «по-прежнему пребывает вдали от двора и уверяет, что не вернется,

пока за ним не пришлют; но никто не спешит его просить, так что все сводится к тому, у кого первого иссякнет терпение».[1208]

* * *

9 августа умер Уильям Сесил, лорд Бёрли. Последние месяцы его переносили из комнаты в комнату в кресле; он скончался, не дожив нескольких недель до своего семидесятивосьмилетия. В его последние дни Елизавета не отходила от его постели, ухаживая за ним, «как заботливая сиделка»; она поила его бульоном с ложки. Сесил до конца жизни боялся международного католического заговора с целью свержения Елизаветы и уничтожения «истинной веры». Об этом он написал даже в эпитафии, которую сочинил для надгробного памятника в своем родном городе Стамфорде (Линкольншир). Целью его жизни, уверял он, стала защита королевы и протестантского государства.

Приехав в Лондон 29 августа на похороны Сесила, Эссекс затем вернулся в Уонстед. Отношения с королевой по-прежнему оставались надломленными, но, когда 7 сентября Эссекс заболел лихорадкой, Елизавета прислала к нему своих врачей и выказала некоторую заботу о его выздоровлении. Вскоре Эссекс повинился и, как писал Роуленд Уайт, «милорд восстановлен в милости королевы; недавно он дважды переболел, один раз на самом деле, а второй раз вымышленно; но, как будто одно зависело от другого, он вылечился от первой, исцелившись от последней».[1209] Эссекс снова занял место рядом с королевой, однако вскоре поползли слухи о его интрижке с еще одной фрейлиной Елизаветы: граф «снова влюбился в свою прекрасную Б.», – сообщал Уайт.[1210] Скорее всего, «прекрасной Б.» он называл мистрис Элизабет Бриджес, одну из двух камер-фрейлин, которые за год до того попали в немилость из-за флирта с Эссексом. Королева, как говорили, тогда «наградила их злыми словами и пощечинами», и мистрис Бриджес и миссис Рассел «изгнали из гардеробной». Они вынуждены были три ночи провести у леди Дороти Стаффорд. Их выбранили за то, что они тайно ходили по галереям внутренних покоев, чтобы смотреть, как Эссекс и другие мужчины-придворные играют в спортивные игры; им позволили вернуться во внутренние покои лишь после того, как они пообещали не повторять такого впредь.[1211]

По возвращении Эссекса с Азорских островов вновь пошли слухи и о его возобновившихся отношениях с графиней Дерби. Прошло совсем немного времени, и королева узнала о романе Эссекса с мистрис Бриджес. Как продолжал Роуленд Уайт в своем

письме, весть «непременно дойдет до ушей королевы», и тогда «он погиб, как и все те, что зависят от его милости. Молю Господа, чтобы все это не обратилось ему во вред».[1212] Продолжая ухаживать за придворными дамами и в то же время стараясь вернуть благосклонность самой Елизаветы, Роберт Деверо играл в опасную игру.

* * *

6 сентября в Гринвичский дворец прибыл Пол Хентцнер, немецкий путешественник; он заручился разрешением лорд-камергера осмотреть королевские апартаменты. Путешественник приехал в воскресенье, когда при дворе обычно бывало больше всего представителей знати, и его провели в приемную палату. В комнате он увидел членов Тайного совета, епископов, важных сановников и других джентльменов; все они ждали, когда королева выйдет из внутренних покоев и проследует мимо них по пути в часовню.

Воскресные и праздничные процессии в часовню и из нее считались важными церемониальными событиями. Королева все реже появлялась на публике, и потому каждый ее выход становился более значительным. Когда ближе к полудню королева вышла, Хентцнер описал, как ее охрана образовала проход посреди толпы, где она могла бы пройти. Процессия по внутренним покоям следовала строгому порядку: «Сначала шли джентльмены, бароны, графы, рыцари ордена Подвязки… с непокрытыми головами». Непосредственно перед королевой следовали лорд-камергер или лорд – хранитель Большой печати, по бокам которых шли два графа: один держал скипетр, другой – меч. Елизавета медленно проходила по приемному залу; за ней следовали дамы, в основном одетые в белое; с двух сторон их охраняли пятьдесят джентльменов-пенсионеров, вооруженных позолоченными алебардами.

Хентцнер описывает и саму королеву, которой сравнялось шестьдесят четыре года; ее внешность поразила его. Она показалась ему «очень величественной» и «статной». Лицо у нее «белое, но морщинистое, глаза маленькие, однако черные и красивые, нос слегка изогнут; губы узкие, а зубы черные». В ушах у нее были жемчужины «очень крупной формы»; на голове рыжий парик и небольшая корона; на шее ожерелье «из красивейших драгоценных камней». Елизавета снова облачилась в платье с низким вырезом, обнажающее грудь. Такие же вырезы, объясняет Хентцнер, «были у всех английских дам до замужества». На

королеве в тот день было белое шелковое платье, отделанное крупными жемчужинами «размером с боб», и мантия из черного шелка, расшитая серебряными нитями. Длинный шлейф королевского платья несла маркиза. Проходя мимо «во всем своем величии, она весьма любезно беседовала то с одним, то с другим, либо с иностранным министром, либо с тем, кто прибыл по иным причинам, по-английски, по-французски и по-итальянски… всякий раз, когда она оборачивалась, проходя, все падали на колени».[1213]

Но под внешними пышностью и почтением при дворе ощущалась усталость. После недавней кончины Уильяма Сесила и смертей Роберта Дадли, Уолсингема и Хаттона (в 1591 г.) казалось, что эпоха подходит к концу. Джон Харингтон позже вспоминал, как в начале 1598 г. в университетах Оксфорда и Кембриджа «обсуждался вопрос, который знаменовал собой определенную усталость того времени, mundus senescit, старение мира». И добавлял: «Не знаю, с какими намерениями ставился этот вопрос, но знаю, как тяжело его воспринимали». Елизавета ощущала царившее при дворе настроение, она тоже прекрасно сознавала быстротечность времени и собственную смертность.

Глава 55
Lese Majeste (Оскорбление Величества)

В 1599 г., во время празднования Двенадцатой ночи в Уайтхолле, все взгляды были прикованы к королеве. Елизавета, «одетая очень пышно и выглядевшая свежо», встала из кресла, взяла за руку графа Эссекса и танцевала с ним. Казалось, Роберт Деверо снова в фаворе у королевы, однако Елизавета вовсе не собиралась оставлять его рядом с собой. Она дала ему еще одну возможность продемонстрировать его полководческий талант.

В августе английские войска были разгромлены у Йеллоу-Форда в графстве Арма; Елизавете грозило полное поражение в ирландских провинциях. Она назначила Эссекса командующим английской армией. Он должен был подавить мятеж, возглавляемый Хью О'Нейлом, графом Тироном. Эссекс знал, что ему предоставили последний шанс отличиться и вернуть себе расположение королевы. 27 марта 1599 г. Елизавета нежно попрощалась с ним, и он во главе армии вышел из Лондона. Улицы наводняли люди, желавшие ему победы; Эссексу кричали: «Боже, храни вашу честь» и «Боже, храни вашу светлость».[1214]

Через месяц, прибыв в Дублин, Эссекс понял, что положение весьма серьезно. Хотя он прибыл во главе большой армии, на стороне ирландцев было значительное численное превосходство. Кроме того, в любой день ожидали вторжения испанцев, которые должны были поддержать двадцатитысячную армию вооруженных ирландцев под командованием Тирона. Эссекс все больше подозревал, что Роберт Сесил в Лондоне интригует против него и поощряет Елизавету отказывать ему, когда он в очередной раз просит денег, солдат и лошадей. «Теперь мне ясно, – писал он Елизавете, – что из Англии я не получаю ничего, кроме неловкости и душевных ран».[1215] Он считал, что его положение при дворе в его отсутствие подрывается: распускали слухи, что он стремится стать королем Ирландии, даже заполучить английскую корону, и плетет заговор, собираясь вернуться в Лондон во главе ирландской армии и свергнуть королеву. Узнав о таких обвинениях, Эссекс решил вернуться в Лондон и оправдаться. В сентябре, не выполнив приказа вступить в бой с главными силами повстанческой армии, он договорился с Тироном о перемирии, вопреки тому, что велела Елизавета, и отплыл в Англию.

* * *

Летом 1599 г. в Англии все больше боялись того, что испанцы снова готовят флот и что король Шотландии Яков VI также собирается вторгнуться в пределы Англии и поддержать восстание католиков. Страну привели в состояние полной боевой готовности; епископам и представителям знати рассылались письма с приказами «собирать лошадей и другое снаряжение, как если бы враг ожидался в течение пятнадцати дней». По королевскому приказу в воскресенье 5 августа в Лондоне «улицы и переулки перегородили цепями; перед каждым домом должны были гореть свечные фонари (по восемь на фунт). Нарушителям грозила смертная казнь. Улицы патрулировали дозоры».[1216] Поползли слухи, что королева «опасно больна»; в начале сентября Елизавета тихо переехала из Уайтхолла в Хэмптон-Корт, где ее видели у окон дворца, «и с ней не было никого, кроме миледи Уорик».[1217]

* * *

Зная о том, как боятся приближенные за ее безопасность, и учитывая слухи о возможном вторжении испанцев, Елизавета не стала совершать долгих переездов, а перемещалась между своими королевскими резиденциями в окрестностях Лондона. Из Хэмптон-Корт она переехала во дворец Нонсач в Суррее. То был поистине сказочный дворец, славившийся современными на то время восьмиугольными башнями и огромным парком, в котором водились олени. Дворец построили в 30-х гг. XVI в., при Генрихе VIII; архитекторы взяли за образец французские замки на Луаре. Оштукатуренные белые стены украшали позолоченные рельефы; в живописном парке разместили большое количество статуй в классическом стиле. При дворце имелось два четырехугольных двора, окруженные красивыми садами. Когда в Нонсач переезжал двор, на лугу у дворца разбивали шатры, где приходилось останавливаться многим гостям, поскольку Нонсач находился далеко от какой-либо деревни или города, где гости могли разместиться в гостинице.

В воскресенье 26 сентября Томас Платтер, швейцарский путешественник, прибыл в Нонсач для официальной экскурсии по дворцу. Около полудня он находился в приемном зале и видел, как вошли мужчины с белыми жезлами, за ними – какие-то лорды, а потом королева. Елизавета села на трон, покрытый красной парчой и обложенный подушками, вышитыми золотыми

нитями. Трон был так низок, что подушки лежали почти на полу, а над троном висел резной балдахин, причудливо прикрепленный к потолку. После того как королева села, по словам Платтера, в зал вошла «прекрасно одетая» фрейлина. Секретарь Елизаветы стоял справа от нее, а советники с жезлами – слева. Елизавете «передавали какие-то книги». Все подходившие к королеве должны были опускаться на колени. «Мне сказали, что они даже играют в карты с королевой стоя на коленях», – отметил Платтер. Елизавета какое-то время читала книги, а затем священник, стоя перед ней, прочел проповедь. Спустя некоторое время королева подозвала к себе одного из камергеров и приказала ему подать священнику знак, чтобы тот подошел ближе. Помолившись, она удалилась во внутренние покои. Платтер остался в приемном зале, чтобы посмотреть, как королеве сервируют обед. Ее охрана, в красных плащах с вышитыми на них золотом королевскими гербами, внесла в комнату два стола и поставила в том месте, где сидела королева. Затем вошли еще два стража; каждый нес булаву «и поклонился трижды, сначала войдя, затем в центре зала и наконец перед ее столом». После появились еще два стража, с блюдами и кубками; за ними еще двое, которые несли ножи, хлеб и соль. Все кланялись перед столом. Следом за ними появились «джентльмен с булавой» и фрейлина. Поклонившись пустому столу, она стала ждать, когда его накроют. После того как снимали крышки, фрейлина, по словам Платтера, отрезала по большому куску от каждого блюда и давала стражу попробовать. Вино и пиво также разливали и пробовали. Как только стол полностью накрыли и сервировали «с такими же церемониями и почестями, как если бы за ним сидела сама королева», на глазах Платтера каждое из блюд, в том числе огромные куски говядины и всевозможной дичи, пироги и торты относили к королеве в ее покои, «чтобы она отведала, что пожелает, в уединении», поскольку «она очень редко трапезничает при посторонних». Наконец, как только подали еду, «во внутренние покои прошли музыканты с трубами и инструментами типа гобоя; сыграв, они удалялись, поклонившись столу. После этого со столов начали убирать».

Елизавета, добавляет Платтер, была «одета очень пышно, и, хотя ей было уже семьдесят (шестьдесят. – *А. У.*) четыре, выглядела очень моложаво; казалось, на вид ей не больше двадцати. Держалась она с достоинством и величественно».

Ссылаясь на заговоры Лопеса и Сквайрса, Платтер добавил: «Хотя ее жизни часто угрожал яд и многие злонамеренные заговоры, Господь чудесным образом всякий раз хранил ее».[1218] Однако, как сообщил Платтеру лорд-адмирал Ноттингем, ее

величеству последнее время приходится больше заботиться о собственной безопасности, так как «недавно злодеи пытались отравить королеву, втерев порошок в кресло, на котором она обычно сидит и на которое кладет руки». Теперь она «отказывалась допускать кого-либо в свои покои без дозволения лорд-адмирала».[1219]

Через два дня после визита Платтера один безымянный гость не только не стал просить разрешения войти к королеве, но сделал то, что не делал до него ни один человек: он встал на пороге королевской опочивальни и мельком увидел Елизавету – совсем не «в пышном наряде» и держащуюся не «величественно и с достоинством», а только что вставшую с постели, полуодетую, без парика и макияжа.

* * *

Эссекс прибыл в Нонсач в пятницу 28 сентября, через три с лишним дня после отъезда из Дублина. Он явился неожиданно, без приглашения, и потому его приняли холодно. Поспешный приезд перечеркнул замысел Эссекса вернуть себе прежнее положение при дворе и милость королевы. Не заехав к себе в Эссекс-Хаус, чтобы сменить изорванную, запыленную одежду, граф поспешно перебрался на тот берег Темзы у Вестминстера на пароме и поскакал во дворец Нонсач. В тот день при дворе был Роуленд Уайт, он и описал, что случилось.

Прибыв, Эссекс «поспешил в приемную [залу], а оттуда во внутренние покои, и не успокоился, пока не дошел до опочивальни королевы, где застал королеву только что вставшую с постели, с растрепанными волосами». На Елизавете поверх ночной рубашки было лишь простое платье, на ее морщинистом лице еще не было косметики. Эссекс увидел ее голову без парика, с редкими прядями седых волос, «висящих над ушами». Такой, без прикрас, королеву как физическое лицо имели право созерцать лишь ее самые доверенные дамы. «Многие дивились тому, – написал Уайт, явно преуменьшая, – что он так дерзко вломился к ее величеству, когда она была не готова к выходу, к тому же он не умылся с дороги, даже на лице у него были пятна грязи».[1220]

Пока королева, лишившись дара речи, смотрела на незваного гостя, Эссекс, полный раскаяния и подавленный, бросился к ее ногам. Стоя перед ней на коленях, он «целовал ей руки и ее белую шею, и они о чем-то тихо беседовали, что как будто доставляло ему большое удовольствие». Хотя до тех пор ни один мужчина не входил в опочивальню без приглашения, королева сохраняла

спокойствие, не зная, грозит ей опасность или нет, и, как сообщил Уайт, «отнеслась к нему весьма снисходительно».

Однако позже, вечером, настроение королевы переменилось, и она «начала спрашивать о причине его возвращения, и не была довольна тем, что он уехал. Она приказала Эссексу не выходить из своей комнаты».[1221] В тот день она видела его последний раз в жизни.

* * *

На следующий день Эссекса вызвали на заседание Тайного совета, где Роберт Сесил зачитал ему список из шести обвинений. Среди них были «опрометчивый отъезд из Ирландии, вчерашний дерзкий приход в опочивальню ее величества, слишком щедрое посвящение в рыцари».[1222] Его поместили под домашний арест под надзором лорда – хранителя печати Эгертона в его официальной резиденции, Йорк-Хаус. Жена Эссекса, Фрэнсис, была на последних сроках беременности; на следующий день она родила, но Эссексу не позволили навестить жену и новорожденного.

В народе нарастало недовольство из-за необъяснимого домашнего ареста графа. Эссекс забрасывал Елизавету письмами, объясняя, как он «горюет из-за того, что ее величество им недовольна». Он подробно рассказал о том, что случилось в Ирландии, и о тех распоряжениях, которые он оставил перед отъездом.[1223] В декабре здоровье Эссекса заметно ухудшилось, жене наконец позволили приехать к нему. Королева снова послала к графу своих врачей, дабы те осмотрели его и доложили ей о его состоянии. Прогноз оказался неутешительным: у графа нашли дизентерию; опасались, что он не выживет. Узнав об этом, Елизавета «была очень задумчива и грустна и послала к нему доктора Джеймса с каким-то отваром. Она просила передать, чтобы он утешился и что она, если будет на то Божья воля, сама приедет его навестить; приближенные заметили, что, когда она говорила, в глазах ее стояли слезы».[1224] Эссекс начал выздоравливать и возобновил попытки вернуть расположение королевы. Он прислал ей в Ричмонд новогодний подарок, королева «не приняла и не отвергла его». Подарок Эссекса остался в руках сэра Уильяма Ноллиса, контролера королевского двора.[1225] Леди Пенелопа Рич, сестра графа, в прошлом служившая фрейлиной, написала королеве прочувствованное письмо. В нем она защищала брата, порицала его врагов и жаловалась, что Эссекса не допускают к королеве, чтобы он не

мог оправдаться лично. Елизавету разгневали «дерзость и самонадеянность» леди Пенелопы, она так и не простила ее за это.[1226] В конце января мать Эссекса, Леттис Ноллис, графиня Лестер, покинула свое загородное имение и приехала в Лондон, чтобы просить об освобождении сына.[1227] В следующем месяце она послала Елизавете платье через Мэри Скадамор, которая знала Леттис и симпатизировала ей еще с тех пор, как Леттис находилась на королевской службе.[1228]

Платье Елизавете понравилось, но она не приняла и не отвергла его, а лишь ответила: при нынешнем положении дел ей не пристало желать того, чего ей хочется; что же касается желания увидеть ее величество, поцеловать ей руки… и неудовольствия ее величества по отношению к нему, оно не уменьшилось, как не появилась и надежда на его освобождение.[1229]

Леди Уорик также пыталась защищать Эссекса и послала ему записку, в которой уверяла: если он приедет в Гринвич, где тогда находился двор, она изыщет способ впустить его во дворцовый парк, когда королева будет в хорошем настроении, чтобы он мог лично умолять ее о прощении.[1230] В марте Эссексу разрешили вернуться в Эссекс-Хаус, но по-прежнему на условии домашнего ареста – «по особому приказу ее величества». Ни жена, ни друзья туда не допускались. 5 июня графа увезли в Йорк-Хаус, где он предстал перед особой следственной комиссией, которая рассмотрела предъявленные ему обвинения. Эссекса признали виновным в неповиновении и нарушении долга, хотя и оправдали от более серьезного обвинения в неверности. В порыве самоуничижения Эссекс большую часть двенадцатичасового процесса стоял на коленях, но отказался признать себя виновным в неповиновении. Он признал, что «прискорбным образом обидел» ее величество, но упорно настаивал, что «не имел злого умысла». Его сняли со всех постов, он должен был оставаться под домашним арестом вплоть до особого распоряжения королевы.[1231]

Эссекс продолжал умолять королеву о прощении. Филадельфия Кэри, леди Скроуп, дочь покойной Кэтрин Ноллис, написала ему, что Елизавета отнеслась к его письмам благосклонно: «Похоже, они ее очень радуют, однако в ответ велела мне лишь передать вам благодарность за заботу о состоянии ее здоровья». Леди Скроуп продолжала: «Я напомнила ей о том, что ваше наказание продолжается уже почти год, и потому выразила надежду, что ее величество вернет свою благосклонность тому, кто столь искренне скорбит и желает этого, но она ничего не ответила, а только вздохнула и заметила, что все так и есть». Далее леди Скроуп пишет: «Не сомневаюсь,

что вскоре увижу вашу светлость при дворе».[1232]

В ночь на 2 октября Эссекс вернулся в опустевший Эссекс-Хаус, где «он живет уединенно и его двери закрыты денно и нощно». Его петиции к королеве исполнены отчаяния. Сэр Джон Харингтон встретился с графом и предупредил, что он – пример того, как «тщеславие расстроило его карьеру и быстро ведет к безумию». Эссекс перешел «от горя и раскаяния к гневу и мятежу так внезапно, что доказывает, что он лишен здравого смысла и рассудка».[1233]

Эссекс считал, что его возвращению к королеве препятствуют лишь злые наветы его врагов при дворе. К концу года он собрал вокруг себя других «недовольных», отставных военных, преследуемых католиков, впавших в немилость придворных и обанкротившихся аристократов. Эссекс-Хаус постепенно превращался в подобие антидвора. «Это доносят до слуха королевы, – как сообщалось в то время, – и все больше и больше отвращают ее привязанность от него, и особенно возмутила ее одна речь, в которой он утверждал, что она состарилась и ее разум искривлен и изуродован не меньше, чем ее фигура».[1234] Елизавета, возможно, испугалась, что ее бывший фаворит замышляет заговор. Она всю жизнь весьма чувствительно реагировала на пренебрежение к ее королевскому величеству.

Глава 56
Опасные и злонамеренные последствия

В начале февраля 1601 г. в Эссекс-Хаус наблюдалось «большое стечение народа и много лордов и других».[1235] Боясь беспорядков, Тайный совет собрался на срочное заседание в среду 7 февраля и вызвал Эссекса для объяснений; ему собирались сделать выговор за то, что он устраивает запрещенные собрания.

Граф игнорировал первый вызов, а за ним и второй, сославшись на нездоровье. Проведя в опале более года, он погряз в долгах и был убежден, что его враги расставляют ему ловушку, собираясь выманить из дома, а затем «вызвать его смерть».[1236] Всю ночь Эссекс укреплял дом, к нему стекались все больше представителей знати со своими последователями. Тем временем Тайный совет принял меры, нацеленные на охрану двора. Между Уайтхоллом и перекрестком Чаринг-Кросс соорудили баррикаду из карет.[1237] В десять часов на следующее утро в Эссекс-Хаус отправили делегацию придворных. Четверо уполномоченных, в том числе родной дядя графа, сэр Уильям Ноллис, сообщили Эссексу: его жалобы будут выслушаны при том условии, что толпа, собравшаяся у его дома, разойдется. Боясь, что его снова заманивают в ловушку, Эссекс отказался от предложения уполномоченных. Он арестовал делегатов и разместил их под вооруженной охраной в своей библиотеке, а сам отправился в город с группой из двухсот вооруженных друзей и последователей. Они собирались захватить Тауэр и силой прорваться к королеве.[1238] Эссекс призывал лондонцев присоединяться к нему и бороться с теми, кто угрожает королеве и стране.[1239] Он утверждал, что враги собираются его убить и «предложили продать английскую корону инфанте [Изабелле Испанской]».

Королева узнала о том, что Эссекс вошел в город, за обедом в Уайтхолле. Она реагировала хладнокровно, «только сказала, [что] Тот, кто возвел ее на престол, сохранит ее на нем; и потому она продолжала обедать, не выказывая ни страха, ни рассеянности и не опустив ничего, что она обычно делала во все времена».[1240] Немедленно подняли по тревоге королевскую стражу; когда отряд Эссекса приблизился к холму Ладгейт-Хилл, его встретил полк солдат.[1241] Сторонники Эссекса разбежались, нескольких человек убили в перестрелке, в том числе пажа графа,

Генри Трейси, а самому Эссексу дважды прострелили шляпу. Оставшиеся – около пятидесяти человек – вынуждены были отступить. Возле Куинхита, взяв как можно больше лодок, они поплыли назад, в Эссекс-Хаус. С наступлением сумерек Эссекс вернулся, но увидел, что его дом окружен войсками королевы. К девяти вечера он сдался; его снова повезли на тот берег, и ночь он провел пленником во дворце Ламбет. На следующий день Эссекса перевели в Тауэр. Выпустили прокламацию, в которой объявлялось о его аресте и предписывалось сохранять бдительность «к речам тех, кто распространяет клеветнические и изменнические речи или слухи».[1242] В четверг 12 февраля у двери внутренних покоев Уайтхолла обнаружили и арестовали капитана Томаса Ли, одного из ирландских сподвижников Эссекса.[1243] Он признался, что собирался вечером проникнуть туда во время ужина, когда, как он сказал, «Елизавете прислуживает несколько дам и те, кого знают при дворе и кто находится на хорошем счету, могут без труда войти во внутренние покои, не возбуждая подозрений». Ли собирался захватить королеву в заложницы и заставить ее подписать указ об освобождении графа из Тауэра.[1244] Пример Ли наглядно показал, что во внутренние покои королевы можно проникнуть без особого труда. Хотя ирландец клялся, что «ни за что не причинил бы вреда ее королевскому величеству», через два дня его судили в Ньюгейте и, как писал еще через два дня Роберт Сесил, «он получил справедливое возмездие, какое ждет всех изменников в Тайберне».[1245]

19 февраля графа Эссекса по реке доставили из Тауэра в Вестминстер-Холл на суд. Эссекса и других заговорщиков обвинили в заговоре с целью свержения королевы и ее убийства, а также в пленении членов Тайного совета и подстрекательстве лондонцев к мятежу. Генеральный прокурор сэр Эдвард Коук решил во что бы то ни стало доказать, что Эссекс намеревался «захватить не просто часть города, но его центр, не просто центр, но Лондон, главный город; не только Лондон, но и лондонский Тауэр; не только лондонский Тауэр, но и королевский дворец и саму королеву и лишить ее жизни». Эссекс возражал, что «он никогда не желал дурного своей государыне, которую любит больше, чем собственную душу».[1246] По его словам, его действия были направлены лишь на то, чтобы обеспечить ему доступ к королеве.[1247] Он считал, что, получи он аудиенцию у Елизаветы и выслушай она его жалобы, он вернул бы ее благоволение. Несмотря на то что он не признал себя виновным, его приговорили к казни через повешение, потрошение и четвертование.

На следующий день после суда Елизавета подписала Эссексу смертный приговор.[1248] Она решила не проявлять милосердия к человеку, который угрожал выступить против нее с оружием в руках.[1249] В Тауэре, после суда, Эссекс потерял самообладание, он уверял, что на бунт его толкнули его сторонники и его сестра, леди Пенелопа Рич.[1250] Леди Пенелопа отрицала обвинения брата и заявила, что ее вовлекли в заговор против ее воли. После краткого заключения и допроса в Тайном совете ее освободили.[1251]

Рано утром 25 февраля, в среду на первой неделе Великого поста, Роберта Деверо, 2-го графа Эссекса, в сопровождении трех священников, шестнадцати охранников и коменданта Тауэра повезли к месту казни. Елизавета даровала ему последнюю услугу: она повелела в знак почтения к его рангу обезглавить его не публично, а в пределах Тауэрской крепости. Когда граф опустился на колени перед эшафотом, он произнес длинную и прочувствованную речь, в которой признавал, что его «действия», если бы он добился успеха, подвергли опасности королеву с «более опасными и злонамеренными последствиями для ее состояния».[1252] Ему отрубили голову за три удара. Когда Елизавете сообщили о смерти Эссекса, она играла на спинете во внутренних покоях. Она выслушала известие молча. Больше никто ничего не говорил. Спустя какое-то время она снова начала играть.

* * *

В первое воскресенье после казни Уильям Барлоу, королевский капеллан, прочел проповедь о том, что он называл «вопросом скорее государственным, нежели божественным». Основные положения будущей проповеди, посвященной заговору Эссекса, вчерне написал Роберт Сесил. Барлоу поведал о том, как иезуит Роберт Персонс подкупил покойного графа, убедив его, «что подданному можно восставать против своего правителя».[1253] Он упомянул о грозившей королеве опасности, дезавуировал слова графа о том, что он не собирался причинять королеве вред, и сказал, что более опасного заговора в стране еще не затевалось.[1254]

Вскоре всем священникам страны приказано было распространять официальную версию событий, во все приходы разослали копии проповеди Уильяма Барлоу. Кроме того, была опубликована составленная Фрэнсисом Бэконом Декларация о покушениях и заговорах, совершенных Робертом, покойным графом Эссексом…[1255] В этом официально утвержденном отчете

описывалось, как в последнюю минуту одержали победу над серьезной угрозой для страны; что граф собирался свергнуть Елизавету, а затем либо забрать корону себе, либо отдать ее Якову VI, королю Шотландии. В недели, последовавшие после мятежа, Лондон усиленно охраняли. В прокламации, вышедшей 5 апреля, утверждалось, что в последнее время обнаружен ряд «изменнических и клеветнических» книг, «которые клевещут на ее королевское величество и государство, подстрекают к мятежу и бунту в стране». Любому, кто назовет «авторов, сочинителей и распространителей таких книг», обещали награду в 100 фунтов. [1256]

Королеву смерть Эссекса сильно надломила, и она погрузилась в глубокую меланхолию. Многие удивлялись тому, что она вообще сумела подписать смертный приговор. Бомон, французский посол, описывал ее великое горе. По его словам, она, с глазами полными слез, сообщила ему, как предупреждала Эссекса, чтобы тот «был осторожен и не касался моего скипетра». Позже она сказала: «Так как опасность угрожала моему государству, я не смела потакать собственным желаниям». [1257]

Глава 57
Не место для шутов

После казни Эссекса здоровье Елизаветы заметно ухудшилось. Она все чаще страдала от приступов депрессии, которые вынуждали ее искать убежища вдали от посторонних взглядов, среди приближенных камер-фрейлин. Ее верными спутницами во все времена оставались Дороти Стаффорд и Мэри Скадамор, они утешали королеву днем и ночью, часто в одной с ней постели. Особенно Елизавета сблизилась с овдовевшей Кэтрин Гастингс, графиней Хантингдон.[1258] Отмечали, что «она управляет королевой, они проводят наедине многие часы».[1259] Кэтрин Говард, графиня Ноттингем, также находилась теперь в самом сердце двора; она осталась одной из немногих камер-фрейлин, кто знал Елизавету еще принцессой. Хотя у Кэтрин Говард было пятеро детей, она всегда вскоре после очередных родов возвращалась ко двору. Граф Ноттингем играл ключевую роль в аресте Эссекса и его заключении под стражу; после казни Эссекса королеву поддерживала жена графа.

В то время как Елизавета теперь искала утешения у близких ей женщин, испортились ее отношения с еще одной давней спутницей и наперсницей, Анной Дадли, леди Уорик, невесткой графини Ноттингем. Леди Уорик в свое время поддерживала Эссекса и теперь, желая вернуть расположение королевы, в отчаянии обратилась к его старому сопернику, сэру Роберту Сесилу. «Мне очень нужна ваша помощь, – писала она, – так подайте ее той, которая долго прожила при дворе в опале, будучи в союзе с другими». Графиня настаивала, что она по природе «лишена лисьей хитрости и тонкости, нет в ней и львиной отваги; после того как она потеряла почти всех друзей, у нее почти не осталось ни тех, к кому она могла бы обратиться, ни желания притворяться».[1260] Может быть, Сесил в самом деле замолвил за графиню слово, а может, Елизавета просто скучала по старой подруге, но леди Уорик вскоре вернула себе ее милость.

Когда ко двору в начале октября прибыл сэр Джон Харингтон, он был потрясен увиденным. В письме к другу, сэру Хью Портмену, он рисует яркую картину одиночества и подавленности Елизаветы. Дело Эссекса тяжело отразилось на ней. «Все дела в таком беспорядке», что она по многу дней не переодевалась, «ко всему равнодушна, не наряжена и сильно изнурена горестями». Она почти ничего не ела, кроме «хлебцев» и «супа из цикория», и «не пробует ни одного сложного блюда,

которое ставят на стол». «Злые заговоры и козни», направленные против нее в прошлые несколько лет, сделали ее подозрительной, мнительной и «одолели всю снисходительность ее величества». Она «сильно ругает тех, кто так огорчил ее, что очень смущает всех, кто находится с ней рядом». Теперь она держала под рукой меч и, как пишет Харингтон, «постоянно мерила шагами кабинет, топая ногами, если слышала дурные вести, и временами в великом гневе протыкая гобелены ржавым мечом». Каждое новое сообщение «из города сильно огорчает ее», и она «злится на своих дам», явно вымещая свои страхи и досаду на тех, кто находился к ней ближе всех. Даже сам Харингтон, ее любимый крестник, получил от нее выговор и приказание «убираться домой», так как «сейчас здесь не место для шутов».[1261]

Вскоре после отъезда Харингтона ему написал сэр Роберт Сидни и сообщил, что королева осталась «очень довольна» его подарками – стихами, прозой и сладостями: «Королева попробовала ваши лакомства и сказала, что у вас превосходный вкус в изготовлении добрых плодов». Но, добавил Сидни, «она сильно ослабела из-за недавних бедствий, и смерть Бёрли часто вызывает слезы на ее добром лице. Она очень редко выходит, много времени проводит одна в размышлениях и иногда пишет в уединении лучшим друзьям».

Вскоре после того Елизавета посетила Сидни в его имении Бэйнард-Касл, у Блэкфрайерз. Она приехала наряженная в «великолепное бархатное платье, шлейф к которому несли четыре дамы» и села на импровизированный трон, чтобы посмотреть представление. Она ела и пила немного, «отведала две крошки пирога с засахаренными фруктами» и «каплю ликера из золотого кубка», но «улыбалась с радостью», глядя, как танцуют ее дамы, а затем пошла осматривать дом.[1262] Она быстро устала, «поднявшись наверх, потребовала посох и, очень утомившись от осмотра дома», сказала, что приедет в другой раз.[1263]

27 октября Елизавета открыла заседание парламента последнего для нее созыва. Его главной целью было собрать средства для отражения испанской интервенции; испанцы всего несколько недель назад высадились в Ирландии, чтобы поддержать мятеж Тирона против англичан. На открытии заседания всем стала очевидна слабость королевы: церемониальная мантия из бархата с горностаем казалась слишком тяжела для нее. Поднимаясь на трон, она пошатнулась и упала бы, «если бы какой-то джентльмен не подбежал к ней и не поддержал ее».[1264] Однако, невзирая на слабое и стареющее тело, она сохраняла сильный разум. Накануне своего семидесятилетия Елизавета еще умела в нужных случаях

продемонстрировать величие. 30 ноября во дворец Уайтхолл вошла делегация из 150 членов палаты общин для аудиенции с королевой. После того как собравшиеся опустились перед ней на колени и спикер произнес обращенную к ней речь, Елизавета ответила одной из самых прославленных речей за все время своего правления. Она поблагодарила членов палаты за верность и любовь к ней и объявила, что намерена и дальше печься об их благополучии. «Никогда на моем месте не будет королевы, – сказала она, – которая бы более ревностно относилась к моей стране, заботилась о моих подданных и охотнее пожертвовала бы собственной жизнью ради вашего благополучия и процветания, чем я. Ибо я не желаю ни жить, ни править дольше, чем мои жизнь и правление будут необходимы для вашего блага». Елизавета говорила пылко и убежденно, напомнив саму себя в Тилбери, когда она уверяла, что Господь даровал ей «сердце, которое еще ни разу не боялось ни внешних, ни внутренних врагов». Она сказала: «Хотя Господь высоко вознес меня, славнее всего для меня то, что я правлю, окруженная вашей любовью… Я не так рада тому, что Господь предначертал мне стать королевой, как счастлива быть королевой столь благодарных подданных». Как заметил сэр Джон Харингтон, «мы любили ее, ибо она сказала, что любит нас».

Реальность противоречила этим изъявлениям взаимной любви. В декабре, перед роспуском парламента, Елизавета говорила о многих «странных поступках, кознях и замыслах» против ее личности и государственной власти.[1265] В октябре таможенные служащие перехватили сундук, который некие лица собирались отправить во Францию. В сундуке нашли шкатулку, в которой лежало «изображение ее величества на металле и своего рода производное ртути, которое разъело металл». Владельцем сундука оказался некий Томас Харрисон, которого тут же допросили, желая знать, почему изображение королевы содержалось в ядовитой субстанции.[1266] Снова возникли подозрения, что причинить вред королеве собирались с помощью колдовства.[1267] Харрисон утверждал, что его заинтересовал сплав, из которого была изготовлена гравюра, и что он занимается алхимией, а не колдовством. Однако у него обнаружились тесные связи с католическими священниками во Франции, а гравюра с изображением Елизаветы была точно такой же, как на второй Большой государственной печати. Поскольку печать считалась высшим символом королевской власти, власти усомнились в словах Харрисона. Позже его обвинили в государственной измене и святотатстве.[1268]

Завершая свою речь в парламенте, Елизавета сказала, что в

конечном счете только Бог уберег страну от «опасности», а ее от «бесчестья».[1269] Елизавета снова отождествила угрозы государству с угрозами своей чести. Ее девственность стала не просто ее личным выбором, но актом самопожертвования, на который она пошла ради своей страны.

* * *

Елизавету все больше и больше донимали «вопросы о престолонаследии, о которых ей назойливо напоминали каждый день». Епископ Годфри Гудмен вспоминал, что «двор пребывал в большом небрежении, и создавалось впечатление, что всем в целом очень надоело правление старухи».[1270] Министры все чаще обращали свои взоры на север. Больше нельзя было откладывать вопрос, который королева упорно отказывалась обсуждать: теперь все надежды и ожидания связывались с ее наследником, а не с ней.

Роберт Сесил начал тайно обмениваться зашифрованными письмами с королем Шотландии. Сесил предупреждал Якова, что королева ничего не должна знать об их переписке, потому что «звуки, приятные уху других правителей» «противны той, чьим ставленником я являюсь». Зная, что Елизавета не одобрит их переписки, он считал, что она оправданна ради блага страны: «Я знаю, что мои действия граничат… с нарушением верности и кажутся достаточным поводом, чтобы самые верные министры скрывали от правителей свои мысли и поступки, если они убеждены, что это пойдет им на пользу». Они согласовали тайный шифр для своей переписки: себя Сесил обозначил цифрой 10, Елизавету – цифрой 24, а Якова – 30. Сэр Роберт объяснил, что такая скрытность в интересах самой королевы, ибо, «если бы ее величество узнало все, что я совершил… ее возраст и положение в сочетании с ревностью, свойственной ее полу, могли бы натолкнуть ее на дурные мысли о том, кто долгие годы ревностно охраняет ее».[1271] Тема престолонаследия была «столь опасна, чтобы затрагивать ее, – продолжал Сесил, – что он будет навсегда заклеймен за то, что поднял ее; далее, перед Богом свидетельствую, что никогда не было ни правителя, ни европейского государства, с которым ее величество прямо либо косвенно обсуждала эту тему за последние xii лет».[1272] Яков последовал совету Сесила «дождаться, когда плод достигнет высшей степени зрелости, и только потом насладиться им», а не «подвергать опасности мою честь, положение и жизнь, вторгаясь в страну насильственным путем, как узурпатор».[1273]

Тем временем папа римский прислал тайную инструкцию своему нунцию во Фландрии, в которой предписывал всем английским католикам выступить против любого протестантского преемника Елизаветы, «когда несчастная женщина покинет пределы земной жизни». Возглавляемые Уильямом Алленом и Робертом Персонсом, многие английские католики, и так настроенные против Якова после того, как он выказал сочувствие пуританизму, отстаивали притязания Изабеллы, испанской инфанты.

Немало хлопот доставила Елизавете еще одна претендентка на английский престол. В жилах Арабеллы Стюарт текла королевская кровь; некоторые считали, что она более, чем ее кузен король Яков, достойна английской короны, поскольку родилась на английской земле. Арабелле также благоволили представители католической знати и сочувствовали испанцы, особенно после того, как Яков укрепил связи с Францией. В конце 90-х гг. XVI в. Арабеллу осаждала целая вереница поклонников; ходили даже слухи, что сэр Роберт Сесил надеялся сам взойти на престол, женившись на ней.[1274] Ее бабушка, Бесс из Хардвика, всегда решительно отстаивала права Арабеллы; когда в 1592 г. Арабелла прибыла ко двору, она была уверена, что Елизавета воспользуется случаем и назовет ее своей преемницей, но Елизавета решила этого не делать.[1275] В последующие годы бабка держала леди Арабеллу под строгим надзором, сначала в Четсуорте, а затем в Хардвик-Холле. Строгий контроль довел леди Арабеллу едва ли не до безумия, превратив ее в источник неясной, но потенциально опасной угрозы для королевы и для мирной передачи власти.

Как писал член Тайного совета Томас Уилсон, «очевидно, корона не упадет на землю за недостатком голов, которые готовы ее носить».[1276]

Глава 58
«Старость – сама по себе болезнь»

Когда Елизавета приближалась к своему семидесятилетию, епископ Энтони Радд, не извлекший урока из своей оплошности, допущенной несколько лет назад, произнес еще одну проповедь. Если верить дневниковой записи Джона Мэннингема, студента Мидл-Темпл, «доктор Радд произнес проповедь в присутствии королевы на тему «Я сказал, что вы Боги, но все вы умрете как люди», в которой так распространялся о смерти, что ее величество, когда проповедь закончилась, сказала ему: «Мистер Радд, вы отслужили хорошую заупокойную службу, теперь я могу умереть, когда пожелаю».[1277]

Елизавета, которой всегда не хотелось признаваться ни в слабости, ни в болезнях, все чаще удалялась в свою опочивальню, когда чувствовала себя плохо. Если ее мучили боли, она «никого не пускала к себе на протяжении трех или четырех часов кряду».[1278] Весной того года она начала жаловаться на боль в руке. Она призвала «искусного костоправа», хирурга, который нашел, что «там скопился холодный ревматический гумор» (ревматизм), который можно удалить, растирая больное место и прикладывая к нему мази».[1279] Елизавета возмутилась, ее кровь и сложение по самой природе были очень горячими, и она не могла страдать от скопления «холодного гумора». По словам иезуита Энтони Риверса, который в те годы жил в Лондоне и сообщал о том, что происходит при дворе, Елизавета прогнала костоправа и «с негодованием слушала о каком-либо увядании в себе и потому не признавала ни помощи, ни вмешательства, ни операции».[1280] Но боль не отпускала,[1281] и вскоре сообщили, что «болезнь с руки перекинулась на бок». По словам Риверса, Елизавета оставалась, «слава богу, живой и веселой», «только лицо выказывало признаки увядания, да иногда ей становилось так жарко, что она снимала нижнюю юбку, хотя в другие времена она дрожала от холода».[1282] В июне Елизавета сказала французскому послу графу де Бомону, «что она устала от жизни».[1283]

Летом того года Елизавета совершила короткий двухнедельный переезд в окрестностях Лондона через Бакингемшир, Мидлсекс и Суррей.[1284] Она предпринимала отчаянные попытки сохранить ежегодный порядок вещей. К августу боли перекинулись на бедро, но Елизавета упорно продолжала выезжать на охоту каждые два или три дня. В письме лорду Кобэму от 6 августа граф Нортумберленд описал, как

«вечером в среду королеве стало нехорошо, но она ничего не желала знать и уже на следующий день гуляла в парке, чтобы никто ничего не заметил… в день отъезда ее величество проехала верхом весь путь, который составлял десять миль, и также охотилась, а устала она или нет, оставляю на ваше суждение».[1285] Елизавета решила демонстрировать здоровье и силу, чтобы придворные не думали, что ее обязанности слишком утомляют ее. Риверс сообщал, что одна сельская жительница, которая увидела королеву во время переезда, заметила, что ее величество выглядит очень старой и больной. Охранник запугал женщину, предупредив, что «за такие слова ее повесят».[1286]

Впрочем, в случае необходимости Елизавета еще могла вставать. В начале 1602 г. она принимала герцога Браччиано «очень изящно; и, дабы показать, что она не так стара, какой ее считают некоторые, она танцевала в его присутствии, исполняя и медленный танец, и гальярду». В апреле, во время визита герцога Неверского, Джон Чемберлен писал в дневнике, как «королева благоволила к нему и даже оказала ему честь, станцевав в ним» с «поведением достойным восхищения в ее возрасте», как отметил французский посол.[1287] Обычно королева в основном не танцевала сама, а только смотрела, как танцуют другие. Посол де Месс сидел рядом с ней в один из таких вечеров и сообщил, что, «когда ее фрейлины танцуют, она качает головой в такт музыке и притопывает ногой. Она бранит их, если они не танцуют так, как ей нравится, а в танцах она, безусловно, разбирается прекрасно».[1288]

Иногда Елизавета по-прежнему не могла удержаться от желания танцевать, особенно когда думала, что она одна. В 1599 г. шотландский посол видел, как она во внутренних покоях исполняет «испанский переполох», танец с одинарными и двойными шагами и прыжками, исполнявшийся под свисток и бубен. Елизавета сохранила умение извлекать выгоду при любых обстоятельствах. Однажды, когда сэр Роджер Астон, посол из Шотландии, пришел для аудиенции, она заставила его прождать за нарочно задернутым гобеленом, откуда он видел, как она танцует в своем кабинете под звуки скрипки, исполняя куранту (французский танец) и другие фигуры. Посол мог передать своему королю, что Елизавета жива и здорова. Она словно намекала на то, что Якову придется еще долго ждать наследства.[1289]

Когда королева находилась во дворце Аутлендс, где отмечала свой шестьдесят девятый день рождения, ее навестил герцог Померанский, который заметил, что она гуляет в парке так быстро, словно ей восемнадцать лет. Ему сообщили, что она «много лет не была так величава и так склонна веселиться».[1290]

Вскоре после этого придворный Фулк Гревилл сообщал леди Шрусбери: «Лучшая новость, которую я могу написать вашей светлости, касается здоровья и состояния королевы. Уверяю вас, они превосходны, и я много лет не видел ее в лучшем расположении духа».[1291]

Однако проявлялись признаки того, что Елизавете изменяет память; так как одновременно у нее ухудшилось зрение, ей все труднее было сосредоточиться на государственных делах. Роберт Сесил предупреждал секретаря Тайного совета, чтобы тот теперь читал королеве письма вслух. 8 октября в Гринвиче к ней приехали какие-то придворные, дабы засвидетельствовать свое почтение; хотя Елизавета вспомнила их имена, пришлось напоминать, какие должности она сама им пожаловала. Елизавета все больше слабела, и временами ей трудно было поддерживать королевское достоинство. Советники все чаще принимали Елизавету в гостях у себя дома, чтобы удержать ее в Лондоне и воспрепятствовать длительным переездам. В начале октября Роберт Сесил принимал королеву в своем новом доме на Стрэнде и нашел ее «замечательно довольной». Правда, уходя, она отказалась от помощи, садясь на королевскую барку, упала и «растянула ногу».[1292] Через несколько недель, когда королева «с большой пышностью» собиралась переезжать из Уайтхолла в Ричмонд, Риверс сообщил, что ее «по пути внезапно охватило душевное расстройство, и она удалилась в закрытую каюту, отчего усилия нашего лорд-мэра и горожан, которые выехали верхом ей навстречу, пропали даром. Она еще не оправилась».[1293]

* * *

В начале декабря сэр Джон Харингтон прибыл в Уайтхолл накануне рождественских праздников. Он только что закончил свой «Трактат о престолонаследии», хотя и не собирался делиться новостью с Елизаветой.[1294] Свой труд он посвятил Якову, королю Шотландии; в нем признавались права Якова на английский престол после смерти Елизаветы. Харингтон собирался послать трактат королю Шотландии в качестве новогоднего подарка, заискивая перед ним. Зная, как королева не любит вопросов о престолонаследии, Харингтон не посмел обнародовать свое сочинение при жизни королевы.

Харингтону была дана аудиенция у королевы; его сопроводили в приемный зал, а оттуда по коридору в кабинет, где крестная ждала его, сидя на помосте. В письме к жене, Мэри Роджерс, которая в то время находилась дома в Келстоне

(Сомерсет) и растила девятерых детей, Харингтон рисует яркий образ увядающей Елизаветы: «Милая Молл, посылаю тебе то, что, надеюсь, никому не известно; дурные предзнаменования для страны и ее благополучия. Наша милая королева, моя крестная мать и природная мать всей страны, выказывает признаки человеческой слабости. Слишком скоро для нас, кого охватит горе после ее смерти, но слишком медленно для того добра, которое она получит, освободившись от боли и страданий…»[1295]

Елизавету мучили не только болезни, но и «желчь и горе», вызванные мыслями об ирландском мятежнике графе Тироне и о графе Эссексе. По словам Харингтона, когда королева вспоминала об Эссексе и его казни, она «проронила слезу и ударила себя по груди». Ближе к концу аудиенции королева немного собралась с силами и велела крестнику вернуться к семи вечера с его остроумными стихами. Поэзия немного развеселила ее, но спустя какое-то время она сказала: «Когда у тебя останется так же мало времени, эти дурачества будут меньше забавлять тебя; я уже не получаю удовольствия от таких дел. Как видишь, плоть моя уже не так крепка; со вчерашнего дня я съела лишь один пирог, который показался мне невкусным».[1296] На следующий день Харингтон снова виделся с королевой; его поразили изменения, произошедшие с ее памятью. Она посылала за какими-то людьми, но, когда они приходили, она в гневе прогоняла их за то, что явились без приглашения. Однако, как Харингтон писал жене, «кто скажет, что ее величество что-то позабыла?».[1297] Никто не смел указать королеве на ее ошибку или открыто выражать озабоченность в связи с состоянием ее здоровья.

При дворе в те дни много говорили о том, как будут жить после Елизаветы, и некоторые придворные, по словам Харингтона, «менее заботились о том, что им вскоре предстоит потерять, чем о том, что они, возможно, получат после этого».[1298] Такое очевидное неуважение к королеве навело Харингтона на размышления о собственных отношениях с крестной и о той доброте, какую она выказывала ему всю его жизнь: «Не могу вычеркнуть из памяти доброту ко мне нашей доброй государыни, даже (осмелюсь заметить) до того, как [я был] рожден; ее привязанность к моей матери, которая служила ей во внутренних покоях, ту роль, какую сыграла она в улучшении состояния моего отца (которое я – увы! – сильно ухудшил), надзор ее за мною в годы моей юности, ее любовь к моей свободной речи и восхищение моими скромными познаниями и стихами, которые я столь развивал по ее приказу, породили такую любовь, такое почтительное воспоминание о ее величественных добродетелях, что я не могу отворачиваться от ее состояния и коситься на нее

сухими глазами; такая неблагодарность очернит и отравит источник и бездонный колодец признательности».[1299]

Тем не менее, как признавал Харингтон, он с нетерпением ждал, что трон унаследует король, а не «дама, запертая в покоях от подданных и большинства слуг, которую видят только по большим праздникам».[1300] Он писал о непопулярности елизаветинского правительства и сравнивал растущую слабость и болезненность старой королевы с юностью Якова VI. «Старость – сама по себе болезнь», – писал он.[1301]

В письме к Дадли Карлтону Джон Чемберлен писал: зная, что королеве в декабре стало хуже, он не ожидал «при дворе никаких пышных приготовлений к празднованию Рождества». Однако он был приятно удивлен, обнаружив, что двор «расцвел больше обычного». Он писал, что при дворе «много танцев, медвежьей охоты и представлений», а также азартных игр, которые королева по-прежнему очень любила.[1302] Но к концу года Елизавета снова впала в депрессию, которую Чемберлен назвал «устойчивой и непроходимой меланхолией». Она все больше и больше времени проводила во внутренних покоях, окруженная самыми близкими. Среди них были Кэтрин Говард, графиня Ноттингем, графиня Уорик, Мэри Скадамор и Дороти Стаффорд.[1303]

Глава 59
При дворе все в унынии

21 января Елизавета покинула Уайтхолл и совершила десятимильный переезд во дворец Ричмонд, ее «теплую зимнюю шкатулку». Несмотря на «очень ветреную и сырую погоду», королева отказалась надеть меха и путешествовала «в летних нарядах», к большому недовольству придворных.[1304] Томас, лорд Бёрли, предупреждал брата, Роберта Сесила, что «ее величеству следует смириться с тем, что она стара и должна больше заботиться о себе; нет ничего хорошего в том, что молодой дух пребывает в старом теле».[1305]

Физическое состояние королевы, очевидно, продолжало производить впечатление на гостей при ее дворе, хотя, как сухо заметил французский посол де Бомон, «беспечное отношение королевы к своему возрасту» – иллюзия, «которую поддерживает весь двор с таким искусством, что я не перестаю этому удивляться».[1306] Вскоре после прибытия в Ричмонд королеве, как докладывали, «все больше нездоровилось», однако она продолжала исполнять свои официальные обязанности весь февраль, присутствуя на последних переговорах о сдаче лорда Тирона в Ирландии. 19 февраля она приняла венецианского посла, Джованни Карло Скарамелли.[1307] Когда Скарамелли приехал в Ричмонд, лорд-камергер проводил его в приемный зал, где он увидел Елизавету. Она сидела в кресле на возвышении, окруженная членами Тайного совета и многочисленными придворными. Все они слушали музыкантов. После многочасовых приготовлений во внутренних покоях Елизавета казалась блистательной, она держалась с уверенностью, присущей гораздо более молодой женщине. Венецианский посол писал, что на ней было платье из серебристой и белой тафты, отделанной золотом, ее платье «несколько открыто» спереди, и видна шея, окруженная бриллиантами и рубинами; ожерелье спускалось до самой груди. О ее волосах он написал, что они «светлого оттенка, какого не бывает в природе», а лоб украшали крупные жемчужины «размером с грушу». На голове у нее был «выпуклый чепец и корона; она щеголяла многочисленными алмазами и жемчугами; даже перед корсажа был украшен золотыми поясами, отделанными драгоценными камнями, и отдельными крупными камнями, карбункулами, рубинами, бриллиантами; вокруг запястий, вместо браслетов, она носила двойные ряды жемчуга вдвое крупнее обычного размера».[1308] Зрелище было нарочитое

и, для некоторых, нелепое.

Когда королева встала, чтобы приветствовать Скарамелли, он опустился на колени, чтобы поцеловать подол ее платья, но она подняла его «обеими руками» и протянула для поцелуя правую руку. Затем посол произнес заготовленную заранее речь от имени Венецианской республики и поздравил королеву с «превосходным здоровьем», в каком он ее застал.[1309] Елизавета ответила по-итальянски, приветствуя его в Англии, а затем побранила дожа за то, что тот не присылал к ней посла прежде. По ее словам, «настало время, чтобы республика прислала посланника к королеве, которая при всяком случае оказывала ей честь». Скарамелли пишет, что Елизавета «почти всегда улыбалась» и на протяжении всей аудиенции стояла на ногах.[1310]

То был первый визит итальянского посланника с начала ее правления, когда дож и сенат разорвали с Елизаветой дипломатические отношения на том основании, что она еретичка. Теперь, когда английские пираты угрожали венецианским купцам в Средиземном море, к Елизавете послали Скарамелли в попытке начать мирные переговоры и упросить елизаветинское правительство сдержать пиратов. Когда посол передал Елизавете послание от сената, она серьезно ответила: «Мне отчего-то кажется, что Венецианская республика за все сорок четыре года моего правления ни разу не удостоила меня своим вниманием… Разве что нужно было о чем-то попросить». Однако она заверила посла, что, «поскольку вопрос касается моих подданных… я назначу уполномоченных, которые будут вести с вами переговоры и сообщать мне о ходе переговоров, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы удовлетворить Светлейшую республику Венецию, ибо я не хочу быть неучтивой».[1311]

Позже Скарамелли сообщал, что королева «превосходно владела всеми чувствами» и, по его словам, «так как она ест и спит, только когда того требует природа, все верят и надеются, что ее жизнь куда дальше от завершения, чем повсюду докладывают». Он писал: «Безопасность ее страны покоится на надежном основании».[1312]

На самом деле именно возраст королевы и «телесные болезни ее величества» становились вопросом самого пристального внимания, беспокойства и домыслов.[1313] Вскоре после аудиенции, данной Скарамелли, Елизавете пришлось спилить коронационное кольцо, которое она носила на безымянном пальце левой руки, поскольку «оно вросло в плоть». Это событие ее придворные называли «печальным предзнаменованием, как будто оно предрекало, что брак со страной, закрепленный кольцом, скоро распадется».[1314]

20 февраля скончалась Кэтрин Говард, графиня Ноттингем. Она была кузиной королевы, старейшей камер-фрейлиной и одной из ближайших подруг Елизаветы. Придворный Филип Годи писал брату, что королева восприняла смерть графини «гораздо тяжелее», чем ее собственный муж, лорд-адмирал Чарлз Говард.[1315] Де Бомон сообщал: королева так скорбела по графине, «по которой она пролила много слез и выказала большую грусть», что отказала ему в аудиенции.[1316] Елизавета уединилась во внутренних покоях; в это время придворные все громче перешептывались, беспокоясь за состояние ее здоровья.

К марту состояние Елизаветы стало еще более тревожным. 9 марта Роберт Сесил писал Джорджу Николсону, посланнику королевы в Эдинбурге, что у Елизаветы «хороший аппетит, нет ни кашля, ни лихорадки, однако ее беспокоят жар в груди и сухость во рту и на языке, которые не дают ей спать, к ее большому беспокойству». Затем Сесил заверил Николсона, что, несмотря на это, Елизавета «ни разу не оставалась в постели, но все три дня гуляла в парке».[1317] Сесил далее написал подробный отчет сэру Джону Герберту, одному из Государственных секретарей.

«Верно, что ее величество в последние восемь или девять дней страдает бессонницей, которая, как вам известно, всегда имела обыкновение увлажнять ее тело, и всякий раз, как она страдает бессонницей, она делается раздражительной. Продолжавшаяся восемь или девять дней бессонница лишила ее аппетита и иссушает тело… хотя у нее нет болей ни в желудке, ни в голове, и она иногда спит днем, однако не могу не заметить: если такое состояние продлится многие месяцы, это не предвещает ничего, кроме большой слабости и истощения организма, которое трудно излечивается в старости».[1318]

Еще в одном письме, посланном Энтони Риверсом в Венецию, утверждалось, что Елизавета «плохо спит по ночам, воздерживается от свежего воздуха днем и более обычного воздерживается от мяса, противится лечению и с подозрением относится к окружающим ее, считая всех недоброжелательными».[1319] Кроме того, Риверс писал Джакомо Крелето в Венецию: «[Королева сейчас] часто жалуется на нездоровье, которое ее как будто охватило внезапно; ее донимают головные боли, боль в костях и постоянно холодные ноги, помимо заметного ухудшения суждения и памяти, до такой степени, что она не в состоянии выслушивать докладов министров и сообщений о государственных делах, но радуется, когда ей читают старые «Кентерберийские рассказы», которые она слушает очень внимательно; в другое время она столь раздражительна и язвительна, что никто из ее совета, кроме секретаря, не смеет

приближаться к ней».[1320]

Де Бомон сообщал, что королева «последнее время очень мало спит и ест меньше обыкновенного. Хотя никаких страхов у нее нет, она много страдает от непрекращающегося беспокойства и от такого жара во рту и желудке, что вынуждена охлаждаться каждое мгновение, чтобы горящая желчь, которая ее угнетает, не душила ее… она до сих пор упрямо отказывается принимать что-либо предписанное врачами за время ее болезни».[1321]

9 марта наступила вторая годовщина казни графа Эссекса; печальные воспоминания усугубили «меланхолическое состояние» королевы. В тот же день анонимный корреспондент назвал Елизавету «бесконечно недовольной». Придворные обнаружили, что плохое настроение королевы заразительно, и Энтони Риверс писал, что «при дворе все в унынии».[1322]

Елизавета считала, что после смерти Эссекса «любовь к ней подданных значительно охладела».[1323] Леди Арабелла Стюарт воспользовалась случаем и призвала всех, кто любил Эссекса, перейти на ее сторону, утверждая, что ее жизни угрожает та же фракция, которая покончила с графом.[1324] Как писал Скарамелли, «хорошо известно, что это неожиданное событие сильно огорчило королеву, ибо она неожиданно ушла в себя, она, которая всегда хотела жить весело – особенно в последние годы ее жизни». Далее он писал: «…она так хочет, чтобы слухи о начавшемся брожении в стране не распространялись за ее пределы, что запретила выпускать из портов людей и письма, хотя, поняв, что уже поздно, она отменила свой запрет».[1325] Еще в одном письме, посланном в Венецию, описывается, как «все только и думают о том, что с нами будет потом».[1326]

Затем Елизавете как будто полегчало. 12 марта Роджер Мэннерс, граф Ратленд, писал брату: «…мы пережили трудное и тяжелое время из-за опасной болезни королевы, но теперь у нас зародилась надежда, потому что вчера ей стало немного лучше».[1327] Через три дня Уильям Кэмден отметил, что «бессонница ее величества теперь прошла, хотя бессонница в сочетании с воспалением в груди и ее упрямым нежеланием принимать лекарство в ее преклонные годы более чем ужасали всех нас».[1328] Венецианский посол во Франции, Мартин Кавали, писал, что «королева Англии страдает воспалением и опухолью горла, обусловленными тем, что она засиживается допоздна. Ложась спать, она предчувствовала беду, что в первый день совершенно лишило ее аппетита, а на второй – сна; на протяжении двух дней она ничего не ела, однако отказывалась принимать лекарства. Она увидела на столе розовую воду и коринку и поела немного. После того как ей протерли лоб, она заснула. Когда она

проснулась, нарыв у нее в горле прорвался, и ее камеристки встревожились, боясь, что кровь задушит ее или лопнет кровеносный сосуд».[1329]

В депеше от 14 марта де Бомон подробно описывает, как «королеве три дня назад стало плохо; она долго лежала в холодном поту и ничего не говорила. Незадолго до того она сказала: «Я больше не хочу жить, но желаю умереть». Вчера и позавчера она начала спать и почувствовала себя лучше, испытав большое облегчение после того, как у нее прорвался небольшой нарыв в горле. Она не принимает никаких лекарств, а в постели пролежала всего два дня; до того она ни за что не желала лежать, из страха (как полагают некоторые) пророчества, согласно которому она умрет в постели. Кроме того, говорят, что она уже не в себе; однако это заблуждение; она лишь временами говорит немного бессвязно».[1330]

За состоянием Елизаветы внимательно следили во всех странах Европы. 15 марта Ноэль де Карон, голландский посол, подробно описал посланнику Генеральных штатов в Париж «отток крови» в горле королевы, после чего она «была похожа на покойницу».[1331] Но де Карон заверил посланника, что, хотя Елизавета проболела две недели и «10 или 12 дней не спала», она начинает выздоравливать: «Последние три или четыре ночи она спит по четыре-пять часов; кроме того, она начинает есть и пить».[1332] Когда Роберт Сесил и Джон Уитгифт, архиепископ Кентерберийский, упав на колени, просили Елизавету есть и принимать лекарства, по сообщению де Карона, «она за то разгневалась на них и сказала, что сама лучше знает свою силу и сложение, чем они, и что она не в такой опасности, как они вообразили».[1333]

Через несколько дней ее состояние заметно ухудшилось. 18 марта секретарь Сесила писал: «Она очень больна, из-за чего членов [Тайного] совета вызвали в Ричмонд».[1334] Вызвали и королевских музыкантов, потому что, как считал де Бомон, «она хочет умереть весело, как и жила». Он ярко описал подробности ее состояния: «Королева уже очень истощена, и иногда, по два или три дня кряду, не произносит ни слова. Последние два дня она почти всегда держит палец во рту и сидит на подушках, не вставая и не ложась, с открытыми глазами и взглядом устремленным на пол. Ее долгая бессонница и отказ от еды истощили ее и без того слабое и изнуренное тело, вызвали жар в желудке, а также пересыхание всех жизненных соков в течение последних десяти или двенадцати дней».[1335]

Советники Елизаветы начали готовиться к ее смерти и предприняли меры, чтобы предотвратить гражданскую войну из-

за престолонаследия, которой они очень боялись. Джон Стоу сообщал, что, поскольку в марте королева «опасно заболела», «в лондонском Сити выставили караулы, установили охрану ворот, приказали всю ночь жечь фонари».[1336] 12 марта главный судья Попэм призывал Роберта Сесила укрепить Лондон, потому что «там собираются самые беспутные и опасные люди со всей Англии и при малейшей возможности отправятся туда».[1337]

Через три дня всем представителям власти на местах разослали указы, в которых призывали помочь графине Шрусбери «подавить попытки беспорядков и мятежей, направляемых определенными злонамеренными лицами», которые стремились посадить на престол Арабеллу Стюарт, находившуюся под надзором графини.[1338] На следующий день Тайный совет приказал графу Шрусбери «запретить все сомнительные и злонамеренные слухи касательно состояния здоровья ее величества… а также предотвратить все незаконные собрания и попытки беспорядков, которые могут породить такие слухи».[1339]

Граф Нортумберленд сообщал Якову VI о предпринятых мерах по поддержанию порядка: «Всех негодяев, которые способны мутить воду… посылают в Нидерланды», и, как отметил Джон Клэпэм, «всех бродяг и подозрительных лиц… во многих местах страны сажают в тюрьму».[1340] 17 марта Скарамелли сообщал, что «пятьсот бродяг схватили в тавернах и других местах под предлогом, что их пошлют служить голландцам; в виде предосторожности их до сих пор держат за решеткой».[1341] Через три недели он писал, что «иностранцев в количестве пяти сотен на кораблях отправили в Голландию и такое же количество католиков посадили в тюрьмы».[1342] Закрыли театры в Лондоне, Мидлсексе и Суррее, дабы предотвратить скопления народа. Закрыли порты, чтобы обезопасить Англию от мятежа или вторжения и сдерживать поток информации, идущий на континент. Охрану в Ричмонде удвоили, драгоценности и серебро королевы заперли в Тауэре вместе с королевскими регалиями. В субботу 19 марта в Ричмонд приехал Роберт Кэри. Скорее всего, его сестра, леди Филадельфия Скроуп, предупредила его, что королева умирает. Кэри без труда попадал во внутренние покои в последние недели жизни королевы и стал свидетелем ее угасания.[1343] Когда вечером в субботу его допустили к королеве, он застал Елизавету «в одной из внутренних комнат, она сидела низко на подушках». Она подозвала его к себе, и он поцеловал ей руку. Он испытал «огромное счастье, видя ее в безопасности и добром здравии», как он сказал ей, и выразил надежду, что такое состояние «будет долгим». Затем Елизавета взяла его за руку и, крепко сжав ее, ответила: «Нет, Робин, мне нехорошо». Тяжело

дыша, она стала рассказывать ему о своем нездоровье и о том, как на сердце у нее «вот уже десять или двенадцать дней печаль и тяжесть». Кэри огорчился, видя ее «состояние», «ибо за всю прежнюю жизнь я лишь один раз видел, как она вздыхала, – когда обезглавили королеву Шотландии». Как он ни пытался подбодрить Елизавету, он нашел, что ее «меланхолия» «глубоко укоренилась в сердце». Он писал, как она «постепенно стала относиться к себе как к жалкой, всеми брошенной женщине», и рассказывал, что при ней больше нет никого, кому бы она доверяла; она считала, что ее власть над народом «заметно расстроилась».[1344]

Вернувшись на следующее утро, Кэри ожидал застать королеву в часовне, на утренней службе; он присоединился к остальным в длинной узкой комнате со скамьями по обе стороны от прохода. Но «после одиннадцати часов вышел один из камергеров [внутренних покоев] и призвал всех перейти во внутреннюю гардеробную». Внутренняя гардеробная находилась сразу за коридором, между приемным залом и личным кабинетом королевы; там королевский капеллан проводил для королевы отдельные службы. Но и там Елизавета не появилась. Она «приказала положить для нее подушки в кабинете, у двери в гардеробную; оттуда она слушала службу». Как пишет Кэри, «с того дня ей становилось все хуже и хуже».[1345]

Советники, придворные, послы и другие гости при дворе теперь жадно ждали новостей из внутренних покоев королевы. Джон Клэпэм был среди тех, кто следил за каждым шагом членов Тайного совета, которые «все время сновали туда-сюда, иногда с мрачным выражением, выдававшим их опасения, а иногда они снова выглядели бодрее».[1346] Нидерландский посол Ноэль де Карон наблюдал за теми, кто имел право входить к королеве, «находясь между гардеробной и [королевской] опочивальней, он видел, как лорды и леди плачут и стенают», а также «понял, что надежды выздороветь для ее величества нет».[1347] Столица затаила дыхание. Отец Уильям Уэстон, который тогда был заключенным в Тауэре, писал, как «странное молчание опустилось на весь город, как будто его отлучили от церкви, и поклонение Богу прекратилось. Не звонил ни один колокол, не трубил ни один рожок – хотя обычно их можно было слышать часто».[1348] По мере того как по Лондону ползли «переменчивые слухи» о смерти королевы, те, кто жил за городскими стенами, переносили ценные вещи в город, где «постоянно дежурили крепкие дозоры».[1349] Люди шли в церкви, «чтобы точно узнать, жива королева или мертва», и помолиться за нее.[1350] К середине марта Елизавета перестала есть и мыться и отказывалась

раздеваться и ложиться в постель. Как сообщал Джон Чемберлен, она «убеждена, что, стоит ей лечь, она уже не встанет» и потому королеву «невозможно было уложить в постель целую неделю». Решив не лежать на смертном одре, Елизавета «сидела по целым дням, обложенная подушками, в основном бодрствуя и ничего не говоря».[1351] Когда-то служившая символом красоты, славившаяся своей величественностью и блеском, она целыми днями полусидела в подушках на полу, полностью одетая; ее дамы ухаживали за ней стоя на коленях.

Глава 60
На смертном одре

Видя, что Елизавета слабеет, ее врачи и члены Тайного совета послали за графом Ноттингемом, ее лорд-адмиралом.[1352] Когда он призвал Елизавету набраться храбрости и удалиться в свою опочивальню, она, по слухам, ответила: «Если бы вы видели в своей постели то, что вижу я, когда лежу в моей, вы бы не убеждали меня идти туда». Но наконец «мягкими увещеваниями» и «силой» ее хрупкое тело перенесли в опочивальню и уложили на высокую деревянную кровать с резными зверями и атласным изголовьем, увенчанную страусовыми перьями и золотыми блестками.[1353]

Жизнь королевы близилась к концу, и, по словам де Бомона, «все врачи махнули на нее рукой». Оказавшись в постели, она как будто почувствовала себя лучше и попросила мясного бульона, «что снова вселило в нас надежду». Однако вскоре голос ее начал слабеть, больше она ничего не ела и лежала неподвижно на боку, «ничего не говоря и ни на кого не глядя».[1354] Юная Элизабет Саутуэлл, которая ухаживала за Елизаветой в ее последние дни, позже описывала, как мучительно умирала королева.[1355] Она попросила «хорошее зеркало» и, когда увидела свое отражение, воскликнула, что видит себя по-настоящему впервые за двадцать лет. «Всех, кто хвалили ее и льстили ей, она выгнала из своей опочивальни».[1356] Происшествие упомянуто и в мемуарах Джона Клэпэма: «Достоверно сообщают, что незадолго до смерти она испытала мрачное предчувствие по поводу своего возраста и увядания, увидев в зеркале свое лицо, впалое и морщинистое; она отнеслась к этому очень серьезно, поняв после этого, как часто ее оскорбляли льстецы».[1357]

23 марта студент-правовед Джон Мэннингем приехал ко двору в Ричмонд, чтобы присутствовать на проповеди доктора Генри Парри и «узнать, жива или мертва королева».[1358] Позже в тот же день он обедал с Парри в кабинете королевы и узнал о ее состоянии от Парри и других священников. Они рассказывали, «какую радость испытывает она, слушая молитвы», и утверждали, что часто «при имени Иисуса… она воздевала руки и глаза к небу». К тому времени Елизавета утратила дар речи и «подавала знаки», подзывая к себе священнослужителей. Она не желала слушать, как архиепископ выражает надежду, что она проживет еще долго, но, когда он «молился или говорил о рае», она пожимала ему руку.[1359]

В тот же день Елизавета согласилась принять членов Тайного совета; когда они вошли, она жестом подозвала их к себе. Когда ее спросили, согласна ли она, чтобы ее преемником стал Яков, король Шотландии, она, по словам Роберта Кэри, поднесла руку ко лбу в знак того, что Яков будет королем.[1360] В шесть часов вечера королева подозвала архиепископа Уитгифта и других священников, чтобы они помолились с ней. «Я пошел с ними, – вспоминал Кэри, – полный слез при виде тяжелого зрелища», когда священники окружили ее постель. Елизавета лежала на спине, одна рука свешивалась с кровати. Архиепископ сказал ей: хотя она была великой королевой, теперь ей придется отдаться на волю «царя царей». В течение следующих нескольких часов Уитгифт тихо стоял на коленях, молясь рядом с ее постелью. Когда он наконец встал и собрался уходить, Елизавета «подала рукой знак», чтобы он оставался на коленях. Сестра Кэри, леди Скроуп, понимавшая, что имеет в виду ее величество, шепнула архиепископу: королева хочет, чтобы он продолжал молиться.[1361]

Наконец в опочивальне остались лишь дамы, которые ухаживали за королевой; в их обществе она испустила последний вздох.[1362] Елизавета умерла между двумя и тремя часами ночи в четверг 24 марта. «Ее величество ушла из жизни кротко, как ягненок, легко, как спелое яблоко, упавшее с дерева», – сообщал Парри, ее капеллан.[1363]

* * *

Тайный совет немедленно переехал из Ричмонда в Уайтхолл, где советники сразу же устроили совещание. В десять утра к дворцовым воротам прибили воззвание, извещающее о том, что на престол вступает король Яков I. В течение следующих нескольких часов воззвание стало известно в Лондоне, а в следующие дни – по всей стране.[1364]

Как только королева умерла, послали сообщение Роберту Кэри. Он сразу же пошел в гардеробную, где застал «всех фрейлин горько рыдающими».[1365] Там его сестра, леди Филадельфия Скроуп, передала ему кольцо с сапфиром, которое было вручено ей королем Яковом VI. Кольцо служило условным знаком о смерти королевы.[1366] Кэри спешно отправился в Шотландию, он добрался до Эдинбурга менее чем за три дня. Он прибыл во дворец Холируд в шесть часов вечера 26 марта с вестью о том, что Яков вступает на английский престол.

Когда стало известно о кончине королевы, весь Лондон, по свидетельству Джона Мэннингема, охватили изумление и

тревога. Все очень боялись «беспорядков»; когда стало известно, что королем Англии стал Яков, по городу распространилась зловещая тишина: «Указ выслушали с большой надеждой и тихой радостью, не слышалось радостных криков: я думаю, что многие глубоко скорбели из-за кончины ее величества. Они не могли сразу же бурно радоваться, хотя невозможно было не радоваться, узнав о восшествии на престол столь достойного короля».

К вечеру на улицах Лондона ярко пылали костры, по всему городу звонили колокола. Не было ни беспорядков, «ни возмущения, ни противоречия… все занимались своими делами охотно, мирно и надежно, как будто не произошло никакой перемены; не было известий и о соперниках».[1367] Как писал один придворный, «в этом отношении положение великих правителей более несчастно, чем у их собственных подданных; пока они живы, за ними следуют все, в смерти же их никто не оплакивает».[1368]

Глава 61
Regina Intacta (Королева-девственница)

В часы, последовавшие непосредственно за смертью королевы, после того как члены Тайного совета уехали из Ричмонда в Уайтхолл, с Елизаветой оставались ее камер-фрейлины, которые следили за тем, чтобы ее тело «не вскрывали – таково было ее желание». Учитывая, сколько времени занимали необходимые приготовления для приличествующих монарху пышных похорон, в те времена по распространенному обычаю усопших правителей после смерти вскрывали, извлекали внутренности и бальзамировали. Так готовили к похоронам и Генриха VIII, и Марию I, и Марию Стюарт. Процесс, который обычно выполняли хирурги, включал вскрытие тела от грудины до таза и извлечение внутренних органов и внутренностей. Затем грудь и брюшную полость промывали, заполняли консервантами, травами и специями или опилками, чтобы предотвратить дальнейшее гниение. Затем тело зашивали, заворачивали в саван и помещали в свинцовый ящик, который затем ставили в деревянный гроб.

Однако Елизавета, чье тело долго служило предметом сладострастного любопытства, злонамеренных сплетен и домыслов, оставила особые указания, чтобы ее тело не вскрывали и не осматривали. Анатомы начала Нового времени считали, что изменения в размере и форме матки свидетельствуют о том, рожала женщина или нет,[1369] и Елизавета вполне могла беспокоиться из-за того, что обнаружат врачи, а также бояться, что после осмотра ее тела поползут новые слухи. Улики, свидетельствовавшие о том, что она не была девственницей, имела физические недостатки или рожала, сыграли бы на руку ее врагам, вызвали сомнение в законности династии Тюдоров, в религиозном статусе страны и заставили усомниться в том, что Елизавета жила и умерла девственницей.

Рассказы о том, что Елизавета физически не способна была заниматься сексом, ходили долгие годы. Бен Джонсон и другие утверждали, что у королевы имелась «перегородка, которая не давала ей познать мужчин, хотя ради удовольствия она испробовала многих».[1370] Сэр Джон Харингтон повторил ходившие о его крестной слухи в «Трактате о престолонаследии» и, опираясь на показания своей матери, Изабеллы Харингтон,

заявил, что девственность королевы была «государственной тайной», однако тайной, которая была известна ему доподлинно:

«Чтобы весь мир думал, что она способна к деторождению, она до пятидесятилетнего возраста обсуждала вопросы о браке; и, хотя в душе она всегда испытывала отвращение и, как считают многие, имела телесное недомогание, препятствующее браку, она всегда выказывала расположение к некоторым мужчинам, бывшим ее фаворитами при дворе, чтобы скрыть свою немощь, предпочитая, чтобы посторонние косвенно считали, будто она не может зачать, чем вызывать подозрения в каком-то недостатке, который относится к области совершенства прекрасной дамы…

Сэр Кристофер Хаттон… добровольно, искренне и с пылкой убежденностью поклялся, что никогда не знал ее в плотском смысле, и таково же было мнение моей матери, которая на протяжении 20 лет служила камер-фрейлиной ее величества и часто делила с королевой постель».[1371]

Для Харингтона и официальные переговоры о браке, которые вела королева, и ее флирт с придворными составляли искусный и продолжительный фарс: Елизавета нарочно давала пищу клеветникам и сплетникам, чтобы скрыть физическую «немощь». Сын ее бывшей близкой наперсницы раскрывает последнюю «государственную тайну» королевы, утверждая, что ему доподлинно известно о девственности королевы.[1372] Осмотр ее тела показал бы, правдивы ли ходившие о ней слухи и домыслы.

Большинство источников сходится на том, что желание королевы, чтобы после смерти ее не вскрывали и не «извлекали внутренности», хотя и считалось очень необычным, было исполнено. Венецианский посол писал о том, как бдительно охраняли тело Елизаветы ее фрейлины, и, «наряду с тем, что тело покойной королевы, по ее же приказу, не вскрывали, его, более того, не видела ни одна живая душа, кроме трех ее приближенных дам» – графини Уорик, Елены, маркизы Нортгемптонской, и Элизабет Саутуэлл.[1373] Джон Чемберлен просто написал, что ее тело «не вскрывали, но завернули в саван и приложили средства, предохраняющие от гниения».[1374] Сохранившиеся финансовые отчеты за 1603 г. также указывают на то, что тело Елизаветы набальзамировали, завернули в саван, запечатали в свинцовый ящик, который затем поместили в деревянный, «пышно подбитый алым бархатом и закрепленный позолоченными гвоздями».[1375] Абрахаму Грину, «паяльщику», заплатили за «запаивание в свинцовый ящик» и «положение тела ее величества в гроб в Ричмонде».[1376]

Хотя Джон Мэннингем также пишет, что тело Елизаветы не вскрывали, он предполагает, что люди, отвечавшие за подготовку

трупа к похоронам, возможно, не исполнили свою задачу как положено: «Доподлинно известно, что королеву не вскрывали, но завернули в саван, однако плохо, из-за их жадности, так как они обманом присвоили себе часть ткани, которую выдали им для этой цели».[1377] Саван, навощенная ткань, стоил очень дорого; для того чтобы завернуть как следует труп, требовалось несколько ярдов.

Впрочем, одна очевидица противоречит остальным, утверждающим, будто тело королевы не вскрывали, и ее слова нельзя отмести. Элизабет Саутуэлл, которая охраняла тело королевы после ее кончины, описала, как, после того как члены Тайного совета вышли из опочивальни, чтобы провозгласить королем Якова, Роберт Сесил отдал тайный приказ хирургу вскрыть королеву.[1378] Элизабет Саутуэлл в марте 1603 г. было восемнадцать или девятнадцать лет, она приходилась внучкой графу и графине Ноттингем и была одной из крестниц королевы. Через четыре года после смерти Елизаветы Саутуэлл обратилась в католичество и, общаясь с иезуитами, в том числе с отцом Робертом Персонсом, написала или продиктовала свои воспоминания о смерти Елизаветы. Ни один другой отчет не подтверждает слов Саутуэлл о том, что тело королевы вскрывали; и в архивах Тайного совета не упоминается такой приказ, ни прямо, ни косвенно.[1379]

Не допустив вскрытия и бальзамирования трупа королевы, скорее всего, ее камер-фрейлины желали положить конец вопросам о девственности Елизаветы. Своими действиями и они, и члены Тайного совета, возможно, приносили последнюю дань верности своей королеве-девственнице, позволив ей остаться regina intacta. Кроме того, советники наверняка хотели избежать неопределенности с вопросом престолонаследия, избежав ответов на неудобные вопросы, которые могли возникнуть после вскрытия ее тела, о возможных незаконнорожденных наследниках.

В ночь на субботу 26 марта, через два дня после смерти Елизаветы, факельная процессия из барок, обтянутых черным, перевезла гроб с телом королевы в Уайтхолл. Елизавету в последний раз сопровождали фрейлины, джентльмены-пенсионеры и дворцовые служащие, а также ряд членов Тайного совета.[1380] Когда процессия поравнялась с дворцом, гроб перенесли в королевскую опочивальню, которую сплошь – стены, потолок и пол – завесили черной материей.

Гроб поставили на кровать, покрытую черным бархатом, отделанным тафтой, и увенчали его огромными связками страусовых перьев.[1381]

В последующие дни и ночи тело королевы не оставалось в

одиночестве, ее фрейлины постоянно дежурили возле него.[1382] Элизабет Саутуэлл утверждала: во время своего дежурства у гроба она слышала треск; опустившись перед гробом на колени, она поняла, что разлагающийся труп взорвался, расколов «гроб-камеру» и выпустив «дыхание» трупа.[1383] В этом нет ничего невозможного. Тело было запечатано в свинцовый ящик, где вследствие скопления газов мог произойти взрыв. Кроме того, если приказ Елизаветы выполнили и ее тело не вскрывали, разложение произошло быстрее, чем у выпотрошенного и набальзамированного трупа. Однако ни один другой отчет не подтверждает рассказа Саутуэлл; разумеется, никто не рассчитывал, что о таком событии будут повсеместно рассказывать.

После Саутуэлл уверяла, что «никто не смел говорить о том публично», боясь Роберта Сесила, который занимал главенствующее положение при дворе в дни до и после смерти Елизаветы; он же руководил вступлением на престол Якова I. Страх «вызвать неудовольствие секретаря Сесила», возможно, заткнул рты другим очевидцам. Однако какие-то слухи все же просочились, судя по письму Джона Чемберлена Дадли Карлтону от 30 марта. Чемберлен писал: «Даже здесь паписты рассказывают странные истории, совершенно лишенные правды, гражданской честности и человечности». Возможно также, что непристойность взорвавшегося трупа и явный намек на нравственное разложение объясняет, почему в других отчетах о происшествии не упоминается. Однако, скорее всего, рассказ о взорвавшемся трупе намеренно сочинен Саутуэлл после того, как она перешла в католичество. Ее свидетельство снабдило Рим окончательным подтверждением врожденной порочности и нравственного разложения Елизаветы.[1384]

В 1608 г. Роберт Персонс написал «Суждение англичанина-католика, жившего при запрете его религии». Трактат был издан в нарушение присяги на верность, которую навязал своим подданным новый король Англии Яков I.[1385] Персонс уверял, что Якова ввели в заблуждение дурные советники и заставили его ввести присягу, которая требовала от католиков отрицать супрематию папы. Сторонники присяги изображали Елизавету доброй государыней, которая правила милосердно, по Божьей воле, и наказывала католиков только за измену, а не за их веру.[1386] Персонс считал, что Якова ложным образом поощряли следовать примеру своей предшественницы, и поэтому он продолжал просвещать его относительно характера Елизаветы и некоторых подробностей ее правления. Елизавета, по утверждению Персонса, была безбожницей-тираншей, которая

преследовала верных католиков за их веру. В доказательство он сосредоточился на обстоятельствах смерти Елизаветы.

В то время считалось, что смерть человека отражает его жизнь: живший праведно и умирал красиво и удостаивался спасения. Роберт Персонс подвергал нападкам добродетель Елизаветы, рассказывая о ее «прискорбном конце», о котором он узнал «от особы, достойной доверия, присутствовавшей при ее последней болезни, приступах и смерти и служащей очевидицей произошедшего».[1387] Он явно ссылается на Элизабет Саутуэлл.

Затем Персонс переходит к позорному рождению королевы от женщины, которая «никогда не была законной женой Генриха VIII», и рассказывает о роли Елизаветы в деле Томаса Сеймура. Все эти события, по мнению Персонса, служат доказательством ее половой распущенности, вытекающей из незаконнорожденности. Такое обвинение католическая пропаганда выдвигала многие годы, но теперь, казалось, они получили реальное подтверждение «разложению» Елизаветы.

После опровержения, написанного Уильямом Барлоу, епископом Линкольнским, королевским капелланом, который присутствовал при кончине королевы, Персонс написал еще один, более длинный и подробный трактат,[1388] «Обсуждение ответа мистера Уильяма Барлоу», куда вошел почти весь отчет Элизабет Саутуэлл о последних днях королевы. Кульминацией отчета стала смерть, в том числе вскрытие тела Елизаветы вопреки ее воле и взрыв трупа. В обоих трактатах Персонса безнравственность Елизаветы как физического лица тесно связана с ее незаконностью и разложением как лица юридического. Хотя он не называет ни один из своих источников, в пересказе отчета Саутуэлл он постоянно упоминает женщин, физически и эмоционально близких к королеве, дабы подтвердить свою версию событий. Как послы в начале правления Елизаветы нуждались в ее камер-фрейлинах, которые снабжали их сведениями о здоровье, плодородии и девственности королевы, теперь Роберт Персонс, иезуит, призывал их подтвердить его слова. Слова ближайших к королеве женщин и их знания о королеве могли быть использованы как для нападок на законность ее власти, так и в ее защиту.

Глава 62
Изображение королевы

Сразу после смерти Елизаветы вышли распоряжения о сооружении восковой фигуры и деревянной статуи королевы. То был средневековый обычай, который ранее поддерживал преемственность и подчеркивал единство «двух лиц» королевы в период перед ее похоронами. Поскольку ее физическое тело начинало разлагаться, а «политическому телу» грозили беспорядки и узурпация, статуя призвана была хранить «бессмертное достоинство» усопшего монарха.[1389] Лицо статуи, по свидетельству Скарамелли, было «вырезано из дерева и так правдоподобно раскрашено, что она казалась живой». Статуя представила народу вечно молодое лицо Елизаветы; дополненное ярко-рыжим париком, оно становилось центром всеобщего внимания и горя.[1390] Венецианский посол с некоторым удивлением сообщал, что в Уайтхолле «совет продолжает непрерывно служить [королеве] с теми же церемониями, при тех же расходах, вплоть до прислуживания и накрывания на стол, как будто она не закутана в многослойный саван и не запаяна в свинцовый ящик, в гроб, в покров, но гуляет по аллеям парка, как она всегда делала в это время года. И так, в соответствии с древним обычаем, будет продолжаться до тех пор, пока король не отдаст распоряжения о ее похоронах».[1391]

Статую положили на гроб, пока он лежал на кровати; она оставалось там до похорон.[1392] Ни один монарх не считался официально мертвым до того дня, когда его не лишат знаков величия и не похоронят, а высшие государственные чины не переломят свои белые жезлы и не бросят обломки в могилу. До того момента при дворе все продолжалось как прежде; только центром внимания была не сама Елизавета, а ее статуя, одетая в платье, в котором она выступала в парламенте, в короне, с державой и скипетром.[1393] Статуя олицетворяла королеву как физическое лицо в период между смертью и похоронами: Яков не мог официально вступить на престол, пока Елизавету не похоронят, потому что теоретически не могло быть двух «физических лиц», символизирующих одно юридическое лицо.[1394] И только на королевских похоронах юридическое лицо, созданное после ритуалов коронации, наконец отделится от трупа покойного монарха.

После того как Якова известили о смерти Елизаветы, он «оставил королевство Шотландия в добром и мирном

порядке»[1395] и направился на юг, к Лондону. 14 апреля он достиг Бервика и оттуда отдал приказ, чтобы королеву Елизавету похоронили «со всеми должными почестями, по древнему обычаю», в Вестминстерском аббатстве.[1396] По традиции сам Яков на похоронах не присутствовал. В Лондоне немедленно начали готовиться к похоронам всерьез. Похоронная процессия и церемония разрабатывались Геральдической палатой с помощью Тайного совета. Для пошива траурных нарядов заказали 12 тысяч ярдов черной материи.[1397] Все придворные, участвовавшие в процессии, упомянуты в счетах поименно с указанием количества материи, выделенной каждому на изготовление платьев, костюмов, мантий и вуалей.[1398] Были отданы распоряжения о траурной процессии в Лондоне и о самой церемонии похорон; главной плакальщицей назначили Арабеллу Стюарт как носительницу высшего ранга, родственную королеве. Однако она отклонила это лестное предложение, заявив, что, «поскольку при жизни королевы ее к ней не допускали, после ее смерти она не выйдет на сцену для публичного спектакля».[1399] Вместо нее главной персоной назначили Елену Парр, маркизу Нортгемптонскую, скорее в силу ее положения и пола, чем по причине родства с королевой.

В четверг 28 апреля, через месяц после смерти Елизаветы, процессия, состоявшая из тысячи с лишним человек, проследовала из Уайтхолла в Вестминстерское аббатство с «большой пышностью и величественностью».[1400] Возглавляемая звонарями и королевскими герольдами, которые расчищали путь своими золотыми посохами, похоронная процессия растянулась на несколько миль. Первыми шли 260 бедных женщин, «по четыре в ряд, одетые в черное, в полотняных платках на головах». За ними следовали дворцовые слуги низшего ранга и слуги аристократов и придворных. Двух лошадей королевы, без всадников, покрытых черными попонами, вели знаменосцы со штандартами, на которых были изображены Дракон, Борзая и Лев, а также животные, изображенные на гербе Англии. Далее следовали прочие придворные и чиновники – аптекари, музыканты, клерки, землевладельцы и священнослужители в ризах и стихарях, которые пели «на траурный мотив». За ними шли мэр и лондонские олдермены.

Центральной частью процессии была королевская колесница, на которой везли гроб с телом королевы, задрапированный черным бархатом. Колесница была запряжена четверкой лошадей в черной сбруе. На гробе помещалась статуя Елизаветы с короной на голове, в платье из красного бархата, с державой и скипетром. Гроб был покрыт балдахином, который придерживали шесть

графов, из двенадцати вышитых знамен с изображением предков королевы.[1401] За колесницей главный конюший вел в поводу лошадь без всадника, за ним следовали камергеры внутренних покоев, рыцари ордена Подвязки, а за ними – в качестве самой близкой родственницы – Елена Парр. Ее с двух сторон поддерживали двое государственных служащих: лорд-казначей лорд Бакхерст и недавно овдовевший лорд-адмирал, граф Ноттингем. За ними следовали четырнадцать графинь, затем «статс-дамы».[1402] За статс-дамами шли оставшиеся графини, дочери графов и баронессы. Завершали процессию «камер-фрейлины».[1403] Сэр Уолтер Рэли и гвардия шли в арьергарде по пять в ряд; в знак траура они опустили алебарды вниз.

«Множество самых разных людей» наблюдало за последней процессией из всех возможных мест; они толпились «на улицах, в окнах домов, на лестницах, в канавах».[1404] Даже крыши были заполнены теми, кто надеялся хоть краем глаза увидеть похороны. Когда мимо проезжала королевская колесница со статуей королевы Елизаветы, «слышались вздохи, всхлипы и плач, так как ничего подобного не видели и не помнили».[1405]

* * *

В Вестминстерском аббатстве гроб «поместили на пышный катафалк», и церемония началась. Ее вел епископ Чичестерский «согласно установленному обряду».[1406] Придворный Филип Годи утверждал, что церемония продлилась «около шести часов вместе со службой».[1407] Однако корреспондент венецианского посла сообщил, что «на настоящей заупокойной службе почти ничего не происходило, только спели два псалма по-английски и прочли заупокойную молитву».[1408]

После того как гроб с телом Елизаветы поместили во временную могилу, советники Елизаветы переломили над головами белые жезлы и бросили обломки на гроб, давая понять, что их долг исполнен. По обычаю, катафалк и гроб должны были стоять в церкви не менее месяца, но 15 мая Яков распорядился, чтобы гроб похоронили «без обычных проволочек», а через две недели убрали и статую королевы.[1409] Однако, похоже, преждевременные попытки убрать Елизавету из сердец и душ подданных окончились провалом. Скарамелли сообщал: «Слава королевы, которую они, как им казалось, похоронили вместе с ее телом, породила нежелание убирать ее статую, что в подобных обстоятельствах весьма характерно».[1410] Местом последнего упокоения Елизаветы стал склеп под алтарем в гробнице ее деда,

Генриха VII.[1411]

По иронии судьбы, из фрейлин Елизаветы, присутствовавших на похоронах, лишь одна была на ее коронации, состоявшейся за сорок четыре года до похорон, и именно ее Елизавета возненавидела: то была ее кузина Леттис Ноллис, графиня Лестер и дочь Кэтрин Ноллис, ее любимой обер-гофмейстерины. Что касается других самых старых наперсниц Елизаветы, Мэри Скадамор по болезни не могла прийти на ее похороны; она умерла всего через несколько месяцев, 15 августа, и была похоронена в Холм-Лейси (Хартфордшир). Дороти Стаффорд также не было на похоронах Елизаветы, возможно из-за слабого здоровья; она умерла в сентябре 1604 г. Ее похоронили на кладбище при церкви Святой Маргариты в Вестминстере, неподалеку от могилы Бланш Парри. На ее надгробной плите написано, что «она прослужила Елизавете сорок лет в ее опочивальне».

Эпилог
Тайные истории

Через три года после смерти и похорон Елизаветы по распоряжению короля Якова I ее тело перенесли из первоначального места упокоения, в центральной гробнице Генриха VII в Вестминстерском аббатстве, в северный придел. Елизавету перезахоронили рядом с ее сестрой и соперницей Марией Тюдор.[1412] В то же время Яков распорядился воздвигнуть надгробие в южном приделе для своей матери, Марии Стюарт, чье тело тогда же перенесли из собора в Питерборо.[1413] Надгробие Марии Стюарт поместили за надгробием леди Маргариты Бофорт, матери Генриха VII, и перед памятником леди Маргариты Дуглас, графини Леннокс, дочери Генриха VII и бабки Якова по отцу. Тем самым Яков подтверждал законность прав своей матери на английскую корону и закреплял ее династию как средство легитимизации своего собственного права на престолонаследие.[1414] Елизавета и Мария Тюдор, обе бездетные, оказались изолированы от линии престолонаследия.

При жизни Елизаветы она сама и ее приближенные скрупулезно сохраняли ее публичный образ, но после ее смерти все нарушилось.[1415] Хотя Яков заказал величественный памятник Елизавете в память ее достижений, он был намеренно меньше и дешевле, чем памятник, который он приказал воздвигнуть своей матери, великой сопернице Елизаветы. Фигура королевы на гробнице Елизаветы была вырезана в мраморе, лицо, скорее всего, скопировали с посмертной статуи.[1416] «Маску юности», которую всю жизнь так старалась сохранить Елизавета, убрали, и королева предстала такой, какой и была в поздние годы. Теперь изображения Елизаветы, ее тела и ее памяти, стали публичной собственностью, которой можно было свободно распоряжаться и оскорблять в угоду новым политическим реалиям.

В дни и недели после смерти Елизаветы в продажу поступили поэмы, памфлеты, стихи и панегирики «для плебеев», не только восхваляющие королеву и ее победы, но и описывающие ее в виде разлагающегося трупа или в виде нарушенной девственности, чьим любовником стала смерть. В своей поэме «На смерть Делии» (Atropolion Delion) Томас Ньютон спрашивает фрейлин: «Почему вы позволили смерти проникнуть в ее покои?» – как будто смерть была нежеланным поклонником.[1417] Грустные стихи Ньютона живо описывают могилу Елизаветы, сравнивая ее с «дворцом», где

«жадные черви»-придворные проникают в «ее обнаженное тело».[1418] И на портретах, свободных от суровой елизаветинской цензуры, также начал проступать совершенно иной образ Глорианы. Портрет Маркуса Гирертса 1620 г. намеренно пародировал портрет 1588 г., так называемую «Армаду», и показывал Елизавету уже не ликующей и властной, а старой, усталой и умирающей; сгорбившись, она сидит в кресле, а по бокам в темноте стоят две фигуры – Время и Смерть. Портрет показал зрителям эпохи короля Якова, которые испытывали все большую ностальгию, что время Елизаветы прошло.

Даже через много лет после смерти королевы возникали слухи о ее незаконных детях, внебрачных связях и физических недостатках. В 1609 г. в Англию контрабандой провезли книгу, написанную на латыни, под непристойным названием Purit-Anus. В ней утверждалось, что Елизавета отдавалась мужчинам разных национальностей, «даже темнокожим», и рожала незаконных детей.[1419] В 1658 г. Фрэнсис Осборн в своих солидных «Традиционных мемуарах о правлении королевы Елизаветы» не только прославлял королеву за ее политические достижения и прагматическую умеренность, но и пересказывал сплетни о развращенности Елизаветы, хотя и называл их «странными сказками… пригодными для романа». Осборн считал правдой то, что «ее камер-фрейлины отказались давать ее тело для вскрытия и бальзамирования, что входит в обычай для усопших государей», чтобы защитить ее сексуальную честь или, может быть, физическую аномалию.[1420]

В 1680 г. домыслы о личной жизни Елизаветы вылились в ряд сочинений, среди которых «Тайная история прославленной королевы Елизаветы и графа Эссекса».[1421] Эту книгу перевели с французского оригинала Comte D'Essex, Histoire Angloise, а в последующем столетии неоднократно перепечатывали и излагали другими словами. Вместе с «Тайной историей герцога Алансонского и королевы Елизаветы», которая вышла одиннадцать лет спустя, они заложили основу традиции писать о личной жизни королевы; в этих и им подобных книгах утверждалось, что ее правление можно понять лишь в преломлении тайных страстей и желаний. Отныне рассказы о потаенных страстях Елизаветы продавались в Лондоне в дешевых изданиях, их инсценировали в лондонских театрах. Спектакли потакали растущему интересу публики к скандалам в высшем обществе. Пьеса Джона Бэнкса «Несчастный фаворит», которую поставили в 1682 г., была инсценировкой «Тайной истории Елизаветы и Эссекса». Бэнкс сосредоточил сюжет на конфликте между личным и публичным образами королевы, тем самым

отразив понятие королевы, единой в двух лицах. Елизавета в пьесе представлена слабой королевой, которая приносит обществу огромные жертвы.[1422]

Сомнения в девственности Елизаветы перестали быть прерогативой враждебной католической среды, в обществе росло сознание того, что личные чувства Елизаветы компрометировали целостность ее правления и ее статус национального кумира.

На волне популярных биографий королев и придворных к Елизавете все больше относились со смесью восхищения и презрения за ее тщеславие, ревность, мстительность и тайные страсти. В 1825 г. антиквар и литератор Хью Кэмпбелл описывал ее «распутной и безнравственной», охваченной похотью; он повторял давние подозрения в том, что она осталась девственницей только «в силу каких-то природных недостатков». В середине XIX в. публичные дебаты о «нравственности» Елизаветы проводились даже в популярной печати. «Фрейзерз мэгэзин» в 1853 г. выпустил статью в двух частях, где оценивались утверждения о «развращенности» Елизаветы. Автор статьи приходил к выводу, что, хотя исторические доказательства «сомнительны, в лучшем случае», в таком деле, когда «рассматривается характер дамы, сомневаться – значит приговорить».[1423] Якобы распутство Елизаветы противопоставлялось прославляемым семейным добродетелям правившей тогда Виктории.

Внимание все больше перемещалось на тело стареющей Елизаветы, появлялось все больше картин, изображавших старую королеву во внутренних покоях. На картине Огастеса Леопольда Эгга «Королева Елизавета обнаруживает, что она уже не молода», которую выставили в Королевской академии художеств в 1848 г., Елизавета изображена в своей опочивальне в образе старухи среди фрейлин, которые дают ей понять, что она смертна, тем, что держат перед ней зеркало. Критики называли картину развенчанием подлинной Глорианы. Последовали сходные изображения, на которых Елизавета представала настоящей старой каргой. Викторианцы были так захвачены образом старой королевы, что один комментатор того времени с прискорбием заметил: «…очень трудно в наши дни найти того, кто считает, что королева Елизавета когда-либо была молодой или кто не говорит о ней так, словно она родилась уже семидесятилетней, покрытой слоем румян и морщинами».[1424]

Хотя биографии начала XX в., прежде всего «Королева Елизавета I» Джона Нила (1934), сосредоточены строго на политических мотивах, а не на личной жизни Елизаветы, в исторических романах, пьесах и операх Елизавету по-прежнему

изображали королевой, которая вела бурную личную жизнь.[1425] Повторяли старые обвинения в том, что Елизавета страдала каким-то уродством или бесплодием. Одни доходили до того, что Елизавета на самом деле была мужчиной[1426] или гермафродитом.[1427] Другие рассматривали сексуальность Елизаветы тоньше, с психологической точки зрения, и подчеркивали, что ее целомудрие было явной странностью, если не извращением. Литтон Стрейчи в эссе «Елизавета и Эссекс» (1928) рассматривает жизнь королевы в постфрейдистской манере; ее сексуальные желания и отклонения уходят корнями в ее детство и отрочество.[1428] Многие критики считали образ Елизаветы, созданный Стрейчи, безвкусным и непристойным; так же критиковали оперу Бенджамина Бриттена «Глориана» (1953), поставленную по книге Стрейчи. Центральной темой оперы стало столкновение между публичной ответственностью и личными желаниями, в ней публичный образ королевы противопоставляется реальному – трагической фигуре тщеславной старухи. Молодая, недавно коронованная королева Елизавета II, в чью честь была поставлена опера, и большинство зрителей восприняли оперу не слишком хорошо. Сцену в опочивальне, где пожилая королева «сняла с головы парик и оказалась почти лысой», сочли проявлением особенно «дурного вкуса».[1429]

Тем временем личность Елизаветы все больше притягивала к себе Голливуд. Ее играли Бетт Дэвис в «Личной жизни Елизаветы и Эссекса» (1939) и «Королеве-девственнице» (1955), Гленда Джексон («Королева Елизавета», 1971), Джуди Денч («Влюбленный Шекспир», 1998), Хелен Миррен в «Елизавете I» (2007) и Кейт Бланшетт в фильме Шекара Капура «Елизавета» (1998) и «Елизавета. Золотой век» (2010). Поиски живой женщины за короной продолжаются до сих пор. В каждом фильме, в традиции «тайных историй», сексуальность Елизаветы изображается по-разному. В то время как в «Елизавете» Капура у королевы роман с Дадли, к концу фильма она приносит крайнюю жертву, отказываясь от своей сексуальности и превращаясь в «королеву-девственницу». Образ довершают коротко стриженные волосы и белое, покрытое толстым слоем белил лицо. В фильме производства Би-би-си «Королева-девственница» Елизавета, сыгранная Анной Марией Дафф, также показана в постели, где она занимается любовью с Дадли, но затем вскакивает и в ужасе кричит; оказывается, это был только сон. Бессознательное желание интимной близости в Елизавете конфликтует с первобытным страхом такой близости.

В начальной сцене получившего многочисленные награды

фильма, где Елизавету играет Хелен Миррен, королева предстает в возрасте за сорок. Ее раздевают – медленно, предмет за предметом, развязываются шнурки, снимаются рукава – и так до тех пор, пока она не остается в одной белой вышитой рубахе. Она ложится на кровать, ноги ей закрывают простыней, и у постели появляется врач с расширителем. Королева идет на крайнюю степень обнажения – она соглашается на осмотр ради страны. Она не выказывает никаких эмоций, когда врач произносит: «Все в полном порядке, мадам» – и затем, иллюстрируя политический характер таких личных дел, немедленно сообщает о своих открытиях Сесилу и Уолсингему, которые ждут в коридоре снаружи: королева по-прежнему девственница, virgo intacta, и способна иметь детей.

Такие яркие портреты, вместе с историческими произведениями, например романами Джин Плейди и более недавними романами Филиппы Грегори, питают вечное стремление по-новому интерпретировать «жизнь и любовь» королевы-девственницы.[1430] Вопросы, которые подняли «тайные истории» в конце XVII в., продолжают занимать широкую публику и сегодня. При жизни Елизаветы она сама и ее приближенные дамы упорно защищали ее репутацию и корону. После смерти именно сомнения и поиски правды о королеве-девственнице, а также предположения, что она не была целомудренна, продолжают привлекать читателей и обеспечивают ей долгую популярность.

Список сокращений в примечаниях и библиографии

AGS – Archivo General de Simancas

APC – Acts of the Privy Council of England, ed. J. R. Dasent, in 46 vol. (London, 1890–1964) *BIHR – Bulletin of the Institute of Historical Research*

BL – British Library, London

BLO – Bodleian Library, Oxford

CKS – Centre for Kentish Studies

CP – Cecil Papers, Hatfield House, Hertfordshire

CSP Dom – Calendar of State Papers, Domestic Series, of the reigns of Edward VI, Mary and Elizabeth, 1547–1625, ed. C. S. Knighton, in 12 vol. (London, 1856–1872)

CSP Foreign – Calendar of State Papers, Foreign Series, of the reigns of Elizabeth, 1558–1589, ed. J. Stevenson et al., in 23 vol. (London, 1863–1950)

CSP Rome – Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Vatican Archives, vol. 1, 1558–1571, ed. J. M. Rigg (London, 1916)

CSP Scot – Calendar of State Papers, Scotland, 1547–1603, ed. J. Bain et al., in 12 vol. (Edinburgh, 1898–1969)

CSP Span – Calendar of State Papers, Spanish, ed. G. A. Bergenroth et al., in 13 vol. (London, 1862–1954)

CSP Ven – Calendar of State Papers, Venetian, ed. H. F. Brown, in 3 vol. (London, 1864–1947)

Dudley Papers – Dudley Papers at Longleat House

HMC Bath – HMC, *Report on the Manuscripts of the Most Honourable the Marquess of Bath* (London, 1968)

HMC Rutland HMC, Twelfth report, appendix, part iv – v, fourteenth, part I, The Manuscripts of His Grace the Duke of Rutland, GDC, preserved at Belvoir Castle, in 4 vol. (London, 1888–1895)

HMC Salisbury – HMC, *A calendar of the manuscripts of the Most Hon. The Marquis of Salisbury, K. G., & c, preserved at Hatfi eld House, Hertfordshire*, in 24 vol. vols (London, 1883–1976)

LP – Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547, ed. J. S. Brewer et al., in 21 vol. с приложениями (London, 1862–1932)

LPL–Lambeth Palace Library, London

NLS – National Library Scotland

ODNB – Oxford Dictionary of National Biography, ed. H. C. G. Matthew and Brian Harrison, in 60 vol. (Oxford, 2004)

Paget Papers – Paget Papers, Keele University

SP – State Papers, National Archives, London
Statutes – Statutes of the Realm, ed. A. Luders et. al.
TNA – The National Archives, Kew, London
TRHS – Transactions of the Royal Historical Society
TRP – Tudor Royal Proclamations

Библиография

Unpublished Sources

Manuscripts

Archivo General de Simancas, Spain
Estado 814, 812, 815, 949, 8340

Bibliothèque Nationale, Paris
Fonds Français MSS 15970, Fonds Italien MS 1732

Bodleian Library, Oxford
Ashmole MS, Rawlinson MS, Tanner MS

British Library, London
Additional MSS 12506, 12507, 15914, 19401, 26056, 27401, 30078, 32379, 35183, 35324, 35830, 35831, 37749, 44839, 48018, 48023, 48027, 48049, 70093; Egerton 2124, 2806, 2836; Cotton Caligula C II; Cotton Caligula C IX; Cotton Caligula B X; Cotton Caligula D I; Cotton Caligula E V; Cotton Julius F VI; Cotton Nero B III; Cotton Faustina E I; Cotton Vespasian F XII; Cotton Vitellius C VII; Cotton Titus B II; Cotton Titus F I; Cotton Titus F III; Cotton Vitellius C VII; Cotton Galba E VI; Royal App 68; Stowe MS 143, 145, 147, 167, 555, 557; Tanner 76; Harleian MS 260, 290, 787, 1582, 5176, 6035, 6286, 6850, 6949; Lansdowne MS 29, 30, 33, 39, 41, 43, 62, 72, 102, 128, 703, 982, 1236; Sloane MS 326, 3846

Hatfield House, Herts
Cecil Papers

Keele University Library, Staffordshire
Paget Papers

Lambeth Palace Library, London
MS 604, 651, 664, 3197, 3199, 3201

Longleat House
Dudley Papers

The National Archives, London
C 66, 115; SP 10, 12, 15, 27, 31, 46, 52, 53, 56, 63, 70, 78, 83; E 351/3145; LC 2, 4, 3, 5; KB 8/40, KB 8/55, 31/3

National Library of Scotland, Edinburgh

Advocates MS 1.2

St John's College, Cambridge
MS I.30

PhD Theses

Brogan, Stephen, 'The Royal Touch in Early Modern England: its Changing Rationale and Practice', Birkbeck, University of London, 2011

Bundesen, Kristin, ‚No Other Faction but My Own: Dynastic Politics and Elizabeth I‘s Carey Cousins‘, University of Nottingham, 2008

Goldsmith, H., ‚All the Queen‘s Women: the Changing Place and Perception of Aristocratic Women in Elizabethan England, 1558–1620‘, Northwestern University, 1987

Merton, Charlotte, ‚The Women who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber, 1553–1603‘, Cambridge University, 1992

Published Sources

Primary

Acts of the Privy Council, ed. J. R. Dasent (London, 1890–1907)

Adams, S., 'The Lauderdale Papers 1561–1570: the Maitland of Lethington State Papers and Leicester Correspondence', *Scottish Historical Review,* 67 (1988), pp. 28–55

Allen, William, *An Admonition to the Nobility* (London, 1588)

Anon., *Cabala, Sive Scrinia Sacra: Mysteries of State and Government in Letters* (London, 1691)

– – – – 'Dudley and the Catholic Conspirators of 1561, An Anonymous History from Edward VI to December 1562', British Library MS Additional 48023, ff. 350–369 % 1563, in *Religion, Politics, and Society in Sixteenth-century England,* eds Ian W. Archer, Simon Adams, and George Bernard, Camden Society, 5th series, vol. 22 (Cambridge, 2003)

Arnold, Janet, *Lost from Her Majesties Back: Items of clothing and jewels lost or given away by Queen Elizabeth I between 1561 and 1585, entered in one of the day books kept for the records of the Wardrobe of the Robes* (Wisbech, 1980)

Bacon, Francis, 'Apophthegms', in *The Works of Francis Bacon,* ed. Basil Montague (London, 1823)

– – – – A Letter Written out of England… containing a True Report of a Strange Conspiracy (London, 1599)

Baker, J. H., ed. *Reports from the Lost Notebooks of Sir James Dyer,* 2 vols (London, 1994)

Beale, Robert, *A Treatise of the Office of a Councellor and Principall Secretarie to the Majestie, 1592,* in Conyers Read, *Mr Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth,* vol. 1 (Hamden, 1967)

'Ben Jonson's Conversations with William Drummond of Hawthornden', in *Ben Jonson,* eds C. H. Herford, P. Simpson, and E. Simpson (Oxford, 1925–1952)

Berry, Lloyd E., *John Stubbs's 'Gaping Gulf' with Letters and other Relevant Documents* (Charlottesville, Virginia, 1968)

Birch, Thomas, *Memoirs of the Reign of Queen Elizabeth, from the year 1581 till Death,* 2 vols (London, 1754)

Blackwood, Adam, *Martyre de la royne d'Escosse* (Edinburgh, 1588)

Bodin, Jean, *De la Demonomanie des Sorciers* (Anvers, 1580)

Bohun, Edmund, *The Character of Queen Elizabeth* (London, 1693)

Boorde, Andrew, *The Breuiary of Helthe, for all maner of syckenesses and diseases the which may be in man, or woman doth folowe* (London, 1547)

– – – – *The Fyrst Boke of the Introduction of Knowledge* (London, 1547)

Brenchley Rye, William, *England as Seen By Foreigners in the Days of Elizabeth and James the First* (London, 1865)

Bruce, John, 'Annals of the First Four Years of the Reign of Queen Elizabeth by Sir John Hayward', Camden Society (Cambridge, 1840)

– – – – *Letters of Queen Elizabeth and James VI of Scotland* (London, 1849)

– – – – *Correspondence of King James VI of Scotland* (London, 1861)

Bullein, William, *A newe boke of phisicke* (London, 1599)

– – – – *Bulwarke of defence againste all Sicknes, Sornes and Woundes* (London, 1562)

Calendar of Letters, Despatches and State Papers Relating to the Negotiations between England and Spain, Preserved in the Archives at Simancas and Elsewhere, ed. Royall Tyler, 13 vols (London, 1862–1954)

Calendar of the Manuscripts of His Grace the Duke of Rutland, 4 vols (London, 1888)

Calendar of the Manuscripts of Lord De L'Isle and Dudley, Preserved at Penshurst Place, 6 vols (London, 1933)

Calendar of Manuscripts of the Marquess of Bath at Longleat, Wilts, 3 vols (London, HMSO, 1908)

Calendar of the Manuscripts of the Most Hon. the Marquis of Salisbury, K.G, &c, Preserved at Hatfield House, Hertfordshire, 24 vols (London, 1883–1976)

Calendar of State Papers, Domestic Series, Addenda, 1566–1579, ed. M. A. Green (London, 1871)

Calendar of State Papers, Domestic Series of the Reigns of Edward VI, Mary, Elizabeth, 1547–1625, eds Robert Lemon and Mary Anne Everett Green, 12 vols (London, 1856–1872)

Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Elizabeth, eds Joseph Stevenson et al. (London, 1863–1950)

Calendar of State Papers and Manuscripts Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice and Other Libraries of Northern Italy, eds Rawdon Brown and G. Cavendish Bentinck, 38 vols (London, 1864–1947)

Calendar of State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas, Elizabeth, eds M. A. S. Hume et al. (London, 1892–1899)

Calendar of State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally at Rome at the Vatican Archives and Library, ed. J. M. Rigg (London, 1916–1926)

Calendar of State Papers Relating to Scotland and Mary Queen of Scots, eds Joseph Bain et al., 5 vols (Edinburgh, 1898–1952)

Camden, William, *Annales: The True and Royall History of the Famous Empresse Elizabeth…* (London, 1625)

Canestrini, G. and Desjardins, A., *Negociations Diplomatiques de la France avec la* Toscane, 5 vols (Paris, 1865–1875)

Carey, Robert, *The Memoirs of Robert Carey,* ed. F. H. Mares (Oxford, 1972)

Carleton, Dudley, 'Dudley Carleton to John Chamberlain 1603–1624' *in Jacobean Letters,* ed. Maurice Lee Jr (New Brunswick, 1972)

Castelnau, Michel de, *Memoires,* ed. Jacques Castelnau (Paris, *c.* 1621)

Catherine de Medicis, *Lettres de Catherine de Medicis,* ed. H. de la Ferrière-Percy (Paris, 1880)

Cecil, William, *The Execution of Justice in England for Maintenance of Publique and Christian Peace* (London, 1583)

Chamberlain, J., *The Letters of John Chamberlain,* ed. N. E. McClure (Philadelphia, 1939)

Chettle, Henry, England's Mourning Garment (London, 1603)

– – – – The History of the Most Renowned and Victorious Princess Elizabeth, Late Queen of England… (London, 1630)

Churchyard, R., *The Firste Parte of Churchyardes Chippes, Containing Twelve Severall Labours* (London, 1575)

Clapham, J., *Elizabeth of England: Certain Observations Concerning the Life and Reign of Queen Elizabeth,* eds E. P. Read and C. Read (Oxford, 1951)

Clay, W. K., ed.: *Liturgies and Occasional Forms of Prayer Set Forth in the Reign of Queen Elizabeth* (Cambridge, 1847)

Clifford, Arthur, *The State Papers and Letters of Sir Ralph Sadler,* 2 vols (London, 1809)

Clowes, William, *A Briefe and Necessarie Treatise Touching the Cure of the Disease Called Morbus Gallicus* (London, 1585)

– – – – A Right Fruitful and Approved Treatise for the Artificial Cure of that Malady Called in Latin Struma (London, 1602)

Coleccion de Documentos Inéditos para la Historia de Espana (Codoin), eds M. F. Navarete et al. (Madrid, 1842–1895)

Collection of State Papers, Relating to Affairs in the Reigns of King Henry VIII, King Edward VI, Queen Mary and Queen Elizabeth, from the Year 1542 to 1570, ed. Samuel Haynes (London, 1740)

Collins, A. F., ed.: *Jewels and Plate of Queen Elizabeth I: the Inventory of 1574,* from MS 1650 and Stowe MS 555 in the British Museum (London, 1955)

A Conference about the Next Succession to the Crowne of Ingland (Antwerp, 1594)

'The Count of Feria's Dispatch of 14 November 1558', eds M. J. Rodriguez-Salgado and S. Adams, *Camden Miscellany*, 27 (1984), pp.

302–344

Coxe, Francis, *A Short Treatise Declaring the Destestable Wickednesse of Magicall Sciences, as Necromancie, Coniurations of Spirites, Curiouse Astrologie and Such Lyke* (London, 1561)

Dalrymple, David, ed.: *The Secret Correspondence of Sir Robert Cecil with James VI* (Edinburgh, 1766)

Dee, John, 'The Compendious Rehearsal of John Dee', in *Hoannis, confratis & monachi Glastoniensis, chronica sive historia de rebus Glastoniensibus,* ed. T. Hearne, 2 vols (Oxford, 1726)

D'Ewes, Simonds, *The Journals of all the Parliaments in the Reign of Queen Elizabeth* (London, 1682)

Devereux, W. B., *Lives and Letters of the Devereux, Earls of Essex,* 2 vols (London, 1853)

Digges, Sir Dudley, *The Compleat Ambassador…* (London, 1655)

Donaldson, G., ed.: *The Memoirs of Sir James Melville of Halhill* (London, 1969 edn)

Dudley, Robert, Earl of Leicester, *Correspondence of Robert Dudley, Earl of Leycester, during His Government in the Low Countries, in the Years 1585 and 1586,* ed. John Bruce, Camden Society 27 (London, 1844)

Duncan-Jones, K. and Van Dorsten, J., *Miscellaneous Prose of Sir Philip Sidney* (Oxford, 1973)

Eliot, George, *A very true report of the apprehension and taking of that Arche Papist Edmund Campion the Pope his right hand, with three other lewd Jesuite priests, and divers other Laie people, most seditious persons of like sort* (London, 1581)

Elizabeth I, Collected Works, eds Leah S. Marcus, Janel Mueller and Mary Beth Rose (London, 2000)

– – – – *Letters of Queen Elizabeth,* ed. G. B. Harrison (New York, 1968)

Elizabeth I and James VI of Scotland, Letters of Queen Elizabeth and King James VI of Scotland, ed. John Bruce (London, 1849)

Ellis, Henry, ed.: *Original Letters Illustrative of English History,* series 1–3 (London, 1824–46)

Elton, G. R., ed.: *The Tudor Constitution: Documents and Commentary* (Cambridge, 1972)

Fénélon, Bertrand de Salignac, Seigneur de La Mothe, *Correspondance Diplomatique*, ed. A. Teulet, 7 vols (Paris, 1838–1840)

Fisher, F. J., ed., 'The State of England Anno Dom. 1600 by Thomas Wilson', *Camden Miscellany* 16:52 (1936), pp. 1–43

Forbes, P., *A Full View of the Public Transactions in the Reign of Queen Elizabeth,* 2 vols (London, 1740)

Fulke, William, *Antiprognosticon, that is to saye, an invective against the vayne and unprofitable predictions of the astrologians as Nostradame*

(London, 1560)

Gachard, M., *Correspondance de Philippe II sur les affaires des Pays-Bas* (Brussels, 1851)

Gossip from a Muniment Room: Being Passages in the Lives of Anne and Mary Fitton, 1574–1618, ed. [A. E]. Newdigate-Newdegate (London, 1897)

The Great Bragge and challenge of M. Champion a Jesuite, commonlye called Edmunde Campion, lately arrived in Englande, contayninge nyne articles here severallye laide downe, directed by him to the Lordes of the Counsail (London, 1581)

Halliwell, James, ed., *The Private Diary of Dr John Dee* (London, 1842)

Harington, Sir John, *A New Discourse of a Stale Subject Called the Metamorphosis of Ajax* (London, 1586)

– – – – *Nugae Antiquae: Being a miscellaneous collection of original papers…* by *Sir John Harington, Knt,* ed. T. Park, 2 vols (London, 1804)

– – – – *A Tract on the Succession of the* Crown (1602), ed. C. R. Markham (London, 1880)

– – – – *Letters and Epigrams,* ed. N. E. McClure (Oxford, 1930)

Harrison, Brian A., ed. *A Tudor Journal: The Diary of a Priest in the Tower, 1580–1585* (London, 2000)

Harrison, G. B., *The Letters of Queen Elizabeth* (London, 1935)

Hayward, J., *Annals of the First Four Years of the Reign of Queen Elizabeth* (London, 1840)

Hentzner, P., *A Journey into England in 1598* (Edinburgh, 1881–1882)

Historical Manuscripts Commission, *Third Report of the Royal Commission on Historical Manuscripts, Appendix,* London, 1872

Holinshed, Raphael, *Holinshed's 'Chronicles of England, Scotland and Ireland',* ed. Henry Ellis, 6 vols (London, 1807–1808)

Howell, T. B., *A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason,* 21 vols (London, 1816–1826)

'A Journal of Matters of State happened from time to time as well within and with out the realme from and before the death of King Edw. the 6th until the yere 1562', in *Religion, Politics and Society in Sixteenth-century England,* eds I. W. Archer, S. Adams and G. W. Bernard, Camden Society, 5th series, vol. 22 (2003)

Klarwill, Victor von, ed., *Queen Elizabeth and Some Foreigners, being a series of hitherto unpublished letters from the archives of the Habsburg family* (London, 1928)

Labanoff, A., *Lettres, Instructions et Memoires de Marie Stuart, Reine d'Ecosse,* vols 1–5 (Paris, 1844–1854)

Lefevre, Joseph, *Correspondance de Philippe II sur les Affaires des Pays-Bas,* 2 vols (Brussels, 1940–1956)

Leicester s Commonwealth: The Copy of a Letter Written by a Master of Art Cambridge (1584) and other Related Documents, ed. D. C. Peck (Athens, 1985)

Le Laboureur, J., *Nouvelles Additions aux Memoires de Michel de Castelnau, Seigneur de la Mauvissiere,* 3 vols (Brussels, 1731)

Lettenhove, J. M. B. C. Kervyn de, *Relations politiques des Pays-Bas et de l'Angleterre, sous le règne de Philippe II,* 11 vols (Brussels, 1882–1900)

The Letters and Despatches of Richard Verstegan, c. 1550–1640, vol. 52, ed. A. G. Petti (London, 1959)

Lodge, E., *Illustrations of English History, Biography and Manners…* 2nd edn, 2 vols (London, 1938)

McClure, Norman Egbert, ed. *Letters of John Chamberlain,* 2 vols (Philadelphia, 1939)

Machyn, Henry, *The Diary of Henry Machyn,* ed. John Gough Nichols, Camden Society, 42 (London, 1848)

Maisse, André Hurault, Sieur de, *A Journal of All that Was Accomplished by Monsieur de Maisse, Ambassador in England from King Henry IV to Queen Elizabeth, Anno Domini 1597,* edited and translated by G. B. Harrison and R. A. Jones (London, 1931)

The Manuscripts ofHis Grace the Duke of Rutland, K. G., Preserved at Belvoir Castle, 4 vols (London, 1888–1905)

Melville, Sir James, *Memoirs of Sir James Melville of Halhill,* ed. Gordon Donaldson (London, 1969)

Millington, Thomas, *The True Narration of the Entertainment of his Majesty from his Departure from Edinburgh till his Receiving at London,* in *Stuart Tracts 1603–1693,* ed. C. H. Frith (New York, 1964)

Mulcaster, Richard, *The Passage of Our Most Drad Soveraigne Lady Quene Elizabeth through the Citie of London to Westminster, the Daye before Her Coronacion* (London, 1559)

Munday, Anthony, *A Breede Discourse of the Taking of Edmund Campion, the Seditious Jesuit, and Divers other Papistes, in Barkeshire* (London, 1581)

– – – – *A breefe Answer made unto two seditious Pamphlets, the one printed in French, and the other in English. Contayning a defence of Edmund Campion and his complices, their moste horrible and unnaturall Treasons, against her Majestie and the Realme* (London, 1581)

– – – – A *Discoverie of Edmund Campion, and his Confederates, their Most Horrible and Traitorous Practises, against her Majesties Most Royall Person, and the Realme* (London, 1582)

Murdin, W., *A Collection of State Papers Relating to affairs in the reign of Elizabeth I from 1542 to 1560 left by William Cecil: Lord Burghley* (London, 1759)

Naunton, Sir Robert, *Elizabeth: Fragmenta Regalia* (London, 1641)

Newton, T., *An Epitaphe Upon the Worthy and Honourable Lady, the Lady Knowles* (London, 1569)

Nichols, J. G., *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth,* 3 vols (London, 1823)

Nicolas, Sir (Nicolas) Harris, *Memoirs of the Life and Times of Sir Christopher Hatton* (London, 1847)

Norton, Thomas and Sackville, Thomas, *Gorboduc or Ferrex and Porrex*, ed. I. B. Cauthen Jr (London, 1970)

Nowell, Alexander, *A Catechism Written in Latin by Alexander Nowell, Dean of St Paul's… Together with the Same Catechism Translated into English by Thomas Norton, Appended is a Sermon Preached by Dean Nowell Before Queen Elizabeth… January 11, 1563,* ed. G. E. Corrie (Cambridge, 1853)

An Order of Praier and Thankes-giving, for the preservation of the Queenes Majesties life and safetie… With a short extract of William Parries voluntarie confession, written in his own hand (London, 1585)

Osborne, Francis, *Traditional Memoirs on the Reign of Queen Elizabeth, In the Miscellaneous Works of that Eminent Statesman, Francis Osborne, Esq,* 2 vols (London, 1722)

'Papers Relating to Mary Queen of Scots, Mostly Addressed to or Written by Sir Francis Knollys', *Philobiblon Society Miscellanies,* 14 (1872), pp. 14–69

Parker, Matthew, *Correspondence of Matthew Parker,* eds John Bruce and T. T. Perowne (Cambridge, 1913)

Peck, D. C. (ed.), 'News from Heaven and Hell: A Defamatory Narrative of the Earl of Leicester', *English Literary Renaissance,* 8 (1978), pp. 141–158

– – – – ed., 'The Letter of Estate: An Elizabethan Libel', *Notes and Queries*, n.s. 28 (February, 1981), pp. 21–35

– – – – ed., *Leicester's Commonwealth: The Copy of a Letter written by a Master of the Art of Cambridge (1584) and Related Documents* (Ohio, 1985)

Persons, Robert, *The Judgement of a Catholicke English-man, Living in Banishment For His Religion* (Saint Omer, 1608)

– – – – *A Discussion of the Answere of M. William Barlowe* (Saint Omer, 1612)

Planché, J. R., *Regal Records, or a Chronicle of the Coronations of Queens Regnant of England* (London, 1838)

Platt, Hugh, *Delightes for Ladies, to adorn their Persons, Tables, closets and distillatories with Beauties, banguets, presumes and Waters* (London, 1608)

Platter, Thomas, *Thomas Platters' Travels in England,* ed. Clare Williams (London, 1937)

Pollen, J. H., *Papal Negotiations with Mary, Queen of Scots during*

her Reign in Scotland 1561–1567 (Edinburgh, 1901)

– – – – 'Queen Mary's Letter to the Duke of Guise January 1562', *Scottish Historical Society, 43 (1904)*

– – – – 'Memoirs of Robert Persons, SJ', *Catholic Record Society,* 2 (1905) and 4 (1907)

– – – – ed. and trans., 'Lethington's Account of Negotiations with Elizabeth Edinburgh in September and October 1565', *Scottish History Society,* vol. XLIII (Jan, 1904), pp. 38–45, p. 39

Poullet, E. and Piot, Charles, *Correspondance du Cardinal Granvelle,* vols 1–9 (Brussels, 1878–1896)

Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I, 1558–1581, ed. T. E. Harley, 3 vols (London, 1981–1995)

Puttenham, George, *The Arte of English Poesie* (Kent, OH, 1970)

Ralegh, Sir Walter, *The Letters of Sir Walter Ralegh,* eds Agnes Latham and Joyce Youngs (Exeter, 1999)

Read, Conyers, ed., *The Bardon Papers: Documents Relating to the Imprisonment & Trial of Mary Queen of Scots,* Camden Society, third series, 17 (London, 1909)

– – – – ed., 'The Proposal to Assassinate Mary Queen of Scots at Fotheringhay', *English Historical Review*, 40 (1925), pp. 234–235

Robinson, H., *The Zurich Letters,* 2 vols, Parker Society (Cambridge, 1842–1845)

Sanders, Nicholas, *Historia ecclesiastica del scisma del regno de Ingleterra… hasta la muerte de la reyne de Escocia* (Madrid, 1588)

Scot, Reginald, *The Discoverie of Witchcraft* (London, 1584)

Secret History of the Most Renowned Q. Elizabeth and the E. of Essex by a Person of Quality (Cologne, 1680)

Sidney, Sir Henry, *Letters and Memorials of State in the Reigns of Queen Mary, Queen Elizabeth, King James, King Charles the First… Written and Collected by Sir Henry Sidney,* ed. Arthur Collins, 2 vols (London, 1746)

Sidney, Sir Philip, *The Correspondence of Sir Philip Sidney and Hubert Languet,* ed. Steuart A. Pears (London, 1845)

Smith, Sir Thomas, 'Sir Thomas Smith's Orations for and against the Queen's Marriage', in *The Life of the Learned Sir Thomas Smith,* John Strype, Appendix III (Oxford, 1820)

Southwell, Robert, *An Humble Supplication to her Majestie* (London, 1600)

Spenser, Edmund, *The Faerie Queene* (London, 1590)

Statutes of the Realm, eds A. Luders et al., 11 vols (London, 1810–1828)

Stowe, John, *Chronicles of England* (London, 1580)

– – – – *Three Fifteenth-century Chronicles: with Historical Memoranda, by John Stowe, the Antiquary, and Contempory Notes of*

Occurances Written by him in the Reign of Queen Elizabeth, ed. James Gairdner (London, 1880)

Strype, John, *Annals of the Reformation and Establishment of Religion and other Various Occurrences in the Church of England During Queen Elizabeth's Happy Reign* (Oxford, 1728) (repr. 1820–1840)

– – – – *Ecclesiastical Memorials…* (Oxford, 1820–1840)

– – – – *The Life of the Learned Sir Thomas Smith* (Oxford, 1820)

Stubbes, Philip, *The Anatomie of Abuses* (London, 1583)

Stubbs, John, *The Discoverie of a Gaping Gulf Whereinto England is like to be Swallowed by another French marriage, if the Lord forbids not the bans…* (London, 1579)

Teulet, *Relations Politiques de la France et de L'Espagne avec L'Ecosse au XVIe siècle,* 3 vols (Paris, 1826)

Throckmorton, Francis, *A Discoverie of Treasons Practised and Attempted against the Queenes Majestie and the Realme* (London, 1584)

Tooker, William, *Charisma Sive Donum Sanationis* ('The *Royal Gift of Healing*') (London, 1597)

A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554–1640 AD, ed. Edward Arber, 5 vols (London, 1875–1894)

A True and Plaine Declaration of the horrible Treasons, practised by William Parry, the Traitor, against the Queenes Majestie. The maner of his Arraignment, Conviction, and execution, together with the copies of sundry letters of his and others, tending to divers purposes, for the proofes of his Treasons (London, 1585)

Tudor Royal Proclamations, eds Paul L. Hughes and James F. Larkin, 3 vols (New Haven, 1964–1969)

Vertot, R. A. and Villaret, C., *Ambassades de Messieurs de Noailles en Angleterre,* 5 vols (Leyden, 1763)

Vives, J. L., *On Education,* trans. F. Watson (Cambridge, 1913)

– – – – *De Institutione Feminae Christianae,* 2 vols, eds C. Fantazzi and C. Matheussen (Leiden, 1996)

Von Klarwill, Victor, *The Fugger News-Letter,* 2nd series (London, 1926)

– – – – *Queen Elizabeth and Some Foreigners; Being a Series of Hitherto Unpublished Letters from the Archives of the Habsburg family,* trans. T. H. Nash (London, 1928)

Walsingham, Francis, 'Journal of Sir Francis Walsingham from December 1570 to April 1583', *Camden Miscellany* VI, Camden Society, Original series 106 (London, 1871)

Watson, F., ed., *Vives and the Renascence Education of Women* (London, 1912)

Weiss, Charles, *Papiers d'Etat du Cardinal Granvelle,* 9 vols (Paris, 1841–1852)

Wilson, Thomas, 'A Treatise of England's Perils, 1578', ed. A. J.

Schmidt, *Archiv für Reformations Geschichte,* 46 (1955), pp. 243–249

Wright, T., *Queen Elizabeth and her Times: a Series of Original letters, Selected from the Inedited Private Correspondence of the Lord Treasurer Burghley, the Earl of Leicester, the Secretaries Walsingham and Smith, Sir Christopher Hatton, and most of the distinguished persons of the period,* 2 vols (London, 1838)

Wriothesley, Charles, *A Chronicle of England,* ed. W. D. Hamilton, Camden Society, NS 20 (London, 1877)

Yorke, Philip, 2nd Earl of Hardwicke, ed. *Miscellaneous State Papers, from 1501 to 1726,* 2 vols (London, 1778)

Secondary

Adams, Robyn, 'A Spy on the Payroll? William Herle and the Mid-Elizabethan Polity', *BIHR,* 82 (2009), pp. 1–15

Adams, Simon, 'Eliza Enthroned? The Court and Its Politics', in *The Reign of Elizabeth I,* ed. C. Haigh (London, 1984), pp. 55–77

– – – – 'The Release of Lord Darnley and the failure of the amity', in *Mary Stewart: Queen in Three Kingdoms,* ed. M. Lynch (Oxford, 1988)

– – – – 'Favourites and Factions at the Elizabethan Court', in *Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age,* eds Ronald G. Asch and Adolf M. Burke (Oxford, 1991), pp. 265–268

– – – – *Leicester and the Court: Essays on Elizabethan Politics,* especially 'Queen Elizabeth's Eyes at Court: The Earl of Leicester', pp. 130–150 (Manchester, 2002)

– – – – *ODNB* entries for: 'Brooke, Frances, Lady Cobham (b. after 1530, *d.* 1592)'; 'Dudley, Amy, Lady Dudley (1532–1560)'; 'Dudley, Anne, Countess of Warwick (1548/9–1604)'; 'Dudley, Robert, Earl of Leicester (1532/3–1588)'; 'Howard, Katherine, Countess of Nottingham (1545/50–1603)'; 'Radcliffe, Mary (*c.* 1550–1617/18)'; 'Scudamore, Mary, Lady Scudamore (*c.* 1550–1603)'; 'Sheffield, Douglas, Lady Sheffield (1542/3–1608)'; 'Sidney, Mary, Lady Sidney (1530/35–1586)'; 'Stafford, Dorothy, Lady Stafford (1526–1604)'; 'Sutton, Edward, 4th Baron Dudley (*c.* 1515–1586)' (Oxford, 2004 and online edn. 2007–11)

Adler, Doris, 'Imaginary Toads in Real Gardens', *English Literary Renaissance,* 11 (1981), pp. 235–260

Alford, S., *The Early Elizabethan Polity: William Cecil and the British Succession Crisis, 1558–1569* (Cambridge, 1998)

– – – – *Burghley: William Cecil at the Court of Elizabeth I* (New Haven, 2008)

– – – – *The Watchers: A Secret History of the Reign of Elizabeth I* (London, 2012)

Allinson, R., 'These latter days of the world: the correspondence

of Elizabeth I and James VI, 1590–1603', *Early Modern Literary Studies,* XVI (2007), pp. 1–27

Alvarez-Recio, Leticia, 'Contemporary visions of Mary Stuart's execution: saintliness and vilification', in *The Rituals and Rhetoric of Queenship: Medieval to Early Modern,* eds Liz Oakley-Brown and Louise J. Wilkinson (Dublin, 2009), pp. 209–221

Anstruther, Godfrey, *The Seminary Priests: Elizabethan 1558–1603* (Ware and Durham, 1969)

Archer, Jayne, 'Rudenesse itself She Doth Refine: Queen Elizabeth I as Lady Alchymia', in *Goddesses and Queens: The Iconography of Queen Elizabeth I,* eds A. Connolly and L. Hopkins (Manchester, 2008)

– – – – Goldring, Elizabeth and Knight, Sarah, *The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I* (Oxford, 2007)

Arnold, Janet, 'The "Coronation" Portrait of Queen Elizabeth I', *Burlington Magazine,* 120 (November, 1978), pp. 727–741

– – – – 'Sweet England's Jewels', in *Princely Magnificence: Court Jewels of the Renaissance 1500–1630,* ed. Anna Somers Cocks (London, 1980), pp. 31–40

– – – – 'The Picture of Elizabeth I when Princess', *Burlington Magazine,* 123 (l981), pp. 303–304

– – – – *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd* (Leeds, 1988)

Asch, Ronald G., 'A Difficult Legacy: Elizabeth I's Bequest to the Early Stuarts', in *Queen Elizabeth I: Past and Present,* ed. Christa Jansohn (Munster, 2004), pp. 29–44

Ashelford, J., *A Visual History of Costume: The Sixteenth Century* (London, 1983)

– – – – *Dress in the Age of Elizabeth I* (Avon, 1988)

Auerbach, Erna, *Tudor Artists* (London, 1954)

– – – – *Nicholas Hilliard* (London, 1961)

Axton, Marie, 'The Influence of Edmund Plowden's Succession Treatise', *Huntington Library Quarterly,* 37 (3) 1974, pp. 209–226

– – – – *The Queen's Two Bodies: Drama and the Elizabethan Succession* (London, 1977)

Bakan, R., 'Queen Elizabeth I: a Case of Testicular Feminisation?', *Medical Hypotheses,* 17.3 (1985), pp. 277–284

Barnes, K., 'John Stubbs, 1579: The French Ambassador's Account', *Historical Research,* 64 (1991), pp. 421–426

Barrett-Graves, Debra, 'Highly touched in honour: Elizabeth I and the Alençon controversy', in *Elizabeth I: Always Her Own Free Woman,* eds Carole Levin et al. (Aldershot, 2003), pp. 43–62

Bartlett, Kenneth, 'Papal Policy and the English Crown 1563–1565: The Bertano Correspondence', *Sixteenth-century Journal,* 23 (1992), pp. 643–659

Barton, A., 'Harking Back to Elizabeth: Ben Jonson and Caroline

Nostalgia', *English Literary History,* XLVIII (1981), pp. 706–731

Bassnett, Susan, *Elizabeth I: A Feminist Perspective* (Oxford, 1988)

Bates, Catherine, *The Rhetoric of Courtship in Elizabethan Language and Literature* (Cambridge, 1992)

Bayne, C. G., *Anglo-Roman Relations 1558–1565* (Oxford, 1913)

Beem, Charles, *The Lioness Roared: The Problems of Female Rule in English History* (New York, 2006)

Beer, Anna, *Bess, The Life of Lady Ralegh, Wife to Sir Walter* (London, 2004)

Bell, Iona, 'Souereaigne Lord of Lordly Lady of this Land: Elizabeth, Stubbs and the Gaping Gulf', in *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana,* ed. Julia M. Walker (Durham, NC, 1998), pp. 99–117

– – – – 'Elizabeth and the Politics of Elizabethan Courtship', in *Elizabeth I: Always Her Own Free Woman*, eds Carole Levin et al. (Aldershot, 2003), pp. 179–191

Bellamy, John, *The Tudor Law of Treason* (London, 1979)

Belsey, A. and Belsey, C., 'Icons of Divinity: Portraits of Elizabeth I', in *Renaissance Bodies: The Human Figure in English Culture, c. 1540–1660,* eds Lucy Gent and Nigel Llewellyn (London, 1990), pp. 11–35

Bergeron, David M., *English Civic Pageantry 1558–1642* (Columbia, 1971)

Bernard, G. W., 'The Downfall of Sir Thomas Seymour', in *The Tudor Nobility*, ed. G. W. Bernard (Manchester, 1992), pp. 212–240

Berry, Philippa, *Of Chastity and Power: Elizabethan Literature and the Unmarried Queen* (London, 1989)

Bertelli, Sergio, *The King's Body: Sacred Rituals of Power in Mediaeval and Early Modern Europe,* trans. R. Burr Litchfield (Pennsylvania, 2001)

Betts, Hannah, ' "The Image of this Queene so quaynt": The Pornographic Blazon 1588–1603', in *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana,* ed. Julia M. Walker (Durham, NC, 1998), pp. 153–184

Bevington, David, 'Lyly's *Endymion* and *Midas:* The Catholic Question in England', *Comparative Drama,* 32 (1998), pp. 26–46

Bindoff, S. T., Hurtsfield, J. and Williams, C. H., eds, *Elizabethan Government and Society: Essays Presented to Sir John Neale* (London, 1961)

Bingham, Caroline, *Darnley: a Life of Henry Stuart, Lord Darnley, Consort of Mary Queen of Scots* (London, 1995)

Bloch, Marc, *The Royal Touch: Sacred Monarchy and Scrofula in England and France,* trans. J. E. Anderson (London, 1973)

Bossy, John, 'English Catholics and the French Marriage, 1577–81', *Recusant History,* 5 (1959), pp. 2–16

– – – – ‘The Character of Elizabethan Catholicism’, *Past and Present,* 21 (1962), pp. 39–59

– – – – ‘Rome and the Elizabethan Catholics: A Question of Geography’, *Historical Journal,* 7 (1964), pp. 135–149

– – – – *Giordano Bruno and the Embassy Affair* (New Haven and London, 1991)

Bowler, Gerard, ‘An Axe or an Act: the Parliament of 1572 and Resistance Theory in Early Elizabethan England’, *Canadian Journal of History,* 19.3 (1984), pp. 349–359

Bowman, Mary R., ‘She There as Princess Rained: Spenser’s Figure of Elizabeth’, *Renaissance Quarterly,* 43 (1990), pp. 509–528

Boyle, Andrew, ‘Cultural Life and the Exercise of Power at the Residences of Henry Fitzalan, Earl of Arundel, 1512–1580’, in *The Court as a Stage: England and the Low Countries in the Later Middle Ages,* eds S. Gunn and A. Janse (Woodbridge, 2006), pp. 169–182

Bradford, Charles Angell, *Blanche Parry: Queen Elizabeth’s Gentlewoman* (London, 1935)

– – – – *Helena Marchioness of Northampton* (London, 1936)

Bradford, Hugh Morgan, *Queen Elizabeth’s Apothecary* (London, 1991)

Bray, Alan, *The Friend* (Chicago, 2003)

Breight, Curtis Charles, ‘Caressing the Great: Viscount Montague’s Entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591’, *Sussex Archaeological Collections,* 127 (1989), pp. 147–166

Brennan, Michael G., *The Sidneys of Penshurst and the Monarchy, 1500–1700* (Aldershot, 2006)

– – – – Kinnamon, Noel J. and Hannay, Margaret P., ‘Robert Sidney, the Dudleys and Queen Elizabeth’, in *Elizabeth I: Always Her Own Free Woman,* eds Carole Levin et al. (Aldershot, 2003), pp. 20–42

Brown, Elizabeth A., ‘Companion Me with My Mistress: Cleopatra, Elizabeth I and their Waiting Women’, in *Maids and Mistresses: Cousins and Queens: Women’s Alliances in Early Modern England,* eds Susan Frye and Karen Robertson (Oxford, 1999), pp. 131–145

Brownlow, F. W., ‘Performance and Reality at the Court of Elizabeth I’, in *The Mysteries of Elizabeth I,* eds Kirby Farrell and Kathleen Swaim (Amherst, 2003), pp. 3–20

Bundesen, K., ‘Circling the Crown: Political Power and Female Agency in Sixteenth-century England’, in *Desperate Housewives: Politics, Propriety and Pornography: Three Centuries of Women in England,* ed. J. Jordan (Cambridge, 2009), pp. 3–28

– – – – ‘Lousy with cousins: Elizabeth I’s family at court’, in *The Rituals and Rhetoric of Queenship: Medieval to Early Modern,* eds Liz Oakley-Brown and Louise J. Wilkinson (Dublin, 2009), pp. 74–89

Burt, Richard, ‘Doing the Queen: Gender, Sexuality and

Censorship of Elizabeth I's Royal Image from Renaissance Portraiture to Twentieth-Century Mass Media', in *Literature and Censorship in Renaissance England,* ed. Andrew Hadfield (London, 2001), pp. 207–228

Butler, E. C. and Pollen, J. H., 'Dr William Gifford in 1586', *The Month*, 103 (1902) pp. 243–258; pp. 349–365

Canny, Nicholas, *The Elizabethan Conquest of Ireland: A Pattern Established* (Hansocks, 1976)

Carlton, Charles, Woods, Robert L., Robertson, Mary L. and Block, Joseph S., eds *State, Sovereigns and Society in Early Modern England: Essays in Honour of A. J. Slavin* (New York, 1998)

Carrafello, M. K., 'English Catholicism and the Jesuit Mission of 1580–1581', *Historical Journal* 37, pp. 761–774

Carroll, Stuart, *Martyrs and Murderers: The Guise Family and the Making of Europe* (Oxford, 2009)

Cavanagh, Shelia R., *Wanton Eyes and Chaste Desires: Female Sexuality in 'The Faerie Queen*' (Bloomington, 1994)

– – – – 'The Bad Seed: Princess Elizabeth and the Seymour Incident', in *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana,* ed. Julia M. Walker (Durham, NC, 1998), pp. 9–29

Cerasano, S. P. and Wynne-Davies, Marion, eds *Gloriana's Face: Women, Public and Private, in the English Renaissance* (London, 1992)

Chamberlin, Frederick, *The Private Character of Queen Elizabeth* (New York, 1922)

– – – – *The Sayings of Elizabeth* (London, 1923)

– – – – *Elizabeth and Leycester* (London, 1939)

Chambers, E. K., *The Elizabethan Stage,* 4 vols (Oxford, 1923)

Christy, Miller, 'Queen Elizabeth's Visit to Tilbury in 1588', *English Historical Review,* 34 (1919), pp. 43–61

Clifford, Henry, *The Life of Jane Dormer, Duchess of Feria,* ed. H. Stevenson (London, 1887)

Coch, Christine, 'Mother of My Contreye: Elizabeth I and Tudor Constructions of Motherhood', *English Literary Renaissance,* 26 (1996), pp. 423–450

Cole, Mary Hill, *The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony* (Amherst, 1999)

Collinson, Patrick, *Elizabethan Essays* (London, 1994)

– – – – 'The Elizabethan Exclusion Crisis and the Elizabethan Polity', *Proceedings of the British Academy,* 84 (1994), pp. 51–92

– – – – 'The Politics of Religion and the Religion of Politics in Elizabethan England', *BIHR* 82 (2009), pp. 74–92

Colvin, H. M., *The History of the King's Works,* vols III–IV, 1485–1660 (London, 1975–1982)

Content, Rob, 'Faire is Fowle; Interpreting Anti-Elizabethan

Composite Portraiture', in *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana,* ed. Julia N. Walker (Durham, NC, 1998), pp. 229–251

Cooper, J., *The Queen's Agent: Francis Walsingham at the Court of Elizabeth I* (London, 2011)

Copeman, W. S. C., *Doctors and Disease in Tudor Times* (London, 1960)

Crawford, Katherine, 'Cathérine de Médicis and the Performance of Political Motherhood', *Sixteenth-century Journal,* 31:3 (2000), pp. 643–673

Crawford, P. and Gowing, L., *Women's Worlds in Seventeenth-century England* (London, 2000)

Crawfurd, Raymond, *The King's Evil* (Oxford, 1911)

– – – – *Bonfires and Bells: National Memory and the Protestant Calendar in Elizabethan and Stuart England* (London, 1989)

Cressy, David, 'Binding the Nation: the Bonds of Association 1584 and 1696', in *Tudor Rule and Revolution: Essays for G. R. Elton from his American Friends,* eds Delloyd J. Guff and John W. McKenna (Cambridge, 1982), pp. 217–234

Croly, Christopher P., *Religion and English Foreign Policy, 1558–64* (Cambridge, 2000)

Crooper, Elizabeth, 'The Beauty of Women: Problems in the Rhetoric of Renaissance Portraiture', in *Rewriting the Renaissance: The Discourses of Sexual Difference in Early Modern Europe,* eds Margaret W. Ferguson, Maureen Quilligan and Nancy J. Vickers (Chicago, 1986), pp. 175–190

Cunnington, Cecil W. and Cunnington, Phillis, *A Handbook of English Costume in the Sixteenth Century* (London, 1962)

Dannenfeldt, K. H., 'Sleep: Theory and Practice in the Late Renaissance', *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences,* 41 (1986), pp. 415–441

Dawson, Jane E. A., 'Mary Queen of Scots, Lord Darnley and Anglo-Scottish Relations in 1565', *International History Review,* 8 (1986), pp. 1–24

– – – – 'Sir William Cecil and the British Dimension of Early Elizabethan Foreign Policy', *History,* 74 (1989), pp. 908–926

Daybell, James, ed. *Woman and Politics in Early Modern England, 1450–1700* (Aldershot, 2004)

De Lisle, Leanda, *After Elizabeth: How James King of Scots Won the Crown of England in 1603* (London, 2005)

– – – – *The Sisters Who Would be Queen: the tragedy of Mary, Katherine and Lady Jane Grey* (London, 2009)

Dewar, Mary, *Sir Thomas Smith* (London, 1964)

Dewhurst, J., 'The Alleged Miscarriages of Catherine of Aragon and Anne Boleyn', *Medical History,* 28 (1984), pp. 49–56

Dickens, A. G., 'The Elizabethans and St Bartholomew', in *The Massacre of St Bartholomew: Reappraisals and Documents,* ed. Alfred Soman (The Hague, 1974) pp. 52–70

Diefendorf, Barbara B., *Beneath the Cross: Catholics and Huguenots in Sixteenth-century Paris* (New York and Oxford, 1991)

Dillon, A., *The Construction of Martyrdom in the English Catholic Community, 1535–1603* (Aldershot, 2002)

Dimock, Arthur, 'The Conspiracy of Dr Lopez', *English Historical Review,* 9 (1894), pp. 440–472

Dolan, F. E., 'Taking the Pencil out of God's Hand: Art, Nature, and the Face-Painting Debate in Early Modern England', *PMLA,* CIII (1993), pp. 224–239

Doran, Susan, 'Why Did Elizabeth Not Marry', in *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana,* ed. Julia M. Walker (London, 1988), pp. 30–59

– – – – 'Religion and Politics at the Court of Elizabeth I: The Hapsburg Marriage Negotiations of 1559–67', *English Historical Review,* 104 (1989), pp. 908–926

– – – – 'Juno versus Diana: The Treatment of Elizabeth I's Marriages in Plays and Entertainments 1561–81', *Historical Journal,* 38 (1995), pp. 257–274

– – – – *Monarchy and Matrimony: The Courtships of Elizabeth I* (London, 1996)

– – – – ed., *Elizabeth: The Exhibition at the National Maritime Museum* (London, 2003)

– – – – and Freeman, T. S., eds *The Myth of Elizabeth* (Basingstoke, 2003)

– – – – and Jones, Norman, eds *The Elizabethan World* (Oxford, 2011)

Douglas, Mary, *Purity and Danger* (London: Routledge and Kegan Paul, 1966; reprint: 1996)

Dovey, Zillah, *An Elizabethan Progress: The Queen's Journey into East Anglia, 1578* (Teaneck, NJ, 1996)

Dunlop, Ian, *Palaces and Progresses of Elizabeth I* (New Haven, 1993)

Dunn, Jane, *Elizabeth and Mary: Cousins, Rivals, Queens* (New York, 2004)

Dunn-Hensley, Susan, 'Whore Queens: The Sexualised Female Body and the State', in *High and Mighty Queens of Early Modern England: Realities and Representations,* eds Carole Levin, Jo Eldridge Carney and Debra Barrett-Graves (Basingstoke, 2003), pp. 101–116

Eccles, A., *Obstetrics and Gynaecology in Tudor and Stuart England* (London, 1982)

Edwards, Francis, *The Marvellous Chance: Thomas Howard, Fourth*

Duke of Norfolk, and the Ridolphi Plot, 1570–1572 (London, 1968)

– – – – *Robert Persons: The Biography of an Elizabethan Jesuit 1545–1610* (St Louis, 1995)

– – – – *Plots and Plotters in the Reign of Elizabeth I* (Dublin, 2002)

Ekirch, R., 'Sleep We Have Lost: Pre-Industrial Slumber in the British Isles', *American Historical Review,* 106:2 (2001), pp. 343–386

Erikson, Carolly, *The First Elizabeth* (New York, 1983)

Finsten, Jill, *Isaac Oliver: Art at the Courts of Elizabeth I and James I* (New York, 1981)

Fischlin, Daniel, 'Political Allegory, Absolutist Ideology and the "Rainbow Portrait" of Queen Elizabeth I', *Renaissance Quarterly,* 50 (1997), pp. 175–206

Freeman, Arthur, *Elizabeth's Misfits. Brief Lives of English Eccentrics, Exploiters, Rogues and Failures, 1580–1660* (London, 1978)

Frye, Susan, 'The Myth of Elizabeth at Tilbury', *Sixteenth-century Journal,* 23 (1992), pp. 95–114

– – – – *Elizabeth I: The Competition for Representation* (Oxford, 1993)

– – – – 'Sewing Connections: Elizabeth Tudor, Mary Stuart, Elizabeth Talbot and Seventeenth-century Anonymous Needleworkers', in Susan Frye and Karen Robertson, eds *Maids and Mistresses, Cousins and Queens: Women's Alliances in Early Modern England* (Oxford, 1999), pp. 165–182

– – – – 'Elizabeth When a Princess: Early Self-Representations in a Portrait and a Letter', in *The Body of the Queen. Gender and Rule in the Courtly World,* ed. Regina Schulte (New York, 2006), pp. 43–60

Furdell, Elizabeth Lane, *The Royal Doctors 1485–1714: Medical Personnel at the Tudor and Stuart Courts* (New York, 2001)

– – – – 'Boorde, Andrew (*c.* 1490–1549)', *ODNB* Garrett, C. H., *The Marian Exiles: a Study in the Origins of Elizabethan Puritanism* (Cambridge, 1938)

– – – – *English Catholic Exiles in Late Sixteenth-century Paris* (Woodbridge, 2001)

Gibbons, K., 'No home in exile? Elizabethan Catholics in Paris', *Reformation,* XV (2010), pp. 115–131

Girouard, Mark, *Elizabethan Architecture: Its Rise and Fall, 1540–1640* (London, 2009)

Giry-Deloison, C., 'France and Elizabethan England', *Transactions of the Royal Historical Society,* XIV (2004), pp. 223–242

Gowing, Laura, *Common Bodies: Women, Touch and Power in Seventeenth-century England* (New Haven, 2003)

– – – – 'The Politics of Women's Friendship in Early Modern England', in *Love, Friendship and Faith in Europe, 1300–1800,* eds Laura Gowing, Michael Hunter and Miri Rubin (New York, 2005), pp. 131–

Graves, J., *A BriefMemoir of the Lady Elizabeth Fitzgerald, Known as the Fair Geraldine* (Dublin, 1874)

Graves, M. A. R., 'Thomas Norton, the Parliament Man', *Historical Journal,* 23:1 (1980), pp. 17–35

Green, Dominic, *The Double Life of Doctor Lopez* (London, 2003)

Green, Janet M., 'I My Self: Queen Elizabeth I's Oration at Tilbury Camp', *Sixteenth-century Journal,* 28 (1997), pp. 421–425

Greenblatt, Stephen J., *Sir Walter Ralegh, The Renaissance Man and His Roles* (New York, 1973)

Gristwood, Sarah, *Arbella: England's Lost Queen* (London, 2003)

– – – – *Elizabeth and Leicester: Power, Passion, Politics* (London, 2007)

Guilday, Peter, *Catholic Refugees on the Continent, 1558–1795: vol. I: The English Colleges and Convents in the Catholic Low Countries, 1558–1795* (London and New York, 1914)

Gunn, Fenja, *The Artificial Face: A History of Cosmetics* (New York, 1975)

Guth, Delloyd J., and McKenna, John W., eds, *Tudor Rule and Revolution* (Cambridge, 1982)

Guy, John, *'My Heart is My Own': The Life of Mary Queen of Scots* (London, 2004)

– – – – ed., *The Reign of Elizabeth I: Court and Culture in the Last Decade* (Cambridge, 1995)

Hackett, Helen, *Virgin Mother, Maiden Queen: Elizabeth I and the Cult of the Virgin Queen* (London, 1995)

– – – – 'The Rhetoric of (In)fertility: Shifting Responses to Elizabeth I's Childlessness', in *Rhetoric, Women and Politics in Early Modern England,* eds Jennifer Richards and Alison Thorne (London, 2007), pp. 149–171

Haigh, C. A., *The Reign of Elizabeth I* (London, 1984)

– – – – *Elizabeth I: Profile in Power* (London, 1988)

– – – – *Elizabeth I* (London, 2001)

Hammer, Paul E. J., 'Patronage at Court, Faction and the Earl of Essex', in *The Reign of Elizabeth I,* ed. John Guy (Cambridge, 1995), pp. 65–86

– – – – 'Upstaging the Queen: the Earl of Essex, Francis Bacon and the Accession Day Celebrations of 1595', in *The Politics of the Stuart Court Masque,* eds David Bevington and Peter Holbrook (Cambridge, 1998), pp. 41–66

– – – – *The Polarisation of Elizabethan Politics: The Political Career of Robert Devereux, 2nd Earl of Essex, 1585–1597* (Cambridge, 1999)

– – – – 'Sex and the Virgin Queen: Aristocratic Concupiscence and the Court of Elizabeth I', *Sixteenth-century Journal,* 3:1 (2000), pp. 77–

Hansen, Elizabeth, 'Torture and Truth in Renaissance England', *Representations,* 34 (1991), pp. 53–84

Harkness, Deborah, *John Dee's Conversations with Angels* (Cambridge, 1999)

– – – – *The Jewel House: Elizabethan London and the Scientific Revolution* (New Haven, 2007)

Harrison, G. B., *An Elizabethan Journal,* 3 vols (London, 1928)

Haugaard, W. P., 'Elizabeth Tudor's Book of Devotions; A Neglected Clue to the Queen's Life and Character', *Sixteenth-century Journal,* 12:2 (1981), pp. 79–106

Hawkins, Edward, Franks, Augustus W. and Grueber, Herbert A., *Medallic Illustrations of the History of Great Britain and Ireland to the Death of George II* (London, 1885)

Haynes, Alan, *The White Bear: the Elizabethan Earl of Leicester* (London, 1987)

– – – – *Invisible Power: the Elizabethan Secret Services, 1570–1603* (Stroud, 1992)

– – – – *Sex in Elizabethan England* (Stroud, 1997)

Hayward, Maria, 'Dressed to Impress', in *Tudor Queenship: The Reigns of Mary and Elizabeth,* eds Alice Hunt and Anna Whitelock (Basingstoke, 2010), pp. 81–94

Hearn, Karen, ed., *Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England, 1530–1630* (London, 1995)

– – – – and Croft, Pauline, 'Only Matrimony Maketh Children To Be Certain… Two Elizabethan Pregnancy Portraits', *British Art Journal,* 3.3 (2002), pp. 19–24

Heath, James, *Torture and English Law: An Administrative and Legal History from the Plantagenets to the Stuarts* (London, 1982)

Hibbert, C., *The Virgin Queen: The Personal History of Elizabeth* (London, 1990)

Hicks, Leo, 'The Growth of a Myth: Father Robert Persons SJ, and Leicester's Commonwealth', *Studies: An Irish Quarterly,* 46 (1957), pp. 91–105

– – – – 'The Strange Case of Dr William Parry: The Career of an Agent-provocateur', *Studies: An Irish Quarterly,* 37 (1984), pp. 343–362

Highley, C., 'A Pestilent and Seditious Book: Nicholas Sander's *Schismatis Anglicano* and Catholic Histories of the Reformation', *Huntington Library Quarterly,* LXVII (2005), pp. 151–172

Holmes, Peter, 'The Authorship and Early Reception of *A Conference about the Next Succession to the Crown of England', Historical Journal,* 23 (1980), pp. 415–429

– – – – 'The Authorship of Leicester's Commonwealth', *Journal of Ecclesiastical History,* 33 (1982), pp. 424–430

– – – – *Resistance and Compromise: the Political Thought of Elizabethan Catholics* (Cambridge, 1982)

– – – – 'Mary Stewart in England', in *Mary Stewart, Queen in Three Kingdoms,* ed. Michael Lynch (Oxford, 1988), pp. 195–215

– – – – 'Stafford, William (1554–1612)', *ODNB* (Oxford, 2004; online edn, Oct 2007)

Horton-Smith, L. G. H., *Dr Walter Bailey 1529–1592: Physician to Queen Elizabeth* (St Albans, 1952)

Hoskins, A., 'Mary Boleyn's Carey Children and Offspring of Henry VIII', *Genealogists Magazine,* 25 (1997), pp. 345–352

Houliston, V., *Catholic Resistance in Elizabethan England: Robert Persons's Jesuit Polemic, 1580–1610* (Aldershot, 2007)

Howarth, David, *Images of Rule: Art and Politics in the English Renaissance, 1485–1649* (Los Angeles, 1997)

Hume, M. A. S., *The Courtships of Queen Elizabeth* (London, 1904)

Hunt, Alice, *The Drama of Coronation: Medieval Ceremony in Early Modern England* (Cambridge, 2008)

Hunt, Lynn, ed., *The Invention of Pornography: Obscenity and the Origins of Modernity, 1500–1800* (New York, 1993)

Hunter, Joseph, *Hallamshire: the History and Topography of the Parish of Sheffield in the Citie of York…* (London, 1819)

Hutchinson, Robert, *Elizabeth's Spy Master: Francis Walsingham and the Secret War that Saved England* (New York, 2007)

James, Henry and Walker, Greg, 'The Politics of Gorboduc', *English Historical Review,* 110 (1995), pp. 109–121

Jenkins, E., *Elizabeth the Great* (London, 1958)

– – – – *Elizabeth and Leicester* (London, 1961)

Jensen, D. L., *Diplomacy and Dogmatism: Bernardino de Mendoza and the French Catholic League* (Cambridge, 1988)

– – – – 'The Spanish Armada: The Worst-kept Secret in Europe', *Sixteenth-century Journal,* 19 (1988), pp. 621–641

Johnson, P., *Elizabeth I: A Study in Power and Intellect* (London, 1974)

Jones, Norman, *Faith by Statute: Parliament and the Settlement of Religion 1559* (London, 1982)

– – – – *The Birth of the Elizabethan Age: England in the 1560s* (Oxford, 1993)

– – – – 'Defining Superstitions: Treasonous Catholics and the Act Against Witchcraft of 1563', in *State, Sovereigns and Society: Essays in Early Modern English History in Honour of A. J. Slavin,* eds Charles Carlton et al. (London, 1998), pp. 187–203

Jones, N. and White, P. W., 'Gorboduc and Royal Marriages', *English Literary Renaissance,* 27 (1987), pp. 421–451

Jordan, Constance, 'Women's Rule in Sixteenth-century British

Political Thought', *Renaissance Quarterly,* 40 (1987), pp. 421–451

Judges, A. V., ed. *The Elizabethan Underworld* (London, 1965)

Kantorowicz, Ernst H., *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology* (Princeton, 1957)

Kaplan, M. Lindsay, *The Culture of Slander in Early Modern England* (Cambridge, 1997)

Kassel, Lauren, *Medicine and Magic in Elizabethan London: Simon Forman: Astrologer, Alchemist and Physician* (Oxford, 2005)

Kay, Dennis, 'She was a Queen, and Therefore Beautiful: Sidney, His Mother and Queen Elizabeth', *Review of English Studies,* 169 (February, 1992), pp. 18–39

Kegl, Rosemary, 'Those Terrible Aproches: Sexuality, Social Mobility and Resisting the Courtliness of Puttenham's *The Arte of English Poesie', English Literary Renaissance,* 20 (1990), pp. 179–208

Kendall, A., *Robert Dudley, Earl of Leicester* (London, 1980)

Kenny, R. W., *Elizabeth's Admiral. The Political Career of Charles Howard, Earl of Nottingham, 1556–1624* (Baltimore and London, 1990)

Kesselring, K. J., *The Northern Rebellion of 1569: Faith, Politics and Protest in Elizabethan England* (Basingstoke, 2007)

King, John N., *Tudor Royal Iconography: Literature and Art in an Age of Religious Crisis* (Princeton, 1989)

– – – – 'Queen Elizabeth I: Representations of the Virgin Queen', *Renaissance Quarterly,* 43 (1990), pp. 41–84

Kinghorn, Jonathan, 'A Privvie in Perfection: Sir John Harington's Water Closet', *Bath History,* 1 (1986), pp. 173–188

Lake, Peter, 'The Monarchical Republic of Elizabeth I, Revisited (by its Victims) as a Conspiracy', in *Conspiracies and Conspiracy Theory in Early Modern Europe: from the Waldensians to the French Revolution,* eds Barry Coward and Julian Swann (Aldershot, 2004), pp. 87–111

Lawson, J. A., 'This Remembrance of the New Year: Books Given to Queen Elizabeth as New Year's Gifts', in *Elizabeth I and the Culture of Writing,* eds P. Beal and G. Ioppolo (London, 2007), pp. 133–171

Leimon, M. and Parker, G., 'Treason and Plot in Elizabethan Diplomacy: the "Fame of Sir Edward Stafford" Reconsidered', *English Historical Review,* 111 (1996), pp. 1134–1158

Levin, Carole, 'Queens and Claimants: Political Insecurity in Sixteenth-century England', in *Gender, Ideology and Action,* ed. Janet Sharistanian (New York, 1986), pp. 41–66

– – – – 'We Shall Never Have a Merry World while the Queene lyveth: Gender, Monarchy and the Power of Seditious Words', in *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana,* ed. Julia M. Walker (London, 1988), pp. 77–98

– – – – 'Would I Could Give You Help and Succour: Elizabeth I and the Politics of Touch', *Albion,* 21:2 (1989), pp. 191–205

– – – – ‘Power, Politics, and Sexuality: Images of Elizabeth I’, in *The Politics of Gender in Early Modern Europe,* eds Jean R. Brink, Allison P. Coudert and Maryanne C. Horowitz (Kirksville, Missouri, 1989), pp. 95–110

– – – – *The Heart and Stomach of a King: Elizabeth I and the Politics of Sex and Power* (Pennsylvania, 1994)

– – – – ‘Elizabeth I: Dreams of Danger’, in *Queen Elizabeth: Past and Present,* ed. Christa Jansohn (Munster, 2004), pp. 9–28

– – – – and Sullivan, Patricia A., eds, *Political Rhetoric, Power and Renaissance Women* (Albany, 1995)

Levine, Mortimer, *Tudor Dynastic Problems 1460–1571* (London, 1973)

– – – – *The Early Elizabethan Succession Question, 1558–1568* (Stanford, 1966)

– – – – ‘A “Letter” on the Elizabethan Succession Question, 1566’, Huntington Library Quarterly, 19:1 (1995), pp. 13–38

Levy, F. J., ‘A Semi-Professional Diplomat, Guido Cavalcanti and the Marriage Negotiations of 1571’, *BIHR* 35 (1962), pp. 211–220

Lilly, Joseph, ed., *A Collection of Seventy-nine Black-Letter Ballads and Broadsides Printed in the Reign of Queen Elizabeth Between the Years 1559 and 1597* (London, 1867)

Linden, Stanton J., *Mystical Metal of Gold: Essays on Alchemy and Renaissance Culture* (New York, 2007)

Llewellyn, Nigel, *The Art of Death: Visual Culture in the English Death Ritual, c. 1500 – c. 1800* (London, 1991)

– – – – *Funeral Monuments in Post-Reformation England* (Cambridge, 1991)

Loomie, Albert J., *The Spanish Elizabethans: The English Exiles at the Court of Philip II* (London, 1963)

Loomis, Catherine, ‘Elizabeth’s Southwell’s Manuscript Account of the Death of Queen Elizabeth’, *English Literary Renaissance,* 26:3 (1996), pp. 482–509

– – – – *The Death of Elizabeth I: Remembering and Reconstructing the Virgin Queen* (Basingstoke, 2010)

Lovell, Mary S., *Bess of Hardwick: First Lady of Chatsworth, 1527–1608* (London, 2005)

Lynch, Michael, ‘Queen Mary’s Triumph: The Baptismal Celebrations at Stirling in December 1566’, *Scottish Historical Review,* 69 (1990), pp. 1–21

– – – – ed., *Mary Stewart: Queen in Three Kingdoms* (London, 1988)

MacCaffrey, Wallace T., *The Shaping of the Elizabethan Regime* (London, 1969)

– – – – ‘The Anjou Match and the Making of Elizabethan Foreign Policy’, in *The English Commonwealth 1547–1640: Essays Presented to*

Professor Joel Hurtsfield, eds Peter Clark, Alan G. T. Smith and Nicholas Tyacke (Leicester, 1979), pp. 59–75

– – – – *Queen Elizabeth and the Making of Policy, 1572–1588* (Princeton, 1981)

– – – – *Elizabeth I: War and Politics, 1588–1603* (Princeton, 1992)

– – – – *Queen Elizabeth I* (London, 1993)

– – – – 'The Newhaven Expedition, 1562–1563', *Historical Journal,* 40 (1997), pp. 1–21

McCoog, Thomas M., 'The English Jesuit Mission and the French Match, 1579–1581', *Catholic Historical Review,* 87 (2001), pp. 185–212

– – – – 'Construing Martyrdom in the English Catholic Community i582 – i602', in Ethan Shagan, ed. *Catholics and the 'Protestant Nation': Religious Politics and Identity in Early Modern England* (Manchester, 2005)

– – – – ed., *The Reckoned Expense: Edmund Campion and the English Jesuits* (Rome, 2007)

McCoy, R. C., 'From the Tower to the Tiltyard: Robert Dudley's return to glory', *Historical Journal,* 27 (1984), pp. 425–435

McCullough, P. E., 'Out of Egypt: Richard Fletcher's Sermon before Elizabeth I after the Execution of Mary, Queen of Scots', in *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana,* ed. Julia M. Walker (London, 1988), pp. 118–152

– – – – *Sermons at Court: Politics and Religion in Elizabethan and Jacobean Preaching* (Cambridge, 1997)

McGrath, Patrick, 'The Imprisonment of Catholics for Religion under Elizabeth I', *Recusant History,* 20 (1991), pp. 415–435

McKeen, David, *A Memory of Honour: The Life of William Brooke, Lord Cobham,* 2 vols (Vienna, 1986)

McLaren, A. N., *Political Culture in the Reign of Elizabeth I: Queen and Commonwealth, 1558–1585* (Cambridge, 1999)

– – – – 'The Quest for a King: Gender, Marriage and Succession in Elizabethan England', *Journal of British Studies,* 41 (2002), pp. 259–290

– – – – 'Gender, Religion and Early Modern Nationalism: Elizabeth I, Mary Queen of Scots, and the Genesis of English Catholicism', *American Historical Review,* 107:3 (2002), pp. 739–767

– – – – 'Memorialising Mary and Elizabeth', in *Tudor Queenship: the Reigns of Mary and Elizabeth,* eds Alice Hunt and Anna Whitelock (Basingstoke, 2010), pp. 11–30

Maclean, I., *The Renaissance Notion of Woman* (Cambridge, 1980)

McManus, Caroline, 'Reading the Margins: Female Courtiers in the Portraits of Elizabeth I', *English Literary Renaissance,* 32:2 (2002), pp. 189–213

Marcus, Leah S., 'Erasing the Stigma of Daughterhood: Mary I,

Elizabeth I, Henry VIII', in *Daughters and Fathers,* eds Linda E. Boose and Betty S. Flowers (Baltimore, 1989), pp. 400–417

Martin, Colin and Parker, Geoffrey, *The Spanish Armada* (London, 1988)

Mattingly, Garrett, *Renaissance Diplomacy* (Boston, 1955)

Maxwell, Robin, *The Queen's Bastard* (New York, 1999)

Mayer, Jean-Christophe, ed., *The Struggle for the Succession in Late Elizabethan England: Politics, Polemics and Cultural Representations* (Montpellier, 2004)

Mears, Natalie, 'Counsel, Public Debate, and Queenship: John Stubbs's The *Discoverie of a Gaping Gulf,* 1579', *Historical Journal,* 44 (2001), pp. 629–650

– – – – 'Politics in the Elizabethan Privy Chamber: Lady Mary Sidney and Kat Ashley', in *Women and Politics in Early Modern England, 1450–1700,* ed. James Daybell (Burlington, VT, 2004), pp. 67–82

– – – – *Queenship and Political Discourse in the Elizabethan Realms* (Cambridge, 2005)

– – – – 'Love-making and Diplomacy: Elizabeth I and the Anjou Marriage Negotiations, c. 1578–81', *History,* 86 (2001), pp. 442–466

Mehl, Dieter, 'Edmund Spenser's Gloriana: Elizabeth as "Faerie Queen"', in *Queen Elizabeth I: Past and Present,* ed. Christa Jansohn (Munster, 2004), pp. 89–100

Mendleson, Sara, 'Popular Perceptions of Elizabeth', in *Elizabeth I: Always Her Own Free Woman,* eds Carole Levin, Jo Elridge-Carney and Debra Barrett-Graves (Aldershot, 2003), pp. 192–214

– – – – and Patricia Crawford, *Women in Early Modern England, 1550–1720* (New York, 1998)

Merton, Charlotte, 'Women, Friendship and Memory', in *Tudor Queenship: The Reigns of Mary and Elizabeth,* eds Alice Hunt and Anna Whitelock (Basingstoke, 2010), pp. 239–550

– – – – 'Astley, Katherine (*d.* 1565)', *ODNB* (Oxford, 2004; online edn, Jan 2008)

Mikhaila, Ninya and Malcolm-Davies, Jane, *The Tudor Tailor: Reconstructing Sixteenth-century Dress* (London, 2006)

Montrose, Louis A., '"Shaping Fantasies": Figurations of Gender and Power in Elizabethan Culture', in *Representing the Renaissance,* ed. Stephen Greenblatt (Berkeley, 1988), pp. 31–64

– – – – 'Elizabeth through the Looking Glass: Picturing the Queen's Two Bodies', in *The Body of the Queen: Gender and Rule in the Courtly World,* ed. Regina Schulte (New York, 2006), pp. 61–87

– – – – *The Subject of Elizabeth: Authority, Gender and Representation* (Chicago, 2006)

Morey, Adrian, *The Catholic Subjects of Elizabeth I* (Guildford, 1978)

Morison, Margaret, 'A Narrative of the Journey of Cecilia, Princess of Sweden, to the Court of Queen Elizabeth', *Transactions of the Royal Historical Society,* n.s. 12 (1898), pp. 181–224

Mortimer, Ian, *Time Traveller's Guide to Elizabethan England* (London, 2012)

Nardizzi, Vincent Joseph, Guy-Bray, Stephen, Stockton, Will, eds, *Queer Renaissance Historiography, Backward Gaze* (Farnham, 2009)

Neale, J. E., 'Parliament and the Succession Question in 1562/3 and 1566', *English Historical Review* (1921), pp. 497–519

– – – – *Queen Elizabeth* (London, 1934)

– – – – *Elizabeth I and her Parliaments,* 2 vols (London, 1953)

– – – – 'The Fame of Sir Edward Stafford', *Studies in Elizabethan History* (1959), pp. 146–169

– – – – *Queen Elizabeth I* (London, 1998)

Nederman, C. J. and Langdon, K., eds, *Medieval Political Theory: The Quest for the Body Politic, 1100–1400* (London, 1993)

Norrington, Ruth, *In the Shadow of the Throne: The Lady Arbella Stuart* (London, 2002)

Oakley-Brown, Liz and Wilkinson, Louise J., eds, *The Rituals and Rhetoric of Queenship: Medieval to Early Modern* (Dublin, 2009)

Osterberg, Eva, *Friendship and Love, Ethics and Politics: Studies in Medieval and Early Modern History* (Budapest, 2010)

Oxford Dictionary of National Biography, eds H. C. G. Matthew and B. Harrison, 61 vols (Oxford, 2004), http: // www.oxforddnb.com

Parker, Geoffrey, *The Grand Strategy of Philip II* (New Haven and London, 1998)

– – – – 'The Place of Tudor England in the Messianic Vision of Philip II of Spain', *Transactions of the Royal Historical Society,* sixth series, 12 (2002), pp. 167–221

Parry, Glyn, 'John Dee and the Elizabethan British Empire in its European Context', *Historical Journal,* 49:3 (2006), pp. 643–675

– – – – *The Arch-Conjuror of England, John Dee* (London, 2011)

Peck, D. C., 'The Letter of Estate: An Elizabethan Libel', *Notes and Queries,* 28:1 (1981), pp. 31–34

Peck, G., 'John Hales and the Puritans during the Marian exile', *Church History,* 10 (1941) pp. 159–177

Perry, Maria, *The Word of a Prince: A Life of Elizabeth I from Contemporary Documents* (Woodbridge, 1990)

Petrina, Alessandra and Tosi, Laura, eds, *Representations of Elizabeth I in Early Modern Culture* (Basingstoke, 2011)

Phillips, James E., 'The Background of Spenser's Attitude Towards Women Rulers', *Huntington Library Quarterly,* 5 (1941–1942), pp. 5–32

– – – – *Images of a Queen: Mary Stuart in Sixteenth-century Literature* (Berkeley, 1964)

Plowden, Alison, *Danger to Elizabeth: the Catholics under Elizabeth I* (London, 1973)

– – – – *Marriage with My Kingdom: The Courtships of Elizabeth I* (London, 1977)

– – – – 'Throckmorton, Francis (1554–1584)', *ODNB* (Oxford, 2004; online edn, May 2007)

Pollen, J. H., 'The Question of Queen Elizabeth's Successor', *The Month,* 101 (1903), pp. 517–532

– – – – *The English Catholics during the Reign of Queen Elizabeth: A Study of their Politics, Civil Life and Government 1558–1580* (London, 1920)

– – – – ed., *Papal Negotiations with Mary, Queen of Scots during Her Reign in Scotland, 1561–1567* (Edinburgh, 1901)

Pollit, R., 'The Defeat of the Northern Rebellion and the Shaping of Anglo-Scottish Relations', *Scottish Historical Review,* 64 (1985), pp. 1–21

Potter, David, ed., *Foreign Intelligence and Information in Elizabethan England: Two English Treatises on the State of France, 1580–1584,* Camden Society, fifth series 25 (Cambridge, 2004)

Poynter, F. N. L., ed., *Selected Writings of William Clowes* (London, 1948)

Pritchard, Allan, 'Thomas Charnock's Book Dedicated to Queen Elizabeth', *Ambix,* 26:1 (March, 1979), pp. 56–73

Questier, Michael C., 'Loyal to a Fault: Viscount Montague Explains Himself', *BIHR,* 77 (2004), pp. 225–253

– – – – *Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c. 1550–1640* (Cambridge, 2006)

Ramsay, G. D., *The City of London in International Politics at the Accession of Elizabeth Tudor* (Manchester, 1975)

Ravelhofer, Barbara, 'Dancing at the Court of Queen Elizabeth', in *Queen Elizabeth I: Past and Present,* ed. Christa Jansohn (Munster, 2004), pp. 101–116

Razell, Peter, ed., *The Journals of Two Travellers in Elizabethan and Stuart England, Thomas Platter and Horatio Busino* (London, 1995)

Read, Conyers, *Mr Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth,* 3 vols (Oxford, 1925)

– – – – *Lord Burghley and Queen Elizabeth* (London, 1960)

– – – – *Mr Secretary Cecil and Queen Elizabeth* (London, 1965)

Reynolds, E. E., *Campion and Persons: The Jesuit Mission of 1580–1581* (London, 1980)

Richards, Judith M., 'Love and a Female Monarch: The Case of Elizabeth Tudor', *Journal of British Studies,* 38.2 (1999), pp. 133–160

Richardson, Ruth Elizabeth, *Mistress Blanche: Queen Elizabeth I's*

Confidante (Glasgow, 2007)

Ridley, Jasper, *Elizabeth I* (London, 1987)

Riehl, Anna, *The Face of Queenship: Early Modern Representations of Elizabeth I* (New York, 2010)

Ritchie, Pamela E., *Mary of Guise in Scotland, 1548–1560: a Political Career* (East Lothian, 2002)

Roberts, Peter R., 'Parry, Blanche (1507/8–1590)', *ODNB* (Oxford, 2004; online edn, Sept 2012)

Robinson, A. M. F., 'Queen Elizabeth and the Valois Princes', *English Historical Review,* 2 (1887), pp. 40–77

Rodriguez-Salgado, M. J., *The Changing Face of Empire: Charles V, Philip II and Habsburg authority, 1551–1559* (Cambridge, 1989)

Rolls, Albert, *The Theory of the King's Two Bodies in the Age of Shakespeare,* Studies in Renaissance Literature, 19 (Lewiston, Queenston and Lampeter, 2000)

Ross, Josephine, *Suitors to the Queen* (London, 1975)

Rowse, A. L., *Ralegh and the Throckmortons* (London, 1962)

– – – – *The Elizabethan Renaissance: The Life of the Society* (London, 1971)

Rutton, W. L., 'Lady Katherine Grey and Edward Seymour, Earl of Hertford', *English Historical Review,* 13 (April 1898), pp. 302–307

Rye, W. B., *England as Seen by Foreigners in the Days of Elizabeth and James I* (London, 1865)

St John Brooks, Eric, *Sir Christopher Hatton: Queen Elizabeth's Favourite* (London, 1946)

Saleman, Nannette, 'Positioning Women in the Visual Convention: the Case of Elizabeth I', in *Attending to Women in Early Modern England,* eds Betty S. Travitsky and Adele F. Seef (Newark, 1994), pp. 64–95

Salgādo, Gāmini, *The Elizabethan Underworld* (New York, 1992)

Salmon, J. H. M., *Society in Crisis: France in the Sixteenth Century* (London, 1975)

Sargent, Ralph, *The Life and Lyrics of Sir Edward Dyer* (Oxford, 1968)

Scalingi, Paula Louise, 'The Sceptre or the Distaff: The Question of Female Sovereignty, 1515–1607', *The Historian,* 42 (1978), pp. 59–75

Scarisbrick, Diana, 'Elizabeth's Jewellery', in *Elizabeth: The Exhibition at the National Maritime Museum,* eds D. Starkey and S. Doran (London, 2003), pp. 183–188

Schulte, Regina, ed., *The Body of the Queen: Gender and Rule in the Courtly World, 1500–2000* (New York, 2006)

Schutte, K., *A Biography of Margaret Douglas, Countess of Lennox (1515–1578) Niece of Henry VIII and Mother-in-Law of Mary, Queen of Scots* (Lewiston, NY, 2002)

Seaton, Ethel, *Queen Elizabeth and a Swedish Princess* (London, 1926)

Shagan, Ethan H., ed., *Catholics and the 'Protestant Nation': Religious Politics and Identity in Early Modern England* (Manchester, 2005)

Shapiro, James, *1599: A Year in the Life of William Shakespeare* (London, 2005)

Sharpe, Kevin, *Selling the Tudor Monarchy* (London and New Haven, 2009)

Shell, Marc, *Elizabeth's Glass* (Lincoln, NE, 1993)

Shephard, Amanda, *Gender and Authority in Sixteenth-century England* (Keele, 1994) Shephard, Robert, 'Sexual Rumours in English Politics: The Case of Elizabeth I and James I', in *Desire and Discipline: Sex and Sexuality in the Premodern West,* eds Jacqueline Murray and Konrad Eisenbechler (Toronto, 1996), pp. 101–122

Sherlock, Peter, 'The Monuments of Elizabeth Tudor and Mary Stuart: King James and the Manipulation of memory', *Journal of British Studies,* 46 (2007), pp. 263–289.

– – – – *Monuments and Memory in Early Modern England* (Burlington, 2008)

Skidmore, Chris, *Death and the Virgin: Elizabeth, Dudley and the Mysterious Fate of Amy Robsart* (London, 2010)

Smith, Virginia, *Clean: A History of Personal Hygiene and Purity* (Oxford, 2007)

Smither, L. J., 'Elizabeth I: A Psychological Profile', *Sixteenth-century Journal,* 15 (1984), pp. 47–72

Somerset, A., *Ladies in Waiting from the Tudors to the Present Day* (London, 1984)

– – – – *Elizabeth I* (New York, 1991)

Sommerville, Margaret R., *Sex and Subjection: Attitudes to Women in Early Modern Society* (New York, 1995)

Stallybrass, Peter, 'Patriarchal Territories: The Body Enclosed', in *Rewriting the Renaissance: The Discourses of Sexual Difference in Early Modern Europe,* eds Margaret W. Ferguson, Maureen Quilligan and Nancy J. Vickers (Chicago, 1986), pp. 123–142.

Starkey, David, *Elizabeth: Apprenticeship* (London, 2000)

– – – – et al., eds, *The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War* (London, 1987)

– – – – and Susan Doran, eds, *Elizabeth: The Exhibition at the National Maritime Museum* (London, 2003)

Stone, Lawrence, *An Elizabethan: Sir Horatio Palavicino* (Oxford, 1956)

– – – – *The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800* (New York, 1979)

Strachey, L., *Elizabeth and Essex: A Tragic History* (London, 1928)

Strickland, Agnes, *Lives of the Queens of England,* 8 vols (London, 1854)

Strong, Roy, *Portraits of Queen Elizabeth I* (Oxford, 1964)

– – – – *The English Icon: Elizabeth and Jacobean Portraiture* (London, 1969)

– – – – *The Cult of Elizabeth: Elizabethan Portraiture and Pageantry* (Berkeley, 1977)

– – – – *Artists of the Tudor Court: The Portrait Miniature Rediscovered 1520–1620* (London, 1983)

– – – – *Gloriana: The Portraits of Queen Elizabeth* (London, 1987)

Stump, Donald and Felch, Susan, eds, *Elizabeth I and her Age* (New York, 2009)

Sutherland, N. M., *The Massacre of St Bartholomew and the European Conflict, 1559–1572* (London, 1973)

– – – – 'The Marian Exiles and the Establishment of the Elizabethan Regime', *Archive for Reformation History,* 78 (1987), pp. 253–284

– – – – *The Huguenot Struggle for Recognition* (London, 1980)

Taylor-Smither, Larissa J., 'Elizabeth I: A Psychological Profile', *Sixteenth-century Journal,* 15 (1984), pp. 47–72

Teague, Frances, 'Queen Elizabeth in her Speeches', in *Gloriana's Face: Women Public and Private in the English Renaissance,* eds S. P. Cerasano and Marion Wynne-Davies (Hemel Hempstead, 1992), pp. 63–78

Thomas, Keith, *Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth-century England* (London, 1971)

Thorp, Malcolm, 'Catholic Conspiracy in Early Elizabethan Foreign Policy', *Sixteenth-century Journal,* 15 (1984), pp. 431–449

Thurley, Simon, *The Royal Palaces of Tudor England* (New Haven and London, 1993)

– – – – *Whitehall Palace: An Architectural History of the Royal Apartments, 1240–1690* (New Haven and London, 1999)

– – – – *Hampton Court: A Social and Architectural History* (New Haven and London, 2003)

Tighe, W. J., 'Country into Court, Court into Country: John Scudamore of Holme Lacy (*c.* 1542–1623) and His Circles', in Dale Hoak, ed., *Tudor Political Culture* (Cambridge, 1995), pp. 157–178

– – – – '*Familia Reginae.* The Privy Court', in Susan Doran and Norman Jones, eds, *The Elizabethan World* (Oxford, 2011), pp. 76–91

Traub, Valerie, *The Renaissance of Lesbianism in Early Modern England* (Cambridge, 2002)

Turrell, J. F., 'The Ritual of Royal Healing in Early Modern England', *Anglican and Episcopal History,* 68:1 (1999), pp. 3–36

Varlow, S., 'Sir Francis Knollys's Latin Dictionary: New Evidence for Katherine Carey', *BIHR,* 80 (2007), pp. 315–323

– – – – 'Knollys, Katherine, Lady Knollys (*c.* 1523–1569)', *ODNB* (Oxford, Oct 2006; online edn, Jan 2009)

Von Bulow, Gottfried, trans., 'Journey through England and Scotland made by Lupold von Wedel in the Year 1584 and 1585', *Transactions of the Royal Historical Society,* n.s. 9 (1895), pp. 223–70

Walker, Julia M., ed., *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana* (London, 1988)

– – – – 'Reading the Tombs of Queen Elizabeth I', *English Literary Renaissance,* 26 (1996), pp. 510–530

– – – – 'Bones of Contention: Posthumous Images of Elizabeth and Stuart Politics', in *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana* (London, 1988), pp. 252–276

Walsham, Alexandra, 'Frantick Hacket: Prophecy, Sorcery, Insanity and the Elizabethan Puritan Movement', *Historical Journal,* 41:1 (1988), pp. 27–66

– – – – *Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England* (Woodbridge, 2003)

Walton, Kristen Post, *Catholic Queen, Protestant Patriarchy: Mary Queen of Scots and the Politics of Gender and Religion* (Basingstoke, 2007)

– – – – 'The Plot of the Devouring Lions: The "Divelish Conspiracy" of Arthur Pole and the Parliament of 1563' (forthcoming)

Ward, Leslie, 'The Treason Act of 1563: A Study of the Enforcement of Anti-Catholic Legislation', *Parliamentary History,* 8:2 (1989), pp. 289–308

Watkins, J., 'Old Bess in the Ruff: Remembering Elizabeth, 1625–60', *English Literary Renaissance,* XXX (2000), pp. 95–116

Watkins, Joan, *Representing Elizabeth in Stuart England: Literature, History and Sovereignty* (Cambridge, 2002)

Webster, Charles, ed., *Health, Medicine and Mortality in the Sixteenth Century* (Cambridge, 1979)

Weisener, L., *The Youth of Queen Elizabeth, 1555–1558,* 2 vols (London, 1879)

Wernham, R. B., *Before the Armada: The Growth of English Foreign Policy, 1485–1588* (London, 1966)

– – – – *The Making of English Foreign Policy, 1558–1605* (Berkeley, 1980)

– – – – *The Making of Elizabethan Foreign Policy 1558–1603* (Berkeley, 1980)

– – – – *After the Armada: Elizabethan England and the Struggle for Western Europe, 1588–1595* (Oxford, 1984)

Wheeler, E. D., *Ten Remarkable Women of the Tudor Courts and*

their Influence in Founding the New World, 1530–1630 (Lampeter, 2000)

Whitelock, Anna, *Mary Tudor: England's First Queen* (London, 2009)

– – – – and Hunt, Alice, eds, *Tudor Queenship: The Reigns of Mary and Elizabeth* (Basingstoke, 2009)

Wilks, M., ed., *Mary Queen of Scots and French Public Opinion, 1542–1600* (Basingstoke, 2004)

Willett, C., and Cunnington, Phillis, *The History of Underclothes* (London, 1951)

Williams, Michael E., 'Squire, Edward (*d.* 1598)', *ODNB* (Oxford, 2004)

Williams, Neville, *Powder and Paint: A History of the Englishwoman's Toilet* (London, 1957)

– – – – *Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk* (London, 1964)

– – – – *Elizabeth I: Queen of England* (New York, 1967)

Wilson, D., *Sweet Robin: A Biography of Robert Dudley, Earl of Leicester 1555–1588* (London, 1981)

Wilson, Jean, *Entertainments for Queen Elizabeth I* (Woodbridge, 1980)

Wilson, Violet A., *Queen Elizabeth's Maids of Honour and Ladies of the Privy Chamber* (London, 1922)

Woolf, D. R., 'Two Elizabeths? James I and the Late Queen's Famous Memory', *Canadian Journal of History,* 20 (1985), pp. 167–191

Woolley, Benjamin, *The Queen's Conjuror: The Science and Magic of Dr Dee* (London, 2001)

Wormald, Jenny, *Mary Queen of Scots: A Study in Failure* (London, 1988)

Wright, J., 'Marian Exiles and the Legitimacy of Flight from Persecution', *Journal of Ecclesiastical History,* LII (2001), pp. 220–243

Wright, Pam, 'A Change in Direction: The Ramification of a Female Household, 1558–1603', in *The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War,* eds David Starkey et al. (London, 1987), pp. 147–172

Yates, Frances A., 'Elizabethan Chivalry: the Romance of the Accession Day Tilts', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes,* 20 (1957), pp. 4–25

– – – – *Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century* (London, 1975)

– – – – *The Occult Philosophy in the Elizabethan Age* (London and Boston, 1979)

Youngs, Frederick A., *The Proclamations of the Tudor Queens* (Cambridge, 1976)

Ziegler, Georgiana, ed., *Elizabeth I: Then and Now* (Washington, 2003)

Благодарность

Подобно тому, как я последние несколько лет без приглашения наведывалась в опочивальню Елизаветы, так же во время написания этой книги я без зазрения совести покушалась на время, великодушие, поддержку и терпение многих людей. Создание книги с самого начала стало испытанием духа и выносливости.

На кафедре истории колледжа Ройял-Холлоуэй Лондонского университета с воодушевлением отнеслись к моим изысканиям и оказали мне большую поддержку. Мои студенты постоянно забрасывали меня вопросами и побуждали думать и менять мнение. Аспиранты Мариана Брокманн и Никки Кларк помогали мне в исследовательской работе. Сотрудники университетской библиотеки Кембриджа оказали мне неоценимую помощь, проявляли дружелюбие и поддержку, когда я заваливала свой стол книгами и выписывала бесконечные запросы. Такими же доброжелательными оказались сотрудники Британской библиотеки и Национального архива.

Мне помогали многие ученые и писатели, они не жалели для меня ни времени, ни знаний. Элис Хант стала постоянным источником ободрения, дружбы и вдохновляющих дискуссий. Шарлотта Мертон щедро дарила мне время и опыт, помогая вычитывать рукопись. Джейн Ид, Себастьян Эдвардс, Оливия Фраймен, Саша Хэндли, Мария Хейворд, Кэрол Левин и Найджел Луэллин также охотно отвечали на вопросы и развеивали мои сомнения. Джеймс Макконахи оказал огромную помощь в вычитке книги на ранних стадиях, а с Джо Браунинг Роу мы вместе сидели в библиотеке, она замечательно мне помогала. Ребекка Стаут остается для меня наставницей и другом, она продолжает задавать трудные вопросы и поддерживать меня. Мы с Ребеккой регулярно устраиваем «салоны», куда приглашаем авторов, которые пишут на исторические темы; я имела честь и привилегию начать дискуссию с самыми яркими представителями жанра, в том числе Сарой Данент, Филиппой Грегори, Стеллой Тиллъярд, Томом Холландом, Жюльет Гардинер, Кейт Саммерскейл, Малколмом Гаскиллом и Дэвидом Кинестоном.

Издательство «Блумсбери» в очередной раз оказалось самым дружелюбным, симпатичным, эффективным и амбициозным. Его сотрудники полны сил, энергии, дальновидности и любви к книгам и их авторам. Майкл Фишуик, блестящий и вдумчивый редактор, поддерживал меня умными критическими замечаниями. Анну Симпсон я бы назвала тайным бриллиантом.

Дружелюбная, всегда готовая прийти на помощь, организованная и квалифицированная, она без труда действует «за сценой» и руководит процессом превращения книги из рукописи в печатное издание. Для меня стало огромным удовольствием и облегчением работать с Кейт Джонсон над редактированием текста; она настоящая волшебница, мастер скрупулезной заботы и язвительных комментариев.

Эллен Уильямс и весь рекламный отдел «Блумсбери» продолжают работать фантастически хорошо.

Кэтрин Кларк, мой агент в Felicity Bryan Associates, стала для меня всем, чем может и должен быть настоящий агент, и даже более того. Я восхищаюсь ее честностью, одухотворенностью и вдумчивостью. Она моя верная сторонница, и я во всем полагаюсь на нее. До сих пор моя писательская карьера шла под ее чутким руководством. Зоуи Паньямента, мой агент в США, оказалась так же предана книге, как и Кейти Хейнс. Мой «домашний» литературный фестиваль, Cambridge Wordfest, которым я очень горжусь, стал для меня источником большого вдохновения и удовольствия за время долгих месяцев написания книги и подготовительного этапа, а директор фестиваля Кэти Мур показала себя верной сторонницей и надежным другом. Я в большом долгу и перед многими другими. Спасибо вам, Джим и Кейт Годфри, Рози Пеппин Вон, Педро Рамос Пинто, Морин Парри, Элис и Джеймс Макконахи, Джо Мейбин, Эмма Спиринг, Крис Рейнолдс, Колум Спиринг, Лейла Эванс, Макс Делдерфилд, Блубелл Сторм Эванс Делдерфилд, Тиффани, Крис и Джошуа Бриттон, Джекки Хесс, Виктория Олкок, Ребекка Эдвардс Ньюмен, Питер и Изабель Мэддисон, Нэн Джеймс, Сандра Суорбрик с семьей! Все вы по первому зову жертвовали сном, принимали участие в продолжительных разговорах и в целом привносили ту атмосферу эксцентричности, которая возникает в процессе подготовки к написанию книги. Линда и Дэвид Даунс, Салли Даунс и Люси и Пит Граттон также постоянно проявляли интерес и поддержку к моему творчеству. На премьере книги мне очень недоставало покойной Сузи Оукс, которая всегда замечательно поддерживала меня и пользовалась огромной популярностью в Кембридже.

Мои близкие остаются для меня постоянным источником любви, поддержки и ободрения. Во время написания книги мы потеряли моего деда, Эрика Нейсона, чьи часто повторяемые слова «Ты уже дописала книгу?» продолжают звучать у меня в голове. Надеюсь, моя книга станет достойной данью его памяти.

Я благодарна моей сестре Эми и Мартину Инглису, а также моей сестре-близнецу Эмили, которая по-прежнему

самоотверженно поддерживает и ободряет меня. Моя племянница Лили и племянники Сэм и Бейли, совершенно равнодушные к книге, вносят в мою жизнь живительную струю. Благодаря им я могу думать о жизни и за пределами XVI в. Я продолжаю во всем полагаться на своих родителей, Силию и Пола Уайтлок. Их любовь по-прежнему безгранична; они оказывали мне всяческую поддержку, желая, чтобы книга была окончена. Никогда еще процесса завершения так не ждали и не желали.

Наконец, я хочу поблагодарить Кейт Даунс, которая продолжает поддерживать меня самоотверженным терпением, заботой и участием; я во всем на нее полагаюсь.

Моя книга стала результатом нашей общей победы. *Кембридж, апрель 2013 г.*

notes

Примечания

1

‘Elizabeth’s Address to Parliament’, 12 November 1586, см.: Leah S. Marcus, Janel Mueller and Mary Beth Rose (comp.), *Elizabeth I, Collected Works* (London, 2002), 194.

2

Sir John Harington, *A Tract on the Succession to the Crown, AD 1602* (London, 1880), 40–41.

3

BL Cotton MS Caligula B 10, l. 350v.

4

Janet Arnold, ‘The Picture of Elizabeth I When Princess’, см.: *The Burlington Magazine*, 113, № 938 (1981), 303–304.

5

Maria Perry, *Elizabeth I, The Word of a Prince: A Life from Contemporary Documents* (London, 1990), 31–35. См.: David Starkey, *Elizabeth: Apprenticeship* (London, 2001), 41–49.

A Chronicle during the Reigns of the Tudors from 1485–1559 by Charles Wriothesley, Windsor Herald, ed. W. D. Hamilton, in 2 vol., Camden Society № 11, 20, in 2 vol. (London, 1875–77), т. I, 182.

7

В других источниках ее фамилия передается как Астли. (*Примеч. пер.*)

8

Samuel Haynes, *A Collection of State Papers…. Left by William Cecil Lord Burghley and Now Remaining at Hatfield House* (London, 1740), 99.

Ibid.

10

Ibid.

11

Haynes, *Burghley State Papers*, 96; *Elizabeth I: Collected Works*, 17–18.

12

J. Stevenson (comp.), *The Life of Jane Dormer, Duchess of Feria by Henry Clifford* (London, 1887), 86–87.

13

Мэри Сеймур исчезает из исторических хроник после 1550 г.; скорее всего, она умерла в двухлетнем возрасте.

14

APC (1547–1550), 236–238. См.: G. W. Bernard, ‘The Downfall of Sir Thomas Seymour’ в сборнике под его ред. *The Tudor Nobility* (Manchester, 1992), 212–240.

Haynes, *Burghley State Papers*, 89–90.

16

TNA SP 10/6, l. 57.

Haynes, *Burghley State Papers*, 96.

Ibid., 99–101.

Ibid., 102.

CSP Dom, 1547–1553, 82; *APC* (1547–1550), 240.

Haynes, *Burghley State Papers*, 70.

Ibid., 107.

Ibid., 108–109.

24

BL Lansdowne MS 1236, l. 35; Henry Ellis (comp.), *Original Letters Illustrative of English History*, in 11 vol. (London, 1824–1846), is. 3, II, 153–155.

25

См.: Sheila Cavanagh, ‘The Bad Seed: Princess Elizabeth and the Seymour Incident’//Julia M. Walker (comp.), *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana* (London, 1998), 9–29. См. также: Janel Mueller, ‘Elizabeth Tudor. Maidenhood in Crisis’ // *Elizabeth I and the ‘Sovereign Arts’, Essays in Literature, History and Culture,* Donald Stump, Linda Shenk (comp.) (Arizona, 2011), 15–28.

Marc Shell, *Elizabeth's Glass* (Lincoln, Nebraska, 1993). См.: J. Dewhurst, 'The Alleged Miscarriages of Catherine of Aragon and Anne Boleyn', *Medical History*, 28 (1984), 49–56.

27

J. L. Vives, *De Institutione Feminae Christianae*, C. Fantazzi and C. Matheeussen (comp.), in 2 vol. (Leiden, 1996), 63, 65, 71.

Ibid., 40–41.

Ibid., 41, 51–53.

30

См.: Frank A. Mumby, *The Girlhood of Queen Elizabeth: A Narrative in Contemporary Letters* (London, 1909), 69–72.

31

См.: Vincent Joseph Nardizzi, Stephen Guy-Bray, Will Stockton (comp.), *Queer Renaissance Historiography, Backward Gaze* (Farnham, 2009). Алан Брей в своем плодотворном труде, посвященном мужской дружбе, показал, что мужчины часто прикасались друг к другу, вместе ели и спали в одной постели без какого-либо сексуального контекста. См.: A. Bray, *The Friend* (Chicago, 2003). Труднее утверждать то же самое о женщинах, поскольку женская дружба с политической точки зрения считалась «маловажной».

32

См.: Judith M. Richards, ‘To Promote a Woman to Beare Rule: Talking of Queens in Mid-Tudor England’, *The Sixteenth-Century Journal*, 28. 1 (1997), 101–121; Constance Jordan, ‘Women’s Rule in Sixteenth-Century British Political Thought’, *Renaissance Quarterly*, 40 (1987), 421–451; Paula Louise Scalingi, ‘The Scepter or the Distaff: The Question of Female Sovereignty, 1515–1607’, *The Historian*, 42 (November, 1978), 59–75. См. также: Margaret R. Somerville, *Sex and Subjection: Attitudes to Women in Early Modern Society* (London, 1995), Jacqueline Eales, *Women in Early Modern England: 1500–1700* (London, 1998); P. Crawford, ‘Sexual Knowledge in England, 1500–1700’// R. Porter and M. Teich (comp.), *Sexual Knowledge, Sexual Science: The History of Attitudes to Sexuality* (Cambridge, 1994), 92–106. См. также: Lawrence Stone, *The Family, Sex and Marriage in England*, 1500–1800 (New York, 1977).

33

См., напр.: *LP*, 1536, 47–54. Шапюи, посол императора Карла V, открыто называет Елизавету «маленьким бастардом», см. 51.

34

Елизавета считалась третьей в очереди престолонаследия (1544). Два года спустя Генрих VIII включил ее в свое завещание, однако не аннулировал Акт о престолонаследии 1536 г., по которому она провозглашалась незаконнорожденной. Последнее послужило основой для притязаний Марии Стюарт, чему сам Генрих VIII всячески противился. Генрих считал, что своим завещанием он устанавливает четкий порядок престолонаследия и устраняет претензии Стюартов. Его документ положил конец строгим правилам передачи престола по наследству. В том случае, если его дети умрут, не произведя на свет наследников, корона должна была перейти к потомкам герцогини Суффолк. Подробности см.: Mortimer Levine, *Tudo Dynastic Problems, 1460–1571* (London, 1973) и его же *The Early Elizabethan Succession Question, 1558–1568* (Stamford, 1996).

35

A. N. McLaren, ‘The Quest for a King: Gender, Marriage and Succession in Elizabethan England’, *Journal of British Studies*, 41 (July, 2002), 259–290.

Susan Dunn-Hensley, ‘Whore Queens: The Sexualised Female Body and the State’//Carole Levin, Jo Eldridge Carney and Debra Barrett-Graves (comp.), *High and Mighty Queens of Early Modern England: Realities and Representations* (Basingstoke, 2003), 101–116.

37

William Allen, *An Admonition to the Nobility and People of England and Ireland…* (Antwerp, 1558), xviii.

38

Francis Osborne, *Historical Memoires on the Reigns of Queen Elizabeth and King James* (London, 1658), 61.

39

BL Cotton MS Galba C IX, l. 128.

40

Edmund Bohun, *The Character of Queen Elizabeth; or a full and clear account of her policies* (London, 1693), 73. В их число входили также Эдвард Куртене, Филипп Испанский, Эрик Шведский и два французских герцога, герцог Норфолк, граф Арундел, сэр Уильям Пикеринг, Роберт Дадли.

Stevenson (comp.), *Life of Jane Dormer*, 69.

42

BL Harleian MS 6949 – расшифровка завещания.

CSP Span, 1554–1558, 438.

Stevenson (comp.), *Life of Jane Dormer*, 72; *CSP Span*, 1554–1558, 438.

J. G. Nichols (comp.), *The Diary of Henry Machyn, Citizen, and Merchant Taylor of London, 1550–1563*, Camden Society, 43 (London, 1848), 178.

46

R. Naunton, *Fragmenta Regalia, or Observations on the Late Queen Elizabeth, her Times and Favourites*, 1641, ed. E. Arber (London, 1879), 15.

47

TNA SP 12/1/1, l. 12.

Marie Axton, *The Queen's Two Bodies: Drama and the Elizabethan Succession* (London, 1977), 12; см. также: Ernst Kantorowicz, *The King's Two Bodies* (Princeton, 1957) и Albert Rolls, *The theory of the King's Two Bodies in the Age of Shakespeare, Studies in Renaissance Literature*, 19 (Lewiston, Queenston and Lampeter, 2000). «К 1561 г. решено было с целью законной наделить королеву двумя лицами: лицом физическим и лицом юридическим». См.: Edmund Plowden, 'The Treatise of the Two Bodies of the King', BL Cotton MS Caligula B IV, l. 1–94. См. также: Marie Axton, 'The Influence of Edmund Plowden's Succession Treatise', *Huntington Library Quarterly 37* (3) (1974), 209–226.

49

TNA SP 12/1, l. 3 v.

CSP Span, 1558–1567, 7.

51

TNA SP 70/5, l. 31r – v; William Murdin, *A Collection of State Papers Relating to Affairs in the Reign of Queen Elizabeth left by Lord Burghley, from the year 1571 to 1596* (London, 1759), 748–749.

CSP Span, 1558–1567, 45.

Ibid.

Ibid, 122.

HMC Salisbury, I, 158.

TNA PC 2/8, l. 198; *APC*, 1558–1570, 6–7; John Strype, *Annals of the Reformation… in 4* vol. (Oxford, 1820–1840), I, 7.

57

APC, 1558–1570, 22; однако закона, направленного против тех, кто занимался магией, не было, поэтому виновных посылали для «сурового наказания» по церковным законам к Эдмунду Боннеру, лондонскому епископу. *APC*, 1558–1570, 22; *CSP Span*, 1558–1567, 17–18.

58

Francis Coxe, *A Short Treatise Declaring the Detestable Wickednesse of Magicall Sciences as Necromancie, Coniurations of Spirites, Curiouse Astrologie and Such Lyke* (London, 1561, подп. A4v – A5v).

59

The Diary of Henry Machyn, 185. «Английский ответ» Нострадамусу см., напр.: William Fulke, *Antiprognosticon, that is to saye, an invective against the vayne and unprofitable predictions of the astrologians as Nostradame etc* (London, december 1560), sig. A8r – v. См. также: V. Larkey, 'Astrology and Politics in the First Years of Elizabeth's Reign', *Bulletin of the History of Medicine*, III (1935), 171–178.

‘The Compendious Rehearsal of John Dee’, см.: T. Hearne (comp.), *Joannis, confratis & monachi Glastoniensis, chronica sive historia de rebus Glastoniensibus*, in 2 vol. (Oxford, 1726), II, 509, 521.

61

По свидетельству Ричарда Мулкастера. См.: Richard Mulcaster, *The passage of our most drad Soveraigne Lady Quene Elyzabeth through the citie of London to Westminster the daye before her coronacion* (London, 1558).

1 Elis, 1 in *Statutes* IV, 358–359.

63

См.: W. P. Haugaard, ‘Elizabeth Tudor’s Book of Devotions: A neglected clue to the Queen’s life and character’, *The Sixteenth-Century Journal 12:2* (1981), 79–106, особ. 93.

J. E. Neale, *Elizabeth I and her Parliaments, 1584–1601*, in 3 vol. (London, 1957), I, 128.

CSP Ven, 1558–1580, 22–23.

1 Eliz, in1, ‘The Act of Supremacy’; p. 2, ‘The Act of Uniformity’, см.: *Statutes* IV, 355–358.

CSP Ven, 1558–1580, 12.

J. R. Planche, *Regal Records, or a Chronicle of the Coronations of the Queen Regnants of England* (London, 1838), 35.

69

См.: Mary Hill Cole, *The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony* (Amherst, 1999); Julian Munby, ‘Queen Elizabeth’s Coaches: The Wardrobe on Wheels’, *Antiquaries Journal*, 83 (2003), 311–367.

TNA SP 12/6/36, l. 78.

71

Pam Wright, ‘A change in direction: the ramifications of a female household, 1558–1603’, см.: Starkey et al. (comp.), *The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War* (London, 1987), 147–172; C. Merton, ‘The Women Who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber, 1553–1603’ (докторская диссертация, Cambridge, 1992). См. также: K. Bundesen, ‘Circling the crown: political power and female agency in sixteenth-century England’, см.: J. Jordan (comp.)., *Desperate Housewives: Politics, Propriety and Pornography, Three Centuries of Women in England* (Cambridge, 2009), 3–28, William Tighe, ‘Familia Reginae: The Privy Court’, см.: Susan Doran and Norman Jones (comp.), *The Elizabethan World* (Oxford, 2011), 76–91.

72

TNA LC 2/4/3, l. 62r.

73

TNA LC 2/4/3, l. 53v – 54r. В более поздних документах придворных дам не разделяют на группы; скорее всего, на практике границы между ними были достаточно размытыми.

См.: A. Hoskins, ‘Mary Boleyn’s Carey Children and off spring of Henry VIII’, *Genealogists Magazine, 25* (1997), 345–352.

75

См.: N. M. Sutherland, ‘The Marian Exiles and the Establishment of the Elizabethan Regime’, *Archive for Reformation History 78* (1987), 253–284; G. Peck, ‘John Hales and the Puritans during the Marian Exile’, *Church History,* 10 (1941), 159–177, особ. 174.

76

BL Lansdowne MS 94, l. 21, см.: G. B. Harrison, *The Letters of Queen Elizabeth* (London, 1935), 19.

77

BL Lansdowne MS 2, l. 193. Леттис Ноллис называется «дамой наших Личных покоев».

См.: S. Varlow, ‘Sir Francis Knolly’s Latin dictionary: new evidence for Katherine Carey’, *BIHR*, 80 (2007), 315–323.

79

Она упоминается в коронационной конторской книге, TNA LC 2/4/3, l. 53v; хотя в ней не написано «гофмейстерина», ее имя приводится в разделе «Опочивальня» и перечислено выше категории «камер-фрейлин». Однако в коронационной конторской книге она названа «статс-дамой», а не «гофмейстериной», ведь по общественному положению она была не аристократкой, а всего лишь дворянкой.

Он служил хранителем сокровищницы до своей смерти в 1596 г. и также был одним из двоих мужчин, которые имели доступ во внутренние покои. Вторым был Кристофер Хаттон, который служил с 1572 по 1591 г. Муж Кэт Эшли, Джон, отвечал за «сохранение драгоценностей и посуды ее величества». Судя по надгробной надписи на его могиле в Мейдстоуне, он также был «главным джентльменом внутренних покоев». См.: A. F. Collins (comp.), *Jewels and Plate of Queen Elizabeth I: The Inventory of 1574* (London, 1955), 210.

81

См.: J. Graves, *A Brief Memoir of the Lady Elizabeth Fitzgerald, Known as the Fair Geraldine* (Dublin, 1874).

82

В годы правления Марии I Генри Стаффорд вернулся в католичество.

83

См.: C. H. Garrett, *The Marian Exiles: a Study in the Origins of Elizabethan Puritanism* (Cambridge, 1938); G. Peck, ‘John Hales and the Puritans during the Marian Exile’, 159–177.

84

BL Lansdowne MS 59, № 22, l. 43; TNA LC 2/4/4, l. 45v – 46.

85

J. G. Nichols (comp.), *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth*, in 3 vol. (London, 1823), I, 38; TNA LC 2/4/3 – коронационная конторская книга Елизаветы I.

См.: *CSP Dom*, 1547–1580, 648.

87

BL Additional [далее – Add.] MS 48161, Robert Beale, ‘A Treatise of the Office of… Principall Secretarie’, цит. по: C. Read, *Mr Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth*, in 3 vol. (Cambridge, Mass, 1925), I, 423–443.

88

BL Add. MS 35185, l. 23v.

89

Simon Surley, *Whitehall Palace: an Architectural History of the Royal Apartments 1240–1698* (New Haven and London, 1999), 65–74. К Елизаветинской эпохе относится ряд воспоминаний иностранных путешественников, которые посещали Уайтхолл. Обычно им показывали не только внешние, но и внутренние покои – в то время, когда там не было королевы. «Путешествие через Англию и Шотландию, совершенное Лупольдом фон Веделем в годы 1584 и 1585», переведенное Готтфридом фон Бюловом ('Journey through England and Scotland made by Lupold von Wedel in the Years 1584 and 1585', *TRHS*, new series, т. 9 (London, 1895), 223–270, см. 234–237; *The Diary of Baron Waldstein: A Traveller in Elizabethan England,* transl. by ed. G. W. Groos (London, 1981), 43–59; 'Diary of the Journey of Philip Julius Duke of Stettin-Pomerania, through England in the year 1602', *TRHS*, n.s., т. 6 (London, 1892), 1–67, см. 23–25; *Thomas Platter's Travels in England, 1599*. Clare Williams (перевод, London, 1937), 163–166.

‘Diary of the Journey of the Duke of Stettin-Pomerania’, 25; ‘Journey of von Wedel’, 325.

HMC Bath, IV, 186.

92

Белые хлебцы, или белый хлеб из муки тонкого помола, делали из пшеницы, которую выращивали в Гестоне, так как она считалась самой чистой. См.: John Norden, *Speculum Brittanie: Description of Middlesex and Hertfordshire* (London, 1723).

93

John Harington, *Nugae Antiquae*, ed. Henry Harington, in 3 vol. (London, 1779), II, 135.

R. R. Tighe and J. C. Davis, *Annals of Windsor*, in 2 vol. (London, 1858), I, 641.

95

См.: N. Williams, *Powder and Paint: a History of the Englishwoman's Toilet* (London, 1957), 14.

См.: Sir Hugh Platt, *Delight for Ladies* (London, 1594).

Напр., ‘Миссис Твист – шесть кусков полотна, выделанных черным шелком и украшенных позолотой’, New Years Gift Roll 1579, см.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 260.

98

См.: Thomas Cogan, *The Haven of Health: Chiefly Made for the Comfort of Students and Consquently all Those That Have a Care of Their Health* (London, 1565). См. также: William Vaughan, *Fifteen Directions to Preserve Health* (London, 1602). «Вонская вода» для чистки зубов готовилась кипячением половины стакана уксуса и половины стакана мастики с добавлением по унции розмарина, мирры, аммония, драконовой травы и квасцов, половины унции корицы и трех стаканов воды. Затем в смесь добавляли полфунта меда, и смесь стояла на огне около четверти часа. Затем раствор разливали по чистым бутылкам. Кроме того, Вон перечислил «четыре правила для содержания зубов в чистоте и здоровье»: полоскать рот после каждой трапезы, «спать с приоткрытым ртом», отхаркиваться каждое утро и растирать зубы и десны полотняной тканью, «чтобы ликвидировать мясные испарения и желтизну зубов».

Platt, *Delight for Ladies*; G. Hartmann, *The True Preserver* (London, 1682).

Williams, *Powder and Paint*, 27–28.

The Queen's Closet Opened (London, 1696), 239.

102

В 1578 г. леди Мэри Сидни подарила «пару надушенных перчаток с двадцатью четырьмя пуговками из золота на каждой с маленькими бриллиантами». New Year Gift roll, 1578. Society of Antiquaries MS 537 printed in Nichols, *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 72.

103

О ритуалах одевания у аристократок того времени см.: Thomas Tomkis, *Lingua, or The Combat of the Tongues* (London, 1607).

104

Возможно, в поздние годы правления у Елизаветы появилось нечто вроде кальсон или трусов – есть ссылки на «шесть пар двойных панталон из тонкого голландского полотна», сшитых для нее в 1587 г., но неясно, что это – трусы или панталоны со швом сзади на лодыжке. См.: Ninya Mikhaila, Jane Malcolm-Davies, *The Tudor Tailor: Reconstructing 16th-century dress* (London, 2006), 24, а также C. Willett and Phillis Cunnington, *The History of Underclothes* (London, 1951), 48.

105

BL Egerton MS 2806, l. 210.

См.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, xlii.

107

TNA LC 5/33, l. 15; Janet Arnold, ‘Sweet England’s Jewels’, см.: Anna Somers Cocks (comp.), *Princely Magnificence: Court Jewels of the Renaissance 1500–1630* (London, 1980), 31–40.

108

TNA LC 5/33, l. 194. Заказ, датированный 10 февраля 1566/7 на три «натертых» рожка для обуви.

109

TNA LC 5/33, l. 144; TNA LC 5/34, l. 81, 169, 308.

110

TNA LC 5/37, l. 73.

111

John Clapham, *Elizabeth of England*, ed. Evelyn Plummer Read и Conyers Read (Philadelphia, 1951), 89.

112

Paul Hentzner's Travels in England during the Reign of Queen Elizabeth, transl. Richard Bentley, by ed. Horace Walpole (London, 1797), 36–37; *Thomas Platter's Travels in England, 1599*, 193–195.

John Clapham, *Elizabeth of England*, 89.

114

См.: Janet Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd* (Leeds, 1988), 139–140.

115

См., напр.: BL Stowe inventory, l. 31/35 и Folger Inventory, l. 6 [21], см.: Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd*, 263, 340.

W. Bailey, *A Briefe Treatise Touching the Preservation of the Eie-sight* (London, 1626), 9. См. также: L. G. H. Horton Smith, *Dr Walter Bailey 1529–1592: Physician to Queen Elizabeth* (St Albans, 1952); William Bullein, *Bulwarke of defence againste all Sicknes, Sornes and Woundes* (London, 1562). См. также: *A newe boke of phisicke* (London, 1599). Andrew Boorde, *A Compendious Regiment or a Dyetary of healthe made in Mountpyllier* (London, 1542) и сходные советы. См.: K. H. Dannenfeldt, 'Sleep: Theory and Practice in the Late Renaissance', *The Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 41 (1986), 415–441.

117

См., напр.: Cogan, *The Haven of Health, 231–239*. См. также: A. R. Ekirch, ‘Sleep We Have Lost: Pre-industrial Slumber in the British Isles’, см.: *The American Historical Review* (2001), 343–386, особ. 352.

Andrew Boorde, *A Compendious Regiment*, l. ci, v.

119

BL Harleian MS 6850, l. 91.

CSP Span, 1558–1567, 18, 38.

121

R. A. Vertot, C. Villaret, *Ambassades de Messieurs de Noailles en Angleterre*, in 5 vol. (Leyden, 1763), III, 86–87.

122

См.: BL Harleian MS 6986, 12, и F. Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth* (London, 1922), 41–49.

123

22 june 1554, Dr Owen to Bedingfeld papers cited in Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 47.

См.: P. Crawford, ‘Attitudes to Menstruation in Seventeenth-Century England’, *Past and Present*, 91 (1981), 47–73.

125

См.: Sara Mendleson, Patricia Crawford, *Women in Early Modern England 1550–1720* (Oxford, 1998), 20–25.

126

William Camden, *Annales: The True and Royall History of the famous Empresse Elizabeth*… (London, 1625), 9.

127

Цит. по: Elizabeth Jenkins, *Elizabeth the Great* (London, 1958), 77.

CSP Span, 1558–1567, 63.

CSP Ven, 1558–1580, 105; R. Bakan, ‘Queen Elizabeth I: a case of testicular feminisation?’, *Medical Hypotheses*, July 17.3 (1985), 277–284.

Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 67.

131

J.M. B. C. Kervyn de Lettenhove, *Relations Politiques des Pays-Bas et de L'Angleterre sous le Regne de Philippe II* (Brussels, 1882–1890), I, 295, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 3.

132

Victor Von Klarwill, *Queen Elizabeth and Some Foreigners* (London, 1928), 94.

William Camden, *Annales*, 26.

T. E. Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments of the Reign of Elizabeth I*, in 3 vol. (Leicester, 1981), I, 44–45.

135

Lettenhove, *Relations Politiques*, I, 398–401, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 22–23.

136

Цит. по: C. Martin and G. Parker, *The Spanish Armada* (London, 1988), 281.

CSP Span, 1558–1567, 35, 40.

138

BL Add. MS 48047, l. 97–135, см.: J. Strype, *The Life of the Learned Sir Thomas Smith*, Приложение (Oxford, 1820), 184–259.

139

См.: Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 52, 53–54, 57, 88, 113.

CSP Span, 1558–1567, 64–78.

141

S. Adams, M. J. Rodriguez-Salgado, ‘The Count of Feria’s Dispatch to Philip II of 14 November 1558’, *Camden Miscellany*, 28, Camden Society, is. 4, т. 29 (London, 1984), 331. Arundel – см. BL Royal MS 17 A 19, изданное под заглавием ‘The Life of Henrye Fitzallen’, by ed. J. G. Nichols, *Gentleman’s Magazine*, 103 (1833), 11, 118, 210, 490. Эта анонимная биография вышла в 1580 г., вскоре после смерти Арундела.

CSP Span, 1558–1567, 19.

143

AGS E 8340/233, l. 20v. Lettenhove, *Relations Politiques*, I, 273, 279, 566.

144

Должность главного конюшего считалась третьей по значимости после главного камергера и гофмейстера. См.: M. M. Reese, *The Royal Office of the Master of the Horse* (London, 1976).

145

Bibliotheque Nationale de France, Fonds Français MS 15970, l. 14.

W. K. Jordan (comp.), *Chronicle of Edward VI* (London, 1966), 32–33.

147

BL Cotton Caligula MS E V, l. 56r; TNA SP 12/1/5.

148

John Bruce, *Correspondence of Robert Dudley, Earl of Leycester: during his Government of the Low Countries, in the years 1585 and 1586* (London, 1844), 176.

CSP Span, 1558–1567, 57–58.

CSP Ven, 1558–1580, 80.

151

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 67–71; *CSP Span*, 1558–1567, 70–71. См.: S. Doran, 'Religion and Politics at the Court of Elizabeth I: The Habsburg Marriage Negotiations of 1559–1567', *The English Historical Review 104 (1989*), 908–926.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 78.

Ibid., 99.

154

‘Inquiries to be made by Mundt’, 2 june 1559 г., *CSP Foreign, 1558–1559*, 298, 299–300.

CSP Span, 1558–1567, 95–96.

Coleccion de Documentos Ineditos para la Historia de Espana, ed. M. F. Navarete (Madrid, 1842–1895), xcviii, 89.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 115.

Ibid., 113–115.

Haynes, *Burghley State Papers*, 95.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 113–115.

Ibid., 120.

Ibid., 120–121.

163

Там же.

164

TNA SP 31/3/24, l. 111r.

165

TNA SP 12/6/23, l. 39r.

CSP Span, 1558–1567, 77.

167

См.: Michael G. Brennan, Noel J. Kinnamon and Margaret P. Hannay, ‘Robert Sidney, the Dudleys and Queen Elizabeth’, см.: Carole Levin, Jo Eldridge Carney and Debra Barrett-Graves, eds, *Elizabeth I: Always Her Own Free Woman* (Aldershot, 2003), 20–42.

168

О назначении Мэри Сидни во внутренние покои см.: TNA LC 2/3/4, l. 53r; TNA LC 2/3/4/104.

169

CSP Span, 1558–1567, 95–96; BL Add. MS 48023, l. 352; TNA SP 12/1/1, l. 5.

CSP Span, 1558–1567, 95–96.

Ibid., 96.

172

Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 9–10, 13, 19–22, 28–29; AGS E 812, l. 105; *CSP Span*, 1558–1567, 95–96; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 123–126.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 125.

CSP Span, 1558–1567, 104.

Ibid.

Ibid., 101–102.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 125.

CSP Span, 1558–1567, 111.

Ibid., 104, 105.

Ibid., 114; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 161.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 161.

182

Другого указания на то, что леди Кобэм была назначена обергофмейстериной, нет. Ibid., 475.

CSP Span, 1558–1567, 115.

Household Accounts and Disbursement Books of Robert Dudley, Earl of Leicester, 1558–1561,1584–1586, ed. S. Adams, Camden Society, is. 5, т. 6 (Cambridge, 1995), 151.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 157.

CSP Span, 1558–1567, 119.

187

An anonymous mid-Tudor chronicle, BL Add. MS 48023, l. 352. Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 123–124.

P. Forbes (comp.), *A Full View of the Public Transactions in the Reign of Queen Elizabeth* (London, 1740), 152.

189

CP 152/94, см.: Haynes, *Burghley State Papers*, 233; см. также Malcolm R. Thorp, ‘Catholic Conspiracy in Early Elizabethan Foreign Policy’, *The Sixteenth-Century Journal*, т. 15, № 4 (1984), 431–448.

190

BL Cotton MS Caligula B X, l. 89r – 92, цит. по: P. Forbes (comp.), *Public Transactions*, 391.

CSP Foreign, 1559–1560, 581–582.

Haynes, *Burghley State Papers*, I, 368.

193

C. C. Jones, *Court Fragments*, in 2 vol. (London, 1828), II, 43.

CSP Span, 1558–1567, 75–76, 83. См.: Stephen Alford, *The Early Elizabethan Polity: William Cecil and the British Succession Crisis, 1558–1569* (Cambridge, 1998), 53–55; Jane E. A. Dawson, 'William Cecil and the British Dimension of Early Elizabethan Foreign Policy', *History*, 74 (1989),196–216.

195

BL Cotton MS Titus B II, l. 419r; *CSP Span*, 1558–1567, 133.

196

CP 152/127, цит. по: *HMC Salisbury*, I, 257.

197

TNA SP 12/13, l. 21.

TNA SP 12/12/51, l. 107.

CSP Span, 1558–1567, 174.

L. Howard (comp.), *A Collection of Letters: from the original manuscripts of many princes, great personages and statesmen* (London, 1753), 210–211; S. Adams (comp.), *Household Accounts of Robert Dudley*, 141–142; TNA SP 70/19, l. 360.

201

The Registers of Christenings, Marriages and Burials in the parish of Allhallows, London Wall, Within the City of London, from the year of our Lord 1559 to 1675, ed. Basil Jupp и Robert Hovenden (London, 1878), 5.

202

См.: D. H. Craig, *Sir John Harington* (Boston, 1985); Jason Scott Warren, *Sir John Harington and the Book As Gift* (Oxford, 2001); Ian Grimble, *The Harington Family* (London, 1957), 116–117.

203

См.: Henry Harington, *Nugae Autiquae: being a miscellaneous collection of papers, written during the reign of Henry VIII, Edward VI, Queen Mary, Elizabeth and King James by Sir John Harington*, in 2 vol. (London, 1804), II, 178.

John Harington, *A Tract on the Succession to the Crown*, 40–41.

205

Thomas Wright (comp.), *Queen Elizabeth I and her Times: A Series of Original Letters*, in 2 vol. (London, 1838), I, 30–32.

206

AGS E 814, l. 24, зарегистрировано в: *CSP Span*, 1558–1567, 174–176, см.: Lettenhove, *Relations Politiques,* II, 529–533.

CSP Span, 1558–1567, 175.

CSP Foreign, 1560–1561, 385.

CSP Span, 1558–1567, 175.

210

AGS E 14, l. 24, см.: Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 529–533 и частично зарегистрировано в: *CSP Span*, 1558–1567, 174–176.

211

О недавней дискуссии на эту тему см.: Chris Skidmore, *Death and the Virgin. Elizabeth, Dudley and the Mysterious Fate of Amy Robsart* (London, 2010).

См.: *CSP Span*, 1558–1567, 176.

213

TNA SP 70/22, l. 43; TNA SP 70/19, l. 39r.

BL Add. MS 48023, см.: ‘A Journal of Matters of State Happened from Time to Time as Well Within and Without the Realme from and Before the Death of King Edw. the 6th Untill the Yere 1562’// Ian W. Archer, Simon Adams, G. W. Bernard, Paul E. J. Hammer, Mark Greengrass and Fiona Kisby (comp.), *Religion, Politics and Society in Sixteenth Century England* (Cambridge, 2003), 35–112.

215

BL Add. MS 48023, l. 353v; ‘A Journal of Matters of State’.

216

TNA SP 63/2, l. 82r.

217

См.: William Vaughan, *Naturall and Artificial Directions for Health* (London, 1626), 64.

См.: T. Laquer, ‘Orgasm, Generation and the Politics of Reproductive Biology’, *Representations*, 14 (1986), 1–41. См.: P. Crawford, ‘Sexual Knowledge in England, 1500–1750’, см.: Roy Porter and M. Teich (comp.), *Sexual Knowledge, Sexual Science: The History of Attitudes to Sexuality* (Cambridge, 1994), 91. О бытовавших взглядах медиков на женское тело в начале Нового времени см.: Ian Maclean, *The Renaissance Notion of Woman* (Cambridge, 1980). См. также: Peter Stallybrass, ‘Patriarchal Territories: The Body Enclosed’// Margaret Ferguson, Maureen Quilligan, Nancy Vickers (comp.), *Rewriting the Renaissance: The Discourses of Sexual Difference in Early Modern Europe* (Chicago, 1986), 123–142.

219

См.: Cogan, *The Haven of Health*, 247–248.

F. Chamberlin, *Elizabeth and Leycester* (New York, 1939), 93.

221

Philip Yorke, Earl of Hardwicke (comp.), *Miscellaneous State Papers, from 1501 to 1726*, in 2 vol. (London, 1778), I, 121–123.

См.: David Gaimster, ‘London’s Tudor Palaces Revisited’, *London Archaeologist*, 8, № 5 (1997), 122–126.

223

BL Add. MS 35830, l. 66, см.: P. Forbes, *Public Transactions*, 482–488.

Hardwicke (comp.), *Miscellaneous State Papers*, т. I, 167; BL Add. MS 35830, l. 66.

225

TNA SP 70/21, l. 137v; *CSP Foreign*, 1560–1561, 450.

226

BL Cotton MS Nero B III, l. 155r; *CSP Foreign*, 1560–1561, 450.

CSP Foreign, 1560–1561, 509–510.

CSP Foreign, 1561–1562, 244, 303–304, 309, 311, 329, 344, 356, 361.

CSP Span, 1558–1567, 313.

230

CP 154/85, см.: Haynes, *Burghley State Papers*, I, 420.

231

CSP Span, 1558–1567, 178–80; см. также: *Coleccion de Documentos*, т. 87, 312–316.

См.: Kenneth Bartlett, ‘Papal Policy and the English Crown 1563–1565: The Bertano Correspondence’, *The Sixteenth Century Journal* 23 (1992), 643–659.

CSP Span, 1558–1567, 178–179.

Ibid., 194.

235

An anonymous mid-Tudor chronicle; BL Add. MS 48023, l. 353.

236

TNA SP 12/16, l. 49–50, 59–68.

Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 557. Norman L. Jones, ‘Defining Superstitions: Treasonous Catholics and the Act against Witchcraft of 1563’, см.: Charles Carlton et al. (comp.), *State, Sovereigns and Society in Early Modern England: Essays in Honour of A. J. Slavin* (New York, 1998), 187–203.

CSP Dom Addenda, 1547–1565, 509–510.

239

TNA SP 70/26, l. 61–63.

CSP Foreign, 1561–1562, 93–95, 103–105.

241

AGS E 815, l. 86; перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 208–209.

CSP Foreign, 1561–1562, 418–419.

CSP Foreign, 1560–1561, 10.

W. L. Rutton, ‘Lady Katherine Grey and Edward Seymour, Earl of Hertford’, *English Historical Review*, т. 13 (april 1898), 302–307. См. также: Leanda de Lisle, *The Sisters who would be Queen: The Tragedy of Mary, Katherine and Lady Jane Grey* (London, 2008).

245

BL Add. MS 37749, l. 50–59; BL Add. MS 14291, l. 157.

BL Harleian MS 6286, l. 35, 53, 70, 77, 81, 89; BL Add. MS 37749, l. 40, 57, 73, 76.

247

BL Add. MS 37749, l. 59.

248

BL Harleian MS 6286, l. 37.

249

Lettenhove, *Relations Politiques*, т. II, 608; Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 68–69.

Haynes, *Burghley State Papers*, I, 369–370.

CSP Span, 1558–1567, 214.

Франциску наследовал его брат Карл, и его мать Екатерина Медичи, игравшая ведущую роль в правительстве, утратила интерес к поддержке притязаний своей овдовевшей невестки. S. Adams, ‘The Lauderdale Papers 1561–1570: the Maitland of Lethington State Papers and the Leicester Correspondence’, *Scottish Historical Review* 67 (1988), 28–55.

CSP Scot, 1547–1563, 559.

Ibid., 566.

CSP Span, 1558–1567, 214.

См.: S. Adams, ‘The Lauderdale Papers 1561–1570’, 28–55.

J. H. Pollen (comp.) ‘Lethington’s Account of Negotiations with Elizabeth in September and October 1565’, *Scottish History Society*, т. 43 (1904), 38–45.

Pollen (comp.), ‘Lethington’s Account of Negotiations with Elizabeth’, 39.

CSP Scot, 1547–1563, 559.

Diary of Henry Machyn, 267–268.

261

Черновики писем Елизаветы, в которых она приказывает исследовать все обстоятельства брака, см.: TNA SP 12/21/76–7.

CSP Foreign, 1561–1562, 330.

Ibid., 360–361.

CSP Span, 1558–1567, 220.

265

Ibid.

Greg Walker, *The Politics of Performance in Early Renaissance Drama* (New York, 1998), 203.

267

См.: Thomas Norton, Thomas Sackville, *Gorboduc* or *The Tragedy of Ferrex and Porrex* (Menston, 1968); Nichols (comp.), *The Diary of Henry Machyn*, 275; см.: N. Jones and P. W. White, 'Gorboduc and Royal Marriages'//*English Literary Renaissance*, т. 26 (1971), 3–16. См. также: Henry James, Greg Walker, 'The Politics of Gorboduc', *The English Historical Review* 110 (february 1995), 109–121.

Haynes, *Burghley State Papers*, 368.

CSP Foreign, 1561–1562, 122, 129.

Anglia Legaten N. Gyldenstenstiernas Bref. Till Kongl. Maj. 1561–1562, 18, цит. по: Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 264.

271

BL Add. MS 48018, l. 284v; BL Add. MS 35830, l. 14v; Haynes, *Burghley State Papers*, 3, 70–72; *CSP Foreign*, 1561–1562, 159, 293, 300, 327; *CSP Span*, 1558–1567, 211–215.

272

TNA SP 70/32, l. 62; TNA SP 70/33, l. 7v; BL Add. MS 48023, l. 357v – 358; BL Add. MS 48018, l. 284v; BL Add. MS 35830, l. 14v; *CSP Foreign*, 1561–1562, 158–191, 292–293; *CSP Span*, 1558–1567, 211–212, 212–215.

BL Add. MS 48023, l. 258.

Ibid., l. 359v.

275

A. Teulet, *Relations Politiques de la France et de l'Espagne avec l'Ecosse au XVIie Siecle*, in 3 vol. (Paris, 1862), ii, 175–176; AGS 815, l. 132, частичный перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 233.

TNA SP 70–27, l. 66; *CSP Foreign*, 1561–1562, 424.

CSP Span, 1558–1567, 225.

278

AGS E 815, l. 160, 222, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 241.

CSP Foreign, 1562, 68, 83; см. также: *CSP Span*, 1558–1567, 244.

CSP Foreign, 1562, 68–69.

CSP Span, 1558–1567, 244.

282

AGS E 815, l. 183, 218, 224, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 234, 241–242, 244–245, 247–249.

CSP Span, 1558–1567, 111–115.

CSP Rome, 1558–1571, 105.

285

TNA SP 70/39, l. 119; *CSP Foreign*, 1562, 173; *CSP Span*, 1558–1567, 217–224.

286

TNA SP 70/39, l. 118r – 119, 175–176; BL Add MS 48023, l. 366r; *CSP Foreign*, 1562, 216–217.

CSP Foreign, 1562, 214–217.

APC, 1558–1570, 123; Lettenhove, *Relations Politiques*, III, 108. Участников допросили: TNA SP 70/40, l. 62–88, 124.

CSP Rome, 1558–1571, 105.

См.: Simon Surley, *Hampton Court, A Social and Architectural History* (London, 2003).

291

‘Diary of the Journey of the Duke of Stettin-Pomerania’, 1–67; *Paul Hentzner’s Travels in England*, 56–57.

The Diary of Baron Waldstein, 152.

CSP Scot, 1547–1563, 659–660.

F. E. Halliday, ‘Queen Elizabeth I and Doctor Burcot’, *History Today*, 5 (1955), 542–545.

295

The regiment of life: wherunto is added a treatise of the pestilence, with the boke of children / newly corrected and enlarged by T. Phayre, ed. and transl. by Jehan Goeurot (London, 1550).

CSP Span, 1558–1567, 262.

Ibid.

Ibid., 263.

CSP Span, 1558–1567, 263.

Ibid., 262.

301

Врач Джон Гаддесден, автор раннеанглийского медицинского трактата Rosa Anglica, описал этот способ лечения в начале XIV в. Необходимо было «взять красную ткань, полностью завернуть в нее больного, как поступил я с сыном благороднейшего короля Англии [Эдуарда II], когда он страдал этой болезнью. Я приказал также застелить его постель красным, и средство возымело действие. В конце концов от его оспы не осталось и следа». John of Gaddesden, *Rosa Anglica*, Winifred Wulff (col. and transl) (London, 1929).

Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth*, 52.

303

TNA SP 12/159, l. 1, см.: ‘Sir Henry Sidney’s “Memoir” to Sir Francis Walsingham, 1 March 1583’, *Ulster Journal of Archaeology*, 3 (1855), 33–52.

См.: M. Brennan, *The Sidneys of Penshurst and the Monarchy, 1500–1700* (Aldershot, 2006).

305

Цит. по: Simon Adams, ‘Queen Elizabeth’s eyes at Court: the Earl of Leicester’//*Leicester and the Court: Essays on Elizabethan Politics* (Manchester, 2002), 137.

См.: Halliday, ‘Queen Elizabeth I and Doctor Burcot’, 545.

307

BL Harleian MS 787, l. 16.

Elizabeth I: Collected Works, 139–141.

309

См.: Edward Hawkins, Augustus W. Franks, Herbert A. Grueber, *Medallic Illustrations of the History of Great Britain and Ireland to the death of George II*, in 2 vol. (London, 1885), I, 116, № 48. Хокинс датирует медаль 1572 г. Старки и Доран в каталоге датируют ее 1562 г., после первой и самой важной вспышки оспы у Елизаветы, что представляется наиболее вероятным. См.: Susan Doran (comp.), *Elizabeth: The Exhibition at the National Maritime Museum* (London, 2003), 85; W. K. Clay (comp.), *Liturgies and Occasional Forms of Prayer set forth in the Reign of Queen Elizabeth* (Cambridge, 1847), 516–518.

CSP Span, 1558–1567, 262–263; F. Chamberlin, *The Sayings of Elizabeth* (New York, 1923), 52, 54.

311

TNA C 47/3/38.

P. Croft and K. Hearn, ‘Only Matrimony maketh children to be certain… Two Elizabethan pregnancy portraits’, *British Art Journal*, 3 (2002), 18–24.

313

TNA C 47/3/38.

См.: E. K. Chambers, *The Elizabethan Stage*, in 4 vol. (Oxford, 1923), т. I, 19.

315

Janet Arnold, *Lost from Her Majesties Back*, Costume Society Extra Series 7 (Wisbech, 1980), 36; John Stowe, *Three fifteenth-century chronicles: with historical memoranda by John Stowe, the antiquary, and contemporary notes of occurrences written by him in the reign of Queen Elizabeth*, ed. James Gairdner, Camden Society, is 3 (London, 1880), 123–125.

Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 127.

317

BL Add. MS 48023, l. 369.

Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 123–125.

319

В апреле 1561 г. Поула посадили в тюрьму Флит за связь с сэром Эдвардом Уолдегрейвом и сэром Томасом Уортоном и Гастингсом. Во Флите он пробыл недолго и, выйдя на свободу, вскоре снова начал плести заговоры.

320

Артур Поул имел притязания на престол как прямой потомок брата Эдуарда IV, герцога Гиза. Фортескью был дальним родственником королевы по материнской линии. Хотя первоначально они договорились поддерживать притязания на трон Артура, впоследствии их замысел изменился и они решили поддержать Марию Стюарт. TNA KB 8/40; *CSP Span*, 1558–1562, 262.

321

‘Special oyer and terminal roll and file Principal Defendants and Charges: Arthur Pole and others, high treason, conspiring to depose the Queen and to proclaim Mary Queen of Scots,’ TNA KB 8/40, BL Hardwicke papers 35831, l. 87.

F. Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth*, 51; Kristen Post Walton, ‘The Plot of the Devouring Lions: The “Divelish Conspiracy” of Arthur Pole and the Parliament of 1563’ (неопубликованное эссе); TNA KB 8/40; *CSP Span*, 1558–1562, 292–293.

CSP Foreign, 1563, 32.

F. Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth*, 51; TNA KB 8/40; *CSP Span*, 1558–1567, 259–260.

325

TNA KB 8/40.

J. H. M. Salmon, *Society in Crisis: France in the Sixteenth Century* (New York, 1975); Nicola M. Sutherland, *The Massacre of St Bartholomew and the European Conflict*, 1559–1572 (London, 1973); Nicola M. Sutherland, *The Huguenot Struggle for Recognition* (New Haven, Conn., 1980).

W. T. MacCaffrey, ‘The Newhaven expedition, 1562–1563’, *Historical Journal*, 40 (1997)? 1–2.

Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 127.

329

AGS E 816, l. 43, перевод см.: *CSP Span*, 1558–1567, 269.

BL Cotton MS Titus F I, l. 59.

331

Ibid., l. 59–60v, 65–75v.

Ibid., l. 61–64, см.: G. E. Corrie (comp.), *A Catechism by Alexander Nowell*, Parker Society (Cambridge, 1853), 223–229.

333

BL Harleian MS 5176, l. 89–92; Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments*, I, 84. См.: J. E. Neale, ‘Parliament and the Succession Question in 1562/3 and 1566’, *English Historical Review*, january – october (1921),497–519, см. также: Mortimer Levine, ‘A “Letter” on the Elizabethan Succession Question, 1566’, *The Huntington Library Quarterly*, 19 (1995), 13–38.

Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 121.

335

TNA SP 12/28, l. 68r – 69v; *CSP Span*, 1558–1567, 316–317.

Nugae Antiquae, III, 186–187.

337

TNA SP 12/27/35; Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments*, I, 90–93.

338

TNA SP 12/27/36; Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments*, I, 94–95.

339

TNA SP 12/27/85 – копия секретаря с пометками Сесила на полях. См. также: BL Add. MS 32379.

BL Add. MS 32379, l. 17–20.

CSP Span, 1558–1567, 295–298.

5 Eliz I, 1 in *Statutes* IV, 402–405.

CSP Span, 1558–1567, 322; John Bruce, T. T. Perowne (comp.); *Correspondence of Matthew Parker, Archbishop of Canterbury 1535–1575*; Parker Society (Cambridge, 1853), 173–175.

См.: Kristen Post Walton, *Catholic Queen, Protestant Patriarchy. Mary Queen of Scots and the Politics of Gender and Religion* (Basingstoke, 2007), 51; 'Sir William Cecil to Sir Thomas Smith, 27 February 1563'; см.: Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 127; TNA KB 8/40; Kristen Post Walton, 'The Plot of the Devouring Lions'.

5 Eliz I, 16 in *Statutes* IV, 446–447.

5 Eliz I, 16 in *Statutes* IV, 445–446.

Nichols (comp.), *Diary of Henry Machyn*, 300.

348

J. H. Baker (comp.), *Reports from the Lost Notebooks of Sir James Dyer*, in 2 vol. (London, 1994), I, 81–82; BLO Tanner MS 84, l. 191, 196v.

CSP Rome, 1558–1571, 51; BL Add. MS 35830, l. 185; Levine, *The Early Elizabethan Succession Question*, 14; TNA SP 12/21, l. 76–77.

CSP Scot, 1547–1563, 684.

CSP Span, 1558–1567, 314.

CSP Foreign, 1562, 154; *CSP Scot*, 1547–1563, 684–686.

353

BL Harleian MS 5176, l. 97; Neale, *Elizabeth I and her Parliaments*, I, 126–127.

CSP Foreign, 1563, 439, 443, 453, 473; BL Add. MS 35831, l. 145v – 146; TNA SP 70/59/846, l. 48v.

Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 122; Nichols (comp.), *The Diary of Henry Machyn*, 310.

CSP Span, 1558–1567, 346.

Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 127.

CSP Scot, 1547–1563, 666.

359

BL Lansdowne MS 102, l. 18r; TNA SP 52/8, № 3, 6, 7, 9, 10.

CSP Span, 1558–1567, 338.

361

BL Cotton MS Julius F VI, l. 125; см. также: *CSP Foreign*, 1563, 510.

CSP Scot, 1563–1569, 27, 31–33.

CSP Span, 1558–1567, 313.

CSP Scot, 1563–1569, 56–57, 19–20.

Ibid., 43–44, 56–57.

Ibid., 44.

367

BL Cotton Ms Julius F VI, l. 126.

См.: Kimberly Schutte, *A Biography of Margaret Douglas, Countess of Lennox* (New York, 2002); Caroline Bingham, *Darnley: a life of Henry Stuart, Lord Darnley, Consort of Mary Queen of Scots* (London, 1995).

CSP Foreign, 1562, 14, 23.

CSP Span, 1558–1567, 176; *CSP Foreign*, 1562, 12–15; см. также: Simon Adams, ‘The Release of Lord Darnley and the Failure of the Amity’, см.: *Mary Stewart: Queen in Three Kingdoms*, ed. Michael Lynch (Oxford, 1988), 123–153.

CSP Foreign, 1563, 463–464.

CSP Span, 1558–1567, 339.

G. Donaldson (comp.), *The Memoirs of Sir James Melville of Halhill* (London, 1969), 36.

Цит. по: Roy C. Strong, *Holbein and Henry VIII* (London, 1967), 35.

Memoirs of Melville, 36.

'Diary of the Journey of the Duke of Stettin-Pomerania', 25; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 320.

Memoirs of Melville, 37.

Ibid.

См.: Garrett, *The Marian Exiles: A study in the origins of Elizabethan Puritanism* (Cambridge, 1938), 295–296.

Andre Hurault, Sieur de Maisse, *A Journal of All that was Accomplished by Monsieur de Maisse, Ambassador in England from King Henri IV to Queen Elizabeth Anno Domini 1597*, ed. and comp. G. B. Harrison и R. A. Jones (London, 1931), 95; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 228, 296.

CSP Span, 1558–1567, 382.

Memoirs of Melville, 36.

CSP Span, 1558–1567, 313; *Memoirs of Melville*, 35.

384

BL Lansdowne MS 102, l. 107r – 109r.

CSP Scot, 1563–1569, 81.

CSP Span, 1558–1567, 424.

Memoirs of Melville, 40.

Ibid., 42.

389

TNA SP 52/9 № 48.

CSP Span, 1558–1567, 401; Ian Dunlop, *Palaces & Progresses of Elizabeth I* (London, 1962).

CSP Span, 1558–1567, 398.

392

BL Lansdowne MS 102, l. 105r; Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 181.

CSP Scot, 1563–1569, 110.

Ibid., 111.

395

BL Lansdowne MS 102, l. 107r – 109r.

См.: Brennan, *The Sidneys of Penshurst and the Monarchy*, 43.

397

См.: Leslie Gerard Matthews, *The Royal Apothecaries* (London, 1967), 71.

TNA LC 5/33, l. 15, 50, 51, 71, 91, 118.

Ibid., l. 71, 91.

Ibid., l. 15, 71, 108.

Ibid., l. 50.

Ibid., l. 51.

403

BL Egerton MS 2806, l. 74 v.

John Harington, *Epigrams*, I, 44.

405

TNA E 351/451, l. 38; TNA LC 5/33, l. 128.

CSP Span, 1558–1567, 401.

Stowe, *Three fifteenth-century chronicles*, 131–132.

Memoirs of Melville, 42.

Ibid., 45.

CSP Foreign, 1564–1565, 331.

411

NLS Advocates MS 1.2.2.

BL Add. MS 19401, l. 101.

CSP Span, 1558–1567, 432.

414

TNA SP 56/1, l. 95r – 101r.

415

TNA SP 52/10, l. 128r.

CSP Span, 1558–1567, 404; см.: Susan Doran, ‘Juno versus Diana: The Treatment of Elizabeth I’s marriage in plays and entertainments’, *The Historical Journal*, 28 (1995), 257–274.

CSP Span, 1558–1567, 409–410.

Ibid., 514.

Lettenhove, *Relations Politiques*, ii, 55.

Haynes, *Burghley State Papers*, 430; AGS E 653, l. 23; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 203–204.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 206–207.

422

‘Report of the French envoy in England to Catherine de Medici’, december 1564, HMC *Third Report*, 262–263. Екатерина также предлагала Марии выйти за брата и наследника Карла, Анри, герцога Анжуйского.

423

TNA SP 70/77/915, l. 128v – 129.

424

TNA SP 31/3/26, l. 32.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 233.

426

CSP Foreign, 1564–1565, 321; TNA 31/3/26, l. 1; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 224.

427

Bertrand de Salignac, Seigneur de La Mothe Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, ed. A. Teulet, in 7 vol. (Paris, 1838–1840), II, 117–119.

428

‘Summary of the advice given by the Privy Council’, 4 june 1565, TNA SP 52/10, l. 148–151.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 208–209.

Ibid., 208–210, 225.

Ibid.

Ibid., 217.

Ibid., 229.

CSP Scot, 1563–1569, 140; TNA SP 52/10, l. 68r.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique* II, 120.

CSP Span, 1558–1567, 518.

437

TNA SP 31/3/25, l. 200–201.

CSP Span, 1558–1567, 386–387.

Ibid., 446; Adams (comp.), *Dudley Household Accounts*, 478.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 247.

CSP Span, 1558–1567, 455.

CSP Foreign, 1566–1568, 130.

443

TNA 70/39/110; BL Add. MS 48, 023, l. 352, 353v, 366.

Rowland Vaughan, *His Booke – Most Approved and Long experienced water workes containing the manner of winter and summer drowning of Meadow and Pasture…* (London, 1610).

TNA LC/4/4/3, l. 53v; BL Lansdowne MS 4, № 88, l. 191.

Сначала она должна была поехать в Дувр, чтобы встретить принцессу Сесилию Шведскую. TNA SP 12/37, № 28, l. 58–59v.

Folger Library, Talbot MS X.d. 428 (16).

Ibid.

G. C. Williamson, *Lady Anne Clifford, Countess of Dorset, Pembroke and Montgomery, 1590–1676: Her Life, Letters and Work* (Wakefield, 1967), 37.

Tighe and Davis, *Annals of Windsor*, 639. В 1577 г. стену нарастили, «дабы не позволять гуляющим в саду декана видеть прогулку королевы». *Annals of Windsor*, I, 641.

CSP Span, 1558–1567, 466.

Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 218, 255; J. H. Pollen, 'Papal Negotiations with Mary Queen of Scots during her reign in Scotland 1561–1567', *Scottish Historical Society*, 37 (1901), 469. См.: Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 207.

CSP Span, 1558–1567, 465.

Ibid.

Edmund Lodge, *Illustrations of British history, biography and manners, in the reign of Henry VIII, Edward VI, Mary, Elizabeth and James I*, in 3 vol. (London, 1838), II, 98.

456

TNA SP 52/19, l. 180r.

CSP Span, 1558–1567, 492; Mortimer Levine, *The Elizabethan Succession Question*, 165.

458

TNA SP 52/1, № 26.

‘Carte’s History of England, books xviii – xx, 1558–1612’, BLO Carte MS 188, 385.

460

TNA SP 52/10, l. 150v.

461

Frank A. Mumby, *Elizabeth and Mary Stuart* (London, 1914), 264, № 2; Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 126.

462

CSP Foreign, 1563, 384–387; BL Cotton MS Caligula B X, l. 299–308.

Ellis (comp.), *Original Letters*, II, 299.

Ibid.

CSP Span, 1558–1567, 468.

CSP Dom 1547–1580, 277.

Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 206–207.

CSP Span, 1558–1567, 454.

Ibid., 505.

Ibid., 470.

471

CP 140/1; см.: Murdin, *Burghley's State Papers* (London, 1759), 760.

Перевод А. Петровой.

473

См.: *Elizabeth: Collected Works*, 132; *CSP Span*, 1558–1567, 472.

CSP Span, 1558–1567, 492.

Ibid., 436–437.

TNA SP 31/3/26, l. 102.

CSP Ven, 1558–1580, 374–375.

CSP Span, 1558–1567, 530.

479

Цит. по: Milton Waldman, *Elizabeth and Leicester* (London, 1944), 130.

Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 225.

CSP Span, 1558–1567, 529.

CSP Dom Addenda, 1566–1579, XIII, 8.

Ibid.

Ibid., 3.

485

TNA SP 12/36, l. 24r. В письме он предлагал Сесилу изготовить алхимическое золото в декабре 1564 г. TNA SP 70/78, l. 188r – 189r. *CSP Dom*, 1547–1580, 249, 256, 273, 275–277, 289, 292; *CSP Dom Addenda*, 1566–1579, 10; *CSP Foreign,* 1564–1565, 267.

CSP Foreign, 1564–1565, 267; TNA SP 12/36/13.

Margaret Morison, ‘A Narrative of the Journey of Cecilia, Princess of Sweden, to the Court of Queen Elizabeth’, *TRHS*, n.s., 12 (1898), 181–224, см. 213–214; CP 154/136, см.: *HMC Salisbury*, I, 331; CP 154/146, см.: *HMC Salisbury*, I, 332.

TNA SP 15/20/89; Peter Razell (comp.), *The Journals of Two Travellers in Elizabethan and Early Stuart England, Thomas Platter and Horatio Busino* (London, 1995), 25.

Jane A. Lawson, ‘This Remembrance of the New Year: Books Given to Queen Elizabeth as New Year’s Gifts’, см.: Peter Beal, Grace Ippolo (comp.), *Elizabeth I and the Culture of Writing* (London, 2007), 133–172, 151–152.

490

TNA C66/973; TNA C66/970; TNA C54/1763; BLO Ashmole MS 1447, pt VII, 30; BLO Ashmole 1402, pt II, l. 1–18.

Jayne Archer, '"Rudenesse itselfe she doth refine": Queen Elizabeth as Lady Alchymia', см.: A. Connolly and L. Hopkins (comp.), *Goddesses and Queens: The Iconography of Queen Elizabeth I* (Manchester, 2008), 45–66, 51.

См.: Deborah E. Harkness, *The Jewel House: Elizabethan London and the Scientific Revolution* (New Haven, Conn., 2007); Frank Sherwood Taylor, *The Alchemists* (St Albans, 1976).

493

TNA SP 12/36, l. 24r – 24v.

494

TNA SP 12/37, l. 6r.

495

BL Lansdowne MS 703, l. 48r – 49v. Alan Pritchard, ‘Thomas Charnock’s Book Dedicated to Queen Elizabeth’, *Ambix*, 26 (1979), 56–73.

BL Lansdowne MS 703, l. 6v – 11v. См. также: Jonathan Hughes, ‘The Humanity of Thomas Carnock, an Elizabethan Alchemist’, см.: Stanton J. Linden (comp.), *Mystical Metal of Gold: Essays on Alchemy and Renaissance Culture* (New York, 2007), 3–34.

497

BL Lansdowne MS 703, l. 8r, 9v, 39r.

TNA SP 70/80/123, l. 11, 52.

499

TNA SP 12/37, l. 6r – 6v.

500

‘A Narrative of the Journey of Cecilia, Princess of Sweden, to the Court of Queen Elizabeth’, 181–214; CP 154/105; CP 154/229; J. Bell, *Queen Elizabeth and a Swedish Princess Being an Account of the Visit of Princess Cecilia of Sweden to England in 1565* (London, 1926), 15–23.

CSP Span, 1558–1567, 475.

Nathan Martin, ‘Princess Cecilia’s Visitation to England, 1565–1566’, см.: Charles Beem (comp.), *The Foreign Relations of Elizabeth I* (Basingstoke, 2011), 27–44.

503

CP 154/146, см.: *HMC Salisbury*, I, 332–333.

CP 154/112, см.: *HMC Salisbury*, I, 327.

505

TNA SP 12/39/39.

CSP Span, 1558–1567, I, 546.

507

TNA SP 12/39/88.

508

TNA SP 12/37/3A; TNA SP 12/39/39. Трактаты и копии писем Ланноя к Елизавете перепечатывались в алхимических сборниках того времени. См., напр.: BL Sloane 3654, l. 4r – 6v; 1744, l. 4r – 8v.

509

TNA SP 12/40/32.

510

TNA SP 15/13, l. 36r – 37v; TNA SP 12/40/321; BL Lansdowne MS 9, l. 191r – 192v, TNA SP 12/42/30.

511

TNA SP 12/40/53.

512

TNA SP 12/42/30.

513

Murdin, *Burghley's State Papers*, 763. Де Ланноя содержали в Тауэре по крайней мере до 1571 г. Longleat House MS DU/I, l. 209r; Петиция Барбары де Ланной в конце февраля 1571 г. Последнее упоминание де Ланноя в государственных бумагах относится к приказу предать его суду. TNA SP 12/42/70 (28 may 1567).

Cabala, Sive Scrinia Sacra (London, 1691), 139.

CSP Span, 1558–1567, 512.

Ibid., 516, 518–520.

Ibid., 526.

Patrick Fraser Tytler, *History of Scotland*, in 9 vol. (Edinburgh, 1828–1843), VII, 23.

См.: John Guy, *'My Heart is my Own': The Life of Mary Queen of Scots* (London, 2004), 11.

CSP Span, 1558–1567, 534.

Ibid., 540.

Ibid., 621.

Memoir of Melville, 54.

TNA SP 15/13/73; *CSP Dom Addenda*, 1566–1579, 28–29.

Milton Waldman, *Elizabeth and Leicester* (London, 1947), 123.

CP 148/12, цит. по: *HMC Salisbury*, II, 240.

527

TNA SP 63/18, l. 62 r – v.

Memoir of Melville, 56.

529

Ibid.

Neale, *Elizabeth I and her Parliaments*, I, 129–164.

531

TNA SP 12/40, l. 195.

См.: William Camden, *Annales*, 129.

Neale, *Elizabeth I and her Parliaments*, I, 136.

Elizabeth I: Collected Works, 95; Simonds D'Ewes, *The journals of all the parliaments during the reign of Queen Elizabeth both of the House of Lords and House of Commons* (London, 1682), 12.

CSP Span, 1558–1567, 591–592.

Ibid., 592.

Ibid., 599.

538

TNA SP 12/41/5, отрывок черновика, написанный рукой королевы, см.: Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments*, 147.

539

TNA SP 79/95, l. 161.

Elizabeth I: Collected Works, 116.

CSP Span, 1558–1567, 623.

CSP Foreign, 1566–1568, 232.

543

TNA SP 52/14.

BL Cotton MS Titus, № 107, l. 124, 131.

545

TNA SP 12/46, l. 1, 28.

CSP Span, 1558–1567, 4; W. M. Schutte, ‘Thomas Churchyard’s “Doleful Discourse” and the Death of Lady Katherine Grey’, *Sixteenth-Century Journal* 15 (1984), 471–487.

CSP Scot, 1563–1569, 416–417.

CSP Span, 1568–1569, 36.

См.: P. J. Holmes, ‘Mary Stewart in England’, 195–218.

550

TNA SP 70/133, l. 185.

551

Ibid.

Frederich von Raumer, *Contributions to Modern History from the British Museum and the State Paper Office* (London, 1836), 178.

553

‘Papers relating to Mary Queen of Scots, mostly addressed to or written by Sir Francis Knollys’, *Philobiblon Society Miscellanies*, 14 (1872), 14–69.

Ibid.

CSP Scot, 1563–1569, 606, 612; Sally Varlow, 'Sir Francis Knollys's Latin dictionary: new evidence for Catherine Carey', *BIHR* 80, 209 (2007), 322.

‘Papers relating to Mary Queen of Scots’, 65. Судя по надгробной надписи, у нее было 16 детей, восемь мужского пола и восемь женского, а также, возможно, еще двое, умершие после родов или во младенчестве.

Haynes, *Burghley State Papers*, 509.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, I, 124.

Ibid.; см. также Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, 308.

CP 198124.

561

Thomas Newton, ‘An epitaph upon the worthy and honourable lady, the Lady Knowles’ (1569); Haynes, *Burghley State Papers*, 509–510.

CP 4/9, см.: *HMC Salisbury*, 402.

563

TNA C/115/L2/6697; см.: Janet Arnold, ‘*Lost from Her Majesties Back*’, 40, 41, 58, 104.

The House of Commons, 1558–1603, ed. P. Hasler, in 3 vol. (London, 1981), II, 416, 417.

CSP Dom Addenda, 1566–1579, XVII, 198.

566

TNA SP 70/102, l. 30v.

567

TNA SP 12/8/61, l. 165r.

Strype, *Annals of the Reformation*, I, 580–581.

CSP Span, 1568–1579, 96–97.

Ibid., 97.

Ibid., 180.

Murdin, *Burghley's State Papers*, 180.

573

TNA SP 12/81/57.

CP 159/46, см.: *HMC Salisbury*, II, 25.

TNA SP 15/15, № 29 (i). См. также: K. J. Kesselring, *The Northern Rebellion of 1569: Faith, Politics and Protest in Elizabethan England* (Basingstoke, 2007); R. Pollitt, ‘The Defeat of the Northern Rebellion and the Shaping of Anglo-Scottish Relations’, *Scottish Historical Review*, 64 (1985), 1–21.

TNA SP 15/15, № 29 (i).

577

TNA SP 12/59, № 65.

Цит. по: *The Tudor Constitution*, ed. G. R. Elton (Cambridge, 1982); см. также: P. McGrath, *Papists and Puritans under Elizabeth I* (London, 1967), 68.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, III, 454.

The Egerton Papers, ed. J. Payne Collier (London, 1840), 52.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, 418.

См.: Katherine B. Crawford, ‘Love, Sodomy and Scandal: Controlling the Sexual Reputation of Henry III’, *Journal of the History of Sexuality*, 12 (2003), 513–542.

Lettres de Catherine de Medicis, ed. Hector de la Ferriere-Percy и Comte Baugyenault de Puchesse, in 10 vol. (Paris, 1880–1909), IV, 26–27.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, II, 178, 179.

Sir Dudley Digges, *The Compleat Ambassador* (London, 1655), 195.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, VII, 180.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, IV, 64, 85.

Ibid., 21.

Digges, *Compleat Ambassador*, 43, 70–71.

Ibid., 96.

591

Тайная записка, см.: M. de Vassal // Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, III, 462–469.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, IV, 186, 187.

593

Ibid.

CSP Foreign, 1572–1574, 3, 8–9.

The Zurich Letters, ed. Robinson, in 2 vol. (Cambridge, 1847), I, 245–254.

M. A. R. Graves, ‘Thomas Norton, the Parliament Man’, *Historical Journal*, 23, 1 (1980), 17–35.

13 Eliz, ch. 1 in *Statutes* IV, 526–531.

13 Eliz, ch. 1, 2 in *Statutes* IV, 526–531; Patrick McGrath, *Papists and Puritans*, 174–175; Neale, *Elizabeth I and her Parliaments*, I, 218–234.

23 Eliz, ch. 2 in *Statutes* IV, 659–660.

См.: Geoffrey Parker, ‘The Place of Tudor England in the Messianic Vision of Philip II of Spain’, *TRHS*, is. 6, 12 (2002), 167–221.

601

TNA SP 12/84, l. 35v – 36r.

602

TNA SP 12/84, l. 35r.

603

Robyn Adams, ‘The Service I am Here For: William Herle in the Marshalsea Prison, 1571’, *Huntington Library Quarterly*, 72 (2009), 217–238. Об участии Испании в заговоре Ридольфи см.: Francis Edwards, *Plots and Plotters in the Reign of Elizabeth I* (Dublin, 2002), 29–73. См. также: Geoffrey Parker, *The Grand Strategy of Philip II* (London, 2000), 160–164.

См.: Conyers Read, *Lord Burghley and Queen Elizabeth* (London, 1960), 40.

605

TNA SP 12/80/117; Read, *Lord Burghley and Queen Elizabeth*, 38–41.

T. B. Howell, *A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason*, in 21 vol (London, 1816–1826), I, 968.

607

TNA SP 70/122, l. 153r.

CP 7/7, см.: Murdin, *Burghley's State Papers*, II, 185.

Digges, *Compleat Ambassador*, 165–166.

610

BL Cotton MS Caligula C 2, l. 86r – v.

611

TNA SP 15/20, l. 155v.

Lettenhove, *Relations Politiques*, VI, 189.

Paget Papers, X, art. 10. Слухи не утихали. В 1575 г. леди Кобэм обвинил Томас Кокин, галантерейщик, замешанный в заговоре Ридольфи. Он назвал ее «почитательницей» королевы Шотландии (см.: TNA SP 53/10/11, 45, 61). Действительное ее отношение к Марии остается неясным. Судя по всему, провели расследование, основанное на обвинениях Кокина, однако ничего уличающего леди Кобэм обнаружено не было, и Елизавета по-прежнему доверяла ей и дарила ей щедрые новогодние подарки. См.: David McKeen, *A Memory of Honour: The Life of William Brooke, Lord Cobham*, in 2 vol. (1986), I, 318–322.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, IV, 410–411.

Digges, *Compleat Ambassador*, 198; Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, IV, 411, 412.

John Strype, *The Life of the Learned Sir Thomas Smith*, 114.

617

TNA SP 15/21, l. 58.

Neale, *Elizabeth I and her Parliaments*, I, 244.

Ibid., 262–290.

Ibid., 310–311.

Digges, *Compleat Ambassador*, 219.

См.: Neville Williams, *A Tudor Tragedy: Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk* (London, 1964).

Digges, *Compleat Ambassador*, 167.

CSP Foreign, 1572–1574, 12; TNA SP 70/122, l. 37–41, 50, 211. См.: See Digges, *Compleat Ambassador*, 195.

Digges, *Compleat Ambassador*, 226–228.

626

BL Cotton Vespasian F 6, l. 7r.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique,* IV, 438–439.

‘Instructions for Walsingham’, 20 july 1572 г.; TNA SP 70/124, l. 99.

Digges, *Compleat Ambassador*, 226–228.

Ibid., 226–230; BL Harleian MS 260, l. 277–278.

Lettres de Catherine de Medicis, IV, 111–112.

См.: A. G. Dickens, ‘The Elizabethans and St Bartholomew’, см.: A. Soman (comp.), *The Massacre of St Bartholomew: reappraisals and documents* (The Hague, 1974), 52–70.

Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, I, 321; *CSP Span*, 1568–1579, 410.

CSP Dom, 1547–1580, 450–453; *CSP Span*, 1568–1579, 411–412.

Lodge (comp.), *Illustrations of British History*, I, 547.

Fénélon, *Correspondance Diplomatique*, V, 123–128.

Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 438–439.

Ellis (comp.), *Original Letters*, III, 25.

C. Read, *Mr Secretary Walsingham and Queen Elizabeth*, in 3 vol. (London, 1955), I, 239.

640

BL Add. MS 48049, l. 340r – 357v, черновик. См. также: BL Cotton MS Titus F III, l. 302r – 308v – чистовик Била.

641

BL Cotton MS Titus F, III, l. 302r – 308v.

CSP Span, 1568–1579, 408.

Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, I, 444–445.

Lodge (comp.), *Illustrations of British History*, I, 550–551.

CSP Span, 1568–1579, 429.

TNA SP 12/89, l. 1572.

647

LPL MS 3197, l. 41–43, цит. по: *Elizabeth I, Collected Works*, 212–214.

A fourme of common prayer to be vsed, and so commaunded by auctoritie of the Queenes Maiestie, and necessarie for the present tyme and state (London, 1572), B2v – B3v.

649

CP 5/90. CP 5/62, цит. по: Haynes, *Burghley State Papers*, 203–204, 208.

650

BL Lansdowne MS XV art. 43, см.: *Correspondence of Matthew Parker*, 400–401.

Correspondence of Matthew Parker, 401.

См.: Eric St John Brooks, *Sir Christopher Hatton: Queen Elizabeth's Favourite* (London, 1946).

653

BL Harleian MS 787, l. 88.

Sir Harris Nicolas, *Memoirs of the Life and Times of Sir Christopher Hatton* (London, 1847), 23–24.

Ibid., 25–26.

Ibid., 26, 155.

Ibid., 17.

LPL, MS 3197, l. 79.

Gervase Holles, ‘Memorials of the Holles Family, 1493–1663’, ed. A. C. Wood, Camden Society, is. 3, 55 (London, 1937), 70.

LPL, MS 3197, l. 79.

661

‘A letter from Robert, Earl of Leicester, to a lady’, ed. C. Read, *Huntington Library Bulletin*, 9 (1936), 23–25.

CKS, U, 1475/L 2/3, №№ 12–13.

663

TNA C115/M15/7341; BL Lansdowne MS 59, № 22, l. 43; см.: W. J. Tighe, ‘Country into Court, Court into Country: John Scudamore of Holme Lacy (ch. 1542–1623) and His Circles’, in Dale Hoak (comp.), *Tudor Political Culture* (Cambridge, 1995), 157–178.

TNA E351/1795. Ей назначили повышенное жалованье в размере 33 фунта 6 шиллингов 8 пенсов в год. Она стала единственной из камер-фрейлин Елизаветы, после которой осталось довольно много писем, благодаря в основном тому, что сохранилось большое собрание писем и документов Скадамора в Национальном архиве.

665

Королева Елизавета и Мэри Шелтон были правнучками сэра Уильяма Болейна из Бликлинга (Норфолк), следовательно, доводились друг другу троюродными сестрами.

666

BL Egerton MS 2806, l. 49. Ордер от 28 сентября 1572; *HMC Rutland*, I, 107; BL Add. MS 11049, l. 2. Бриджес говорит, что при дворе «много злобы и презрения».

667

TNA C 115/L2/6697, 47.

668

TNA C 115/M19/7543. Письмо от 9 октября 1576 г.

669

CKS, документ, датированный июлем 1573 г.

CSP Dom, 1547–1580, 442.

CSP Ireland, 1509–1585, 160; TNA SP 63/36, art. 14.

BL Add. MS 15914, l. 12.

BL Cotton MS Titus B, ii, l. 302.

В 1561 г. Суссекс сам хотел стать наместником Уэльса, и назначение сэра Генри Сидни, к которому явно приложил руку Лестер, особенно озлобило его. BL Cotton MS Vespasian F, xii, l. 179a.

675

BL Cotton MS Vespasian F, xii, l. 179–181; TNA SP 70/19.360; BL Cotton MS Titus B, ii, 152.

TNA SP 12, Warrant book, I, 83; TNA SP 40/1/83.

677

George Gascoigne, *Princely Pleasures at Kenilworth Castle* (London, 1576) цит. по: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, I, 492.

Ibid., 426–522.

CSP Span, 1568–1579, 498.

Robert Laneham's Letter: Describing a Part of the Entertainment unto Queen Elizabeth at the Castle of Kenilworth in 1575, ed. F. J. Furnivall (New York, 1907).

Gascoigne, *Princely Pleasures at Kenilworth Castle*, 426–522.

682

Carole Levin, '"Would I Could Give You Help and Succour": Elizabeth I and the Politics of Touch', *Albion* 21 (1989), 191–205; Marc Bloch, *The Royal Touch: Sacred Monarchy and Scrofula in England and France*, перевод J. E. Anderson (London, 1973); Raymond Crawfurd, *The King's Evil* (Oxford, 1911). Английские и французские короли исцеляли золотуху начиная со Средних веков. Первым английским королем, лечившим золотуху наложением рук, считается Эдуард Исповедник. См.: Reginald Scot, *The Discoverie of Witchcraft* (London, 1584), 303–304.

683

William Tooker, *Charisma sive Donum Sanationis* (London, 1597), 99–100.

См.: Janice Delaney, Mary Jane Lupton, Emily Toth, *The Curse: A Cultural History of Menstruation* (Chicago, 1988), 42. См. также: Audrey Eccles, *Obstetrics and Gynaecology in Tudor and Stuart England* (London, 1982), 49–51.

J. Andreas Löwe, ‘Tooker, William (1553/4–1621)’, *ODNB*, 2004.

A Right Fruitful and Approved Treatise for the Artificial Cure of that Malady Called in Latin Stuma (London, 1602). См.: F. N. L. Poynter (comp.), *Selected Writings of William Clowes* (London, 1948), 9–38.

Tooker, *Charisma*, 90–92.

CSP Ven, 1592–1603, 238; Tooker, *Charisma*, 94, 100.

689

См.: Susan Frye, *Elizabeth I: The Competition for Representation* (Oxford, 1993), 70–72.

CSP Span, 1558–1567, 404–405.

691

См.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, I, 521–522.

John Bossy, *The English Catholic Community 1570–1850* (London, 1975); Patrick McGrath, ‘Elizabethan Catholicism: A Reconsideration’, *Journal of Ecclesiastical History*, 35 (1984), 414–428; Peter Lake, Michael Questier, ‘Prisons, Priests and People in Post-Reformation England’, цит. по: Nicholas Tyacke (comp.), *England’s Long Reformation 1500–1800* (London, 1998), 195–223.

C. Haigh, ‘The continuity of Catholicism in the English reformation’, in C. Haigh (comp.), *The English Reformation Revised* (Cambridge, 1987), 178–208; P. McGrath, J. Rowe, ‘The Marian priests under Elizabeth I’, *Recusant History*, 17 (1984), 103–120.

TNA SP 12/118, l. 105.

Zillah Dovey, *An Elizabethan Progress: The Queen's Journey into East Anglia, 1578* (Stroud, 1996), 27–38. См.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 5–15.

Lodge (comp.), *Illustrations of British History*, II, 187–191; Dovey, *An Elizabethan Progress*, 53–56.

Lodge (comp.) *Illustrations of British History*, II, 187; P. Collinson, 'Pulling the Strings: Religion and Politics in the Progress of 1578', см.: Jayne Elizabeth Archer, Elizabeth Goldring and Sarah Knight (comp.), *The Progresses, Pageants and Entertainments of Queen Elizabeth* (Oxford, 2007), 122–141.

Ibid.

Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 215–219.

Lodge (comp.), *Illustrations of British History*, II, 187–191.

Dovey, *An Elizabethan Progress*, 63–68.

702

CSP Span, 1568–1579, 611, № 524; G. L. Kittredge, *Witchcraft in Old and New England* (Harvard, 1929), 87–88; C. F. Smith, *John Dee* (London, 1909), 19–20; *APC*, 1577–1578, 309. О сенсационном происшествии написано в многочисленных изданиях того времени, в том числе: Jean Bodin's *De la demonomanie des sorciers* (Paris, 1587), sigs. i2r, Kk1v – 2r.

APC, 1577–1578, 309.

CSP Span, 1568–1579, 611; *APC*, X, 309.

‘The Compendious Rehearsal of John Dee’, 521–522.

APC, 1578–1580, 22; BL Cotton MS Vitellius C, VIII, l. 7v.

CSP Span, 1568–1579, 611; ‘The Compendious Rehearsal of John Dee’, 521–522; см. также BL Sloane MS 3846, l. 95r, 98r – заклинания, защищающие от колдовства. *APC*, 1578–1580, 22; BL Cotton MS Vitellius C, VII, l. 7v.

APC, 1577–1578, 308–309.

TNA SP 12/140, l. 78v; Collinson, ‘Pulling the Strings’, 141.

710

TNA SP 12/131, l. 144; Richard Verstegan, *The Copy of a Letter Sent from an English Gentleman, lately Become a Catholike beyond the Seas, to His Protestant Friend in England* (Antwerp, 1589), 7; TNA SP 12/131/43.

APC, 1577–1578, 328.

CSP Ven, 1558–1580, 509–510; *CSP Foreign*, 1572–1574, 493.

713

TNA SP 12/126/7; BL Lansdowne MS 25, l. 146r – 147r; TNA SP 12/178/74; TNA SP 12/195/32.

Verstegan, *The Copy of a Letter*, 7; *A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554–1640 A. D.*, ed. Edward Arber, in 5 vol. (London, 1875–1894), II, 339–340.

APC, 1578–1580, 22.

Ibid., 36–37.

TNA SP 12/276/102; TNA SP 23/186/91, 92; Verstegan, *The Copy of a Letter*, 7.

TNA SP 12/131, l. 144r; *APC*, 1578–1580, 102–103, 212.

719

Verstegan, *The Copy of a Letter*, 7; TNA SP 12/276/102, неверно датировано 1600 – см.: *CSP Domestic,* явно относится к 1578 г.; J. A. Bossy, ‘English Catholics and the French Marriage, 1577–1581’, *Recusant History* 5 (1959), 2–16; см. также: Thomas M. McCoog, ‘The English Jesuit Mission and the French Match, 1579–1581’, *The Catholic Historical Review*, 87 (2007), 185–213; TNA SP 12/186/91, 92.

720

Jean Bodin, *De la Demonomanie des Sorciers* (Anvers, 1580), sigs. E4v, Gg1r.

721

Longleat House, Dudley MS 3, l. 61 r.

Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 252.

723

Memoirs of Sir Christopher Hatton, 91–94; TNA SP 12/126/10.

Edward Fenton (comp.), *The Diaries of John Dee* (Oxford, 1988), 4, 17; ‘The Compendious Rehearsal of John Dee’, 578.

Memoirs of Sir Christopher Hatton, 93–94.

CSP Span, 1572–1574, 493.

TNA SP 12/126/10.

Fenton (comp.), *Diaries of John Dee*, 4, 18.

‘The Compendious Rehearsal of John Dee’, ii, 522.

730

BLO Ashmole MS 487; BL Cotton MS Vitellius C. VII, l. 7v; *CSP Foreign*, 1572–1574, 493; BL Lansdowne MS 27, l. 90r – 91v, Dr Antonio Fenot's advice; BLO Ashmole MS 1447, VII, 48.

731

BL Lansdowne MS 102, № 94.

732

John Strype, *Historical Collections of the Life and Acts of the right Reverend Father in God John Aylmer, Lord Bishop of London* (Oxford, 1821), 192–193.

Ibid., 193.

Ibid.

Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 262.

Ibid., 255.

737

BL Cotton MS Vespasian F xii, l. 179; *CSP Span*, 1568–1579, 681–682.

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, I, 272; De l'Isle MS U1475 c7/7.

CSP Span, 1568–1579, II, 682.

BL Lansdowne MS 29, l. 161.

См.: Arnold, '*Lost from Her Majesties Back*', 63.

‘The Compendious Rehearsal of John Dee’, 508, 510, 515, 522–523.

Lettres de Catherine de Medicis, VI, 14.

Lettenhove, *Relations Politiques*, X, 662–663.

Ibid., 774–775.

CP 148/12.

BL Harleian MS, 1582, l. 46–52.

CP 148/25, цит. по: *HMC Salisbury*, II, 238.

Elizabeth I: Collected Works, 157; CP 148/32.

750

TNA SP 83/7/73.

Lettenhove, *Relations Politiques*, X, 536–537; IX, 304–305.

CSP Ven, 1558–1580, 628.

753

TNA 31/3/27, l. 217–219.

Lettenhove, *Relations Politiques*, X, 799–801.

755

Thomas Churchyard, *A discourse of the queens maiesties entertainment in Suffolk and Norfolk* (London, 1578), цит. по: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 222–223; David M. Bergeron, ‘The “I” of the Beholder: Thomas Churchyard and the 1578 Norwich Pageant’, см.: Jayne Elizabeth Archer, Elizabeth Goldring, Sarah Knight (comp.), *The Progresses, Pageants and Entertainment of Queen Elizabeth I*, 142–162.

CSP Span, 1568–1579, 627.

757

TNA 31/3/27, l. 259–260, 282; *CSP Span*, 1568–1579, 655; Lodge (comp.), *Illustrations of British History*, II, 141.

William Camden, *Annales*, 1579; см.: D. C. Peck (comp.), *Leicester's Commonwealth: The copy of a letter written by a Master of Arts of Cambridge (1584) and related documents* (Ohio, 1985), 18.

759

Письмо от Мовиссьера от 7 сентября 1579 г., цит. по: Read, *Mr Secretary Walsingham*, II, 19; TNA Baschet Transcripts.

CSP Foreign, 1578–1579, 487.

Lettres de Catherine de Medicis, VI, 112.

См.: *Coleccion de Documentos*, 359, перевод: *CSP Span*, 1568–1579, 658–659.

Lodge (comp.), *Illustrations of British History*, II, 149–150.

CSP Span, 1568–1579, 629.

CP 148/27; см.: *HMC Salisbury*, II, 238–245, 250–252.

См.: S. Doran, *Monarchy and Matrimony*, 160.

Victor von Klarwill, *The Fugger News Letters* (London, 1926), 28; Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 285–286. Баллада прославляет как храбрость Елизаветы перед лицом опасности, так и ее милосердие – она простила лодочника. *The Harleian Miscellany*, ed. Thomas Park, William Oldys (London, 1808–1813), X, 272–273.

CSP Span, 1568–1579, 681.

D. C. Peck (comp.), *Leicester's Commonwealth*, 92.

TNA SP 12/151/48, art. 6, 7.

CSP Span, 1568–1579, 681–682.

A. Labanoff, *Lettres, Instructions et Memoires de Marie Stuart, Reine d'Ecosse*, in 5 vol. (Paris, 1844–1854), V, 94–95.

J.M. B. C. Kervyn de Lettenhove, *Les Huguenots et Les Gueux*, in 6 vol. (Bruges, 1883–1885), V, 390–391; *TRP* III, 141–142.

CSP Foreign, 1579–1580, 45, 48; *CSP Span*, 1568–1579, 688; I. Cloulas, *Correspondance du Nonce en France, Anselmo Dandino (1578–1581)*, Acta Nuntiaturae Gallicae, VIII (Paris, 1970), 465, 469, 472; G. Canestrini, A. Desjardins, *Negociations Diplomatiques de la France avec la Toscane*, in 5 vol. (Paris, 1865–1875), IV, 260, 261, 265; *CSP Ven*, 1558–1580, 667–668.

Elizabeth I: The Collected Works, 243–244.

См.: Arnold, *Queen Elizabeth's Wardobe Unlock'd*, 75–76.

777

TNA 31/3/27, l. 397; John Stubbs, *The discoverie of a gaping gulf whereinto England is like to be swallowed by an other French marriage* (London, 1579), sig. D8v – E6v, цит. по: Lloyd E. Berry (comp.), *John Stubbs's 'Gaping Gulf ' with Letters and other Relevant Documents* (Charlottesville, Virginia, 1968). См. также: Ilona Bell, ' "Soueraigne Lord of lordly Lady of this land": Elizabeth, Stubbs and the Gaping Gulf ', см.: Julia M. Walker (comp.), *Dissing Elizabeth. Negative Representations of Gloriana* (Durham, NJ and London, 1998), 99–117.

Berry (comp.), *Gaping Gulf*, 3.

Ibid., 68.

Ibid., 72.

781

TRP II 445–449; Berry (comp.), *Gaping Gulf*, 3–97. См. также: Natalie Mears, ‘Counsel, Public Debate and Queenship; John Stubbs’s *The Discoverie of a Gaping Gulf*, 1579’, *The Historical Journal*, 44, 3 (2001), 629–650.

См.: K. Barnes, ‘John Stubbs, 1579: The French Ambassador’s Account’, *BIHR* 64 (1991), 421–426.

CSP Ven, 1558–1580, 623.

784

Письмо напечатано в сб.: Katherine Duncan-Jones, Jan van Dorsten (comp.), *Miscellaneous Prose of Sir Philip Sidney* (Oxford, 1973), 33–37. В письме к Хьюберту Лангету от 22 октября 1580 г. Сидни объяснил, что вынашивал намерения, чтобы его написали другие. S. A. Pears (comp.), *The Correspondence of Sir Philip Sidney and Hubert Languet* (London, 1845), 187.

785

СР 149/47, цит. по: *HMC Salisbury*, II, 265.

CSP Ven, 1558–1580, 621.

787

TNA SP 78/3, l. 133–136.

Ibid., l. 145.

Dudley Papers, III, l. 43052.

Lettres de Catherine de Medicis, VII, 261.

Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, II, 107–109.

Ibid., 106–109.

793

Bibliotheque Nationale de Paris, Fonds Français MS 3307, l. 16.

Frederick A. Youngs, *The Proclamations of the Tudor Queens* (Cambridge, 1976), 208.

795

A Briefe Declaration of the Shews, Devices, Speeches and Inventions, Done & Performed before the Queenes Majestie & the French Ambassadours, at the Most Valiaunt and Worthye Triumph, Attempted and Executed on the Munday and Tuesday in Whitson Weeke Last, Anno Collected, Gathered, Penned & Published by Henry Goldwel, Gen (London, 1581).

796

TNA SP 78/5, № 62.

CSP Span, 1580–1586, 348.

Raumer, *Contributions to Modern History*, 226–227.

M. A. S. Hume, *The Courtships of Queen Elizabeth* (London, 1904), 211–212.

800

Из письма Франсиса Антония Сузы Диего Ботельо в Антверпен; см.: *CSP Foreign*, 1581–1582, 473–474.

801

CSP Span, 1568–1579, 226–227. Венецианский посол во Франции повторял сведения, предоставленные слугой Анжу, 14 декабря 1581 г.: Bibliotheque Nationale Italien MS 1732, l. 230.

Ibid.

803

Canestrini, Desjardins, *Negociations Diplomatiques*, IV, 412.

Coleccion de Documentos, xcii, 193–194, перевод см.: *CSP Span*, 1580–1586, 229.

805

BL Harleian MS 6992, l. 114r.

William Camden, *Annales*, III, 12.

807

Bibliotheque Nationale Italien MS 1732, l. 231–232.

Ibid.

809

См.: J. A. Froude, *History of England from the fall of Wolsey to the defeat of the Spanish Armada*, in 12 vol. (London, 1893), vol. II, 476.

См.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 346.

811

Перевод И. А. Мурзиновой.

812

BL Cotton MS Galba E VI, l. 155, цит. по: *Elizabeth I: Collected Works*, 260–261.

813

TNA SP 78/10/79; см. также: *CSP Foreign*, 1583–1584, 218, 344.

814

См.: OED ‘Sir-reverence’, значение 2 – «Человеческие экскременты». Старейшее упоминание на письме цит. по: OED (Robert Greene, Ned Browne, 1592); ‘His face… and his Necke, were all besmeared with the soft sirreverence, so as he stunck’.

CSP Foreign, 1583–1584, 344.

См.: *The Letters and Despatches of Richard Verstegan* (*c. 1550–1640*), ed. A. G. Petti (London, 1959).

817

Roy Strong, *Gloriana: The Portraits of Queen Elizabeth I* (London, 1987), 98–99; см. также: Susan Doran, ‘Virginity, Divinity and Power: The Portraits of Elizabeth I’ // Susan Doran, Thomas Freeman (comp.), *The Myth of Elizabeth* (Basingstoke, 2003), 171–199; A. and C. Belsey, ‘Icons of Divinity: Portraits of Elizabeth I’ // *Renaissance Bodies: The human figure in English culture c.1540–1600*, ed. Lucy Gent, Nigel Llewellyn (London, 1990), 15–16; John N. King, ‘Queen Elizabeth I: Representations of the Virgin Queen’, *Renaissance Quarterly* 43 (1990), 30–74. См. также: Roy Strong, *The English Icon: Elizabethan and Jacobean Portraiture* (London, 1969); Roy Strong, *Portraits of Queen Elizabeth I* (Oxford, 1963).

См.: *Elizabeth I: Collected Works*, 194.

819

См.: *The Secretes of the Reverende Maister Alexis of Piemount* (London, 1558) – примеры популярных в эпоху Возрождения косметических средств и ингредиентов.

Philip Stubbes, *The Anatomies of Abuses* (London, 1583), 37. См. также: Laurie A. Finke, ‘Painting Women: Images of Femininity in Jacobean Tragedy’, *Theatre Journal,* 36 (1984), 357–370.

821

Thomas Drant, *Two Sermons preached… the other at the Court of Windsor the Sonday after twelfth day being the viij of January, before in the yeare 1569* (London, 1570), подп. 15v.

Drant, *Sermons*, sig. 12v.

823

Father Rivers, ‘Letter of 13 January 1601’, см.: Henry Foley, *Records of the English Province of the Society of Jesus: historic facts illustrative of the labours and sufferings of its members in the sixteenth and seventeenth centuries,* in 7 vol. (London, 1877), I, 8, 24.

См.: Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd*, 23; Strong, *Gloriana*, 80.

825

См.: Alan Haynes, ‘The English Earthquake of 1580’, *History Today* (1979), 542–544.

P. Lake, M. Questier, ‘Puritans, Papists and the “public sphere” in early modern England: the Campion affair in context’, *Journal of Modern History*, lxxii (2000), 587–627.

827

The great bragge and challenge of M. Champion a Jesuite, commonlye called Edmunde Campion, lately arrived in Englande, contayninge nyne articles here severallye laide downe, directed by him to the Lordes of the Counsail (London, 1581).

TRP II: 481–484.

Neale, *Elizabeth and her Parliaments*, I, 383–384.

830

Цит. по: Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments*, I, 504; BL Sloane MS 326, l. 19–29.

23 Eliz, ch. 1 in *Statutes* IV, 657–658.

832

TNA SP 83/29; 148/10.

23 Eliz, ch. 2 in *Statutes* IV, 659.

834

George Eliot, *A very true report of the apprehension and taking of that Arche Papist Edmund Campion the Pope his right hand, with three other lewd Jesuite priests, and divers other Laie people, most seditious persons of like sort* (London, 1581).

APC, 1581–1582, 144–145; Christopher Barker, *A particular declaration or testimony, of the undutiful and traitorous affection borne against her Majestie by Edmond Campion Jesuite, and other condemned Priestes, witnessed by their owne confessions* (London, 1582), sig. B1r – b4v. См. также: Brian Harrison (comp.), *A Tudor Journal: the Diary of a Priest in the Tower 1580–1585* (London, 2000); Howell, *State trials*, I, 1049–1072; William Allen, *A Briefe Historie of the Glorious Matyrdom of XII Reverent Priests* (Rheims, 1582).

836

Thomas Alfield, *A true reporte of the death & martyrdome of M. Campion Jesuite and preiste, & M. Sherwin, & M. Bryan preistes, at Tiborne the first of December 1581* (1582).

Harrison (comp.), *A Tudor Journal*, 208–209. О передаче сведений Джорджем Элиотом графу Лестеру см.: BL Lansdowne MS 33, l. 145r – 149r.

838

George Eliot, *A very true report of the apprehension and taking of that Arche Papist, Edmund Campion, the Pope his right hand with three other Jesuit priests and divers other Laie people, most seditious persons of like sort* (London, 1581).

APC, 1581–1582, 407.

Thomas Day, *Wonderfvll Strange Sightes* (London, 1583), sig. A2r.

H. Howard, *A Defensative against the Poison of Supposed Prophecies* (London, 1583).

842

TNA SP 12/163/23.

843

CSP Span, 1580–1586, 512, 651–652. О Сомервиле и его заговоре: TNA SP 12/163/21–22; TNA SP 12/163/26; TNA SP 12/163/28; TNA SP/163/4; BL Harleian MS 6035, l. 32–35; *CSP Dom*, 1581–1590, 128–130, 182. По сведениям одного иностранца, посетившего Лондон в 1598 г., тогда раскрыли 34 заговора, еще один иностранец, бывший в Лондоне в 1598 г., насчитал их более 30.

A Discoverie of the Treasons Practised and Attempted against the Queene's Majestie and the Realme by Francis Throckmorton (London, 1584), репринт см.: *The Harleian Miscellany* (London, 1808–1813), III, 190–200.

845

BL Lansdowne MS 39, l. 193r.

'A Discoverie of the Treasons Practised and Attempted'//*The Harleian Miscellany*, 190–200; John Bossy, *Under the Molehill: An Elizabethan Spy Story* (New Haven and London, 2001), 31–33, 84–86.

847

BL Stowe MS 1083, l. 17.

Raumer, *Contributions*, 256–257.

849

BL Cotton MS Caligula C viii, l. 204–206. Письмо без адреса и имени адресата, но рука Уильяма Эрла опознана; см.: John Bossy, *Giordano Bruno and the Embassy Affair* (New Haven and London, 1991), 206.

CSP Span, 1580–1586, 514; см.: D. L. Jensen, *Diplomacy and Dogmatism: Bernardino de Mendoza and the French Catholic League* (London, 1964), 59–64.

851

CSP Span, 1580–1586, 513; Мендоса 26 января 1584 г. сообщил Филиппу о том, что Елизавета требует, чтобы он покинул Англию. См.: *CSP Span*, 1580–1586, 515–516.

CSP Foreign, 1583–1584, 652–653.

CSP Foreign, 1577–1578, 140–141.

HMC Salisbury, III, 44–45.

855

TNA SP 12/173/81–83.

856

BL Harleian MS 1582, l. 390–391; перевод см.: Bossy, *Bruno Affair*, 217–218.

857

TNA SP 12/173/104.

858

TNA SP 12/174/10.

859

См.: David Cressy, ‘Binding the Nation: The Bonds of Association, 1584 and 1596’, см.: D. J. Guth, J. W. McKenna (comp.), *Tudor Rule and Revolution* (Cambridge, 1982), 217–234; Patrick Collinson, ‘The Elizabethan Exclusion Crisis and the Elizabethan Polity’, *Proceedings of the British Academy*, 84 (1994), 51–92; см. также: ‘The Monarchical Republic of Queen Elizabeth I’ // *Elizabethan Essays* (London, 1994).

860

TNA SP 12/174, № 10. См.: Cressy, ‘Binding the Nation’, 217–226.

861

TNA SP 12/173/88.

См.: Cressy, ‘Binding the Nation’, 217–234.

Elizabeth I: Collected works, 195.

864

BL Lansdowne MS 41, l. 45.

865

BL Sloane MS 326, l. 71.

27 Eliz, ch. 1 in *Statutes* IV, 704–705.

См.: Collinson, *Elizabethan Essays*, 48–55; см. также: Collinson, ‘The Elizabethan Exclusion Crisis and the Elizabethan Polity’, 51–92.

868

BL, Lansdowne MS 39, l. 128r.

27 Eliz, ch. 2 in *Statutes* IV, 706–708.

См.: Neale, *Elizabeth I and her Parliaments*, II, 13–101.

Hartley (comp.), *Proceedings in Parliament*, II, 158–160.

872

BL Lansdowne MS 39, l. 128r – 129r.

873

BL Lansdowne MS 96, l. 48r, цит. по: Christopher Barker, *A True and plaine declaration of the horrible Treasons practised by William Parry the Traitor against the Queenes Majestie. The manner of his Arraignment, Conviction and execution, together with the copies of sundry letters of his and others, tending to divers purposes, for the proofes of his Treasons* (London, 1585), fig. D2r-v.

TNA SP 12/176/154–160; Clapham, *Elizabeth of England*, 88.

875

TNA SP 12/176/47; TNA SP 12/176/48; TNA SP 12/176/52.

‘Journey of Von Wedel’, 223–270, 267.

877

TNA SP 12/177/1; TNA SP 12/177/4.

Barker, *A True and plaine declaration of the horrible Treasons practised by William Parry*, fig. Eiv.

879

BL Lansdowne MS 43, l. 117v – 118r.

Barker, *A True and plaine declaration of the horrible Treasons practised by William Parry*, fig. Eiv.

881

TNA SP 12/177/1.

882

An order of Praier and ankes-giving, for the preseruation of the Queenes Majesties life and safetie… With a short extract of William Parries voluntarie confession, written with his own hand (London, 1585).

883

См.: Leo Hicks, ‘The Strange Case of Dr William Parry’, *Studies* (1948), 343–362. Хикс считает, что папа не одобрял заговора и на самом деле за ним стояло правительство, а его целью была дискредитация католиков и оправдание их дальнейших преследований.

884

TNA SP 12/179/26.

885

BL Cotton MS Titus B VII, l. 10.

CSP Foreign, 1584–1585, 716; Peck (comp.), *Leicester's Commonwealth*, 5–13.

Ibid., 125.

Peck (comp.), *Leicester's Commonwealth*. См. также: Frank J. Burgoyne (comp.), *History of Queen Elizabeth, Amy Robsart and the Earl of Leicester* (London, 1904), 49.

Peck (comp.), *Leicester's Commonwealth*, 86.

Ibid., 85, 92. См.: D. C. Peck, ‘Government suppression of Elizabethan Catholic books: the case of *Leicester’s Commonwealth*’, *Huntington Library Quarterly*, xlvii (1997), 163–177.

P. Holmes, *Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics* (Cambridge, 1982); P. Holmes, 'The authorship of *Leicester's Commonwealt*', *Journal of Ecclesiastical History*, xxxiii (1982), 424–430; P. Lake, 'From Leicester his Commonwealth to Sejanus his fall: Ben Jonson and the politics of Roman (Catholic) virtue' // Ethan Shagan, *Catholics and the 'Protestant Nation': Religious Politics and Identity in Early Modern England* (Manchester, 2005), 128–161.

Ibid.

TRP, II, 506–508.

Harington, *A Tract on the Succession to the Crown*, 44.

G. Adlard, *Amye Robsart and the Earl of Leycester* (London, 1870), 56–57; Dudley Papers, III, l. 209.

Murdin (comp.), *Burghley's State Papers*, 436–437.

897

TNA SP 78/13/86.

CSP Foreign, 1584–1585, 400.

899

TNA SP 78/13/86.

900

TNA SP 78/15/2.

CSP Foreign, 1584–1585, 19.

Peck (comp.), ‘The Letter of Estate’, 23.

Ibid., 20.

Ibid., 29–30.

Ibid., 30.

Ibid.

907

Dudley Papers, III, l. 209.

CP 133/68, см.: Murdin (comp.), *Burghley's State Papers*, 559.

909

Предполагалось, что врожденным дефектом, на который ссылались современники, был «тестикулярный синдром феминизации», нарушение, при котором она была бесплодна. См.: R. Bakan, ‘Queen Elizabeth I: A case of testicular feminisation’, *Medical Hypotheses*, 17 (1985), 277–284.

910

CP 133/68.

‘Journey of Von Wedel’, 262–265.

Ibid.

913

Calendar of the Carew manuscripts preserved in the Archepiscopal Library at Lambeth, in 6 vol. (London, 1867–1873), II, 235–237.

Longleat House, Thynne Papers, V, 1574–1603, l. 254.

‘Journey of Von Wedel’, 262–265.

916

TNA SP 12/182/41.

Haynes, *Burghley State Papers*, x.

M. Waldman, *Elizabeth and Leicester* (London, 1946), 185.

CSP Dom, I, viii, 403.

Bruce, *Correspondence of Robert Dudley*, 112, 144.

921

Признание Сэвиджа – см.: T. B. Howell, *State Trials*, 1, 129–131; Read, *Mr Secretary Walsingham*, III, 18–22.

922

Alexandre Teulet, *Relations Politiques de la France et de l'Espagne avec l'Ecosse au XVIe siecle*, т. 1–3 (Paris, 1862), 348; *CSP Span*, 1580–1586, 603–608.

Howell, *State Trials*, I, 1, 139.

924

CSP Span, 1580–1586, 588. В письме из Парижа неделю спустя (9 июля) Томас Морган описывает нечто подобное: «Недавно королева (Елизавета) пошла в церковь, но по пути исполнилась такого великого страха, что вернулась к себе в покои, к радости всех присутствующих». См.: Murdin, *Burghley's State Papers*, 529.

925

TNA SP 53/19/12; CP 15/59, список документов, относящихся к заговору Бабингтона.

См.:: Pollen, ‘Papal Negotiations with Mary Queen of Scots’, 38–45.

927

TNA SP 53/18/61.

928

TNA SP 53/18/55.

929

TNA SP 12/250/61.

TRP II, 525–526.

931

TNA SP 53/19/38.

932

TNA SP 53/19/24.

См.: Pollen, ‘Papal Negotiations with Mary Queen of Scots’, clxx-clxxiii.

934

Thomas Deloney, *A Most Joyfull Songe Made in the Behalfe Of All Her Maiesties Faithfull and Loving Subiects Of the Great Joy Which Was Made in London At the Taking Of the Late Trayterous Conspirators* (London, 1586).

935

The True Copie of a Letter from the Queenes Maiestie, to the Lord Maior of London, and His Brethren Conteyning a Most Gracious Acceptation of the Great Joy Which Her Subjectes Tooke Upon the Apprehension of Divers Persons, Detected of Most Wicked Conspiracies, Read Openly in a Great Assemblie of the Commons in the Guidhall of that Citie, the 22 day of August 1586 (London, 1586), fig. Aii.

См.: BL Add. MS 48027, l. 296r – 313r; Pollen, ‘Papal Negotiations with Mary Queen of Scots’, 49–97.

937

BL Egerton MS 2124, l. 28r – v; Conyers Read, *The Bardon Papers: Documents relating to the imprisonment and trial of Mary Queen of Scots* (London, 1909), 45.

938

BL Egerton MS 2124, l. 28r – v.

939

BL Add. MS 48027, l. 263r – 271v; см. также: BL Harley 290, l. 170r – 173v.

940

BL Harleian MS 290, l. 187r.

941

BL Add. MS 48027, l. 569r; см.: Howell, *State Trials*, I, 1166–1169.

942

BL Add. MS 48027, l. 569v.

943

Simonds D'Ewes, *The journals of all the parliaments during the reign of Queen Elizabeth both of the House of Lords and House of Commons* (London, 1682), 97–98.

Quoted in Neale, *Elizabeth I and her Parliaments*, II, 113.

Ibid., 194; *Elizabeth I: Collected Works*, 189.

946

TNA SP 12/197, l. 15, 42, 24, 41, 40, 46, 48, 50; TNA SP 15/30, l. 17; CP 14/44, см.: *HMC Salisbury*, III, 214.

947

СР 15/77, см.: *HMC Salisbury*, III, 233; *CSP Dom*, 1581–1590, 379–380; *CSP Dom Addenda*, 1580–1625, 199–202; см. также *CSP Span*, 1587–1603, 13, 14, 82.

BL Kings MS 119, l. 50; TNA SP 12/197, l. 9, 41. BL Cotton MS Galba E VI, l. 333. *CSP Dom*, 1581–1590, 379–380; *CSP Dom Addenda*, 1580–1625, 199–202; *CSP Span*, 1587–1603, 13, 14, 82.

949

CP 15/78, см.: *HMC Salisbury*, III, 216.

Read, *Mr Secretary Walsingham*, III, 60.

CSP Span, 1587–1603, 149.

952

BL Kings MS 119, l. 50.

CSP Foreign, 1583–1584, 190; *CSP Span*, 1587–1603, 13–15.

954

CP 14/43, цит. по: *HMC Salisbury*, III, 214.

CSP Span, 1587–1603, 82.

CSP Dom, 1581–1590, 531.

Murdin, *Burghley's State Papers*, 380. См.: Mitchell Leimon, Geoffrey Parker, 'Treason and Plot in Elizabethan Diplomacy: The Fame of Sir Edward Stafford Reconsidered', *The English Historical Review* 111 (1996), 1134–1158.

CSP Foreign, 1583–1584, 259, 272.

Ibid., 457, 459.

BL Cotton MS Galba E VI, l. 171v.

CSP Foreign, 1583–1584, 474.

CSP Foreign, 1584–1585, 266–267, 312; *CSP Foreign*, 1585–1586, 232, 306–307.

CSP Foreign, 1586–1588, 34–35.

CSP Span, 1587–1603, 189, 218.

Ibid.

См.: J. S. Corbett, *Papers Relating to the Navy in the Spanish War, 1585–1587* (London, 1898).

TRP, II, 528–532.

CSP Foreign, 1586–1588, 241.

CSP Scot, 1587–1588, 287–295.

Ibid., 294.

CSP Scot, IV, 291, 294.

Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 495–507.

973

BL Lansdowne MS 102, l. 10r; Wright (comp.), *Elizabeth and her Times*, II, 332.

CSP Ven, VIII, 256.

975

BL Lansdowne MS 1236, l. 32.

William Camden, *Annales*, 115.

См.: R. B. Wernham, ‘The disgrace of William Davison’, *English Historical Review*, 46 (1931), 632–636.

Strype, *Annales*, II, ii, 407.

TNA SP 12/200/20.

HMC Salisbury III, ii, 220.

981

St John’s College Cambridge MS I.30, l. 60v – 61r.

Ibid.; см. также: Peter E. MacCullough, ‘Out of Egypt: Richard Fletcher’s sermon before Elizabeth’ // Julia M. Walker (comp.), *Dissing Elizabeth*, 118–152; см. также: Margaret Christian, ‘Elizabeth’s Preachers and the Government of Women: Defining and Correcting a Queen’, *The Sixteenth Century Journal* 24.3 (1993), 561–576; MacCullough, *Sermons at court*, 87.

Harrison (comp.), *Letters of Queen Elizabeth*, 188.

CSP Scot, 1586–1588, 330–331.

CSP Ven, 1581–1589, 259–261.

Alexander S. Wilkinson, *Mary Queen of Scots and French Public Opinion, 1542–1600* (Basingstoke, 2004); *CSP Foreign*, 1586–1588, 227.

J. Hooper Grew, *Elisabeth d'Angleterre dans la litterature francaise* (Paris, 1932), 38–39; см. также: Strong, *Gloriana*, 34.

988

См.: John Scott, *A Bibliography of works relating to Mary Queen of Scots 1544–1700* (Edinburgh, 1896), 54–55.

J. E. Phillips, *Images of a Queen: Mary Stuart in Sixteenth-century Literature* (Berkeley, 1964), 143–170.

Adam Blackwood, *Martyre de la royne d'Escosse* (Paris, 1587), 345–349.

991

Ibid.

В своем втором трактате, *La Mort de La Royne d'Escosse Doubairere de France* (Paris, 1588), Блэквуд призывает к десятилетиям католических нападок на незаконнорожденную Елизавету и ее беззаконную религию, которые приведут к свержению тирании Елизаветы.

993

См.: J. E. Phillips, *Images of a Queen*; Adam Blackwood, *Martyre de la Royne d'Escosse*.

Blackwood, *Marytre de la Royne D'Escosse*, A4v – A4r.

995

‘Aliud eiusdem argumenti’, см.: *De Iezabelis Angl. parricido varii generis poemata Latina et Gallica* (France, 1590).

996

Цит. по: Georges Ascoli, *La Grande-Bretagne devant l'opinion francaise au XVIIe siecle* (Paris, 1927), 294. Он приписывает стихотворение Перрону. Жак Дави, кардинал дю Перрон, был причетником Генриха III, горячо отстаивавшим католицизм.

997

Цит. по: Georges Ascoli, *La Grande-Bretagne*, 296–297. См.: Phillips, *Images of a Queen*, 85–116, 143–170.

CSP Ven, 1581–1591, 264.

См.: Ettwell A. B. Barnard, *Evesham and a Reputed Son of Queen Elizabeth* (Evesham, 1926); *CSP Span*, 1587–1603, 101–112.

CSP Span, 1587–1603, 101–112.

1001

CSP Ven, 1581–1591, 267.

1002

Ibid., 288.

1003

См.: Robert Hutchinson, *Elizabeth's Spy Master: Francis Walsingham and the Secret War that Saved England* (London, 2007).

1004

Ellis (comp.), *Original Letters*, III, 134–137.

1005

List and Analysis of State Papers, Foreign Series, Elizabeth I, II, июль 1590–1591, № 697.

1006

См.: John Cooper, *The Queen's Agent: Francis Walsingham at the Court of Elizabeth I* (London, 2011).

Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland, in 6 vol. (London, 1807–1808), III, 1356–1357, 1592.

1008

AGS E949, l. 28, цит. по: M. J. Rodriguez-Salgado, Simon Adams (comp.), *England, Spain and the Gran Armada, 1585–1604: Essays from the Anglo Spanish conferences, London and Madrid 1988* (Edinburgh, 1991).

1009

William Allen, *An Admonition to the nobility and people of England and Ireland* (Antwerp, 1588).

G. Mattingly, ‘William Allen and Catholic propaganda in England’, см.: *Travaux d’Humanisme et Renaissance* (Geneva), 28 (1957), 325–339.

1011

William Allen, ‘An Admonition to the Nobility, 1588’ цит. по: D. M. Rogers (comp.), *English Recusant Literature 1558–1640* (Menston, 1979), xix.

1012

См.: Valerie Traub, *The Renaissance of Lesbianism in Early Modern England* (Cambridge, 2002), 130.

1013

TRP, III, 13–17; TNA SP 12/215, l. 144; *The Execution of Justice in England by William Cecil and A True, Sincere and Modest Defense of English Catholics by William Allen*, ed. Robert M. Kingdon (Ithaca, NY, 1965), xxxvi – xxxvii.

CSP Dom, 1581–1591, 507.

Wright (comp.), *Queen Elizabeth and her Times*, II, 374–376; см.: John S. Nolan, 'The Militarization of Elizabethan England', *Journal of Military History*, 58 (3) (1994), 391–420; см. также: Neil Younger, 'If the Armada Had Landed: A Reappraisal of England's Defences in 1588', *History*, 93 (2008), 328–354,

CSP Dom, 1581–1591, 515.

1017

J. K. Laughton, *State Papers Concerning the Defeat of the Spanish Armada* (London, 1898), I, 46. Оригинал письма Стаффорда не сохранился.

CSP Foreign, 1586–1588, 597, 641, 652; *CSP Foreign*, 1588, 5.

Rodriguez-Salgado, Adams (comp.), *England, Spain and the Gran Armada 1585–1604*; Colin Martin, Geoffrey Parker, *The Spanish Armada* (London, 1999); James McDermott, *England and the Spanish Armada: The Necessary Quarrel* (New Haven and London, 2005).

1020

BL Add. MS 44839; TNA SP 12/213/80; SP 12/214/86.

1021

BL Harleian MS 6798, fig. 18; *Cabala, Mysteries of State and Government: in Letters of Illustrious Persons and Great Ministers of State* (London, 1663), 373; см.: Janet M. Green, 'I My Self: Queen Elizabeth I's Oration at Tilbury Camp', *Sixteenth Century Journal* 28 (1997), 421–445; см. также: Susan Frye, 'The Myth of Elizabeth at Tilbury', *Sixteenth Century Journal* 23 (1992), 95–114; Miller Christy, 'Queen Elizabeth's Visit to Tilbury in 1588', *English Historical Review*, xxxiv (1919), 46; A. J. Collins, 'The Progress of Queen Elizabeth to the Camp at Tilbury, 1588', *British Museum Quarterly* 10 (1936), 164–167.

CSP Span, 1587–1603, 481.

1023

Ibid.

A. and C. Belsey, ‘Icons of Divinity: Portraits of Elizabeth I’ // *Renaissance Bodies*, 15–16.

Roy Strong, *Gloriana.*

CSP Span, 1587–1603, 419–420.

1027

BL Cotton MS Caligula D I, l. 338.

CSP Span, 1587–1603, 481.

1029

BL Cotton MS Caligula D I, l. 333r.

HMC Bath, V, 94.

CSP Span, 1587–1603, 481.

1032

TNA SP 12/215/65.

1033

BL Sloane MS 1926, l. 35–43v, цит. по: D. C. Peck, ‘ “News from Heaven and Hell”: A Defamatory Narrative of the Earl of Leicester’, *English Literary Renaissance* 8 (1978), 141–158.

1034

См.: F. G. Emmison, *Elizabethan Life. Vol. 1: Disorder* (Chelmsford, 1971), 42; Joel Samaha, 'Gleanings from Local Criminal-Court Records: Sedition amongst the Inarticulate in Elizabethan Essex', *The Journal of Social History 8?* (1975), 69.

1035

Paul E. J. Hammer, *The Polarisation of Elizabethan Politics: The Political Career of Robert Devereux, 2nd Earl of Essex, 1585–1597* (Cambridge, 1999).

Folger Shakespeare Library, L.a. 39.

1037

BL Tanner MS 76, l. 29.

Devereux, *Lives and Letters of the Devereux*, I, 187–189.

Harrison (comp.), *Letters of Elizabeth*, 195.

1040

LPL MS 3199, 116; LPL MS 3201, l. 208r. Дата свадьбы точно не установлена.

Lodge, *Illustrations of British History*, II, 422.

1042

Цит. по: J. E. Neale, *Queen Elizabeth* (London, 1979), 328.

1043

СР 168/55, 20/65, цит. по: *HMC Salisbury*, IV, 153.

1044

Миссис Саутуэлл не выходила замуж до 1600 г., когда ей исполнилось 30 лет. Ее муж, сэр Барантайн Молинс, был печально знаменит своим уродством; он почти ослеп от боевых ран (TNA, SP 14/89, l. 4r). Она умерла в июне 1606 г., родив в 1602 г. сына (TNA C 142/391/66).

1045

См.: A. L. Rowse, *Ralegh and the Throckmortons* (London, 1962), 160.

1046

The works of Sir Walter Ralegh, kt: now first collected: to which are prefixed the lives of the author, comp. William Oldys, Thomas Birch, 8, *Miscellaneous works* (Oxford, 1829), 659.

1047

Возможно, Рэли женился на Элизабет Трокмортон еще в феврале 1588 г.: см.: P. Lefranc, ‘La date du mariage de Sir Walter Ralegh: un document indit’, *Etudes Anglaises* 9 (1956), 192–211. Однако, скорее всего, свадьба состоялась в ноябре 1591 г., после того как Трокмортон забеременела.

1048

D. J. H. Clifford (comp.), *The Diaries of Lady Anne Clifford* (Stroud, 1992), 27; см. также: Johanna Rickman, *Love, Lust and License in Early Modern England: Illicit Sex and the Nobility* (Aldershot, 1998), 27–68.

1049

Сэр Роберт Сесил – лорд-канцлеру Хаттону, 8 августа 1591 г., цит. по: *Religion, Politics and Society in Sixteenth Century England*, ed. Ian Archer et al., 228–230, 291.

1050

Michael Questier, ‘Loyal to a Fault: Viscount Montague Explains Himself ’, *Historical Research* 77 (2004), 225–253; Curtis Charles Breight, ‘Caressing the Great: Viscount Montague’s Entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591’, *Sussex Archaeological Collections*, 127 (1989), 147–166; Michael Leslie, ‘Something nasty in the wilderness: Entertaining Queen Elizabeth on her Progresses’, *Medical and Renaissance Drama in England*, 10 (1998), 47–72.

1051

См.: John Strype, *Annals*, I, 442, 445, 446. См. также, напр., комментарии к: Allen in *Execution of Justice*, ed. Kingdon, 140–141.

1052

Curtis Charles Breight in ‘Duelling Ceremonies: The Strange Case of William Hacket, Elizabethan Messiah’, *Journal of Medieval and Renaissance Studies*, 191 (1989), 35–67.

1053

‘Memorandum of the arraignment at Newgate of William Hacket, of Northamptonshire, for high treason’, 26 july 1591 г., цит. по: *HMC Fourteenth Report, Appendix, Part IV. The Manuscripts of Lord Kenyon*, 607. См. также: Alexandra Walsham, ‘Frantick Hacket: Prophecy, Sorcery, Insanity and the Elizabethan Puritan Movement’, *Historical Journal*, 41 (1998), 27–66.

1054

G. B. Harrison, *Elizabethan Journal*, 1591–1594, 41–42.

Ibid., 45–46.

1056

Цит. по: C. Devlin, *The Life of Robert Southwell* (London, 1956), 243.

TRP, III, 86–93.

1058

Ibid.

1059

Sir John Harington, *A Tract on the Succession to the Crown*, ed. C. R. Markham (London, 1880), 104.

CSP Dom, 1591–1594, 302.

1061

TNA SP 12/113/173; SP 12/247/61.

1062

TNA SP 12/244/112.

1063

TNA SP 12/247/79. Николас Оуэн по ошибке назван Хью Оуэном.

1064

Harrison, *Elizabethan Journal*, I, 283. См.: TNA SP 12/247/33; TNA SP 12/247/35; SP 12/247/39; SP 12/247/60; SP 12/247/62.

1065

TNA SP 12/247/78; Harrison, *Elizabethan Journal*, 289.

1066

TNA SP 12/247/78.

1067

Warren Skidmore, ‘Lady Mary Scudamore (*c* 1550–1603)’, разрозненные документы, № 29.

Francis Edwards, *Plots and Plotters in the Reign of Elizabeth I* (Dublin, 2002).

TRP, III, 134–136.

1070

TNA SP 12/247/98.

1071

TNA SP 12/247/66.

TRP, III, 134–136; Harrison, *Elizabethan Journal*, I, 286.

TRP, III, 134–136.

1074

Francis Bacon, *A Collection of Apophthegms. New and Old* (London, 1671), 225.

1075

TNA SP 12/249/68; SP 12/249/91.

Harrison, *Elizabethan Journal*, I, 286.

1077

TNA SP 12/247, l. 79.

Harington, *A Tract on the Succession to the Crown*, 43.

1079

Peter Wentworth, *A pithie exhortation to her Maiestie for establishing her successor to the crowne* (Edinburgh, 1598).

Harington, *Nugae Antiquae*, II, 248.

Clapham, *Elizabeth of England*, 86.

1082

S. P. Cerasano, M. Wynne-Davies, ‘From Myself, My Other Self I Turned’, цит. по: S. P. Cerasano, M. Wynne-Davies (comp.), *Gloriana’s Face: Women, Public and Private in the English Renaissance* (Hemel Hempstead, 1992), 1–24.

1083

См.: Strong, *Gloriana*, 147.

Harington, *Nugae Antiquae*, II, 140–141.

1085

См. N. Salomon, ‘Positioning Women in Visual Convention: the case of Elizabeth I’, цит. по: B. S. Travitsky, A. F. Seeff (сост.), *Attending to Women in Early Modern England* (London, 1994), 64–95; см. также: R. Strong, *The Cult of Elizabeth: Elizabethan Portraiture and Pageantry* (London, 1977).

1086

BL Add. MS 12506, l. 47, 73; BL Add. MS 12507, l. 131.

Graves, *Brief Memoir*, 14.

1088

BL Royal, Appendix 68.

1089

CP 37105, см.: *HMC Salisbury*, VII, 41–42.

1090

LPL MS 3198, l. 552.

1091

CP 37/105, цит. по: *HMC Salisbury*, VII, 41–42.

1092

На надгробии выбита дата по старому стилю. По новому стилю смерть Парри датируется 1590 г.

1093

BL Lansdowne MS 62, № 51, l. 123.

1094

BL Add. MS 70038/104/1r – 2r.

1095

BL Add. MS 70093; Завещание Бланш Парри, BL Lansdowne MS 62, № 51, l. 123.

1096

Надгробная надпись в Бактонской церкви. См.: C. A. Bradford, *Blanche Parry. Queen Elizabeth's Gentlewoman* (London, 1935).

Clapham, *Elizabeth of England*, 89.

1098

BLO Ashmole MS 1402, II, l. 4a.

1099

Rowland Vaughan, *Most Approved and Long Experienced Waterworkes* (1610); I. J. Atherton, *Ambition and failure in Stuart England: the career of John, first Viscount Scudamore* (Manchester, 1999), 28.

1100

TNA SP 12/181, № 77, l. 238.

1101

CKS, U 1475/L2/4, item 3, № 80.

1102

Lives of Lady Anne Clifford and of her Parents, ed. J. P. Gilson (London, 1916), 24–25.

1103

TNA SP 46/125, l. 236. См. также: Also BL Add. MS 27401, l. 21; BL Add. MS 12406, l. 41, 80; BL Lansdowne MS 128, l. 12; CP 21/33, см.: *HMC Salisbury*, IV, 199; CP 29/87, см.: *HMC Salisbury*, V, 53; CP 36/46, см.: *HMC Salisbury*, V, 481; CP 45/16, см.: *HMC Salisbury*, VI, 402; CP 58/108, см.: *HMC Salisbury*, IX, 21; CP 78/14, см.: *HMC Salisbury*, X, 86.

Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, III, 394.

1105

TNA SP 12/271, № 106, l. 171v.

1106

The Private Diary of Dr John Dee, ed. J. O. Halliwell (London, 1842), 7. Подробнее о Томазине см.: John Southworth, *Fools and Jesters at the English Court* (Stroud, 1998); см. также: Janet Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd*, 107–108, 146–147, 187, 214, 223.

1107

The Letters and Despatches of Richard Verstegan, ed. Petti, 57–60; BL, Lansdowne MS 72, l. 48.

1108

Письмо не датировано, но адресат, отец Персонс, расписался в получении в 1592 г.; цит. по: *Letters and Despatches of Richard Verstegan*, 97–98.

1109

См.: John Hungerford Pollen, *Acts of English Martyrs, Hitherto Unpublished* (London, 1891), 118–120.

1110

George Puttenham, *The Arte of English Poesie*, ed. G. D. Willcock, Alice Walker (Cambridge, 1936). См. также: Rosemary Kegl, ‘Those Terrible Approaches: Sexuality, Social Mobility and Resisting the Courtliness of Puttenham’s *The Arte of English Poesie*’, *English Literary Renaissance* 20 (1990), 179–208.

1111

Отчеты об этом явлении встречаются в дневнике французского посла; см.: Andre Hurault, Sieur de Maisse, *A Journal of All that was Accomplished by Monsieur de Maisse*, 25, 36–37. Описание королевы, сделанное в 1598 г. Полом Хентцнером, также намекает на обнаженную грудь, которая соотносится с девственностью: «Ее грудь была непокрыта, как у всех английских дам до замужества». См.: *Paul Hentzner's Travels in England*, 34.

1112

Edmund Spenser, *The Faerie Queene*, in *Spenser: Poetical Works*, ed. J. C. Smith, E. De Selincourt (Oxford, 1970).

1113

См.: Hannah Betts, ‘ “The Image of this Queene so quaynt”: The Pornographic Blazon 1588–1603’ // Julia M. Walker (comp.), *Dissing Elizabeth*, 161.

1114

Scillaes Metamorphosis // *The Complete Works of Thomas Lodge*, ed. Edmund W. Goose, in 4 vol. (1883, New York), I, 33.

1115

Shakespeare, *Venus and Adonis*. Цит. по: *The Riverside Shakespeare*, ed. G. Blakemore Evans (Boston, 1974). См. также: Katherine Duncan-Jones, 'Much Ado with Red and White: The Earliest Readers of Shakespeare's Venus and Adonis (1593)', *Review of English Studies*, n.s., 44.176 (1993), 479–504.

1116

Thomas Birch, *Memoirs of the Reign of Queen Elizabeth*, in 2 vol. (London, 1754), I, 150.

1117

См.: Paul E. J. Hammer, ‘An Elizabethan Spy Who Came in from the Cold: The Return of Anthony Stranden to England in 1593’, *BIHR* 65 (1992), 277–279; L. Strachey, *Elizabeth and Essex: A Tragic History* (London, 1928), 27.

1118

См.: Dominic Green, *The Double Life of Doctor Lopez. Spies, Shakespeare and the Plot to Poison Elizabeth I* (London, 2003).

1119

Godfrey Goodman, *The Court of King James the First,* ed. John S. Brewer, in 2 vol. (London, 1839), I, 152–153.

1120

TNA SP 12/239/142; SP 12/239/150; SP 12/240/4; SP 12/240/5.

CSP Foreign, 1591–1592, 322–323.

1122

Birch, *Memoirs of the Reign of Queen Elizabeth*, 152; TNA SP 12/247/103. См. также: BL Add. MS 48027, l. 147r – 184v.

1123

Harrison, *Elizabethan Journal*, 281.

CSP Dom, 1591–1594, 446.

1125

Harrison, *Elizabethan Journal*, I, 289.

1126

HMC Salisbury, IV, 512.

Edgar Samuel, ‘Dr Rodrigo Lopes’ last speech from the scaffold at Tyburn’, in *Jewish Historical Studies*, 30 (1987–1988), 51–53.

1128

[Anon] *A True Report of Sundry Horrible Conspiracies of Late Time Detected to Have (by Barbarous Murders) Taken Away the Life of the Queenes Most Excellent Maiestie Whom Almighty God Hath Miraculously Conserved Against the Treacheries of Her Rebelles, and the Violence of Her Most Puissant Enemies* (London, 1594).

1129

L. Hicks, ‘Father Robert Persons and the Book of Succession’, *Recusant History*, т. 4, № 3 (1957), 104.

1130

R. Doleman, *A Conference about the Next Succession to the Crown of England* (Amsterdam, 1593, репринт 1681, London), 183.

1131

См.: Susan Doran, ‘Three late-Elizabethan succession tracts’ // *The Struggle for the Succession in Late Elizabethan England: Politics, Polemics and Cultural Representations*, ed. Jean-Christophe Mayer (Montpellier, 2004), 93.

Doleman, *Conference about the Next Succession*, 196.

1133

Doran, ‘Three late-Elizabethan succession tracts’, 95; Peter Holmes, ‘The Authorship and Early Reception of A Conference About the Next Succession to the Crown of England’, *Historical Journal*, 23 (1980), 415–429.

Susan Doran, ‘Revenge her Foul and most Unnatural murder? The impact of Mary Stewart’s execution on Anglo-Scottish relations’, *History*, 85 (2000), 589–612.

1135

13 Eliz I, 1, цит. по: *Statutes* IV: 526–528.

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, I, 357.

1137

LPL, MS 651, l. 122r; *Letters and Despatches of Richard Verstegan*, 242.

1138

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, I, 362. См.: Roy Strong, *The Cult of Elizabeth,* 209; см. также: Alan Young, *Tudor and Jacobean Tournaments* (London, 1987), 204; Paul E. J. Hammer, 'Upstaging the Queen: The Earl of Essex, Francis Bacon and the Accession Day celebrations of 1595' // David Bevington, Peter Holbrook (comp.), *The Politics of the Stuart Court Masque* (Cambridge, 1998), 41–66; R. McCoy, *The Rites of Knighthood: the Literature and Politics of Elizabethan Chivalry* (California, 1989), ch. 1.

1139

CP 36/51, цит. по: *HMC Salisbury*, V, 484.

1140

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, I, 379; HMC De L'Isle and Dudley Papers II, 163.

Ibid., 201–202.

Ibid., 203–205.

Harrison, *Elizabethan Journal*, 70.

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, II, 17–19, 21.

1145

LPL, MS 660, l. 149r – v.

1146

Ibid., l. 281r, l. 151r.

1147

CP 55/45, цит. по: *HMC Salisbury*, VII, 391.

1148

CP 55/45.

1149

BL Add. MS 22925; TNA E 351/542, M59, l. 42r.

1150

Gossip from a muniment-room: being passages in the lives of Anne and Mary Fytton, 1574–1618 (London, 1897), ed. Lady Newdigate-Newdegate, 9–11.

Ibid., 34–35.

Ibid., 12–13.

Ibid., 13–15.

1154

Harington, *Nugae Antiquae*, II, 154.

Harington, *Letters and Epigrams*, 176.

L. Ariosto, *Orlando Furioso*, ed. G. Waldman (Oxford, 1974); Simon Cauchi, 'The "Setting Forth" of Harington's Ariosto', *Studies in Bibliography* 36 (1983), 137–168; Miranda Johnson-Haddad, 'Englishing Ariosto: Orlando Furioso at the Court of Elizabeth I', *Comparative Literature Studies*, 31 (1994), 323–350.

Harrison, *Elizabethan Journal*, I, 14–15; Richard Townsend, *Harington and Ariosto: A Study in Elizabethan Verse Translation* (New Haven, 1940).

1158

John Harington, *Orlando Furioso* in *English Heroical Verse* (London, 1591). Цит. по: *Nugae Antiquae*, x.

1159

John Harington, *A New Discourse of a Stale Subject, Called the Metamorphosis of Ajax* (1596), ed. Elizabeth Story Donno (London, 1962); Jonathan Kinghorn, ‘A Privvie in Perfection: Sir John Harington’s Water-Closet’, *Bath History*, 1 (1986), 173–188. См. также: Alan Stewart, ‘The Early Modern Closet Discovered’, *Representations*, 50 (1995), 76–100.

The Metamorphosis of Ajax, ed. Donno, 183.

Ibid., 186.

1162

John Harington, *The Letters and Epigrams of Sir John Harington Together with* The Prayse of Private Life, ed. Norman Egbert McClure (Philadelphia, 1930), 165.

Harington, *The Metamorphosis of Ajax*, 171.

Harington, *Nugae Antiquae*, I, 239–241.

1165

Ibid., II, 287.

Пс., 89: 12. (*Примеч. пер.)*

1167

Anthony Rudd, *A sermon preached at Richmond before Queene Elizabeth of Famous memorie, vpon the 28 of March, 1596* (London, 1603), 49–54.

Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, III, 8.

Rudd, *Sermon preached at Richmond*, 54, 56.

The Letters of John Chamberlain, ed. Norman Egbert McClure, in 2 vol. (Philadelphia, 1939), II, 470.

1171

John Harington, *A Briefe Viewe of the State of the Church of England* (London, 1653), 162.

1172

Ellis (comp.), *Original Letters*, II, 53.

Clapham, *Elizabeth of England*, 90.

1174

Edmund Bohun, *The Character of Queen Elizabeth* (London, 1693), 301–303.

1175

A journal of all that was accomplished by Monsieur de Maisse, 25–26.

Ibid., 25–26, 36–37.

Ibid., 36–37.

1178

Ibid.

Ibid., 25–26.

1180

Опись от июля 1600 г. BL Stowe MS 555/2; Arnold, *Queen Elizabeth's Wardobe Unlock'd*, 251–334.

1181

Harington, *Nugae Antiquae*, II, 215.

Arnold, *Queen Elizabeth's Wardobe Unlock'd*, 4–5.

1183

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, II, 155.

A journal of all that was accomplished by Monsieur de Maisse, 12.

Ibid., 82.

TRP, II, 240–241.

APC 1596–1597, 69. См.: Roy Strong, *Gloriana*, 20.

APC 1596–1597, 69.

Marie Axton, *The Queen's Two Bodies: Drama and the Elizabethan Succession* (London, 1977), 12.

Nanette Salomon, 'Positioning women in visual convention', 64–95; David Howarth, *Images of Rule: Art and Politics in the English Renaissance, 1485–1649* (Basingstoke, 1997), 101.

Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd*, 82, 85.

1192

Генри Уолпол, младший брат Ричарда Уолпола, был известным мучеником-иезуитом, которого казнили в Тайберне за то, что он незаконно проник в Англию и замышлял убийство Елизаветы.

1193

Francis Bacon, *A Letter Written out of England… containing a True Report of a Strange Conspiracy* (London, 1599); M[artin] A[rray], *The Discovery and Confutation of a Tragical Fiction* (Rome, 1599).

См.: Francis Edwards, ‘Sir Robert Cecil, Edward Squier and the Poisoned Pommel’ // *Recusant History*, 25.3 (2001), 377–414.

The Letters of John Chamberlain, I, 34.

1196

TNA SP 52/62/39; TNA SP 52/62/43; TNA SP 52/62/46.

1197

APC, 1598–1599, 506. См. также: Francis Edwards (ed. and tromsl.), *The Elizabethan Jesuits: Historia missionis Anglicanae Societatis Jesu (1660) of Henry More* (London, 1981), 279.

1198

TNA SP 12/83, 86, 89, 91; TNA KB/8/55; Francis Bacon, *A Letter Written out of England.* Произведение можно с уверенностью приписать Фрэнсису Бэкону; оно основано на собственных показаниях Сквайрса; с признанием Уолпола перекликается памфлет Мартина Эррея, в котором приводится точка зрения на дело иезуитов, *The Discovery and Confutation of a Tragical Fiction*, но Эррей, судя по всему, опирался лишь на показаниях Уолпола.

1199

TNA MS KB 8/55.

Liturgies and Occasional Forms of Prayer, 679–682.

1201

TNA SP 12/224/112; TNA SP 12/247/61; TNA SP 12/268/144–145. См. также: Edwards, ‘Sir Robert Cecil, Edward Squier’, 377–414.

1202

Граф-маршал – восьмая по значимости должность среди высших сановников, следует после лорд-констебля и предшествует лорд-адмиралу. (*Примеч. пер.*)

1203

См.: James Shapiro, *1599. A Year in the Life of William Shakespeare* (London, 2005). 57.

1204

Harrison, *Elizabethan Journal*, 287.

1205

Camden, *Annales*, 771–772.

Harrison, *Elizabethan Journal*, 132.

1207

TNA SP 12/268/18; Birch, *Memoirs of the reign of Queen Elizabeth*, II, 387.

1208

TNA SP 12/268/18.

1209

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, II, 166–167.

1210

The Letters of Philip Gawdy of West Harling, Norfolk and London: 1579–1616, ed. Isaac Herbert Jeayes (London, 1906), 137.

1211

HMC, De L'Isle, II, 265, 322.

Letters of Philip Gawdy, 137.

1213

Paul Hentzner's Travels in England, 33–34. См.: Louis Montrose, ' "Shaping Fantasies": Figurations of Gender and Power in Elizabethan culture', *Representations* I, № 2 (1983), 61–94.

Harrison (comp.), *Letters of Queen Elizabeth*, p. x.

1215

Devereux, *Lives and Letters*, II, 40–41.

1216

John Stow, Edmund Howes, *The Annales, or Generall Chronicle of England* (London, 1615), 788.

Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 110.

Thomas Platter's Travels in England, 192.

Ibid., p. x.

1220

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, II, 127.

Ibid., 196.

Ibid., 129.

1223

Ibid., 132.

Ibid., 151.

Ibid., 158–159.

1226

HMC Salisbury, VII, 167–168.

1227

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, II, 164.

Ibid., 172.

1229

Ibid., 174.

1230

Birch (comp.), *Memoirs of the Reign of Queen Elizabeth*, II, 218.

1231

TNA SP 12/50.

1232

CP 81/88, см.: *HMC Salisbury*, X, 330.

1233

Harington, *Nugae Antiquae*, I, 179.

1234

G. B. Harrison, *A Last Elizabethan Journal: Being a Record of Those Things Most Talked of During the Years 1599–1603* (London, 1933), 132; Birch, *Memoirs of the Reign of Queen Elizabeth*, II, 463.

1235

BL Cotton MS Julius F VI, l. 450r, 445r – 452r; TNA SP 12/278/73, l. 124r; M. James, ‘At a Crossroads of the Political Culture: The Essex Revolt, 1601’ // M. James, *Society, Politics and Culture: Studies in Early Modern England* (Cambridge, 1986), 416–465.

1236

TNA SP 12/278/72, l. 122r.

CSP Dom, 1598–1601, 351, 550; *APC*, 1600–1601, 147–148.

1238

TNA SP 12/278/97, l. 155r – 158v; A. Wall, ‘An Account of the Essex Revolt, February 1601’; *BIHR* 54 (1981), 131–133; P. E. J. Hammer, ‘The Smiling Crocodile: the Earl of Essex and Late Elizabethan Popularity’, см.: Peter Lake, Stephen Pincus (comp.), *The Politics of the Public Sphere in Early Modern England* (Manchester, 2007), 95–115; TNA SP 12/278/72; *CSP Dom*, 550.

1239

TNA SP 12/278/51.

Clapham, *Elizabeth of England*, 88.

1241

CP 83/64 // *HMC Salisbury*, XI, 59.

TRP, III, 230–232.

1243

LPL MS 604, l. 70v; Howell, *State Trials*, I, 1405–1406.

1244

TNA SP 12/278, № 61, l. 102; Howell, *State Trials*, I, 1403, 1407; LPL MS 604, l. 70v.

1245

TNA SP 12/278/61, l. 104r – 106v; Howell, *State Trials*, I, 1403–1415; LPL MS 604, l. 70v.

1246

TNA SP 12/278/101, l. 168r – v.

1247

CSP Dom, 1598–1601, 577. См.: Paul E. J. Hammer, ‘The Earl of Essex’s Apprehension, Arraignment and Execution, February 1601’, цит. по: Jayne Archer, Elizabeth Clarke, Elizabeth Goldring (comp.), *Court and Culture in the Reign of Queen Elizabeth I: A New Critical Edition of John Nichols’s ‘The Progresses of Queen Elizabeth I’*, in 4 vol. (London, 2008); Howell, *State Trials*, I, 1346.

1248

Francis Bacon, *A Declaration of the Practises & Treasons Attempted and Committed by Robert Late Earle of Essex and his Complices, against Her Majestie and Her Kingdoms and of The Proceedings as Well at the Arraignments & Convictions of the Said Late Earle, and His Adherents, as After: Together with the Very Confessions and Other Parts of the Evidences Themselves, Word for Word Taken out of the Originals* (London, 1601).

1249

A. Hunt, ‘Tuning the Pulpits: The Religious Context of the Essex Revolt’, см.: L. A. Ferrell, P. McCullough (comp.), *The English Sermon Revised: Religion, Literature and History, 1500–1700* (Manchester, 2000), 86–114; Peter McCullough, *Sermons at Court: Politics and Religion in Elizabethan and Jacobean Preaching* (Cambridge, 1997); M. James, ‘At a Crossroads of the Political Culture: The Essex Revolt 1601’ // James, *Society, Politics and Culture*, 416–465.

1250

TNA SP 12/278/104, l. 207r, ‘An abstract out of the Erle of Essex confession’.

1251

BLO Tanner MS 114, l. 139, цит. по: Goodman, *Court of King James I*, 18–19.

1252

TNA SP 12/278/104, l. 207r. «Признание» графа было напечатано в Декларации Бэкона, официальном отчете о мятеже.

1253

W. Barlow, *A Sermon Preached at Paules Crosse, on the First Sunday in Lent… 1600 with a Short Discourse of the Late Earle of Essex His Confession and Penitence, Before and At the Time of His Death* (1601), fig. B5v. О черновиках проповеди, написанных Сесилом после мятежа Эссекса, см.: *CSP Dom*, 1598–1601, 598–599.

Barlow, *A Sermon Preached at Paules Crosse*, fig. E1.

1255

TNA SP 12/278/63; Barlow, *A Sermon Preached at Paules Crosse*; Francis Bacon, *A Declaration of the Practises & Treasons Attempted and Committed by Robert Late Earle of Essex*.

TRP, III, 233–234.

Von Raumer, *Contributions*, 451–452.

1258

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, II, 84, 87; I, 206.

1259

HMC De L'Isle; см. также: Dudley Papers, 472; Collins (comp.), *Letters and Memorials of State,* II, 84, 87; I, 236.

1260

CP 58/108, цит. по: *HMC Salisbury*, IX, 21.

1261

McClure (comp.), *Letters and Epigrams*, 90.

Harington, *Nugae Antiquae*, 315.

1263

TNA SP 12/278, l. 151; TNA SP 12/278, l. 246; см. также: Harington, *Letters and Epigrams*, 389.

J. E. Neale, *Elizabeth I and her Parliaments, 1584–1601* (London, 1957), 375; Chamberlain, *Private Character of Queen Elizabeth*, 73; David Dalrymple (comp.), *The Secret Correspondence of Sir Robert Cecil with James VI, King of Scotland* (Edinburgh, 1766), 26.

1265

The Journal of Sir Roger Wilbraham for the years 1593–1616, ed. Harold Spencer Scott (London, 1902), X, p. 45.

1266

СР 88/89, цит. по: *HMC Salisbury*, XI, 405; Helen Hackett, *Virgin Mother, Maiden Queen: Elizabeth I and the Cult of the Virgin Mary* (London, 1995), 211–213.

1267

CP 88/89.

1268

The Journal of Sir Roger Wilbraham, 45; BL Cotton MS Titus C VI, l. 410–411.

1269

CSP Dom, 1580–1625, *Addenda*, 407.

Godfrey Goodman, *The Court of King James the First*, I, 97.

1271

Collins (comp.), *Letters and Memorials of State*, II, 362.

1272

John Bruce, *Correspondence of King James VI of Scotland* (London, 1861), 13.

The Secret correspondence of Sir Robert Cecil with James VI, 62; Joel Hurstfield, 'The Succession Struggle in late Elizabethan England' // S. T. Bindoff, Joel Hurtsfield, C. H. Williams, *Elizabethan Government and Society* (Cambridge, 1961), 369–396.

CP 169102; *CSP Dom*, 1601–1602, 37.

См.: David Durant, *Arbella Stuart: a rival to the Queen* (London, 1978).

1276

Thomas Wilson, *The State of England Anno Dom. 1600*, ed. E. J. Fisher (London, 1936), 5.

1277

John Manningham, *The Diary of John Manningham of the Middle Temple 1602–1603* (Hanover, New Hampshire, 1976), 194.

1278

H. Foley, *Records of the English Province of the Society of Jesus*, in 7 vol. (London, 1875–1883) I, 24.

1279

H. Foley, *Records of the English Province*, I, 21–22.

1280

Ibid.

1281

Ibid., 21.

1282

Ibid., 24.

Raumer, *Contributions*, 451.

1284

См.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 578.

CSP Dom, 1601–1602, 232.

1286

H. Foley, *Records of the English Province*, I, 47, 50. Предполагается, что осведомителем Риверсом был Уильям Стеррел, секретарь графа Вустера, который, следовательно, находился в центре елизаветинского двора.

1287

Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, III, 577; *The Letters of John Chamberlain*, I, 115, 139. Raumer, *Contributions*, 450. См. также: TNA Baschet MS, Bundle 33, 260.

1288

De Maisse, *A Journal of All that was Accomplished by Monsieur de Maisse*, 95.

1289

Цит. по: Strickland, *Elizabeth*, IV, 762.

1290

‘Diary of the Journey of the Duke of Stettin-Pomerania’, 1–67.

1291

Lodge (comp.), *Illustrations of British History*, II, 577.

1292

Manningham's diary, 150; H. Foley, *Records of the English Province*, I, 52.

1293

H. Foley, *Records of the English Province*, I, 52.

Harington, *A Tract on the Succession to the Crown*.

1295

Harington, *Nugae Antiquae*, II, 76.

Ibid., 77–79.

Ibid., I, 322–323.

1298

Ibid., I, 321.

1299

Ibid., I, 320–324.

Harington, *A Tract on the Succession to the Crown*, 51.

1301

Ibid.

1302

См.: *The Letters of John Chamberlain*, 179–180.

1303

Ibid., 188.

The Letters of John Chamberlain, 182.

1305

HMC Salisbury, XII, 670.

Raumer, *Contributions*, 454.

1307

The Diary of Lady Anne Clifford, ed. Vita Sackville West (London, 1923), 3; *CSP Ven*, 1592–1603, 529, 531–532.

CSP Ven, 1592–1603, 531–532.

1309

Ibid., 532.

Ibid., 533; Katherine Duncan-Jones, ‘ “Almost Always Smiling”: Elizabeth’s last two years’, см.: *Resurrecting Elizabeth I in Seventeenth Century England*, ed. Elizabeth H. Hageman и Katherine Conway (Madison and Teaneck, 2007), 31–47.

1311

CSP Ven, 1592–1603, 533.

1312

Ibid., 529.

1313

CP 92/80.

1314

William Camden, *Annales*, 26.

1315

The Letters of Philip Gawdy, 126.

Raumer, *Contributions*, 455.

1317

CP 92/18, цит. по: *HMC Salisbury*, XII, 667.

1318

CP 183/148, цит. по: *HMC Salisbury*, XII, 668.

1319

CSP Dom, 1601–1603, 301.

1320

Ibid., 298.

1321

Raumer, *Contributions*, 456.

CSP Dom, 1601–1603, 298.

1323

John Clapham, *Elizabeth of England*, 96.

The Letters of Lady Arbella Stuart, ed. Sara Jayne Steen (Oxford, 1994), 158–175.

CSP Ven, 1592–1603, 554.

CSP Foreign, 1601–1603, 302.

1327

HMC Rutland, 387.

Wright, *Queen Elizabeth and her Times*, II, 494.

CSP Ven, 1592–1603, 563.

Raumer, *Contributions*, 456–457.

CSP Dom, 1601–1603, 302.

1332

Ibid.

1333

Birch, *Memoirs of the Reign of Queen Elizabeth*, II, 507.

1334

‘The Death of Queene Elizabeth’, см.: BL Cotton MS Titus C vii 57, l. 1.

1335

Raumer, *Contributions*, 457.

1336

John Stow, *A Summarie of the Chronicles of England* (London, 1604), 439.

1337

CP 92/22.

1338

HMC Rutland, 388.

1339

Ibid.

Bruce, *Correspondence of King James VI of Scotland* (London, 1861), 73; Clapham, *Elizabeth of England*, 104.

CSP Ven, 1592–1603, 558.

1342

CSP Ven, 1601–1603, 7.

1343

The Memoirs of Robert Carey, ed. F. H. Mares (Oxford, 1972), 58.

1344

Ibid.

1345

Ibid.

Clapham, *Elizabeth of England*, 99–100.

CSP Dom, 1601–1603, 303.

1348

William Weston, *The Autobiography of an Elizabethan*, ed. md transl Philip Caraman (London, 1955), 222.

1349

Clapham, *Elizabeth of England*, 99.

1350

The Diary of John Manningham, 205.

The Letters of John Chamberlain, 189; Raumer, *Contributions*, 458.

1352

The Memoirs of Robert Carey, 59.

1353

Ibid.

Raumer, *Contributions*, 457–458.

1355

Elizabeth Southwell, ‘A True Relation…’ Stonyhurst Manuscript Ang, iii, Archivum Britannicum Societatis Iesu (London, 1607), цит. по: Catherine Loomis, ‘Elizabeth Southwell’s Manuscript Account of the death of Queen Elizabeth’, *English Literary Renaissance* 26.3 (1996), 485.

Ibid., 482–509.

Clapham, *Elizabeth of England*, 96.

1358

The Diary of John Manningham, 207.

1359

Там же; *The Memoirs of Robert Carey*, 59–60.

1360

The Memoirs of Robert Carey, 99; во всех английских отчетах подробно отражена сцена, в которой Елизавета на словах или жестом назвала своим преемником Якова, в то время как в сообщениях послов содержатся противоречивые версии, в некоторых утверждается, что Елизавета так и не назвала наследника. BL Cotton MS Titus C vii 57, запись о смерти Елизаветы. В отчете де Бомона говорится, что она положила руку на лоб: Birch, *Memoirs of Reign of Elizabeth*, II, 508.

1361

The Memoirs of Robert Carey, 60.

1362

Ibid., 59–61.

1363

The Diary of John Manningham, 208.

1364

James F. Larkin, Paul L. Hughes (comp.), *Stuart Royal Proclamations*, in 2 vol. (Oxford, 1973), I, 1–2; Nichols (comp.), *The Progresses, Processions and Magnificent Festivities of King James the First*, in 4 vol. (London, 1828), I, 25–31.

1365

Robert Carey, *The True Narration of the Entertainment of his Royall Majestie…* (London, 1603), 61.

1366

The Memoirs of Robert Carey, 9.

1367

The Diary of John Manningham, 208–209.

Clapham, *Elizabeth of England*, 99.

1369

James V. Ricci, *The Genealogy of Gynaecology* (Philadelphia, 1950), 230.

1370

Ben Jonson, ‘Conversations with William Drummond of Hawthornden’, см.: *The Complete Poems*, comp. George Parfitt (London, 1975), 459–480 (особ. 470). Слухи о девственной плеве Елизаветы докладывались королеве Марией Стюарт. См.: Murdin, *Burghley’s State Papers*, 558–560.

Harington, *A Tract on the Succession to the Crown*, 39–41.

1372

Ibid.

1373

CSP Ven, 1603–1607, 3.

Clapham, *Elizabeth of England*, 190.

1375

TNA E351/3145, l. 22ff, 25; TNA LC 2/4/4/2r.

1376

TNA E531/3145, l. 25.

1377

The Diary of John Manningham, 223.

Catherine Loomis, ‘Elizabeth Southwell’s Manuscript Account’, 485; K. A. Cregan, ‘Early modern anatomy and the Queen’s body natural: The sovereign subject’ // *Body & Society* 13.2 (2007), 47–66; K. A. Cregan, *The Theatre of the Body. Staging Death and Embodying Life in Early Modern England* (Turnhort, Belgium, 2009).

1379

Возможно, тело Елизаветы вскрывали, однако об этом не упоминается ни в одном из других источников, так как члены Тайного совета хотели, чтобы все выглядело так, будто они повиновались ее приказам.

Clapham, *Elizabeth of England*, 110.

1381

Ibid., 111; TNA E351/3145, l. 22ff, 25; TNA LC 2/4/4/2r.

1382

The Diary of Lady Anne Clifford, 4.

1383

Catherine Loomis, ‘Elizabeth Southwell’s Manuscript Account’, 485.

1384

Сходный рассказ о взорвавшемся гробе с телом Генриха VIII ходил в кругах враждебно настроенных очевидцев после смерти короля. (*Примеч. авт.*)

1385

Robert Persons, *The Judgment of a Catholicke English-man, Living in Banishment for His Religion* (St Omer, 1608).

1386

Ibid., 26–43.

1387

Ibid., 31–32.

1388

Robert Persons, *A Discussion of the Answere of M. William Barlow* (St Omer, 1612), 220–228.

1389

Nigel Llewellyn, ‘The Royal Body: Monuments to the Dead, For the Living’, см.: *Renaissance Bodies*, Gent, Llewellyn (comp.), 218–240. См.: R. E. Giesey, *The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France* (Geneva, 1960), 19, 145.

1390

CSP Ven, 1603–1607, 22. См.: W. St J. Hope, ‘On the Funeral Effigies of the Kings and Queens of England’ // *Archaeologist*, LX (1907), 517–570. Джону Колту заплатили 10 фунтов «за образ, представляющий ее покойное величество с разнообразными другими вещами… парой ящиков, множеством металлических частей и других частей, парой перегородок, кружевами… а равно и сундук для вместилища оного» (TNA LC2/4 (4), l. 20). Уолтеру Рипину заплатили 15 фунтов «за одну новую колесницу с колесами, каретой, ящиками, обручами и одну новую Колыбель для оного, в которой везли Тело и статую» (LC2/4(4), l. 11). Судя по всему, алым бархатным платьем, указанным в списке похоронных расходов, накрывали деревянную статую до того, как ее облачили в королевскую мантию: «Уплачено указанному Уильяму Джонсу, портному ее величества, за пошив оговоренной бархатной мантии алого цвета для представления ее величества…» (Ibid., l. 11v). См. также: Anthony Harvey and Richard Mortimer, *The Funeral Effigies of Westminster Abbey* (Woodbridge, 1994).

1391

CSP Ven, 1603–1607, 3.

1392

Jennifer Woodward, *The Theatre of Death: The Ritual Management of Royal Funerals in Renaissance England, 1570–1625* (Woodbridge, 1997), 129.

1393

W. Rye, *England as seen by Foreigners* (London, 1865), 164; Clare Gittings, *Death, Burial and the Individual in Early Modern England* (London, 1984), 223. Для статуи Елизаветы сшили алое атласное платье на подкладке из белой фланели, с жезлами и чепцом из золотой ткани; в то же время 6 фунтов 13 шиллингов 4 пенса было потрачено «на скипетр и державу, позолоченные, с золотой резьбой, и корону, украшенную камнями».

См.: D. R. Woolf, ‘Two Elizabeths? James I and the Late Queen’s Famous Memory’, *Canadian Journal of History*, 20 (1985), 167–191.

1395

Stow, *The Annales*, 813.

1396

Clapham, *Elizabeth of England*, 110; *CSP Dom*, 1603–1616, 9.

CSP Ven, 1603–1607, 23.

1398

TNA LC 5/37; TNA LC 2/4/4, l. 19.

1399

Clapham, *Elizabeth of England*, 144.

1400

Ibid., 111; о похоронах см.: TNA LC 2/4/4; E 351/3145; BL Add. MS 35324, l. 26–39; BL Cotton MS Faustina E I, цит. по Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, III, 620–626.

1401

Ibid.

1402

Henry Cheetle, *Englands Mourning Garment* (London, 1603), fig. F2r.

1403

Ibid., fig. F2r.

1404

Stow, *The Annales*, 815.

1405

Thomas Dekker, *The Wonderful Year*, 1603, ed. George B. Harrison (New York, 1924).

Clapham, *Elizabeth of England*, 114–115.

1407

The Letters of Philip Gawdy, 128.

CSP Ven, 1603–1607, 41.

1409

Ibid., 22, 24, 41; Henry Cheetle, *The Order and Proceedings at the Funeral of Elizabeth* (1603).

CSP Ven, 1601–1603, 41.

1411

Thomas Millington, *The True Narration of the Entertainment of his Majesty from his departure from Edinburgh till his receiving at London*, см.: *Stuart Tracts 1603–1693*, ed. C. H. Frith (New York, 1964), 15.

1412

Запись в конторской книге аббатства за 1606 г. гласит: «За извлечение тела королевы Елизаветы… 46 шиллингов 4 пенса», Westminster Abbey archives.

1413

Письмо Якова датировано 20 сентября 1613 г. и адресовано декану собора в Питерборо, BLO, Ashmole MS 836, l. 277.

1414

См.: Julia M. Walker, *The Elizabeth Icon, 1603–2003* (*New York,* 2004).

1415

См.: Richard Burt, ‘Doing the Queen: Gender, Sexuality and Censorship of Elizabeth I’s Royal Image from Renaissance Portraiture to Twentieth-Century Mass Media’ // Andrew Hadfield (comp.), *Literature and Censorship in Renaissance England* (London, 2001), 207.

1416

Julia M. Walker, ‘Reading the Tombs of Elizabeth I’, *English Literary Renaissance*, 26:3 (1996), 510–530; ‘Bones of Contention: Posthumous Images of Elizabeth and Stuart Politics’, см.: Julia M. Walker (comp.), *Dissing Elizabeth*.

1417

Thomas Newton, *Atropoion Delion* (London, 1603), fig. A3r.

1418

Ibid., fig. B4v.

Purit-Anus (1609).

1420

Francis Osbourne, *Traditional Memoirs on the Reign of Queen Elizabeth and King James* (London, 1658).

1421

The Secret History of the Most Renowned Queen Elizabeth and the Earl of Essex (London, 1680).

1422

John Banks, *The Unhappy Favourite*, ed. Thomas Marshall Howe Blair (New York, 1939).

1423

Fraser's Magazine for Town and Country, 48 (1853), 376.

1424

Charles Kingsley, ‘Sir Walter Raleigh and His Time’ // *Plays and Puritans and Other Historical Essays* (London, 1873), 123.

1425

John Neale, *Queen Elizabeth I* (London, 1934).

1426

W. C. Sellar, R. J. Yeatman, *1066 and All That* (London, 1930), 59.

См., напр.: S. Cunliffe-Owen, *The Phoenix and the Dove* (London, 1930).

1428

Lytton Strachey, *Elizabeth and Essex: A Tragic History* (London, 1928).

1429

Philip Reed (comp.), *Letters from a Life: The Selected Letters of Benjamin Britton, volume four, 1952–1957* (Woodbridge, 2008), 150.

1430

Jean Plaidy, *Queen of this Realm: The Story of Elizabeth I* (London, 1983); Philippa Gregory, *The Virgin's Lover* (London, 2010).